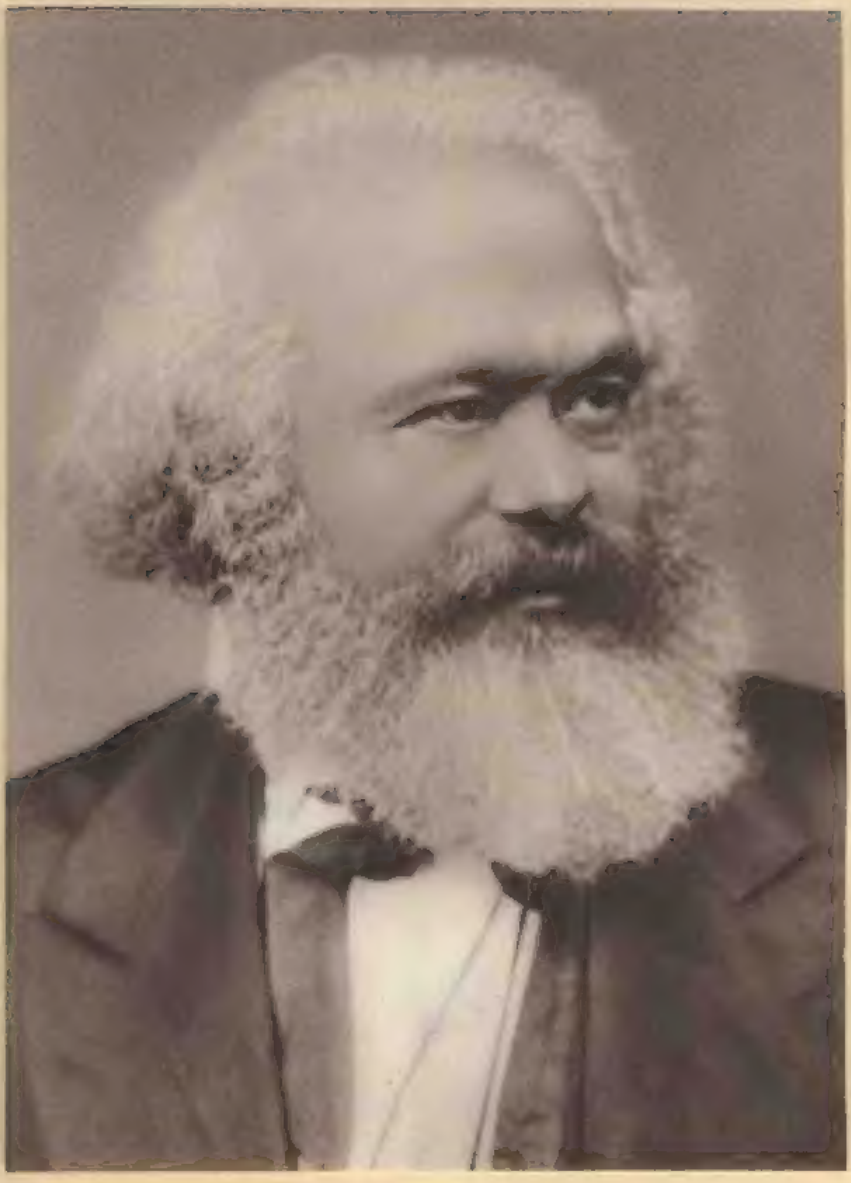
ИСТОРИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В СССР

ИСТОРИЯ
ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ
В СССР.



Karl Marx.

F. Engels

1917—1922

ИСТОРИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В СССР.

★

ПОД РЕДАКЦИЕЙ:

М. ГОРЬКОГО

В. МОЛОТОВА

К. ВОРОШИЛОВА

С. КИРОВА

А. ЖДАНОВА

А. БУБНОВА

Я. ГАМАРНИКА

И. СТАЛИНА

★

ОГИЗ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО «ИСТОРИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ».

МОСКВА

ИСТОРИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В СССР.

ТОМ ПЕРВЫЙ.

ПОДГОТОВКА ВЕЛИКОЙ ПРОЛЕТАРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

(ОТ НАЧАЛА ВОЙНЫ ДО НАЧАЛА ОКТЯБРЯ 1917 Г.)

СОСТАВИТЕЛИ ТОМА:

Я. Л. БЕРМАН, В. А. БЫСТРЯНСКИЙ, М. ГОРЬКИЙ, С. М. ДИМАНШТЕЙН, Я. Г. ДОЛЕЦКИЙ, Л. Н. КРИЦМАН, П. В. КРЫЛЕНКО, М. Н. КУБАНИН, Д. З. МАНУИЛЬСКИЙ, Н. Н. МИНЦ, В. П. МИЛЮТИН, О. А. ПЯТНИЦКИЙ, К. Б. РАДЕК, Ф. Ф. РАСКОЛЬНИКОВ, А. И. СТЕЦКИЙ, Б. М. ТАЛЬ, И. П. ТОВСТУХА, А. И. УГАРОВ и Р. П. ЭЙДЕМАН.

★

ОГИЗ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО «ИСТОРИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ»

1935

ПОДГОТОВКА ВЕЛИКОЙ ПРОЛЕТАРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ПРЕВРАЩЕНИЕ СОВРЕМЕННОЙ ИМПЕРИАЛИСТСКОЙ ВОЙНЫ В ГРАЖДАНСКУЮ ВОЙНУ ЕСТЬ ЕДИНСТВЕННО ПРАВИЛЬНЫЙ ПРОЛЕТАРСКИЙ ЛОЗУНГ.

ЛЕНИН.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

КАНУН БУРЖУАЗНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

1.

ВОЙНА.

Двадцатого июля 1914 года царь Николай II опубликовал манифест о войне. Задыхаясь в пыли проселков, шагая мимо неубранных полей, полки русской армии спешили к германской границе. Мобилизация еще не кончилась. Пушки в беспорядке стояли на площадях у арсеналов. Не на чем было подвозить артиллерию. В деревнях и станицах в самый разгар жатвы молодежь прямо с работы гнали на призывные пункты. Но царь был связан договорами с Францией. От парижских банкиров он получил миллиардные займы.

По военным соглашениям Николай должен был двинуть свои армии в наступление против Германии на четырнадцатый день после объявления войны.

На Западе германские корпуса неудержимо катились через Бельгию, стремительно приближаясь к Парижу. Оттуда в Петроград неслись панические требования — скорее выступить против Германии.

Тридцатого июля русский военный агент в Париже срочно доносил в Ставку:

«Французские армии перейти в наступление в ближайшем уже едва ли смогут. Я ожидаю в самом лучшем случае медленного отступления... Весь успех войны зависит всецело от наших действий в ближайшие недели и от переброски на русский фронт германских корпусов»[1].

Подготовка к мировой войне. Июль 1914 года в Петербурге. Приезд в Россию президента французской республики Пуанкаре.

Напрасно генерал Жилинский, главнокомандующий Северо-западного фронта, считал наступление в Восточную Пруссию заранее обреченным на верную неудачу, напрасно начальник штаба генерал Янушкевич отговаривал от немедленной атаки — из Парижа торопили. Французский посол Морис Палеолог обивал пороги министерства, добиваясь перехода русских армий в наступление. И 31 июля главнокомандующий великий князь Николай Николаевич, дядя царя, по прозвищу «большой Николай», сообщал Палеологу, что виленская и варшавская армии начнут наступление «завтра утром, на рассвете»[1].

Неподготовленные русские армии вторглись в Германию.

Кайзер Вильгельм, не ожидавший такой быстроты от русских генералов, вынужден был замедлить поход на Париж. Германское главное командование перебросило на Восточный фронт гвардейский резервный корпус и XI стрелковый корпус со 2-й кавалерийской дивизией. Еще до прихода этих подкреплений немецкие полки перешли в наступление и опрокинули русских. Пять дивизий, переброшенных с Западного фронта, приняли позже участие в окончательном разгроме русской армии в Восточной Пруссии. Царская армия потеряла 20 тысяч убитыми и 90 тысяч пленными, лишилась всей артиллерии. Два корпуса — XIII и XVI — были окружены и полностью попали в руки немцев. Однако Париж был спасен. Еще до исхода боя в Восточной Пруссии Палеолог записал в своем дневнике 29 августа:

«Сражение... продолжается с ожесточением. Каков бы ни был окончательный результат, достаточно уже того, что борьба продолжается, чтобы английские и французские войска имели время переформироваться в тылу и продвинуться вперед»[2].

«Окончательным результатом» была гибель русских армий, но царь выполнил свой договор: за французское золото он расплатился кровью и жизнью трудящихся. В день разгрома русских войск — 30 августа — министр иностранных дел Сазонов говорил Палеологу:

«Армия Самсонова уничтожена... Мы должны были принести эту жертву Франции»[3].

В войне 1914 года русский царизм выступил в качестве наемника англо-французского

капитала. Россия фактически являлась полуколонией западноевропейских стран. Даже идейный вождь российской империалистской буржуазии, кадет Милюков, признал впоследствии, что Россия в войне с Германией была орудием англо-французских капиталистов. К десятилетию войны Милюков писал в эмигрантском листке:

«Я не ожидал тогда, что, так и не собравшись с силами, Россия пошлет миллионы своих сынов в окопы за чужое дело»[1].

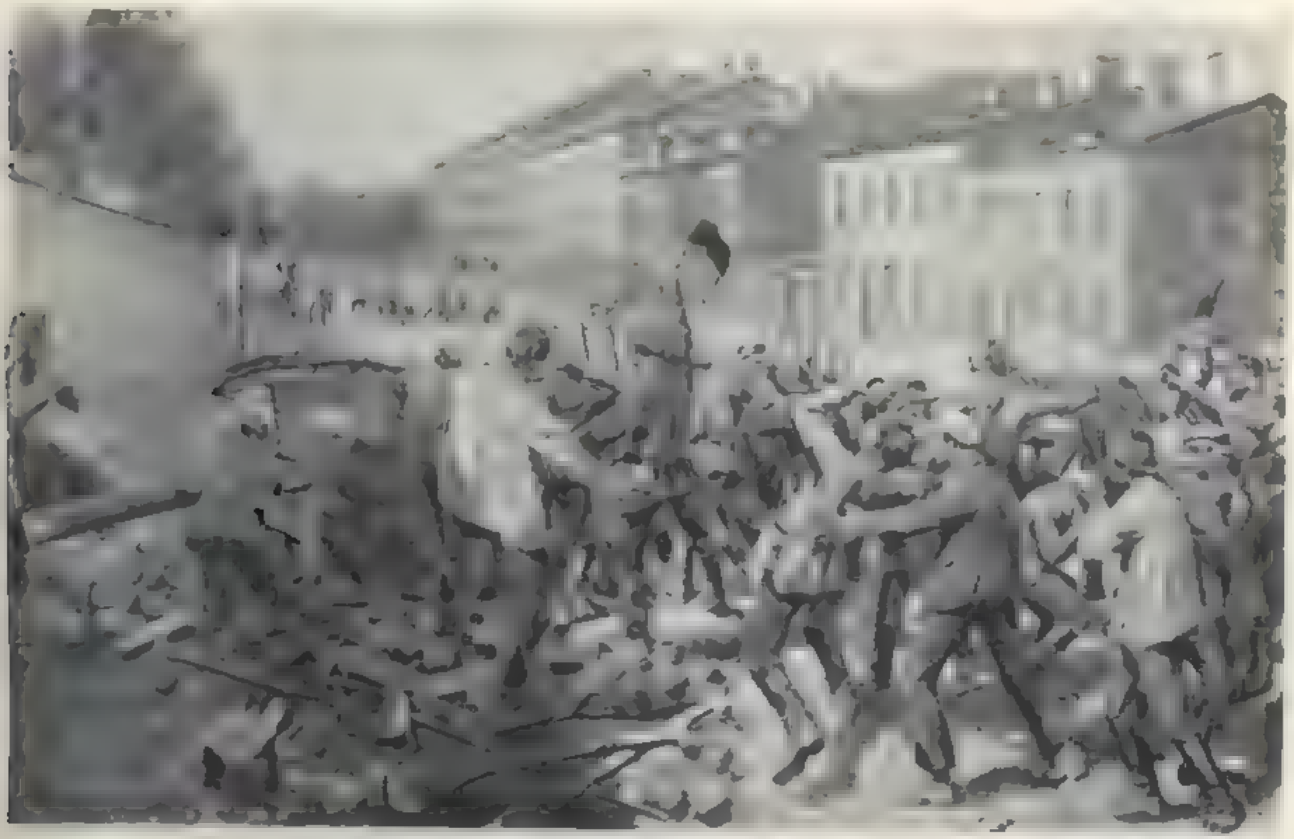
Самодержавие и стоявшие за его спиной буржуазия и помещики тем более охотно шли на поводу у иностранного капитала, что в тылу у них быстро нарастало революционное движение. Ленские события 1912 года и их мощный отзвук по всей стране были грозными предвестниками революционной бури. Стачки в Баку накануне войны и петербургские забастовки 1914 года, когда на улицах вновь появились баррикады, были уже началом самой бури. Призрак революции 1905 года глянул в лицо царизма с баррикад, пересекавших улицы городов. Многие из царских сановников с ужасом пророчили, что грядущая революция пойдет несравненно дальше 1905 года. Бывший министр внутренних дел П. Н. Дурново писал Николаю II перед самым началом войны:

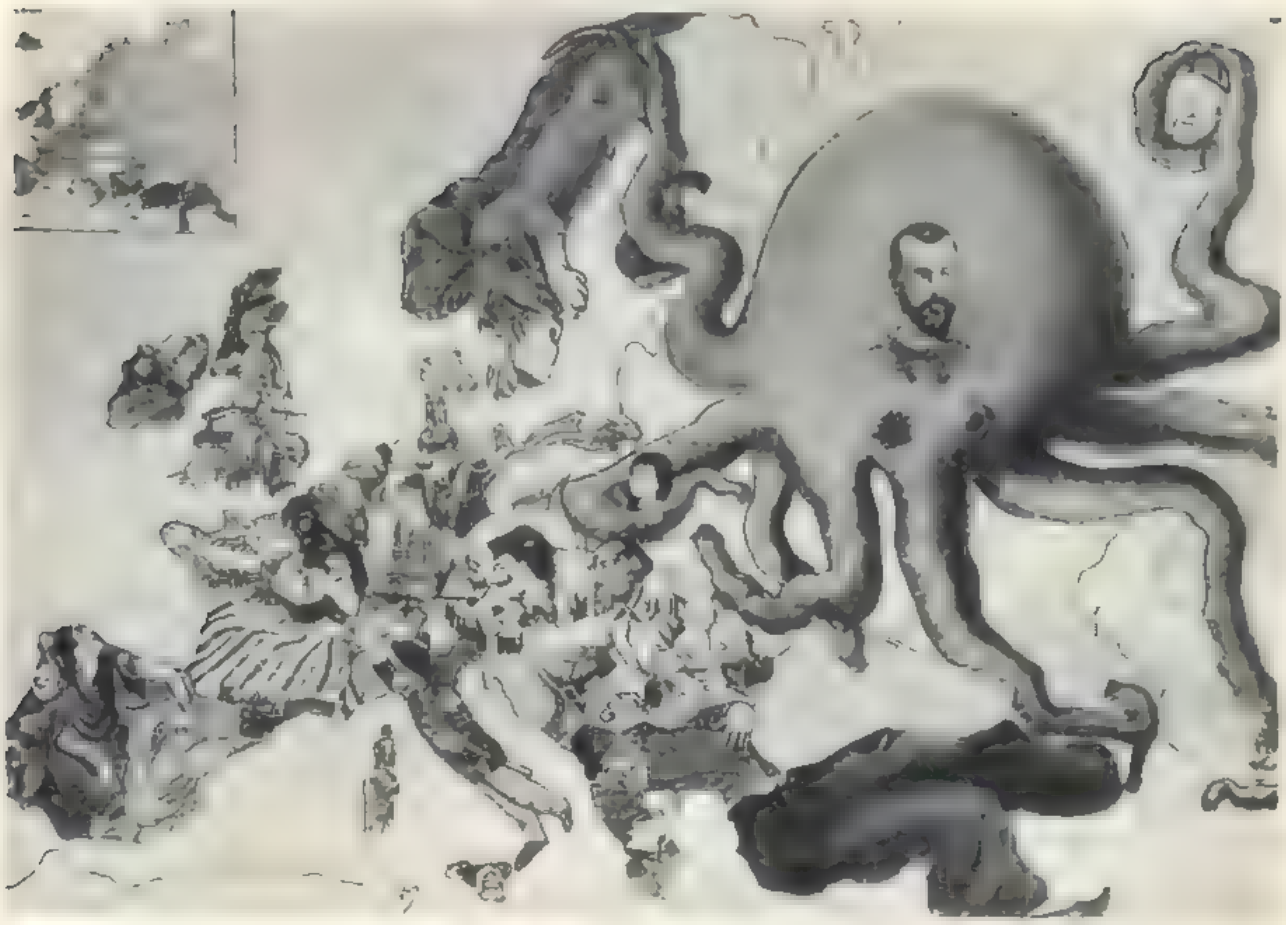
«Политическая революция в России невозможна, и всякое революционное движение неизбежно выродится в социалистическое»[2].

Посылая свой народ умирать «за чужое дело», самодержавие надеялось обескровить его, задержать рост революционной энергии.

Было бы, однако, неправильно думать, что командующие классы России ввязались в мировую бойню только в угоду англо-французскому капиталу, что русская буржуазия не преследовала своих империалистских целей. Участие в войне целиком отвечало интересам господствующих классов царской России. Та стадия капитализма, которая носит название империализма, сложилась в России еще до войны: монополистский капитализм уже играл в экономике России ведущую роль. Но, руководя страной экономически, буржуазия не управляла страной политически: управляло

Июль 1914 года в Петербурге. Революционные баррикады на Выборгской стороне. *С картины П. Владимирова*





Европа и величайшая в мире монархия — Россия. *Сатира В. Росса.*

самодержавие — представитель помещиков-крепостников.

Буржуазия не очень спешила разрешить это противоречие между своей экономической мощью и политическим бессилием. Не в ее интересах была решительная борьба с самодержавием. За спиной буржуазии стоял уже оформившийся как класс пролетариат. Обогащенный опытом революции 1905 года, пролетариат шел к новой борьбе под руководством ленинской партии большевиков. Взять власть в свои руки, отстранив самодержавие, для русской буржуазии означало остаться с глазу на глаз с рабочим классом. 1905 год уже показал, чем может окончиться такое единоборство. Самодержавие с его военно-полицейским аппаратом служило надежным прикрытием для буржуазии от нападений пролетариата. Как писал Ленин,

«слишком нужен им царизм с его полицейски-бюрократическими и военными силами против пролетариата и крестьянства, чтобы могли они стремиться к уничтожению царизма» [1].

Мало того, русский капитализм начал слагаться в период, когда капитализм на Западе уже давно расцвел и успел захватить все лучшие места под солнцем. Молодой хищник не мог конкурировать с такими матерыми разбойниками, как империалисты Англии и Германии. Чтобы протиснуться к выгодным рынкам, нужно было иметь крепкие локти и увесистые кулаки. Самодержавие как раз располагало этими кулаками, расчищая буржуазии своими армиями дорогу к новым рынкам. Империалисты России протягивали руки к Галиции. Русские капиталисты стремились подчинить себе страны Ближнего Востока, им нужен был Константинополь. Журнал русских империалистов «Промышленность и торговля» писал в декабре 1912 года о ближневосточных проливах, что «торговая свобода» последних необходима с точки зрения международного товарообмена.

«Страна не может жить под постоянным страхом, как бы «ключ от входной двери» в наше жилище, выпав из слабых турецких рук, не очутился в чужих сильных руках, которые будут вольны по своей прихоти казнить нас или миловать» [1].

Борьба за новые рынки и новые колонии, за «ключ от двери» объединяла самодержавие и буржуазию. Став твердой ногой в проливах, русский империализм мог держать в руках придунайские страны — Болгарию, Румынию. Характеризуя цель борьбы между Россией и Германией, Ленин говорил:

«Задача империалистской политики России... может быть кратко выражена так: при помощи Англии и Франции разбить Германию в Европе, чтобы ограбить Австрию (отнять Галицию) и Турцию (отнять Армению и особенно Константинополь)» [2].

Манифест царя о войне буржуазия встретила с восторгом. Ко дворцу направлялись патриотические шествия. Буржуазные организации засыпали «престол» верноподданническими телеграммами. Газеты трезвонили о «единении царя с народом». Студенты, упав на колени, пели «Боже, царя храни».

Тридцатого июля в Москве было положено начало организации Всероссийского союза земств, неделей позже был создан Всероссийский союз городов — оба с целью помочь самодержавию в победе над Германией.

Царизм начал войну под колокольный звон и торжественный гул приветствий помещиков и буржуазии.

Однако ход войны вскоре омрачил восторженное настроение. Пока главные силы Германии были отвлечены военными операциями на Западе, русские армии поправили было свои первые неудачи в Восточной Пруссии. 21 августа 1914 года в Галиции удалось захватить город Львов, а 9 марта 1915 года — крупнейшую неприятельскую крепость Перемышль. Русские войска добрались до Карпат, в Закавказье отбросили до Эрзерума турок, воевавших на стороне Германии. Но торжество победы оказалось кратковременным. Прогнивший насквозь продажный аппарат военного ведомства не подготовил снарядов. Неповоротливые генералы не успевали подвозить артиллерию и резервы. Германские и австрийские войска быстро вернули потерянные области. 25 апреля 1915 года немцы взяли Либаву, угрожая Риге. Австрийцы отбили 20 мая Перемышль, а 9 июля русские оставили Львов. В течение июля немцами были захвачены все русские крепости в Польше, 23-го пала Варшава. Потеряв Польшу, русские войска очистили и Литву.

В Петербурге в дни объявления империалистской войны. Манифестация буржуазии на Дворцовой площади.

Так проходила мобилизация в царской России.

К разгрому на фронте прибавилась разруха в тылу.

Патриотический подъем буржуазии сменился «патриотической тревогой» [1], как выразился Милюков на заседании Государственной думы 19 июля 1915 года. Поражение на фронте нарушило «единение царя» с капиталистами.

Империалистская война резко изменила и соотношение сил между господствующими классами. Награбленные военные барыши усилили в стране экономическую мощь и значение буржуазии. По подсчетам официального «Вестника финансов» только по 142 наиболее важным текстильным предприятиям прибыль капиталистов возросла с 60 миллионов в 1913 году до 174 миллионов в 1915 году. Льняная промышленность получила в 1915 году втрое больше прибыли, чем до войны [2]. А налоги на капиталистов по сведениям того же «Вестника финансов» составляли все более низко падающий процент в отношении к валовой прибыли.

Вместе с ростом экономической мощи буржуазии повышалось и ее политическое значение. Самодержавие вынуждено было разрешить ряд обществ, помогавших ему мобилизовать средства на войну, как Союз земств и городов. Летом 1915 года возникли военно-промышленные комитеты, через которые шло распределение военных заказов. Все это открыло для буржуазии широкую возможность организоваться и крепнуть политически. С каждым днем настойчивей и откровенней буржуазия в прессе и через своих представителей заявляла, что самодержавие мало считается с ее интересами. Все чаще и чаще на торжественных банкетах делались осторожные намеки на «самовластие» царя. Иные разгоряченные вином головы даже открыто говорили об ограничении власти самодержца. Крупнейший промышленник П. Рябушинский на экстренном совещании представителей военно-промышленных комитетов в августе 1915 года заявил:

«Стране пора узнать, что мы бессильны что-либо сделать при существующих к нам отношениях самого правительства, не стоящего на должной высоте. Мы вправе потребовать, чтобы нам была дана возможность работать, раз на нас взваливают эту ответственность... Мы должны обратить внимание на самое устройство правительственной власти, ибо власть не стоит на высоте своего положения» [3].

Буржуазия потребовала создания «министерства доверия» — назначения министров, которым доверяет страна. 18 августа 1915 года чрезвычайное заседание Московской городской думы высказалось за

«создание правительства, сильного доверием общества и единодушного, во главе которого должно стоять лицо, которому верит страна» [4].

ТАК ПРЕДСТАВЛЯЛИ СЕБЕ ГЕРМАНСКИЕ ИМПЕРИАЛИСТЫ ПЕРЕДЕЛ ЕВРОПЫ ПОСЛЕ ВОЙНЫ.

Карикатура Бор. Ефимова.

Карта взята из книги. Illustrierte Geschichte der Deutschen Revolution. Internationaler Arbeiter-Verlag, Berlin.

К революция городской думы присоединились московское купеческое общество, петроградское купечество, совет съездов представителей торговли и промышленности, Петроградская городская дума и ряд местных дум. Создание «министерства доверия» стало лозунгом для всей буржуазии. В газете Рябушинского «Утро России» под заголовком «Кабинет обороны» был дан список лиц, намечаемых в состав «министерства доверия»: премьер-министр — М. В. Родзянко; министр внутренних дел — А. И. Гучков; министр иностранных дел — П. Н. Милюков; министр финансов — А. И. Шингарев; путей сообщения — Н. В. Некрасов; торговли и промышленности — А. И. Коновалов; главноуправляющий земледелия и землеустройства — А. В. Кривошеин; военный министр — А. А. Поливанов; морской министр — И. В. Савич; государственный контролер — И. Н. Ефремов; обер-прокурор Синода — В. Н. Львов; министр юстиции — В. А. Маклаков; министр народного просвещения — граф П. Н. Игнатьев. Многие из названных лиц действительно вошли в состав правительства, но значительно позже, когда революция поставила у власти буржуазию [1].

Тревога буржуазии не ограничилась революциями оппозиционного характера. В конфликте с царем буржуазные политические партии Государственной думы решили объединить свои силы. 22 августа был заключен так называемый прогрессивный блок.

IV Государственная дума, избранная в 1912 году, представляла интересы блока крепостников-помещиков и верхушки буржуазии, причем первые имели в блоке огромный перевес. Наиболее значительную группу составляли правые: из 410 депутатов Государственной думы правых (националистов, националистов-прогрессистов, умеренно-правых и т. п.) насчитывалось 170 человек. Опирались они на черносотенный «союз русского народа», организованный еще в 1905 году из самых реакционных элементов: помещиков, домовладельцев, чинов полиции, мелких торгашей. Из мещан и босяков вербовались боевые дружины, так называемые «черные сотни». Программа «союза»: твердая, неограниченная царская власть, единая и неделимая Российская империя, никаких уступок угнетенным национальностям. Чтобы расположить к себе крестьян и отсталые слои рабочего класса, черносотенцы включили в свою программу ряд демагогических требований: увеличение наделов малоземельным крестьянам, уравнение правового положения всех трудящихся классов. «Союз» организовывал столовые, чайные, где велась монархическая пропаганда, раздавая деньги, в изобилии получаемые от государства. Основной задачей «союза» была борьба с революцией, а главными методами борьбы — погромы, организуемые при содействии властей, убийства из-за угла, антисемитская травля и преследование нерусских народностей. Самодержавие полностью поддерживало черносотенцев. Сам Николай II принял делегацию «союзников», вступил в члены общества и надел значок «союза». Руководителем «союза» был крупный бессарабский помещик В. М. Пуришкевич, начавший свою карьеру в качестве чиновника особых поручений при свирепейшем начальнике полиции В. К. Плеве. Погромные речи, реакционная деятельность, безудержная травля «инородцев» сделали имя Пуришкевича символом мракобесия и крепостнического гнета. Другим видным деятелем «союза» был Н. Е. Марков 2-й — помещик Курской губернии, представлявший крайних правых, «буров», как их называли в обществе. О Маркове 2-м можно было сказать то же, что писал Гоголь об одном из героев «Мертвых душ»: «Ноздрев был в некотором отношении исторический человек. Ни на одном собрании, где он был, не обходилось без историй, какая-нибудь история непременно происходила: или выведут его под руки из зала жандармы, или принуждены бывают вытолкать свои же приятели» [2]. Все скандалы в Думе и даже случавшиеся среди депутатов потасовки были связаны с именем Маркова 2-го — ретивого защитника самодержавия.

После разгрома революции 1905 года значение «союза» начало падать, и руководящая роль среди правых перешла к «совету объединенного дворянства». Но черносотенный «союз» продолжал существовать, получая средства от правительства и появляясь на политической сцене, как только усиливалось революционное движение в стране.

Кроме крайних правых в Думе известную роль играл националист В. В. Шульгин — депутат от Волынской губернии, деятель земства, редактор черносотенной газеты «Киевлянин».

Близко к правым в Думе примыкали октябристы, или «союз 17 октября»,— около ста депутатов, представлявших интересы крупного промышленного капитала и крупных помещиков, хозяйничавших по-капиталистически. Октябристов от правых отделяло лишь признание манифеста 17 октября 1905 года, где царь обещал некоторые свободы и Государственную думу. Но еще в 1906 году октябристы разъяснили, что «титул самодержца» не противоречит манифесту 17 октября и конституционной монархии. Октябристы поддерживали полностью внешнюю и внутреннюю политику правительства. Они рабски следовали за каждым его шагом; в левой прессе их прозвали «партией последнего правительственного распоряжения».

Пуришкевич. *Карикатура Бор. Ефимова.*

Марков 2-й. *Карикатура Бор. Ефимова.*

В Думе октябристы были правительственной партией. Только ко второму году войны, когда выяснилась полная неспособность царя довести войну до победного конца, октябристы перешли в оппозицию. Вождем, организатором октябристов был А. И. Гучков, московский домовладелец и крупный промышленник. Живой, энергичный, он в молодости сражался добровольцем на стороне буров против англичан, участвовал в восстании македонских четников. С отрядом Красного креста участвовал в войне России с Японией. В революцию 1905 года основал «союз 17 октября» и руководил реакционной буржуазией. В III Государственной думе как председатель ее он вдохновлял империалистскую политику самодержавия. Во время войны его избрали председателем Центрального военно-промышленного комитета. Гучков развил энергичную деятельность по доведению войны «до победного конца». В комиссиях и на совещаниях он не раз критиковал неповоротливость и продажность генералов, снабжавших армию боевыми припасами. От самодержавия он требовал предоставления большей самостоятельности буржуазным организациям, работающим на оборону. Гучков часто ездил на фронт, налаживая связь с верхушкой командного состава. В глазах Николая, считавшего всех, кто был левее октябристов, «анархистами», активное вмешательство Гучкова в военные вопросы делало этого человека чуть ли не «революционером». Царица не раз писала мужу, что Гучкова надо «повесить» [1], и мечтала, чтобы «тяжелое железнодорожное несчастье» [2] прекратило его жизнь.

Другим руководителем октябристов был М. В. Родзянко — владелец огромных поместий в Екатеринославской губернии. Будучи председателем IV Государственной думы, он поддерживал реакционную политику самодержавия. Когда октябристы после первых поражений царизма стали выражать недовольство, министр внутренних дел Н. А. Маклаков писал Николаю 27 апреля 1915 года:

«Родзянко, ваше величество, только исполнитель — напыщенный и неумный, а за ним стоят его руководители — господа Гучковы, князья Львовы и другие, систематически идущие к своей цели. В чем она? Затемнить свет вашей славы, ваше величество, и ослабить силу значения святой, исконной и всегда спасительной на Руси идеи самодержавия» [3].

Следующей по численности фракцией были кадеты — более 50 депутатов, а если считать и близких к ним прогрессистов, которых Ленин назвал *«помесь октябристов с кадетами»* [4], то и около 100. Кадеты, или конституционно-демократическая партия, — политические пред-

ставители либеральной буржуазии. Партия организовалась еще в 1905 году из левых земских деятелей, буржуазных интеллигентов, адвокатов, профессоров и т. п. На протяжении своей деятельности кадеты прошли ряд любопытных изменений. В первую революцию Ленин дал кадетам такую характеристику:

«Не связанная с каким-либо одним определенным классом буржуазного общества, но вполне буржуазная по своему составу, по своему характеру, по своим идеалам, эта партия колеблется между демократической мелкой буржуазией и контрреволюционными элементами крупной буржуазии. Социальной опорой этой партии является, с одной стороны, массовый городской обыватель... а с другой стороны, либеральный помещик»[1].

С поражением революции кадеты еще более поправели. На II съезде в 1906 году они внесли в свою программу новый пункт:

«Россия должна быть конституционной и парламентской монархией»[2].

Поэтому кадетов правильнее было бы называть конституционно-*монархической* партией. По вопросу о земле они выступали против конфискации помещичьих владений, высказываясь за «отчуждение по справедливой оценке». По существу, будучи буржуазной партией, они только по наименованию старались сохранить поддержку масс, приняв на III съезде «титул» партии «народной свободы». На деле кадеты хотели разделить власть с царем и крепостниками-помещиками так, чтобы не разрушать до основания их власти и не давать власти народу. Массового движения либералы боялись больше, чем реакции. Этим и объясняется, почему, будучи силой экономически, либералы были бессильны политически. В конце концов кадеты превратились в партию империалистской буржуазии, которая открыто поддерживала хищническую внешнюю политику самодержавия. От октябристов их отличали только более оппозиционные фразы. В Государственной думе кадеты дружно работали вместе с октябристами. Примером такого единения может служить единогласное избрание председателем Военно-морской комиссии Думы кадета А. И. Шингарева. Октябристы прямо объясняли это голосование тем, что кадеты бойчее на язык. Националист А. И. Савенко говорил по поводу избрания Шингарева:

«Бывают положения, когда функции контроля и критики независимая оппозиция может выполнить лучше, чем партии, которые по временам грешили излишним угодничеством перед властью. Поэтому А. И. Шингарев на своем посту может оказаться незаменимым»[3].

Шульгин. *Карикатура Бор. Ефимова.*

Милюков. *Карикатура Бор. Ефимова.*

Расправа с большевистской фракцией Государственной думы. Пристав выводит из зала заседаний депутата-большевика Г. И. Петровского.

Ленин и раньше предсказал сближение кадетов с октябристами:

«Октябрист — это кадет, который применяет в деловой жизни свои буржуазные теории. Кадет — это октябрист, мечтающий в свободные от грабежа рабочих и крестьян часы об идеальном буржуазном обществе. Октябрист немножко еще научится парламентарному обхождению и политическому лицемерию с игрой в демократизм. Кадет немножко еще научится деловому буржуазному гешефтмахерству, и они сольются, неизбежно и неминуемо сольются» [1].

Лидером кадетской партии был П. Н. Милюков, бывший профессор истории Московского университета. В I Государственной думе кадеты прочили его в премьеры ответственного министерства. Крупный оратор и знаток международных отношений, Милюков был виднейшим идейным вождем империалистской буржуазии. Его частые статьи и речи о захвате Галиции, Армении и особенно черноморских проливов снискали ему прозвище «Милюков-Дарданельский». Другими видными лидерами кадетов были: В. А. Маклаков — крупный московский адвокат, Ф. И. Родичев — уездный предводитель дворянства в Тверской губернии, А. И. Шингарев — врач и земский деятель.

Эти три больших группы — правые, октябристы и либералы — собственно и представляли Думу, ибо система выборов была так построена, что помещики и буржуазии составляли подавляющее большинство. Пролетариат имел всего пять депутатов-большевиков, но все они — Г. И. Петровский, М. К. Муранов, А. Е. Бадаев, Ф. Н. Самойлов и Н. Р. Шагов — уже в ноябре 1914 года были арестованы, а потом сосланы в Сибирь.

Мелкая буржуазия была представлена 10 трудовиками и 6 меньшевиками. Трудовики, или «трудовая группа», поставили себе задачу объединить все «трудящиеся классы народа: крестьянство, фабрично-заводских рабочих, а также интеллигентных тружеников» [2] на основе сохранения капитализма. В историю трудовики вошли как авторы аграрного закона, так называемого «проекта 104», который требовал введения трудовой нормы при распределении земли. Трудовики высказывались против конфискации помещичьих земель и предлагали помещикам за отчуждаемую землю выкуп, что сближало трудовиков с кадетами. В Думе трудовики колебались между кадетами и социал-демократами, а когда эсеры составили свою фракцию и покинули «группу», трудовики окончательно подпали под влияние кадетов. Вождем трудовиков в IV Государственной думе был А. Ф. Керенский. Исключительно темпераментный оратор, резкий и стремительный, Керенский получил известность как защитник в ряде по-

литических процессов и часто выступал в Думе с речами, критикующими правительственные мероприятия. В его адвокатской приемной можно было встретить крестьянских ходоков с просьбой выступить на том или ином судебном процессе по поводу аграрных беспорядков. В Думе после ареста большевиков Керенский казался наиболее левым депутатом. Революционером считали его правые и октябристы, а также и охранка. На деле Керенский был мелкобуржуазным демократом. «Народом» он клялся, о народе говорил, народолюбие свое афишировал, но не считал народ движущей силой истории. Нервный, быстро воспламеняющийся, но еще быстрее потухающий и теряющийся, без особых политических устоев, считая себя эсером, Керенский председательствовал во фракции трудовиков, которые не только не называли себя социалистами, но даже программно не выступали против монархии. Не занимаясь постоянной работой в массах, он тянулся в сторону либеральных групп, где находился по его мнению центр движения. Болезненное самолюбие и тщеславие сочетались в нем с актерством, любовью к позе, жесту. Империалистскую войну он поддерживал открыто, признавая необходимость военного могущества царской России, и резко выступал против большевиков. Керенский не раз брал на себя роль примирителя между буржуазией и некоторыми группами рабочих. Так в сентябре 1915 года, когда рабочие под влиянием меньшевиков пришли на съезд Союза городов с просьбой допустить их на этот съезд хотя бы с «совещательным голосом», к ним вышел Керенский. Он предложил рабочим прекратить забастовку, которая «не имеет серьезного значения», «взяться своей внутренней организацией», тогда-де «либеральная буржуазия не посмеет отклонить их участие в политических совещаниях». Задолго до революции Керенский уже репетировал роль соглашателя, примирителя буржуазии и трудящихся в интересах буржуазии — роль, которую этот политический актер сыграл в 1917 году.

Партия, к которой впоследствии причислял себя Керенский, партия эсеров — социалистов-революционеров — образовалась в 1902 году. Весной этого года на Украине и частью

Большевики, депутаты IV Государственной думы, в ссылке (слева направо): Г. И. Петровский, М. К. Муранов, А. Е. Бадаев, Ф. Н. Самойлов, П. Р. Шагов.

в Поволжье развернулось после долгого затишья первое широкое движение крестьян. Выступление крестьян вызвало отзвук среди мелкобуржуазной интеллигенции, воочию увидевшей восставшие массы, чего нехватало народникам в 70-х годах. Вновь возродились народнические идеи и надежды. В крестьянстве народническо-эсеровские элементы полагали главную опору революции. Общину, которая была сохранена самодержавием в деревне для облегчения сбора налогов, считали зародышем социализма. Стремление мелкого собственника отстоять ценой всяких лишений свое самостоятельное хозяйство выдавали за успешную возможность борьбы с капитализмом. Отсюда делали вывод, что Россия может миновать капитализм и прямо перейти к социализму. Остатки народнических групп слились в единую партию, которая в отличие от социал-демократов называла себя партией «всех трудящихся» — рабочих, крестьян и интеллигенции.

Эсеры преимущественно хотели быть партией крестьянства. Основную работу они вели в деревне, агитируя за «социализацию земли», или, как объясняли они, за

«изъятие ее из товарного оборота и обращение ее из частной собственности отдельных лиц или групп в общенародное достояние»[1].

Чтобы сохранить за собой крестьянство, партия эсеров уже с самого своего зарождения затушевывала классовое расслоение в деревне, доказывая, что между сельским пролетариатом и «самостоятельными земледельцами» нет принципиальной разницы: «Они должны быть соединены в *одну* категорию трудового крестьянства». Это целиком отвечало интересам кулачества. Кулаки также прикрывали свои выступления именем «трудовой деревни» и всячески отрицали наличие в крестьянстве разных классов. Этим и объясняется, почему кулачество в революцию 1917 года заполнило эсеровские ряды.

Основным методом борьбы эсеры считали индивидуальный террор. В первый период своей деятельности им удалось совершить несколько террористических актов: Степан Балмашев убил министра внутренних дел Сипягина, Петр Карпович — министра народного просвещения Боголепова, Егор Сазонов — министра внутренних дел Плеве, Иван Каляев взорвал бомбой великого князя Сергея Александровича. Это смелое единоборство одиночек с царскими палачами придало партии особое обаяние в глазах революционной интеллигенции. Но террористическая практика скоро показала всю свою бесцельность. Убитого насильника немедленно сменял другой царский прислужник, не лучше, а часто и хуже прежнего. Массового движения террор не вызвал, а, наоборот, ослабил его, так как политика и практика индивидуального террора исходят из народнической теории активных «героев» и пассивной «толпы», ждущей от героев подвига. А такая теория и практика исключают всякую возможность активизации масс, возможность создания массовой партии и массового революционного движения. К тому же полиции скоро удалось поставить своего человека — провокатора инженера Е. Ф. Азефа — во главе боевой террористической организации партии эсеров. Террор тем самым попал под контроль полиции. Азеф стал полновластным распорядителем партии. Он подбирал членов Центрального комитета. Разоблачение провокационной работы Азефа в 1908 году внесло полное разложение в ряды эсеров.

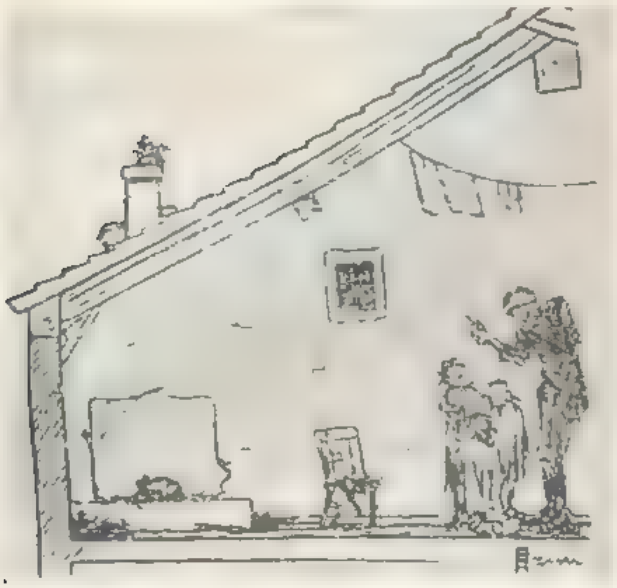
Свою буржуазную сущность партия эсеров проявила еще в революцию 1905—1907 годов. Уже тогда эсеры обнаружили склонность вступать в соглашение с кадетами. В I Думе они вошли в состав трудовиков. Во II Думе царский премьер П. А. Столыпин предал суду фракцию социал-демократов, но не тронул эсеров.

Еще в 1906 году на I съезде эсеров в партии наметились разные течения. Правые выступили против террора и аграрной программы. Осенью правые окончательно отделились от партии и создали свою полукадетскую «трудовую народно-социалистическую партию». «Народные социалисты» отказались от мысли о республике, признали необходимым выкуп за отчуждаемую для крестьян землю и вступили в блок с кадетами. Лидером партии был А. В. Пешехонов, ставший министром продовольствия после революции 1917 года.

На том же I съезде выделилось и «левое» крыло, образовав особую полуанархическую партию — эсеров-максималистов. Максималисты тогда же, в первой буржуазно-демократической революции 1905 года, требовали не только «социализации земли», но и немедленной «социализации» фабрик и заводов. Но эти требования были лишь маской, прикрывавшей буржуазную сущность максималистов. Террор они предлагали сделать основным средством борьбы. Впоследствии максималисты выродились в беспринципную группу бандитов — «экспроприаторов», лишенную всякой почвы в массах.

Распад партии на этом не кончился. Во время войны эсеры еще разделились на несколько групп. Одни из них безоговорочно высказались за поддержку войны. К этой группе кроме Керенского принадлежал Н. Д. Авксентьев — один из эсеровских вождей. Он стал издавать в Париже журнал «Призыв» с агитацией за оборону царской России. Другие считали себя интернационалистами, выступали на словах против оборонцев, но на деле оставались с ними в одной партии. Идейным руководителем «интернационалистов»-эсеров, пытавшихся

ИМПЕРИАЛИСТСКАЯ ВОЙНА В ИНОСТРАННОЙ КАРИКАТУРЕ.



«Война, дети мои, оберегает наше имущество от чужеземцев». *Карикатура из итальянской газеты «Avanti».*

«Плоды войны». *Карикатура Скарлатини из итальянской газеты «Avanti».*

«Мы еще с вами рассчитаемся». *Карикатура Купка из французского журнала «L'assiette au beurre».*

сидеть между двумя стульями, был В. М. Чернов.

Меньшевики-социал-демократы в период IV Государственной думы не являлись единой, сплоченной организацией. Они делились на ряд групп и подгруппок. На крайнем правом фланге стоял Г. В. Плеханов, который выступал вместе с правыми эсерами Н. Д. Авксентьевым и И. И. Бунаковым. В начале войны Плеханов обратился к русским рабочим с письмом, в котором доказывал, что Россия ведет оборонительную войну и потому задача рабочих — защищать отечество. Кадеты с восторгом встретили выступление Плеханова. Милюков заявил, что Плеханов «с обычным своим искусством» доказал разницу между английским империализмом и германским, между войной оборонительной и наступательной.

За Плехановым шли оборонцы К. А. Гвоздев, П. П. Маслов, А. Н. Потресов, которые выступили за открытую поддержку империалистской буржуазии. Они поддерживали организацию рабочих групп при военно-промышленных комитетах, пытаясь доказать, что рабочие России — за единый фронт с буржуазией, за гражданский мир. Гвоздев был председателем рабочей группы при Центральном военно-промышленном комитете, выступал резко против стачечной борьбы, по его мнению обессиливающей рабочий класс и дезорганизующей страну, и дружно работал с Гучковым. «Я с большими симпатиями и доверием относился к Гвоздеву»[1], говорил о нем Гучков. Меньшевики во время революции 1917 года выдвинули Гвоздева на пост министра труда.

«Левее» стоял меньшевистский «центр», возглавляемый Ф. И. Даном, И. Г. Церетели и думской фракцией — Н. С. Чхеидзе, А. И. Чхенкели, М. И. Скобелевым. «Центр» прикрывался революционной фразой, а на деле поддерживал оборонцев. На «левом» фланге меньшевиков стояли Мартов и чуточку левее — Троцкий. В первый период войны Троцкий вместе с Мартовым издавал в Париже газету «Наше слово», критиковал большевистскую тактику, называл большевиков «раскольниками», призывал к единству с оборонцами, стоявшими за войну.

«Центр» и «левые» меньшевики боялись занять открыто оборонческую позицию. В Думе Чхеидзе, как и Керенский, воздержался от голосования за царские кредиты на войну. Ленин объяснял поведение фракции тем, что «иначе она вызвала бы против себя бурю возмущения со стороны рабочих»[2].

В политической практике несмотря на свою критику оборонцев и «левые» меньшевики и «центр» содействовали открытым агентам русской буржуазии. Когда Вандервельде, один из вождей II Интернационала, обратился с письмом в думскую фракцию меньшевиков, убеждая их стать на защиту царской России против Германии, Чхеидзе и его соратники ответили:

«В этой войне ваше дело есть правое дело самозащиты против тех опасностей, которые грозят демократическим свободам и освободительной борьбе пролетариата со стороны агрессивной политики прусского юнкерства... Мы не противодействуем войне, мы считаем, однако, нужным обратить ваше внимание на необходимость теперь же готовиться к энергичному противодействию уже намечающейся сейчас захватной политике великих держав»[3].

Все эти «левые» народническо-эсеровские и меньшевистско-социал-демократические группы — от группы Чернова и максималистов до группы Мартова и Троцкого — несмотря на их революционную фразеологию представляли по сути дела левое мелкобуржуазное крыло буржуазной демократии, стоявшей за сохранение и «улучшение» капитализма, ибо все они отрицали возможность победы социализма в России, выступали против социалистического преобразования России, поддерживали единство с оборонцами, стоявшими за империалистскую войну, выступали против большевистского лозунга о превращении войны империалистской в войну гражданскую, вели активную борьбу против большевистской политики, рассчитанной на поражение царского правительства в империалистской войне, вели единым фронтом борьбу против партии Ленина, против большевистской партии.

Единственно революционной пролетарско-социалистической партией в России была партия большевиков. Будучи формально в одной социал-демократической партии вместе с меньшевиками, большевики фактически составляли самостоятельную партию уже с 1905 года, а с 1912 года формально порвали с меньшевиками, изгнали из партии их правых лидеров и оформились в отдельную большевистскую партию. Большевистская партия была единственной партией, которая признавала гегемонию пролетариата основным условием победы буржуазно-демократической революции и перерастания последней в революцию социалистическую. Она была единственной партией, которая признавала возможность победы социализма в России и имела свою революционную конкретную платформу для переходного периода от буржуазной революции к социалистической. Она была единственная партия, которая боролась до конца против империалистской войны, стояла за поражение царского правительства в империалистской войне, проводила политику братания на фронте, вела непримиримую борьбу против шовинизма и оборончества во имя пролетарского интернационализма и проводила лозунг превращения империалистской войны

ИМПЕРИАЛИСТСКАЯ ВОЙНА 1914 — 1918 гг.

ОЛОЖЕНИЕ ВОЮЮЩИХ СТРАН В 1917 ГОДУ — КО ВРЕМЕНИ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В РОССИИ

ГОСУДАРСТВА, УЧАСТВОВАВШИЕ В МИРОВОЙ ВОЙНЕ НА СТОРОНЕ АНТАНТЫ

ВСТУПИЛИ В ВОЙНУ В 1914—1916 гг.

ГОСУДАРСТВА	Дата вступления в войну	Численность населения	Число мобилизованных
1 СЕРБИЯ	28-VII-1914	4 500 000	750 000
2 РОССИЯ	1-VIII-1914	169 400 000	19 000 000
3 ФРАНЦИЯ	3-VIII-1914	[illegible]	[illegible]
В том числе колонии		([illegible])	(1 394 500)
4 АНГЛИЯ	4-VIII-1914	[illegible]	9 496 370
В том числе колонии		([illegible])	(4 526 370)
5 ЧЕРНОГОРИЯ	7-VIII-1914	440 000	50 000
6 БЕЛЬГИЯ	4-VIII-1914	22 700 000	380 000
В том числе колонии		(15 000 000)	
7 ЯПОНИЯ	23-VIII-1914	72 200 000	30 000
8 ЕГИПЕТ	17-XII-1914	15 800 000	
9 ИТАЛИЯ	23-V-1915	36 120 000	5 815 000
10 ПОРТУГАЛИЯ	9-III-1916	6 000 000	53 000
11 РУМЫНИЯ	27-VIII-1916	7 700 000	1 000 000
	ИТОГО	879 460 000	44 668 870

ВСТУПИЛИ В ВОЙНУ В 1917 г.

ГОСУДАРСТВА	Дата вступления в войну	Численность населения	Число мобилизованных
12 США	6-IV-1917	106 700 000	3 899 696
13 КУБА	10-V-1917	2 470 000	
14 ПАНАМА	8-IV-1917	400 000	
15 СИАМ	22-VII-1917	8 500 000	
16 ГРЕЦИЯ	30-VI-1917	4 820 000	400 000
17 ЛИБЕРИЯ	4-VIII-1917	10 500 000	
18 КИТАЙ	14-VIII-1917	340 000 000	—
19 БРАЗИЛИЯ	25-X-1917	25 000 000	
20 ГВАТЕМАЛА	30-V-1918	2 000 000	
21 НИКАРАГУА	8-V-1918	650 000	
22 КОСТА-РИКО	23-V-1918	470 000	
23 ГОНДУРАС	19-VII-1918	566 000	
24 ГАИТИ	16-VII-1918	2 500 000	—
	ИТОГО	504 576 000	4 299 696

РАЗОРВАЛИ ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ С ГЕРМАНИЕЙ

25 БОЛИВИЯ	4-IV-1917	2 900 000	
26 УРУГВАЙ	7-X-1917	1 400 000	
27 ПЕРУ	6-X-1917	5 600 000	
28 САН-ДОМИНГО	11-XI-1917	708 000	
29 ЭКУАДОР	9-XII-1917	1 550 000	
	ИТОГО	2 188 000	

ГОСУДАРСТВА, УЧАСТВОВАВШИЕ В МИРОВОЙ ВОЙНЕ НА СТОРОНЕ ГЕРМАНИИ

ВСТУПИЛИ В ВОЙНУ В 1914—1915 гг.

ГОСУДАРСТВА	Дата вступления в войну	Численность населения	Число мобилизованных
I АВСТРО-ВЕНГРИЯ	28-VII-1914	52 800 000	9 000 000
II ГЕРМАНИЯ	1-VIII-1914	75 200 000	13 250 000
В том числе колонии		(12 300 000)	
III ТУРЦИЯ	1-XI-1914	21 600 000	1 800 000
IV БОЛГАРИЯ	11-X-1915	4 800 000	1 000 000
	ИТОГО	156 400 000	25 050 000

НЕЙТРАЛЬНЫЕ ГОСУДАРСТВА

ДАНИЯ, ШВЕЦИЯ, НОРВЕГИЯ, НИДЕРЛАНДЫ, ШВЕЙЦАРИЯ, ИСПАНИЯ, АЛБАНИЯ, МЕКСИКА, КОЛУМБИЯ, ВЕНЕСУЭЛЛА, ПАРАГВАЙ, АРГЕНТИНА, ЧИЛИ, АБИССИНИЯ, ЛЮКСЕМБУРГ, ПЕРСИЯ, АФГАНИСТАН

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

Линии фронтов

Зоны германской подводной блокады против государств Антанты

Зоны английской линией блокады против Германии

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Д ДАНИЯ	П ПОРТУГАЛИЯ	БГ БОЛГАРИЯ	Г ГРЕЦИЯ
Н НИДЕРЛАНДЫ	ИС ИСПАНИЯ	С СЕРБИЯ	УРУГВ. УРУГВАЙ
Б БЕЛЬГИЯ	ИТ ИТАЛИЯ	Ч ЧЕРНОГОРИЯ	ПАРАГВ. ПАРАГВАЙ
Ш ШВЕЙЦАРИЯ	Р РУМЫНИЯ	А АЛБАНИЯ	АБ ЛИБЕРИЯ
Л ЛЮКСЕМБУРГ			

Колонии доминионы и зависимые государства на карте отмечены

[illegible]

или дана надпись, прямо указывающая на зависимость от того или иного государства, как то: Бельгийское Конго

ГОСУДАРСТВА АНТАНТЫ

ЧИСЛЕННОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ 1.298.204.000 чел.

ЧИСЛО МОБИЛИЗОВАННЫХ 48.[illegible] чел.

СТОИМОСТЬ ПРЯМЫХ ВОЕННЫХ РАСХОДОВ МИРОВОЙ ВОЙНЫ 145 млрд. долларов

ГОСУДАРСТВА ЦЕНТРАЛЬНОГО БЛОКА

ЧИСЛЕННОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ ..... 1[illegible] чел.

ЧИСЛО МОБИЛИЗОВАННЫХ ..... 25.050.000 чел.

СТОИМОСТЬ ПРЯМЫХ ВОЕННЫХ РАСХОДОВ МИРОВОЙ ВОЙНЫ 93 млрд. долларов

Масштаб по экватору 1 : 55 000 000

ЛЕДОВИТЫЙ ОКЕАН
МОРЕ ЛАПТЕВЫХ
ВОСТОЧНО-СИБИРСКОЕ МОРЕ
ГРЕНЛАНДСКОЕ МОРЕ
БЕРИНГОВО МОРЕ
ОХОТСКОЕ МОРЕ
ЯПОНСКОЕ МОРЕ
ТИХИЙ ИЛИ ВЕЛИКИЙ ОКЕАН
ЮЖНО-КИТАЙСКОЕ МОРЕ
АРАВИЙСКОЕ МОРЕ
БЕНГАЛЬСКИЙ ЗАЛИВ
ИНДИЙСКИЙ ОКЕАН
КОРАЛЛОВОЕ МОРЕ
ТАСМАНОВО МОРЕ

в войну гражданскую. Лидером и создателем большевистской партии был Ленин. Большевистская партия имела в Государственной думе свою фракцию из рабочих депутатов, избранных рабочим классом по рабочей курии. Думская фракция большевиков в ноябре 1914 года была арестована царским правительством и позже сослана в Восточную Сибирь на поселение.

Грабительская война развернулась полным ходом, шел безудержный и беззастенчивый захват чужой территории, а меньшевики призывали только «готовиться» к борьбе против «намечающейся захватной тактики». Для Милюкова и Гучкова достаточно было, что меньшевики «не противодействовали войне». Трезвые буржуазные политики знали, что на практике «не противодействовать» равносильно «содействовать».

Так оно и было при создании прогрессивного блока. В состав его вошли почти все буржуазные партии — октябристы, кадеты с прогрессистами, часть умеренно-правых, так называемая прогрессивная группа националистов и фракция центра. Не вошли только трудовики, меньшевики и крайние правые. Но обе первые группы очень сочувственно отнеслись к блоку, а Чхеидзе обещал поддерживать все «прогрессивные» шаги блока. Единственно, чего требовал Чхеидзе от блока, — «стать ближе к народу», но в чем это могло выразиться — руководитель меньшевиков так и не пояснил.

Программа прогрессивного блока сводилась к «созданию объединенного правительства из лиц, пользующихся доверием страны», в задачи которого входила бы

> «разумная и последовательная политика, направленная на сохранение внутреннего мира и устранение розни между национальностями и классами»[1].

Требования буржуазии были исключительно скромными. Речи не было не только о разделе с ней власти, но даже и об ответственном министерстве. Добивались только назначения нескольких министров, пользующихся доверием буржуазии, да более терпимого отношения к буржуазным организациям. В программе блока имелись еще требования частичной амнистии осужденным за политические и религиозные преступления, разработки закона об автономии Польши, примирительной политики в финляндском вопросе, вступления на путь отмены ограничений для евреев, восстановления деятельности профессиональных союзов и легальности рабочей печати — все это уже явно для того, чтобы добиться поддержки буржуазии угнетенных национальностей и хотя бы отсталой части трудящихся.

Но и эта болтовня буржуазии звучала вызовом самодержавию, давно отвыкшему от «бессмысленных мечтаний», — так Николай II еще в первые дни своего царствования назвал попытки либералов внести поправки в его режим. Самодержавие приняло вызов.

> «Никому не нужно их мнение — пусть они лучше всего займутся вопросом о канализации»[2],

раздраженно и едко писала царица Николаю 28 августа 1915 года по поводу Московской думы, выдвинувшей те же требования, что и прогрессивный блок. А немного раньше царица писала:

> «Россия, слава богу, не конституционная страна, хотя эти твари пытаются играть роль и вмешиваться в дела, которых не смеют касаться»[3].

Против прогрессивного блока выступили правые, крепостники-помещики. «Союз русского народа» обратился с погромным воззванием к «русским людям» против «умаления прав самодержца всея России».

Черносотенная пресса призывала правительство не уступать большинству Думы. Правые в Думе решили создать особое «информационное бюро» в противовес прогрессивному блоку. Но их оказалось слишком мало. Будучи не в силах бороться с блоком внутри Думы, правые подняли кампанию за ее роспуск. Председатель «совета объединенного дворянства» А. П. Струков выступил с письмом, требуя прекращения деятельности Думы. Монархические организации в ряде городов присоединились к требованию объединенного дворянства. Они тоже призывали самодержавие прекратить уступки и принять срочные меры укрепления власти.

Но правительство и само не дремало. Прежде всего Николай под давлением царицы решает уволить «большого» Николая и лично стать во главе армии. Дяде царя никак не могли простить его участия в организации Думы. Придворные рассказывали Витте, бывшему в 1905 году премьер-министром, что в бурные дни октября 1905 года Николай «большой», которого прочили в военные диктаторы, взял револьвер и, угрожая застрелиться в кабинете Николая «маленького», вынудил подписание манифеста о свободах и созыве Думы.

> «Мы еще не подготовлены для конституционного правительства. Николай и Витте виноваты в том, что Дума существует, а тебе она принесла больше забот, чем радостей»[4],

вспоминала царица в 1915 году, настаивая на смене Николая Николаевича.

Дело, однако, было не в «старых грехах» великого князя. Сам Николай Николаевич был недалекого ума. Граф Витте писал о «большом» Николае, что «он уже давно впал в спиритизм и, так сказать, свихнулся»[5]. Да и сам царь

отзывался о нем в одном из писем к царице мало почтительно:

«Мы вплотную поговорили о некоторых серьезных вопросах и, к моему удовольствию, пришли к полному согласию по тем, которые затронули. Должен сказать, что когда он один и находится в хорошем расположении духа, то он здоров — я хочу сказать, что он судит правильно»[1].

Может быть, тот факт, что великий князь «не совсем здоров», и делал его для буржуазии приемлемым кандидатом в конституционные монархи. Сыграло свою роль и участие Николая Николаевича в опубликовании манифеста 17 октября. Так или иначе в дворцовых кругах считали, что «большого» Николая буржуазия противопоставляет «маленькому». Царица не раз писала мужу:

«Никто теперь не знает, кто император,— ты должен мчаться в Ставку и вызывать туда министров, как будто ты не мог их видеть здесь, как в прошлую среду. Кажется со стороны, будто Николай все решает, производит перемены, выбирает людей,— это приводит меня в отчаяние»[2].

В придворных кругах по сообщению царицы «некоторые осмеливаются называть Николая Николаевича Николаем III»[3].

Известие о предполагаемой смене главковерха вызвало огромную тревогу в буржуазных кругах. Председатель Думы умолял царя не принимать на себя верховного командования. 12 августа 1915 года Родзянко написал доклад в очень резких и повышенных тонах. 18 августа Московская городская дума, приняв резкую резолюцию против правительства, обратилась одновременно к великому князю Николаю Николаевичу «с выражением чувств доверия». Но эти выступления только подтвердили подозрения двора. 23 августа царь опубликовал манифест о смене Николая Николаевича, а 3 сентября распустил Государственную думу. Вот как сухой протокол передает картину роспуска Думы:

«Заседание открывается в 2 часа 51 минуту пополудни под председательством М. В. Родзянко.

Председатель. Объявляю заседание Государственной думы открытым. Предлагаю Государственной думе стоя выслушать высочайший указ. (Все встают.)

Товарищ председателя Государственной думы Протопопов. «Указ Правительствующему сенату. На основании ст. 99 Основных государственных законов повелеваем: занятия Государственной думы прервать с 3 сентября сего года и назначить срок их возобновления в соответствии с указом нашим, Правительствующему сенату 11 января 1915 года данным, не позднее ноября 1915 года в зависимости от чрезвычайных обстоятельств. Правительствующий сенат не оставит к исполнению сего учинить надлежащее распоряжение. На подлинном собственною его императорского величества рукой подписано: «Николай». В царской Ставке 30 августа 1915 года».

Председатель. Государю императору «ура!» (Долго несмолкаемые крики «ура».) Объявляю заседание Государственной думы закрытым. (Заседание закрывается в 2 часа 53 минуты пополудни)»[4].

В две минуты все было кончено. Вчера еще буржуазные депутаты требовали от царских министров ухода, а сегодня сами покорно кричали «ура» тем, кто выгонял их.

Родзянко. *Карикатура Кукрыниксы*

2.

РАЗРУХА.

Дальше «бунта на коленях» буржуазия не пошла. Однако положение резко изменилось во второй половине 1916 года, когда полностью развернулись противоречия, вызванные и обостренные войной.

Удары войны оказались для России особенно разрушительными. Прежде всего сказалась слабая подготовленность страны к мировой войне. Техническая отсталость русской военной промышленности проявлялась во всех последних войнах. В крымской (1854 г.) Николай I выставил против англо-французской коалиции армию, в которой значительная часть солдат была вооружена кремневыми ружьями. На обучение солдата стрельбе полагалось лишь 10 боевых патронов в год, однако и они отпускались только на бумаге. Оборонительные укрепления в Севастополе разваливались от сотрясения поставленных на них пушек. В русско-турецкой войне 1877 года генералы, исходя из того, что «огнестрельное оружие отвечает самосохранению, холодное — самоотвержению», снабдили дальнобойную винтовку Бердана прицелом только на 600 шагов. Генералы оправдывали свою бездарность старой поговоркой: пуля — дура, штык — молодец. Русские войска терпели огромный урон от турецкого огня, тогда как для турок огонь противника приносил мало вреда. Такое же положение было в артиллерии. Военная промышленность еще в 70-х годах снабжала артиллерию медными пушками со слабым зарядом и небольшой начальной скоростью снарядов. Турецкая армия была вооружена стальными пушками, изготовленными на заводах Круппа. Столкнувшись с армией далеко не передовой страны, а только обученной и вооруженной передовыми странами, Россия Александра II, как и империя Николая I, обнаружила всю гнилость своей военной силы и социально-экономической системы.

Русско-японская война 1904—1905 годов окончательно сорвала покров с мнимого могущества России. Если в крымской войне англо-французской коалиции понадобился год для взятия севастопольской крепости, то маленькая Япония за восемь месяцев овладела Порт-Артуром, который по мощи приравнивался шести Севастополям.

«Гроб повапленный — вот чем оказалось самодержавие в области внешней защиты» [1], писал в январе 1905 года Ленин.

К мировой войне царская Россия подошла также неподготовленной. «Дальновидные» руководители военного ведомства полагали, что война продлится не дольше четырех-шести месяцев. Военный министр и начальник Главного артиллерийского управления генерал Кузьмин-Караваев считали, что по окончании заготовки запасов боевого снаряжения и отправки их в армию «наступит некоторое затишье в работе» [2]. Запасов хватило лишь на первые четыре месяца войны. Вскоре русская армия оказалась без снарядов, винтовок, патронов и без возможности получить их в короткий срок. Для обучения новобранцев некватало винтовок. На фронт пополнения шли невооруженными.

Дело здесь было не только в недальновидной политике. Война могла вестись не на «запасах», а на непрерывно растущей военной промышленности. Но старые царские бюрократы, боясь усиления буржуазии, не хотели привлекать промышленность к снабжению армии. Более шести лет просидел генерал Сухомлинов в кресле военного министра (1909—1915 гг.), ничему не научившись в военном деле. Зато он окружил себя густой сетью шпионов германского генерального штаба. Пять лет подготовки к войне и год войны оставалась необнаруженной измена в сердце армии. Военное ведомство во главе с таким министром лишь усиливало разруху. Сухомлинова прозвали «генерал от поражений».

Только летом 1915 года, когда скверно вооруженная армия в беспорядке отступала с фронта, самодержавие решило заняться мобилизацией промышленности. 17 августа 1915 года был опубликован закон о создании особых совещаний по обороне, по перевозкам, по топливу и продовольствию. Привлекая представителей буржуазии к работе по снабжению армии, Николай II говорил на торжественном открытии совещания 22 августа:

«Эта задача отныне вверена вам, господа» [3].

Совещания, во главе которых стояли министры, получили широкие полномочия. Совещание по обороне подчинялось непосредственно верховной власти.

«Никакое правительственное место или лицо не могло давать ему предписаний и требовать от него отчетов» [4].

Совещанию было предоставлено право:

«Разрешать производство заготовлений всеми способами... без ограничения суммы» [5].

Широкие полномочия не помогли *организовать* военное производство. По свидетельству генерала Маниковского, бывшего в 1915 году

начальником Главного артиллерийского управления,

«дело обеспечения нашей армии боевыми припасами все же не только не двинулось тем темпом, на какой рассчитывалось при его (совещания. *Ред.*) образовании, а, напротив, во многих отношениях пошло хуже»[1].

Несмотря на включение в состав совещания по обороне министра торговли и промышленности князя Шаховского и двух его предшественников эта «регулирующая» организация обнаружила полнейшее незнание военной промышленности и возможностей ее мобилизации. Представители крупной буржуазии в совещании использовали свое положение для получения крупных заказов и «организованной спекуляции».

«Трехдюймовая шрапнель и была первым лакомым куском, на который оскалились зубы всех шакалов»[2], писал генерал Маниковский.

Так же бесплодна была деятельность других совещаний: по топливу, продовольствию и перевозкам. В этих организациях представители буржуазии и чиновники, «содействуя» обороне, обвиняли друг друга в темных делах и усердно брали взятки. Потуги регулировать потребление и производство наталкивались на прогнивший бюрократический аппарат и его бесталанных руководителей. В ноябре 1915 года министр путей сообщения А. Ф. Трепов решил бороться с надвигающимся голодом путем регулирования железнодорожного движения. По решению Совета министров на шесть дней было прекращено движение пассажирских поездов между Москвой и Петроградом с целью улучшить снабжение столицы. Но никто не позаботился организовать подвоз продуктов к Москве. Остановив пассажирское движение, правительство гоняло к столице пустые товарные вагоны. Таким же «успехом» завершились попытки наладить снабжение предприятий топливом и сырьем. Добыча угля и нефти падала, разрушенный транспорт не успевал подвозить дрова. Военная промышленность уже с начала 1915 года задыхалась от недостатка топлива. В октябре 1915 года Особое совещание по топливу приняло решение о реквизиции топливных запасов. Решение это было встречено всей буржуазией в штыки. Кстати, в самом совещании оно было принято 14 голосами против 10. В зоне Северо-западного фронта реквизицию топлива попытались провести при помощи военных властей. В ответ на эту попытку совет съездов лесной промышленности пригрозил прекратить заготовку леса.

Пока буржуазия саботировала всякий шаг, направленный к регулированию производства и потребления, а главное — доходов, министры Николая искали виновников разрухи — один в ведомстве другого. На одном из заседаний Совета министров в июне 1916 года обсуждался вопрос о неисправных поставках для армии угля, железа, продовольствия. По свидетельству Штюрмера, бывшего тогда председателем Совета министров, у министра путей сообщения Трепова произошла стычка с министром промышленности Шаховским.

— Нет достаточного количества угля на заводах, — заявил министр путей сообщения.

А уголь-де в ведении Шаховского.

— Да, у меня уголь есть, но вы не даете вагонов, — возражает Шаховской.

— Я не даю вагонов потому, что у меня военное министерство взяло все вагоны... и обратно ничего не присылает.

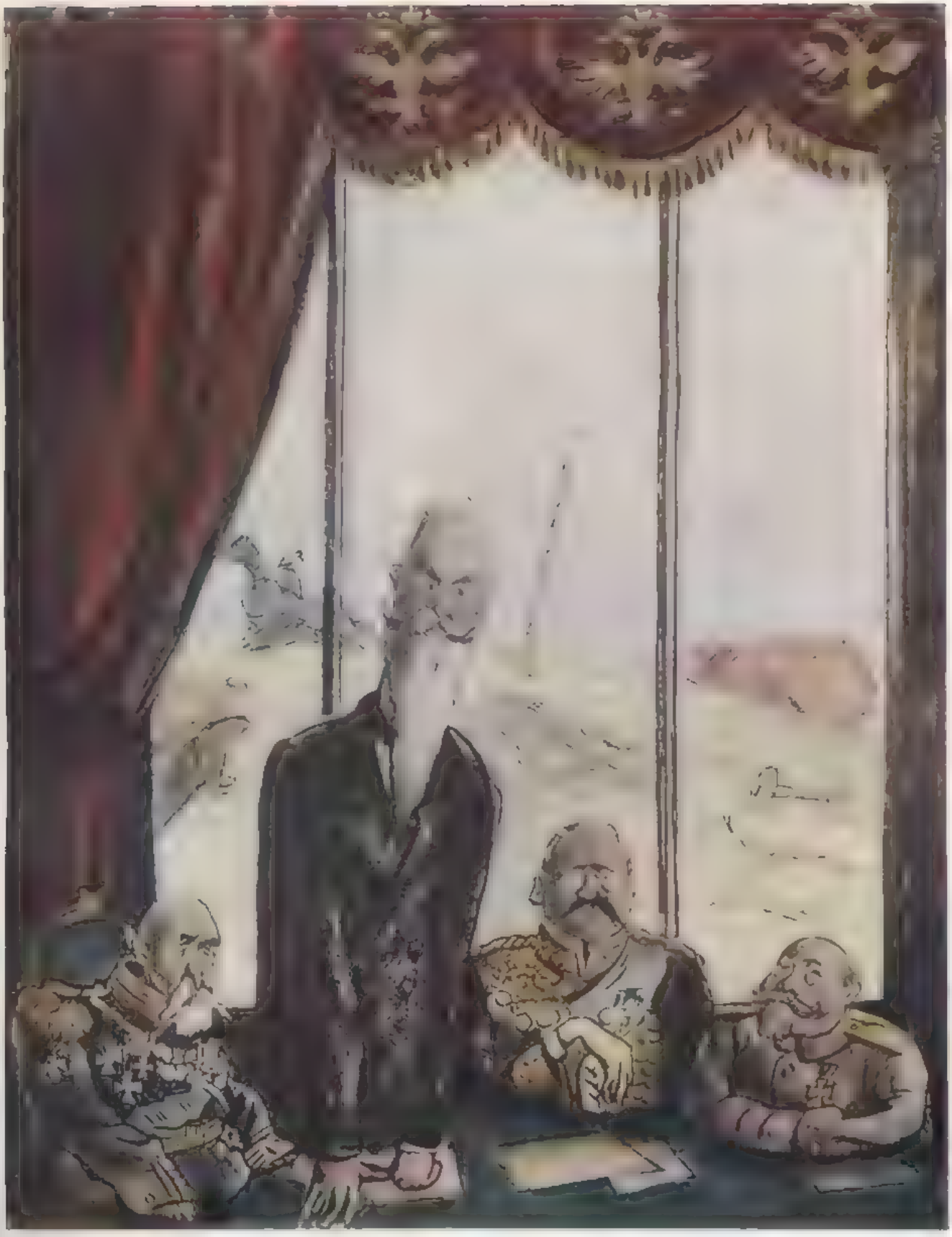
К этому разговору уже сам министр-председатель добавил:

«Были такие пробки вагонов, что для того, чтобы двинуть пришедшие вновь вагоны, надо было скидывать с насыпи другие вагоны»[3].

Словно слепые, топтались министры вокруг своих ведомств, не понимая, что происходит и как нужно бороться с разрухой.

Еще труднее оказалось мобилизовать отсталое сельское хозяйство и крестьянское население в той мере, как это могли сделать передовые капиталистические страны. Товарность полукрепостнического и распыленного сельского хозяйства была в значительной степени вынужденной. Мужику нужны были деньги для уплаты помещику за аренду земли. Деньги выжимал из мужика и налоговый пресс царизма. В годы войны товарность крестьянского хозяйства резко пала. Из деревень в армию взяли наиболее работоспособную часть населения — вместе с городом около 16 миллионов человек, или 47 процентов общего числа взрослых мужчин. Один из вождей буржуазии Бубликов прямо заявил, что Россия ведет войну по преимуществу кровью своих сынов, а не накопленными или добытыми для войны капиталами. С каждым годом войны сельское хозяйство лишалось значительной части средств производства. Правительство реквизировало лошадей, мясной скот, упряжь. «Усердные» чиновники ухитрялись проводить реквизиции без значительной пользы для армии. Орловский губернатор в начале 1916 года доносил о действиях правительственных агентов, забиравших у населения молочный скот в то время, когда жирный яловый скот шел на спекуляцию.

«Они реквизировали то, что всего легче было реквизировать, — заявил на совещании по дороговизне В. Михайловский. — Запасы, которые были умело скрыты и принадлежали более сильным экономически кругам,



«СЛОВНО СЛЕПЫЕ, ТОПТАЛИСЬ МИНИСТРЫ ВОКРУГ СВОИХ ВЕДОМОСТЕЙ».

Карикатура Кукрыниксы.

повидимому, никакой реквизиции не подвергались»[1].

Разруха проявилась и в развале экономической основы царизма — полукрепостнического помещичьего землевладения. Сократилась его наиболее откровенная форма - сдача земли в аренду крестьянам. Арендная плата снизилась уже в начале войны, примерно, на одну треть.

Сокращалось и самое помещичье хозяйство. Постоянные мобилизации подрывали его, отнимая рабочую силу. Привлечение беженцев и военнопленных восполняло не более $^1/_{10}$ убыли рабочих рук. По Европейской России недостаток сельскохозяйственных рабочих ощущался: в 1914 году в 14 губерниях из 44, т. е. в 32 процентах всех европейских губерний, в 1915 году в 36 губерниях (82 процента), а в 1916 году во всех 44 губерниях Европейской России была острая нужда в рабочей силе. До войны заработная плата в районах отходничества была значительно ниже, чем в районах притока рабочей силы. Начиная с 1915 года она почти уравнялась. Это говорит о недостатке сельскохозяйственных рабочих и в районах отходничества. Нехватка рабочей силы в связи с общим развалом хозяйства ускоряла распад полукрепостнического помещичьего землевладения. Этот распад обогнал даже общий упадок сельского хозяйства.

Разруха охватила не только полукрепостническое землевладение. Война ударила и по промышленности.

Военизированное капиталистическое хозяйство представляло весьма сложную картину. Разрушения, принесенные войной, прикрывались некоторое время обманчивой видимостью подъема. Война вызвала расширение промышленности, работающей на оборону. Это и создавало видимость подъема. Общая стоимость продукции выросла с 5 620 миллионов в 1913 году до 6 831 миллиона в 1916 году. За этим ростом военной продукции скрывался упадок основных отраслей промышленности. Предприятия, не работавшие «на оборону», в 1916 году сократили производство на 21,9 процента, но вскоре прекратился подъем и оборонной промышленности, главным образом, из-за недостатка топлива и металла. Через два года после начала войны добыча угля в Донбассе с трудом держалась на довоенном уровне несмотря на увеличение рабочих — с 168 тысяч в 1913 году до 235 тысяч в 1916 году. До войны месячная добыча на одного рабочего в Донбассе составляла 12,2 тонны, в 1915/16 году — 11,3, а зимой 1916 года — 9,26 тонны. Министр Шаховской вынужден был признать, что падение производительности труда объясняется «*худшением оборудования рудников* за невозможностью своевременного ремонта необходимых для добычи угля машин и приспособлений»[2].

Из-за недостатка топлива останавливались заводы, сокращалась выпечка хлеба. Обыватели жгли заборы и мебель.

Наряду с недостатком топлива сказывался и недостаток металла. В 1916 году потухли 36 доменных печей. Металл начали распределять по карточкам. К концу 1916 года заводы давали только половину металла, необходимого для оборонной промышленности.

Наиболее ярко и открыто развал хозяйства проявился на транспорте. Транспортный кризис отразил общий характер развития военизированного хозяйства. Вначале шел подъем, рост перевозок. Но этот подъем был явно недостаточен для полного удовлетворения требований войны. Наряду с ростом перевозок катастрофически увеличивалось количество неперевезенных грузов. Уже во второй половине 1914 года оно составило 84 тысячи вагонов. В первом полугодии 1916 года гора неперевезенных грузов выросла до 127 тысяч вагонов. 15 июля 1916 года генерал Алексеев, начальник штаба верховного главнокомандующего, писал в докладной записке царю:

> «В переживаемое время нет ни одной области государственной и общественной жизни, где бы не ощущались серьезные потрясения из-за неудовлетворения потребности в транспорте... В среднем заводы, работающие на оборону, удовлетворяются транспортом всего лишь на 50—60 процентов своей потребности, а для Петроградского района вместо необходимых $18^1/_2$ миллионов пудов по заявлению министра путей сообщения возможно перевезти лишь 8 миллионов. При таких условиях не только немыслимо увеличение производительности заводов, но придется сократить и теперешнюю работу»[3].

Хозяйство страны распадалось на ряд более или менее *изолированных районов*. Это уничтожало успехи общественного разделения труда, достигнутые капиталистическим развитием, и отбрасывало царскую Россию на много десятилетий назад. Так превышение осенних цен на рожь в центральных промышленных районах против цен в соседних районах Центрально-черноземной области составляло (в процентах):

В среднем за 1914 г.	— 19
» » » 1915 »	— 39
» » » 1916 »	— 57

К 1916 году превышение цен выросло вследствие затруднений с переброской хлеба *втрое*.

Распад транспорта резко обострил *продовольственный кризис*. Плохо работающие железные дороги создавали недостаток продуктов

питания уже в то время, когда в стране еще были запасы хлеба от урожаев прошлых лет. Около миллиарда пудов хлебных запасов не могло быть переброшено в районы потребления. На этой почве быстро росла спекуляция хлебом. Министр земледелия Риттих осенью 1916 года решился даже на крайнюю меру: объявил принудительную разверстку хлеба. Риттих был типичным представителем бюрократии. Он прошел отличную бюрократическую школу, возглавляя после революции 1905 года различные департаменты по земледелию и землеустройству. Однако практика столыпинского землеустройства не помогла ему осуществить хлебную разверстку. Попытка кончилась крахом. Хлеба получить не удалось. Быстро опустели товарные склады потребительских центров. Осенью 1915 года города сидели на голодном пайке. Армия получала только половину продовольственной нормы.

Развал рынка и спекуляция усиливали расстройство денежного обращения. Золото исчезло из обращения в самом начале войны. Расходы росли с каждым годом. Государственные расходы были больше доходов (в процентах):

В 1914 г. на	39
» 1915 » »	74
» 1916 » »	76

Бумажные деньги печатали все в большем количестве. Рубль падал. Кредит подрывался в корне. Подрыв кредита, в свою очередь, усиливал развал рынка.

В буржуазной экономической литературе приводятся данные о развале «народного имущества» в результате войны. По этим данным к концу войны (1919 г.) Россия потеряла 60 процентов того, что имела в 1913 году, тогда как потери Англии составили 15 процентов, Франции—31, Германии—33, Австро-Венгрии—41. Лишь Япония и Америка увеличили свое «народное имущество», которое, впрочем, так же мало принадлежит в капиталистических странах народу, как и «народный доход».

Если сокращение совокупности всех имуществ было наибольшим в России, то и развал хозяйства в ней шел более быстрым темпом, чем в любой другой стране.

Следствием жестокого развала хозяйства было резкое обесценение валюты; по отношению к доллару оно составляло (в процентах):

	В 1915 г.	*В 1918 г.*
В Японии	+ 0	+ 1
» Англии	— 3	— 2
» Франции	— 8	— 12
» Италии	— 16	— 20
» Германии	— 16	— 23
» Австро-Венгрии .	— 27	— 33
» России	— 29	— 40

Темпы падения валюты в разных странах были разные. На золотом уровне она оставалась в Японии и близком к нему — в Англии. *Больше всего* обесцененными оказались валюты России и Австро-Венгрии. Значительно меньше — в два-три раза обесценились валюты Германии, Италии и Франции.

Соединенные Штаты, Япония, Англия вели войну только на *чужих* территориях. Италия осталась почти не затронутой военными действиями. Оккупированная союзниками часть Германии была невелика. Занятые неприятелем местности царской России далеко превосходили и по своим абсолютным размерам и по своему значению для страны все территории, захваченные у Австрии и Франции.

Россия резко выделялась огромной протяженностью фронта боевых действий. Линия русского фронта была в несколько раз длиннее фронтовых линий других держав. Многомиллионные русские и австро-германские армии прошли *несколько раз* взад и вперед по громадной территории восточного театра военных действий. Вследствие маневренного характера военных операций разрушения были особенно велики не только на местах военных действий, но и в прилегающих к ним областях, испытавших губительное влияние эвакуаций. Эвакуации охватили в царской России больше 500 тысяч квадратных километров с населением в 25 миллионов человек, т. е. седьмую часть населения страны. Три миллиона человек были сняты с насиженных мест и брошены в тыл. Тысячные толпы беженцев несли с собой дезорганизацию, панику, расстраивая весь хозяйственный организм. В противоположность Франции, где оккупация и эвакуация произошли только один раз — в августе 1914 года, охватив небольшую часть территории, царская Россия в течение всей войны испытывала потрясения от оккупаций и эвакуаций.

Не сумев в силу своей технической отсталости мобилизовать все хозяйство на оборону, Россия должна была обратиться к помощи союзников.

Размеры открытых союзниками кредитов росли из месяца в месяц. Около восьми миллиардов рублей поплыло в руки правительства. Долги России за время войны почти вдвое превысили всю задолженность до войны — 7 745,9 миллиона против 4 066 миллионов рублей. Кредиты были значительно больше суммы размещенных Россией заказов у союзников. Кроме заказов надо было платить проценты по государственным займам и оплачивать заказы в нейтральных странах и, главным образом, в Японии и Америке.

Займы еще более укрепляли зависимость России от союзников. Англия фактически

Крестьянки прифронтовых деревень, мобилизованные на рытье окопов.

определяла характер расходования кредитов. Под кредиты союзники выкачивали из России золото. В мае 1916 года Барк, министр финансов, писал:

«Особенно невыгодные условия кредита, предлагаемые ныне Англией, свидетельствуют о том, что с дальнейшим развитием военных событий кредит России у одних только союзных держав становится все более затруднительным и *полнейшая наша финансовая зависимость от союзников является чрезвычайно тяжелой*»[1].

Даже министр самодержавного правительства вынужден был признать усиление полуколониальной зависимости России за время войны. Старый царский бюрократ видел только один выход: заключать новые займы в другом месте — у империалистов Америки.

Война с центральными державами привела Россию к резкому разрыву внешних хозяйственных связей. Половина покупаемых за границей товаров шла из стран центральной Европы. Около трети русского вывоза направлялось в эти же страны. Связь остальных стран с Германией и Австрией была значительно слабее, и естественно, что прекращение этих связей для Англии, Франции и даже Италии не имело таких разрушительных последствий. В России произошло нарушение хозяйственных связей не только с центральными державами: связь внезапно оборвалась почти со всем миром. Сухопутная европейская граница за исключением шведско-норвежской и не имеющей торгового значения румынской, через которую нельзя было никуда кроме Румынии попасть, оказалась закрытой. В Балтийском море хозяйничали германские подводные лодки. После вступления в войну Турции такое же положение создалось на Черном море. Через все эти границы в 1913 году проходило $^{9}/_{10}$ вывоза и $^{5}/_{6}$ ввоза.

Во время войны связь царской России с внешним миром повисла на тонкой нити Великого сибирского пути протяжением в 8 тысяч километров с единственным выходом к морю во Владивостоке — Мурманская железная дорога

была закончена лишь в конце 1917 года. В дополнение к этому в летние месяцы связь поддерживалась через Архангельск, связанный с центром узкоколейной железнодорожной линией, перешитой на широкую колею только в 1916 году. Архангельск был рассчитан на небольшую пропускную способность грузов. Насколько недостаточна была грузоподъемность этой железной дороги, можно судить по тому, что устанавливалась *гужевая* перевозка товаров, как во времена Ивана Грозного. Гужем везли по тракту из Архангельска до Вологды и дальше — из Вологды в Петроград — около 1 200 километров. Родзянко писал:

«Еще в начале войны в Думу стали поступать сведения, что вывозка по узкоколейной дороге из Архангельска очень затруднена, а порт завален грузами. Заказы из Америки, Англии и Франции складывались горами и не вывозились вглубь страны. Уже в первые дни войны Литвинов-Фалинский предупредил, что Архангельский порт в ужасном состоянии. Из Англии ожидалось получение большого количества угля для петроградских заводов, но уголь этот негде было даже сложить. Несмотря на то что Архангельск был единственный военный порт, соединявший нас с союзниками, на него почти не обращали внимания. В одном из первых же заседаний Особого совещания пришлось поднять вопрос об Архангельске и запросить министров, что они намерены предпринять. Министры в лице Сухомлинова, Рухлова и Шаховского либо отписывались, либо обещали на словах, ничего на деле не предпринимая. Между тем к концу лета 1915 года количество грузов было так велико, что ящики, лежавшие на земле, от тяжести наложенных поверх грузов буквально врастали в землю»[1].

Разрушалось и все грузное здание императорской России. Издержки войны оказались для нее непомерно тяжелыми. За первые три года войны страна израсходовала 167 процентов всей совокупности доходов 1913 года, в то время как Франция — 105 процентов, Англия —

В прифронтовой полосе. Разрушенные фабрики.

В прифронтовой полосе. Разрушенные села.

130 процентов. Только в Австро-Венгрии эти расходы достигли 160 процентов.

Тяжесть войны обрушилась на Россию с наибольшей силой. 30 месяцев напряжения вызвали в стране развал промышленности, упадок сельского хозяйства, транспортный кризис, голод.

«Мы в тылу бессильны или почти бессильны... — писал Гучков в августе 1916 года генералу Алексееву, начальнику штаба верховного главнокомандующего. — Наши способы борьбы обоюдоостры и при повышенном настроении народных масс, особенно рабочих масс, могут послужить первой искрой пожара, размеры которого никто не может ни предвидеть, ни локализовать»[1].

Война всей своей тяжестью обрушилась на плечи рабочих и крестьян. Массы все больше и больше охватывало революционное возмущение. Страна стояла перед взрывом. Империалистская война оказалась могучим ускорителем революции.

3.

РАЗЛОЖЕНИЕ АРМИИ.

Ту же школу нужды и революционного воспитания проходила и армия. Кровавая бойня и неисчислимые потери открывали глаза обманутым. Миллионы убитых и искалеченных с беспощадной жестокостью вскрыли истинный смысл войны, ее грабительский характер.

К тяжелому кошмару войны присоединялись невыносимые материальные лишения. Окопы, полные грязи и нечистот, отсутствие горячей пищи, недостаток хлеба, вши — такова общая картина фронтовой жизни.

«Знаешь, как на позиции? - читаем мы в одном из многих и многих характерных солдатских писем. — Стоим в окопах. Холод, грязь, паразиты кусают, кушать один раз в сутки дают в 10 часов вечера, и то чечевица черная, что свинья не будет есть. Прямо так с голоду можно умереть...»[1]

Плохо вооруженная, руководимая бездарными генералами, обкрадываемая продажными интендантами, армия терпела поражение за поражением. Без веры в себя, без доверия к своим командирам, не зная, во имя чего гибнут миллионы, неподготовленная, голодная и разутая, она оставляла противнику города, целые области, десятки тысяч пленных.

Тяжелые поражения озлобляли солдат. В массах зрело недовольство, переходившее в глухое брожение, а потом и в активные выступления. Проклиная бестолковщину и неразбериху, солдаты отказывались выполнять приказы, не шли в наступление, избегали боя.

«Здесь в армии большое волнение, — писали с Северного фронта, — надоело уж очень воевать. Уже несколько раз приказ идти в наступление, но солдаты не выходят из окопов и конец, и так что наступление оставляют»[2].

Другой солдат из 408-го пехотного Кузнецкого полка того же фронта сообщал:

«Я в наступление ходил четыре раза, только ничего не вышло: не пошли наши полки наступать. Кое-кто пошел, а кое-кто не вышел из окопов, так и я не вылез из окопов»[3].

По сведениям царских цензоров, вскрывавших солдатские письма, больше 60 процентов авторов писало о неуклонном росте пораженческих настроений. Солдаты бежали с фронта, сдавались в плен или сами простреливали себе руки, ноги, чтобы лечь в лазарет.

От диких ужасов войны пускались в дезертирство. Жили в обстановке постоянной травли, в страхе ежеминутной выдачи полиции. И все же предпочитали пребыванию на фронте полуголодную жизнь дезертира, за которым полевые жандармы охотились, как за зверем.

В 1916 году русская армия насчитывала уже более полутора миллионов дезертиров.

И без того тяжелое положение солдат становилось невыносимым из-за самодурства офицеров. Мордобой и угроза постоянных взысканий преследовали солдат на каждом шагу. За малейший проступок подвергали наказанию. Били за ошибки по службе, лупили за не вовремя отданную честь, за недоставленную водку. Калечили в пьяном виде, кровавили носы и в трезвом, срывая на солдате злобу за свои промахи. «Солдатское личико вроде как бубен: чем звонче бьешь, тем сердцу веселей», со злой иронией говорили солдаты по поводу мордобоя в армии.

В письмах, тысячами конфискованных царской охранкой, рассказывается об ужасах и лишениях солдатской жизни:

«Чем дальше живется — тем хуже. Начальство наше душит нас, выжимает последнюю кровь, которой очень мало осталось. Не дождешься этого времени, когда придет конец всему этому...»[4]

Вот строки из другого письма, которого напрасно ждала убитая горем мать:

«Дорогая мамаша, лучше бы ты меня на свет не родила, лучше бы маленьким в воде утопила, так я сейчас мучаюсь»[5].

Все более частыми стали случаи расправы солдат с жестокими начальниками. Ненавистные офицеры гибли в бою, расстреливаемые своими же.

Писатель Л. Войтоловский, наблюдавший жизнь армии, записал солдатскую песню, ярко передающую всю ненависть к офицерам:

Эх, пойду ли я, сиротинушка,
С горя в темный лес.
В темный лес пойду
Я с винтовочкой.
Сам охотою пойду,
Три беды я сделаю:
Уж как первую беду -
Командира уведу.
А вторую ли беду —
Я винтовку наведу.
Уж и третью беду —
Прямо в сердце попаду.
Ты, рассукин сын, начальник,
Будь ты проклят![6]

Обычно в таких случаях виновники расправы оставались нераскрытыми. Офицеров убивали не только на фронте, но и в тылу, в запасных батальонах. Основа старой дисциплины — страх перед начальством - исчезала. В армии

РУССКИЕ СОЛДАТЫ В ПОХОДЕ

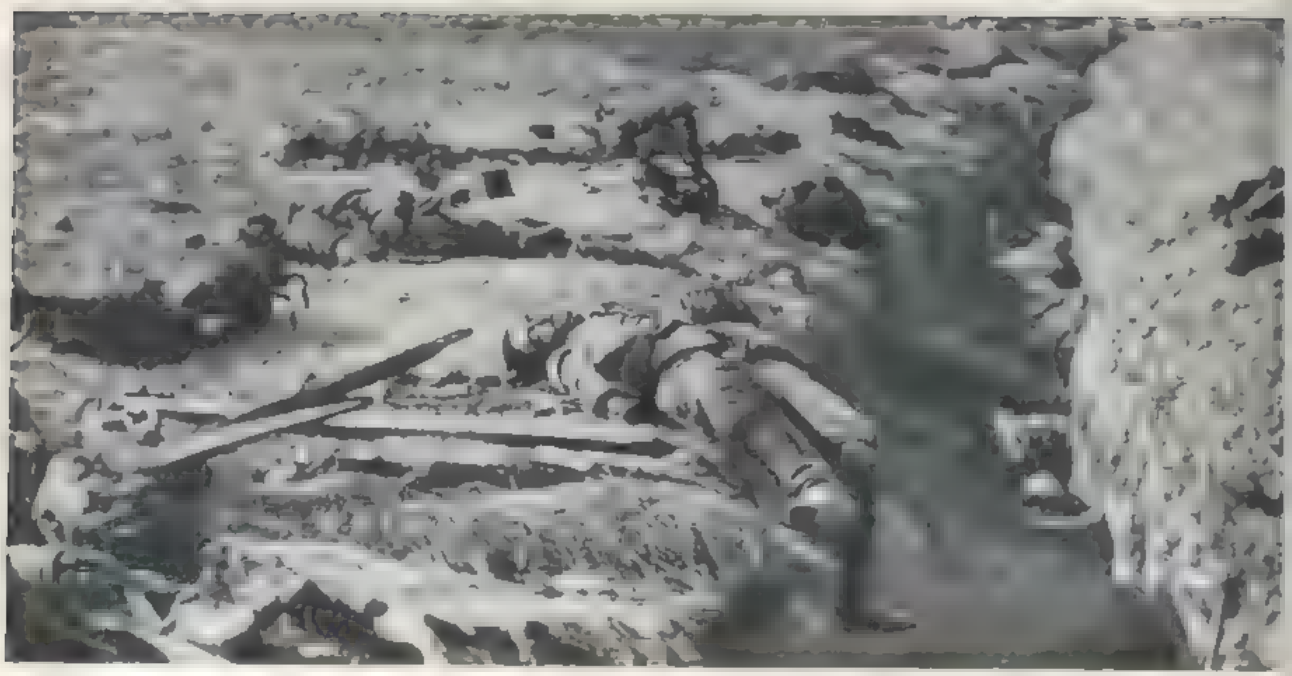
участились случаи прямых выступлений солдат против своих командиров и притом не в одиночку. Вместо безрезультатных, кончающихся обычно трагически индивидуальных возмущений и протестов солдатские массы начали действовать коллективно. Своеобразные «забастовки» уже не раз охватывали целые полки и дивизии. Одно из многих солдатских писем так рассказывает о подобной забастовке на фронте в 1916 году:

«Узнал об этой забастовке начальник дивизии. Приехал сюда в полк и не застал ни одного офицера на месте. Они были где-то спрятаны. Одного только офицера-подпоручика застал на своем месте, которого заставил командовать полком, и приказал сию минуту же итти в атаку. Но и здесь все роты отказались итти, крича: «Давай есть, одевай и обувай, а то воевать не будем или все пойдем в плен». Дело было серьезное и даже критическое. Узнай об этом неприятель, он забрал бы всех нас голыми руками. За нашим полком забастовал Царевский полк, а там и другие полки нашей дивизии. Два батальона одного полка нашей дивизии целиком пошли в плен добровольно... Всех солдат хотели расстрелять, хотели было отобрать винтовки, бомбы и другое оружие, но солдаты не дали, да и забастовали другие дивизии, так что некому и расстреливать: все бастуют.. Да и как не забастовать — ходят чуть ли не босые, голодные и холодные, даже смотреть — душа «жмется»[1].

Разложению армии немало содействовали также и классовые изменения, происшедшие внутри ее командного состава. Офицерский корпус представлял собой отборную, боевую, преданную «престолу», крепко спаянную классовым родством организацию, главным образом, помещичьего класса. Царское правительство тщательно оберегало офицерский состав от пополнения его разночинцами. Само офицерство боролось с проникновением в его среду выходцев из низших классов. Но война расшатала устои этой замкнутой группы. Кадровики понесли большие потери в первые же месяцы войны. Их место постепенно заняли выходцы из других слоев. Старая каста потонула в море прапорщиков из разночинцев. Офицеры из адвокатов, учителей, чиновников, недоучившиеся семинаристы, гимназисты, мобилизованные студенты заполнили ряды командиров. Старики встретили новичков с нескрываемым презрением и враждебностью. Демократизация офицерства усилила разброд в командном составе и, в свою очередь, углубила противоречия в армии.

Неслыханное истребление человеческих жизней, дикий произвол начальников, бездарное командование, хаос и тяжелые условия жизни разбудили самых отсталых солдат. У одних война рождала ужас и отчаяние, у других —

В окопах. С картины Н. Владимирова.



Окопы после боя.

желание найти выход, найти виновников бессмысленного кровопролития.

Патриотической печати, желтым потоком заливщей армию, первое время удавалось отводить глухую солдатскую злобу в обычное русло ненависти к «неприятелю». Всякое поражение, малейшая неудача объяснялись происками врага внешнего — немцев — и «врага внутреннего» — евреев. Погромная волна смела на фронте сотни еврейских местечек, разорила, погнала с насиженных мест в неведомую даль десятки тысяч беженцев. У солдат сложилась даже особая примета. «Опять в приказе про еврейских шпионов пишут,— значит, отступать будем», язвили в частях.

У других солдат война вызвала чувство ненависти к буржуазии и правительству. Чем дальше затягивалась война, тем сильнее росло озлобление против господствующих классов. Организованность в этот стихийный процесс вносила партия большевиков.

Поставленные вне закона царским правительством, большевики с исключительной самоотверженностью вели работу в армии. Там, где озлобленный солдат судорожно сжимал винтовку, не зная, на кого обрушиться, большевики умело направляли его возмущение против правительства и буржуазии. Там, где доведенные до озверения солдаты искали выхода в бесцельных насилиях над «инородцами», большевики вели интернационалистскую агитацию, противопоставляя ее мракобесию царизма и националистов. Стихийный взрыв отчаяния большевики настойчивой работой превращали в организованное выступление против власти. Преследуемые охранкой, предаваемые военно-полевым судам только за одну принадлежность к партии, большевики непреклонно выполняли долг революционных борцов.

Царское правительство, борясь с «крамолой», широко применяло «отправку недовольных» на фронт. Достаточно было высказаться против тяжелых условий работы на заводе, как хозяин или мастер брали рабочего на заметку, а назавтра его уже вызывали к воинскому начальнику и отправляли в «маршевые роты». В число этих «недовольных» прежде всего попадали подозреваемые в близости к большевикам. Близорукое царское правительство уже в начале войны мобилизовало в армию не менее 40 процентов промышленных рабочих. Кроме того в рядах армии и флота находилось немало активных участников революции 1905 года, немало бывших читателей большевистской «Правды», закрытой правительством в самом начале войны. Находя в этой среде преданных пропагандистов, большевистская партия с их помощью проникала все глубже в солдатскую массу.

Несмотря на правительственный террор большевистская партия сумела создать военные организации в ряде тыловых армейских частей. Работа здесь облегчалась влиянием местных

пролетариев. В Петрограде, Москве, Смоленске, Киеве, Харькове, Екатеринославе, Саратове, Нижнем Новгороде, Самаре, Царицыне, Екатеринбурге, Твери, Баку, Батуме, Тифлисе, Кутаисе, в Латышском крае — всюду шла напряженная работа. Призыв в армию большевиков из Нарымской ссылки дал возможность создать в Томске довольно сильную военную организацию. Большое влияние на тыловые части имели также вневойсковые связи солдат с местными большевиками и большевистски настроенными пролетариями. Рабочие забастовки в стране указывали солдатской массе на возможность революционного выхода. Вот типичная картина влияния революционной борьбы рабочих на солдат:

«Во время многочисленных демонстраций в день 9 января (1916 г. *Ред.*) были случаи встреч демонстрантов с солдатами. Так по Выборгскому шоссе рабочие встречались с моторными обозами, везшими солдат. Происходил дружеский обмен приветствиями. При виде красных знамен солдаты снимали шапки и кричали: «Ура», «Долой войну» и т. д. 10 января вечером по Большому Сампсониевскому проспекту шествовала громадная колонна работниц, рабочих и солдат... Полиция все время держалась в сторонке... Присутствие в более чем тысячной толпе 300—400 солдат действовало на полицию «успокоительно»... Демонстрация длилась более часу»[1].

Какую исключительную энергию и самоотверженность проявила партия большевиков в борьбе за революционизирование армии, можно судить по одному из многих отзывов царской полиции, напрасно пытавшейся искоренить революционную организацию:

«Ленинцы, приобревшие доминирующее значение в партии, имеющие за собой в России преобладающее большинство подпольных социал-демократических организаций, выпустили с начала войны в наиболее крупных своих центрах (Петроград, Москва, Харьков, Киев, Тула, Кострома, Владимирская губерния, Самара) значительное количество революционных воззваний с требованием прекращения войны, низвержения существующего правительства и устройства республики, причем эта работа ленинцев имела своим

Поражение царской армии в Галиции. Попытки офицеров задержать паническое бегство солдат.
Рис. П. Владимирова

Братание. *Рис. И. Владимирова*

осязательным результатом устройство рабочими забастовок и беспорядков»[1].

Большевики шли к солдатам с ясной программой, разработанной Лениным, с четкими и понятными лозунгами, которые освещали самые больные и злободневные вопросы. Опираясь на недовольство солдат, на жадную тягу к миру, разоблачая режим мордобоя, предательство и бездарность командиров, большевики осторожно, но настойчиво подводили пробуждающихся солдат к программе революционного действия.

«Превращение современной империалистской войны в гражданскую войну есть единственно правильный пролетарский лозунг»[2] — так охарактеризовал программу революционной борьбы манифест Центрального комитета большевистской партии, опубликованный 4 ноября 1914 года. Только на этом пути могли вырваться пролетариат и трудящиеся из

смертельного кольца войны, только в таком превращении надо было искать выхода из тупика, куда завели страну буржуазия и ее лакеи — меньшевики и эсеры.

Но такая программа требовала определенного революционного действия, и Ленин указал, что именно нужно делать:

«Революция во время войны есть гражданская война, а *превращение* войны правительств в войну гражданскую, с одной стороны, облегчается военными неудачами («поражением») правительств, а с другой стороны, *невозможно* на деле стремиться к такому превращению, не содействуя тем самым поражению»[1].

В другом месте Ленин писал:

«Единственной политикой действительного не словесного разрыва «гражданского мира», признания классовой борьбы является политика *использования* пролетариатом *затруднений* своего правительства и своей буржуазии *для их низвержения*. А этого нельзя достигнуть, к этому *нельзя стремиться*, не желая поражения своему правительству, не содействуя такому поражению»[2].

Лозунг поражения своего правительства являлся ведущим в большевистской тактике во время империалистской войны. Задачей большевиков было широко использовать расстроившееся в армии и в стране падение воинской дисциплины и пораженческие настроения для поднятия революционной активности рабочих и солдат. Нужно было внедрить в солдатские массы сознание противоположности интересов империалистского «отечества» и интересов трудящихся, необходимости превращения империалистской войны в войну гражданскую. Это не означало, конечно, как пытались «намекать» троцкисты, помощи германскому империализму, взрыва мостов в России и т. п. Это означало подрыв сил царской монархии — самого варварского правительства, угнетающего огромную массу населения Европы и Азии. Это означало упорную работу по революционному разложению армии, по революционной раскачке масс, продолжение и обострение революционной борьбы в условиях империалистской войны. Вот почему с такой решительностью выступили против этого лозунга все буржуазные и мелкобуржуазные партии в России: кадеты, трудовики, эсеры и все разновидности меньшевиков, в том числе и Троцкий. Плеханов писал по поводу большевистского лозунга:

«Поражение России... замедлит ее экономическое развитие, стало быть, и рост ее рабочего движения»[3].

Троцкий же говорил, что поражение России означает победу Германии. При этом он грубо извращал лозунг Ленина, скрывая, что Ленин выдвигал данный лозунг не только для русских революционеров, но для революционных партий рабочего класса всех стран.

Против лозунга поражения своего правительства боролись не только откровенные социал-предатели и центристы типа Троцкого — его отвергали и правые и «левацкие» элементы в нашей партии. Так в начале войны на совещании в Озерках большевистской фракции Государственной думы с представителями наиболее крупных партийных организаций Каменев критиковал ленинский лозунг пораженчества. Каменев пытался доказать, что печальный для России исход войны был бы нежелателен с точки зрения интересов рабочего движения.

Будучи предан царскому суду вместе с большевистскими депутатами Государственной думы, он также пытался отмежеваться от партии в вопросе пораженчества.

Точно так же группа русских эмигрантов, руководимая тов. Бухариным и критиковавшая «слева» Ленина, в своих тезисах подчеркивала, что она категорически отвергает

«выставление в качестве лозунга для России так называемого «поражения России»,

и указывала на

«абсолютную невозможность практической агитации в этом духе»[4].

С лозунгом поражения своего правительства теснейшим образом был связан большевистский лозунг *братания* солдат враждебных империалистских армий. Наблюдая стихийные вспышки братания, Ленин внимательно следил за развитием этой революционной инициативы масс. Ленин посвятил специальную статью ряду случаев братания на франко-германском фронте, приведенных немецкими, английскими и швейцарскими газетами.

Все более частые случаи братания и на русском фронте позволили партии большевиков выдвинуть *братание* как практический лозунг в борьбе за превращение империалистской войны в войну гражданскую.

На совещании генералов в декабре 1916 года командующие армиями приводили десятки свидетельств распада, разложения армии. Дезертирство, уход целых полков с позиций, отказ итти в атаку, расправы с офицерами и в особенности братание — все это было налицо к концу 1916 года. Картина, нарисованная генералами, нисколько не отличается от того, что рассказывает о положении на австрийском фронте бывший солдат царской армии П. А. Карпухов:

«На фронте зимой 1916 года было спокойно. На передовой линии случалось, что солдаты, видя противника, уже не стреляли. Тем же отвечали и австрийцы. Иногда австрийцы

кричали: «Пане! Кончайте войну!» И звали к себе русских, а русские — австрийцев. У нас еще с октября 1916 года на нашем участке началось братание с неприятелем, за что, конечно, немало влетало от офицерства, а в январе братание у нас уже стало обычным явлением. Доходило до того, что наши солдаты обменивались разными вещами, давая хлеб, сахар и получая ножичек, бритву» [1].

Революционное значение братания заключалось в том, что оно укрепляло сознание интернационального единства трудящихся по обе стороны окопов, приводило к сильнейшему классовому расслоению между офицерством и солдатами, расшатывало силу империалистских армий и развязывало тягу к миру.

Самоотверженная борьба большевистской партии на фоне растущего разложения армии дала быстрые результаты.

4.

ЦАРСКАЯ РОССИЯ — ТЮРЬМА НАРОДОВ.

Война резко отразилась и на положении угнетенных национальностей.

Царская Россия была названа Лениным «тюрьмою народов». Это с исчерпывающей полнотой и яркостью определило жизнь многочисленных национальностей «державы Российской».

При самодержавии в тяжких условиях находились все трудящиеся, но особенно невыносимым было положение трудящихся нерусских национальностей, или, как их тогда презрительно называли, «инородцев». Экономическая эксплоатация в отношении их усугублялась жесточайшим национальным угнетением. Даже те жалкие права, которыми пользовались трудящиеся-русские, безгранично урезывались для угнетенных национальностей. Политическое бесправие, административный произвол и культурный гнет несло самодержавие порабощенным народностям.

Политика русских царей носит ярко выраженный завоевательный характер.

В XVI—XVII столетиях русский царизм, отражая интересы господствующих классов, предпринимает широкие военные походы на Восток. Он накладывает грабительскую лапу на земли Среднего и Нижнего Поволжья, осуществляет покорение Сибири, достигая Великого океана, вторгается в степные пределы левобережной Украины. С еще большей резкостью проявляются интересы дворян, торгового и зарождающегося промышленного капитала в военных планах Петра I, стремившегося «стать твердой ногой» на берегах Балтийского, Черного и Каспийского морей. При нем были захвачены районы нынешней Эстонии, части Латвии и Финляндии, кавказское побережье Каспия. Екатерина II присоединила к России северное побережье Черного моря, Крым, правобережную Украину, Белоруссию, Литву и Курляндию. Александр I отнял у шведов Финляндию, у турок — Бессарабию и получил после войны с Наполеоном часть Польши с Варшавой. При нем же Россия закрепилась в Грузии и начала многолетнюю войну за порабощение кавказских горцев. Война эта продолжалась и на всем протяжении царствования Николая I. Александр II закончил покорение Кавказа, отнял у Китая Приамурский и Уссурийский края, захватил огромные территории в Средней Азии. Последний из русских царей Николай II, продолжая политику отцов и дедов, пытался вначале осуществить присоединение Манчжурии и Кореи, а затем вступил в мировую войну, преследуя захват Константинополя, Турецкой Армении, Северной Персии и Галиции...

Зловещая тень двуглавого орла реяла на огромном пространстве империи, простираясь от берегов Балтики до вершин Кавказа и от солнечных степей Украины до среднеазиатских песков и сопок Дальнего Востока.

Каждый шаг русского царизма, как и деятельность всех буржуазных правительств Европы, был отмечен огнем, кровью и насилием. Нищета и безысходное горе сопровождали победное шествие капитализма в аулы Кавказа, кишлаки Туркестана и финско-тюркские деревни Поволжья.

Царское правительство не останавливалось в случае сопротивления перед поголовным истреблением и выселением местного населения захваченных областей. Десятки цветущих горских аулов были превращены в развалины и пепел. Дым пожарищ стлался по ущельям.

«Зловещая тень двуглавого орла реяла по огромном пространстве империи». *Рис. Н. Радлова.*

Вырубались леса, сравнивались с землей селения, вытаптывались посевы, расхищалось имущество горцев вплоть до домашнего скарба.

Отнятые у коренного населения земли раздавались русским офицерам, помещикам, кулакам. Тысячи богатейших барских усадеб создавались на расхищенных землях башкир на Волге; огромные роскошные царские и княжеские имения вырастали на Кавказе, в Крыму, в Средней Азии. Проведение этой «земельной реформы» в порабощенных областях сопровождалось насаждением крепостного права. Петр I ввел его в Прибалтийском крае, Екатерина II — на Украине, Николай I старательно укреплял его на Кавказе.

Следом за царским генералом в завоеванные районы шел русский помещик, устремлялись фабрикант и купец. Национальные области наводнялись русскими солдатами, жандармами, чиновниками. Вместе с ними пробирался туда и православный поп, утверждавший крестом право штыка и золота.

Военное насилие и разбой сменялись еще более страшным экономическим угнетением. Присоединенные районы превращались в колонии капитализма, становясь главными поставщиками сырья и топлива для развивающейся промышленности России. Украина дала ей донецкий уголь и криворожскую руду, Кавказ — нефть, Средняя Азия — хлопок и т. д.

На смену старинным крепостям с бастионами и пушками возводились помещичьи усадьбы, кулацкие хутора, капиталистические фабрики. А рядом с ними вырастали тысячи, десятки тысяч «божьих» церквей и государевых кабаков. В царских кабаках спаивали местное население водкой, в церквах кадили ладаном и возносили молитвы за успех колонизаторской политики «белого царя». Многочисленная армия попов усердно трудилась над внедрением в умы «дикарей» основ православия и самодержавия.

Выстроенные церкви обращались в орудия дополнительного грабежа национального населения. Новокрещеных из «инородцев» приучали к православию путем штрафов за непосещение исповеди, за незнание молитв, несоблюдение обрядов и т. д.

Проповедь христианства среди угнетенных национальностей носила самый разнузданный и циничный характер. Методы религиозно-просветительной работы миссионеров среди полудиких народов Сибири часто носили провокационный характер.

Приехав в селение, миссионер начинал свою проповедь «честью», давал небольшие подарки: кресты, иконки, табак и т. п. Если это не помогало, он останавливался длительным постоем у непокорных и принимал против них более «решительные» меры. В конце концов миссионер доводил окружающее население до того, что против него начинали раздаваться угрозы. Тогда виновных хватали, отбирали у них имущество, сажали в тюрьму.

Первыми христианскими просветителями среди сибирских племен были беглые, бродячие монахи, вместе с молитвой и святой водицей занесшие в тундры Сибири водку и сифилис.

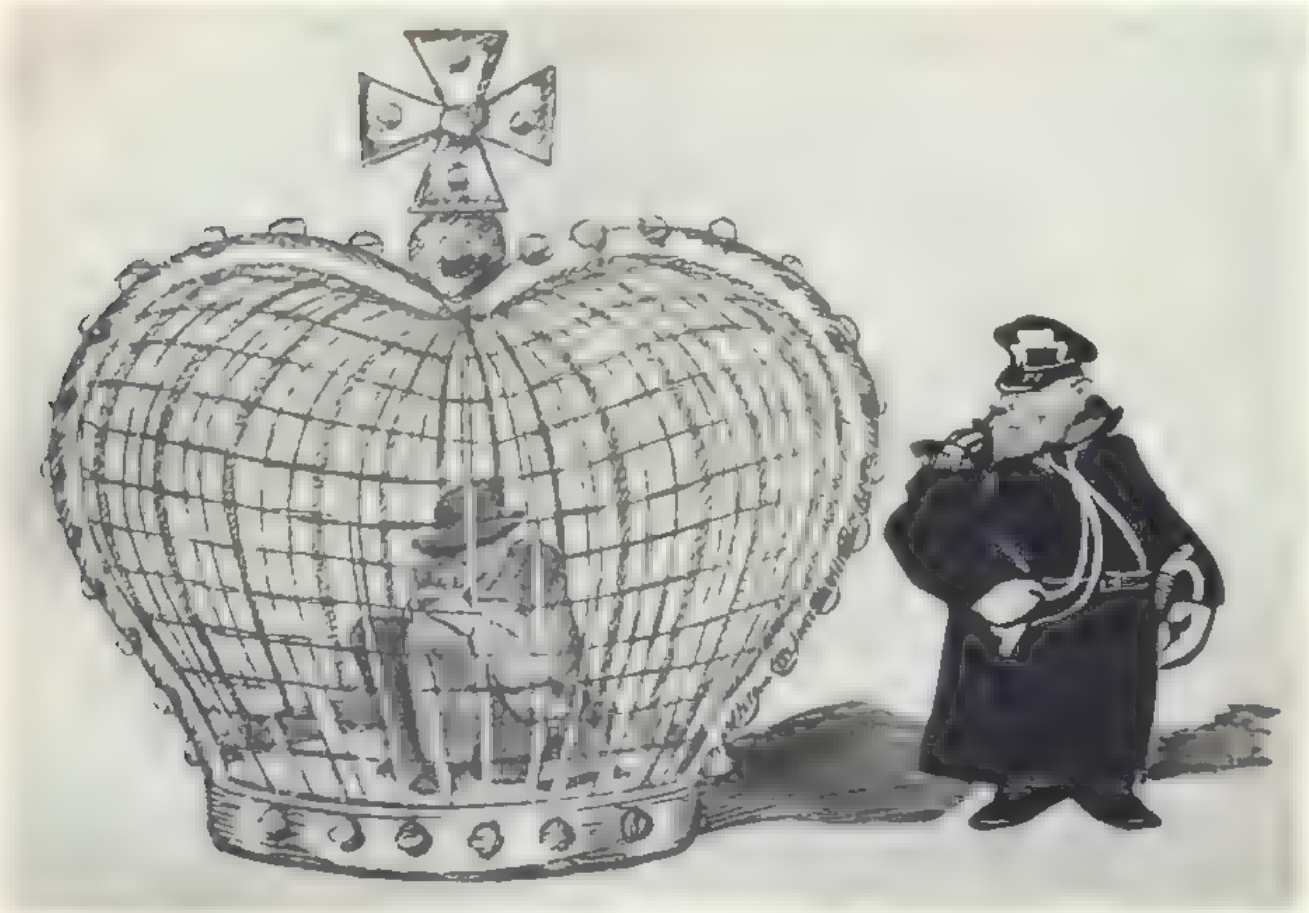
Система широкого спаивания туземцев-звероловов применялась и позднее, во времена деятельности «православного миссионерского общества» — огромного предприятия с 200 тысяч основного капитала. От такого «христианского» попечения сибирские племена в последние годы перед войной вымирали со страшной быстротой.

В течение трех с половиной веков тяготел страшнейший церковный гнет и над мусульманскими народами России. Религиозные гонения, закрытие мечетей (один лишь епископ казанский Лука — 1738—1755 гг. - разрушил в Татарии 418 мечетей из 536) сопровождались насильственным отобранием детей мусульман в церковно-приходские школы.

Русское просвещение среди финско-тюркских племен Поволжья началось с учреждения в Казани духовной академии. Кадры православных миссионеров готовились и восточным факультетом Казанского университета.

Одним из ярчайших актов руссификаторской политики последнего времени является изданный министром народного просвещения графом И. И. Толстым закон — «Правила 31 марта 1906 года». Указывая на необходимость при помощи «науки» усилить в порабощенных народах «любовь к общему отечеству», закон вводил во всех школах для «инородцев» обязательное обучение русскому языку [1]. Но государственная русская школа добросовестно выполняла эту обязанность и до издания закона Толстого. В Польше еще после восстания 1863 года были закрыты все национальные университеты и гимназии и заменены русскими школами; запрещено было громко разговаривать по-польски в общественных местах — учреждениях, магазинах, на улицах.

Под таким же гнетом находилась Украина. Самое слово «Украина» было признано крамольным и заменено названием «Малороссия». Не допускалось печатание книг и газет на украинском языке, запрещалось преподавание родного языка даже в частных школах и употребление его в публичных выступлениях. Результаты угнетения сказались губительнейшим образом на культуре украинского народа. До присоединения к России Украина в культурном отношении стояла выше Великороссии. К концу прошлого столетия украинские губернии давали поражающий даже для царской России процент неграмотных.



«Так жил и работал российский обыватель». *Карикатура В. Дени из журнала «Бич» № 14 за 1917 год.*

При помощи армии и государственного аппарата — государственной русской школы и православной религии — царское правительство беспощадно осуществляло повсеместную русификацию. То обстоятельство, что большинство порабощенных народностей представляло культурно-отсталые национальности, только облегчало эту задачу. Но даже в тех случаях, когда русский империализм сталкивался с национальностями, по своему экономическому и культурному уровню стоявшими не ниже, а иногда и выше великороссов (как, например, поляки, финны, эстонцы, латыши, отчасти грузины, армяне, украинцы и др.), это не мешало ему проводить русификацию с той же свирепостью и непримиримостью. Александр I, захватывая Финляндию, обещал сохранить в ней сословное самоуправление, которым она пользовалась у Швеции. Но постепенно русское правительство ликвидировало эту автономию, решив сравнять в бесправии Финляндию со всей страной. Польша давно уже была придавлена пятой царского жандарма. Даже куцая реформа, проведенная созданием так называемых органов местного самоуправления (земств и городских дум), на Польшу не распространялась. Не получила Польша и суда присяжных. Многочисленные правовые ограничения были установлены для поляков на государственной службе и в армии.

В особенно бесправном положении находились в царской России евреи. Они были ограничены в праве жительства и свободного передвижения. Исключение составляли только богатые евреи—купцы первой гильдии—и лица с университетским образованием. Классовая политика, которую царское правительство проводило и в национальном вопросе, находила свое отражение в некоторых послаблениях, дававшихся имущим слоям населения. Но все же по сравнению с господствующим русским буржуа и помещиком еврейский или армянский купец чувствовал себя бесправным. Доступ в школу для евреев был ограничен нормой, на государственную службу и железные дороги их совсем не принимали и т. д. Для проживания еврейского населения была отведена так

называемая «черта оседлости». Скученные в городах и местечках губерний Польши, Литвы, Белоруссии и части Украины еврейские массы были обречены на беспросветную нищету.

Местное национальное население подвергалось самому бесстыдному обиранию со стороны царских властей. Система взяток, широко распространенная в царской России вообще, принимала невероятные размеры на далеких окраинах. Тучи прожорливых чиновников, как саранча, поедали последние крохи у трудящихся угнетенных национальностей. В Средней Азии в результате русской колонизации налоги на местное население возросли в 3—4 раза, а в отдельных случаях увеличивались в 15 раз. Население вымирало. Там, где до прихода русских было 45 селений, насчитывавших 956 дворов, через двадцать лет колонизации осталось только 36 селений, объединявших 817 дворов, из которых 225 пустовали. Об этом рассказывают путешественники, посетившие в конце прошлого столетия районы, населенные узбеками. Они рисуют, очевидно, далеко не полную картину всех ужасов, творившихся в царских колониях: царская цензура не допустила бы этого. Но и они упоминают о беспощадных кровавых расправах с туземцами за малейшую попытку возмущения с их стороны. Целые кишлаки выжигались дотла за какое-нибудь одно тело убитого русского, найденное по соседству.

В приказе русского офицера, усмирявшего в 1910 году восстание в Катта-Кургане, с полной бесстыдностью сказано, что

«одна подошва русского солдата ценнее тысячи голов несчастных сартов» (узбеков)[1].

И такие приказы не оставались «фразой». Об этом говорит беспощадная расправа с населением Андижана.

В 1898 году вспыхнуло восстание среди узбеков тогдашней Ферганской области. Во главе его стоял пользовавшийся огромной популяр-

Колониальная политика царизма в Средней Азии. Приезд царских генералов.

Расправа самодержавия с восставшими в Средней Азии в 1916 году.

ностью местный религиозный вождь Дукчи Ишан. В ночь с 17 на 18 мая отряд местных жителей, вооруженных ножами, железными булавами и палками, напал на солдатские казармы в Андижане. Было убито 19 солдат. Царским войскам удалось, однако, быстро подавить восстание. Сотни узбеков, даже не принимавших участия в выступлении, были перебиты. Сравняли с землей все кишлаки, где жили руководители восстания, и на голом месте их выстроили русские селения. Для возмещения убытков, определенных в 130 тысяч рублей, продавалось с молотка имущество не только осужденных, но и их родственников. 18 человек были повешены, 362 — присуждены к каторжным работам от четырех до двадцати лет.

Неудивительно, что народности Средней Азии, как и других колоний, были проникнуты трепетом перед «русским именем». Каждый самый незначительный представитель царской администрации до последнего городового включительно чувствовал себя полным владыкой над подвластными ему «дикарями». Вся система управления была направлена к сохранению и поддержанию необходимых условий для национального угнетения. И власть и церковь советовали русскому населению не считать «некрещеного инородца» за человека.

Русское правительство, предотвращая аграрную революцию, старалось удовлетворить земельные нужды части своих крестьян за счет угнетенных народов. Колонии отдавались в эксплоатацию и разграбление кулакам-крестьянам и казакам. Вместе с тем из переселяемых на окраины крестьян и казаков самодержавие создавало опору в борьбе с коренным национальным населением.

Помещичья верхушка, представленная партиями «союза русского народа», «националистами» и другими, вместе с военщиной, бюрократией и монархической печатью («Земщина», «Русское знамя», «Новое время», «Московские ведомости», харьковский «Южный край», тифлисский «Кавказ», «Киевлянин» и другие газеты) развивала бешеную националистическую кампанию против всех «инородцев», особенно изощренно

разжигая антисемитизм, организуя еврейские погромы на Украине, армяно-тюркскую резню в Закавказье и т. д. Правительство со своей стороны поощряло национальную рознь между отдельными народностями. Натравливая их друг на друга, царизм упрочивал свое господство над угнетенными национальностями, предотвращал возможность их объединения, создания единого интернационального фронта угнетенных народов против русского самодержавия.

Политика царизма среди угнетенных национальностей выражалась древним политическим лозунгом Рима: «Разделяй — властвуй».

Все население Российской империи резко разграничивалось на два лагеря: с одной стороны, великороссы, которым всячески внушалось, что они представляют собой привилегированную великодержавную нацию, с другой — зависимые, неполноправные народы.

Один из лидеров партии «Всероссийского национального союза» писал в «Новом времени» — газете, издававшейся Сувориным и отличавшейся даже среди черносотенной прессы особенным изуверством в разжигании национальной розни и утверждении российского великодержавия:

«Мы, божией милостью, народ русский, обладатель великой и малой и белой России, принимаем это обладание как исключительную милость божию, которою обязаны дорожить и которую призваны сохранить всемерно. Нам, русским, недаром далось это господство... Ни с того, ни с сего делить добытые царственные права с покоренными народцами — что же тут *разумного*, скажите на милость? Напротив, это верх политического слабоумия и представляет собой историческое мотовство, совершенно подобное тому, как в купечестве «тятенькины сынки», получив миллион, начинают разбрасывать его лакеям и падшим женщинам. Сама природа выдвинула племя русское среди многих других как наиболее крепкое и даровитое. Сама история доказала неравенство маленьких племен с нами»[1].

Великодержавно-националистические установки наиболее ярко были отражены в программе черносотенного «союза русского народа». В ней говорилось:

«Русской народности, собирательнице земли русской, создавшей великое и могущественное государство, принадлежит первенствующее значение в государственной жизни и в государственном строительстве... Все учреждения государства Российского объединяются в прочном стремлении к неуклонному поддержанию величия России и преимущественных прав русской народности, но на строгих началах законности, дабы множество инородцев, живущих в нашем отечестве, считали за честь и благо принадлежать к составу Российской империи и не тяготились бы своей зависимостью...»[2]

Национальная политика черносотенцев находила полное одобрение у партий октябристов и «националистов». Первым пунктом программы партии «националистов» значилось

«упрочение русской государственности на началах самодержавной власти»[3].

Более умеренные буржуазные партии, как кадеты, которые называли себя партией «народной свободы», и другие, отражавшие интересы капиталистических помещиков и промышленного капитала, особенно легкой индустрии, т. е. групп, которые более других нуждались во внутреннем рынке, стремились достичь своих националистических целей путем некоторых внешних уступок буржуазным элементам угнетенных национальностей. Но, конечно, и эти партии не допускали никаких колебаний в вопросах единства русского государства и дальнейших захватов чужих земель. Лозунг «единой и неделимой России» был общим для всего буржуазного лагеря.

Ленин, говоря о позиции кадетов в национальном вопросе, спрашивал, чем они отличаются от национализма и шовинизма «Нового времени» и К°, и отвечал:

«Только белыми перчатками да более дипломатически-осторожными оборотами. Но шовинизм и в белых перчатках и при самых изысканных оборотах речи отвратителен»[4].

Так называемые социалистические партии, признавая на словах право угнетенных национальностей на самоопределение, на деле также отстаивали неприкосновенную цельность Российского государства. Партия социалистов-революционеров, выскакивая за построение государства на федеративных началах, в то же время никаких прав на государственное отделение нациям не предоставляла, ограничивая разрешение национального вопроса областью культуры и языка.

Существовавшие в пределах России националистические партии — «Польская партия социалистов» среди поляков, «Дашнакцутюн» среди армян, «Бунд» среди евреев и т. п. — давали буржуазное в общем освещение национального вопроса, стоя за разделение организации рабочего класса по национальностям. Они сводили его к узким проблемам своей национальности, отражая взгляды мелкобуржуазных слоев и извращая интернациональную пролетарскую линию. Одним из таких «решений» национального вопроса был проект «культурно-национальной автономии». Выдвинутый австрийскими социал-демократами, нашедший поддержку у еврейского «Бунда» и встретивший сочувственный отклик в среде меньшевиков, в том

Жертвы армяно-татарской резни в Баку.

числе кавказских, он сводился к подмене большевистского лозунга о самоопределении нации вплоть до отделения мелкобуржуазным националистическим лозунгом организации особых общегосударственных национальных союзов для руководства школьными, культурными и другими делами своей национальности.

Сталин указывал, что «культурно-национальной автономией»

«разбивается единое классовое движение на отдельные национальные ручейки... распространяя вредные идеи взаимного недоверия и обособления рабочих различных национальностей»[1].

В то же время «культурно-национальная автономия» являлась проповедью лозунга межклассового объединения. Так меньшевики и в национальном вопросе дезертировали с классовых интернациональных позиций пролетариата.

Большевики, вырабатывая под руководством Ленина и Сталина свою национальную политику, учитывали огромное значение национального вопроса для пролетарской революции, особенно в условиях России, где нерусские национальности представляли собой большинство населения (56,7 процента), а великороссы — меньшинство (43,3 процента). Партия большевиков прилагала все усилия, чтобы не допустить раскола между русским пролетариатом и рабочими других национальностей.

Ленин и Сталин дали исчерпывающую критику программ буржуазных и мелкобуржуазных партий по национальному вопросу. Большевистская партийная конференция в сентябре 1913 года — так называемое «августовское, или летнее совещание Центрального комитета» — подтвердила основную установку партии по национальному вопросу — об интернациональном сближении трудящихся, — отметив, что

«интересы рабочего класса требуют слияния рабочих всех национальностей данного государства в единых пролетарских организациях — политических, профессиональных, кооперативно-просветительных и т. д.

Что касается до права угнетенных царской монархией наций на самоопределение, т. е. на отделение и образование самостоятельного государства, то социал-демократическая партия безусловно должна отстаивать это право... Этого требует... дело свободы самого великорусского населения, которое не способно создать демократическое государство, если не будет вытравлен черносотенный великорусский национализм, поддерживаемый традицией ряда кровавых расправ с национальными движениями и воспитываемый систематически не только царской монархией и всеми реакционными партиями, но и холопствующим перед монархией великорусским буржуазным либерализмом, особенно в эпоху контрреволюции»[2].

Таковы были ленинско-сталинские установки в национальном вопросе.

До империалистской войны буржуазное национально-освободительное движение не выдвигало прямой задачи отделения своих наций от России.

Война с явно наметившимся поражением русской армии породила сильные сепаратистские стремления в среде буржуазных националистических групп. Центробежные силы стали брать верх. С одной стороны, переполнилась чаша национального терпения, с другой — почувствовалось, что запоры, висящие над

«тюрьмою народов», стали терять свою прочность и что при достаточном напоре можно избавиться от них навсегда.

На национальных окраинах началось направленное против русского царизма брожение. В Средней Азии оно вылилось в 1916 году в крупное восстание, охватившее не только казаков, которых до революции называли киргизами, но почти все народы, населяющие степной край (Казакстан) и Туркестан.

Усилилась деятельность буржуазных сепаратистов в среде поляков, финнов и украинцев, выработавших националистическую программу действий. Оживление национально-освободительного движения наблюдалось и среди литовцев, закавказских национальностей и др. До крайности обострились и общие национальные требования, особенно в связи с тем, что империалистская война была объявлена буржуазией войной якобы в защиту слабых наций.

Стремления к отделению от России нашли отражение в организации заграничных съездов националистов-сепаратистов. Была создана «Лига русских народов», которая обратилась в мае 1916 года с коллективной жалобой к президенту Соединенных штатов Вильсону, характеризуя тяжелое положение национальностей в России.

Сепаратистские стремления, возникшие среди народностей России, серьезно учитывались воюющими сторонами. Каждая из них старалась использовать это движение в своих целях. Вот что писал во время войны видный французский деятель Пьер Шантрель премьеру Клемансо:

«Берлин всячески содействует сепаратистским движениям для того, чтобы создать себе на Востоке новых политических и экономических клиентов. У Антанты имеется полное основание действовать параллельно с Германией, чтобы отнять у нее плоды этой работы. Единая и неделимая Россия кончена. Франция должна вмешаться, чтобы перелить ее в федерацию на основе добровольного соглашения договаривающихся частей. Государственные люди Антанты должны понять, что Германии труднее будет справиться с тремя или четырьмя столицами, чем с одним Петербургом»[1].

Угнетенные национальности служили серьезным резервом пополнения человеческого материала действующих армий. Они были теми забитыми рабами войны, которых сама буржуазия с циничной откровенностью называла «пушечным мясом».

Лицемерное объявление империалистской войны «священной войной за освобождение слабых наций» необходимо было буржуазии воюющих стран для того, чтобы заручиться поддержкой угнетенных народностей и населения колоний и для подрыва среди них авторитета враждебной стороны. Германия, например, стремилась вызывать восстания в Ирландии и колониях стран Антанты. Антанта со своей стороны восстанавливала против Германии чехов, поляков и т. д.

Все это на фоне общего обострения империалистских противоречий сильно поднимало волны национально-освободительного движения. Последнее становилось очень серьезным политическим, а местами и революционным фактором.

Один из основных идеологических устоев монархического режима — «единая и неделимая Россия» — к этому времени был уже сильно расшатан всем ходом военных событий, подготовивших и облегчивших успех революции.

5.

ДВА ЗАГОВОРА.

Разложение армии было лишь наиболее ярким показателем общего распада прогнившего полицейского строя. Царский двор, за всю историю Романовых бывший ареной интриг, подкупов, тайных убийств, открыто стал пристанищем проходимцев и темных дельцов. Огромную роль при дворе играл Григорий Распутин, переменивший свою настоящую фамилию на Новых. Крестьянин села Покровского, Тюменского уезда, он в молодости бродил по монастырям, вращался среди святош, странников, юродивых. Вскоре он и сам начал «пророчествовать», собирая вокруг себя кликуш. В деревне его прозвали «Гриша-провидец». Слухи о новом «святоше» дошли до Петрограда, где в ряде великосветских салонов широко распространено было религиозное мракобесие. Распутина вызвали в столицу. Не лишенный ума, хитрый

Распутин в окружении царской челяди. Слева — князь Путятин, справа — полковник Ломан, комендант царскосельского дворца.

мужик быстро приспособился к ханжеской обстановке сановных кружков.

Распутина наперебой приглашали в спиритические дома. На истеричных старух и пресытившихся, скучающих барынь Григорий производил сильное впечатление. Начальник департамента полиции С. П. Белецкий, по должности своей наблюдавший за «старцем» и вместе с этим пользовавшийся его влиянием в интересах своей карьеры, признавался после революции, что Распутин брал уроки гипноза. В великосветских кругах из уст в уста передавали примеры «святости» Распутина, рассказывали о его чудесном даре — исцелять больных. Распутина пригласили ко двору. Наследник престола Алексей страдал гемофилией — постоянными кровотечениями — болезнью, против которой медицина покамест бессильна. Суеверная царица прибегала к помощи странников, гипнотизеров, возила сына прикладываться к мощам. На этой болезненной привязанности истеричной женщины играл Распутин, внушивший царице, что без его молитв наследник умрет. Распутин приобрел огромное влияние при дворе. Императрица писала о нем мужу:

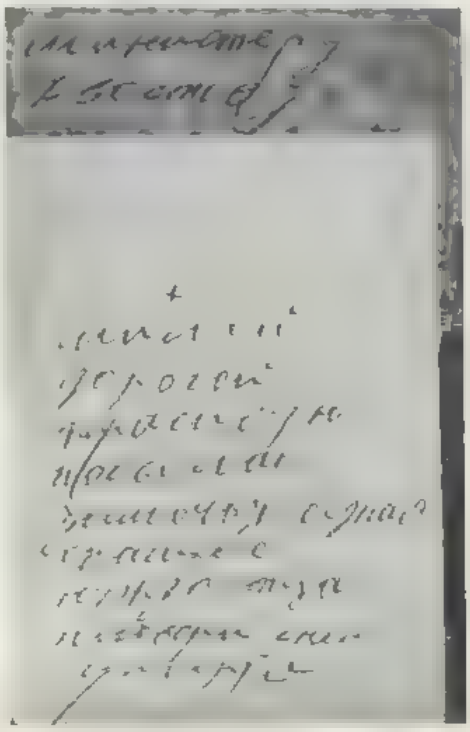
«Милый, верь мне, тебе следует слушаться советов нашего друга. Он так горячо денно и нощно молится за тебя. Он охранял тебя там, где ты был... Только нужно слушаться, доверять и спрашивать совета — не думать, что он чего-нибудь не знает. Бог все ему открывает» [1].

Квартира Распутина, ставшего своим человеком при дворе, была переполнена разными аферистами и темными дельцами. Распутин рассылал министрам просьбы о предоставлении концессии или должности с безграмотной запиской: «Милай, сделай...» Ни одно новое назначение не обходилось без участия «царского лампадника», как прозвали «святого». Когда нужно было назначить министра внутренних дел, царица писала Николаю:

«Любимый мой, А. (Вырубова — приближенная царицы и одна из самых ярых последовательниц Распутина. *Ред.*) только что видела *Андроникова* и *Хвостова* — последний произвел на нее прекрасное впечатление. (Я же его не знаю и потому не знаю, что сказать.) Он очень тебе предан, говорил с ней спокойно и хорошо о нашем друге» [2].

Отзываться хорошо о «друге» было достаточно, чтобы попасть А. Н. Хвостову в министры внутренних дел.

Записка Распутина министру внутренних дел Хвостову.



«Бывшие» — Николай II и его министры. *Карикатура Моора.*

Распутинщина, как дурная болезнь, разъедала царский режим, но Распутин при дворе был далеко не одинок. Буржуазные историки выдвинули его фигуру с целью скрыть, что вся придворная клика представляла собой гнусную, заживо разлагающуюся шайку. При дворе успешно подвизались такие типы, как князь М. М. Андроников, спекулянт, организатор всевозможных дутых предприятий и крупных прибыльных операций, вроде покупки при содействии военного министра Сухомлинова орошаемых земель в Средней Азии. Один из секретарей Распутина Манасевич-Мануйлов, секретный агент полиции, сотрудник реакционной газеты «Новое время», настолько беззастенчиво занимался аферами и взяточничеством, что даже полиция вынуждена была его арестовать. Но в дело вмешалась царица. 10 декабря 1916 года она писала Николаю:

«На деле *Мануйлова* прошу тебя написать *«прекратить дело»* и переслать его министру юстиции. *Батюшин*, в руках которого находилось все это дело, теперь сам явился к А. (Вырубовой. *Ред.*) и просил о прекращении этого дела, так как он, наконец, убедился, что это грязная история, поднятая с целью повредить нашему другу» [1].

Не Распутин, а распутинщина — мракобесие, изуверство, умственное убожество и моральное гниение, нашедшие в Распутине только наиболее яркое выражение, — вот что характеризовало режим Романовых.

Растущей катастрофе царизм смог противопоставить только новые репрессии и усиление и без того каторжных порядков. Разогнали последние остатки профессиональных союзов. Промышленные города беспощадно очищались от «подозрительных» по революционности элементов. Тюрьмы были переполнены. Но министры не справлялись с разрухой. Их стали смещать. Началась министерская чехарда. За два года войны сменилось четыре председателя Совета министров — И. Л. Горемыкин, Б. В. Штюрмер, А. Ф. Трепов, Н. Д. Голицын, — шесть министров внутренних дел, три — военных, три — иностранных дел. Они появлялись, недолго маячили на поверхности и исчезали. Это называлось «министерской чехардой». Совет министров иронически именовали «кувырк-коллегией». Распределение портфелей зависело от рекомендаций темных проходимцев, от мнения «звездной палаты», как называли кружок Распутина. Часто играли роль и другие мотивы. Упрашивая Николая назначить Штюрмера председателем

Совета министров, царица писала, что голова у нового кандидата «*вполне* свежа» [1]. Н. А. Маклакова назначили министром внутренних дел по следующему, как он сам признался, поводу: когда Николай после убийства Столыпина приехал из Киева в Чернигов, где Маклаков был губернатором, там была «отличная погода, хорошее, бодрое настроение» [2]. Губернатора отметили. Маклаков был очень необходим в дворцовом обиходе: умел петь петухом, подражал «влюбленной пантере» и другим животным. Этих шутовских свойств было достаточно, чтобы получить министерский портфель.

Ни частые сальто-мортале (смещения) министров, ни «денные и нощные» молитвы «друга» — ничто не помогало. Страна и армия все больше и больше революционизировались. Старые противоречия разгорались с новой силой, создавая и накапливая день за днем элементы революционной ситуации.

Общая разруха с особой силой отразилась в продовольственном кризисе осени 1916 года. Резко упал подвоз хлеба. Петроград ежедневно получал только треть следуемых ему вагонов. У продовольственных магазинов выросли огромные очереди. Собирались задолго до рассвета, простаивали целые ночи, а утром голодный паек доставался только части ожидающих. Бесконечные хвосты играли роль митингов и заменяли собой революционные прокламации. Тут же обменивались новостями. Нередко выступали агитаторы, разъясняя, кто создал продовольственные затруднения. Настроение широких масс быстро поднималось. Начальник пермской жандармерии сообщал 18 октября 1916 года:

«Умы встревожены; недостает лишь толчка, дабы возмущенное дороговизной население перешло к открытому возмущению» [3].

Начальник московской охранки доносил 20 октября:

Очередь у хлебной лавки. *Рис. Бахрамова.*

«В дни кризиса напряжение масс доходит в Москве до той степени, что приходится ожидать, что это напряжение может вылиться в ряд тяжелых эксцессов» [1].

Правительство попыталось было внести успокоение в народ. Министр земледелия граф А. А. Бобринский выступил с разъяснениями, но его беседы с газетчиками дали только пищу для нового возбуждения. В массах стало известно, что продовольственную политику ведет крупный помещик, известный сахарозаводчик, миллионер, чуждый и враждебный народу.

Партия большевиков несмотря на ряд арестов, вырвавших из ее рядов видных руководителей, — совсем недавно, в ночь с 20 на 21 июля 1916 года, были арестованы 30 человек, среди них члены Петербургского комитета, — к осени восстановила свои организации и широко развернула работу. На заводах ожили большевистские кружки. Отдельные кружки слились в районные организации. Усилилось распространение революционной литературы. В середине октября в столице вышел листок «К пролетариату Петербурга»; Петербургский комитет большевиков указывал:

«С каждым днем жизнь становится труднее... Война кроме миллионов убитых... несет в себе и другие беды: продовольственный кризис и связанную с ним дороговизну. Страшный призрак «царь-голод»... вновь угрожающе надвигается на Европу... Довольно терпеть и молчать! Чтобы устранить дороговизну и спастись от надвигающегося голода, вы должны бороться против войны, против всей системы насилия и хищничества» [2].

Призыв партии упал на горячую почву. 17 октября забастовал завод «Рено» на Выборгской стороне. Рабочие двинулись к другим предприятиям. Скоро толпа демонстрантов залила Сампсониевский проспект. У казарм 181-го полка полиция хотела арестовать агитатора, но толпа его отстояла. Солдаты выбежали из казарм и стали забрасывать городовых камнями. Вызвали командира полка. Возбужденные рабочие и солдаты разбили автомобиль и ранили полковника. Поздно вечером офицеры вызвали учебную команду полка. Она отгородила казармы от демонстрантов, однако стрелять в толпу несмотря на троекратный приказ не стала. Прискакали казаки, но, видимо, побоялись вооруженных солдат. Рабочие пошли снимать с работы другие заводы. На следующий день забастовало большинство предприятий Выборгской стороны. Заводы не работали три-четыре дня.

Суд над матросами, арестованными за создание большевистской организации в Балтфлоте, должен был состояться 25—26 октября. Большевики призвали петроградских пролетариев протестовать против царского суда. 25 октября на улицы столицы вышло несколько десятков тысяч рабочих с песнями и плакатами: «Долой войну! Долой казнь!» Полиции не удалось смять демонстрацию. Весь день в разных районах города происходили выступления. Всего в октябре бастовало по всей стране около 187 тысяч — втрое больше, чем в предыдущем месяце (в сентябре 47 тысяч), и во много раз больше, чем за любой период войны. Но дело было не только в росте стачечной волны: октябрьские забастовки носили резко выраженный политический характер и шли под руководством той самой большевистской партии, которую полиция считала начисто ликвидированной. Директор департамента полиции хвастался этой ликвидацией в запоздалом донесении министру внутренних дел. 30 октября, когда министр читал донесение о разгроме большевистской партии, в его руках были также сводки о новой стачке и демонстрации неслыханных с 1914 года размеров. Особенно тревожило господствующие классы то, что рабочие стали вовлекать в движение солдат.

Буржуазия, предчувствуя нарастающую грозу, постучалась в дверь к самодержавию. Теперь самодержавие нужно было буржуазии не только для продолжения войны до победы, но и для борьбы с революцией. Кадеты с тревогой отмечали быстрое нарастание революции. На заседании Московского комитета кадетской партии 23 сентября Кишкин, видный руководитель кадетов, доказывал, что страна доведена бездарным правительством до революции. Кишкин надеялся, что это бросит правительство в объятия кадетов, заставит самодержавие пойти на уступки. 23—24 октября 1916 года в Москве состоялась партийная конференция кадетской партии. Она обнаружила даже по признанию охранки, агенты которой присутствовали на конференции, «непомерный страх перед революцией». Милюков предостерегал против поощрения «революционных инстинктов»:

«Нашей задачей будет не добивать правительство, что значило бы поддерживать анархию, а влить в него совершенно новое содержание, т. е. прочно обосновать правовой конституционный строй. *Вот почему в борьбе с правительством несмотря на все необходимо чувство меры*» [3].

Так говорили кадеты, и ту же позицию занял весь прогрессивный блок Думы. Недавние оппозиционеры говорили уже не о борьбе с правительством во имя войны, а о помощи ему в борьбе с революцией. Но монархия уже не справлялась ни с тем, ни с другим. Тяжелые поражения на фронте показали, что царизм не способен вести победоносную войну. Непрерывно растущая разруха говорила о его бес-

силии вывести страну из тупика. Как только выяснились размах и характер петроградской стачки 25—26 октября, буржуазия заговорила другим, более твердым языком. Правый депутат Шульгин выступил 3 ноября в Государственной думе с речью:

«Мы терпели бы, так сказать, до последнего предела. И если мы сейчас выступаем совершенно прямо и открыто с резким осуждением этой власти, если мы поднимаем против нее знамя борьбы, то это только потому, что действительно мы дошли до предела, потому что произошли такие вещи, которые дальше переносить невозможно» [1].

В том же заседании выступил кадет Маклаков, заявивший:

«Мы, господа, работать с этим правительством больше не можем, мы можем ему лишь помешать, как оно будет мешать нам, но совместная работа стала совсем невозможна, и пусть выбирают: мы или это правительство» [2].

Несколько раньше — 1 ноября — в Думе выступил Милюков. Сообщив ряд конкретных фактов из неумелой, продажной практики правительства, Милюков каждый раз спрашивал: «Что это — глупость или измена?» [3] Лидер кадетов резко критиковал председателя Совета министров Штюрмера, обвиняя его в предательстве интересов России. Милюков говорил о «темных силах» [4], окружающих трон. Он в очень осторожной форме говорил о предательстве на самом верху, намекая на императрицу, которую молва обвиняла в сочувствии немцам. Центральный пункт речи Милюкова: правительство не в состоянии вести войну до победного конца. От имени всего прогрессивного блока выступил С. Шидловский с официальным заявлением:

«Ныне мы вновь поднимаем свой голос уже не для того, чтобы предупредить о грозящей опасности, а для того, чтобы сказать, что правительство в настоящем своем составе не способно с этой опасностью справиться»... и должно «уступить место лицам, объединенным одинаковым пониманием задач переживаемого момента и готовым в своей дентельности опираться на большинство Государственной думы и провести в жизнь его программу» [5].

Буржуазия требовала уже не «министерства доверия», а ответственного министерства, т. е. целиком отвечающего перед Думой. Такое правительство смогло бы по мнению лидеров оппозиции подавить революцию и продолжить войну.

Как ни резко выступала буржуазия против самодержавия, но она всячески подчеркивала, что острота борьбы объясняется угрозой революции. Тот же Шульгин говорил в Думе:

«Такая борьба есть единственный способ предотвратить то, чего больше всего, может быть, следует бояться, — предотвратить анархию и безвластие» [6].

Выступление прогрессивного блока встретило поддержку и среди крайних правых. Пуришкевич резко критиковал правительство и «темные силы», управлявшие страной [7]. Даже Государственный совет, в который подбирались наиболее преданные престолу люди, — даже эта палата сановных реакционеров приняла 22 ноября резолюцию о смене министерства [8]. Съезд объединенного дворянства — и тот заговорил о «темных силах» и создании нового правительства. Правда, дворянская резолюция указывала, что новое министерство должно быть ответственно только перед монархом [9], но и в таком виде выступление съезда говорило о разрыве между правящей верхушкой и известной частью ее классовых друзей. Осенью 1915 года прогрессивный блок был встречен чуть ли не в штыки теми, кто осенью 1916 года повторял его требования, — так колебалась почва под ногами у господствующих классов страны.

Самодержавие очутилось перед выбором: либо продолжать войну и столкнуться с восстанием рабочих и крестьян, либо пойти на мирную сделку с немцами и тем самым смягчить революционное недовольство. В этом последнем случае царизму пришлось бы встретиться с сопротивлением буржуазии, которой война была нужна как неиссякаемый источник прибыли, как путь к завоеванию новых рынков. Царь и его окружение решили покончить с войной, полагая, что с оппозицией буржуазии все же справиться будет легче, чем с восстанием масс.

Но открыто объявить о своем намерении было рискованно: слишком возбуждены были буржуазные круги, да и союзники давно уже с возрастающим недоверием следили за политикой самодержавия.

Русская буржуазия во время войны не раз пыталась обратиться к англо-французским империалистам с жалобой на стеснения в «патриотической» работе. Иностранных капиталистов интересовала не только царская армия, без которой нечего было и думать о победе над Германией. В ряде отраслей — металлургической, химической — большая часть российской промышленности принадлежала иностранному капиталу. Буржуазия Англии и Франции была заинтересована в бесперебойной прибыльной «работе на оборону». В конце марта 1916 года Родзянко получил приглашение от правительств Англии, Франции и Италии прислать делегацию Государственной думы для ознакомления с работой иностранной оборонной промышленности. Весной 1916 года ряд депутатов, в том числе Милюков, Протопопов, выехал за границу.

Оттуда, в свою очередь, в апреле 1916 года приехали представители иностранных правительств. Прибыли Альбер Тома, видный деятель II Интернационала, и Вивиани — оба «социалисты», члены французского министерства. Николая тщательно подготовили к встрече с делегатами, заверив его, что хотя они и «социалисты», но все силы отдают делу обороны империалистского отечества. Вот какую характеристику одному из них дал французский президент Пуанкаре, прозванный «Пуанкаре-Война» за резко выраженную империалистскую политику:

«Альбер Тома, помощник государственного секретаря и министр военных снабжений, руководил во Франции с удивительным уменьем и неутомимым рвением производством артиллерийских орудий и снарядов... Он содействовал развитию во Франции производства, которое, к сожалению, было весьма незначительно и остается таким до сих пор в союзных с нами странах. Он сумел объединить для этой цели в едином усилии инициативу государства и частной промышленности; он обеспечил себе верную помощь хозяев и рабочих, и вот уже много месяцев, как все производительные силы страны стремятся к увеличению нашего военного снаряжения...» [1]

Это был аттестат всему II Интернационалу за верную службу империализму.

Альбер Тома приехал в Россию, чтобы добиться улучшения работы на оборону и посылки 400 тысяч русских солдат во Францию. Тома и Вивиани пробыли в России до 17 мая 1916 года. Они посетили военные предприятия, беседовали с крупнейшими капиталистами, генералами, с императором, добиваясь устранения всех препятствий в работе оборонной промышленности. Французские «социалисты» пытались было уговаривать и рабочих, но встретили такой прием, что Тома счел нужным посоветовать самодержавию принять против них особые меры. Альбер Тома, как сообщает Палеолог, заявил председателю Совета министров Б. Штюрмеру:

«Заводы ваши работают недостаточно напряженно, они могли бы производить в десять раз больше. Нужно было бы милитаризировать рабочих» [2].

Русскому царю, без того славившемуся дикой эксплоатацией пролетариата, лидеры II Интернационала предлагали превратить рабочих в военных рабов.

Английский посол Джордж Бьюкенен не раз указывал Николаю на тяжелое положение страны. Чем больше Россия терпела поражений, тем настойчивей становились «советы» английского посла. Бьюкенен буквально преследовал царя, сообщая о каждом мелком факте, который можно было истолковать как неблагоприятный для Англии. Поведение английского посла в России мало чем отличалось от поведения его товарища в каком-нибудь Сиаме. Николай, наконец, потерял равновесие от этих постоянных указаний. Он стал принимать посла не запросто, как обычно, а в полной парадной форме, намекая тем самым, что Бьюкенен должен держаться строго официально и воздержаться от «советов». Намек не достиг цели. Напротив, Бьюкенен перешел к прямым угрозам. Когда Николай сменил министра иностранных дел С. Д. Сазонова и посадил на его место Б. В. Штюрмера, слывшего сторонником мира с Германией, Бьюкенен телеграфировал в Лондон:

«Судя по всем данным, он (Штюрмер. *Ред.*) является германофилом в душе. К тому же, будучи отъявленным реакционером, он заодно с императрицей хочет сохранить самодержавие в неприкосновенности... Если император будет продолжать слушаться своих нынешних реакционных советников, то революция, боюсь, является неизбежной» [3].

Французский коллега Бьюкенена еще резче выразил свое отношение к политике Николая. Морис Палеолог в своих мемуарах очень часто сравнивал себя с французским послом Шетарди, как известно, помогавшим в XVIII веке Елизавете Петровне отнимать у правительницы Анны Леопольдовны престол. Смена Сазонова вызвала у Палеолога другое историческое сравнение. Французский посол записал в своем дневнике следующий разговор с великой княгиней Марией Павловной:

«Что делать?.. Вот уже 15 дней мы все силы тратим на то, чтобы попытаться доказать ему (Николаю II. *Ред.*), что он губит династию, губит Россию, что его царствование... скоро закончится катастрофой. Он ничего слушать не хочет. Это трагедия... Мы, однако, сделаем попытку коллективного обращения — выступления императорской фамилии...

Ограничится ли дело платоническим обращением?..

Мы молча смотрим друг на друга. Она догадывается, что я имею в виду драму Павла I, потому что она отвечает с жестом ужаса:

— Боже мой! Что будет?..» [4]

Посол не останавливался перед цареубийством, когда ему казалось, что Николай недостаточно твердо соблюдает верность союзникам.

При таких условиях самодержавию приходилось сохранять крайнюю осторожность в своих планах. 10 ноября царь уволил Штюрмера, которого обвиняли в измене, и назначил председателем Совета министров А. Ф. Трепова, брата того самого петербургского генерал-губернатора, который в революцию 1905 года издал зна-

менитый приказ: «Патронов не жалеть». Трепов был сыном петербургского градоначальника, в которого стреляла 24 января 1878 года В. Засулич. Трепов, крупный землевладелец Полтавской губернии, был связан с некоторыми депутатами в Думе по своей прежней работе в правительстве. 19 ноября новый председатель представился Думе и сразу объявил, что Константинополь союзники отдадут России.

«Русский народ должен знать, за что он льет свою кровь» [1],

добавил Трепов, сообщая помещикам и буржуазии приятную новость.

Предполагалось, что эти уступки временно успокоят взволнованных депутатов, а в дальнейшем можно будет взять иной курс. Николай, назначая Трепова, с недоверием принятого при дворе, успокаивал царицу:

«Противно иметь дело с человеком, которого не любишь и которому не доверяешь... Но раньше всего надо найти ему преемника, а потом вытолкать его после того, как он сделает грязную работу, — я подразумеваю — дать ему отставку, когда он закроет *Думу*. Пусть вся ответственность и все затруднения падут на его плечи, а не на плечи того, который займет его место» [2].

Заговор царской клики сводился к следующему. Предполагалось запретить «союзы», как называли в правительственных кругах буржуазные организации, разогнать Государственную думу, выбрать новую, вполне «ручную», сосредоточить в руках одного «полномочного лица» всю полноту власти, заключить сепаратный мир с Германией и обрушиться против революции.

Пути к миру с Германией нащупывались уже давно. Еще в 1915 году, в разгар бегства русской армии из Галиции, в Петроград пришли письма от фрейлины русской императрицы М. А. Васильчиковой из Австрии, где она постоянно жила в своем имении. Васильчикова, как это часто бывало в высших кругах, состояла в родстве с рядом немецких аристократов и русских сановников. Знали ее и при дворе. Фрейлина прислала три письма Николаю с предложением мира от имени Вильгельма, а потом, в декабре, и сама пробралась в столицу, пытаясь переговорить с царем. Слухи о сепаратном мире проникли в общество, и Васильчикову пришлось выслать из столицы. В апреле 1915 года царица получила письмо от своего брата герцога Гессенского, предлагавшего начать переговоры о мире. Герцог, не дождавшись ответа, послал в Стокгольм доверенного человека для встречи с кем-либо из представителей самодержавия. Царица писала о брате Николаю:

«У него возник план послать частным образом доверенное лицо в Стокгольм, которое встретилось бы там с человеком, посланным от тебя (частным образом), и они могли бы помочь уладить многие временные затруднения... Эрни (так звали в домашнем кругу герцога. *Ред.*) послал уже туда к 28-му (два дня тому назад, а я узнала об этом только сегодня) одно лицо, которое может пробыть там только неделю, — я немедленно написала ответ и послала этому господину, сказав ему, что ты еще не возвращался и чтобы он не ждал, и что хотя все и жаждут мира, но время еще не настало» [3].

Царственные родственники в семейном порядке решали судьбы народов.

В 1916 году снова было сделано несколько попыток начать переговоры о мире с Германией. В июле месяце в Стокгольме состоялось свидание германского представителя Варбурга с товарищем председателя Государственной думы Протопоповым, который ездил с делегацией Думы за границу. В беседе Варбург изложил условия, на которых Германия согласна заключить мир.

Вернувшись в Россию, Протопопов сделал сообщение о своей беседе в кругах Думы. Николай узнал о беседе Протопопова в Стокгольме и немедленно вызвал его во дворец. В Думе по признанию Милюкова испугались, «как бы это предложение (Варбурга. *Ред.*) не было принято серьезно». Милюков просил Протопопова смотреть на весь инцидент «как на случайный эпизод туриста и в этой форме изложить» [4] Николаю. Но Протопопов, видимо, знал, как угодить царю. «Я чувствовал, что он остался очень доволен моим докладом» [5], рассказывал Протопопов на допросе после революции 1917 года. Он не ошибся: 18 сентября его по предложению Распутина назначили управляющим Министерством внутренних дел. У Николая при этом был двойной расчет. Протопопов, товарищ председателя Думы, числившийся октябристом, был председателем совета съездов металлургической промышленности, т. е. имел прочную связь с промышленными кругами и являлся крупным владельцем — около 5 тысяч десятин земли в Симбирской губернии. Царь полагал, что, назначая Протопопова министром, тем самым перебрасывал мостик к буржуазии. С другой стороны, Протопопов — ставленник Распутина — проявил себя сторонником сепаратного мира, что делало его удобным кандидатом для проведения политики царя.

Назначение Протопопова вызвало ненависть к нему со стороны прежних думских друзей. Протопопова травили, о нем сплетничали, говорили с бо́льшим презрением, чем о других министрах, но не из-за личных качеств, — Протопопов был не хуже любого из ставленников царской клики, — а потому, что он согласился

пойти в министры в момент конфликта Думы с Николаем, и особенно за его взгляды по вопросу о мире.

Развязывая себе руки вовне, самодержавие быстро осуществляло свой план и внутри страны. 9 декабря были закрыты съезды Союза городов и земств. Запрещались абсолютно невинные по части политики собрания: 11 декабря были запрещены собрания общества деятелей периодической печати, а затем — общества детских врачей.

Буржуазные организации засыпали Думу протестами, но 17 декабря самодержавие прервало занятия Думы до 12 января. За это время надеялись закончить все мероприятия по выборам в новую Думу. Детали плана были разработаны бывшим министром внутренних дел А. Н. Хвостовым еще в октябре 1915 года. Хвостов был раньше губернатором в Вологде и в Нижнем Новгороде, где ему удалось провести в Думу правых. Этому «специалисту» по выборам и поручили подготовить проект. В распоряжение министра выдали 8 миллионов рублей для подкупа прессы, издания литературы, найма типографий, организации киосков и кино. Хвостов успел получить около полутора миллионов рублей, на которые после революции никаких расписок представить не мог — большая часть попала лично в руки министра. Хвостов составил сводку о возможном исходе выборов в каждой губернии. По поводу состава будущей Думы сводка говорила:

«Допустимы правые октябристы, и желательны более консервативные группы» [1].

В новую Думу допускали только депутатов типа Родзянко, но желательными считали Маркова 2-го и ему подобных членов «союза русского народа». Надеялись достичь таких результатов, опираясь на крупных дворян-землевладельцев и духовенство. Так о Тверской губернии писалось:

«Противопоставить левым и октябристам нужно будет определенно правых в союзе с духовенством» [2].

О Тамбовской губернии:

«Обезвредить левые группы можно только при помощи духовенства. Оно мало надежно, но может быть взято в руки архиереем, который должен поставить ему задачу — не пропускать левых» [3].

Когда встал вопрос о практическом проведении проекта, вспомнили о Н. А. Маклакове, том самом, который так хорошо подражал «влюбленной пантере». Николай II поручил ему совместно с Протопоповым, которого в декабре утвердили министром внутренних дел, составить манифест о роспуске Думы. Обрадованный тем, что от подражания пантере он отозван для более «полезной» деятельности, Маклаков написал благодарственное письмо царю. Из письма можно узнать, какой широкий план намечало самодержавие. Маклаков писал:

«Это должно быть делом всего Совета министров, и министра внутренних дел нельзя оставить одного в единоборстве со всей той Россией, которая сбита с толку. Власть больше чем когда-либо должна быть сосредоточена, убеждена, скована единой целью — восстановить государственный порядок, чего бы то ни стоило, и быть уверенной в победе над внутренним врагом, который давно становится и опаснее, и ожесточеннее, и наглее врага внешнего» [4].

Эта мысль, что внутренний враг опаснее внешнего, что свои подданные вреднее неприятеля, руководила всей деятельностью придворной клики.

Заговор самодержавия был готов.

Важно отметить, что Маклаков написал свое письмо 9 февраля, а уже 13 февраля австрийский министр иностранных дел граф Чернин получил предложение из России о мире. Вот что он писал:

«26 февраля (по новому стилю. *Ред.*) ко мне явился один господин, представивший мне доказательство, свидетельствующее, что он является полноправным представителем одной нейтральной державы. Он сообщил мне, что ему поручено дать мне знать, что воюющие с нами державы или во всяком случае одна из них готовы заключить с нами мир и что условия этого мира будут для нас благоприятны... Я ни минуты не сомневался в том, что дело идет о России, и мой собеседник подкрепил мое предположение» [5].

Самодержавие настойчиво держалось раз взятого курса.

Первые же смутные сведения о новом повороте внешней политики царского двора подняли буржуазию на дыбы. Союзные империалисты целиком поддержали ее. Заключение Россией сепаратного мира ставило под вопрос возможность победы над Германией. Русская армия приковывала к себе огромные силы противника, и выход ее из игры грозил спутать все карты союзных империалистов.

Поддержанная союзниками буржуазия решается путем дворцового переворота омолодить дряхлеющее самодержавие — сменить бездарного царя и посадить другого — своего ставленника. Весь план был рассчитан на то, чтобы, не прекращая войны, усилить борьбу с нарастающей революцией. В столице образовалось два тайных кружка. В первый входили большей частью военные, офицеры гвардии. Видную роль играл там генерал Крымов, получивший известность уже после революции как соучастник выступления генерала Корнилова.

Будущий министр в первом правительстве после Февральской революции 1917 года Терещенко в своих воспоминаниях о генерале Крымове рассказывает:

«Он и его друзья сознавали, что если не взять на себя руководство государственным переворотом, его сделают народные массы, и прекрасно понимали, какими последствиями и какой гибельной анархией это может грозить.

Но более осторожные лица убеждали, что час еще не настал. Прошел январь, половина февраля. Наконец мудрые слова искушенных политиков перестали нас убеждать, и тем условным языком, которым мы между собой сносились, генерал Крымов в первых числах марта был вызван в Петроград из Румынии, но оказалось уже поздно»[1].

По воспоминаниям Родзянко переговоры происходили на квартире Гучкова. Тузы финансового и промышленного мира знали, что заговор одобряют генералы Алексеев, Рузский, Брусилов. Одновременно в том же самом направлении шла работа и среди офицерства петроградских гвардейских полков. С офицерами был связан и Пуришкевич. Второй кружок состоял из думских деятелей. Милюков признавался после Февральской революции 1917 года:

«Значительная часть членов первого состава Временного правительства участвовала в совещаниях этого второго кружка, некоторые же... знали и о существовании первого»[2].

Заговорщики предполагали свергнуть Николая, царицу отправить в монастырь, императором сделать малолетнего Алексея, а до совершеннолетия назначить фактическим правителем, регентом, великого князя Михаила Александровича, брата царя. В качестве первого шага дворцового переворота намечалось убийство Распутина. В ночь с 17 на 18 декабря Распутина пригласили на квартиру к князю Феликсу Юсупову, где Пуришкевич вместе с хозяином квартиры и великим князем Дмитрием Павловичем шестью выстрелами покончили со «старцем».

У высокопоставленных заговорщиков, вышедших из той среды, которая создала и воспитала распутинщину, была тайная мысль, что двор после этого убийства одумается. К Николаю обращались его родные, указывая, что он ведет к гибели и себя и всех своих близких. Но царь бросил Ставку и примчался в столицу. Тут было решено продолжать выполнение плана. Внесли только по предложению Протопопова одно изменение: Думу пока не разгонять. 6 января был опубликован указ Николая об отсрочке до 14 февраля возобновления занятий Государственной думы и Государственного совета. Боялись не столько возбуждения буржуазных верхов, сколько быстрого нагревания революции внизу: разгон Думы по мнению Протопопова мог стать легальным поводом для выступления масс.

Новую отсрочку депутаты приняли по словам центрального органа кадетской партии «Речь» как завершение похода правительства против Думы. Притихшие буржуазные заговорщики, в свою очередь, ускорили подготовку заговора. Родзянко на частной беседе с председателем Совета министров узнал, что Николай подписал уже три указа, не проставляя даты их обнародования: первый — о полном роспуске Думы, второй — об отсрочке занятий до окончания войны и третий — о прекращении работ на неопределенное время. Председатель Думы телеграфно вызвал в Петроград московского губернского предводителя дворянства Базилевского, председателя съезда объединенного дворянства А. Д. Самарина, петроградского губернского предводителя Сомова. Из Москвы вызвали от земского союза князя Г. Е. Львова, которого чаще других прочили в премьеры нового правительства, М. В. Челнокова — от Союза городов и А. И. Коновалова — от съезда промышленников и фабрикантов. Было намечено, что Самарин от имени дворянства попросит аудиенции у царя и попытается открыть ему глаза на положение вещей. 19 января предполагали созвать съезд объединенного дворянства. Одновременно в тайном кружке решили в феврале 1917 года, как сообщал Гучков на допросе в следственной комиссии уже после Февральской революции,

«захватить по дороге между Ставкой и Царским селом императорский поезд, вынудить отречение, затем одновременно при посредстве воинских частей, на которые здесь в Петрограде можно было рассчитывать, арестовать существующее правительство и затем уже объявить как о перевороте, так и о лицах, которые возглавят собой правительство. Таким образом... дело пришлось бы иметь не со всей армией, а с очень небольшой ее частью»[3].

Союзная дипломатия так же, как и вожди русской буржуазии, считала, что только государственный переворот может предупредить революцию и «спасти» Россию. Английский посол Джордж Бьюкенен в своих воспоминаниях признается, что заговорщики обсуждали у него в посольстве вопрос о перевороте.

«Дворцовый переворот, — пишет он в своих мемуарах, — обсуждался открыто, и за обедом в посольстве один из моих русских друзей, занимавший высокое положение в правительстве, сообщил мне, что вопрос заключается лишь в том, будут ли убиты император и императрица или только последняя»[4].

Так выглядел заговор дворянско-буржуазных верхов.

Достаточно этого признания Бьюкенена, чтобы считать доказанным не просто его осведомленность, но и участие в этом заговоре. Несомненно, что посол союзной державы, осведомленный о возможности убийства императора, при котором он представлял своего короля, и покрывающий заговорщиков, являлся участником заговора. Бьюкенен откровенно рассказывает, что

«русский друг, который был впоследствии членом Временного правительства, известил его о готовящемся перед пасхой перевороте»[1].

Два заговора — оба с целью предупредить революцию — созрели; участники их спешили выполнить свои планы без помощи масс и до того, как разберется во всей этой политике народ. Но революция опередила и удар самодержания и дворцовый переворот: пока буржуазия и самодержавие возились друг с другом, на улицу против них вышли рабочие и крестьяне, ненавидевшие и буржуазию и царизм.

После забастовочной волны октября 1916 года в рабочем движении наступило некоторое затишье, но ниже 40 тысяч бастующих стачка не спускалась ни в ноябре, ни в декабре. Резкий подъем начался в 1917 году. Суровая зима принесла рабочим и трудящимся новые лишения. Подвоз хлеба в Петроград и Москву почти совершенно прекратился. Цены на предметы широкого потребления быстро прыгнули вверх. В очередях участились выступления протеста. Уже не раз громили булочные. При этом особую активность проявляли женщины. Охранка отмечала в своих январских донесениях министру:

«Матери семей, измученные бесконечным стоянием в хвостах у лавок, исстрадавшиеся при виде своих полуголодных и больных детей, пожалуй, сейчас гораздо ближе к революции, чем господа Милюковы, Родичевы и К°, и, конечно, они гораздо опаснее, так как представляют собой тот склад горючего материала, для которого достаточно одной искры, чтобы вспыхнул пожар»[2].

В январе стачки начались 9-го, в день годовщины расстрела рабочей демонстрации в 1905 году. Накануне Петербургский комитет большевиков призывал рабочих выступить с антивоенными демонстрациями. Бюро Центрального комитета большевиков дало такую же директиву в Москву. 9 января на многих фабриках и заводах рабочие организовали митинги. На улицу вышли с красными флагами. В Выборгском и Нарвском районах в Петрограде не работали почти все предприятия. Демонстрации рабочих произошли кроме Петрограда в Москве, Баку, Нижнем Новгороде. В Москве бастовала треть рабочих. Московский комитет большевиков организовал двухтысячную демонстрацию на Тверском бульваре, но конная полиция разогнала собравшихся. К 3 часам дня группа рабочих появилась на Театральной площади с красными знаменами и лозунгами на них: «Долой войну!» Демонстрация вскоре разрослась до тысячи человек и двинулась к Охотному ряду. Прискакала конная полиция и врезалась в толпу с обнаженными саблями. Полиция всюду жестоко расправлялась с забастовщиками. Были произведены аресты. Много рабочих отправили к воинскому начальнику. Но через несколько дней стачки вновь вспыхнули. За январь месяц всего по всей стране бастовало свыше 200 тысяч рабочих — таких стачек не было за все время войны. В столицах создалось крайне напряженное положение. Города были полны слухов. Обыватели заготовляли продукты на случай прекращения движения.

«Идея всеобщей стачки, — доносила полиция, — со дня на день приобретает новых сторонников и становится популярной, какой она была и в 1905 году»[3].

К движению в городе примкнула деревенская беднота. Непрерывные мобилизации и постоянные реквизиции скота в конец разорили хозяйство значительной части трудящихся крестьян. Промышленный кризис лишил деревню спичек, керосина, соли. Хлеба едва хватило до середины зимы. С новой силой вспыхнула ненависть к помещику и кулаку. Из ряда районов приходили известия о резком движении против войны.

«Правительство всех не перевешает, а немцы сумеют всех перебить или перекалечить»[4], говорили в деревнях, призывая отказаться от явки в армию. Сводки полиции о настроении в деревне все чаще сравнивают его с настроением 1905—1906 годов.

Царское правительство решительно отказалось пойти на уступки не только либеральной буржуазии, но и дворцовым кликам, готовым поиберальничать в минуту опасности. Царизм мобилизовал все силы. Полицейских вооружили пулеметами, взятыми в полках гарнизона, охранников бросили на изъятие «всех подозрительных». Стали хватать, часто не отличая своих от чужих. В ночь на 27 января арестовали членов рабочей группы при Центральном военно-промышленном комитете — меньшевиков Гвоздева, Бройдо и других, всего одиннадцать человек. Группу обвинили в том, что она готовила демонстрацию рабочих 14 февраля,

«поставив своей целью превращение России в социал-демократическую республику»[5].

Пятого февраля издали приказ о выделении Петроградского военного округа из Северного

Разгон рабочей демонстрации у Большого театра в Москве в январе 1917 года. *Рис. Г. Спицкого.*

фронта особую единицу. Командующего округом генерал-лейтенанта С. С. Хабалова наделили самыми широкими полномочиями. Правительство заняло позицию беспощадной борьбы с революцией.

Среди либеральной буржуазии при первых признаках революционной бури началось полное смятение. Замолкли разговоры о дворцовом перевороте. «Революционеры поневоле» готовы были итти на «комнатную» революцию без участия масс, а народные массы вдруг появились на улице. Ни о каком серьезном давлении на самодержавие думские болтуны не хотели больше и слушать. Недавние заговорщики предали даже своих ближайших союзников. На второй день после ареста рабочей группы состоялось заседание бюро Центрального военно-промышленного комитета, на котором поручено А. И. Гучкову и А. И. Коновалову просить правительство о смягчении участи арестованных. Меньшевикам выдали прекрасную аттестацию:

«Имеется целый ряд фактов, доказывающих, что благодаря воздействию рабочей группы на целый ряд заводов различных районов были предупреждены возникавшие острые конфликты между рабочими и администрацией» [1].

Но никаких решительных шагов не предпринимали. Напротив, на следующем заседании бюро комитета 29 января, где присутствовали и вожди оппозиции из членов Думы, Милюков цинично отмежевался от деятельности рабочей группы и выступил против «разжигания народной стихии». Профессор Милюков умолял рабочих не выступать на улицу, не поддаваться «провокации». Он призывал воздержаться даже от демонстрации, которую собирались организовать меньшевики в день открытия Государственной думы — 14 февраля. Отговаривая рабочих от выступлений, буржуазия заклинала царя пойти навстречу Государственной думе: небольшими уступками хотели предупредить более решительные требования народа.

Маневры перепуганной буржуазии прикрывались мелкобуржуазными партиями. С точки зрения меньшевиков буржуазную революцию могла возглавить только буржуазия. Для этого

последнюю нужно было легонько подталкивать вперед. Меньшевики звали рабочих выйти на улицу 14 февраля в защиту Думы. Демонстрантам рекомендовали собраться у Таврического дворца — места думских заседаний. На том самом совещании 29 января, где был Милюков, выступал и Чхеидзе. Лидер меньшевиков упрекал лидера буржуазии, что он плетется в хвосте событий.

«Это удар по рабочему классу, но помните, что вслед за гибелью рабочих последует и ваша гибель»[1],

пугал Чхеидзе буржуазию, подталкивая ее к более решительной борьбе с царем. Меньшевистский легальный центр в лице рабочей группы и меньшевистской фракции Государственной думы выступал в роли гасителей революционного пожара. Когда обнаружилось, что стачка превращается в вооруженное восстание, меньшевики призвали рабочих отказаться не только от применения оружия, но и воздержаться от демонстраций.

Ту же роль предателей революции играли и эсеровские группы. Керенский уговаривал буржуазию быть смелее. После открытия Думы он говорил:

«Если вы со страной, если вы понимаете, что старая власть и ее слуги не могут вывести Россию из создавшегося кризиса, то вы должны определенно заявить себя не только на словах, но и на деле сторонниками немедленного освобождения государства и немедленно перейти от слов к делу»[2].

Керенский, как и Чхеидзе, верил, что буржуазия способна на действительную борьбу с самодержавием. Эсеры вслед за меньшевиками умоляли буржуазию взять в свои руки руководство движением и тем предупредить революционную бурю.

Партию большевиков Февральская революция застала организационно ослабленной. Многие организации были разгромлены. Виднейшие работники находились в ссылке, на каторге, в эмиграции. Ленин томился в Швейцарии. Сталин сидел далеко в Сибири, в Туруханской ссылке Енисейского края. Туда же был сослан и Свердлов.

Но самодержавию не удалось сломить большевистскую партию, не удалось порвать ее связь с массами. Верные основному положению марксизма — всегда с массами, всегда во главе масс — большевики на фронте и в тылу, в центре и провинции самоотверженно шли во главе борющегося пролетариата. На место посаженных в тюрьму, отправленных на каторгу вставали новые товарищи, вливались новые пополнения. Большевикам удалось даже сохранить руководящий центр в России — бюро Центрального комитета, куда одним из руководителей входил В. М. Молотов. Героическая борьба большевистской партии дала свои результаты несмотря на неслыханный террор. Передовые рабочие, воспитанные в духе большевизма, вносили страстную революционность в повседневную политическую борьбу. Идеология большевиков жила в рабочем классе, она двигала массы на непримиримую борьбу с их классовыми врагами. Лишь большевики звали массы к свержению царизма путем вооруженной борьбы.

В противовес меньшевикам, приглашавшим рабочих демонстрировать в защиту Думы в день ее открытия, большевики готовили демонстрацию на 10 февраля, в годовщину суда над большевистской фракцией Думы. Петербургский комитет партии еще 6 февраля распространил листовки с призывом к рабочим выступить. 10 февраля часть заводов стояла, другая работала только до обеда. Состоялись митинги, партия распространила 10 тысяч листовок. Большевики решили участвовать в стачке 14 февраля и провести ее под своими лозунгами. В этот день в Петрограде бастовали 60 предприятий с несколькими десятками тысяч рабочих. Путиловцы вышли с красными флагами: «Долой самодержавие! Долой войну!» Рабочие с Выборгского района двигались по Литейному проспекту с революционными песнями. Пытавшаяся помешать полиция получила отпор. На заводах шли митинги.

Лозунгов «в защиту Думы» не было. Стачка и демонстрация прошли под руководством большевиков.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

ФЕВРАЛЬСКАЯ БУРЖУАЗНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ.

1.

ВОССТАНИЕ В СТОЛИЦЕ.

Стачка развертывалась мощно. Но она не решала основного вопроса буржуазно-демократической революции — свержения самодержавия. Она раскачивала и подготовляла массы к высшей форме борьбы — вооруженному восстанию, показывая, насколько назрела революция. Удар старому режиму нанесла не стачка. Самодержавие было сокрушено совместным выступлением рабочих и примкнувших к ним солдат.

Решающую роль в свержении самодержавия сыграл Петроград, сосредоточивший в себе свыше полумиллиона пролетариев. 18 февраля 1917 года забастовала одна из мастерских Путиловского завода. Состоялись митинги во всех цехах. Рабочие избрали делегацию для предъявления требований к дирекции. Директор пригрозил расчетом. 22 февраля завод был закрыт. На другой день 20 тысяч путиловцев двинулись в город. Накануне в Петрограде произошли сильные продовольственные волнения. Появление путиловцев как бы подлило масла в огонь. 23 февраля был Международный день работниц. Партия большевиков призвала рабочих к стачке. Бастовало около 90 тысяч рабочих. Днем окраины Петрограда были во власти демонстрантов. В толпе преобладали работницы. Женщины бросали очереди, где часами простаивали за хлебом, и присоединялись к бастующим. Демонстранты не только бастовали сами — они снимали с работы других. Огромная

толпа рабочих окружила патронный завод, где сняла с работы пять тысяч человек. Выступления проходили под лозунгом «Хлеба!» Было уже немало красных знамен с революционными лозунгами, особенно в Выборгском районе, где большевистский комитет развернул энергичную деятельность. По донесению полиции часов около 3 дня до четырех тысяч человек прорвалось с Выборгской стороны через Сампсониевский мост и залило Троицкую площадь. В толпе появились ораторы. Конные и пешие городовые разгоняли демонстрации. Еще недостаточно сильные, чтобы дать отпор полиции, рабочие в ответ на репрессии громили булочные, избивали наиболее ретивых городовых.

Вечером собрался большевистский комитет Выборгского района. Постановили продолжать забастовку и превратить ее во всеобщую стачку.

На следующий день, 24 февраля, демонстрации возобновились с новой силой. Стачка разрасталась. Бастовало уже около 200 тысяч. На мостах стояли заставы, но рабочие шли по льду. Демонстранты с окраин под красными знаменами устремились в центр — к Невскому проспекту. Разгоняемые полицией в одном месте, они мгновенно собирались в другом. Революционные песни, выкрики «Долой царя!», «Хлеба!» беспрерывно оглашали Невский.

Войска ввиду их еще не проверенной благонадежности вводились в действие с осторожностью: ряд отдельных случаев показал, что они уже выходят из повиновения. На Васильевском острове казачий патруль отказал в поддержке помощнику полицейского пристава, осажденному толпой; на Знаменской площади толпа прогнала конных городовых при полном бездействии казаков.

Бюро Центрального комитета партии большевиков постановило вовлекать в активную борьбу солдат.

События предыдущего дня с возрастающей силой повторились на улицах Петрограда 25 февраля. Разрозненные забастовки превращались во всеобщую. Схватки рабочих с полицией становились все ожесточенней. Рабочие уже не только обороняются, но и наступали, в ряде случаев ранили и убивали командиров полицейских отрядов. Однако отсутствие оружия у демонстрантов давало перевес полиции. К вечеру полиции удалось даже очистить улицы и навести некоторый «порядок». Командующий военным округом Хабалов объявил, что рабочие должны приступить к работе 28 февраля, со вторника, иначе все новобранцы, пользующиеся отсрочкой, будут отправлены на фронт.

Мощь самодержавия, казалось, еще не была поколеблена, но уже появились грозные признаки его крушения. То были случаи отказа войск в помощи полиции и даже прямые выступления против нее. У Казанского собора ввод 4-го Донского казачьего полка освободил задержанных граждан и избил городовых, защищавших двор с арестованными. На Выборгской стороне казаки 1-го Донского полка отступили, оставив командира сводного отряда полковника Шалфеева и городовых с главу на глав с народом. На Знаменской площади казаки оттеснили полицейских, пытавшихся разогнать митинг, причем был убит пристав Крылов. Раньше других начали сдавать те самые казаки, которых всячески старались задержать в Петрограде приближенные царя, споря со Ставкой.

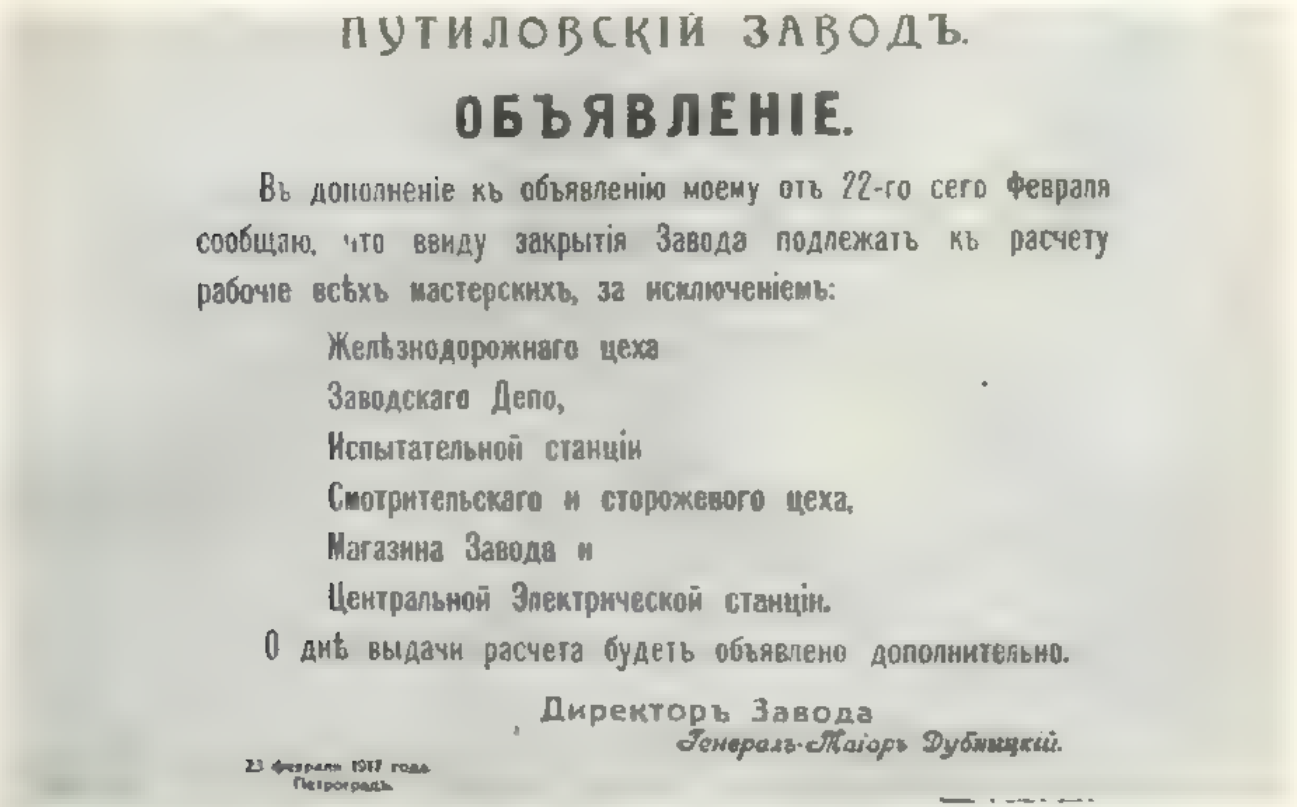
О первых проявлениях неповиновения армии так рассказывает красногвардеец П. Д. Скуратов, рабочий Путиловского завода:

«Организовались мы в конце Богомоловской небольшой группой, человек в 300—400, а затем, когда вышли на Петергофское шоссе, к нам присоединилась огромная масса рабочих. Привязали на палки красные платки — появилось красное знамя — и с пением «Марсельезы» мы двинулись к Нарвским воротам. Когда дошли до Ушаковской улицы, навстречу нам вылетел конный отряд полиции, который стал направо и налево хлестать, и мы вынуждены были разбежаться... У Нарвских ворот опять собрались тысячи путиловцев и рабочих химического завода. Решили шествию придать организованный характер. Передние взялись за руки и таким образом двигались... Только повернули с Садовой к Невскому, навстречу с саблями наголо от Аничкова дворца скачет эскадрон кавалерии. Мы расступились, и они между нами проехали. Мы организованно крикнули «ура», но с их стороны не было никакого ответа.

Дойдя до Литейного, мы встретились с рабочими Выборгского района и продолжали совместное шествие к Знаменской площади. Там был устроен общий митинг. В это время из-за Балабинской гостиницы вылетел конный отряд полиции, и ехавший впереди пристав шашкой ударил по плечу несущую знамя женщину, работавшую в больничной кассе нашего завода. Уехать ему не пришлось — мы его стащили с коня, спесли и бросили в Фонтанку. От «Центральной гостиницы» по Лиговке скакали казаки, тогда городовые повернули и уехали по Суворовскому проспекту обратно, а казаки — за нами.

Мы обсуждали между собой, что это значит, что между войсками началась неувязка, и делали вывод: значит, революция победила»[1].

Но делать такой вывод было преждевременно. Войска еще действовали вместе с полицией. К концу дня командующий войсками Петроградского военного округа генерал Хабалов



ПУТИЛОВСКІЙ ЗАВОДЪ.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Въ дополненіе къ объявленію моему отъ 22-го сего Февраля сообщаю, что ввиду закрытія Завода подлежатъ къ расчету рабочіе всѣхъ мастерскихъ, за исключеніемъ:

Желѣзнодорожнаго цеха
Заводскаго Депо,
Испытательной станціи
Смотрительскаго и сторожевого цеха,
Магазина Завода и
Центральной Электрической станціи.

О днѣ выдачи расчета будетъ объявлено дополнительно.

Директоръ Завода
Генералъ-Маіоръ Дубницкій.

23 Февраля 1917 года.
Петроградъ.

Объявление дирекции Путиловского завода об увольнении рабочих.

сообщил начальнику штаба верховного главнокомандующего, что «толпа рассеяна». Вечером Хабалов получил из Ставки распоряжение:

«Повелеваю завтра же прекратить в столице беспорядки, недопустимые в тяжелое время войны с Германией и Австрией. Николай II»[1].

Приказ царя взволновал Хабалова. На допросе в следственной комиссии после Февральской революции он признавался:

«Эта телеграмма — как бы вам сказать? — быть откровенным и правдивым: она меня хватила обухом... Как прекратить завтра же? Сказано: «Завтра же»... Что я буду делать? Как мне прекратить? Когда говорили: «Хлеба дать», — дали хлеба, и кончено. Но когда на флагах надпись «Долой самодержавие», какой же тут хлеб успокоит? Но что же делать? Царь велел. Стрелять надо»[2].

Хабалов приказал командирам полков и начальникам полицейских участков применять после троекратного предупреждения огнестрельное оружие. Начальник штаба верховного главнокомандующего генерал Алексеев сделал распоряжение главнокомандующим Северным и Западным фронтами о немедленной подготовке и отправке в Петроград по одной бригаде конницы. Он говорил по прямому проводу начальнику штаба Северного фронта:

«Минута грозная, и нужно сделать все для ускорения прибытия прочных войск. В этом заключается вопрос нашего дальнейшего будущего»[3].

Не довольствуясь этим, охранное отделение в ночь с 25 на 26 февраля переполнило все петроградские тюрьмы сколько-нибудь подозрительными элементами. Были арестованы и пять членов Петербургского комитета большевиков. Руководство борьбой перешло в руки Выборгского районного комитета большевиков. Массовыми арестами, вызовом вооруженного подкрепления с фронта готовился царизм к встрече революции.

День 26 февраля начался как будто спокойнее, чем предыдущие дни. Было воскресенье, и рабочие вышли в город позднее, чем накануне. Улицы имели праздничный вид. Введенный в заблуждение внешним успокоением, Хабалов очередной победной депешей сообщил в Ставку:

«Сегодня, 26 февраля, с утра в городе спокойно»[4].

Правительственные войска сосредоточены были в центре города. На крышах высоких домов, в полицейских участках наготове стояли пулеметы. План царских властей сводился к тому, чтобы встретить рабочих ружейным и пулеметным огнем. Нева была изолирована от рабочих районов полицейскими и воинскими заставами. К середине дня в центр города — к Невскому — начали пробиваться многочисленные демонстранты, руководимые большевиками.

Заводы шли к Невскому, стремясь схватиться с врагом в самом сердце столицы. Их встретили беспощадным огнем. На Невский нельзя было пройти. Стрельба шла весь день.

Один из солдат учебной команды Волынского полка так рассказывает об участии волынцев в расстреле рабочей демонстрации:

«Вот команда уже на месте. Рабочие заняли всю площадь Николаевского вокзала. Солдаты все еще надеются, что они вызваны только для видимости, чтобы навести страх. Но когда часовая стрелка на вокзальных часах придвинулась к двенадцати, сомнения солдат рассеялись — приказано стрелять. Раздался залп. Рабочие метнулись во все стороны. Первые залпы были почти без поражений: солдаты, как по уговору, стреляли вверх. Но вот затрещал пулемет, наведенный на толпу офицерами, и рабочая кровь обагрила покрытую снегом площадь. Толпа бросилась в беспорядке во дворы, давя друг друга. Конная жандармерия начала преследовать сбитого с позиции «врага», и это преследование продолжалось до поздней ночи. Только тогда воинские части были разведены по казармам. Наша команда под руководством штабс-капитана Лашкевича возвратилась в казарму ровно в час ночи»[1].

По справке охранного отделения только на одной Знаменской площади полицией было в этот день подобрано около 40 убитых и приблизительно столько же раненых, не считая тех, которых демонстранты унесли с собой.

Начавшийся тихо день 26 февраля закончился открытой гражданской войной. Характерно, что 4-я рота запасного батальона Павловского полка, возмущенная участием учебной команды своего полка в расстреле рабочих, открыла огонь по отряду конных городовых. Не поддержанная другими частями, она была сломлена и сдала оружие — лишь 21 человек с винтовками ушли к восставшему народу. Офицеры выловили 19 зачинщиков. Арестованных посадили в Трубецкой бастион Петропавловской крепости. Им угрожал расстрел.

Первый день гражданской войны закончился победой царизма.

К вечеру город был очищен от демонстрантов — «высочайшее повеление» было и на этот раз выполнено.

Но защитники самодержавия не заметили влияния рабочей массы на войска, стрелявшие в демонстрантов. Революционное воздействие пролетариата было значительно выше достигнутой самодержавием победы. Озлобление солдат против своих командиров нарастало с каждым новым залпом. Этого-то «победители» и не заметили, настолько привычна для них была солдатская ненависть.

Пролетариат широко использовал основной урок революции 1905 года — необходимость борьбы за войско. Рабочие и в особенности работницы тесным кольцом окружали солдат. Они ловили руками солдатские штыки и убеждали своих братьев не топить революцию в рабочей крови. Одиночки и небольшие группы солдат отставали от общей массы. Восставшие горячо уговаривали их. Недавно мобилизованные солдаты — большая часть гарнизона столицы состояла из ратников 2-го разряда или молодежи последнего призыва — остро воспринимали возбуждение рабочих. Солдаты угрюмо отмалчивались, с тоской отворачивались от наседающей толпы, но уже ясно было видно, как революционное настроение заражает их. Кое-кто из солдат уже пытался защищаться от нападок и обвинений. Иные злобно кивали на офицеров — виновников расстрела беззащитной толпы. Другие прямо рекомендовали напирать сильнее, показывая разряженные винтовки.

Стойкость и самоотверженность пролетариев вносили колебание в войска, вызывали сочувствие у солдат.

Легкость расправы над павловцами придала царским властям самоуверенность. Министр внутренних дел Протопопов с облегчением писал царю:

«Войска действовали ревностно, исключение составляет самостоятельный выход 4-й эвакуированной роты Павловского полка»[2].

В конце донесения Протопопов нагло врал:

«27 февраля часть рабочих намеревается приступить к работам»[3].

Эта самоуверенная ложь показывала, как мало разбирались тупые жандармы в развернувшихся событиях.

Обнаглев, царские сатрапы поспешили взять назад и те ничтожные уступки, которые сделаны были в предыдущие дни. Петроградский градоначальник отменил свое решение о передаче продовольственного дела городской думе. Государственная дума, на заседаниях которой ждали запроса о расстрелах 26 февраля, была распущена царским указом. Этот указ был заготовлен еще в ноябре 1916 года. Передавая

«Рабочие и в особенности работницы тесным кольцом окружали солдат». *Рис. А. Ванюшина*

ето председателю Совета министров Голицыну, царь сказал:

«Держите у себя, а когда нужно будет, используйте» [1].

Министры спешили напрасно. Государственная дума в эти тревожные дни отводила душу запросами правительству, но не по поводу расстрелов, а о состоянии продовольственного дела в Петрограде. Перепуганные представители крупной и мелкой буржуазии — Родичев, Керенский, Чхеидзе, — заткнув уши, делали вид, что не слышат уличных расстрелов, произнося свои очередные заклинания по адресу царизма. Политиканствующие интеллигенты растерянно метались из квартиры в квартиру в погоне за последними «новостями».

Несколько лучше других понимал глубину и трагичность событий председатель Государственной думы Родзянко. Близко соприкасаясь с монархией, Родзянко почуял, что настал момент ее полного крушения. Он умолял Николая II о создании нового правительства, пользующегося «доверием» страны.

«Всякое промедление смерти подобно, — телеграфировал он царю. — Молю бога, чтобы в этот час ответственность не пала на венценосца» [2].

Но царь отмахнулся от излишне преданного слуги. В ответ на телеграмму Николай сообщил министру двора Фредериксу:

«Опять этот толстяк Родзянко мне написал разный вздор, на который я ему не буду даже отвечать» [3].

2.

ПОБЕДА ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

Пока наверху торжествовали победители, подсчитывая потери революции и накапливая силы для нового удара, внизу шла лихорадочная работа. Рабочие переходили с завода на завод, передавая подробности кровавых событий. Свидетели дневных расстрелов сообщали о диком неистовстве жандармов, вселяя в слушателях ненависть, возбуждая страстное желание расправиться с палачами. Женщины-работницы, наблюдавшие сцены разгрома демонстрации, вдохновляли своих братьев и мужей на новую борьбу.

Ночью в казармах шло глухое брожение. Солдаты делились впечатлениями прошедшего дня, все яснее отдавая себе отчет в характере происходящего.

В эти страдные дни революционных боев большевики всюду — на фабриках и заводах, в казармах и на улицах — неустанно агитировали и звали в бой, объединяли и сплачивали рабочих и солдат. Оторванные от руководящих центров, разгромленных охранкой, большевики создавали местные центры на предприятиях, быстро налаживали связь, заражая своим мужеством и твердой уверенностью в победе рабочих.

«Я принимал активное участие накануне выступления, т. е. в ночь на 25 февраля, — рассказывает петроградский рабочий, мобилизованный в армию за забастовку. — На солдатском совещании было постановлено присоединиться к рабочим вместе с 1-м Семеновским полком, чтобы этим исправить ошибку пятого года, но наутро оказалось, что в форму Семеновского полка переоделись жандармы, а полк был заперт в своих казармах» [1].

В этот же день, 26 февраля, заседал большевистский комитет Выборгского района, к которому перешло руководство после ареста Петербургского комитета. Товарищи с мест докладывали о росте революционного настроения и готовности продолжать схватку. Райком постановил: развертывать вооруженную борьбу, захватывать склады с оружием, разоружать городовых.

Настойчивые демонстрации пролетариата, расстреливаемые в упор, общение рабочих с солдатами, наконец, прямое влияние большевиков, проникавших часто в самые казармы, привели к тому, что случаи неповиновения воинских частей превратились в открытый бунт: солдаты выступали против командиров, как крестьяне против помещиков. В ночь с 26 на 27 февраля учебная команда Волынского полка, стрелявшая по рабочим на Знаменской площади, решила отказаться от применения оружия против демонстрантов. Но это как будто пассивное сопротивление командирам неожиданно превратилось в активное выступление. Когда рано утром в казармы явился начальник учебной команды с младшим офицером, они под крики «ура» были убиты выстрелами из винтовок — так глубоко уже зашло влияние революции: многовековая ненависть крестьянина против крепостника, одетого в офицерский мундир, прорвалась с беспощадной яростью.

Участник восстания Волынского полка так рассказывает об этом исключительном моменте революции:

«Унтер-офицер Кирпичников прочитал нам приказ — завтра снова построить команду в 7 часов утра. В это время в темном отдаленном уголке казарм собрались восемнадцать человек — более активных рядовых, несколько взводных и отделенных командиров из нижних чинов, горячо обсуждали положение, и все восемнадцать бесповоротно решили: завтра повернем все по-своему! Наметили программу действий: команду построить не в 7 часов утра, как приказал штабс-капитан Лашкевич, а в 6 часов, за это время привлечь на свою сторону всю команду...

Уже забрезжил свет, когда все восемнадцать тихо, в несколько минут разошлись по местам.

27 февраля в 6 часов утра команда в 350 человек уже была построена. Выступил Кирпичников, обрисовал общее положение и разъяснил, как нужно поступать и что надо делать.

Агитации почти не потребовалось. Распропагандированные солдаты как будто только и ждали этого, и все бойцы изъявили свое твердое согласие поддержать рабочих.

— Смерть, так смерть, — говорили они, — но в своих стрелять не будем.

В это время в коридоре послышалось бряцание шпор.

Команда насторожилась и на минуту замерла.

Вошел прапорщик Колоколов, бывший студент, недавно прибывший в полк. На его приветствие команда ответила обычным порядком. Вслед за ним вошел командир Лашкевич. Все насторожились. Воцарилась тишина.

Унтер-офицер лейб-гвардии Волынского полка Кирпичников, руководивший вооруженным восстанием волынцев.

На приветствие «здорово, братцы!» грянуло «ура» — так мы раньше договорились.

Когда затихло «ура», Лашкевич как будто что почуял, но повторяет еще раз приветствие. И опять снова раздается могучее и грозное «ура».

Лашкевич обращается к унтер-офицеру Маркову и гневно спрашивает, что это означает.

Марков, подбросив винтовку на руку, твердо отвечает: «Ура» — это сигнал к неподчинению вашим приказаниям!»

Застучали приклады об асфальтовый пол казармы, затрещали затворы. «Уходи, пока цел!» — закричали солдаты.

Лашкевич пробует кричать: «Смирно!» Его команды никто не слушает. Лашкевич просит восстановить порядок, чтобы зачитать полученную через генерала Хабалова телеграмму «его величества Николая II», но это не оказало никакого воздействия на солдат.

Потеряв надежду усмирить команду, Лашкевич и Колоколов выбежали в дверь. В коридоре они встретились с прапорщиком Воронцовым-Вельяминовым, и все трое обратились в бегство. Марков и Орлов быстро открыли форточку в окне, уставили винтовки, и, когда тройка офицеров поравнялась с окном, раздались два выстрела.

Лашкевич, как пласт, вытянулся в воротах. Другие офицеры бросились за ворота и сейчас же сообщили о бунте в штаб полка.

Забрав кассу и знамя, все офицерство моментально покинуло полк.

Путь был свободен. Весь отряд под командой Кирпичникова вышел во двор.

Залпом вверх сигнализировали тревогу. Освободили арестованных с гауптвахты. Немедля послали делегатов в ближайшие команды с предложением влиться в нашу восставшую часть. Первой без колебаний откликнулась рота эвакуированных в составе 1 000 человек и присоединилась к нам. Через короткое время влилась подготовительная учебная команда»[1].

Среди солдат появились рабочие.

Волынцы высыпали на улицу. С криками «ура», стреляя вверх, они двинулись к соседним полкам — Преображенскому и Литовскому. Подойдя к их казармам, они там мгновенно развязали крестьянскую ненависть к помещику. И здесь также были убиты командиры полков. Преображенцы и литовцы присоединились к волынцам и вооруженной массой направились к Выборгскому району, главному очагу петроградского революционного пожара. С Выборгской стороны рабочие с утра лавой шли по льду через Неву. Около полудня выборжцы опрокинули роту Московского полка, запиравшую Литейный мост пулеметами, и хлынули в город, увлекая с собой солдат. По дороге приступом был взят арсенал. Тут же наспех стали формироваться отряды. За час разобрали около 40 тысяч винтовок. Произошло непосредственное слияние неорганизованного солдатского бунта с революционным пролетарским движением. Вооруженные рабочие возглавили восставших солдат. Движение превратилось в революцию, вооруженной рукой свергающую царизм.

Солдатский бунт и рабочие демонстрации отнюдь не были случайными и независимыми друг от друга путями Февральской революции. Рабочие демонстрации *подготовляли* и *развязывали* солдатский бунт в те дни, когда войска еще повиновались царским опастям. *Без политического руководства* рабочих не было бы и массового солдатского восстания. Не случайно волынцы и литовцы двинулись не в центр и не в Думу, а в Выборгский рабочий район. Но как выступление рабочих, так и возмущение солдат уже давно готовились настойчивой и самоотверженной работой партии большевиков.

Митинг в солдатских казармах в февральские дни. *Рис. Н. Владимирова*

Солдатские демонстрации в Петрограде в февральские дни.

Петербургский комитет большевистской партии еще до своего ареста отпечатал листовку:

«Ждать и молчать больше нельзя. Рабочий класс и крестьяне, одетые в серые шинели и синие блузы, подав друг другу руки, должны повести борьбу со всей царской кликой, чтобы навсегда покончить с давящим Россию позором... Настало время открытой борьбы» [1].

Оба потока, направленные партией, шли навстречу друг другу, все время сближаясь, пока не слились в победоносную революцию.

Скоро город заполнился грузовыми и легковыми автомобилями с вооруженными солдатами и матросами. Жандармов и упорствующих офицеров вылавливали, обезоруживали и в пылу борьбы истребляли. Тюрьмы были разгромлены. Сотни активных революционеров вышли на свободу, сразу заняв свое место среди борцов.

Горели полицейские участки. Несмолкаемое «ура» перекатывалось из района в район.

Шли короткие, бурные митинги. Из рук в руки переходили листовки большевиков.

«Всех зовите к борьбе, — говорило воззвание Петербургского комитета большевиков.— Лучше погибнуть славной смертью, борясь за рабочее дело, чем сложить голову за барыши капитала на фронте или зачахнуть от голода и непосильной работы... Все под красные знамена революции! Долой царскую монархию! Да здравствует демократическая республика!.. Вся помещичья земля народу!.. Долой войну!.. Да здравствует социалистический Интернационал!» [2]

Царские министры заседали в Мариинском дворце. Отовсюду поступали сведения о восстании. Разъезды казаков доносили, что правительственный отряд в тысячу человек, брошенный под командой полковника Кутепова против волынцев, не может продвинуться вперед. Солдаты братаются с повстанцами.

Растерянные министры разрешили командующему округом генералу Хабалову объявить в столице осадное положение. Но печатать приказ уже было негде: типография градоначальства была занята восставшими. Удалось

Уничтожение царских вывесок. *Рис И. Владимирова.*

отпечатать в Адмиралтействе 1000 экземпляров. Два околоточных успели развесить только несколько объявлений. Вскоре эти листки сорвала и растоптала толпа.

Министры растерянно выслушивали сообщения, когда издали уже донеслись выстрелы. Решено было погасить все огни во дворце и собрать хотя бы часть верных войск для сопротивления. Нападений, однако, не было; огни важгли снова. «После появления света я, к своему удивлению, оказался под столом» [1], рассказывал впоследствии один из министров председателю Государственной думы Родзянко.

Испуг оказался напрасным. Вооруженная толпа шла к Таврическому дворцу. В Думе заседал совет старейшин — представители всех фракций. Родзянко сообщил о восстании, о панике, охватившей правительство. Царю он послал телеграмму:

«Положение ухудшается. Надо принять немедленные меры, ибо завтра уже будет поздно. Настал последний час, когда решается судьба родины и династии» [2].

Вместо ответа из Ставки Родзянко нашел у себя на столе царский указ о роспуске Думы. Как быть? Не подчиниться указу, заседать значит оказать неповиновение монарху, вступить на революционный путь. На это царская Дума была не способна. Принять указ и разойтись, но за окном слышались стрельба и гул подходившей толпы. Верноподданные помещики и буржуа решили: указу императора подчиниться, Государственную думу как учреждение распустить, но членам Думы не расходиться, а собраться в качестве «частных граждан» на «неофициальное» совещание. Указ, таким образом, выполнили, но и себе развязали руки.

Собрались не в Белом зале, как обычно, а в полуциркульном, чтобы подчеркнуть этой деталью «частный» характер совещания. Более двухсот депутатов столпилось вокруг стола, где Родзянко, разводя руками, спрашивал: «Что делать?» Один из кадетов — Некрасов, считавшийся самым левым, предложил немедленно назначить кого-нибудь из «популярных генералов» диктатором для подавления бунта. На него замахали руками, сердито утверждая: министры и генералы так перепугались, что их придется вытаскивать из-под кровати. Трудовик Дзюбинский рекомендовал создать из членов Думы полновластный комитет по восстановлению порядка. Милюков выступил против обоих предложений: надо выждать, пока выяснится, на чьей стороне большинство войск и рабочих.

В разгар прений в зал ворвался офицер, начальник караула, с криком: «Помощника моего тяжело ранили, защитите меня!» [3] Депутаты, выглянув из окон, увидели толпу, оценившую дворец, затем услышали стук прикладов на ступенях лестницы: революция оказалась на пороге Думы. Наспех избрали Временный комитет из десяти человек для «водворения порядка в Петрограде и для сношения с учреждениями и лицами». В состав комитета вошли: М. В. Родзянко, В. В. Шульгин (националист), П. Н. Милюков (кадет), Н. В. Некрасов (кадет), С. И. Шидловский (октябрист), И. И. Дмитрюков (октябрист), А. И. Коновалов (прогрессист), В. А. Ржевский (прогрессист), В. Н. Львов (правый), А. Ф. Керенский (трудовик) и Н. С. Чхеидзе.

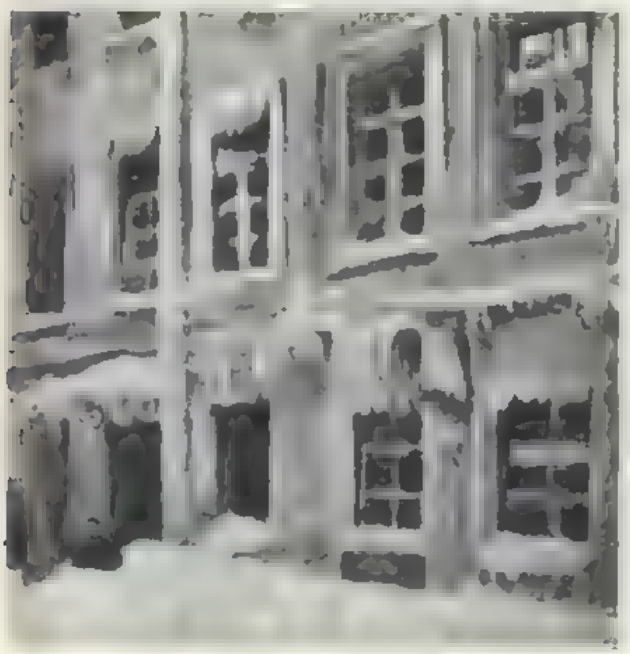
Восставший народ запрудил все прилегающие к Таврическому дворцу улицы. Огромные толпы заняли двор. Вооруженные солдаты и рабочие заполнили дворец.

Монархист Шульгин в своих воспоминаниях так передал общее настроение перепуганной буржуазии:

«Пулеметов — вот чего мне хотелось, ибо я чувствовал, что только языком пулеметов доступен уличной толпе и что только он, свинец, может загнать обратно в его берлогу вырвавшегося на свободу страшного зверя... Увы — этот зверь был... его величество русский народ!..

Взятие Литовского замка в Петрограде. *Рис. В. Щеглова*

Ведут арестованных (переодетых) городовых.



Разгромленный полицейский участок.

То, чего мы так боялись, чего во что бы то ни стало хотели избежать, уже было фактом. Революция началась» [1].

В царской Ставке утро 27 февраля прошло, как и обычно. Николай II вышел к приему докладов спокойным. О событиях в Петрограде знали. Накануне от царицы пришло письмо о выступлении в столице 25 февраля.

«Это — *хулиганское* движение, — писала царица, — мальчишки и девчонки бегают и кричат, что у них нет хлеба, — просто для того, чтобы создать возбуждение, — и рабочие, которые мешают другим работать. Если бы погода была очень холодная, они все, вероятно, сидели бы по домам» [2].

В Ставке считали, что в Петрограде «голодные беспорядки», а на голод рабочих масс привыкли не обращать внимания. Взволнованной царице Николай успокаивающе ответил:

«Беспорядки в войсках происходят *от роты выздоравливающих*, как я слышал. Удивляюсь, что делает Павел? (командующий гвардией. *Ред.*). Он должен был бы держать их в руках» [3].

Из прифронтовой полосы двинули к Петрограду войска. Хабалову послали приказ немедленно покончить с волнениями.

Но с полудня стали поступать все более тревожные вести. Пришла телеграмма от царицы:

«Революция вчера (26 февраля. *Ред.*) приняла ужасающие размеры. Знаю, что присоединились и другие части. Известия хуже чем когда бы то ни было» [4].

Через час прибыла вторая телеграмма:

«Уступки необходимы. Стачки продолжаются. Много войск перешло на сторону революции» [5].

Затем Петроград почти перестал отвечать на вызовы.

Придворные в Ставке заволновались. Царь долго совещался с начальником штаба генералом Алексеевым о мерах борьбы. Наметили послать в Петроград боевого генерала с войсками. К вечеру Николай сам решил быть на месте. В 19 часов Николай сообщил жене:

«Выезжаю завтра 2.30. Конная гвардия получила приказание немедленно выступить из Новгорода в город» [6].

События нарастали катастрофически.

Из окрестностей Петрограда сообщали, что все войска подняли красные флаги. В столице совсем не осталось верных частей.

В Ставка билась в лихорадке. Вызывали к проводу командующих фронтами. С передовых позиций снимались войска. Генерал Алексеев на вопрос своего помощника, что случилось, нетерпеливо ответил: «Петроград в восстании» [7].

Ставка поняла, что «голодный бунт» перерос в революцию.

В предсмертных судорогах царизм еще пытался оказать сопротивление революции. Хабалов из «верных» полков наспех сформировал ударную часть в составе шести рот пехоты и полутора эскадронов конницы с 15 пулеметами. Однако и этот отряд при первом же соприкосновении с восставшими перешел на их сторону. Генерал Хабалов вместе с другим сводным отрядом из частей Литовского, Кексгольмского и Измайловского полков укрылся в Адмиралтейство, пытаясь действовать против восставших. Однако и этот отборный отряд

АРЕСТ ГЕНЕРАЛОВ В ФЕВРАЛЬСКИЕ ДНИ 1917 ГОДА.

Картина И. А. Владимирова.

Караул у помещения арестованных царских министров в Таврическом дворце.

растаял на глазах. Утром 28 февраля Хабалов сообщил по прямому проводу в Ставку:

«Число оставшихся верных долгу уменьшилось до 600 человек пехоты и до 500 всадников при 15 пулеметах, 12 орудиях... Положение до чрезвычайности трудное» [1].

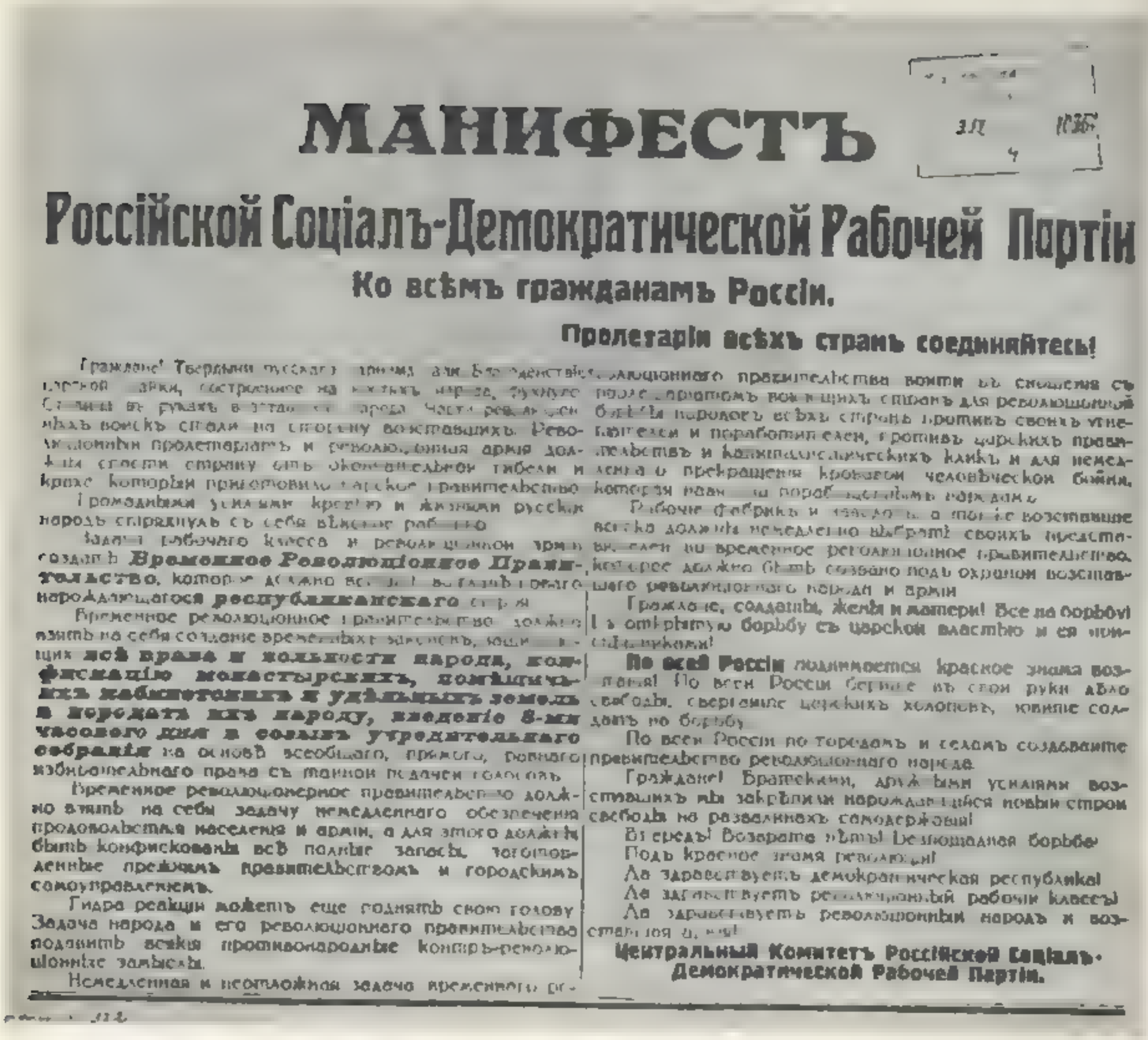
Он не успел еще закончить своих переговоров со Ставкой, как последние остатки «верных» войск присоединились к рабочим.

С какой быстротой нарастала революция в армии, можно судить по материалам Военной комиссии Временного комитета Государственной думы [2]:

Месяц и день	*Время дня*	*Общее число восставших*
Февраль 26	3—6 часов дня	600 человек
» 27	утром	10 200 »
» 27	днем	25 700 »
» 27	вечером	66 700 »
» 28	утром	72 700 »
» 28	днем	112 000 »
» 28	вечером	127 000 »
Март 1	утром	144 700 »
» 1	днем (около)	170 000 »

Ленин, объясняя, почему революция победила так быстро, писал:

«Но если поражения в войне сыграли роль отрицательного фактора, ускорившего взрыв, то *связь* англо-французского финансового капитала, англо-французского империализма с октябристско-кадетским капиталом России явилась фактором, ускорившим этот кризис. Эту сторону дела, чрезвычайно важную, замалчивает по понятным причинам англо-французская пресса и злорадно подчеркивает немецкая. Мы, марксисты, должны трезво глядеть правде в глаза, не смущаясь ни ложью казенной, слащаво-дипломатической ложью дипломатов и министров первой воюющей группы империалистов, ни подмигиванием и хихиканием их финансовых и военных конкурентов другой воюющей группы. Весь ход событий февральско-мартовской революции показывает ясно, что английское и французское посольства с их агентами и «связями», давно делавшие самые отчаянные усилия, чтобы помешать «сепаратным» соглашениям и сепаратному миру Николая II (но будем



МАНИФЕСТЪ

Россійской Соціалъ-Демократической Рабочей Партіи

Ко всѣмъ гражданамъ Россіи.

Пролетаріи всѣхъ странъ соединяйтесь!

Граждане! Твердыни русскаго [illegible] пала. Благоденствіе царской шайки, построенное на костяхъ народа, рухнуло. Столица въ рукахъ возставшаго народа. Части революціонныхъ войскъ стали на сторону возставшихъ. Революціонный пролетаріатъ и революціонная армія должны спасти страну отъ окончательной гибели и краха, который приготовило царское правительство.

Громадными усиліями, кровью и жизнями русскій народъ стряхнулъ съ себя вѣковое рабство.

Задача рабочаго класса и революціонной арміи создать **Временное Революціонное Правительство**, которое должно встать во главѣ новаго нарождающагося **республиканскаго** строя.

Временное революціонное правительство должно взять на себя созданіе временныхъ законовъ, защищающихъ **всѣ права и вольности народа, конфискацію монастырскихъ, помѣщичьихъ, кабинетскихъ и удѣльныхъ земель и передачу ихъ народу, введеніе 8-ми часового рабочаго дня и созывъ Учредительнаго собранія** на основѣ всеобщаго, прямого, равнаго избирательнаго права съ тайной подачей голосовъ.

Временное революціонное правительство должно взять на себя задачу немедленнаго обезпеченія продовольствіемъ населенія и арміи, а для этого должны быть конфискованы всѣ полные запасы, заготовленные прежнимъ правительствомъ и городскимъ самоуправленіемъ.

Гидра реакціи можетъ еще поднять свою голову. Задача народа и его революціоннаго правительства подавить всякіе противонародные контръ-революціонные замыслы.

Немедленная и неотложная задача временнаго революціоннаго правительства войти въ сношенія съ пролетаріатомъ воюющихъ странъ для революціонной борьбы народовъ всѣхъ странъ противъ своихъ угнетателей и поработителей, противъ царскихъ правительствъ и капиталистическихъ кликъ и для немедленнаго прекращенія кровавой человѣческой бойни, которая навязана порабощеннымъ народамъ.

Рабочіе фабрикъ и заводовъ, а также возставшія войска должны немедленно выбрать своихъ представителей во временное революціонное правительство, которое должно быть создано подъ охраной возставшаго революціоннаго народа и арміи.

Граждане, солдаты, жены и матери! Все на борьбу! Въ открытую борьбу съ царской властью и ея приспѣшниками!

По всей Россіи поднимается красное знамя возстанія! По всей Россіи берите въ свои руки дѣло свободы, свергайте царскихъ холоповъ, зовите солдатъ на борьбу.

По всей Россіи по городамъ и селамъ создавайте правительство революціоннаго народа.

Граждане! Братскими, дружными усиліями возставшихъ мы закрѣпили нарождающійся новый строй свободы на развалинахъ самодержавія!

Впередъ! Возврата нѣтъ! Безпощадная борьба!

Подъ красное знамя революціи!

Да здравствуетъ демократическая республика!

Да здравствуетъ революціонный рабочій классъ!

Да здравствуетъ революціонный народъ и возставшая армія!

Центральный Комитетъ Россійской Соціалъ-Демократической Рабочей Партіи.

Манифест Центрального комитета РСДРП (большевиков) от 26 февраля 1917 года с призывом к созданию Временного революционного правительства.

надеяться и добиваться этого — последнего) с Вильгельмом II, непосредственно стремились к *смещению* Николая Романова. Не будем делать себе иллюзий. Если революция победила так скоро и так — по внешности, на первый поверхностный взгляд — «радикально», то лишь потому, что в силу чрезвычайно оригинальной исторической ситуации *слились* вместе, и замечательно «дружно» слились, *совершенно различные* потоки, *совершенно разнородные* классовые интересы, *совершенно противоположные* политические и социальные стремления. Именно: заговор англо-французских империалистов, толкавших Милюкова и Гучкова с K^0 к захвату власти *в интересах продолжения империалистской войны*, в интересах еще более ярого и упорного ведения ее, в интересах *избиения новых миллионов* рабочих и крестьян России для получения Константинополя... Гучковыми, Сирии... французскими, Месопотамии... английскими капиталистами и т. д. Это — с одной стороны. А с другой стороны — глубокое пролетарское и массово-народное (все беднейшее население городов и деревень) движение революционного характера за *хлеб*, за *мир*, за *настоящую свободу*» [1].

Члены Временного комитета Государственной думы. Сидят (слева направо): В. Н. Львов, В. А. Ржевский, С. Н. Шидловский, М. В. Родзянко. Стоят: В. В. Шульгин, П. П. Дмитриков, Б. А. Энгельгардт (комендант петроградского гарнизона), А. Ф. Керенский, М. А. Караулов.

В Петрограде дело было кончено. Но Ставка и царь двинули войска с фронта. Во главе был поставлен наделенный диктаторскими полномочиями генерал Иванов, отличившийся подавлением кронштадтского восстания в 1905 году. Но генерал Иванов со своим эшелоном еле добрался до Царского села. Здесь его войска немедля побратались с революционными солдатами, а сам он едва успел избежать ареста. На обратной дороге его поезд был загнан в тупик, связь с фронтом оказалась уже прерванной.

Царь по дороге из Ставки добрался только до станции Дно. Встречные поезда были забиты солдатами, разносившими весть о восстании в столице. Ехать дальше было бесцельно. Николай II повернул в Псков, в штаб Северного фронта, чтобы поднять армию против Петрограда. В Пскове ему сообщили о победе революции, а телеграммы от всех командующих фронтами рекомендовали уступить. Из Петрограда передали воззвание революционных организаций. Всякое сопротивление было излишним, и Николай решил отречься от престола.

В то время как царь и Ставка вводили в бой последние резервы, петроградские рабочие и солдаты приступили к созданию своего политического и организационного центра — Совета Рабочих и Солдатских Депутатов. Вечером 27 февраля открылось первое заседание Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов.

3.

ДВОЕВЛАСТИЕ.

Рабочие и крестьяне в солдатских шинелях совершили революцию, но на первых порах не им достались все ее плоды: рядом с советом вырослo правительство буржуазии.

Временный комитет Государственной думы не считал себя властью ни перед умирающим самодержавием, ни перед восставшим народом. Комитет был избран для «водворения порядка» и деятельно занялся этим. Родзянко, теперь председатель комитета, сразу после выборов 27 февраля поехал к председателю Совета министров князю Голицыну. Последний ответил, что все члены правительства подали в отставку, а сам он с минуты на минуту ждет ареста. Родзянко снова связался с царем, со Ставкой, переговорил с командующими фронтами, прося их поддержать перед Николаем Думу. Но события быстро шли вперед. Стали поступать сведения о восстании в ближайших к Петрограду городах. Из Ставки не было никаких утешительных вестей, а из левого крыла Таврического дворца, где собрался совет рабочих депутатов, сообщали, что солдаты восставших полков прислали своих представителей. Гарнизон через голову комитета Думы связывался с советом. Соотношение сил складывалось не в пользу буржуазии. Она добивалась от царя «правительства победы», чтобы довести до конца войну и предотвратить революцию. Но революции опередила буржуазию. Оставалось присоединиться к революции, попытаться возглавить ее, чтобы потом обезглавить. Пока пролетариат и трудящиеся сражались и умирали в борьбе с царизмом, буржуазия спешно перекрашивала свое «правительство победы» в «правительство революции», рассчитывая подавить последнюю.

Поздно ночью собрался Временный комитет и решил взять власть в свои руки. Родзянко на рассвете телеграфировал в Ставку, что министры арестованы, правительство не существует,

> «чернь начинает завладевать положением и комитет Государственной думы, дабы предотвратить истребление офицеров и администрации и успокоить разгоревшиеся страсти, решил принять правительственные функции на себя» [1].

Временный комитет назначил комиссаров Думы в министерства 28 февраля. Из Москвы и других городов стали прибывать сообщения о присоединении к революции. Запрашивали, как быть с организацией власти. Родзянко разослал по всем городам телеграмму о создании Временного комитета. Весь день к Таврическому дворцу подходили все новые полки, перешедшие на сторону революции. Родзянко, Милюков произносили речи, приглашая солдат вернуться в казармы и слушаться своих офицеров. В одном из выступлений Родзянко предложил солдатам успокоиться и сдать оружие. Весть об этом быстро разнеслась по гарнизону. Говорили, что Родзянко уже издал приказ об отобрании оружия у восставших солдат. Полки, только что бывшие в Думе, стали требовать присылки депутатов — рассеять создавшееся настроение. Вот как Шульгин рассказывает о нарастании волнения:

> «Помню, в один из полков послали одного правого националиста... Он вернулся...
>
> — Ну, что?
>
> — Да ничего... Хорошо! Я им сказал — кричат «ура». Сказал, что без офицеров ничего не будет, что родина в опасности. Обещали, что все будет хорошо, они верят Государственной думе...
>
> — Ну, слава богу...
>
> Только вдруг зазвонил телефон...
>
> — Как? Да ведь только что у вас были... Все же кончилось очень хорошо... Что? Опять волнуются? Кого? Кого-нибудь полевее? Хорошо. Сейчас пришлем.
>
> Посылаем Милюкова. Милюков вернулся через час. Очень довольный.
>
> — Они немного волнуются. Мне кажется, что с ними говорили не на тех струнах... Я говорил в казарме с какого-то эшафота. Был весь полк, и из других частей... Ну, настроение очень хорошее. Меня вынесли на руках...
>
> Но через некоторое время телефон зазвонил снова и отчаянно.
>
> — Алло! Слушаю! Такой-то полк? Как, опять? А Милюков?.. Да они его на руках вынесли... Как? Что им надо? Еще левей?.. Ну, хорошо. Мы пошлем трудовика...» [2]

Противоречие между классовым составом армии и классовыми задачами, которым она служила при царизме и при буржуазии, вскрылось в первые же дни революции. Все процессы, давно зревшие в армии, сразу прорвались наружу, как только было сброшено самодержавие.

> «Сначала мы увидели двух солдат, — рассказывает английский генерал Нокс, наблюдавший первые всплески революции в Петербурге из окна артиллерийского управления, — затем появилась огромная беспорядочная толпа солдат, растянувшаяся по

всей улице и тротуарам. Офицеров там не было» [1].

Офицеры покинули полки независимо от своей классовой принадлежности и политических симпатий. Мелкобуржуазных выходцев и кадровиков объединил страх перед вооруженным блоком рабочих и солдат.

Тот же генерал, приставленный следить за выполнением русской армией ее обязательств перед союзниками, объехав полки, сообщал: в батальоне Волынского полка все 40 офицеров изгнаны, в егерском — 22, в 1-м железнодорожном оставлено только 16 из 64 офицеров, да и то без оружия. «Я, кажется, единственный офицер в Петрограде, сохранивший свою саблю» [2], меланхолически заключил свои наблюдения английский генерал.

Буржуазия с первых же часов революции попыталась сохранить за собой армию. Уже 27 февраля, еще до взятия власти, Временный комитет создал Военную комиссию, в состав которой было введено несколько офицеров и генералов. Задача комиссии состояла в том, чтобы сохранить за офицерством руководство солдатскими массами. Но движение внизу, как разбушевавшееся русло реки, пошло мимо комиссии. Генерал Нокс приводит яркий пример того, как быстро уходили солдаты из-под руководства командования:

«Во Временный комитет Государственной думы явилась депутация от питерских солдат с просьбой издать какое-нибудь постановление о мерах, закрепляющих революцию в армии. На ответ комитета, что для таких решений время не наступило, солдат повернулся на каблуках, сказав: «Тем лучше. Мы напишем приказ сами» [3].

«Мы сами» — с первых дней революции стало организующим лозунгом солдатских масс.

Совет рабочих депутатов — а он в первый же день революции стал и солдатским — превращался во власть. Это испытал на себе глава Временного комитета Родзянко. Так 1 марта днем его вызвали в Псков к царю для переговоров. Железнодорожники без разрешения совета не хотели дать поезда. Родзянко обратился в совет, а там после короткого обсуждения отказали. Вечером Родзянко вызвали к прямому проводу из Пскова от царя, но Родзянко заявил, что один на телеграф не поедет. По словам Суханова Родзянко сказал, обращаясь к представителям совета:

«Пусть «господа рабочие и солдатские депутаты» дадут мне охрану или поедут со мной, а то меня арестуют там, на телеграфе... Что ж! У вас сила и власть. Вы, конечно, можете меня арестовать... Может быть, вы всех нас арестуете, мы не знаем?» [4]

На рабочей окраине в дни свержения самодержавия. *С картины И. Владимирова*

Февральские дни в Москве. Выступление большевика Н. П. Ногина на митинге у здания Исторического музея.

Совет и в действительности обладал силой, он был своего рода правительством. Рано утром 28 февраля исполнительный комитет Петроградского совета постановил: организовать районные комитеты и создать рабочую милицию. Утром же вышел первый номер газеты «Известия Петроградского совета» с воззванием от имени совета, в котором говорилось:

«Совет рабочих депутатов, заседающий в Государственной думе, ставит своей основной задачей организацию народных сил и борьбу за окончательное упрочение политической свободы и народного правления в России. Совет назначил районных комиссаров для установления народной власти в районах Петрограда. Приглашаем все население столицы немедленно сплотиться вокруг совета, образовать местные комитеты в районах и взять в свои руки управление всеми местными делами. Все вместе, общими силами, будем бороться за полное устранение старого правительства и созыв Учредительного собрания, избранного на основе всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права»[1].

В тот же день, 28 февраля, совет постановил открыть железнодорожное сообщение между Петроградом и Москвой. 1 марта состоялось уже объединенное заседание совета рабочих и солдатских депутатов. Представители полков горячо рассказывали о росте недоверия к Думе после выступления Родзянко о сдаче оружия. На заседании было решено: во всех политических выступлениях подчиняться лишь совету, распоряжения Военной комиссии исполнять только в том случае, если они не расходятся с советом.

Сразу после бурного заседания группа солдат тут же, за перегородкой, обступила стол члена исполнительного комитета совета меньшевика Н. Д. Соколова, которому было пору-

чено обнародовать решения совета в приказе по войскам. Соколов записывал то, что диктовали окружавшие его солдаты.

Именно под давлением масс был издан первый революционный приказ, по поводу которого Керенский позже говорил, что отдал бы десять лет жизни, чтобы приказ вовсе не был подписан[1].

Приведем его полностью:

ПРИКАЗ № 1.

1 марта 1917 года

По гарнизону Петроградского округа. Всем солдатам гвардии, армии, артиллерии и флота для немедленного и точного исполнения, а рабочим Петрограда для сведения.

Совет рабочих и солдатских депутатов постановил:

1. Во всех ротах, батальонах, полках, парках, батареях, эскадронах и отдельных службах разного рода военных управлений и на судах военного флота немедленно выбрать комитет из выборных представителей от нижних чинов вышеуказанных воинских частей.

2. Во всех воинских частях, которые еще не выбрали своих представителей в совет рабочих депутатов, избрать по одному представителю от рот, которым и явиться с письменными удостоверениями в здание Государственной думы к 10 часам утра 2 сего марта.

3. Во всех своих политических выступлениях воинская часть подчиняется совету рабочих и солдатских депутатов и своим комитетам.

4. Приказы Военной комиссии Государственной думы следует исполнять только в тех случаях, когда они не противоречат приказам и постановлениям совета рабочих и солдатских депутатов.

5. Всякого рода оружие, как-то: винтовки, пулеметы, бронированные автомобили и прочее, должно находиться в распоряжении и под контролем ротных и батальонных комитетов и ни в коем случае не выдаваться офицерам, даже по их требованиям.

6. В строю и при отправлении служебных обязанностей солдаты должны соблюдать строжайшую воинскую дисциплину, но вне службы и строя, в своей политической, общегражданской и частной жизни солдаты ни в чем не могут быть умалены в тех правах, коими пользуются все граждане.

В частности, вставание во фронт и обязательное отдавание чести вне службы отменяются.

7. Равным образом отменяется титулование офицеров: ваше превосходительство, благородие и т. п. и заменяется обращением: господин генерал, господин полковник и т. д.

Грубое обращение с солдатами всяких воинских чинов и, в частности, обращение к ним на «ты» воспрещается, и о всяком нарушении сего, равно как и о всех недоразумениях между офицерами и солдатами последние обязаны доводить до сведения ротных комитетов.

Настоящий приказ прочесть во всех ротах, батальонах, полках, экипажах, батареях и прочих строевых и нестроевых командах.

Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов.

Приказ превращал совет во всеобъемлющую революционную организацию масс. Все воинские части со своим оружием и снаряжением поступали в его политическое распоряжение.

В приказе был и пункт о выборности командиров, но уже при печатании приказа в газете выборность распоряжением Соколова была снята.

Первого марта образовались советы рабочих депутатов в Москве, в Самаре, в Саратове. В Нижний Новгород пришли 5 тысяч рабочих из Сормова и побратались с гарнизоном. В Твери несколько тысяч рабочих подошло к казармам и вместе с солдатами пошло по улицам города.

При таких условиях власть Временного комитета была очень призрачной. Нужно было договориться с советом. В 12 часов ночи 1 марта Временный комитет пригласил на заседание к себе представителей совета. Пришли меньшевики: Н. С. Чхеидзе, Н. Д. Соколов, Н. Н. Суханов, Ю. М. Стеклов (тогда меньшевик) и В. Н. Филипповский — эсер.

Исполнительный комитет совета незадолго перед этим приглашением тоже обсуждал проблему власти. Большинство в исполнительном комитете принадлежало меньшевикам и эсерам. Для них Февральская революция была буржуазной не только потому, что она кончала с полукрепостным режимом, но и потому, что буржуазия по их мнению была единственной руководящей силой революции. Старый видный меньшевик крайнего правого толка Потресов прямо писал:

«К моменту буржуазной революции наиболее социально и психологически подготовленной для решения общенациональных задач оказывается все та же буржуазия. То есть еще все тот же класс, которому на ближайший, хотя бы и короткий период истории, на время укрепления в стране порядка развитого капиталистического строя, уготована роль хозяина-распорядителя»[2].

В оценке характера будущей власти между правыми и левыми меньшевиками не было никакой разницы. Н. Н. Суханов считался наиболее «левым» среди меньшевиков. Он был почти «пораженцем», пописывал статейки против войны, расходясь в этом вопросе с официальным меньшевизмом. «Полуленинец», как он сам называл себя, Суханов так рассуждал в это время:

«Власть, идущая на смену царизма, должна быть буржуазной, Трепова и Распутина должны и могут сменить только заправилы думского «прогрессивного блока». На такое решение необходимо держать курс. Иначе переворот не удастся, и революция погибнет» [1].

Далее Суханов развил, почему именно буржуазия должна стать у власти. Демократия распылена, не имеет политических организаций, без аппарата власти не сумеет овладеть государственной машиной, а о создании новой не смеет и мечтать.

«Вся наличная государственная машина, армия чиновничества, цензовые земства и города, работавшие при содействии всех сил демократии, могли быть послушными Милюкову, но не Чхеидзе. Иного же аппарата не было и быть не могло» [2]—

так объяснял Суханов необходимость передачи власти в руки буржуазии. Мелкий буржуа, растерявшийся в обстановке революции, и не думал посягнуть на власть или поставить кого-нибудь другого у власти кроме «привычного» хозяина. Одно только смущало лидеров совета, случайно вознесенных на гребень революционной волны:

«Вопрос... заключается в том, *захочет ли* цензовая Россия принять власть при таких условиях. И задача, следовательно, состоит в том, чтобы *заставить ее принять власть*» [3].

Буржуазия, оставшись без поддержки самодержавия, боялась принять на себя бремя власти. Откровеннее всех признался в этом Шульгин:

Первые вести на фронте о свержении самодержавия.

ТАК БЫЛО ВСТРЕЧЕНО НА ФРОНТЕ ПАДЕНИЕ САМОДЕРЖАВИЯ.

Революционные демонстрации на фронте в февральские дни.

«Мы были рождены и воспитаны, чтобы под крылышком власти хвалить ее или порицать... Мы способны были в крайнем случае безболезненно пересесть с депутатских кресел на министерские скамьи... *Под условием, чтобы императорский караул охранял нас*... Но перед возможным падением власти, перед бездонной пропастью этого обвала у нас кружилась голова и немело сердце» [1].

Теряющие самообладание по мере размаха революции руководители совета пытались силой навязать упирающемуся «хозяину-распорядителю» власть.

Исполнительный комитет совета постановил предоставить Временному комитету по его усмотрению составить список членов правительства, в состав правительства не входить, но передать ему власть на следующих условиях: 1) объявление полной амнистии по всем политическим и религиозным делам, 2) свобода слова, союзов, собраний и стачек, 3) отмена всех сословных, национальных и религиозных ограничений, 4) замена полиции милицией, 5) демократические выборы в органы местного управления, 6) отказ правительства от всяких шагов, предрешающих будущую форму правления, до созыва Учредительного собрания, 7) невывод и неразоружение революционных полков, 8) гражданские права для солдат. Среди требований совета не было ни одного крупного вопроса, из-за которого шла бы острая борьба: ни вопроса о земле, ни мира, ни восьмичасового рабочего дня. Мелкобуржуазные меньшевистско-эсеровские лидеры совета нарочито обошли эти основные вопросы, чтобы не запугать буржуазию.

Временный комитет Государственной думы в ожидании делегации совета очень нервничал. Отовсюду поступали сведения о быстром развитии революции. Из полков звонили, что отношение солдат к офицерам все ухудшается. Как только в правое крыло дворца явилась эсеро-меньшевистская делегация от совета, Родзянко, Милюков стали наперебой рассказывать об анархии в городе, передавали всякие слухи об уличных беспорядках. Лидеры буржуазии сгущали краски, словно запрашивая в предстоящих торгах. Но к их удивлению никто не возражал им. Мелкобуржуазные представители

из деревни и менее опытные члены партии. Правда, в большинстве новички-рабочие вышли из бедняцких низов крестьянства и только часть — из кулачества и городской мелкой буржуазии. Последние спасались от мобилизации, работая в оборонной промышленности. Но и те и другие принесли с собой в пролетарскую среду мелкобуржуазные предрассудки и политическую слепоту. Это обстоятельство временно ослабляло пролетариат.

Наконец огромное значение имело и то обстоятельство, что десятки миллионов людей, политически спавших в «тюрьме народов», как называли царскую Россию, сразу приобщались к политической жизни. Миллионная масса обывателей, мелких буржуа, забитых раньше страшным гнетом царизма, подавила пролетариат своей численностью. Гигантская мелкобуржуазная волна захлестнула сознательный пролетариат и отчасти даже заразила его идейно. Значительные круги рабочих были захвачены мелкобуржуазными соглашательскими иллюзиями.

Вот почему плоды февральской победы революционных рабочих и крестьян попали в руки буржуазии.

По той же причине в авангарде баррикадных бойцов шли большевики, а в советах очутились в подавляющем большинстве меньшевики и эсеры. Мелкобуржуазная волна на первых порах определила и состав совета, дав перевес мелкобуржуазным лидерам. Пока большевики были заняты борьбой на улицах, всеро-меньшевики закреплялись в совете. По постановлению Временного исполнительного комитета, избранного Петроградским советом, крупные заводы посылали в совет представителей по одному на тысячу, а предприятия с количеством рабочих меньше тысячи выбирали тоже по одному депутату. При таком представительстве ведущие заводы, на которых было 87 процентов петроградского пролетариата, получили 124 места в совете — лишь на два больше, чем мелкие предприятия, имевшие всего 13 процентов рабочих.

Таким образом, индустриальные гиганты, заводы-«большевики», руководители движения, тонули в мелких, ремесленного типа предприятиях.

Кроме того в совет избирались представители всяких военных управлений, воинских служб, магазинов, сотни крестьян — солдат от гарнизона, где преобладали политически незрелые элементы.

Все это, вместе взятое, определило физиономию руководства Петроградского совета.

4.

ВРЕМЕННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО В БОРЬБЕ ЗА ЕДИНОВЛАСТИЕ БУРЖУАЗИИ.

Заручившись поддержкой Петроградского совета, Временное правительство занялось прежде всего вопросом о романовской династии. В Псков к царю тайно от совета правительство послало 2 марта А. И. Гучкова и В. В. Шульгина. После их отъезда, часа в 3 дня, Милюков выступил в зале Таврического дворца на митинге с сообщением об образовании правительства. Речь Милюкова вызвала одобрение, но среди рукоплесканий слышались и протесты. «Кто вас выбрал?» перебивали оратора. Когда Милюков назвал князя Львова «представителем организованной общественности», из толпы раздалось несколько голосов: «Цензовой!» — т. е. общественности буржуазной. Милюкову пришлось долго расхваливать Гучкова и даже пуститься на явную ложь, чтобы избежать лишних возражений. «Сейчас, когда я в зале говорю с вами, Гучков на улицах столицы организует нашу победу», агитировал Милюков, а Гучков на самом деле в поезде мчался к царю. Со всех сторон огромного зала неслись крики: «А династия?» Собравшись с духом, Милюков, наконец, попробовал осторожно открыть карты:

> «Я знаю наперед, что мой ответ не всех вас удовлетворит, но я его скажу. Старый деспот, доведший Россию до границы гибели, добровольно откажется от престола или будет низложен. Власть перейдет к регенту, великому князю Михаилу Александровичу. Наследником будет Алексей»[1].

Поднялся невообразимый шум. С мест кричали: «Это старая династия». Когда шум утих, Милюков постарался несколько смягчить впечатление от своего сообщения:

«Да, господа, это старая династия, которой, может быть, не любите вы, а может быть, не люблю и я. Но дело сейчас не в том, кто сейчас любим. Мы не можем оставить без ответа и без решения вопрос о форме государственного строя. Мы представляем его себе как парламентскую конституционную монархию. Быть может, другие представляют себе иначе. Но теперь если мы будем об этом спорить, вместо того чтобы сразу решить, то Россия очутится в состоянии гражданской войны, и возродится только что разрушенный режим... Как только пройдет опасность и возродится прочный порядок, мы приступим к подготовке созыва Учредительного собрания... на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования. Свободно избранное народное представительство решит, кто вернее выразит общее мнение России — мы или наши противники» [1].

На заводах и в полках выступление Милюкова вызвало острое возбуждение. Вечером в Таврический дворец пришла группа офицеров. Они заявили, что не могут вернуться в полк, пока Милюков не возьмет своих слов обратно. Собрались встревоженные члены правительства. Постановлено было «для успокоения народа» заявить, что слова Милюкова «являются его личным мнением».

Пока Петроград бурно протестовал против навязывания народу нового царя, Гучков и Шульгин прибыли в Псков и доложили о плане правительства передать престол Алексею. Николай II заявил, что он передумал и отрекается от престола и за себя и за своего сына в пользу брата Михаила. Бывший царь сослался при этом на свои отцовские чувства: «Расстаться с моим сыном я не способен» [2]. В действительности Николаем руководили политические соображения: он не хотел рисковать сыном, предпочитая выждать время. Гучков и Шульгин по прямому проводу сообщили Временному правительству текст отречения и выехали в Петроград. Правительство, учитывая настроение в столице, решило не опубликовывать текста. Шульгина успели предупредить по телефону, но Гучков прямо с поезда пошел на митинг железнодорожников на самом вокзале, прочитал манифест и закончил: «Да здравствует император Михаил!» [3] В ответ раздалось: «Долой царя!» Возбужденные рабочие потребовали немедленного ареста и обыска Гучкова. «Хрен редьки не слаще», возмущались солдаты, узнав о предполагаемой замене Николая II Михаилом II.

Временное правительство столкнулось с настроениями широких масс и поняло, что о сохранении монархии не может быть и речи. Рано утром 3 марта Родзянко, Милюков, Гучков, Некрасов, Керенский и другие члены правительства посетили великого князя Михаила. Большинство делегации убедило его, в свою очередь, отречься от престола. Против были только Милюков и Гучков, обещая великому князю собрать вне Петрограда боевую силу для защиты монархии. Михаил и сам понял, что ему не усидеть. Накануне он просил дать поезд для поездки в Петроград из Гатчины, но в совете сказали, что «гражданин Романов» может притти на вокзал, взять билет и ехать в общем поезде. Михаил Романов подумал немного, поговорил с Родзянко наедине и заявил об отказе от престола. Милюков рассказывает, что Керенский при этом пожал великому князю руку со словами: «Ваше высочество, вы — благородный человек» [4].

Монархию спасти не удалось, но зато буржуазия постаралась, чтобы новая власть выглядела как можно законнее. Гучков и Шульгин добились у царя назначения князя Львова председателем Совета министров. Выходило, что глава нового правительства законно утвержден прежним императором. Родзянко не раз подчеркивал, что князь Львов

> «носил на себе преемственность власти, делегированной ему от лица еще не сверженной верховной власти» [5].

На деле же Николай уже не был царем, когда подписывал приказ о назначении Львова. Михаил в своем отречении призывал народ повиноваться

> «Временному правительству, по почину Государственной думы возникшему и облеченному всей полнотой власти» [6].

Даже новый главнокомандующий Петроградским военным округом был назначен по соглашению со старой властью. Вместо генерала Хабалова выдвинули генерала Л. Г. Корнилова, бывшего в кругах двора на хорошем счету и даже «удостоенного внимания» Николая II, после того как генерал ушел из германского плена. Телеграммой князя Львова 5 марта все губернаторы и вице-губернаторы были смещены, а их обязанности возложены на председателей губернских земских управ. Но многие председатели в свое время были назначены старой властью, а если избирались, то из наиболее реакционных групп.

Решительный протест рабочих и солдат против попыток спасти монархию показал руководителям правительства, что единовластие буржуазии не может быть утверждено силой. Явное насилие раздражало массы, вызывало отпор, углубляло революцию. Оставалось одно — тактика уступок, вилянии, обещаний, рассыпаемых щедрой рукой, чтобы выиграть время, собраться с силами, а затем покончить с революцией. Такой уступкой и было введение

Временное правительство первого состава. Сидят (слева направо): А. И. Коновалов, А. И. Гучков, Н. В. Некрасов, А. И. Шингарев, Г. Е. Львов, П. Н. Милюков, М. П. Терещенко, П. Н. Малянтович, А. А. Мануйлов. Стоят (второй справа) А. Ф. Керенский.

Керенского в правительство, кандидатура которого при разговорах с представителями совета в ночь с 1 на 2 марта даже не называлась. В. В. Шульгин рассказывает в своих воспоминаниях, что кадет Шингарев, министр земледелия Временного правительства, говорил еще накануне революции:

«— Если власть на нас свалится, придется искать поддержки расширением прогрессивного блока налево...

— Как вы себе это представляете?

Я бы позвал Керенского.

— Керенского? В качестве чего?

— В качестве министра юстиции, допустим... Сейчас пост этот не имеет никакого значения, но надо вырвать у революции ее главарей... Из них Керенский — все же единственный... Гораздо выгоднее его иметь с собой, чем против себя»[1].

Временное правительство старалось не связывать себе рук. 6 марта оно обратилось с воззванием к народу, где в очень неопределенной форме заявило, что

«считает своим священным и ответственным долгом осуществить чаяния народные и вывести страну на светлый путь свободного гражданского устроения»[2].

В чем конкретно выражались «чаяния народные» и «священный долг» правительства, вычитать из пышного многословного воззвания никто не мог. Обещали созыв Учредительного собрания, которое решит все основные вопросы, но срок созыва не был указан. За Учредительное собрание спрятался Милюков, когда его на митинге огорошили протестом против монархии. К Учредительному собранию отсылало правительство всех, кто требовал ответа на вопрос о земле, хлебе и мире.

Воззвание 6 марта, как и первая декларация Временного правительства 2 марта, ни

одним словом не упоминает о передаче земли крестьянам. Министром земледелия был назначен А. И. Шингарев, земский врач, кадет, член IV Государственной думы. Назначение его объяснялось лишь тем, что Шингарев постоянно выступал в Думе по продовольственному вопросу. Министерство земледелия было для Временного правительства прежде всего министерством продовольствия. Революция началась с «продовольственных беспорядков»; «беспорядки» угрожали и вновь созданному правительству, деревня же еще не подняла своего голоса с требованием земли. Умолчав о земле, Временное правительство уже 9 марта решило привлечь к уголовной ответственности крестьян Казанской губернии за выступления против помещиков.

Но не прошло и двух недель, как деревня напомнила о себе. «Крестьяне... произвели нападение и частичный грабеж в имении «Александровка»[1], сообщали из Курской губернии. Управляющий имением Трубецкого в Рязанской губернии жаловался на крестьян, которые требуют передачи им имения. 16 марта Шингарев получил телеграмму о выступлении крестьян Московской губернии. Такие же сообщения приходили со всех концов России.

Временное правительство сделало первую попытку подавить начавшееся крестьянское движение старым проверенным способом: для «успокоения» в первой половине марта в деревню направили войска. Отряды были посланы в губернии Курскую, Могилевскую и Пермскую. Но правительству Львова — Милюкова — Шингарева очень скоро пришлось убедиться, что старым способом деревни не успокоить. Просто подавлять уже нельзя было. Требовались какие-то уступки. 12 марта правительство сообщило, что в казну отбираются земли Николая II — кабинетские земли, — а 16 марта это постановление было распространено и на земли всей фамилии Романовых, на так называемые земли удельного ведомства.

Семнадцатого марта правительство Львова обратилось с декларацией к крестьянам.

> «Земельная реформа... несомненно, станет на очередь в предстоящем Учредительном собрании», обещало Временное правительство. «Земельный вопрос не может быть проведен в жизнь путем какого-то захвата, — добавляла далее декларация. — Насилие и грабежи — самое дурное и опасное средство в области экономических отношений»[2].

Проповедь о неприменении насилия относилась только к крестьянам, для собственного пользования правительство оставляло именно насилие. 8 апреля министр-председатель, он же министр внутренних дел, князь Львов, предложил губернским комиссарам подавлять крестьянские волнения всеми мерами «вплоть до вызова военных команд». Назначенные на местах комиссары Временного правительства и представители Государственной думы, посланные в провинцию, усердно проводили в жизнь указания министра-председателя.

Карательную деятельность правительства прикрывали эсеро-меньшевики. 16 марта Петроградская областная конференция партии эсеров выступила против аграрного движения. На этой конференции утверждалось, что

> «всякие попытки к немедленному захвату частновладельческих земель могут гибельно отразиться на правильном течении сельскохозяйственной жизни... Конфискация обрабатываемых удельных, кабинетских и частновладельческих земель может быть проведена только законодательным путем через Учредительное собрание, которое даст народу землю и волю»[3].

Эсеры оказались реакционнее, чем буржуазия: Временное правительство несколько дней назад конфисковало удельные и кабинетские земли. 3 апреля Всероссийское совещание советов рабочих и солдатских депутатов по предложению меньшевиков приняло резолюцию, где говорилось:

> «Аграрные беспорядки могут быть полезны не крестьянству, а только контрреволюции.

«А посему призвали мы за благо отречься от престола государства Российского» (из манифеста Николая II). *Карикатура В. Дени из журнала «Бич» № 1 за 1917 год*

Нужно помнить, что теперь власть в руках народа и народ сам в Учредительном собрании решит земельный вопрос»[1].

Угрозы и насилия не приостановили аграрного движения.

«В апреле появились первые признаки перемены в крестьянском правосознании по отношению к разрешению земельного вопроса, и наряду с этой переменой стали поступать соответствующие известия в виде телеграмм с мест»[2] —

так писал Временному правительству сухим канцелярским языком министр внутренних дел. Помещики сделали вывод о необходимости новой тактики в борьбе с крестьянством.

«Помещики поняли, — говорил по этому поводу Ленин, — что больше господствовать палкой нельзя, это они хорошо поняли, и они переходят к тому способу господства, который для России является новинкой, а в Западной Европе существует давно... Революции обучают помещиков и капиталистов, они обучают их, что народом надо править обманом, лестью; надо приспособиться, прицепить к пиджакам красный значок и, хотя бы это были мироеды, говорить: «Мы — революционная демократия, пожалуйста, только подождите, и мы все для вас сделаем»[3].

Одиннадцатого апреля правительство опубликовало закон «Об охране посевов», в сущности гарантировавший помещикам охрану их земли, арендную плату и

«произведенные ими — помещиками — затраты на посевы в случае «народных волнений»[4].

Шингарев попытался успокоить крестьян созданием примирительных камер, где решающее значение должны были иметь помещики. Ленин так оценил эту попытку примирить помещиков и крестьян:

«*Один* землевладелец, имеющий 2 тысячи десятин земли, и *триста* крестьянских семей, имеющих 2 тысячи десятин земли, — таково накруг положение дел в России. Триста крестьян должны ждать «добровольного согласия *одного* помещика»[5].

Но это как раз и устраивало землевладельцев. Шингарев решил использовать самую идею такого «добровольного соглашения».

Двадцать первого апреля издается положение о земельных комитетах. Биограф Шингарева кадет А. Г. Хрущев рассказывает, как представлял себе министр земледелия задачи земельных комитетов:

«По первоначальной мысли А. И. (Шингарева. *Ред.*) земельные комитеты должны были быть организованы исключительно для подготовки и разработки материалов по земельному вопросу... Никаких исполнительных функций, никакого вторжения в область земельных отношений по первоначально разработанному А. И. проекту комитетам не предоставлялось»[6].

В деревне обсуждают известие о Февральской революции.

Сам Хрущев, бывший товарищем министра земледелия, так объяснил на первом же заседании Главного комитета необходимость этого мероприятия:

«Аграрное движение разрастается и принимает угрожающие формы расстройства всей хозяйственной жизни страны. Необходимо принять неотложные меры к организации местных земельных комитетов»[7].

По шингаревскому положению в центре создавался Главный земельный комитет, на местах — губернские и уездные. Формирование же волостных было, по положению, необязательно. Ленин назвал положение о земельных комитетах «помещичьим и мошеннически написанным законом».

«Комитеты по этому мошеннически написанному помещичьему закону составлены так, — писал Ленин, — что уездный комитет менее демократичен, чем волостной, губернский

менее демократичен, чем уездный, Главный комитет менее демократичен, чем губернский»[1].

Действительная организация пошла по несколько иному пути. Первыми возникли волостные комитеты задолго до положения 21 апреля. Особенно быстро они стали расти в апреле. Губернские и уездные, организация которых была поручена комиссарам Временного правительства, создавались медленно, как бы вслед за волостными, навязывая последним свою руководящую роль.

Состав Главного земельного комитета полностью определял его политику. В него по назначению Временного правительства входили 25 человек, из которых подавляющее большинство принадлежало к кадетам, 6—представителей Крестьянского союза и Всероссийского крестьянского совета, 3 — от Временного комитета Государственной думы и по одному от политических партий, причем кадеты и более правые в последнем случае получили 6 мест. Председателем Главного земельного комитета был назначен профессор политической экономии А. С. Посников, член IV Государственной думы, прогрессист, из той же партии, что и министр Коновалов. Профессор одновременно был управляющим крестьянским и дворянским банками.

Это «совмещение», видимо, и делало Посникова в глазах буржуазии пригодным для «примирения» крестьян с помещиками. Уже на первом заседании председатель, определяя задачи Главного комитета, говорил о

> «необходимости рассеять одно очень распространенное в настоящее время заблуждение, будто при предстоящей земельной реформе вся земля будет отнята у владельцев безвозмездно. Комитет должен заявить, что этого не будет»[2].

Главный земельный комитет должен был только играть роль заслона от крестьянства. Настоящая деловая работа помещиков и буржуазии проводилась без участия этой организации. В Главном земельном комитете бесконечно спорили по поводу проектов земельной реформы, всячески оттягивая окончательное решение. Так лавировало Временное правительство, переходя от угроз и карательных экспедиций к примирительным камерам, выжидая возможности полностью взять в свои руки власть.

Той же тактики — уступить в малом, чтобы предупредить более серьезные требования, — держалось Временное правительство и в других вопросах. 11 марта петроградские фабриканты подписали соглашение с Петроградским советом о введении восьмичасового рабочего дня, а 16 марта на заседании у министра торговли и промышленности Коновалова представитель Общества петроградских заводчиков и фабрикантов Ефрон заявил, что «достигнутое в Петрограде соглашение... временная уступка»[3].

По продовольственному вопросу в первое время правительство не приняло никаких мер. Хлебные очереди не уменьшались от перехода Министерства земледелия из рук царского сановника Риттиха в руки кадетского министра Шингарева. Еще 4 марта продовольственная комиссия при Петроградском совете установила для Петрограда обязательную таксу на предметы потребления. Владельцы булочных в ответ стали прятать хлеб. Рабочие на заводах потребовали отобрать хлеб у имущих. 14 марта продовольственная комиссия совета выступила с предложением реквизировать хлеб у землевладельцев, имеющих не менее 70 гектаров земли. Временное правительство решило взять в свои руки дело продовольствия. 21 марта продовольственная комиссия при совете передала свои права и обязанности Общегосударственному продовольственному комитету. 25 марта Временное правительство вынуждено было утвердить закон о хлебной монополии, по которому излишки помещичьего хлеба переходили в распоряжение государства. На продовольствие до нового урожая оставлялось каждому члену семьи владельца, всем его служащим и рабочим по 50 фунтов зерна в месяц. На прокорм скота и обсеменение выделялась определенная норма. Сверх того 10 процентов всей потребляемой нормы оставлялось в хозяйстве помещиков и кулаков «на всякий случай». Шингарев объяснял этот акт правительства тем, что война принуждала государство к вмешательству во все проявления хозяйственной жизни. Повышение же нуждаемости в хлебе при усилении трудностей заготовки, подчеркивал он, потребовало ликвидации свободной торговли. Главная же, вызвавшая этот декрет причина не была указана Шингаревым. Она заключалась в нажиме революционных масс на правительство. Сначала буржуазия и помещики выступили очень ретиво против хлебной монополии. I Всероссийский торгово-промышленный съезд в Москве 19—23 марта еще до опубликования декрета протестовал против «опасного плана введения хлебной монополии» и отклонил предложение о монополии большинством голосов. Главный ходатай помещиков в деле борьбы с хлебной монополией Родзянко в специальном письме доказывал Керенскому необходимость отмены такой «рискованной меры»[4]. Дружно выступали против хлебной монополии союзы хлеботорговцев, биржевые комитеты ряда крупных городов и т. д. Но это была только временная вспышка гнева от

На фронте. Привет Временному правительству

неожиданности, инстинктивная самозащита, заблаговременный контрудар. И сами авторы закона скоро разъяснили, что декрет введен в сущности как страховка от нападок со стороны трудящихся; никто и не собирается проводить его в жизнь. Шингарев на VII съезде кадетской партии убеждал своих соратников, что это «неполная хлебная монополия»[1]. Он говорил о ней, как о «горькой необходимости». На III чрезвычайном съезде представителей совета съездов биржевой торговли и сельского хозяйства 26—29 апреля 1917 года Шингарев в успокаивающем тоне разъяснял буржуазии и помещикам, чтобы они особенно не беспокоились...

«Это не есть окончательная хлебная монополия, — доказывал он, — мы не касаемся ни производства хлеба, ни окончательного его распределения по распределительному аппарату; это лишь право располагать хлебом, взятым после урожая»[2].

В частной же беседе с сенатором Шидловским, жаловавшимся на малую норму оставленного землевладельцам хлеба, Шингарев успокоил его и всех помещиков, заявив, что «нормы... просто не соблюдайте — кто, мол, вас там будет проверять»[3]. Министры Временного правительства выступали перед массами с «революционными» законами, а за спиной народа рекомендовали помещикам саботировать эти же законы.

Борьба с разрухой народного хозяйства перешла в руки Коновалова, крупнейшего текстильного фабриканта, активнейшего деятеля ряда капиталистических организаций. Коновалов призывал буржуазию к борьбе со спекуляцией, говорил даже о вмешательстве государства в частные торгово-промышленные отношения, но на практике устранил только все ограничения при учреждении акционерных обществ. Недаром на заседании Центрального военно-промышленного комитета говорили по поводу Коновалова, Гучкова и Терещенко:

«Мы, представители торгово-промышленной деятельности, с особенной гордостью взираем на вас трех, потому что вы для нас не только доблестные русские граждане, но и лучшие, достойнейшие сыны торгово-промышленной России»[4].

«Достойнейшие сыны торгово-промышленной России» ловко и настойчиво обманывали народ.

Был, однако, один вопрос, который нельзя было откладывать до Учредительного собрания, — это война. Армию всячески оберегали от влияния революционного Петрограда. Задерживали сведения о развитии революции, в войсковые части не пропускали газет. 3 марта ночью начальник штаба главнокомандующего генерал Алексеев разослал по фронту следующую секретную телеграмму:

«Вследствие телеграммы начальника штаба главнокомандующего армиями Западного фронта о том, что из Великих Лук на Полоцк едет депутация в 50 человек от нового правительства и обезоруживает жандармов, по означенному вопросу был запрошен председатель Государственной думы, который сообщил, что депутаций не посылалось. Таким образом, повидимому, начинают появляться из Петрограда чисто революционные разнузданные шайки, которые стремятся разоружить жандармов на железных дорогах и, конечно, в дальнейшем будут стремиться захватывать власть как на железных дорогах, так и в тылу армии и, вероятно, попытаются проникнуть в самую армию. Надо принять самые энергичные меры, установить наблюдение на узловых станциях железных дорог и иметь на этих станциях гарнизоны из надежных частей под начальством твердых офицеров. При появлении где-либо подобных самозванных делегаций таковые желательно не рассеивать, а стараться захватывать и по возможности тут же назначать полевой суд, приговоры которого тут же приводить немедленно в исполнение»[1].

Главнокомандующий Юго-западным фронтом генерал Брусилов разослал телеграмму, в которой требовал принятия самых решительных мер против проникновения в армию «дезорганизации и анархии».

Царские генералы готовились встретить революцию в армии штыками и скоропалительными полевыми судами. Приказ № 1 изымали из обращения с такой же решительностью, с какой старая полиция уничтожала революционные листовки.

Шестого марта одновременно с общим воззванием к населению Временное правительство опубликовало обращение и к армии. О войне в этом воззвании говорилось более или менее осторожно. Подчеркивалось только, что армия сохранит единство, сплоченность и твердый внутренний порядок. От солдат требовали безусловного подчинения офицерам, Временное же правительство обещало армии снабдить ее «всем необходимым для того, чтобы довести войну до победного конца»[2]. На следующий день Гучков новым распоряжением отменил приказ № 1.

Лидеры совета, в том числе и те, которые всего пять дней назад писали приказ № 1, как Соколов, помогли Гучкову отменить приказ. Генерал Деникин со слов генерала Потапова так рассказывает об этом:

«Шестого марта вечером на квартиру Гучкова пришла делегация совдепа в составе Соколова, Нахамкеса (Стеклова. *Ред.*), Филипповского (лейтенанта), Скобелева, Гвоздева, солдат Падерина и Кудрявцева (инженера) по вопросу о реформе армии. Происходившее заседание было очень бурным. Требования делегации Гучков признал для себя невозможными и несколько раз выходил, заявляя о сложении с себя звания министра. С его уходом я (Потапов. *Ред.*) принимал председательствование, вырабатывались соглашения, снова приглашался Гучков, и заседание закончилось воззванием, которое было подписано: от совдепа — Скобелевым, от комитета Государственной думы — мною и от правительства — Гучковым. Воззвание аннулировало приказы № 1 и 2 (приказ № 2, изданный советом, разъяснял, что приказ № 1 не

Гучков. *Карикатура Кор. Ефимова.*

устанавливал выборности офицеров, но разрешал комитетам возражать против назначения начальников. *Ред.*), но военный министр дал обещание проведения в армии более реальных, чем он предполагал, реформ по введению новых правил взаимоотношений командного состава и солдат»[1].

Девятого марта Временное правительство за подписью военного и морского министров выпустило воззвание к армии, в котором, правда, в осторожных выражениях атаковало Петроградский совет:

«Объединяйтесь все около Временного правительства, веря, что оно положит все силы на вашу защиту. В столице отдельные группы продолжают сеять раздор, связывая решения Временного правительства и препятствуя их проведению в жизнь... Не слушайтесь сеющих рознь. Много немецких шпионов, скрываясь под серой солдатской шинелью, мутят и волнуют вашу среду»[2].

Гучков слишком поторопился. Воззвания военного министра открыли настоящее лицо правительства. 11 марта большевистская газета «Правда», начавшая выходить 5 марта, заявила, что выступление Временного правительства является не чем иным, как нападением на совет рабочих и солдатских депутатов. В полках столичного гарнизона начались митинги протеста. С фронта в Петроградский совет стали прибывать делегации солдат, настойчиво требуя мер против наступления генералов.

Мелкобуржуазные руководители совета уже не раз со времени передачи власти буржуазии отводили от нее удары встревоженных масс — поводов для выступлений было много. 7 марта исполнительный комитет совета выделил особую «контактную комиссию» в составе Чхеидзе, Стеклова, Суханова, Филипповского и Скобелева. По определению исполнительного комитета комиссия была создана

«в целях осведомления совета о намерениях и действиях Временного правительства, осведомления последнего о требованиях революционного народа, воздействия на правительство для удовлетворения этих требований и непрерывного контроля над их осуществлением»[3].

На деле «контактная комиссия» помогала Временному правительству успокаивать выведенные из равновесия массы. Так было с вопросом об аресте Николая и его семьи. Временное правительство позволило царю уехать из Пскова в Ставку. Там царь встречался с генералитетом армии. К нему приезжали свободно великие князья. Все это вызвало огромное возмущение среди солдат и рабочих. Исполнительный комитет совета вынужден был принять решение об аресте царя, а 7 марта и Временное правительство постановило лишить свободы Николая Романова и всю его семью.

Седьмого марта Временное правительство разработало текст присяги для армии и служащих. В присяге не было ничего о революции, и притом из старой царской присяги в новую перешли крестное знамение и бог. Это вызвало новую вспышку возмущения. Совет 12 марта довел до сведения Временного правительства, что считает текст присяги неприемлемым и входит в переговоры о выработке новой формы присяги. При этом было подчеркнуто, что факт отклонения текста присяги не означает призыва к неповиновению Временному правительству.

Так было и по вопросу о войне. Протесты против выступления Гучкова все нарастали. Солдаты и рабочие требовали мира. 11 марта на Петроградской стороне состоялся митинг в количестве 1 500 человек, на котором было постановлено предложить совету немедленно обратиться к международной и в особенности к германской и австрийской демократии с призывом заставить свои правительства заключить мир. 12 марта огромное собрание на Ижорском заводе, недалеко от Петрограда, предложило совету обратиться к рабочему классу воюющих стран восстать против своих правительств и заключить мир. В тот же день в Москве развернулась огромная демонстрация под лозунгами: «Да здравствует Учредительное собрание», «Мир и братство народов»[4].

Под давлением массового движения соглашательские лидеры исполнительного комитета решили выпустить особую декларацию в ответ на многочисленные революции и требования. 14 марта появилось воззвание Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов к народам всего мира. Объявив, что царь низложен и Россия сейчас — страна демократическая, что пора народам взять в свои руки решение вопроса о войне и мире, совет утверждал:

«В сознании своей революционной силы российская демократия заявляет, что она будет всеми мерами противодействовать захватнической политике своих господствующих классов, и она призывает народы Европы к совместным решительным выступлениям в пользу мира»[5].

Воззвание совета не указывало конкретных мер в борьбе за мир. Оно не обещало даже начать в ближайшее время переговоры о мире. Напротив, в воззвании подчеркивалось:

«Мы будем стойко защищать нашу собственную свободу от всяких реакционных посягательств как извнутри, так и извне. Русская революция не отступит перед штыками завоевателей и не позволит ограбить себя внешней военной силе»[6].

От армии руководители совета попрежнему требовали продолжать войну.

Воззвание совета не понравилось ни русской, ни союзнической буржуазии. Как ни расплывчато было оно написано, но в нем говорилось в туманном виде о мире, народы призывались к борьбе с захватнической политикой правительств. Засуетились послы союзных стран. Палеолог, Бьюкенен потребовали точного определения позиции Временного правительства. 16 марта Милюков как министр иностранных дел послал телеграмму русским представителям за границей, в которой подчеркивал, что русская революция имеет своей целью довести войну до окончательной победы. В нейтральные страны — Швейцарию, Норвегию, Швецию и другие — телеграмма была направлена без замечания о военных задачах.

В беседе с представителями газет 23 марта Милюков сказал:

«Если мы, русские, претендуем на обладание Константинополем и проливами, то этим мы ничуть не посягаем на национальные права Турции, и никто нам не вправе бросить упрек в захватных тенденциях. Обладание Царьградом всегда считалось исконной национальной задачей России»[1].

Пояснения Милюкова к воззванию совета от 14 марта имели откровенно империалистский характер. Это опять могло вызвать возбуждение масс. Лидеры совета потребовали обсуждения вопроса в «контактной комиссии». В комиссии в это время появился Церетели — меньшевик, бывший депутат II Государственной думы, сосланный царем на каторгу в 1907 году. Темпераментный оратор, окруженный ореолом мученика, Церетели сразу занял ведущую роль среди меньшевиков. Он предложил обратиться на этот раз от имени правительства к армии и населению с торжественным заявлением, в котором должны быть обещаны: во-первых, решительный разрыв с захватной политикой, во-вторых, принятие мер к достижению всеобщего мира. Кадет В. Д. Набоков, управляющий делами правительства, рассказывает, как Церетели убеждал членов правительства:

«Он доказывал, что, если Временное правительство сделает такую декларацию, последует небывалый подъем духа в армии, что ему и его единомышленникам можно будет тогда с полной верой и с несомненным успехом приступить к сплачиванию армии вокруг Временного правительства, которое сразу приобретет огромную нравственную силу. «Скажите это, — говорил он, — и за вами все пойдут, как один человек»[2].

Церетели, таким образом, прямо советовал буржуазии опубликовать заявление для успокоения масс. Набоков вспоминает, что Церетели, заметив колебания Милюкова, стал его горячо уговаривать:

«Церетели настаивал, причем несколько комическое впечатление производили его уверения, что, если только основная мысль директивы будет признана, Милюков сумеет найти те тонкие дипломатические приемы, с помощью которых эта директива осуществится»[3].

Временное правительство сдалось на доводы «контактной комиссии». 28 марта было опубликовано заявление, суть которого заключалась в следующем:

«Предоставляя воле народа в тесном единении с нашими союзниками окончательно разрешить все вопросы, связанные с мировой войной и ее окончанием, Временное правительство считает своим правом и долгом ныне же заявить, что цель свободной России — не господство над другими народами, не отнятие у них их национального достояния, не насильственный захват чужих территорий, но утверждение прочного мира на основе самоопределения народов»[4].

Временное правительство усвоило совет «контактной комиссии» и выразилось в воззвании буквально словами декларации совета от 14 марта. Но, отдав дань требованиям мелкобуржуазных лидеров совета, правительство добавило:

«Русский народ не допустит, чтобы родина его вышла из великой борьбы униженной и подорванной в жизненных своих силах. Эти начала будут положены в основу внешней политики Временного правительства, неуклонно проводящей волю народную и ограждающей права нашей родины, при полном соблюдении обязательств, принятых в отношении наших союзников»[5].

Империалистский характер своей политики правительство по совету меньшевиков ловко прикрыло «демократическими» лозунгами.

Массы, совершившие революцию, восставшие *против* империалистской бойни, против тех, кто ее подготовил и вызвал, вновь втягивались эсеро-меньшевиками в войну. Грабительская война за интересы капиталистов оправдывалась защитой революции, обороной революционной родины. Ленин в брошюре «Задачи пролетариата в нашей революции» писал:

«Самым крупным, самым ярким проявлением мелкобуржуазной волны, захлестнувшей «почти все», надо признать *революционное оборончество*. Именно оно — злейший враг дальнейшего движения и успеха русской революции»[6].

Партия большевиков резко отделяла революционное оборончество *масс* от оборончества мелкобуржуазных *вождей*. Оборончество

мелкобуржуазных вождей объяснялось не заблуждением, а классовыми связями и традициями, классовым положением тех социальных групп, интересы которых они выражали. Совсем другими корнями питалось оборончество масс. Пролетарии и крестьянская беднота не были заинтересованы в захвате чужих территорий, в насилиях и грабеже других народов. Оборончество масс было результатом прямого обмана их буржуазией и ее лакеями. Буржуазия и особенно эсеро-меньшевики играли на революционной гордости масс, совершивших переворот, на хмельном и радостном угаре «революционной весны». В миллионах газет, на митингах, в театрах и кино дело изображали так, словно характер войны изменился от замены царя буржуазным Временным правительством. Прежде, мол, война была грабительская, и вел ее царь, а сейчас царь свергнут, у нас революция — и нужно оборонять страну. Широкие массы рабочих и бедноты, не разобравшись сразу в этом обмане, временно оказались в сетях буржуазии.

Обманутым солдатам и рабочим нужно было разъяснить их заблуждение, показать, что буржуазия стоит за продолжение войны не в интересах революции, а в интересах наживы, в целях защиты своих прибылей. Надо было разъяснить, что характер войны зависит от того класса, который ее ведет, что война есть неизбежное продолжение политики господствующего класса. Дело шло о миллионах, о десятках миллионов людей. Огромные массы рабочих и крестьянской бедноты нужно было вырвать из под влияния буржуазии и мелкобуржуазных партий. Надо было разоблачить корыстную цель трескучих и цветистых эсеро-меньшевистских фраз о революции, об обороне «свободной России» и «великих завоеваний демократии». Эта тяжелая борьба с социальной демагогией буржуазии целиком ложилась на партию большевиков.

Но эта исключительно ответственная борьба имела свои особенности. Нельзя было, выступая перед заблуждающимися, открыто бросить голый лозунг: «Долой войну!» Нередко такой призыв сразу настраивал слушателей против агитатора, и его выступление приносило лишь вред.

> «Лозунг «Долой войну» верен, конечно, — писал Ленин, — но он не учитывает своеобразия задач момента, необходимости *иначе подойти* к широкой массе. Он похож по-моему на лозунг «Долой царя», с которым неумелый агитатор «доброго старого времени» шел просто и прямо в деревню — и получал побои»[1].

Большевики под руководством Ленина решительно и самоотверженно выступили против гигантской мелкобуржуазной волны, временно захлестнувшей массы.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

ПРИЕЗД ЛЕНИНА.

1.

ПОИСКИ ПУТИ В РЕВОЛЮЦИОННУЮ РОССИЮ.

Февральская революция застала Ленина в Швейцарии. При первых же известиях о перевороте вождь партии решил немедленно ехать туда, где, наконец, вспыхнуло пламя, которое он неутомимо раздувал всю свою жизнь. Лучше чем кто-либо другой Ленин предвидел, какие перспективы открываются перед русской революцией и какие опасности стоят на ее пути. По опыту многолетней борьбы он знал, что опаснейшими врагами революции будут ее мнимые друзья, болтуны мелкобуржуазного болота — меньшевики и эсеры, уже не раз предававшие интересы рабочего класса.

«*Ни тени* доверия и поддержки новому правительству (ни тени доверия Керенскому, Гвоздеву, Чхенкели, Чхеидзе и К°) и *вооруженное выжидание*, *вооруженная подготовка* более *широкой* базы для более *высокого* этапа»[1],

писал Ленин из Швейцарии спустя несколько дней после начала Февральской революции в ответ на запрос петроградских большевиков.

В этих немногих словах была намечена целая программа действий. Однако директив «из далека» было недостаточно. Следовало самому быть там, где разгорался огонь революции, гасить который на помощь русским меньшевикам спешили пожарные команды лжесоциалистов со всех концов земли.

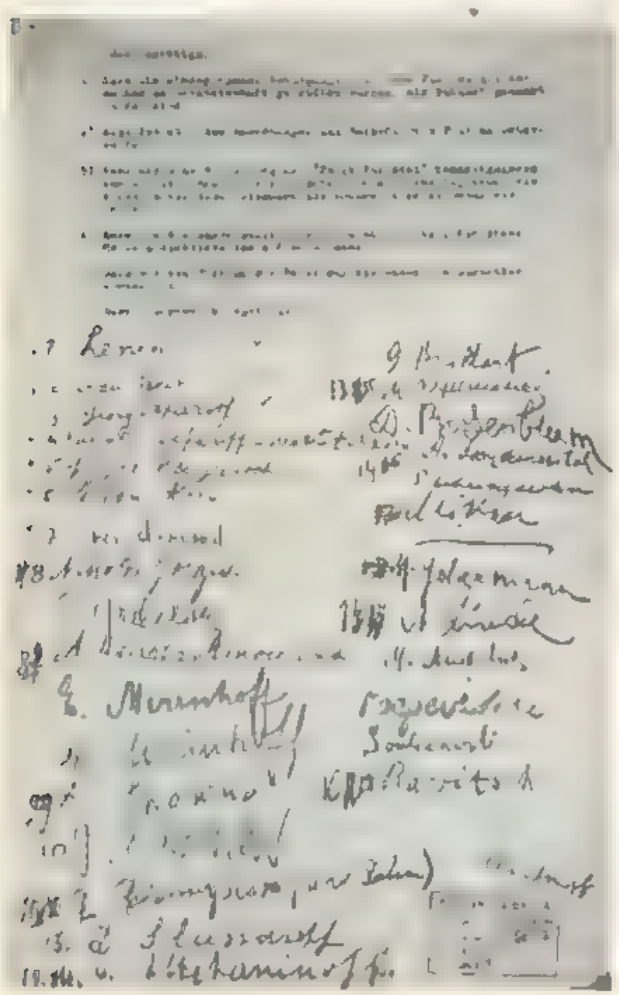
Но как попасть в революционную Россию? Англия и Франция, в руках которых

находились все пути сообщения, не пропускали в Петроград большевиков, а тем более Ленина. Они хорошо знали отношение Ленина к грабительской войне. Капиталисты прекрасно понимали, какие «убытки» могут причинить им большевики разоблачением империалистской грабительской войны.

Было ясно, что большевистская партия и русский пролетариат займут правильную позицию и найдут нужные лозунги. Но приезд Ленина ускорил бы этот путь. Буржуазия, и русская и иностранная, поступила в этом случае так же, как ее предшественница в эпоху Парижской коммуны. На требование парижских коммунаров обменять известного революционера Бланки на кучу попов и архиепископов, застрявших в Париже, версальские палачи Коммуны ответили: «Отдать Бланки коммунарам значит послать им целую армию».

Ленина в Россию не пустили.

Текст подписки участников проезда через Германию.



Он обдумал все способы. Обращение за помощью к Временному правительству было совершенно безнадежным. Министр иностранных дел Временного правительства Милюков разослал на имя всех русских посольств и миссий циркулярную телеграмму:

«На случай возникновения каких-либо сомнений о личности политических эмигрантов, желающих возвратиться в Россию в силу акта амнистии, благоволите образовать при вверенном вам заграничном учреждении Министерства комитет из представителей политических эмигрантов для разъяснений всех могущих возникнуть сомнений по этому вопросу» [1].

Этот циркуляр Милюкова был подтвержден разосланной по тем же адресам телеграммой Министерства иностранных дел, в которой говорилось:

«При выдаче паспортов эмигрантам можете руководствоваться засвидетельствованием их военной благонадежности другими достойными эмигрантами или комитетами, образованными на основании нашей телеграммы» [2].

Вряд ли кто мог из «достойных» эмигрантов засвидетельствовать «военную благонадежность» Ленина в том смысле, как это понималось Временным правительством. Позицию Ленина по отношению к войне знали все. Нужно было искать другого пути, которым можно было бы попасть в Россию. Н. К. Крупская так рассказывает о планах Ленина:

«Ильич метался. Он попросил Бронского разузнать, нельзя ли как-нибудь через контрабандиста пробраться через Германию в Россию. Скоро выяснилось, что контрабандист может довести только до Берлина. Кроме того контрабандист был как-то связан с Парвусом, а с Парвусом, нажившимся на войне и превратившимся в социал-шовиниста, Владимир Ильич никакого дела иметь не хотел.

Надо искать другого пути... Ильич не спал ночи напролет. Раз ночью говорит: «Знаешь, я могу поехать с паспортом немого шведа». Я посмеялась: «Не выйдет, можно во сне проговориться. Приснятся ночью кадеты, будешь сквозь сон говорить: сволочь, сволочь. Вот и узнают, что не швед» [3].

Ленину остался только один путь: проехать через Германию, предложив русскому правительству обменять русских эмигрантов на германских военнопленных. Вообще говоря, этот путь был уже испробован. Во время войны крупный буржуазный либерал М. Ковалевский приехал через Германию, причем на вокзале в столице он был торжественно встречен самим Милюковым, тогда еще только мечтавшим стать министром. В приветственной речи Милюков ни словом не обмолвился, что путь через Германию

Ленин с группой товарищей в Стокгольме во время проезда по Швейцарии в Россию.

является предательством. Тот же Милюков теперь министр Временного правительства — оказал совсем другую встречу Владимиру Ильичу.

Мысль о проезде через Германию принадлежала отнюдь не Ленину. План этот выдвинул Мартов, известный меньшевик, после того как выяснилось, что английское правительство не пропустит в Россию тех, кто выступает против войны. План Мартова был принят на совещании представителей партии эсеров, бундовцев и меньшевиков. В Россию были посланы телеграммы с требованием добиться пропуска эмигрантов в обмен на германских и австрийских пленных. Две недели напрасно прождали эмигранты ответа: Временное правительство, видимо, спрятало телеграммы под сукно. Английское и русское правительства действовали согласно.

Только после этого Ленин решил провести в жизнь выдвинутый Мартовым план организации проезда большевиков через Германию. Предвидя неистовый лай, который поднимут оборонцы и буржуазия по этому поводу, Ленин придавал особое значение документации каждого мероприятия по подготовке проезда. Он тщательно собирал все доказательства, разоблачающие сопротивление Временного правительства допуску большевиков. Свой отъезд из Швейцарии Ленин согласовал с рядом интернационалистов, которые вынесли по этому поводу следующее заявление:

«Нижеподписавшиеся осведомлены о затруднениях, чинимых правительствами Антанты к отъезду русских интернационалистов, и о тех условиях, какие приняты германским правительством для проезда их через Германию. Они отдают себе полный отчет о том, что германское правительство разрешает проезд русских интернационалистов только для того, чтобы тем самым усилить в России движение против войны. Нижеподписавшиеся заявляют:

«Русские интернационалисты, во все время войны неустанно и всеми силами боровшиеся против всех империализмов, и в особенности против германского, возвращаются в Россию, чтобы работать на пользу революции; этим своим действием они помогут пролетариату всех стран, и в частности пролетариату Германии и Австрии, начать свою борьбу против своего правительства. Пример, подаваемый героической борьбой русского пролетариата, является лучшим и сильнейшим

стимулом к подобной борьбе. Из всех этих соображений нижеподписавшиеся интернационалисты Швейцарии, Франции, Германии, Польши, Швеции и Норвегии находят, что их русские товарищи не только вправе, но даже обязаны использовать предлагаемую им возможность возвращения в Россию»[1].

По предложению Ленина Фриц Платтен, секретарь Швейцарской социалистической партии, заключил с германскими представителями соглашение, по которому:

1) пропуск давался всем эмигрантам независимо от их отношения к войне;

2) вагон эмигрантов не подвергался обыску, контролю или проверке;

3) эмигранты по прибытии в Россию обязуются потребовать обмена пропущенных эмигрантов на австро-германских военнопленных.

С группой других эмигрантов в сопровождении Фрица Платтена, организовавшего проезд через Германию, 26 марта Ленин выехал из Швейцарии в Стокгольм, а оттуда через Финляндию в Петроград.

Ленин и сопровождавшие его большевики ехали через Германию в особом вагоне, при этом по условиям проезда сношение германских властей с проезжавшими разрешалось только через Платтена,—отсюда впоследствии возникла легенда о «пломбированном вагоне», в котором будто бы ехали большевики через Германию.

В дороге немецкие шовинисты пытались завязать разговор с Лениным, но последний категорически отказался от встречи с ними.

Всего уехало из Швейцарии 32 эмигранта, из них 19 большевиков, 6 бундовцев и 7 от разных партий и групп. Любопытно, что оставшиеся в Швейцарии эмигранты, отказавшиеся ехать с Лениным, уже 30 апреля постановили приехать в Россию тем же путем, иначе в Россию попасть было невозможно. Среди этих эмигрантов большевиков совсем не было.

2.

ЛЕНИН В ПЕТРОГРАДЕ.

Союзные империалисты зорко следили за каждым шагом Ленина. 3 апреля, в день, когда он прибыл в Петроград, английское посольство передало в русское Министерство иностранных дел записку с характеристикой Ленина.

«Ленин — хороший организатор и крайне опасный человек, — говорилось в этой записке, — и, *весьма вероятно*, он будет иметь многочисленных последователей в Петрограде»[2].

В тот же день в Министерство иностранных дел поступила записка и от французского посла, в которой также говорилось о проезде Ленина через Германию.

Товарищ министра иностранных дел А. Нератов пометил на этих документах:

«Все сведения из третьих источников нужно поместить в газетах завтра же, не указывая источников, и подчеркнуть благожелательность германского правительства к Ленину и пр.»[3]

Так начал закручиваться клубок лжи и клеветы вокруг приезда Ленина в Россию. Боязнь, что «этот хороший организатор найдет многочисленных последователей в Петрограде», заставила союзных империалистов поднять травлю против Ленина. Его обвиняли чуть ли не в государственной измене в пользу Германии. Травля эта с легкой руки Временного правительства была подхвачена всей буржуазной и оборонческой печатью. Вот что писала кадетская газета «Речь» 5 апреля 1917 года:

«Гражданин Ленин и товарищи, торопившиеся в Россию, должны были раньше, чем выбрать путь через Германию, спросить себя, почему германское правительство с такой готовностью спешит оказать им эту беспримерную услугу, почему оно сочло возможным провезти по своей территории граждан вражеской страны, направляющихся в эту страну? Ответ, кажется, был ясен. Германское правительство надеется, что скорейшее прибытие гражданина Ленина и его товарищей будет полезно германским интересам, оно верит в германофильство вождя большевиков. И одной возможности такого ответа было по нашему мнению совершенно достаточно, чтобы ни один ответственный политический деятель, направляющийся в Россию во имя блага народа, не воспользовался этой своеобразной любезностью... Но думаем... что русскому политическому дея-

В. И. ЛЕНИН В ВАГОНЕ ФИНЛЯНДСКОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ ПРИ ВОЗВРАЩЕНИИ ИЗ-ЗА ГРАНИЦЫ В РОССИЮ В 1917 ГОДУ.

Картина А. В. Мордвинова.

Приезд Ленина в Петроград. Встреча на Финляндском вокзале. «Чхеидзе прочитал Ленину целую нотацию...»
Рис. К. Мешкевича.

телю, каких бы взглядов он ни держался, путь к сердцу и совести народных масс в России не идет через Германию»[1].

От кадетов не отставали эсеры. Вождь партии В. Чернов писал 16 апреля в газете «Дело народа» о Ленине буквально то же, что и кадеты:

«Он даже и не подумал о том, что и с его точки зрения соизволение Англии на его поездку было бы лучше уже тем, что его *вынудило бы* давление русской революции, а соизволение Германии по мотивам может быть подозрительным»[2].

Все — от английских империалистов до русских эсеров и меньшевиков — по одной и той же шпаргалке клеветали на Ленина, натравливали на него отсталую массу, намекая на шпионаж вождя большевиков в пользу Германии.

Однако пролетариат и солдатско-крестьянские массы не поверили гнусной клевете. 3 апреля, в день приезда Ленина, 3-я рота Финляндского полка выступила с революцией протеста против клеветы буржуазии и ее приспешников из мелкобуржуазного лагеря:

«Считая единственным безопасным путем в Россию дорогу через Германию, мы требуем, чтобы Временное правительство немедленно вступило в соглашение с германским правительством для обмена наших эмигрантов на германских пленных»[3].

Рабочие Петрограда встретили своего любимого вождя с неподдельным восторгом. Со всех концов города потянулись к Финляндскому вокзалу мощные демонстрации. Соратники Ленина, борцы большевистской партии, шли приветствовать того, кто создал, организовал и вынестовал героическую партию. Революционные солдаты и матросы пришли за указаниями, жадно ловя боевые лозунги. Рабочие, работницы, матросы, солдаты, партийные организации, первые отряды Красной гвардии вышли навстречу вождю революции. Улицы были запружены колоннами рабочих со знаменами: «Привет Ленину». Площадь Финляндского вокзала была залита огромной толпой.

Пришли встречать Ленина и меньшевики. Меньшевистские лидеры пришли отговаривать Владимира Ильича от борьбы за большевистскую линию, пришли, чтобы оторвать его от масс. Видный меньшевик Чхеидзе прочитал Ленину целую нотацию, как вести себя в революции.

Меньшевик Суханов, соучастник Чхеидзе по предательству пролетариата и борьбе с большевистской партией, был свидетелем того, как меньшевистский школьный учитель уговаривал Ленина отступиться от революции:

«Во главе небольшой кучки людей, за которыми немедленно снова захлопнулась дверь, в «царскую» комнату вошел или, пожалуй, вбежал Ленин, в круглой шляпе, с изнабшим лицом и с роскошным букетом в руках. Добежав до середины комнаты, он остановился перед Чхеидзе, как будто натолкнувшись на совершенно неожиданное препятствие. И тут Чхеидзе, не покидая своего прежнего угрюмого вида, произнес следующую «приветственную речь», хорошо выдерживая не только дух, не только редакцию, но и тон нравоучения:

«Товарищ Ленин, от имени Петербургского совета рабочих и солдатских депутатов и всей революции мы приветствуем вас в России... Но мы полагаем, что главной задачей революционной демократии является сейчас защита нашей революции от всяких на нее посягательств как изнутри, так и извне. Мы полагаем, что для этой цели необходимо не разъединение, а сплочение рядов всей демократии. Мы надеемся, что вы вместе с нами будете преследовать эти цели...» Чхеидзе замолчал. Я растерялся от неожиданности. Как же, собственно, отнестись к этому «приветствию» и к этому прелестному «но»?.. Но Ленин, видимо, хорошо знал, как отнестись ко всему этому. Он стоял с таким видом, как бы все происходящее ни в малейшей степени его не касалось, — осматривался по сторонам, разглядывал окружающие лица и даже потолок «царской» комнаты... и потом, уже совершенно отвернувшись от делегации исполнительного комитета, «ответил» так:

«Дорогие товарищи, солдаты, матросы и рабочие! Я счастлив приветствовать в вашем лице победившую русскую революцию, приветствовать вас как передовой отряд всемирной пролетарской армии... Грабительская империалистская война есть начало войны гражданской во всей Европе... Недалек час, когда по призыву нашего товарища Карла Либкнехта народы обратят оружие против своих эксплоататоров — капиталистов... Заря всемирной социалистической революции уже занялась... В Германии все кипит... Не нынче — завтра, каждый день — может разразиться крах всего европейского империализма. Русская революция, совершенная вами, положила ему начало и открыла новую эпоху. Да здравствует всемирная социалистическая революция!» [1]

Отделавшись от меньшевистских учителей, Ленин появился на ступенях вокзала. Площадь ожила. Многотысячное «ура» встретило вождя. Ленину помогли взобраться на бронемашину. Прожекторы осветили Владимира Ильича. Чуть потоптавшись на месте, словно пробуя крепость броневика, Ленин уверенно бросил в затихшую толпу свой призыв к мировой социалистической революции. Речь Ленина сразу подняла революцию на новую ступень.

Революции нужен был необыкновенной силы ум, чтобы разобраться быстро в сложнейшем переплете противоречий и безошибочно указать массам их ближайшую цель.

Нужна была необыкновенной твердости воля, чтобы повести массы верным путем к этой цели.

Таким гигантом мысли и воли, впитавшим в себя опыт революционной борьбы трудящихся всех стран, стоявшим на высоте научного понимания задач пролетариата, и был Владимир Ильич Ленин. Вождь революции занял свое место.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

АПРЕЛЬСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ РСДРП (БОЛЬШЕВИКОВ).

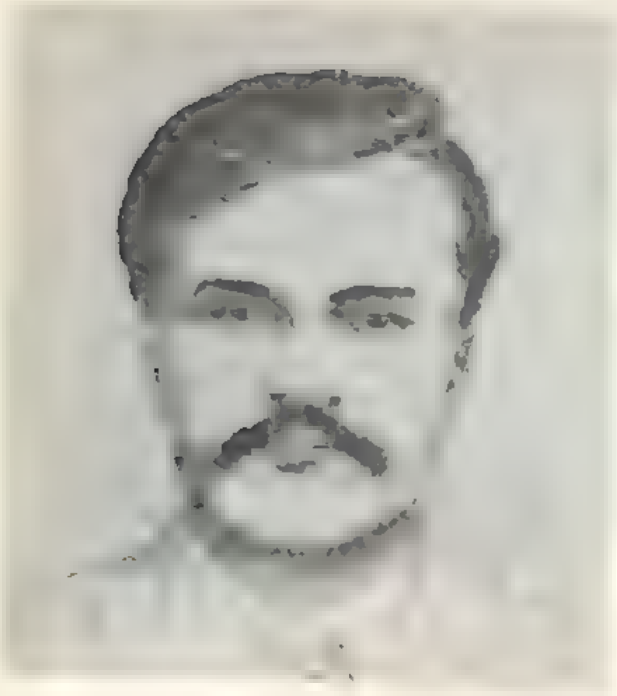
1.

После приезда в Россию Ленин со всей энергией отдался революционной работе. Утром 4 апреля он выступил на совещании партийных работников большевистской партии. Вечером Ленин прочитал свои тезисы о революции на собрании делегатов — большевиков и меньшевиков, — приехавших на Всероссийское совещание советов рабочих и солдатских депутатов в конце марта 1917 года.

В тезисах, вошедших в историю под именем «апрельских тезисов», Ленин суммировал боевой опыт партии и наметил четкую программу ее деятельности на новом этапе. «Апрельские тезисы» Ленина открыли новую страницу в истории революционной борьбы партии большевиков. Новую — не в смысле разрыва со старой теорией и практикой большевизма, — новизна заключалась в том, что тезисы явились исчерпывающей программой действий пролетарской партии в переходный этап, созданный Февральской буржуазно-демократической революцией.

Свержение царизма изменило условия, в которых пришлось работать большевикам.

«Это был величайший перелом в истории России и небывалый поворот в истории нашей партии, — писал Сталин по поводу победы Февральской буржуазно-демократической революции. — Необходима была



Делегат конференции — В. М. Молотов.

Делегат конференции — К. Е. Ворошилов.

новая ориентировка партии в новых условиях борьбы» [1].

Большевистская партия только что вышла из подполья. Многие члены большевистской партии возвращались из далекой ссылки. Из Нарыма, Туруханского края, Якутской области, из разбросанных на крайнем севере сел и деревень стягивались в Петроград, Москву и другие промышленные центры сотни и тысячи большевиков. Железные дороги были забиты военными перевозками и не способны были к быстрой переброске ссыльных. В комитетах, помогавших выбраться из ссылки, — так называемых «комитетах помощи амнистированным», — засели меньшевики и эсеры и тормозили переброску большевистских ссыльных. Большевики разбросаны были по необъятному простору страны — от Петрограда до Владивостока, от Архангельска до Кавказа.

Но партия большевиков была идейно и организационно сплочена долгой и успешной борьбой со всеми разновидностями меньшевизма и эсерства, непрерывной борьбой с оппортунистическими уклонами и шатаниями от линии Ленина. Партия большевиков пришла к новому этапу с планом Ленина о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую, планом, разработанным еще в 1905 году. Большевики встретили новый этап, опираясь на учение Ленина о возможности победы социализма в одной отдельно взятой стране. Большевики вооружены были теорией Ленина *об империализме как новейшем этапе капитализма*. Они вскрыли грабительский, захватнический характер империалистской войны. Всей историей революции партия большевиков была подготовлена к «новой ориентировке в новых условиях борьбы».

Партия не остановилась на победе буржуазно-демократической революции. Большевики призвали пролетариат к продолжению революции. Большевики выступили против империалистской войны, которая не потеряла своего грабительского характера от перехода власти в руки буржуазного Временного правительства. Большевики разоблачали классовую природу Временного правительства и звали пролетариат к укреплению и развитию советов как органов революционной власти.

Через два дня после своего возвращения из ссылки, 14 марта, Сталин писал в «Правде»:

> «Укрепить... советы, сделать их повсеместными, связать их между собой во главе с Центральным советом рабочих и солдатских депутатов как органом революционной власти народа» [2].

Но нужно было обобщить весь опыт партии, нужно было сформулировать новые задачи в новых условиях. Это и было проделано Лениным в «апрельских тезисах».

Делегат конференции — С. В. Косиор.

Делегат конференции — А. С. Бубнов.

«Понадобились знаменитые «апрельские тезисы» Ленина для того, чтобы партия могла одним махом выйти на новую дорогу» [1], писал Сталин о тезисах Ленина.

ТЕЗИСЫ ЛЕНИНА.

1. В нашем отношении к войне, которая со стороны России и при новом правительстве Львова и К° безусловно остается грабительской империалистской войной в силу капиталистического характера этого правительства, недопустимы ни малейшие уступки «революционному оборончеству».

На революционную войну, действительно оправдывающую революционное оборончество, сознательный пролетариат может дать свое согласие лишь при условии: а) перехода власти в руки пролетариата и примыкающих к нему беднейших частей крестьянства; б) при отказе от всех аннексий на деле, а не на словах; в) при полном разрыве на деле со всеми интересами капитала.

Ввиду несомненной добросовестности широких слоев массовых представителей революционного оборончества, признающих войну только по необходимости, а не ради завоеваний, ввиду их обмана буржуазией надо особенно обстоятельно, настойчиво, терпеливо разъяснять им их ошибку, разъяснять неразрывную связь капитала с империалистской войной, доказывать, что кончить войну истинно демократическим, не насильническим миром *нельзя* без свержения капитала.

Организация самой широкой пропаганды этого взгляда в действующей армии.

Братание.

2. Своеобразие текущего момента в России состоит в *переходе* от первого этапа революции, давшего власть буржуазии в силу недостаточной сознательности и организованности пролетариата, — ко *второму* ее этапу, который должен дать власть в руки пролетариата и беднейших слоев крестьянства.

Этот переход характеризуется, с одной стороны, максимумом легальности (Россия *сейчас* самая свободная страна в мире из всех воюющих стран), с другой стороны, отсутствием насилия над массами и, наконец, доверчиво-бессознательным отношением их к правительству капиталистов, худших врагов мира и социализма.

Это своеобразие требует от нас умения приспособиться к *особым* условиям партийной работы в среде неслыханно широких, только что проснувшихся к политической жизни масс пролетариата.

3. Никакой поддержки Временному правительству, разъяснение полной лживости всех его обещаний, особенно относительно отказа от аннексий. Разоблачение вместо недопустимого,

Делегат конференции—Ф. Э. Дзержинский.

Делегат конференции—В. В. Куйбышев.

сеющего иллюзии «требованию», чтобы *это* правительство, правительство капиталистов, *перестало* быть империалистским.

4. Признание факта, что в большинстве советов рабочих депутатов наша партия в меньшинстве, и пока в слабом меньшинстве, перед *блоком всех* мелкобуржуазных оппортунистических, поддавшихся влиянию буржуазии и проводящих ее влияние на пролетариат элементов от народных социалистов, социалистов-революционеров до Организационного комитета (Чхеидзе, Церетели и пр., Стеклова и пр. и пр.).

Разъяснение массам, что советы рабочих депутатов есть *единственно возможная* форма революционного правительства и что поэтому нашей задачей, пока *это* правительство поддается влиянию буржуазии, может явиться лишь терпеливое, систематическое, настойчивое, приспособляющееся особенно к практическим потребностям масс *разъяснение* ошибок их тактики.

Пока мы в меньшинстве, мы ведем работу критики и выяснения ошибок, проповедуя в то же время необходимость перехода всей государственной власти к советам рабочих депутатов, чтобы массы опытом избавились от своих ошибок.

5. Не парламентарная республика, — возвращение к ней от советов рабочих депутатов было бы шагом назад, — а республика советов рабочих, батрацких и крестьянских депутатов по всей стране, снизу доверху.

Устранение полиции, армии, чиновничества (т. е. замена постоянной армии всеобщим вооружением народа).

Плата всем чиновникам при выборности и сменяемости всех их в любое время не выше средней платы хорошего рабочего.

6. В аграрной программе перенесение центра тяжести на советы батрацких депутатов.

Конфискация всех помещичьих земель.

Национализация *всех* земель в стране, распоряжение землей местными советами батрацких и крестьянских депутатов. Выделение советов депутатов от беднейших крестьян. Создание из каждого крупного имения (в размере около 100 десятин до 300 по местным и прочим условиям и по определению местных учреждений) образцового хозяйства под контролем совета батрацких депутатов и на общественный счет.

7. Слияние немедленное всех банков страны в один общенациональный банк и введение контроля над ним со стороны совета рабочих депутатов.

8. Не «введение» социализма, как наша *непосредственная* задача, а переход тотчас лишь к *контролю* со стороны советов рабочих депутатов за общественным производством и распределением продуктов.

9. Партийные задачи:

Делегат конференции—И. Ф. Сверидов-Степанов.

Делегат конференции—Н. Н. Брюханов.

а) немедленный съезд партии;

б) перемена программы партии, главное:

1) об империализме и империалистской войне;

2) об отношении к государству и *наше* требование «государства-коммуны» (т. е. такого государства, прообраз которого дала Парижская коммуна); 3) исправление отсталой программы-минимум;

в) перемена названия партии (вместо «социал-демократия», официальные вожди которой по *всем* мире предали социализм, перейдя к буржуазии («обороницы» и колеблющиеся «каутскианцы»), надо назваться *коммунистической партией*).

10. Обновление Интернационала [1].

Выступление Ленина произвело на меньшевиков впечатление разорвавшейся бомбы. Плеханов назвал его «тревофарсом» — бредом сумасшедшего. «Ленин призывает к гражданской войне», в ужасе твердили меньшевики.

Церетели говорил против Ленина:

«Если бы власть была захвачена в первые дни, то в ближайшем будущем революция кончилась бы величайшим поражением. Расторжение договоров с союзниками повело бы нас к разгрому извне. И глубокая реакция против социализма воцарилась бы в Европе, Интернационал был бы раздавлен... Нельзя изолировать себя от всего народа и от сознательного пролетариата» [2].

На том же совещании Чхеидзе пугал Ленина:

«Вне революции останется один Ленин, а мы все пойдем своим путем» [3].

Смущение наблюдалось и среди некоторых большевиков, испугавшихся трудностей предстоящей борьбы. Но партия в целом осталась верна знамени своего вождя, как это показала Всероссийская конференция большевиков.

Апрельская (седьмая) конференция состоялась в Петрограде 24—29 апреля 1917 года. На ней присутствовали 133 делегата с решающим голосом и 18 с совещательным, представлявших около 80 тысяч членов партии.

До Февральской революции 1917 года партия большевиков работала в подполье. Она была запрещенной партией, за одну принадлежность к которой арестовывали и ссылали на каторгу. Все совещания и съезды партии происходили тайно, большей частью за границей. Апрельская конференция была первой легальной конференцией в истории большевистской партии.

Со всей страны прибыли боевые соратники Ленина. Возвратились товарищи из далекой ссылки и каторжных тюрем, приехали делегаты от промышленных центров и национальных окраин. Пришли с заводов и фабрик столицы руководители и организаторы недавних баррикадных боев. На конференцию прибыли: Ленин, Сталин, Молотов, Коссиор Ст., Крупская, Стасова Е. От Москвы и области присутствовали:

Делегат конференции — И. К. Крумкин.

Делегат конференции — Е. Д. Стасова.

Пятницкий, Дзержинский, Землячка, Ногин, Оппоков-Ломов, Бубнов, Рыков, Скворцов-Степанов, Смидович, Сокольников. От Донбасса приехал Ворошилов, от Самары — Куйбышев, с Урала — Свердлов и много других видных большевиков. И то обстоятельство, что представители организаций, отрезанных от руководящих центров, нашли единый язык и дружно поддержали Ленина, еще раз подчеркнуло, что царизм не сломил воли партии, не порвал ее связей с массами, что партия сохранилась и выросла организационно и идейно.

По своему значению Всероссийская апрельская конференция большевиков занимает место, равное съезду партии в наиболее ответственный исторический момент. Как подчеркивал Ленин на открытии конференции, она

«собирается... в условиях не только российской, но и нарастающей международной революции» [1].

Делегаты с мест рассказали, как быстро выросла большевистская партия и какую гигантскую работу проделала она за два месяца революции.

В Петрограде в самом городе во время войны было около 2 тысяч членов партии, плативших взносы, а перед Апрельской конференцией — 16 тысяч. В Кронштадте была небольшая подпольная организация, а теперь — 3 тысячи большевиков, в Гельсингфорсе — тоже 3 тысячи, в Выборге — 560. В Москве — 7 тысяч большевиков, а вместе с областью — 13 тысяч, причем в одном Иваново-Вознесенске $3^1/_2$ тысячи. В Саратове — более $1^1/_2$ тысяч, в Самаре — 2 700, в Казани — 400; на Урале нелегальная работа велась в девяти местах, а перед Апрельской конференцией существовало 43 организации с 16 тысячами большевиков; в Луганске до Февральской революции — 100 большевиков, а сейчас — $1^1/_2$ тысячи.

Вышло уже несколько большевистских газет кроме «Правды». В Москве издавался «Социал-демократ» с тиражом в 60 тысяч, на Урале — «Уральская правда» и «Вперед» (в Уфе), в Гельсингфорсе — «Волна», в Кронштадте — «Голос правды», в Екатеринославе — «Звезда», в Харькове — «Пролетарий», на Кавказе — «Кавказский рабочий», в Поволжье по газете — в Саратове, Самаре и Казани.

Быстро росло влияние большевиков. На Урале они вели за собой почти все советы. Всюду установили восьмичасовой рабочий день и организовали контроль над промышленностью.

«В Донбассе, — рассказывал делегат, — сейчас фактически Луганск в руках рабочих. Если будут еще работники, то власть, несомненно, будет в руках большевиков... Шахтеры всюду: в комиссариатах и милиции, в сове-

Делегат конференции — Г. И. Бокий.

Делегат конференции — Р. С. Землячка.

тах рабочих и солдатских депутатов, они занимают даже должности судей. Все организации в руках шахтеров, так что шахтеры — полноправные хозяева рудников» [1].

Большевики вели работу среди военнопленных — немцев, австрийцев, чехо-словаков. В Луганске еще до революции 1917 года среди военнопленных существовала большевистская организация в количестве 40 человек, после революции в ней стало более ста. На Урале несмотря на приказ военного министра Гучкова о воспрещении военнопленным участвовать в демонстрациях большевики привлекли германцев и австрийцев на празднование 1 мая. Сотни прекрасных организаторов, тысячи преданных революции борцов вышли из военнопленных в результате работы большевиков.

В ряде мест большевики организовали деревенские ячейки. В Пензе крестьянский съезд пошел за большевиками, крестьяне постановили конфисковать помещичьи земли, а весь инвентарь передать в общественное пользование. В Подмосковной области, в Поволжье, на Украине большевикам удалось взять в свои руки руководство некоторыми крестьянскими советами.

Там, где сильно было влияние большевиков, революция ушла дальше, чем в центре. Делегат от Подмосковного района рассказывал:

«Вся власть в Орехово-Зуеве в руках рабочих. Носить оружие без разрешения совета нельзя. Крестьяне идут рука об руку с рабочими... Характерна история с торфом. Мы заявили капиталистам, что если они не дадут топлива, не создадут возможности работать, мы фабрику отчуждаем... Тов. Ленин говорит — захват власти в руки совета рабочих и солдатских депутатов, — а нам уже нечего делать» [2].

Ленин на Апрельской конференции подробно остановился на том, что места обгоняют центр:

«Материалы, представленные товарищами о деятельности советов, получились хотя и не полные, но замечательно интересные. Может быть, это самый важный материал из сведений, которые дала конференция, материал, который дает возможность проверить наши лозунги действительным ходом жизни. Картина полученного располагает нас к оптимистическим выводам. Движение началось в центрах, там первое время вся энергия пролетариата была направлена на борьбу. Масса энергии убита на борьбу с царизмом. Этой борьбой в Петрограде устранена центральная государственная власть. Сделано гигантское дело...

Из центра революция переходит на места. Это то, что было во Франции, — революция становится муниципальной. На местах движение показывает, что там большинство за крестьян, за рабочих, там меньше всего

получилось руководства из буржуазии, там массы не растерялись. Чем больше мы собираем данных, тем более это нам показывает, что чем больше пролетарского состава населения, чем меньше промежуточных элементов, тем лучше революция идет на местах» [1].

Доклады с мест показали, как далеко продвинулась революция вперед там, где большевики руководили рабочими и трудящимися массами. В ряде промышленных областей советы рабочих и солдатских депутатов стали хозяевами положения. Правительственные органы были безвластны. Они не могли отдавать распоряжения без утверждения совета. Советы организовывали продовольственное дело. Они взяли под свой контроль промышленность, следили за продолжением работ на фабриках и заводах.

Доклады с мест еще раз подтвердили, что всей своей практическо-политической работой большевики были подготовлены к апрельским тезисам Ленина.

В 10 часов утра 24 апреля в одной из аудиторий Стебутовских женских курсов открылась Апрельская всероссийская конференция большевиков. Ленин произнес небольшую вступительную речь. Он говорил, что предвидение великих основателей коммунизма оправдалось: всемирная война неизбежно привела к революции. Великая честь начать революцию выпала на долю российского пролетариата, но он не должен забывать, что русская революция — только часть международной революции.

«Только под этим углом зрения мы и можем определять наши задачи» [2], закончил Ленин свою речь.

Конференция постановила приветствовать первых интернационалистов — Ленина и Карла Либкнехта, которого германские империалисты посадили в тюрьму. Конференция предложила президиуму найти способ передать приветствие большевиков Либкнехту в тюрьму.

После вступительного слова Ленина конференция утвердила порядок дня:

1. Текущий момент (война и Временное правительство и пр.).
2. Мирная конференция.
3. Отношение к советам рабочих и солдатских депутатов.
4. Пересмотр партийной программы.
5. Положение в Интернационале и наши задачи.
6. Объединение социал-демократических интернационалистских организаций.
7. Аграрный вопрос.
8. Национальный вопрос.
9. Учредительное собрание.
10. Организационный вопрос.
11. Доклады по областям.
12. Выборы Центрального комитета.

Центральным пунктом работ конференции были доклады Ленина по текущему моменту и аграрному вопросу, развившие «апрельские тезисы».

Анализ и выводы докладов Ленина в главном сводились к следующему.

Основной признак, по которому марксисты определяют характер революции, — переход власти из рук одного класса в руки другого. В феврале власть перешла из рук крепостников-помещиков в руки буржуазии и капиталистических помещиков, т. е. помещиков, хозяйничающих по-буржуазному. К власти пришел новый класс — буржуазия, и с этой точки зрения Февральская революция была буржуазной.

Но пришедшая к власти буржуазия должна была разрешить три задачи: кончить войну, дать землю крестьянам и вывести страну из хозяйственного кризиса.

Могла ли буржуазия кончить войну? Война — неизбежное следствие капиталистического развития. Пока остается капитализм, неизбежно будут продолжаться и войны. Современная война со стороны обеих групп воюющих держав есть война империалистская, т. е. война, которую ведут капиталисты из-за господства над миром, из-за выгодных рынков, из-за удушения слабых народностей. Переход власти из рук царя Николая Романова в руки правительства помещиков и капиталистов не изменил характера войны со стороны России. Новое правительство продолжает захватную, грабительскую войну. Оно подтвердило все прежние царские договоры, обещающие русским капиталистам ограбление Китая, Турции, Персии и т. д. Новое правительство, отстаивающее интересы капитала, не может отказаться от аннексий, т. е. от завоевания чужих стран, или от насильственного удержания в пределах России каких-либо народностей. В лучшем случае, под давлением масс, буржуазия могла бы кончить данную войну миром. Но это был бы империалистский мир за счет слабых и угнетенных народов. Такой мир неизбежно повел бы к новой войне.

Могла ли буржуазия дать землю крестьянам? Помещичья земля была заложена и перезаложена в буржуазных банках. Отобрать у помещиков землю значило ударить по карману буржуазию. В лучшем случае, если бы низы оказали сильное давление, буржуазия могла бы пожертвовать частью ради спасения целого и отдала бы часть земли крестьянам за выкуп. Но это не решило бы аграрного вопроса. Кроме того война настолько разорила крестьянское хозяйство, что по-старому вести его было нельзя. Требовались орудия, скот, а добыть все это

можно только революционным путем, отобрав у буржуазии ее капиталы.

На Петроградской конференции большевиков, которая состоялась накануне Апрельской конференции, Ленин говорил:

«С национализацией земли буржуазия может помириться, если крестьяне возьмут землю. Мы как пролетарская партия должны сказать, что одна земля еще не накормит. Для обработки ее нужно будет, следовательно, устроить коммуну... Кадеты уже действуют, как чиновники. Говорят крестьянству: «Жди Учредительного собрания». Только наша партия дает лозунги, действительно двигающие революцию вперед» [1].

Буржуазия, разумеется, могла бы попытаться «поправить» хозяйство. Но только за счет крестьянской бедноты и рабочих, переложив на их плечи все издержки.

Буржуазия, захватившая власть, не в состоянии была решить ни одной задачи революции. Да она и власть брала для борьбы с революцией. Разрешить же задачи революции мог только новый класс, в руки которого и следует передать власть, т. е. класс рабочих.

«Своеобразие текущего момента в России,— говорил Ленин, — состоит в *переходе* от первого этапа революции, давшего власть буржуазии в силу недостаточной сознательности и организованности пролетариата, ко *второму* ее этапу, который должен дать власть в руки пролетариата и беднейших слоев крестьянства» [2].

Своеобразие момента, таким образом, заключалось в *переходе* от буржуазно-демократической революции к социалистической, или, как говорил Ленин, в *перерастании* буржуазной революции в социалистическую.

Такой переход власти в руки пролетариата отнюдь не требовал немедленного восстания против Временного правительства. Его нужно было свергнуть, но не в данный момент, не прямым штурмом. Страна пользовалась почти полной политической свободой. Правительство не применяло еще против революции насилия, ибо оружие фактически находилось в руках масс. Рабочие и крестьяне в войне заинтересованы не были. Оборонческие настроения у них были только наносным явлением, результатом «добросовестного заблуждения», как выражался Ленин, ввиду чего и нужно было помочь рабочим и «терпеливо» разъяснять им их заблуждение, как рекомендовал Ленин.

«Очень широкие массы «революционных оборонцев», — читал Ленин проект резолюции на конференции, — необходимо признать добросовестными, т. е. *действительно* не желающими аннексий, захватов, насилия над слабыми народами, *действительно* стремящимися к демократическому, не насильническому миру между *всеми* воюющими странами. Это необходимо признать потому, что классовое положение пролетариев и полупролетариев города и деревни (т. е. людей, живущих целиком или отчасти продажей своей рабочей силы капиталистам) делает эти классы не заинтересованными в прибыли капиталистов» [3].

Это место резолюции Ленин так пояснил на конференции:

«Нет никакого сомнения, что пролетариат и полупролетариат не заинтересованы в войне как класс. Они идут под влиянием традиций и обмана. У них нет еще политического опыта. Отсюда наша задача — длительное разъяснение. Мы не делаем ни малейших принципиальных уступок, но к ним мы не можем подходить, как к социал-шовинистам. Эти элементы населения никогда социалистическими не были, никакого понятия о социализме не имеют, они только просыпаются к политической жизни. Но их сознание растет и ширится с необыкновенной быстротой. К ним надо уметь подойти с разъяснением, и это является самой трудной задачей, в особенности для партии, которая вчера еще находилась в подполье» [4].

Советы объединяли большинство рабочих и трудящихся крестьян. Но руководство советами попало в руки эсеров и меньшевиков, передавших власть Временному правительству. Последнее опиралось на советы, и свергнуть его можно было, только завоевав в советах большинство.

Эти условия создавали крайне редкое явление в революции: власть из рук Временного правительства могла быть мирным путем передана советам. Нужно было только *изолировать* мелкобуржуазные партии эсеров и меньшевиков, вырвав из-под их влияния широкие массы.

«Вся власть советам» — таков был лозунг партии на этом этапе революции.

Под властью советов Ленин вовсе не понимал, что из Временного правительства изгоняются капиталисты, а на их место сажают представителей советов.

Троцкий, совершенно извратив большевистскую линию, в своей статье «Уроки Октября» считал, что его предложение передачи власти 10 Пешехоновым (мелкобуржуазный социалист. *Ред.*) вместо 10 министров-капиталистов совпадает с лозунгом Ленина «Вся власть советам». Дело не в замене министров-капиталистов министрами-социалистами. Лозунг Ленина означал слом буржуазного государственного аппарата и замену его новым советским государственным аппаратом.

В советах большинство принадлежало меньшевикам и эсерам, партия большевиков находилась в меньшинстве. Но такие советы, взявшие власть, находились бы под непрерывным давлением масс, члены их свободно набирались бы и переизбирались. В такой обстановке меньшевики и эсеры либо двигались бы вперед, пытаясь разрешать задачи революции, либо, что вероятнее, топтались бы на месте и тем разоблачили бы самих себя. Рабочие и крестьяне пошли бы за большевиками, на деле борющимися за интересы трудящихся, большевики оказались бы в советах в большинстве. Подлинно революционная большевистская партия, получив большинство, приступила бы к выполнению своей программы: заключению демократического мира, конфискации помещичьих земель и наделению трудящихся землей и орудиями ее обработки и к немедленному восстановлению хозяйства за счет капиталистов путем национализации банков и крупнейших предприятий. Эти меры не знаменовали бы собой немедленного перехода к социализму, но в сумме составили бы первые шаги к социалистическому преобразованию России.

«Каковы же задачи революционного пролетариата? — спрашивал Ленин на Апрельской конференции большевиков и отвечал:— Главный недостаток и главная ошибка всех рассуждений социалистов в том, что вопрос ставится слишком обще — переход к социализму. Между тем надо говорить о конкретных шагах и мерах. Одни их них назрели, другие еще нет. Сейчас мы переживаем переходный момент. Мы явно выдвинули формы, которые не походят на формы буржуазных государств. Советы рабочих и солдатских депутатов — такая форма государства, которой ни в одном государстве нет и не было. Это такая форма, которая представляет первые шаги к социализму и неизбежна в начале социалистического общества. Это факт решающий...

Для чего мы хотим, чтобы власть перешла в руки советов рабочих и солдатских депутатов?

Первой мерой, которую они должны осуществить, является национализация земли... Надо отменить частную собственность на землю. Это та задача, которая перед нами стоит, потому что большинство народа за это стоит. Для этого нам нужны советы. Эту меру провести со старым государственным чиновничеством невозможно.

Вторая мера. Мы не можем стоять за то, чтобы социализм «вводить» — это было бы величайшей нелепостью. Мы должны социализм проповедывать. Большинство населения в России — крестьяне, мелкие хозяева, которые о социализме не могут и думать. Но что они могут сказать против того, чтобы в каждой деревне был банк, который дал бы им возможность улучшить хозяйство. Против этого они ничего сказать не могут. Мы должны эти практические меры крестьянам пропагандировать и укреплять в них сознание необходимости их.

Другое дело — синдикат сахарозаводчиков, это есть факт. Здесь наше предложение должно быть непосредственно практическим: вот эти уже созревшие синдикаты должны быть переданы в собственность государству. Если советы хотят брать власть, то только для таких целей. Больше ее не для чего им брать. Вопрос стоит так: либо дальнейшее развитие этих советов, либо они умрут бесславной смертью, как было в Парижскую коммуну. Если нужна буржуазная республика, то это могут сделать и кадеты» [1].

Выдвинув лозунг «Вся власть советам» для переходного периода, Ленин указал, какова должна быть конкретная программа советов, получивших всю власть.

Лозунг «Вся власть советам» означал, как говорит Сталин,

«разрыв блока меньшевиков и эсеров с кадетами, образование советского правительства из меньшевиков и эсеров (ибо советы были тогда эсеро-меньшевистскими), право свободной агитации для оппозиции (т. е. для большевиков) и свободную борьбу партий внутри советов в расчете, что путем такой борьбы удастся большевикам завоевать советы и изменить состав советского правительства в порядке мирного развития революции. Этот план не означал, конечно, диктатуры пролетариата. Но он, несомненно, облегчал подготовку условий, необходимых для обеспечения диктатуры, ибо он, ставя у власти меньшевиков и эсеров и вынуждая их провести на деле свою антиреволюционную платформу, ускорял разоблачение подлинной природы этих партий, ускорял их изоляцию, их отрыв от масс» [2].

Исходя из оценки текущего момента, Ленин предлагал и соответствующую *тактику*: разъяснять массам на каждом шагу, что Временное правительство контрреволюционно и не способно дать ни мира, ни земли; доказывать, что меньшевики и эсеры — лишь прислужники буржуазии, что власть у капиталистов можно отнять, только вскрыв предательскую сущность соглашательских меньшевистско-эсеровских партий. В период подготовки пролетарской революции наибольшую опасность для нее представляют мелкобуржуазные соглашательские партии. Отвлекая массы от борьбы с врагами своей проповедью соглашения с буржуазией, они разагитировывают волю к борьбе, демоби-

лизуют рабочих и других трудящихся. Нельзя готовить массы к решительной схватке с буржуазией без разоблачения и изоляции соглашательских партий. Нужно было сплотить вокруг партии все подлинно революционные элементы, способные итти до конца, и изолировать оборонцев, сторонников «войны до победы».

Эту тактику большевиков, рассчитанную на мирный переход всей власти к советам, Ленин так объяснял на Апрельской конференции:

«У некоторых является мысль, не отреклись ли мы от себя: ведь мы пропагандировали превращение империалистской войны в гражданскую, а теперь мы говорим против нас самих. Но в России первая гражданская война кончилась, мы теперь переходим ко второй войне — между империализмом и вооруженным народом, и в этот переходный период, пока вооруженная сила у солдат, пока Милюков и Гучков еще не применили насилия, эта гражданская война превращается для нас в мирную, длительную и терпеливую классовую пропаганду. Если мы говорим о гражданской войне, прежде чем люди поняли ее необходимость, тогда мы, несомненно, впадаем в бланкизм. Мы за гражданскую войну, но только тогда, когда она ведется сознательным классом. Можно свергать того, кто известен народу как насильник. Теперь же насильников никаких нет, пушки и ружья у солдат, а не у капиталистов, капиталисты не насилием берут сейчас, а обманом, и кричать сейчас о насилии нельзя — это бессмыслица» [1].

Курс на пролетарскую социалистическую революцию предполагал и новую *расстановку* классовых сил. Выступать против буржуазии в городе и в деревне мог лишь пролетариат в тесном союзе с крестьянской беднотой, нейтрализуя неустойчивые элементы в крестьянстве — середняка. Но «нейтрализовать» отнюдь не означало сделать его нейтральным, оставить его в стороне от борьбы, выжидающим ее исхода. В гражданской войне, когда народ резко делится на два враждебных класса, вообще не может быть нейтральных, не участвующих в борьбе. Нейтрализовать середняка значило заставить его не мешать революции, а если можно, то и вызвать помощь с его стороны. Как раз основная масса крестьян-середняков, переодетых в солдатские шинели, была подвержена наибольшим колебаниям вплоть до кануна пролетарской революции и только с сентября 1917 года могла выступить нашим временным помощником, поскольку аграрный вопрос и вопрос о мире могли быть решены лишь пролетариатом. Но именно потому, что середняк был колеблющимся союзником, Ленин настаивал на союзе пролетариата с крестьянской беднотой.

Предложения Ленина были встречены в штыки не только мелкобуржуазными партиями, не только Троцким, но и небольшой группой внутри партии. Л. Б. Каменев, поддержанный А. И. Рыковым, Ногиным и другими, возражая Ленину, утверждал, что, пока не ликвидировано помещичье землевладение, нельзя говорить о том, что буржуазная революция закончилась и что стоит задача перехода власти в руки советов. Революционному призыву Ленина — рвать с Временным правительством и передать всю власть советам — Каменев противопоставил лозунг: контроль советов над Временным правительством. Каменев фактически занял меньшевистскую позицию защиты буржуазного правительства, которое не могло и не хотело делать ни шагу вперед, будучи контрреволюционным по своему классовому существу. Звать к контролю над таким правительством, не имея реальной власти, значило сеять в массах ложную надежду, что буржуазия способна решать задачи революции.

Критикуя взгляды Каменева, Ленин говорил:

«Я понимаю, что неразвитая масса рабочих и солдат может наивно и бессознательно верить в контроль, но достаточно подумать об основных моментах контроля, чтобы понять, что эта вера — отступление от основных принципов классовой борьбы» [2].

«Контролировать без власти нельзя, — отвечал Ленин Каменеву на Петроградской конференции большевиков, состоявшейся за несколько дней до Всероссийской конференции большевиков, — контролировать резолюциями и прочим — чистейшая ерунда» [3].

Суть разногласий между Лениным и группой правых большевиков особенно определенно была выражена Рыковым в его выступлении на конференции.

«Откуда взойдет солнце социалистического переворота? — говорил он. — Я думаю, что по всем условиям, обывательскому уровню инициатива социалистического переворота принадлежит не нам. У нас нет сил, объективных условий для этого. А на Западе этот вопрос ставится приблизительно так же, как у нас вопрос о свержении царизма» [4].

Рыков подобно Каменеву дальше буржуазной революции для России не шел. Именно против этой меньшевистской установки резко выступал Ленин:

«Товарищ Рыков говорит, что социализм должен притти из других стран с более развитой промышленностью. Но это не так. Нельзя сказать, кто начнет и кто кончит. Это не марксизм, а пародия на марксизм» [5].

Конференция пошла за Лениным, только 7—8 человек воздержались при голосовании

ленинских предложений. В этом еще раз сказалась идейная сплоченность партии.

По основному вопросу порядка дня — о текущем моменте — Апрельская конференция приняла резолюцию, центральный пункт которой гласит:

«Пролетариат России, действующий в одной из самых отсталых стран в Европе, среди массы мелкокрестьянского населения, не может задаваться целью немедленного осуществления социалистического преобразования.

Но было бы величайшей ошибкой, а на практике даже полным переходом на сторону буржуазии выводить отсюда необходимость поддержки буржуазии со стороны рабочего класса, или необходимость ограничивать свою деятельность рамками приемлемого для мелкой буржуазии, или отказ от руководящей роли пролетариата в деле разъяснения народу неотложности ряда практически назревших шагов к социализму.

Такими шагами является, во-первых, национализация земли. Такая мера, непосредственно не выходящая из рамок буржуазного строя, была бы в то же время сильным ударом частной собственности на средства производства и постольку усилила бы влияние социалистического пролетариата на полупролетариев деревни.

Такими мерами является, далее, установление государственного контроля за всеми банками, с объединением их в единый центральный банк, а равно за страховыми учреждениями и крупнейшими синдикатами капиталистов (например, синдикатом сахаровароводчиков, Продуглем, Продаметом и т. п.), с постепенным переходом к более справедливому, прогрессивному обложению доходов и имуществ. Такие меры экономически вполне назрели, технически безусловно осуществимы немедленно, политически могут встретить поддержку подавляющего большинства крестьян, выигрывающего от этих преобразований во всех отношениях»[1].

Докладывая на конференции эту часть резолюции, Ленин добавил:

«Революция — буржуазная, а потому не надо говорить о социализме» — говорят противники. А мы скажем наоборот: «Так как буржуазия не может выйти из создавшегося положения, то революция и идет дальше». Нам нужно не ограничиваться демократическими фразами, а разъяснять положение массам и указывать им на ряд практических мер: взять в свои руки синдикаты — контролировать их через советы рабочих и солдатских депутатов и т. д. И вот все эти меры, осуществленные, и сделают то, что Россия станет одной ногой в социализме»[2].

По вопросу о войне конференция приняла особую резолюцию. В ней Ленин дал характеристику войне с точки зрения ее классового значения, объяснил, что такое революционное оборончество масс, и остановился, главным образом, на том, как кончить войну. Об этом последнем в резолюции Апрельской конференции большевиков сказано:

«Что касается до самого важного вопроса о том, как кончить возможно скорее — и притом не насильническим, а истинно демократическим миром — эту войну капиталистов, то конференция признает и постановляет:

Нельзя окончить эту войну отказом солдат только одной стороны от продолжения войны, простым прекращением военных действий одной из воюющих сторон.

Конференция протестует еще и еще раз против низкой клеветы, распространяемой капиталистами против нашей партии, именно: будто мы сочувствуем сепаратному (отдельному) миру с Германией. Мы считаем германских капиталистов такими же разбойниками, как и капиталистов русских, английских, французских и пр., а императора Вильгельма — таким же коронованным разбойником, как Николая II и монархов английского, итальянского, румынского и всех прочих.

Наша партия будет терпеливо, но настойчиво разъяснять народу ту истину, что войны ведутся правительствами, что войны всегда бывают связаны неразрывно с политикой определенных классов, что эту войну можно окончить демократическим миром *только* посредством перехода всей государственной власти по крайней мере нескольких воюющих стран в руки класса пролетариев и полупролетариев, который действительно способен положить конец гнету капитала»[3].

В свете этой резолюции о войне очень важно отметить, как большевики оценили предложение о созыве мирной конференции. В Петроград приехал датский «социалист» Боргбьерг. Он принадлежал к оппортунистическому большинству датской социал-демократической партии, перешедшему на сторону своей буржуазии. От имени трех скандинавских партий — датской, норвежской и шведской, тоже стоявших за оборону буржуазного отечества, — Боргбьерг предложил Петроградскому совету созвать мирную конференцию социалистов. Боргбьерг признал, что он действует от имени немецких оборонцев типа Шейдемана и других, согласных вести переговоры о мире на основе отказа Германии от ее завоеваний. Было ясно, что германский империализм, побуждаемый голодом, разрухой и растущей в тылу революцией, через нейтрального «оборонца» — Дании не принимала участия в войне — пытался мирно дого-

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ, ИЗБРАННЫЙ НА АПРЕЛЬСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ РСДРП (большевиков):
Первый ряд сверху: В. И. Ленин, И. В. Сталин. Второй ряд: Я. М. Свердлов, В. П. Милютин, В. П. Ногин.
Третий ряд: Л. Б. Каменев, Г. Е. Зиновьев, И. Т. Смилга, Г. Ф. Федоров.

ориться со своими противниками о разделе добычи. Германия отказывалась от своих захватов в современной войне, но она ничего не говорила о своих прежних завоеваниях. Английские и французские оборонцы отказались итти на мирную конференцию, тем самым они показали, что их хозяева — английские и французские империалисты — не хотят и слушать о мире, стоят за продолжение войны до победного конца. Конференция большевиков вскрыла империалистский характер этой мирной комедии.

«Социалисты не могут, не изменяя пролетарскому делу, ни прямо, ни косвенно участвовать в этой грязной и корыстной торгашеской сделке между капиталистами разных стран из-за дележа награбленной ими добычи» [1], говорилось в резолюции.

Вместе с тем конференция особо остановилась на роли английских и французских оборонцев:

«Конференция устанавливает, далее, тот факт, что английские и французские социалисты, перешедшие на сторону своих капиталистических правительств, отказались итти на конференцию, устраиваемую Боргбьергом. Этот факт показывает ясно, что англо-французская империалистская буржуазия, агентами которой эти якобы социалисты являются, *хотят продолжать дальше, хотят затягивать эту* империалистскую войну, не желая даже обсуждать вопросов о тех уступках, которые принуждена обещать через посредство Боргбьерга немецкая империалистская буржуазия под влиянием растущего истощения, голода, разрухи и, главное, надвигающейся рабочей революции в Германии» [2].

Конференция постановила предать эти факты самой широкой огласке и заявила, что большевики пойдут на совещание и вступят в братский союз только с такими рабочими партиями других стран, которые борются и в своей стране за переход власти в руки пролетариата.

В борьбе за переход власти в руки нового класса огромную роль играли угнетенные национальности. Исход революции зависел от того, удастся ли пролетариату повести за собой трудящиеся массы угнетенных народностей. Буржуазное правительство продолжало старую царскую политику удушения и угнетения национальностей. Попрежнему подавлялось национальное движение. Организации вроде Финляндского сейма разгонялись. Лозунг «Единая неделимая Россия» оставался руководящим для буржуазных и мелкобуржуазных партий. Только большевики выступили против этого крепостнического лозунга, открыто заявив, что трудящиеся угнетенных наций имеют право сами устраивать свою судьбу.

Сталин, вместе с Лениным разработавший основы национальной политики большевиков, в докладе на конференции вскрыл грабительский характер политики правительства и беспощадно разоблачил мелкобуржуазных соглашателей, плетущихся за буржуазией. Тем, кто пытался увековечить национальный гнет, Сталин противопоставил революционную программу большевистской партии:

«Наша точка зрения на национальный вопрос сводится к следующим положениям: а) признание за народами права на отделение, б) для народов, остающихся в пределах данного государства, — областная автономия, в) для национальных меньшинств — особые законы, гарантирующие им свободное развитие, г) для пролетариев всех национальностей данного государства — единый, нераздельный пролетарский коллектив, единая партия» [3].

С особым содокладом по национальному вопросу выступил Г. Л. Пятаков, поддержанный некоторыми членами конференции. Он утверждал, что в эпоху мирового хозяйства, установившего неразрывную связь между всеми странами, национальное государство является уже пройденным историей этапом:

«Требование независимости взято из другой исторической эпохи, оно реакционно, ибо хочет повернуть историю вспять. Исходя из анализа новой эпохи империализма, мы говорим, что иной борьбы за социализм, как борьбы под лозунгом «Прочь границы», борьбы за уничтожение всяких границ, мы и представить себе в данный момент не можем» [4].

Ленин выступил с резкой критикой речи Пятакова.

«Метод социалистической революции под лозунгом «Прочь границы» есть полная путаница, — заявил он. — Что это значит — «метод» социалистической революции под лозунгом «Долой границы»? Мы стоим за необходимость государства, а государство предполагает границы... Надо сойти с ума, чтобы продолжать политику царя Николая» [5], подчеркивал Ленин.

Л. Б. Каменева и Г. Л. Пятакова объединяло непонимание задач революции. Первый, отрицая социалистический характер революции, тянул партию в меньшевистское болото. Второй, не выступая в этом вопросе открыто против ленинских установок, на практике обрекал революцию на изоляцию и поражение. Партия боролась на два фронта — против правооппортунистической и против «левой» оппозиций.

Докладами Ленина и Сталина исчерпывались основные вопросы конференции. Другие выступления только развивали главные идеи Ленина и Сталина.

По вопросу «об отношении к советам рабочих и солдатских депутатов» конференция подчеркнула, что на местах революция идет вперед, подводя движение к переходу всей власти к советам, в столицах же и некоторых больших городах, где сконцентрированы наибольшие силы буржуазии, где резче наблюдается политика соглашательства с буржуазией, переход власти к советам представляет особо большие трудности.

«Задачей пролетарской партии является поэтому, — говорит резолюция, — с одной стороны, всесторонняя поддержка указанного развития революции на местах, с другой стороны, систематическая борьба внутри советов (путем пропаганды и перевыборов их) за торжество пролетарской линии; направление всех усилий и всего внимания на рабочую и солдатскую массу, на отделение пролетарской линии от мелкобуржуазной, интернационалистской от оборонческой, революционной от оппортунистической, на организацию и вооружение рабочих, на подготовку их сил к следующему этапу революции»[1].

Обсудив вопрос «об объединении интернационалистов против мелкобуржуазного оборонческого блока», конференция высказалась против какого бы то ни было блока с партиями, не порвавшими с оборончеством. Конференция отвергла соглашения с социал-шовинистами других стран, выставив лозунг создания III Интернационала.

Апрельская конференция большевиков имела огромное значение для развития партии и революции. Апрельская конференция нацелила партию большевиков на борьбу за перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую. Конференция разработала конкретную революционную программу для этого этапа перерастания революции. Конференция показала, какие классы двигают революцию вперед. Она приняла решение по всем коренным вопросам революции — войне, земле, борьбе с голодом. Она показала единственный выход из положения — переход всей государственной власти в руки советов рабочих, солдатских, крестьянских и других депутатов по всей России.

«Пролетариат найдет в наших резолюциях руководящий материал к движению ко второму этапу нашей революции»[2] —

так говорил Ленин в заключительной речи, закрывая Апрельскую конференцию.

Сладким речам эсеров и меньшевиков, звавшим массы к тихой покорности, к спокойному ожиданию благ от Временного правительства, большевики противопоставили смелый призыв к борьбе, к дальнейшему разворачиванию революции.

Партия, проделавшая героический путь, приведший к победе над царизмом, разработала на своей Всероссийской конференции генеральную линию для победы над буржуазией и ее мелкобуржуазными союзниками. И то единодушие, с которым конференция приняла решения по докладам Ленина и Сталина, служило залогом успеха на новом этапе.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

БОЛЬШЕВИСТСКАЯ ПАРТИЯ В БОРЬБЕ ЗА МАССЫ.

1.

АПРЕЛЬСКАЯ ДЕМОНСТРАЦИЯ.

Не успела еще конференция большевиков закончить свою работу, как в Петрограде прорвались наружу классовые противоречия. Не помогли ни уступки буржуазии, ни маневры соглашателей. 20 и 21 апреля на улицах столицы развернулись массовые демонстрации против войны.

До сих пор Временное правительство скрывало свои истинные намерения. О войне оно говорило в нарочито туманных фразах, сеявших в массах надежды на прекращение бойни. Правительство выжидало, пока всеро-меньшевики выполнят свою задачу по подготовке масс к продолжению войны. Однако буржуазия боялась, что рост антивоенных настроений опрокинет все усилия всеро-меньшевистских агитаторов. К тому же декларация правительства от 28 марта, хотя и глухо, но высказавшаяся за «утверждение прочного мира на основе самоопределения народов», произвела на союзных империалистов неприятное впечатление. Они потребовали прямого ответа — будет ли воевать Россия.

Восемнадцатого апреля Милюков разъяснил, что декларация от 28 марта выражает «всенародное стремление довести мировую войну до решительной победы» [1].

Как раз в этот день — по новому стилю было 1 мая — рабочие и солдаты демонстрировали по улицам с лозунгом советской декларации «Мир без аннексий и контрибуций».

Явно империалистский характер ноты Милюкова вызвал прежде всего бурный протест воинских частей Петрограда. С утра 20 апреля выступил Финляндский полк со знаменем «Долой захватную политику». Немного позже выступил 180-й полк. Вышла часть флотского экипажа. Офицеров с ними не было. Более 15 тысяч демонстрантов, настроенных крайне решительно, собралось перед Мариинским дворцом, где заседало Временное правительство. К солдатам выпустили эсеро-меньшевистских лидеров Гоца и Скобелева, но их выступления никого не успокоили. Солдаты приняли следующее постановление:

«Ознакомившись с нотой Милюкова о целях войны, выражая свое негодование по поводу столь беззастенчивого выступления, явно противоречащего обращению совета рабочих и солдатских депутатов к народам всего мира и декларации самого Временного правительства, мы требуем немедленной отставки Милюкова»[1].

Чтобы отвлечь внимание масс, эсеро-меньшевики созвали экстренное собрание совета. Представитель солдат и матросов, собравшихся перед Мариинским дворцом, заявил на заседании, что кризис может быть разрешен либо «нашим правительством», либо «гражданской войной».

Выступления рабочих и солдат вызвали контрвыступления буржуазии. Сторонники Временного правительства вывели на улицу полки, еще не разобравшиеся в действительной политике Временного правительства. Домовладельцы, лавочники, мещане, служилая интеллигенция, руководимые кадетами и эсеро-меньшевиками, организовали манифестацию под лозунгом «Доверие Временному правительству».

Под шум патриотической манифестации правительство принимало и более решительные меры. Новый главнокомандующий Петроградским военным округом генерал Корнилов — тот самый, который потом стал знаменем контрреволюции, — приказал Михайловскому артиллерийскому училищу выслать две батареи на Дворцовую площадь. Солдаты училища и часть офицеров решили проверить, известно ли совету распоряжение Корнилова. Выяснилось, что совет не давал никаких указаний. Не в меру ретивый генерал через два часа вынужден был «отменить» свой приказ о высылке пушек. Но самый факт приказа говорил о намерениях правительства расстрелять демонстрацию. Это и подтвердили дальнейшие события: кое-где раздавались выстрелы, направленные в рабочих.

Выступления буржуазии, в свою очередь, вызвали демонстрации пролетариата. На следующий день на улицы стали выходить массы рабочих целыми заводами. Окраины заполнились рабочими и солдатами, протестующими против империалистской политики. В центре, по Невскому, двигались небольшие кучки защитников правительства.

В толпе рабочих-демонстрантов виднелись также плакаты с лозунгом «Долой Временное правительство». Этот лозунг был выставлен частью Петербургского комитета большевиков вопреки линии Центрального комитета партии. Ленин жестоко осудил этот непродуманный лозунг.

«Мы желали произвести только мирную разведку сил неприятеля, но не давать сражения, — говорил он на Апрельской партийной конференции. — В момент действия брать «чуточку полевее» было неуместно. Мы рассматриваем это как величайшее преступление, как дезорганизацию»[2].

Л. Троцкий, который тогда еще не был членом большевистской партии, совершенно извратил Ленина. Троцкий в «Уроках Октября» писал:

«Апрельская манифестация, взявшая «левее», чем полагалось, была разведывательной вылазкой для проверки настроения масс и взаимоотношений между ними и советским большинством. Ленин, проделав разведку, снял лозунг немедленного низвержения Временного правительства, но снял его на неделю или на месяцы в зависимости от того, с какой скоростью будет нарастать возмущение масс против соглашателей»[3].

Это лживое утверждение Л. Троцкого в корне противоречит всей тактике Ленина. Нечего говорить о том, что Ленин не снимал в апреле лозунга «немедленного низвержения Временного правительства» просто потому, что Ленин в апреле и не ставил этот лозунг в порядок дня. Больше того, Ленин в апрельские дни боролся против него, осудил его на конференции партии. Все огромное значение тактики большевиков заключалось именно в том, что их лозунги выражали сокровеннейшие чаяния масс, оформляли их политические требования и мобилизовали эти массы под большевистскими знаменами. Разведка сил неприятеля, о которой говорил Ленин, в классовой борьбе означает совсем не то, что в обыкновенной войне.

«Политическая армия не то, что армия военная, — как замечательно метко характеризует это положение Сталин. — Если военное командование приступает к войне, имея в руках уже готовую армию, то партии приходится создавать свою армию в ходе самой борьбы, в ходе столкновений классов, по мере того как сами массы убеждаются на собственном опыте в правильности лозунгов партии, в правильности ее политики. Конечно, каждая такая демонстрация давала вместе с тем

Апрельские дни в Петрограде. Рабочая демонстрация. *Рис. Н. Павлова.*

известное освещение скрытых от глаз соотношений сил, известную разведку, но разведка являлась здесь не мотивом демонстрации, а ее естественным результатом»[1].

Апрельская демонстрация в Петрограде дала толчок к прояснению классового самосознания масс и в других промышленных центрах страны.

Московский пролетариат отозвался на события в Петрограде демонстрацией солидарности.

Один из работников московского градоначальства так описывает апрельские дни в Москве:

«Толпы народа заполняли площадь перед советом, ораторы висели на памятнике Скобелева. Красные знамена волновались и качались в толпе, и десятки плакатов с призывом «Долой Милюкова» реяли в воздухе. Настроение толпы было приподнятое, возбужденное... Меньшевистские и эсеровские ораторы один за другим выходили на балкон Дома советов, произнося успокоительные речи... Стоявшая внизу на площади толпа принимала ораторов весьма недружелюбно: успокоительные речи прерывались криками, ироническими возгласами и требованиями отставки Милюкова. Красные плакаты с требованием «Долой Милюкова» протягивались из толпы вверх к балкону, чтобы ораторы с балкона могли получше рассмотреть их...

Апрельские дни в Петрограде. Демонстрация революционных матросов.

Тревога увеличивалась еще и потому, что к демонстрантам примкнул 55-й полк, явившийся чуть ли не в полном составе с теми же лозунгами: «Долой министров-капиталистов», «Долой Милюкова»[1].

К солдатам-демонстрантам присоединилась масса рабочих из Замоскворечья; особенно выделялись рабочие завода Михельсона, активно сблизившиеся с 55-м полком.

Апрельская демонстрация и ее эхо в стране сразу вскрыли всю глубину политического кризиса.

В возбуждение пришли прежде всего солдатские массы, которые добросовестно верили в миролюбие Временного правительства. Неустойчивая масса качнулась влево, в сторону рабочих. Колебание этой массы, по определению Ленина «способной по своей силе решить все», привело в движение крайние элементы — буржуазию и пролетариат. Буржуазия выступила за Временное правительство, пролетариат — за лозунги большевистской партии. Вопрос шел о том, какой класс — пролетариат или буржуазия — поведет за собой неустойчивую массу мелкой буржуазии.

Мелкобуржуазные вожди совета, эсеры и меньшевики, тоже качнулись было в сторону революции, но буржуазия запугала их призраком гражданской войны, и после рабочих демонстраций эсеро-меньшевики снова пошли за буржуазией. До апрельского кризиса в исполнительном комитете Петроградского совета против Временного правительства высказывалась почти половина депутатов, а после демонстрации 34 делегата против 19 выступили за доверие и соглашательство с капиталистами.

Резолюция Центрального комитета большевистской партии, написанная Лениным, так оценила эти классовые сдвиги:

«Мелкобуржуазная масса колебнулась сначала *от* капиталистов, возмущенная ими, к рабочим, а через день она снова пошла за меньшевистскими и народническими вождями, проводящими «доверие» к капиталистам и «соглашательство» с ними. Названные вожди пошли на компромисс, сдав целиком все свои позиции, удовлетворившись пустейшими, чисто словесными оговорочками капиталистов»[2].

Апрельский взрыв показал буржуазии, что один Керенский — «заложник демократии», как его называли, — не обеспечит поддержки масс. Надо было расширяться дальше налево. Временное правительство решило пожертвовать Гучковым и Милюковым. 26 апреля прави-

тельство заявило в особой декларации, что привлечет новые общественные силы к управлению. 27 апреля князь Львов обратился с письмом к Чхеидзе, предлагая ввести представителей совета в правительство, в противном случае буржуазия уйдет от власти. Буржуазия, не добившись единовластия, надеялась покончить с двоевластием через коалицию с представителями совета. Милюков так и оценивал коалицию:

«Она во всяком случае дает возможность надеяться на достижение двух главнейших целей настоящего момента, а именно: усиления власти и перелома настроения в армии»[1].

Но исполнительный комитет совета был связан своей старой резолюцией от 28 февраля — не входить в правительство. Ультиматум буржуазии создавал положение, при котором власть попадала в руки совета. А этого больше всего и боялись соглашатели. В это время заседала Всероссийская конференция меньшевиков. Она так объясняла необходимость вступления в правительство:

«Не способное ни к достаточно энергичным революционным шагам в области внутреннего строительства, ни в особенности к последовательному проведению политики мира в области международных отношений, оно (Временное правительство. *Ред.*) возбуждало недоверие к себе широких демократических масс. Поэтому оно не обладало всей необходимой полнотой власти, и значительная доля ее все более и более переходила к советам»[2].

Меньшевики прямо признали, что власть из рук Временного правительства валилась в руки советов. Задержать этот переход власти к советам можно было, только войдя в состав правительства и тем поддержав его. 1 мая исполнительный комитет отказался от своей старой резолюции и постановил послать в правительство еще четырех министров-«социалистов».

Апрельские дни в Петрограде. Демонстрация революционных частей петроградского гарнизона.

Милюков: «Какое, однако, чертовски быстрое течение в этих проливах». *Карикатура из журнала «Новый сатирикон» 1917 года.*

5 мая вечером, докладывая совету о новом правительстве, меньшевик Скобелев сказал:

«Если вы сочтете нужным на основе этой декларации ввести нас в состав правительства, то вы должны затем оказывать правительству полное доверие и обеспечить ему всю полноту власти»[1].

На этом же заседании один из крупных руководителей эсеров А. Р. Гоц говорил, что эсеры посылают своих представителей в правительство, чтобы там осуществлять лозунг «Земля и воля».

«Не в плен к буржуазии идут они, а занимать новую позицию выдвинутых вперед окопов революции»[2],

закончил Гоц свою речь. Церетели говорил на заседании совета, что из создавшегося положения было только два выхода: или войти в состав правительства или брать власть в свои руки. Второй выход был исключен, ибо по мнению Церетели

«буржуазия не изолирована: за ней стоят часть армии и крестьянство, и они отшатнулись бы от революционного движения»[3].

Совет утвердил постановление исполнительного комитета. На следующий день, 6 мая, был опубликован следующий список коалиционного правительства: председатель и министр внутренних дел — князь Г. Е. Львов, военный и морской — А. Ф. Керенский (эсер), министр юстиции — П. Н. Переверзев (близкий к эсерам), иностранных дел — М. И. Терещенко, путей сообщения — Н. В. Некрасов (кадет), торговли и промышленности — А. И. Коновалов (прогрессист), народного просвещения — А. А. Мануйлов (кадет), финансов — А. И. Шингарев (кадет), земледелия — В. М. Чернов (эсер), почт и телеграфов — И. Г. Церетели (меньшевик), труда — М. И. Скобелев (меньшевик), продовольствия — А. В. Пешехонов («народный социалист»), государственного призрения — князь В. Н. Шаховской (кадет), обер-прокурор — В. Н. Львов (центр) и государственный контролер — И. В. Годнев (октябрист).

Назначение Керенского вскрывало весь смысл коалиции. Ему отдали военное и морское министерства в надежде, что в армии Керенский пользуется известным доверием. Накануне вечером, 5 мая, представитель 11-й армии на заседании совета подчеркнул крайнюю важность назначения Керенского: к нему питают доверие не только солдаты, но и многие офицеры. Не без рекомендации Милюкова министром иностранных дел был утвержден Терещенко — миллионер, театрал, покровитель искусств. «Этот хоть с дипломатами сумеет разговаривать», говорил о нем Милюков, намекая на знание языков и светские манеры нового министра. Но дело было не в манерах, а в политике.

Кадет Набоков писал о Терещенко:

«В своей деятельности как министр иностранных дел он задался целью следовать политике Милюкова, но так, чтобы совет рабочих депутатов ему не мешал. Он хотел всех надуть»[4].

СОЛДАТСКАЯ ДЕМОНСТРАЦИЯ С ТРЕБОВАНИЕМ ПЕРЕВЕСТИ «НИКОЛАЯ КРОВАВОГО В ПЕТРОПАВЛОВСКУЮ КРЕПОСТЬ» ИЗ ЦАРСКОСЕЛЬСКОГО ДВОРЦА, ГДЕ ОН СОДЕРЖАЛСЯ ВРЕМЕННЫМ ПРАВИТЕЛЬСТВОМ.

2.

КОАЛИЦИОННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО ЗА РАБОТОЙ.

Коалиция с соглашателями позволила буржуазии установить в правительстве своеобразное разделение труда. Министры-«социалисты» выступали перед народом с «демократическими» речами и предложениями, а лидеры буржуазии под прикрытием соглашателей собирали силы для нового наступления на революцию. Восстановили деятельность Государственной думы под видом «частных совещаний». Первое такое совещание состоялось 22 апреля. Родзянко так определил задачи совещаний: от делегатов Думы ждут «указаний на то, как надо вести государственный корабль»[1]. А депутат Н. В. Савич, октябрист, добавил:

«Наше дело — формировать общественное мнение»[2].

В майскую коалицию министром земледелия вошел В. М. Чернов. Вождь партии эсеров, ее теоретик, он слыл также специалистом по аграрному вопросу. Получив портфель министра, Чернов должен был попытаться осуществить на практике путаные эсеровские теории. Но вождя эсеров пригласили в правительство не для этого. Князь Волконский, крупнейший помещик Тамбовской губернии, в своем письме к Чернову в начале июня разъяснил ему, чего хотят от него помещики.

«Только предписанием свыше,— писал князь высокопарным стилем,— можно достигнуть однообразия действий, только таким путем возможно вылить холодной воды на тот уголь наживы, подогретый побуждениями классовой борьбы, который грозит своим дымом застелить всякое понимание общественной пользы и в своем пламени поглотить благосостояние тех самых, кто его раздувает...

Временное правительство «на работе». *Карикатура Кукрыниксы.*

Так подпирали коалицию и так напирали на коалицию. *Карикатура А. Коневского*

Следует сказать им (крестьянам. *Ред.*) властно, что есть действия, которые в такие времена, как наши, являются противуестественными. Надо им сказать это, и это можете сделать только вы из Петербурга. Всякое слово, сказанное здесь, на месте, — под подозрением: тому верить нельзя потому, что он помещик, тому нельзя потому, что он купец, тот, «известное дело», «юрист», а все вообще — «буржуазны» и «старый режим»... Вы, господин министр, — новый режим... Скажите слово — вам поверят. Время еще есть, но оно не очень терпит»[1].

В. М. Чернову помещики предлагали изображать «новый режим», имея в виду, что вождю эсеров поверят и он сумеет вылить холодной воды на «уголь наживы», как на языке Волконских назывался захват крестьянами помещичьей земли.

Чернов стал по мере своих сил лить воду на разгорающийся пожар в деревне. Таково было значение многочисленных проектов, разрабатываемых министром. Вокруг его имени создали ореол защитника крестьянских интересов. Чернова называли «мужицким министром», но при этом добавляли, что он вряд ли может что-либо сделать, так как правительство не поддерживает его. Эту легенду усиленно распространяли эсеры, боясь, что деятельность министра вопреки его законопроектам подорвет

доверие к партии в деревне. Ореол мужицкого защитника вокруг имени Чернова был выгоден и самим помещикам, ибо он возбуждал в крестьянстве надежды на мирный сговор с землевладельцами. Несколько позже, когда кадеты стали обвинять Чернова в проведении партийной программы и якобы в попустительстве «крестьянской стихии», он поспешил снять с себя почетное звание «мужицкого министра». Чернов писал 11 июля:

«Мои законопроекты имеют целью именно ввести в закономерное русло ту местную общественную самодеятельность, которая иначе неизбежно выходит из берегов и, как половодье, многое разрушает»[1].

Удержать в берегах крестьянское половодье и предотвратить разрушение помещичьего землевладения — таковы были задачи Чернова. Но задача эта в условиях растущей революции была очень трудна. «Мужицкий министр» постоянно спотыкался: то слишком забегал вперед, подталкиваемый крестьянскими организациями,

Как «мужицкий министр» Чернов «защищал» крестьян от князей Волконских. *Карикатура Кукрыниксы.*

Министр труда Скобелев. *Карикатура Кукрыниксы.*

то отступал, побуждаемый к этому сердитыми окриками кадетов. Главный земельный комитет не признавал черновского творчества. Товарищ министра земледелия П. А. Вихляев вынужден был на одном из заседаний Главного земельного комитета указать членам его, что министра земледелия нельзя превращать в рупор граммофона, необходимо предоставить министру хотя бы некоторую самостоятельность. «Граммофоном» был, разумеется, не Главный комитет, который деловой работой не занимался, а организация земельных собственников и Временный комитет Государственной думы. Отсюда шли настоящие, деловые директивы Временному правительству.

Эта направляющая рука помещиков неловко высунулась уже при первых шагах «мужицкого министра». В первую очередь Министерство земледелия подняло возню вокруг одного из главных крестьянских требований — запрещения купли и продажи земли. С начала революции развернулась бешеная спекуляция землей. Помещики распродавали свои поместья, главным образом, иностранцам, уверенным в своей неприкосновенности. Помещики дробили земельные участки, передавая их подставным собственникам. Земли забрасывались, не обрабатывались. Надо было успокоить крестьян, требовавших немедленного запрещения купли-продажи. Чернов заготовил проект декрета о запрещении земельных сделок до особого распоряжения. Исходя из этого черновского проекта, министр юстиции Переверзев, народный социалист, 17 мая разослал нотариусам телеграмму о временном прекращении сделок на землю.

Помещики сразу дали понять министрам, что это сделано без хозяина. Совет объединенных дворянских обществ в своей записке от 24 мая выразил удивление, что после опрометчивой телеграммы министра юстиции никакого опровержения в печати не было. Помещики растолковали министру, что запрещение земельных сделок есть лишение помещиков права распоряжаться собственностью, ограничение права пользования и, наконец, — это возвращение к крепостному праву, ибо помещика прикрепляют к земле, которую он, может быть, желает продать. В заключение совет объединенного дворянства напоминал Временному правительству, что оно в своих декларациях неоднократно обещало передать разрешение земельного вопроса Учредительному собранию. К протесту помещиков присоединили свой голос комитет съездов представителей акционерных обществ, земельные банки, Временный комитет Государственной думы. В конце мая министр юстиции Переверзев телеграфно разъяснил, что воспрещение актов на земли не распространяется на установление и переход залоговых прав. Это отступление уже отменяло по существу запрещение земельных сделок.

24 июня в газетах появилось сообщение, что министр земледелия внес в правительство новый законопроект о запрещении купли-продажи земли. В то время как «мужицкий министр» вносил законопроект, товарищ министра юстиции Демьянов окончательно отменил все запрещения земельных сделок и разъяснил, что таковые подлежат совершению и утверждению на точном основании действующих законов.

За кулисами всей этой возни с запрещением земельных сделок стоял председатель Временного комитета Государственной думы Родзянко, которого Ленин называл «бывшим председате-

лем бывшей Государственной думы... бывшим доверенным Столыпина-Вешателя»[1].

Ту же роль ширмы для буржуазии выполнял министр Скобелев.

До сих пор в правительстве не было даже особого Министерства труда. Существовал лишь отдел при Министерстве торговли и промышленности. В чьих руках были фабрики и заводы, в тех же оказались и вопросы труда. Но раз в правительстве потеснились и уступили несколько мест всеро-меньшевикам, пришлось изъять «труд» из ведения буржуазного министра: 5 мая было создано новое министерство. Еще при отделе труда Министерства торговли и промышленности был учрежден Особый комитет для предварительной подготовки законов по рабочему вопросу. Комитет состоял из 8 представителей совета, 8 предпринимателей, 2 — от земского и городского союзов, 2 — от Центрального военно-промышленного комитета. При таком составе нечего было и думать о проведении каких-либо серьезных улучшений. Рабочая делегация оставалась неизменно в меньшинстве. Особый комитет разработал проект закона о профсоюзах. Буржуазные представители боролись за ограничения профсоюзных прав. Скобелев сохранил Особый комитет, который и при новом «социалистическом» министре продолжал старую практику. Закон о восьмичасовом рабочем дне застрял в министерских канцеляриях. Буржуазия добилась своего: соглашение с советом о введении восьмичасового рабочего дня оказалось временной уступкой.

Еще 23 апреля старое некоалиционное правительство издало положение «о рабочих комитетах в промышленных предприятиях». На эти комитеты возлагалась культурно-просветительная работа на фабриках и заводах, разрешение вопросов взаимоотношений между рабочими, представительство последних перед администрацией. Об участии комитетов в производстве не говорилось ничего; вопросы освобождения членов комитета от работы предоставлялись «взаимному соглашению» предпринимателей и рабочих; самая организация комитетов — они назывались фабрично-заводскими — являлась необязательной. Скобелев не только не изменил положения, но открыто заявил, что роль фабрично-заводских комитетов кончилась. В его лице капиталисты нашли себе хорошего защитника.

Скобелев не ограничился своим ведомством. Свою задачу он выполнял, помогая и другим министрам, в первую очередь Коновалову, который сам раньше командовал трудом. В своей декларации 6 мая Временное правительство ничего определенного не сказало о борьбе с хозяйственной разрухой. Коновалов считал главной своей задачей затянуть решение жгучих вопросов. И тут, как и в других министерствах, создавали бесчисленные комиссии и комитеты, в недрах которых тонули все вопросы. Товарищ министра торговли и промышленности кадет В. А. Степанов, член IV Государственной думы, рассказывал на совещании ее членов 20 мая, как в министерстве обсуждали вопрос о повышении заработной платы. Промышленники юга России во главе с кадетом Н. Н. Кутлером (крупный землевладелец, после революции 1905 года — главноуправляющий землеустройством и земледелием) обратились к Временному правительству с заявлением, что требования рабочих ставят промышленность в безвыходное положение. Повышение заработной платы, писали промышленники, не только поглотит всю прибыль, но и сделает невозможным выдачу платы без значительного повышения цен на товары. Министерство торговли и промышленности вызвало в Петроград представителей владельцев предприятий и рабочих. После двухдневного заседания было решено создать особую комиссию.

> «Сегодня, — докладывал совещанию Думы левый кадет В. А. Степанов, — в первый раз эта комиссия, разбившись на секции, собралась и обсуждала имеющийся материал. Что из этого выйдет — сказать, конечно, очень трудно. Может быть, дай бог, надежда эта оправдается, удастся этой комиссии до чего-нибудь договориться. Некоторые рабочие в частном разговоре говорили, что да, если таково положение, то они готовы уменьшить свои требования — до какого предела, конечно, сказать трудно. Но затем остается очень трудный вопрос: что если эти делегаты, убедившись в верности цифр, выразят согласие уменьшить требование, будет ли это согласие равносильно отказу от требований тех 800 тысяч рабочих, которых они представляют, и не кончится ли это тем, что они будут лишены мандатов как предатели, изменившие их интересам и не оправдавшие их доверия. Если этого соглашения не произойдет, то придется обратиться к этим двум комиссиям (к одной — для проверки цифр промышленников, к другой — для изучения прожиточного минимума. *Ред.*) как к последней попытке... найти выход из этого положения»[2].

23 мая комиссия отвергла все требования рабочих. Из комитета в комиссию, из комиссии в секцию передавали вопрос, лишь бы оттянуть ответ.

В середине мая исполнительный комитет Петроградского совета принял решение о необходимости государственного регулирования народного хозяйства, о создании для этой цели специальных органов. Под нажимом советов

Временное правительство 27 мая поручило нескольким министрам разработать проект организации высшего органа по упорядочению хозяйственной жизни страны. Коновалов подал в отставку, считая это «непомерным требованием». Его место занял товарищ министра торговли и промышленности левый кадет В. А. Степанов. Созданное еще 5 мая Коноваловым и ничего не делавшее совещание по вопросу о развитии производительных сил России, наконец, к 8 июля подготовило проект декларации Временного правительства по вопросам экономической политики. Только в июне правительство попыталось оглянуться на пройденный путь, только в июне Министерство торговли и промышленности в лице Степанова серьезно задумалось над тяжелым положением страны, с характеристики которого оно и начинает свой проект. На одном из заседаний совета съездов представителей торговли и промышленности председатель его кадет Н. Н. Кутлер, руководитель банковских промышленных кругов, потребовал, чтобы Временное правительство

«объявило свою экономическую программу: предполагает ли оно осуществить социализацию промышленности или же сохранить капиталистический строй»[1].

Повидимому, Кутлер опасался, что министры-социалисты, вошедшие в первое коалиционное правительство, займутся еще, пожалуй, строительством социализма. На эти опасения Кутлера и всей буржуазии и дает прежде всего прямой ответ Степанов.

«При нынешнем оскудении социализм сам по себе не спас бы Россию от нищеты»[2],

говорит он во введении к декларации. В самом же проекте декларации он дополнительно разъясняет, что

«социализм должен покоиться на мощном фундаменте всеобщей организованности, чего в России нет; на полном развитии производительных сил, к надлежащему использованию которых Россия в сущности еще не приступила; наконец, переход к социалистическому строю в рамках одного государства даже и невозможен»[3].

Меньшевистские доводы II Интернационала о невозможности победы социализма в одной стране Степанов собрал и умело использовал в своем проекте деклараций. Наконец он подчеркнул:

«Невозможность для России усвоения в настоящее время социалистической организации народного хозяйства, повидимому, не вызывает сомнений ни среди членов Временного правительства, ни в реалистически настроенных кругах революционной демократии. Соответствующее заявление и должно быть сделано правительством во избежание каких бы то ни было недоразумений»[4].

Министр Скобелев, представитель упомянутых Степановым «реалистически настроенных кругов революционной демократии», поспешил окончательно ликвидировать возможность «недоразумений». 16 июня в беседе с московскими журналистами он подтвердил тезис Степанова заявлением о том, что когда речь идет о регулировании промышленности государством, не может быть и речи о социалистическом производстве. Буржуазия могла быть совершенно спокойна. Степановы вместе с «социалистами» Скобелевыми не за страх, а за совесть защищали ее от социализма.

Продовольствие было изъято из рук министра земледелия и передано в специально созданное Министерство продовольствия. Его возглавил Пешехонов — статистик, народный социалист, «умереннейший народник» по выражению Ленина. Пешехонов прямо заявил, что его приход в министерство не приведет к коренной ломке политики Шингарева. Новый министр имел в виду сохранение хлебной монополии и твердых цен, но на деле сохранил и всю политику прежнего министра. Помещики и перекупщики развили спекуляцию хлебом, подрывая в корне твердые цены. Важнейшим средством в борьбе со спекуляцией мог быть строгий учет хлеба. Еще закон 25 марта требовал учесть весь произведенный хлеб. Шингарев оставил в покое спекулянтов и помещиков. Не тронул их и «социалистический» министр. По данным анкеты Московского совета рабочих депутатов 32 губернии из 38, т. е. $^4/_5$, дали ответ, что у них совсем не производился учет, а в четырех произведен неточно. На вопрос о проведении хлебной монополии одна губерния сообщила, что монополия введена, 3 — что вовсе не проводилась, 23 — неопределенно ответили: «проводится», 6 — проведена частично. Пешехонов не только не организовал контроля над сдачей хлеба, но даже не наладил простого учета. В результате развилась безудержная спекуляция хлебом. Хвосты у продовольственных магазинов выросли. Жены рабочих простаивали часами в очередях.

Скобелев, Пешехонов, Чернов были живой иллюстрацией к тезису Ленина:

«Министры из перебежчиков социализма оказывались говорильными машинами для отвода глаз угнетенным классам»[5].

3.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА.

Февральскую революцию буржуазия объясняла протестом масс против военных поражений царской армии. Она проповедывала, что главной задачей революции является победоносное завершение войны, захват Константинополи и т. д. Буржуазное правительство совершенно не склонно было пересматривать империалистскую программу. Империалистские планы завоеваний, которые поддерживались русской буржуазией и раньше, она намеревалась осуществить теперь с бо́льшим успехом.

Буржуазия, пользуясь военной обстановкой, призывала население России к национальному единению, пытаясь под этим флагом отделаться от разрешения «проклятых» социальных вопросов.

Было очевидно, что созданное ею Временное правительство не собиралось, да и не в состоянии было разрешить более или менее серьезно национальный вопрос. В сохранении власти над национальными окраинами и в дальнейшей империалистской экспансии буржуазия видела одну из основ своей экономической и политической мощи, своего классового господства. Она выдвинула, пользуясь поддержкой мелкобуржуазных партий — социалистов-революционеров и меньшевиков, — старый царский лозунг «единой и неделимой России», прикрытый лишь розовым флагом «революционной демократии».

Временное правительство, бессильное подавить национально-освободительное движение на окраинах России репрессивными мерами, рассчитывало ослабить его второстепенными уступками: отменой ограничений вероисповедания и процентной нормы в учебных заведениях, предоставлением «инородцам» права занятия должностей в государственных учреждениях и т. п. Отказавшись от крайних мер преследования угнетенных национальностей, практиковавшихся царизмом, буржуазия, однако, не предоставила им и никаких прав кроме общегражданских. Даже вопрос об употреблении родного языка в учебных заведениях не был разрешен, хотя это являлось одним из минимальных требований. В декрете Временного правительства от 20 марта 1917 года было сказано, что разрешается

> «употребление иных кроме русского языков и наречий в делопроизводстве частных обществ, при преподавании в частных учебных заведениях всякого рода и при ведении торговых книг» [1].

Падение самодержавия и переход власти в руки буржуазии не повели к уничтожению национального угнетения. Лишь

> «старая, грубая форма национального гнета,— указывал Сталин,— сменилась новой, утонченной, но зато более опасной формой гнета» [2].

Национально-освободительное движение после Февральской революции поэтому не только не ослабело, но значительно усилилось. Оценка этого движения дана была Сталиным позже в статье «Октябрьский переворот и национальный вопрос»:

> «В эпоху буржуазной революции в России (с февраля 1917 года) национальное движение на окраинах имело характер буржуазно-освободительного движения. Веками угнетавшиеся и эксплоатировавшиеся «старым режимом» национальности России впервые почувствовали в себе силу и ринулись в бой с угнетателями. «Ликвидация национального гнета» — таков был лозунг движения. Окраины России мигом покрылись «общенациональными» учреждениями. Во главе движения шла национальная буржуазно-демократическая интеллигенция. «Национальные советы» в Латвии, Эстском крае, Литве, Грузии, Армении, Азербайджане, в горах Кавказа, Киргизстане и Среднем Поволжье; «Рада» на Украине и Белоруссии; «Сфатул-Церий» в Бессарабии; «Курултай» в Крыму и Башкирии; «Автономное правительство» в Туркестане — вот те «общенациональные» институты, вокруг которых собирала силы национальная буржуазия» [3].

На Украине буржуазно-освободительное движение возглавляла Центральная рада, созданная в первые месяцы революции в Киеве. Лидерами ее от украинской социал-демократической рабочей партии были Винниченко, Петлюра, Мазепа, Ткаченко; от социалистов-революционеров — Грушевский, Христюк, Зализняк, Ковалев и др. За радой шли значительные - преимущественно зажиточные — крестьянские массы.

В своей декларации, опубликованной в начале июня 1917 года, озаглавленной «Первый универсал», рада объявляла только принципиально, что украинский народ сам должен творить свою судьбу, не настаивая на немедленном провозглашении автономной Украины. При этом в универсале имелась оговорка, что не может быть и речи о государственном отделении Украины от России. Эти первые национальные

требования Украины, предъявленные Временному правительству, Ленин квалифицировал «очень скромными».

«Ни один демократ не может... отрицать *права* Украины на свободное отделение от России: именно безоговорочное признание этого права одно лишь и дает возможность агитировать за вольный союз украинцев и великороссов, за *добровольное* соединение в одно государство двух народов... Проклятый царизм превращал великороссов в палачей украинского народа, всячески вскармливал в нем ненависть к тем, кто запрещал даже украинским детям говорить и учиться на родном языке»[1],

писал Ленин через несколько дней после появления первого универсала.

В лагере Временного правительства, руководимого кадетами, с национальной политикой которых были согласны эсеры и меньшевики, заявление рады вызвало, однако, бурю негодования. Центральный кадетский орган — газета «Речь» — называл универсал рады «еще одним звеном германского плана разложения России, приведенным в исполнение». «Речь» писала:

«Оговорки нисколько не изменяют смысла того основного факта, что рада отказалась за себя и за украинский народ... повиноваться Временному правительству и объявила себя правительством Украины... Надо признать, что господа украинцы шутят плохие шутки с Россией»[2].

Так реагировала буржуазия на малейшую попытку посягнуть на «единую и неделимую Россию». Она зачисляла украинцев в лагерь изменников и немецких агентов, предупреждая, что поступок рады

«будет осужден решительно всеми общественными организациями за исключением разве самых непримиримых сторонников «дезаннексии» — большевиков»[3].

Враждебные отзывы буржуазных империалистов о большевиках только усиливали симпатии к ним всех демократических элементов, боровшихся за национальное освобождение. Достаточно было сравнить поведение буржуазии и установки большевиков по отношению к национальностям бывшей царской России, чтобы понять, *кто* является другом угнетенных народностей.

Борьба вокруг украинского вопроса продолжала разгораться. Эсерами и меньшевиками была предпринята слабая, лицемерная попытка найти приличный «компромисс» между радой и Временным правительством. Из этого ничего не вышло. Украинцам было отказано во всех их требованиях.

Тогда же в статье «Украина и поражение правящих партий России» Ленин писал:

«Отказ в этих скромнейших и законнейших требованиях со стороны Временного правительства был неслыханным бесстыдством, дикой наглостью контрреволюционеров, истинным проявлением политики великорусского «держиморды», и эсеры с меньшевиками, издеваясь над их собственными партийными программами, терпели это в правительстве и защищают это теперь в своих газетах! До какого позора пали эсеры и меньшевики! Как жалки увертки их органов сегодня — «Дела народа» и «Рабочей газеты». Хаос, сумятица, «ленинство в национальном вопросе», анархия — вот какие выкрики дикого помещика направляют обе газеты против украинцев»[4].

Прибывшая в начале июля в Киев правительственная тройка в составе Керенского, Церетели и Терещенко заключила с радой дипломатическое перемирие. Оно не дало, впрочем, никаких реальных прав украинцам, ограничившись одним лишь намеком на возможность предоставления прав в будущем. Но и это соглашение вызвало враждебный шум в буржуазном лагере. Украинские переговоры были использованы буржуазными министрами в качестве предлога для ухода из состава Временного правительства. Сделав этот шаг во время июльских событий в Петрограде, кадеты заявили, что уходят из-за разногласий по украинскому вопросу.

С возвращением кадетов в правительство в августе 1917 года отношения с Украиной снова и еще более ухудшились. Инструкцией Временного правительства от 4 августа были отменены все уступки, сделанные Украине июльским соглашением. Инструкция ограничила пределы Украины пятью западными земледельческими губерниями, исключив Донецкий бассейн, Екатеринославщину и черноморские губернии. Круг деятельности рады был также сведен к минимуму; за ней оставлялись лишь некоторые права местного самоуправления.

Центральная рада перешла в оппозицию к Временному правительству. С этого момента вплоть до Октябрьской революции продолжают нарастать и усиливаться среди украинцев, даже шедших за мелкобуржуазными националистами, симпатии к большевикам за их правильную национальную политику.

Временное правительство не разрешило национального вопроса и в отношении Финляндии. 7 марта 1917 года им был издан акт о восстановлении «дарованной» в свое время Александром I конституции великого княжества Финляндского. Дальше этой царской конституции русская буржуазия не пошла. Никаких новых прав Финляндии предоставлено не было: ее сейм не получил верховной власти.

Народные массы Финляндии требовали автономии. Переговоры по этому поводу продолжались между Финляндским сеймом и Временным правительством в течение апреля-мая 1917 года. Проект автономии, выдвинутый сеймом, предусматривал сохранение компетенции России во внешних сношениях и в военном управлении и даже сохранение должности генерал-губернатора Финляндии. Но Временное правительство и с этим проектом не согласилось. Оно поставило условием, чтобы созыв и роспуск сейма были прерогативой русского правительства, которым также должны утверждаться решения сейма, затрагивающие интересы России. Право определения круга вопросов, «затрагивающих интересы России», предоставлялось при этом русскому генерал-губернатору. От самостоятельности сейма по существу ничего не оставалось.

В ответ на требования Временного правительства сейм принял 5 июля закон о верховных правах сейма во всех делах за исключением военных и внешних. Временное правительство ответило приказом о роспуске сейма, указывая, что последний присваивает себе

«право самочинно предвосхитить волю будущего российского Учредительного собрания... Пусть же народ финский сам взвесит свою судьбу. Решена она может быть только в согласии с народом российским» [1],

говорилось в манифесте Временного правительства от 18 июля 1917 года. Вслед за этим меньшевик Гегечкори, впоследствии министр иностранных дел меньшевистской Грузии, занял сейм войсками.

Депутаты, отказавшиеся подчиниться указу Временного правительства, не были пропущены в здание сейма.

Большинство в Финляндском сейме в начале 1917 года принадлежало социал-демократии, представлявшей довольно сильную организацию. Принимая деятельное участие в руководстве освободительным движением, финские социал-демократы не имели, однако, принципиально выдержанной линии в национальном вопросе, сбиваясь на буржуазные позиции. Оппортунизм финской социал-демократии решил на определенный отрезок времени судьбу Финляндии в сторону буржуазной государственности. Этому способствовало в значительной степени и то, что большевики Финляндии долгое время не порывали с меньшевиками, не допуская раскола социал-демократии.

Отношение большевистской партии к национальной свободе Финляндии достаточно отчетливо было выражено как в постановлении Апрельской конференции 1917 года по докладу Сталина, так и в ряде статей Ленина и других большевиков.

Ленин писал:

«Цари проводили политику аннексий, грубо обменивая один народ на другой по соглашению с другими монархами (раздел Польши, сделка с Наполеоном о Финляндии и пр.), как помещики обменивали меж собой крепостных крестьян. Буржуазия, становясь республиканской, проводит *ту же самую* политику аннексий более тонко, более прикрыто... Товарищи рабочие и крестьяне! Не поддавайтесь аннексионистской политике русских капиталистов, Гучкова, Милюкова, Временного правительства по отношению к Финляндии, Курляндии, Украине и пр.!» [2]

В конце лета 1917 года в Финляндии началась, с одной стороны, организация буржуазных отрядов, а с другой — рабочей Красной гвардии. Первые связались с полицейским аппаратом, вторые — с отрядами русской армии в Финляндии. Солдатские массы расположенных в Финляндии частей в это время уже начали становиться на большевистские позиции.

Еще более ярко, чем в Финляндии, проводило Временное правительство империалистскую политику по отношению к восточным народам.

Два основных течения наметились в национальном движении восточных народов после Февральской революции: унитаризм и национал-федерализм. Унитаризм поддерживался мусульманской, преимущественно татарской торговой буржуазией и националистически настроенной интеллигенцией, требовавшими объявления только «культурно-национальной автономии». Сторонники «национально-территориально-федеративных начал» представляли молодую национально-промышленную буржуазию. Руководящая роль в федералистском движении мусульман принадлежала азербайджанской буржуазии. Решение о федерации и «национально-территориальной автономии» было принято и в Туркестане на первом и втором съездах мусульман. В этом решении отразился между прочим страх национальной буржуазии перед русской революцией, желание отгородить себя от нее.

Большевиков в Туркестане было сравнительно мало. Кроме того многие из местных большевистских работников искажали линию большевистской партии в национальном вопросе, допуская грубые ошибки в подходе к коренному населению. Националистическим партиям — казакской «Аллаш-орда» и узбекской «Улеме» — удавалось поэтому вести за собой значительные слои населения.

Февральская буржуазная революция не улучшила условий существования трудящихся масс угнетенных народностей Средней Азии.

«Февральская революция, свергнувшая монархию, передала власть опять в руки того же царского чиновничества и местного русского

«Первым актом Временного правительства по Туркестану было постановление от 18 марта 1917 года об амнистии палачам киргизского восстания 1916 года». *Карикатура Кукрыниксы.*

кулачества. Местный комитет Временного правительства, состоящий из этих элементов, вместо равноправного отношения к киргизскому населению поставил своей задачей угнетение и истребление киргизского населения»[1].

так характеризовала положение в Средней Азии программа организованного после Февральской революции «Революционного союза киргизской молодежи».

Первым актом Временного правительства по Туркестану было постановление от 18 марта 1917 года об амнистии палачам киргизского восстания 1916 года. Все русские погромщики, повинные в убийствах и издевательствах над коренным населением, были освобождены от тюремного заключения. Постановление Временного правительства вызвало негодование местного населения.

Возмущение угнетенных национальностей Средней Азии усилилось с назначением председателем правительственного Туркестанского комитета Н. Н. Щепкина — одного из лидеров кадетской партии. Комитет облекался правами дореволюционного генерал-губернаторства. Ему предоставлялось решение вопроса о введении в пределах Туркестана и степного края (Казахстана) местного самоуправления. При этом Временное правительство считало ненужным итти дальше введения земских учреждений, хотя население требовало автономии.

Временное правительство решительно ничего не предприняло для разрешения национального вопроса.

Весь централизованный бюрократический аппарат царизма в национальных районах был оставлен в полной неприкосновенности. Государственным языком для всех народностей попрежнему являлся русский язык. Государственная школа оставалась также русской. Требования угнетенных народностей о предоставлении им национальных прав отклонялись. Вместо немедленного удовлетворения веками копившихся, наболевших национальных нужд и запросов Временное правительство советовало угнетенным национальностям ждать решения их судьбы Учредительным собранием, которое... неизвестно когда еще будет созвано.

Если за время пребывания у власти Временного правительства и были удовлетворены отдельные национальные требования, то это было сделано помимо его воли и вопреки желанию буржуазии. Так, например, Временное правительство сделало «великодушный» жест, опубликовав постановление о независимости Польши. Но это еще за год до Февральской революции было сделано германским имперским правительством, объявившим независимость Польского государства. Русской буржуазии пришлось с этим примириться, так как Польша была оккупирована германскими

войсками и вернуть ее вооруженной силой все равно не было никаких надежд. Но там, где дело касалось территорий, занятых русскими войсками, политика Временного правительства ничем не отличалась от империалистской.

Временное правительство, стоявшее за продолжение империалистской войны, понятно, отказалось при поддержке эсеро-меньшевиков от удовлетворения элементарных требований угнетенных национальностей России.

4.

ПЕРВЫЙ ВСЕРОССИЙСКИЙ СЪЕЗД СОВЕТОВ.

Перемена лиц не внесла изменений в программу Временного правительства. Все осталось по-старому с той лишь разницей, что, борясь за диктатуру буржуазии, правительство пользовалось поддержкой советов.

Коалиция с эсеро-меньшевиками помогла буржуазии выйти без поражения из апрельского кризиса, но буржуазии не удалось устранить его *причин*. Попрежнему продолжалась кровавая бойня. Как и раньше, оставалось налицо противоречие между классовым положением широких масс, не заинтересованных в войне, и оборонческим лозунгом «Война до победного конца». А раз оставались неустраненными причины кризиса, то неизбежно было повторение новых взрывов. Именно поэтому Центральный комитет большевистской партии подчеркивал, что лозунгами момента остаются:

«1. *Разъяснение* пролетарской линии и пролетарского пути к окончанию войны.

2. *Критика* мелкобуржуазной политики доверия и соглашательства с правительством капиталистов.

3. Пропаганда и агитация от группы к группе *среди каждого полка*, на *каждом* заводе, особенно среди самой отсталой массы прислуги, чернорабочих и т. п., ибо особенно на них пыталась в дни кризиса опереться буржуазия.

4. *Организация*, *организация* и еще раз *организация* пролетариата: на каждом заводе, в каждом районе, в каждом квартале»[1].

Борьба за массы вступила в новый период.

Выполняя решение Центрального комитета большевистской партии — «на заводы, в массы», — большевики двинулись в казармы, в рабочие районы. Продуманно и смело они открывали народу глаза на контрреволюционную сущность Временного правительства и соглашательскую политику вождей Петроградского совета.

Эсеры и меньшевики особенно старались не допускать агитаторов-ленинцев в полки. На митингах соглашатели обливали большевиков потоками грязи и клеветы. Однако настойчивость и уверенность в правоте, ясные, четкие лозунги партии Ленина делали свое дело. Освобождаясь от патриотического угара буржуазных речей, солдаты и рабочие все чаще кричали «долой сводников!» и требовали удаления из казармы, с фабрики эсеро-меньшевистских болтунов. Простые, деловые речи большевиков выслушивались со все нарастающим вниманием.

Массовая работа, пополняя и укрепляя ряды большевистской партии, развертывалась в первую очередь среди низовых рабочих организаций — фабрично-заводских комитетов и профессиональных союзов. Сбросив самодержавие, русский рабочий класс с быстротой, не имевшей примера в истории, начал объединяться организационно. Только за март и апрель в Петрограде и Москве возникло свыше 130 профессиональных союзов, а по всей России их к этому времени насчитывалось уже около двух тысяч.

Это весеннее половодье организационного творчества масс всюду возглавлялось большевиками. Особенно быстро росло влияние большевиков в фабрично-заводских комитетах. Петроградская конференция фабрично-заводских комитетов 30 мая — 3 июня, полностью прошедшая под большевистским руководством, служила ярким показателем роста влияния большевистской партии на рабочий класс. По вопросу о мерах борьбы с хозяйственной разрухой конференция подавляющим большинством приняла резолюцию Ленина. Резолюция меньшевиков собрала только 13 голосов из 421. Резолюция конференции заканчивалась указанием на то, что успешное проведение в жизнь всех намеченных социальных и экономических мероприятий, необходимых рабочему классу, возможно лишь при переходе государственной власти в руки советов рабочих и солдатских депутатов. Вопреки меньшевистской теории «нейтральности» и независимости от политических партий профессиональные союзы,

руководимые большевистскими лозунгами, все больше втягивались в политическую борьбу.

Широкие массы трудящихся не могли сразу проникнуться идеей борьбы за социализм и сознательно стать на сторону пролетарской революции. Они были против буржуазии, затягивавшей войну, но еще далеки от сознания возможности взять власть в свои руки. Надо было подвести их умело к классовому лозунгу «Вся власть советам». В этой связи большую роль в мобилизации трудящихся сыграл лозунг «Долой десять министров-капиталистов». Простой и понятный, он способствовал разоблачению меньшевиков и эсеров, которые упорно старались сохранить в правительстве десяток «министров-капиталистов», и доказывал необходимость передачи власти в руки советов.

Сила агитации большевистской партии и заключалась в умении подойти к массам, оформить их стихийное недовольство в четком лозунге.

«Для победы революции, — писал Сталин по поводу поразительных успехов нашей партии, — если эта революция является действительно народной, захватывающей миллионные массы, недостаточно одной лишь правильности партийных лозунгов. Для победы революции требуется еще одно необходимое условие, а именно: чтобы сами массы убедились на собственном опыте в правильности этих лозунгов. Только тогда лозунги партии становятся лозунгами самих масс. Только тогда становится революция действительно народной революцией»[1].

Тактика большевиков под руководством Ленина в этот период заключалась в том, чтобы шаг за шагом подвести широкие массы к пониманию лозунгов партии, к борьбе за эти лозунги.

Результаты боевой, напряженной работы большевистской партии скоро сказались в двух решающих событиях: в борьбе за I съезд советов рабочих и солдатских депутатов и в связанной с ним июньской демонстрации в Петрограде.

Первый всероссийский съезд советов открылся 3 июня. На нем присутствовало свыше 1 000 делегатов, из которых 822 человека были с правом решающего голоса, остальные — с совещательным. Огромное преобладание имел на съезде мелкобуржуазный эсеро-меньшевистский блок: у эсеров было 285 мандатов, у меньшевиков — 248. Мелкие фракции почти все безоговорочно шли за меньшевиками и эсерами. Большевики имели всего 105 делегатов.

Эсеро-меньшевики торжественно открыли съезд, назвав его съездом «революционной демократии». В это понятие эсеро-меньшевики включали рабочих, крестьян, мелкую городскую буржуазию, служилую интеллигенцию, чиновников, людей свободных профессий и, наконец, просто «просвещенных людей» независимо от их классовой принадлежности.

Меньшевикам и эсерам выгодно было затемнение пролетарского сознания туманной терминологией. Звонкая и чрезвычайно общая формула «революционная демократия» как нельзя лучше соответствовала их мелкобуржуазной природе и давала им возможность играть в политической жизни видную роль.

На съезде было представлено 305 объединенных советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, 53 совета областных и губернских центров, 21 организация действующей армии, 8 тыловых воинских организаций и 5 организаций флота.

В условиях русской революции это была единственная организованная и вооруженная сила. Никто не мог противопоставить себя силе советов. И тем не менее съезд обнаружил полное бессилие. Обладая по существу всеми возможностями для создания реальной власти, съезд все же отказался организовать власть. В этом была своя логика, своя закономерность. Возглавляя советы, меньшевики и эсеры, боясь взять власть без капиталистов, фактически обезглавливали революцию. Они делали все, чтобы обессилить революционную энергию рабочих и крестьян. Бурное творчество масс разменивалось на мелочи. Революционная инициатива разбуженного народа не находила себе применения и растрачивалась в бесплодных попытках примирить интересы рабочих и капиталистов. Вместо активной борьбы с наглеющими капиталистами — проповедь третейского суда, где все дело решали представители правительства. Вместо призыва к борьбе за немедленное улучшение положения — призыв ждать окончания войны и созыва Учредительного собрания! Вместо мира — война до победного конца!

Интересы рабочего класса и малоземельного крестьянства систематически приносились в жертву буржуазии. Меньшевики и эсеры служили тем приводным ремнем, с помощью которого буржуазия подчиняла себе рабочих и крестьян.

К чему сводилась роль советов при их нежелании взять власть в свои руки? Заслушивались доклады. Шли нудные, бесконечные прения по вопросу «о существе власти». Принимались длиннейшие, водянистые, ни к чему не обязывающие резолюции. «Собирались, заседали, говорили и курили» — так острили рабочие по поводу деятельности эсеро-меньшевиков.

Первым на съезде стоял вопрос об отношении к Временному правительству, о создании революционной власти. Меньшевики и эсеры решительно отвергли мысль о переходе власти к советам. Запуганные саботажем буржуазии, привыкшие быть у нее на побегушках, эсеро-

«ЕСТЬ ТАКАЯ ПАРТИЯ!» ЛЕНИН.

Картина К. Ф. Юона.

Первый съезд совет в рабочих и солдатских депутатов. Заседание 4 июня 1917 года. Председательствует меньшевик Чхеидзе. На трибуне лидер меньшевиков Церетели заявляет: „Нет политической партии, которая говорила бы: дайте в наши руки власть!“ Ленин с места отвечает: „Есть такая партия!“ — это партия большевиков.

меньшевики прививали массам превратное представление о характере власти. Лидер меньшевиков Церетели настойчиво заявлял на съезде:

«В настоящий момент в России нет политической партии, которая говорила бы: дайте в наши руки власть, уйдите, мы займем ваше место...»[1]

— Такой партии в России нет! — громко настаивал Церетели в притихшем зале.

И вдруг, как удар грома, раздалось в ответ:

— Есть такая партия!

Это Ленин от имени партии большевиков решительно бросил с места меньшевикам.

Словно электрический ток пробежал по залу. Проснулась и заклокотала усыпленная эсеро-меньшевистская аудитория. Делегаты привстали, стараясь видеть того, кто бросил вызов хозяевам. Суетливо завозились в президиуме испуганные руководители. А Ленин уже шел к трибуне.

«Он говорил, что нет в России политической партии, которая выразила бы готовность взять власть целиком на себя, - сказал Ленин. — Я отвечаю: «есть!» Ни одна партия от этого отказаться не может, и наша партия от этого не отказывается: каждую минуту она готова взять власть целиком»[2].

Беспринципной, трусливой, двуличной тактике меньшевиков была противопоставлена смелая, твердая линия большевизма.

Многие делегаты знали Ленина только по клеветническим статьям буржуазных и эсеро-меньшевистских газет. Рядовым делегатам хотелось послушать вождя большевиков, о котором много и озлобленно писали защитники интересов буржуазии и мелкого мещанства. Хотелось от него лично услышать изложение большевистских взглядов. Делегаты притихли, прислушиваясь к спокойной, уверенной речи.

Заправилы съезда, заметив это, встретили заявление Ленина смехом и критическими замечаниями.

«Вы можете смеяться сколько угодно, — ответил им Ленин, — но если гражданин министр поставит нас перед этим вопросом рядом с правой партией, то он получит надлежащий ответ... Окажите доверие нам, и мы вам дадим нашу программу. Наша конференция 29 апреля эту программу дала. К сожалению, с ней не считаются и ею не руководятся. Видимо, требуется популярно выяснить ее»[3].

И Ленин стал излагать основные решения Апрельской конференции большевистской партии.

По мере хода речи постепенно менялось и настроение делегатов, особенно солдат. Они жадно вслушивались в слова Ленина о грабительской войне, которую продолжает правительство, о мире, которого не хотят и не могут дать ни буржуазное правительство, ни его мелкобуржуазные союзники. Шаг за шагом Ленин рассеивал туман лжи и клеветы, выдвигая стройную и необычайно понятную программу.

Либер. Карикатура Кукрыниксы.

Время, полагавшееся Ленину, истекало. В передних рядах, где сидели вожаки, раздался голос: «Не давать больше времени». В зале поднялся невероятный шум. Послышались протесты и требования продолжить время. Раздались аплодисменты. Они нарастали, захватывая все большую массу делегатов. Президиум под давлением протестов, проголосовав предложение, вынужден был продлить время. Вопрос решили рядовые делегаты — солдаты и рабочие, к которым дошло спокойное и уверенное слово Ленина.

Под аплодисменты этой части съезда Ленин закончил свою речь:

«Переход власти к революционному пролетариату при поддержке беднейшего крестьянства есть переход к революционной борьбе за мир в самых обеспеченных, в самых безболезненных, какие только знает человечество, формах, переход к тому, что власть и победа за революционными рабочими будут обеспечены и в России и во всем мире»[4].

Заявление Ленина о готовности большевиков взять власть в свои руки сделалось центром внимания всего съезда. Последующие ораторы меньшевиков и эсеров уже выступали лишь с возражениями Ленину. Керенский, Скобелев, Чернов, Филипповский, Дан и другие всячески доказывали необходимость соглашения

Дан. *Карикатура Кукрыниксы.*

с буржуазией и требовали, чтобы съезд поддержал правительство российских капиталистов.

В резолюции, предложенной фракцией большевиков, Временному правительству была дана резкая характеристика. Было указано, что оно не способно спасти страну от разрухи и дать мир трудящимся. Резолюция разоблачила «социалистических» меньшевиков, которые прикрыли своим авторитетом контрреволюционное правительство. Подчеркнув полный крах политики соглашения с буржуазией, резолюция большевиков предлагала передать власть в руки Всероссийского совета рабочих и солдатских депутатов.

Что же противопоставили меньшевики и эсеры революционной тактике большевиков? В эсеро-меньшевистской резолюции, принятой съездом, говорилось:

«Переход всей власти к советам рабочих и солдатских депутатов в переживаемый период русской революции значительно ослабил бы ее силы, преждевременно оттолкнув от нее элементы, способные еще ей служить, и грозил бы крушением революции»[1].

Первый съезд советов наглядно показал, как велика пропасть между революционной партией пролетариата — большевиками — и представителями мелкобуржуазных партий — меньшевиками и эсерами. Последние считали революцию законченной. Дальше перехода власти к буржуазии они итти не желали, да и не могли, ибо это было противно их интересам. Об этом недвусмысленно заявил на съезде меньшевик Дан, выступавший в числе других с критикой выдвинутой Лениным программы.

«Если бы у нас было сейчас, — сказал он, — министерство совершенно социалистическое, мы должны сказать, что другой политики кроме политики буржуазной революционной демократии это министерство вести не может. И это мы должны иметь в виду и тогда, когда — если это случится — власть попадет в наши руки»[2].

К счастью для революции этого не случилось: власть в руки Дана не попала.

Второе замечательное выступление Ленина на съезде относилось к вопросу о войне и мире. Ленин подверг уничтожающей критике лицемерие соглашательской, т. е. своднической политики меньшевиков и эсеров в вопросах войны и мира. Напомнив съезду обращение Петроградского совета к народам мира от 14 марта, в котором говорилось: «Откажитесь служить орудием захвата и насилия в руках королей, помещиков и банкиров», Ленин указал:

«Если вы говорите: «Откажитесь служить орудием в руках ваших банкиров», а собственных банкиров пускаете в министерство и сажаете с министрами-социалистами, вы превращаете все свои воззвания в ничто, всю свою политику на деле опровергаете...»[3]

«Вы запутались в противоречиях безысходных, — подчеркивал Ленин в другом месте своей речи. — Вы другим народам советуете: «Долой аннексии», а у себя их вводите. Другим народам вы говорите: «Банкиров свергайте», а своих вы не свергаете»[4].

Отношение большинства съезда к главному вопросу об организации власти предрешило и все остальные вопросы. Оставив власть в руках буржуазии, съезд тем самым свел значение своих половинчатых решений к нулю.

По основным вопросам большевики вносили и отстаивали свои предложения, создавая платформу для мобилизации масс на революционную борьбу. Через головы эсеро-меньшевистских «вождей» и съезда советов большевики обращались к массам. Отзвуки речей Ленина и большевистских резолюций проникали в глубокие слои трудящихся, зажигая их негодованием против соглашателей, успешно способствуя повышению классового самосознания рабочих.

Ярким примером роста влияния партии на массы была июньская демонстрация, прошедшая в дни съезда.

ВЫСТУПЛЕНИЕ ЛЕНИНА НА ПУТИЛОВСКОМ ЗАВОДЕ В ПЕТРОГРАДЕ В 1917 ГОДУ.

Деталь картины Н. В. Ерфеского

5.

ИЮНЬСКАЯ ДЕМОНСТРАЦИЯ.

Июньская демонстрация, как и апрельская, нарастала стихийно. Однако большевики к этому времени имели уже крепкие опорные пункты в рабочих массах Петрограда. В отличие от апрельской демонстрации в июне большевики уже могли ввести стихийно нараставшее недовольство в русло организованной борьбы. Оформляя и углубляя движение, Центральный комитет большевистской партии назначил мирную демонстрацию на 10 июня. Демонстрация должна была развернуться под большевистскими лозунгами: «Вся власть советам», «Долой десять министров-капиталистов», «Рабочий контроль над производством», «Хлеба, мира, свободы». Эта мирная демонстрация должна была выявить перед съездом советов волю петроградских рабочих и солдат, требовавших передать всю государственную власть в руки советов.

Возбуждение масс было подогрето распоряжением Временного правительства о выселении анархистов с дачи бывшего царского сановника Дурново. Приказ Временного правительства упал на раскаленную почву — анархисты занимали только часть здания, большая часть его была занята красногвардейцами и профсоюзами. Рабочие Выборгского района, в котором находилась дача Дурново, пришли в движение. Они увидели в действиях Временного правительства прямую защиту бывших министров, отличавшихся особенной преданностью самодержавию. Возмущение росло, перекидываясь из района в район. Демонстрация обещала вылиться в грандиозный протест против соглашателей, поддерживавших Временное правительство, подорвать к ним всякое доверие со стороны петроградского пролетариата или заставить их стать на путь твердой революционной политики.

Лидеры соглашательских партий, пронюхав о готовящемся выступлении, подняли крик о большевистском заговоре. Заявив на съезде советов, что большевистской демонстрацией хотят воспользоваться контрреволюционеры, они провели постановление съезда о запрещении демонстраций. Против большевиков, если они осмелятся выйти на улицу, выдвигались исключительные угрозы вплоть до изгнания их из советов. .

Вскоре, однако, выяснились истинные причины, по которым была запрещена демонстрация. 11 июня состоялось объединенное заседание президиума съезда советов и исполнительного комитета Петроградского совета, исполнительного комитета совета крестьянских депутатов и бюро всех фракций съезда. Заседание превратилось в суд над большевистской партией. Меньшевик Дан во главе специальной комиссии, обследовавшей вопрос о демонстрации, внес резолюцию, осуждающую большевиков:

«Попытка большевистских центров использовать недовольство и возбуждение широких трудящихся масс, возникающие на почве тяжелого экономического кризиса, для устройства демонстрации 9 июня с лозунгом низвержения Временного правительства и захвата власти советами была политической авантюрой, последствия которой были бы целиком учтены в свою пользу контрреволюцией»[1].

Дан снова заявил, что причиной отмены демонстрации явилось именно стремление контрреволюции использовать выход на улицу рабочих и солдат. Но никто не привел каких-либо данных или фактов, подтверждающих это заявление. Все в один голос твердили, что большевики за спиной съезда советов готовили заговор и вооружаются для боевого выступления.

Истинную причину запрета в запальчивости выдал меньшевик Церетели:

«Резолюция Дана не годна. Теперь не такие революции нужны. То, что произошло, является не чем иным, как *заговором*, заговором для низвержения правительства и захвата власти большевиками, которые знают, что другим путем эта власть им никогда не достанется... Пусть же нападают на нас большевики, теперь мы перейдем к другим методам борьбы. У тех революционеров, которые не умеют достойно держать в своих руках оружие, нужно это оружие отнять. Большевиков надо обезоружить... Нельзя оставить в их руках пулеметы и оружие. Заговоров мы не допустим»[2].

Контрреволюционная речь Церетели показала полную неспособность мелкобуржуазных партий к самостоятельной политике и откровенный страх перед выступлением революционного пролетариата. Гнев — плохой советник: Церетели в пылу раздражения выболтал, что эсеро-меньшевики готовят передачу всей полноты власти контрреволюционной буржуазии, расчищают пути для военной диктатуры типа диктатуры генерала Кавеньяка во Франции. Ленин тогда же писал об этом:

«Не Церетели или Чернов лично и даже не Керенский призван играть роль Кавеньяка —

Июньская рабочая демонстрация в Петрограде.

на это найдутся иные люди, которые скажут в надлежащий момент русским Луи Бланам: «Отстранитесь», — но Церетели и Черновы являются вождями такой мелкобуржуазной политики, которая делает возможным и необходимым появление Каваньяков... Ибо Каваньяк не случайность — «приход» его не единичный момент. Каваньяк — представитель класса (контрреволюционной буржуазии), проводник его политики. А именно этот класс, именно эту политику вы *сейчас* уже поддерживаете, господа эсеры и меньшевики!»[1]

Постановление о запрещении демонстрации было вынесено съездом советов, который считался высшим органом советов. Учитывая это, Центральный комитет большевистской партии подчинился постановлению съезда и отменил демонстрацию, назначенную на 10 июня. Но провести это решение в жизнь было трудно, так как постановление об отмене состоялось накануне поздно вечером. Однако большевики смогли удержать массы от выступления на улицу. Это был первый опыт проведения в жизнь сложного и трудного маневра: организовать отступление в условиях, когда стихийное недовольство масс бьет через край.

Эсеро-меньшевики отменили большевистскую демонстрацию, но они не устранили причин, толкавших массы на выступление. Делегаты съезда, побывав на заводах и в полках, всюду наблюдали среди рабочих и солдат ропот и бурное кипение сил, негодование, готовое прорваться наружу.

Когда делегаты рассказали о своих впечатлениях, съезд советов постановил назначить на 18 июня манифестацию, чтобы дать выход настроению масс и попытаться повести их под соглашательскими лозунгами. Кроме того эсеро-меньшевики хотели померяться силами с большевиками и рассчитывали взять в свои руки манифестацию.

Восемнадцатое июня было выбрано для манифестации не случайно. Мелкобуржуазные лидеры знали, что в этот день начинается наступление на фронте. Манифестация доверия съезду должна была одобрить и наступление на фронте.

Но соглашатели просчитались. 18 июня на улицы вышло около пятисот тысяч рабочих и солдат. Со всех концов города потянулись к центру демонстрации с красными знаменами и революционными плакатами. Подавляющее большинство демонстрантов шло под большевистскими лозунгами. Редко-редко попадались одиночные плакаты с выражением доверия Временному правительству. Их встречали свистом и смехом, и небольшие группы, шедшие с «доверием», спешили поскорее пройти.

Гнусную клевету о заговоре большевиков демонстрация развеяла, как дым. О каком заговоре могла итти речь, когда на улицы, демонстрируя свою волю, вышел весь революционный Петроград? Было ясно, кто за кого: за «доверие правительству» — небольшие группки жавшихся друг к другу демонстрантов, за большевистские лозунги — сотни тысяч рабочих масс.

Сталин так описал эту демонстрацию:

«Бьющая в глаза особенность: ни один завод, ни одна фабрика, ни один полк не выставили лозунга «доверия Временному правительству». Даже меньшевики и эсеры *забыли* (скорее — не решились) выставить этот лозунг. Было у них все, что угодно: «Долой раскол», «За единство», «Поддержка совету», «За всеобщее обучение» (не любо — не слушай), — не было только главного: не было *доверия* Временному правительству хотя бы с хитрой оговорочкой — «постольку, поскольку». Только три группы решились выставить лозунг доверия, но и те должны были раскаяться. Это — группа казаков, группа «Бунда» и группа плехановского «Единства». «Святая троица!» острили рабочие на Марсовом поле. Двух из них рабочие заставили свернуть знамя («Бунд» и «Единство») при криках «долой». У казаков, не согласившихся свернуть знамя, изорвали последнее. А одно безыменное знамя с «доверием», протянутое «на воздухе» поперек входа на Марсово поле, было уничтожено группой солдат и рабочих при одобрительных замечаниях публики: «Доверие Временному правительству *повисло в воздухе*»[1].

Демонстрация революционных моряков в июньские дни в Петрограде.

Июньская демонстрация в Гельсингфорсе.

Короче — недоверие правительству со стороны громадного большинства демонстрантов при явной трусости меньшевиков и эсеров выступить «против течения» — таков общий тон демонстрации.

Демонстрация вскрыла огромный рост влияния большевистской партии. Массы не только несли большевистские знамена и поддерживали большевистские лозунги.

Тысячи рабочих открыто признавали себя большевиками.

Соглашатели не могли скрыть своего поражения.

Центральный орган меньшевиков заявлял, что надеялись провести манифестацию доверия советам и Временному правительству, а на деле

«манифестация 18 июня превратилась в манифестацию недоверия Временному правительству...

С внешней стороны манифестация 18 июня производила удручающее впечатление. Казалось, что революционный Петроград разошелся с Всероссийским съездом советов. Несколько дней... тому назад съезд выразил доверие Временному правительству.

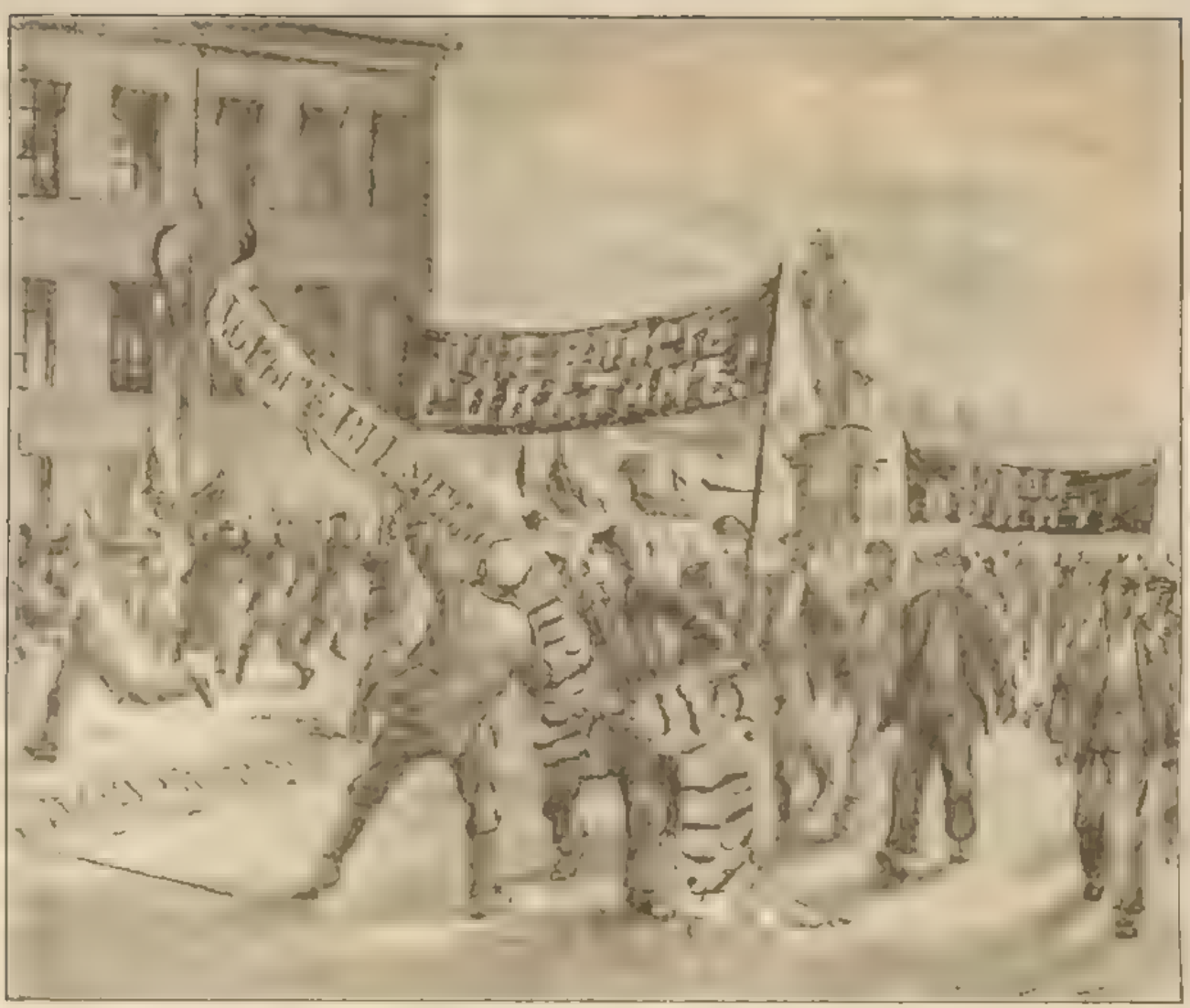
Восемнадцатого июня революционный Петроград как будто выразил тому же Временному правительству свое полное недоверие»[1].

Провал мелкобуржуазных соглашателей среди петроградского пролетариата признала вся буржуазная и меньшевистская печать.

Все в один голос твердили о победе большевиков: меньшевики и эсеры — с огорчением, кадеты — с тревогой, монархисты — со злорадством.

«Воскресная демонстрация обнаружила полное торжество «большевизма» в среде петроградского пролетариата и гарнизона»[2] — такой итог подвела всем наблюдениям левоменьшевистская «Новая жизнь».

Но особую тревогу вызвала демонстрация среди буржуазии.



НАСТУПЛЕНИЕ РУССКИХ АРМИЙ

в июне 1917 года

Временное правительство

МОСКВА
ЧЕРНОЕ МОРЕ
БУХАРЕСТ
ВОРОНЕЖ
САРАТОВ
САМАРА
АСТРАХАНЬ
ЕКАТЕРИНОДАР
ГРОЗНЫЙ
ВОЛГА

6.

НАСТУПЛЕНИЕ РУССКИХ ВОЙСК НА ФРОНТЕ.

Буржуазия нервно следила за поведением соглашателей. Она давно уже чувствовала сотрясение почвы под их ногами. Кадеты, руководящая партия буржуазии и помещиков, все более мрачно оценивали падающее влияние своих «союзников» — эсеров и меньшевиков. Реакция лихорадочно изобретала новые методы для удержания за собой масс. Таким средством по общему признанию буржуазии и ее мелкобуржуазных союзников должно было стать наступление на фронте. Расчет кадетов был чрезвычайно прост: с помощью соглашателей увлечь армию в наступление. Продолжение войны неминуемо вело к усилению военщины. Этим самым уничтожалось двоевластие, и вся полнота власти переходила в руки буржуазии. Успехи на фронте должны были вызвать новую волну патриотизма и усилить оборонческие настроения. Под грохот войны можно было отложить, а потом и совсем снять жгучие вопросы революции — о земле, о положении рабочих.

Оправдываясь необходимостью сосредоточить все силы на борьбе с внешним врагом, контрреволюция получала возможность перейти к насилиям, арестам, расстрелам тех, кто агитировал против войны.

Наступление на фронте и в случае провала приносило свои плоды буржуазии. При неудаче можно было свалить всю вину на большевиков.

Активных действий требовали и англо-французские империалисты. Они давно уже поняли, что Россия не способна продолжать войну. Не случайно Америка выступила против Германии сразу после Февральской революции: солдаты Соединенных штатов должны были сменить измученные армии России. Но для переброски войск нужно было время, а пока надо было заставить русских отвлечь к своему фронту как можно больше германских корпусов, надо было

> «удержать всеми мерами хотя бы часть русских войск, чтобы не дать Германии перебросить все свои армии на Запад» [1],

как говорит в своих воспоминаниях представитель Англии при Ставке генерал Нокс.

Пресса империалистов изо дня в день упрямо требовала наступления. Дипломаты обивали пороги Министерства иностранных дел, настаивая на боевых действиях. Из Англии, Франции, Америки приезжали делегации социал-демократии уговаривать русский народ «выполнить свой долг». Гендерсон, Томас, Тома, крупнейшие представители международного соглашательства, ездили по фронту, посещали казармы, фабрики, убеждая «именем революции» воевать.

Во французской газете «Information» 16 мая 1917 года появилось сообщение, что Америка согласна предоставить России большой заем при условии «встречных гарантий».

> «Из этого заключают, — писала газета, — что секретная нота, посланная САСШ России, требует гарантий отказа от сепаратного мира и обещаний сотрудничества в полном объеме. Считают, что такая конкретная гарантия со стороны России предусматривается в виде начала наступления на русском фронте» [2].

Империалисты хотели купить русскую армию, как покупают для бойни скот. Полуколониальная зависимость России при буржуазном Временном правительстве стала еще большей, чем при царе.

Нарастание недовольства в массах и слухи о подготовляемой демонстрации ускорили организацию наступления на фронте. На деньги англо-французских империалистов накапливались запасы снарядов, пушек и пулеметов. Спешно перебрасывались надежные части в ударные пункты.

Эсеро-меньшевистские агитаторы заполонили фронт. Уговаривая и угрожая, обещая и обманывая, они призывали солдат «именем революции» итти в наступление. До каких пределов доходил обман — можно судить по одному примеру, рассказанному солдатом 6-го Финляндского полка.

Полк долго не поддавался на уговоры. Но вот прибыла делегация гвардейского корпуса и заявила от имени всех полков гвардии, что они повернут штыки против финляндцев, если те откажутся выступать.

Солдаты были подавлены известием, что они одиноки. Под нажимом офицеров и прибывшей делегации полк нехотя поднял руки за наступление.

По словам солдата Финляндского полка

> «артиллерийская подготовка к атаке была произведена блестяще. Проволочные заграждения противника были сметены, и наш полк с небольшими потерями ворвался в первую линию полуразрушенных немецких окопов. Вторая и третья линии обороны были взяты с боем. Контратака обошлась дорого немцам. Около двухсот трупов рослых немецких

Представители российской буржуазии агитируют солдат на фронте идти в наступление.

юношей и молодых мужчин в тельных сетках с расстегнутыми мундирами лежало в разных позах, уткнувшись в землю.

За третьей линией наши цепи залегли и потребовали смены, так как еще на митинге один из гвардейских делегатов заявил, что гвардия сменит нас, как только мы прорвем линии обороны германцев. Все усилия генералов толкнуть нас в дальнейшее наступление кончились ничем. 6-й Финляндский полк заявил, что условие свое выполнил и ждет гвардию для смены. Так как смена откладывалась, то солдаты и солдатская часть полкового комитета выделили делегацию в части гвардейского корпуса.

Каково же было наше озлобление и ярость, когда мы узнали, что солдаты гвардейского корпуса и не собирались наступать, что им так же грозят финляндскими стрелками, как нам — гвардейцами, а делегация, бывшая у нас, — это просто меньшевистская группа корпусного комитета, с которым никто из солдат-гвардейцев не считается, так как фактически всем корпусом руководит один из большевистски настроенных дивизионных комитетов. Нас обманули самым бессовестным образом»[1].

План наступления был разработан еще до революции. 17 и 18 декабря 1916 года в Ставке состоялось совещание командующих фронтами, представивших свои схемы атаки. Тогда же Николай II приказал начать весной наступление

«с нанесением главного удара из района 11-й и 7-й армий в направлении на Львов и произвести второстепенные удары на остальных фронтах»[2].

Генералы Временного правительства даже не затруднили себя выработкой нового стратегического плана: они попросту вытащили старый царский план. И тут, как и во всем, Временное правительство наследовало бездарную политику самодержавия.

Первоначально наступление было намечено на 10 июня, но в это время заседал съезд советов. Авантюру нужно было прикрыть согласием

оборонцев. Керенский попросил отсрочить наступление, пока он не добьется одобрительной резолюции. Из Ставки ответили согласием отложить наступление на два дня — не больше, ибо «противник уже ясно чувствует подготовку с нашей стороны»[1], пояснил главнокомандующий генерал Брусилов.

Прошло два дня. Резолюции не было, и генералы стали нервничать. Брусилов по прямому проводу вызвал 12 июня Керенского, настаивая на немедленном приезде. Занятый уговариванием делегатов съезда, Керенский послал на переговоры начальника кабинета военного министерства.

«Резолюция будет вынесена сегодня или завтра, — успокаивал этот начальник Брусилова, — сильно задержалась событиями в Петрограде, а именно выступлением большевиков... К нам уже прибывало немало делегаций с фронта от частей... Каждой из этих делегаций министр разъяснил, что приказания их начальников должны исполняться беспрекословно... Все они уехали в общем удовлетворенные, но это показывает, *что для верности приезд* туда на место самого министра с *резолюцией солдат и рабочих*, в дополнение к резолюции крестьянского съезда, совершенно необходим»[2].

Захватив резолюцию съезда, одобрившую продолжение войны, Керенский уехал на фронт.

Наступление началось 18 июня.

В Петрограде тысячи рабочих и солдат сурово маршировали с требованием мира, а на фронте сотни тысяч шли навстречу смерти.

В Петрограде пролетарские массы голосовали против Временного правительства, а на фронте тысячи людей гибли по приказу и во имя этого же правительства.

На улицах революционной столицы рабочие рвали знамена «доверия правительству», а на фронте под этими же знаменами рвались снаряды, калеча и убивая тысячи лучших трудящихся страны.

Удар по австро-немецким армиям был нанесен на фронте в 70 километров, между деревнями Здвижино и Топелиха, где собрали 312 батальонов — около 300 тысяч солдат. Сюда

Агент французской буржуазии министр-социалист Альбер Тома агитирует на русском фронте за наступление.

«Кандидат в Наполеоны»—Керенский. *Шарж Моора.*

же привезли около 800 легких пушек и более 500 средних и тяжелых орудий. После двухдневной артиллерийской подготовки части перешли в наступление. 7-я армия заняла окопы неприятеля. Но бездарные генералы не сумели использовать успех. Подкрепления где-то застряли, подходили медленно. Противник выиграл время, накопил силы и заставил русских отойти.

На фронте 11-й армии повторилась та же картина. Полки, заняв окопы, не знали, что делать дальше. План армии не был рассчитан на победу. Части топтались на месте. Время уходило, противник усиливался и переходил в контрнаступление.

Совершенно неожиданно для тупых генералов 25 июня началось успешное наступление 8-й армии. Ставка решает на ходу перепрячь лошадей: переменить план наступления, перебросив пополнения из 7-й армии в 8-ю. Но смелый маневр оказался не по способностям старым генералам. Приказы писались бесконечно долго. Еще дольше подыскивали нужные части, а когда, наконец, нашли, противник нанес 6 июля сокрушительный контрудар.

Подготовленное наспех, построенное на обмане и хитрости, наступление Керенского — Брусилова провалилось. Через четыре-пять дней обнаружилось все противоречие между солдатской массой и буржуазным командным составом. Искусственно созданный боевой порыв быстро иссяк, и части, силой и обманом погнанные в атаку, кинулись обратно в тыл.

Армии Юго-западного фронта за десять дней наступления потеряли около 60 тысяч человек. Такова была кровавая цена авантюры Керенского.

Как долго ни подготовляли наступление, удар оказался необеспеченным. Планы не были разработаны. За отсутствие детального плана был снят по приказу Керенского командующий одной из армий. Технически атака была оборудована из рук вон плохо. В 10-й армии на фронте II Кавказского корпуса вместо 18 блиндированных батарей соорудили только 3, вместо 30 тысяч шагов окопов нарыли лишь 5 тысяч. В I Сибирском корпусе той же армии приготовили около трети намеченных окопов. Нехватило ружейных патронов. Обучение частей было проведено далеко не удовлетворительно.

Многие солдаты даже не умели стрелять из винтовок. Использование резервов, связь частей были поставлены из рук вон плохо.

«Что же удивительного, — с горечью признал один из военных комиссаров Временного правительства Станкевич, — что наше

«В наступлении». *Карикатура немецкого художника.*

наступление окончилось неудачей... Не в полнейшей ли неподготовленности лежит секрет наших боевых неудач при наступлении противника на Юго-западном фронте?»[1]

Армии оказались технически неподготовленными — так признал один из активнейших организаторов наступления. Но буржуазия нашла другие причины: она попробовала свалить неудачу на большевиков.

Еще 23 июня, как только получились первые известия о поражении, генерал Брусилов срочно телеграфировал Керенскому:

«... настроение на фронте пятой армии очень скверное.

... части отказываются занимать позиции и категорически высказываются против наступления... В некоторых полках открыто заявляют, что для них кроме Ленина нет других авторитетов... *Считаю, что оздоровление в армии может последовать только после оздоровления тыла, признания пропаганды большевиков и ленинцев преступной, караемой как за государственную измену...*»[2]

Царский генерал открыл тайну наступления: дело было не столько в войне с Германией, сколько в борьбе с революцией.

Наступление на фронте провалилось, а вместе с ним провалился и маневр кадетов. Буржуазия поняла не только факт утраты соглашателями влияния на массы, но и то, что армия уплывала из рук. Революция в армии к июньскому наступлению завоевала твердые позиции, угрожая полностью отбить армию у реакции.

7.

РОСТ РЕВОЛЮЦИИ В АРМИИ.

Буржуазия и ее лакеи забрасывали фронт тучами листовок. 150 армейских газет изо дня в день убеждали солдат оставаться на фронте. Сбитые вначале с толку демагогией социалистов-оборонцев, солдатские массы угрюмо отмалчивались.

Пока «наверху» шла лихорадочная работа по собиранию сил для овладения массой, «внизу» шел такой же лихорадочный процесс по освобождению масс от доверия к «верхам» и самообмана. Сухие донесения штабов регистрировали факты «разложения» армии день за днем.

Вот как характеризовали положение командующие фронтами, съехавшиеся на заседание 4 мая 1917 года.

Командир Юго-западного фронта генерал Брусилов:

«Один из полков заявил, что он не только *отказывается наступать*, но желает уйти с фронта и разойтись по домам. Комитеты пошли против этого течения, но им заявили, что их сместят. Я долго убеждал полк, и когда спросил, согласны ли со мной, то у меня попросили разрешения дать письменный ответ. Через несколько минут передо мной появился плакат: «Мир во что бы то ни стало, долой войну...» В результате мне дали слово стоять, *но наступать отказались*, мотивируя это так: «Неприятель у нас хорош и сообщил нам, что не будет наступать, *если не будем наступать мы*. Нам важно вернуться домой, чтобы пользоваться свободой и землей, — зачем же калечиться»[3].

Генерал Драгомиров дополняет:

«Господствующее настроение в армии — жажда мира. Популярность в армии легко может завоевать всякий, кто будет проповедывать мир без аннексий и предоставление самоопределения народностям... Стремление к миру является настолько сильным, что *приходящие пополнения* отказываются брать вооружение — «зачем нам, мы воевать не собираемся...»[4]

Генерал Щербачев, командующий Румынским фронтом, сообщает:

«Недавно назначенный, я успел объехать все подчиненные мне русские армии, и впечатление, которое составилось у меня о нравственном состоянии войск и их боеспособности, совпадает с теми, которые только что были вам подробно изложены... Укажу только на одну из лучших дивизий русской армии, заслужившую в прежних войсках название «железной» и блестяще поддержавшую свою былую славу в эту войну. Поставленная на активный участок, дивизия эта отказалась начать подготовительные для наступления инженерные работы, мотивируя нежеланием наступать»[5].

По солдатским письмам можно легко проследить те пути, которыми революция прокладывала себе дорогу к победе.

Крутой перелом от самодержавной монархии к политической свободе, вовлечение в революционную борьбу миллионов людей, до сих пор бывших рядовыми обывателями, на первых порах создавали оборонческие настроения, державшие мысль солдата в плену.

«Приветствуем и присоединяемся к лозунгу главнокомандующего «война до победы», пишет солдат в начале Февральской революции, но тут же продолжает: «Одни истрепались, а другие прикрылись законом старого режима и капиталом. Они сидят и блаженствуют. Немедленно таковых вместе с жандармами, стражниками и полицейскими в окопы, а кто много страдал, того в Россию на их место» [1].

В солдатских письмах за март яснее пробивалась все та же мысль, принимая уже более определенную классовую окраску:

«Мы все хорошо чувствуем и понимаем, что нам нужно. Подай бог только победить нам внешнего врага, а потом мы возьмемся за внутренних, т. е. за помещиков» [2].

Тут же подчеркнута и главная цель: «От помещиков отобрать землю» [3].

«Мы очень рады все свободе, шибко ужасно умирать при таких открытых дверях в России... Каждому... солдатику охота посмотреть на светлую, милую теперешнюю жизнь, которую ждали 307 лет... Но всему беда: это кровопролитие не умолкнет никак» [4], жалуется третий.

И, наконец, в письме, посланном с фронта в апреле, подчеркивается:

«Пусть же эти господа знают, как армия хочет, как один человек, воевать до полной победы, и пусть эти господа принимают самые решительные меры к ликвидации этой ужасной и бесполезной бойни и как можно скорее, а то будет поздно» [5].

А солдат, писавший по поручению 31-го Алексеевского полка 8-й пехотной дивизии, конкретно указывает и срок, до которого будет ждать армия...

«Если еще будут продолжать долго, то мы даем честное слово, что 15 мая бросим фронт, и тогда пусть погибают не только солдаты, находящиеся в первой линии, но и вся Россия» [6].

Солдатская масса чрезвычайно быстро освобождалась от оборонческих иллюзий. Военные организации, созданные при Центральном комитете большевистской партии, а потом и во всех крупных городах, развернули колоссальную работу. Опираясь на вкрапленных в полки пролетариев, военные организации большевиков создавали ячейки в отдельных частях, распространяли литературу, организуя митинги и доклады. В Петрограде вышла «Солдатская правда» сразу в 50 тысячах экземпляров, внося организованность там, куда не достигал еще партийный аппарат. На фронте вышла «Окопная правда». На военных газетах особенно ярко подтвердилась та характеристика, которую газете дал Ленин, назвав ее «коллективным организатором» [7]: корреспонденты, писавшие в газеты, становились организаторами большевистской работы в частях, а читатели — рядовыми большевиками.

Большевистские газеты вскоре завоевали величайшую любовь, популярность и авторитет в среде солдат. Газетам в армии оказывали материальную поддержку, на их выпуск отдавались не только последние копейки, но и медали, нательные и георгиевские кресты, обручальные кольца и т. п.

Ни бешеная травля, ни запрещения не могли приостановить проникновения газет в армию. Более того, солдатами и рабочими в прифронтовой полосе был создан самоотверженно работающий аппарат распространения. Каждый номер газеты зачитывался буквально до дыр. При содействии железнодорожников, почтовиков, шоферов, с помощью походных кухонь газета проникала не только в окопы, но и распространялась по живой цепи сторожевого охранения, стоявшего непосредственно против «неприятеля».

Трудности большевистской работы по высвобождению масс из-под буржуазного влияния несколько более возрастали в национальных частях. Здесь приходилось бороться не только с всеро-меньшевиками, но и с национальными предрассудками.

К задаче разоблачения Временного правительства присоединилась задача высвобождения трудящихся из-под влияния своей национальной буржуазии, также стоявшей за продолжение империалистской войны. Однако и здесь рабочие и крестьяне вскоре на собственном опыте убедились в правильности большевистских указаний.

Военная организация большевистской партии развернула огромную работу в армии. Уже к концу апреля половина петроградского гарнизона находилась под большевистским влиянием. В Павловском, Измайловском, Преображенском, Финляндском и других полках были уже свои стойкие организации.

Военная организация Центрального комитета большевиков была связана с полками на фронте и с рядом тыловых гарнизонов. Как велико было ее влияние, можно судить по Всероссийской конференции военных организаций большевистской партии.

На фронте. За чтением известий о революционных событиях.

Конференция открылась 16 июня. Были представлены делегаты 48 фронтовых и 17 тыловых организаций. Прибыли делегаты от 500 полков, разбросанных по четырем важнейшим фронтам и тридцати крупнейшим центрам страны.

Не было только представителей Кавказа и Восточной Сибири.

Около 160 делегатов представляли приблизительно 26 тысяч организованных в коммунистические ячейки солдат.

За десять дней — с 16 по 26 июня — конференция под руководством Центрального комитета партии проделала огромную работу.

Кроме докладов с мест, давших яркую картину положения на фронте, в порядке дня стояли общие вопросы: организация власти советов рабочих и солдатских депутатов — докладчик Ленин; национальное движение и национальные полки — докладчик Сталин; аграрный вопрос — докладчик Ленин и др.

В армии ко времени конференции развернулось широкое национальное движение. Комплектовались национальные полки. Солдаты одной национальности перебрасывались с фронта на фронт. Шла массовая агитация по созданию национальных частей. В то время как национальная буржуазия добивалась формирования национальных частей и надеялась этим путем создать себе опору для борьбы с революцией, наиболее реакционная часть командной верхушки всячески сопротивлялась этим формированиям. Играя на шовинистических предрассудках, воспитанных царизмом, великодержавные угнетатели стремились направить солдатскую массу против национальных формирований.

На конференции отдельные делегаты выступали против украинских формирований. Делегаты доказывали, что создание украинских частей в условиях войны затруднительно с чисто технической стороны, что требование украинизации исходит не от всего народа, а только от украинских помещиков.

Нужна была четкая большевистская линия. Эта линия была дана в докладе Сталиным.

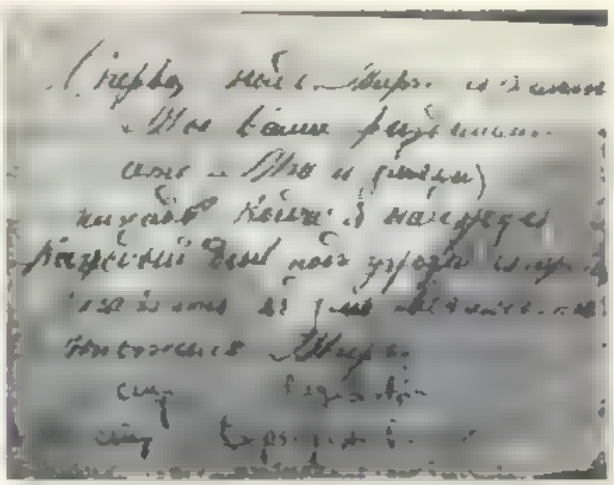
Показав великодержавную суть национальной политики Временного правительства, Сталин противопоставил ей большевистскую национальную программу — самоопределение национальностей вплоть до отделения.

«Конференция твердо убеждена, — гласит резолюция, предложенная Сталиным, — что только решительное и бесповоротное признание права наций на самоопределение, признание на деле, а не на словах только могло бы укрепить братское доверие между народами России и тем проложить дорогу действительному их объединению, объединению добровольному, а не насильственному, в одно государственное целое»[1].

По вопросу о создании национальных частей конференция единогласно постановила:

«Будучи убеждена в том, что образование национальных полков вообще не в интересах трудящихся масс — хотя, конечно, право на образование таких полков за каждой национальностью конференция не отрицает, — конференция выражает твердую уверенность, что пролетариат Украины вместе

Солдатская вопрос на митинге докладчику соглашательских партий.



с пролетариатом всей России, заинтересованный в замене постоянной армии всенародной милицией, будет бороться против превращения национальных полков Украины в постоянную отдельную от народа армию» [1].

Резолюция конференции дала твердую основу для работы партии в национальных частях. Осудив всякие проявления великодержавности, конференция вместе с тем предупредила и возможные перегибы в сторону местного национализма и потребовала развертывания настойчивой работы по большевизации национальных частей. Четко проведенная борьба на два фронта в докладе Сталина сыграла исключительную роль в привлечении национальных частей на сторону революции, особенно в октябрьские дни.

Всероссийская конференция фронтовых и тыловых военных организаций большевистской партии подвела итог четырехмесячной борьбе революции и контрреволюции за армию: результаты явно говорили о том, что победа клонится на сторону революции.

Окончательно добиться победы можно было, только усилив борьбу, только развернув работу в тылу и на фронте.

Но конференция подчеркнула еще одно достижение большевистской партии, а именно: успешную борьбу по созданию пролетарской милиции, по созданию Красной гвардии.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

КРАСНАЯ ГВАРДИЯ.

1.

ПРОЛЕТАРСКАЯ МИЛИЦИЯ.

На успех перекрасившись в «республиканцев», буржуазия всемерно заботилась сохранить свои основы и опоры, а в первую очередь — удержать в своих руках армию и полицию. На фронте убрали с полдюжины царских генералов. Некоторых перебросили на менее значительные посты. Армию переименовали из «императорской» в «революционную».

Городовые и жандармы как организованная сила были ликвидированы по всей стране, частью были отправлены на фронт, частью тоже «перекрасились» или спрятались, чтобы появиться в удобный момент на сцену. Получив власть из рук революции, Временное правительство не могло восстановить старую полицию, но тотчас же попробовало создать новую полицейскую силу: учредило «народную» милицию с выборными должностями, подчинив ее старым городским думам и земствам. Людей в «народную» милицию тщательно отбирали: петроградская милиция, например, в первые дни состояла лишь из студентов и офицеров. Ленин писал по этому поводу:

«Главное для помещиков и капиталистов в настоящее время, когда они убедились в силе революционных масс, — *отстоять* наиболее существенные учреждения старого режима, отстоять старые орудия угнетения: полицию, чиновничество, постоянную армию. «Гражданскую милицию» стараются свести на старое, т. е. на небольшие, оторванные от

народа, стоящие возможно ближе к буржуазии отряды вооруженных людей под командой лиц из буржуазии»[1].

Двигать революцию вперед можно было, только разрушив старый аппарат власти с его полицией и армией. Буржуазному маневру «народной» милиции большевистская партия противопоставила лозунг пролетарской милиции, лозунг всеобщего вооружения пролетариата.

«Единственная *гарантия* свободы и разрушения царизма до конца есть *вооружение пролетариата*»[2],

писал Ленин в своем первом письме по поводу Февральской революции.

Речь шла, однако, вовсе не о борьбе за руководство вновь созданной милицией и даже не о создании вооруженной силы для несения сторожевой, охранной службы или для «наблюдения за внешним порядком». Создание пролетарской милиции в том виде, как ее намечал Ленин, означало гораздо большее.

Среди причин, определивших захват власти буржуазией в февральские дни, особое значение имела ее организованность. В земских и городских учреждениях, в Государственной думе, в военно-промышленных комитетах буржуазия за время войны создала себе готовые политические организации, с которыми и встретила революцию. Царизм жестоко расправлялся с пролетарскими организациями, но не трогал буржуазных. Напротив, царизм заботливо укреплял последние для успешного ведения войны и особенно для борьбы с революцией.

Пролетариату приходилось спешно заняться созданием своих организаций. Но дело шло не только об обычной организации, т. е. о создании профессиональных союзов и т. п. На данном этапе этого было мало.

В переходный период от первого этапа революции ко второму пролетариат нуждался в построении организации нового типа, способной упрочить его революционную *власть*.

Лозунг пролетарской милиции прежде всего давал оружие в руки пролетариата, вел к всеобщему вооружению трудящихся. Мало того, выдвигая лозунг пролетарской милиции, большевистская партия требовала допущения в нее женщин. Миллионы женщин-работниц впервые втягивались в политику, становились активными участницами общественной жизни, вырывались из-под буржуазного влияния.

Новая милиция, опираясь на трудящихся, могла бы взять на себя борьбу с надвигающимся голодом, контроль над правильным распределением хлеба и других продуктов, над бесперебойной работой фабрик и заводов.

Но выполнить свои задачи пролетарская милиция могла бы лишь при условии оплаты труда милиционеров за счет капиталистов. Разумеется, для этого нужно было сломить саботаж буржуазии и передать в рабочие руки подлинный контроль над производством.

Таким образом, осуществление лозунга пролетарской милиции приводило с неизбежностью к разрушению старого аппарата власти — полиции и армии, вовлекало в общественную службу огромные кадры трудящихся, могущих с успехом заменить царских чиновников. Пролетарская милиция превращалась в политическую школу для широких слоев рабочего класса. Обучая народ владеть оружием, пролетарская милиция вырастала в классовую армию, способную бороться за власть советов.

Это была борьба не только за создание пролетарских кадров восстания. Военно-техническая подготовка восстания, создание материальной военной силы для совершения переворота являлись лишь частью этого лозунга. Требование организации пролетарской милиции поднимало всю проблему власти, указывало пути вовлечения огромных масс в политику, отвоевывало их у буржуазии для дела революции. Пролетарская милиция вплотную подводила массы к борьбе за власть.

Ленин писал об организации милиции:

«Товарищи рабочие, убеждайте крестьян и весь народ в необходимости создания всеобщей милиции взамен полиции и старого чиновничества!.. Не удовлетворяйтесь буржуазной милицией ни в коем случае. Привлекайте женщин к несению общественной службы наравне с мужчинами. Добивайтесь непременно, чтобы капиталисты платили рабочим за дни, посвященные общественной службе в милиции!

Учитесь демократии на практике, тотчас, сами, снизу, поднимайте массы к действенному, непосредственному, всеобщему участию в управлении — в этом и только в этом залог полной победы революции и ее твердого, обдуманного, планомерного шествия вперед»[3].

Партия не выдвинула особого, детально разработанного плана создания пролетарской милиции. Такую исключительно глубокую и широкую по охвату задачу трудно было уложить в узкую схему. Напротив, партия подчеркивала, что пролетариат будет подходить равными путями к этой задаче.

«В одних местностях России, — писал Ленин,—февральско-мартовская революция дает ему (пролетариату. *Ред.*) почти полную власть в руки, в других — он, может быть, «захватным» путем станет создавать и расширять пролетарскую милицию, в третьих — он будет, вероятно, добиваться немедленных выборов на основе всеобщего и т. д. избирательного права в городские думы и земства, чтобы создать из них революционные центры и т. п.,

пока рост пролетарской организованности, сближение солдат с рабочими, движение в крестьянстве, разочарование многих и многих в годности военно-империалистского правительства Гучкова и Милюкова не приблизят час замены этого правительства «правительством» совета рабочих депутатов» [1].

По всей стране началась организация пролетарской милиции. В тех местах, где были сконцентрированы значительные массы пролетариата, где большевики имели свои крепкие организации, там пролетарская милиция строилась буквально по плану, набросанному Лениным. Так в Канавине, заречной части Нижнего Новгорода, где большевики были сильны, почти на всех 16 заводах с 30 тысячами рабочих была введена милиция, оплачиваемая капиталистами. Буржуазия пыталась свести ее роль только к охране предприятий и «порядка». Но по существу канавинская милиция являлась местной властью: рабочие контролировали производство, следили за распределением продовольствия, улаживали конфликты между предпринимателями и рабочими и т. д. Именно по поводу канавинцев Ленин писал:

«На этот верный путь вступают рабочие массы сами. Пример нижегородских рабочих должен стать образцом для всей России» [2].

Близко к этому образцу подошли и рабочие Орехово-Зуева. С самого начала Февральской революции в Орехове сколотилось крепкое большевистское ядро. Рабочие взяли в свои руки общегражданскую милицию, куда буржуазия успела понабрать гимназистов. Большевистская организация создала специальный штаб для руководства боевой подготовкой рабочих. Штаб, руководя боевыми дружинами, поставил топографическую работу по изучению города на случай уличных боев, организовал разведывательный отдел, «чтобы знать настроение местной контрреволюции». Оружие для пролетарской милиции орехово-зуевские большевики достали, «применяясь к местным условиям». «Для смычки с рабочими» был приглашен командный состав стоявшего недалеко от города полка.

«Угостили их, напоили как следует, — рассказывает ореховский рабочий М. И. Петроков, — кроме того дали им сукна хорошего и,

Милиция Киевского совета рабочих и солдатских депутатов в февральские дни.

таким образом, завладели их винтовками в количестве 300 штук и до 61 тысячи боевых патронов. В ту же ночь все это было привезено к нам»[1].

Так же, как в Канавине, орехово-зуевская милиция олицетворяла фактическую власть пролетариата в районе. Без утверждения и согласия милиции представители Временного правительства не могли провести ни одной меры, и с ее помощью рабочие Орехово-Зуева добились весьма значительных успехов в своей экономической борьбе.

В октябрьских боях орехово-зуевцы приняли деятельное участие: дрались с юнкерами в Москве не хуже московских рабочих.

В других районах создавались партийные дружины, постепенно вовлекавшие и беспартийных рабочих. В Екатеринославе еще до Февральской революции в подполье была организована боевая дружина, вооруженная револьверами. Задачей дружины было обслуживать «только массовки и собрания в квартирах в целях предупреждения провалов, а также чтобы пугать шпиков»[2].

После революции дружина стала быстро пополняться членами большевистской организации. К концу апреля она была переименована в Красную гвардию, однако от поступающих в нее требовалась партийная большевистская рекомендация.

На Урале пролетарская милиция выросла в борьбе с проявлениями контрреволюции.

Так в Троицке казаки, стоявшие 1 мая на карауле у винного склада, сорвали замки и пломбы и достали водку. Начался пьяный разгром винного склада; между пьяными шныряли темные личности, подстрекая «разгромить» евреев. Большевики созвали экстренное совещание, на котором было постановлено мобилизовать всех членов партии в отряды для обороны и защиты граждан города Троицка.

Обратились с призывом и к беспартийным рабочим. На промышленных предприятиях были немедленно сформированы отряды под руководством членов партии большевиков. Оружие получили из штаба 131-го запасного пехотного полка. Через две недели по водворении порядка часть оружия сдали, а часть попрятали на предприятиях. В дальнейшем рабочие отряды в Троицке боролись с контрреволюционными вылазками местной буржуазии, кулачья и офицерства, выступая на митингах, освобождая большевиков из тюрем. После Октябрьской революции троицкие большевики пробовали оружие в схватках с бандами атамана Дутова.

Но в большинстве районов России строительство пролетарской милиции шло путем создания отрядов Красной гвардии. Красная гвардия стала наиболее типичной формой пролетарской милиции.

2.

КРАСНАЯ ГВАРДИЯ В СТОЛИЦЕ.

В Петрограде с первых же дней революции начался бурный процесс самовооружения пролетариата. Рабочие вынудили мелкобуржуазных руководителей совета санкционировать сверху то, что уже явочным порядком было захвачено снизу. 28 февраля всеро-меньшевистский исполнительный комитет совета постановил:

«Рабочим на фабриках и заводах организовать милицию по 100 человек на 1 000 рабочих»[3].

Но как только выяснилось, что буржуазия выдержала первый натиск, меньшевики постарались свести на-нет свою уступку так же, как с приказом № 1.

Прежде всего исполнительный комитет запретил выдавать рабочим оружие, а затем на заседании 7 марта высказался за слияние заводской милиции с общегражданской. Исполнительный комитет порекомендовал рабочим:

«1. Войти всей организацией в состав городской милиции. 2. Сохранить при этом свою самостоятельную организацию, организовать свои выборные милиционные комитеты; принять белую повязку с номером городской милиции и выдаваемые ею удостоверения; наряду с этим к белой повязке городской милиции прикреплять красную розетку заводской милиции, сохранить свои номера и свои удостоверения»[4].

В этой «рекомендации» между прочим чрезвычайно ярко выглядит основной метод, с помощью которого эсеры и меньшевики вели свою работу. Боясь оттолкнуть рабочих решительной и открытой поддержкой буржуазии, мелко-

Петроградская Красная гвардия на демонстрации 1 мая 1917 года.

буржуазные лидеры старались приукрасить свои предложения «демократическими» прическами: рабочую милицию расформировать, но в качестве утешения позволить рабочим-милиционерам сохранить свои нарукавные знаки.

Массы поняли, что создавать пролетарскую милицию придется через голову эсеров и меньшевиков и в борьбе с ними.

Третьего марта Петербургский комитет партии большевиков поручил двум организаторам в кратчайший срок представить на обсуждение проект организации пролетарских милиционных кадров.

Из этого постановления, собственно, и выросла Военная комиссия Центрального комитета большевистской партии, известная под названием «военки». Работа «военки», как мы уже видели, пошла главным образом среди солдат, а организацией пролетарской милиции стремительно и толково занялись районы. В целом ряде предприятий вырастали небольшие ячейки заводской милиции, постепенно втягивавшие рабочих. Всюду шло самовооружение пролетариата. Появлялось из земли оружие, закопанное еще до революции, брали его у солдат, покупали, где только было возможно. Много оружия предусмотрительно добыто было в первые дни революции. Из апрельского приказа главнокомандующего Петроградского военного округа генерала Корнилова населению «немедленно сдать оружие» мы узнаем, что в первые дни революции было разобрано из арсенала более 40 тысяч винтовок и 30 тысяч револьверов.

Приказу всеро-меньшевистского исполнительного комитета о слиянии заводской и городской милиции рабочие не подчинились и оружия не сдали. Под разными названиями — «партийные дружины», «рабочая милиция при районных советах», «рабочая дружина», «боевая дружина» — группы вооруженных рабочих на

Обучение Красной гвардии.

предприятиях и при некоторых профсоюзах продолжали существовать, все расширяясь.

Много сил пришлось затратить рабочим в конфликтах, возникавших из-за оплаты дружинников. Рабочие требовали выплаты среднего заработка за часы, потраченные на охрану порядка. Предприниматели платить не хотели, чувствуя за своей спиной поддержку не только правительственных органов, но и в исполнительном комитете совета. Петроградская городская дума согласилась оплачивать рабочих-дружинников, если они расформируют свои отряды и останутся милиционерами на общих основаниях

Участникам пролетарской милиции не выплачивали денег, запрещали выдавать оружие, а после приезда Ленина, когда усилилась травля большевиков, их начали разоружать и нередко арестовывать. Пролетарская милиция была первой организацией, на которую обрушился террор Временного правительства, — так серьезно оценила буржуазия организацию Красной гвардии. Тем не менее пролетарская милиция продолжала расти под разными наименованиями на заводах и фабриках.

В печати появлялись резолюции с требованиями вооружить пролетариат.

Так 15 апреля в «Известиях» рабочие завода «Старый Парвиайнен», настаивая на смещении Временного правительства, служившего только тормозом революционного дела, и на передаче власти советам, выдвинули требование:

«Организовать Красную гвардию и вооружить весь народ»[1].

Движение приняло настолько массовый характер, что потребовало единой организационной формы.

В середине апреля Петербургский комитет большевистской партии в ответ на травлю большевиков и контрреволюционные выступления буржуазии поставил вопрос о создании особых, партийных дружин для охраны свободы партийной деятельности.

Выборгский районный совет, тогда уже сплошь большевистский, 28 апреля единогласно постановил преобразовать милицию в «рабочую гвардию», а на следующий день «Проект устава рабочей гвардии» был опубликован в «Правде». В проекте значилось:

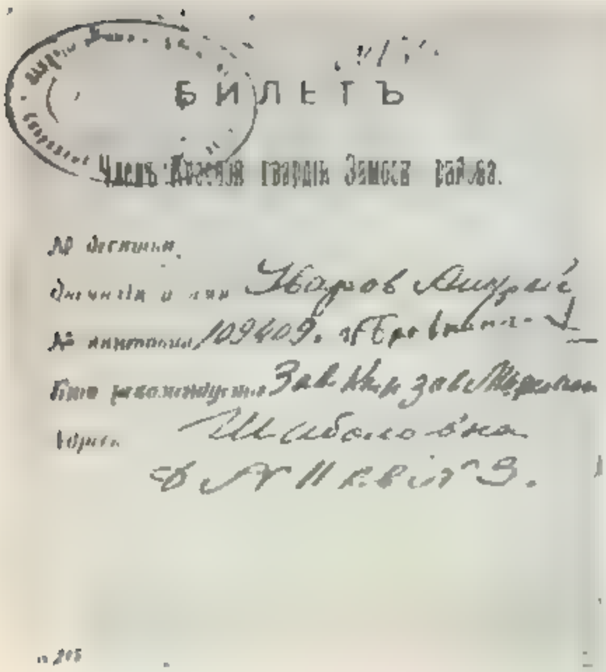
27 февраля 1917 года

КРАСНАЯ ГВАРДІЯ

Васильевского Острова

КРАСНОГВАРДЕЙСКАЯ ПОВЯЗКА.

Красногвардеец. *Рис П. Бучкина.*


БИЛЕТЪ

Членъ Красной гвардіи Замоск... района.

Членский билет красногвардейца.

Красногвардейский значок.

«Цели: 1. Рабочая гвардия ставит своей задачей:

а) отстаивание с оружием в руках всех завоеваний рабочего класса;

б) охранение жизни, безопасности и имущества всех граждан, без различия пола, возраста и национальности.

Состав: 2. Членом рабочей гвардии может быть всякий рабочий, работница, состоящие членами социалистической партии или профессионального союза, по рекомендации или выбору общего собрания завода или мастерской»[1].

Исполнительный комитет совета, все время выступавший против самостоятельных рабочих дружин, под влиянием апрельских событий качнулся еще более вправо. Опубликованному 28 апреля в «Известиях» проекту устава была предпослана предостерегающая передовая «О Красной гвардии», в которой автор-меньшевик выражал опасения, что

> «Красная гвардия в том виде, как она проектируется, является прямой угрозой единству революционных сил»[2]

и способна только вбить клин между рабочими дружинами и революционной армией. О том, что требования рабочих перехлестывали через голову меньшевиков, говорит самый факт напечатания устава Красной гвардии даже после такой панической передовой.

28 апреля состоялось совещание рабочих представителей разных предприятий, где собралась 156 делегатов от 82 петроградских заводов и 26 — от партийных организаций. Меньшевистская часть собрания высказалась за подчинение рабочих отрядов совету. Представитель исполнительного комитета заявил, что

> «факт отрицательного отношения исполнительного комитета к идее Красной гвардии уже облекается сейчас в форму определенной революции бюро исполнительного комитета и последняя завтра будет опубликована»[3].

Возмущенное собрание выбрало делегацию для переговоров с эсеро-меньшевистским исполнительным комитетом. На другой же день делегация отправилась в исполнительный комитет к Чхеидзе. Меньшевики ответили на это посещение тем, что в № 54 «Известий» появилась коротенькая статейка «Красная гвардия или милиция?», где снова доказывалось, что рабочие дружины должны влиться в «организацию милиции»[4] и прекратить самостоятельное существование.

В борьбе с соглашательским советом большевики перенесли центр тяжести своей работы на отдельные предприятия, где уже раньше были созданы отряды Красной гвардии. Петербургский комитет большевиков занялся

Красногвардейское знамя рабочих завода «Лангензипен» в Петрограде.

всемерным укреплением своего руководства фабрично-заводскими комитетами предприятий столицы. Это являлось необходимым условием успешного вооружения пролетариата, так как боевая работа в основном лежала на фабрично-заводских комитетах. Большевизация фабрично-заводских комитетов непосредственно вела к усилению партийного влияния в профсоюзах и советах рабочих и солдатских депутатов.

В спорах между предпринимателями и рабочими по вопросу об оплате милиции отражалась упорная борьба рабочих за Красную гвардию. Начальник городской милиции отдал приказ «задерживать и обезоруживать всех милиционеров, у которых на повязке вместо «Г.» значится «Н. М.» (народная милиция)[1]. В ответ на это большевики на перевыборных собраниях в районные думы заострили вопрос о всенародной милиции. В совет Общества заводчиков продолжали поступать жалобы капиталистов, причем подчеркивалось, что требования рабочей милиции поддерживаются заводскими комитетами. Рабочие выступали против предпринимателей единым фронтом.

Характерный случай произошел на кожевенном заводе товарищества «И. В. Осипова и К°». Владельцы завода обратились в совет общества с жалобой на занявших «слишком боевую позицию милиционеров», а также на поддерживающий их заводский комитет и заводский коллектив; речь шла все о том же вопросе — об оплате. Совет общества порекомендовал владельцам обратиться за помощью в Министерство внутренних дел. Уверенное в своей силе заводоуправление 16 апреля оповестило рабочих-милиционеров, что с 10 марта и на последующее время оно отказывается оплачивать их работу. Рабочая милиция, арестовав предварительно правление завода, созвала общее собрание рабочих. На митинг пригласили и директора завода. Последний отказался притти. Он был приведен на собрание силой. Рабочие завода, признав

Красногвардеец Донбасса. *Рис. Е. Зернова.*

все требования милиционеров безусловно правильными и подлежащими удовлетворению, постановили

«потребовать категорически от заводоуправления доплаты товарищам милиционерам по категориям с 10 марта, в противном случае собрание решило энергично поддерживать товарищей милиционеров всеми *имеющимися у нас средствами*»[1].

Под давлением рабочих многие предприниматели — Сименс-Шуккерт, фабрика военно-морских приборов, кожевенный завод А. Парамонова — пошли на уступки.

Протесты капиталистов, направленные в Министерство внутренних дел, показывают, как рабочие осуществляли под руководством большевиков идею поголовного вооружения пролетариата. Всероссийское общество кожевенных заводчиков в своем заявлении министру внутренних дел указывало:

«Сейчас на крупных кожевенных предприятиях организован новый тип милиции. Рабочие выбирают одного милиционера на каждые сто человек рабочих, и образовавшаяся таким способом группа обучается в течение месяца стрельбе и прочим обязанностям милиционеров, а затем сменяется следующей новой группой с таким расчетом, чтобы со временем все рабочие предприятия прошли этот милиционерский стаж». При таких обстоятельствах «самое назначение рабочих-милиционеров представляется несколько неясным и во всяком случае не вызывается совершенно надобностями производства»[2].

В провинции пролетарская милиция прошла в основном те же этапы развития, что и в Петрограде. Февральская революция дала в руки пролетариата оружие. Рабочие дружины на первых порах несли обязанности милиции, охраняя города от налетчиков и пьяных погромов. Всюду они натыкались на противодействие со стороны эсеров и меньшевиков.

В Москве 2 марта была организована народная милиция с теми же функциями «соблюдения тишины и порядка», как и в Петрограде. В первые же дни революции меньшевики и эсеры запротестовали против вооружения рабочих, грозили даже арестом тем, кто оставит при себе оружие. Тем не менее часть оружия попала на заводы, и организовавшиеся боевые дружины наладили у себя военное обучение. Распределение оружия было очень неравномерным и случайным. Лучше вооружились там, где больше приложили энергии и инициативы. Например, на заводе Михельсона рабочие узнали, что на Рязано-уральском вокзале в складах Сибирского банка лежит эвакуированное варшавской полицией оружие; было решено им завладеть. На том же заводе Михельсона по ночам готовили бомбы и к октябрьским дням сумели вооружить свою Красную гвардию, соседние заводы и солдат-двинцев. В марте-апреле организовали уже отряд Красной гвардии (более 400 человек).

По свидетельству одного из организаторов московской Красной гвардии тов. Пече в апреле кроме завода Михельсона имелись уже рабочие дружины на заводе «Мотор», на телефонном заводе, на «Проводнике» и др. Но оружия как правило нехватало. Например, Красная гвардия, организованная в июне в количестве 80 человек на заводе «Поставщик» Замоскворецкого района, за неимением ружей обучалась ружейным приемам с палками.

Московские большевики сразу же уделили пролетарской милиции достаточно внимания. На общегородской большевистской конференции 3—4 апреля была принята резолюция по текущему моменту и задачам пролетариата. Один из пунктов гласил:

«Организовать вооруженную народную милицию, составляемую под строжайшим контролем пролетарских и крестьянских организаций»[3].

А через десять дней, 14 апреля, во исполнение этого пункта Московский комитет большевиков принял почти единогласно следующие положения:

«1. Вступать товарищам в Красную гвардию.

2. Через совет рабочих депутатов обратиться к Комитету общественных организаций с предложением, чтобы предпочтение отдавалось если не членам партии, то рабочим.

3. Необходимо учреждать заводские дружины, которые явились бы охранителями завода. Таким образом, фабриканты должны были бы приобретать оружие.

4. Организовать партийные дружины или стрелковые общества и принять все меры для приобретения оружия»[1].

Московские большевики в борьбе за пролетарскую милицию дали чрезвычайно яркий пример гибкой тактики. На заводах шла организация рабочих отрядов. Буржуазия решила, идя большевикам наперерез, завладеть движением. С этой целью Комитет общественных организаций, руководимый эсеро-меньшевиками, взял на себя организацию Красной гвардии.

Большевики прежде всего обязали членов заводских партийных ячеек вступить в эти отряды; в то же время, пока руководство Красной гвардией находилось в руках меньшевиков, партия рекомендовала создавать партийные дружины, обеспечив их оружием. Такая тактика позволила завоевать организацию изнутри. Ход политической борьбы оправдал эту тактику. Московским большевикам удалось сохранить за собой созданные отряды.

Московский комитет, Московский окружной комитет и областное бюро Центрального комитета большевиков 28 апреля с участием активных работников в резолюции об отношении к Временному правительству приняли следующий пункт:

«Немедленная организация рабочей Красной гвардии, не предрешая форм, в которых это может выразиться»[2].

Таким образом, всюду, где только большевики возглавляли пролетариат — в столицах и в провинции, на Урале и в Донбассе, на Украине и на Кавказе, — создавались в тяжелой и упорной борьбе отряды Красной гвардии. Преследуемые правительством, преодолевая сопротивление эсеров и меньшевиков, большевики сумели возглавить инициативу масс и развернуть широкую работу по организации пролетарской милиции. В борьбе за нее большевики умели использовать каждое классовое требование рабочих, разоблачая любой примиренческий шаг эсеров или меньшевиков. Шла ли речь о жилищах, о недостатке хлеба, о мерах борьбы с голодом или об отобрании излишков — большевики умели показать, что все мероприятия правительства и посулы меньшевиков невыполнимы до той поры, пока весь трудящийся народ не будет привлечен к участию в управлении, пока взамен полиции и армии не будет организована в целях обороны и наступления пролетарская милиция. Такой политикой закреплялась в сознании пролетариата идея неизбежности классовой гражданской войны, идея необходимости пролетарской революции.

Красногвардеец Донбасса. *Рис. К. Зернова.*

В мае, когда развернулась предвыборная кампания в районные думы и эсеро-меньшевики повели трескучую агитацию, обещая пролетариату хлеб, общественное питание, жилье, Ленин выступил со статьей «Позабыли главное», в которой, подытожив борьбу за пролетарскую милицию, говорил:

«Все подобные платформы, все подобные списки широковещательных реформ, если забывать жесткие и жестокие условия господства капитала, — пустые слова, означающие на практике либо невиннейшие «благочестивые пожелания», либо простой обман масс лживыми буржуазными политиканами»[3].

Пока существует полиция и заменяющая ее отдельная и направленная против народа милиция, никакие серьезные и коренные реформы в пользу трудящихся невозможны.

«Всенародная милиция взамен полиции и постоянной армии — вот *условие* успешных муниципальных реформ в пользу трудящихся»[4].

«Всенародная милиция, — писал Ленин, — это значит воспитание в демократии действительно *масс* населения.

Всенародная милиция — это значит управление бедными *не только* через богатых, не через *их* полицию, а самим народом с преобладанием бедных.

Всенародная милиция — это значит, что надзор (за фабриками, за квартирами, за распределением продуктов и пр.) *способен* не остаться на бумаге.

Всенародная милиция — это значит, что распределение хлеба пойдет без «хвостов», *без всяких* привилегий для богатых»[1].

В результате большевики добились огромных успехов в осуществлении лозунга пролетарской милиции: к июлю во всех промышленных центрах партия имела вооруженные отряды из передовиков-пролетариев, готовых отдать жизнь за великое, революционное дело партии.

ВЫСТУПЛЕНИЕ В. И. ЛЕНИНА С БАЛКОНА ДВОРЦА КШЕСИНСКОЙ В ИЮЛЬСКИЕ ДНИ 1917 ГОДА.

Картина А. Е. Мордвинова.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

ИЮЛЬСКИЕ ДНИ.

1.

ВЫСТУПЛЕНИЯ РАБОЧИХ В СТОЛИЦЕ.

Силы революции, вызвавшие июньский кризис, продолжали действовать с нарастающей быстротой.

Ни одна задача революции еще не была решена. Затруднения с хлебом возрастали. Разруха усиливалась, охватывая все новые области и районы. Останавливались — чаще по воле предпринимателей — заводы и фабрики. По транспорту, как по каналам, паралич производственного организма расползался по всей стране.

В мае было закрыто 108 заводов с 8 701 рабочим, в июне — 125 заводов с 38 455 рабочими, а в июле — 206 заводов с 47 754 рабочими. На 40 процентов сократилось металлургическое производство, на 20 процентов — текстильное.

Надвигался голод.

Было ясно — буржуазия наступает. Классовый смысл этого наступления с циничной откровенностью выболтал крупнейший промышленник Рябушинский. На съезде торговцев и промышленников он с наслаждением говорил, что скоро настанет момент, когда

«костлявая рука голода и народной нищеты схватит за горло друзей народа, членов равных комитетов и советов»[1].

Весь май, а особенно июнь по всей стране непрерывно возникали стачки с требованием восьмичасового рабочего дня и улучшения экономического положения.

Донецкий бассейн кипел, не выходя из постоянного конфликта между рабочими и хозяевами;

Подготовка контрреволюции. Смотр женского батальона смерти.

по Уралу перекатывались волны стачек; в Нижегородском крае бастовало более 20 тысяч сормовских рабочих. В Московском районе длительные конфликты стали нормальным явлением.

В деревнях быстро нарастала аграрная революция. К июлю 43 губернии были охвачены крестьянским движением. Крестьяне поднимались против помещиков через голову эсеров, засевших в крестьянских советах.

Движение рабочих и крестьян не могло не влиять на армию, в которой действовали и свои особые причины, вызывавшие острое недовольство солдат. Ползли упорные слухи о восстановлении смертной казни на фронте, о расформировании непокорных полков. Создавалось нервное, тревожное настроение, проявляясь все более резко в отказе воевать.

Особенно остро развертывалась борьба в Петрограде. Июньская демонстрация показала, какая сила таится в пролетариате и большевистской партии. После июньских событий каждый день приносил известия о выступлениях по тому или иному поводу. Самое тревожное для буржуазии и соглашателей заключалось в том, что выступления неизменно принимали политическую и чаще всего большевистскую окраску. 2 июня рабочие «Скорохода» потребовали передачи власти советам, 8-го — обуховцы приняли подобную резолюцию, 10-го — «Старый Парвиайнен» настаивал на передаче власти советам, 13 июня уже 19 заводов и 3 войсковых единицы в Петрограде были на стороне большевиков. «Свергли старое правительство, сковырнем и Керенского!» говорили рабочие и солдаты. Движение за передачу власти в руки советов нарастало с исключительной быстротой. Достаточно было небольшого толчка, чтобы взорвать накаленные массы и бросить их против правительства капиталистов.

Буржуазия понимала, куда ведут настроения рабочих и солдат столицы. Положение усугублялось зловещими сведениями с фронта.

Сводки с возрастающей тревогой сообщали о десятках тысяч дезертиров, бегущих с фронта. Штабы армий жаловались на самовольные действия солдатских комитетов, отстранявших офицеров от командования. Но чаще всего комиссары и генералы телеграфировали о повсе-

местном братании. Армия ускользала из рук командиров.

Наступление, начатое в июне с негодными средствами, провалилось. С минуты на минуту могла разразиться катастрофа. Приходилось спешить, пока сведения о поражении на фронте не подольют масла в огонь. Спешить приходилось еще и потому, что приближались выборы в Учредительное собрание. Как ни оттягивались эти выборы, но под давлением масс правительство вынуждено было наметить созыв Учредительного собрания на 30 сентября. Крах наступления и волнующие вести из деревни не оставляли никаких сомнений, что крестьяне в Учредительном собрании уйдут далеко влево от своих официальных эсеровских вождей.

Придравшись к случайному поводу, буржуазия 2 июня отозвала своих представителей из правительства.

Кадеты-министры: финансов — Шингарев, просвещения — Мануйлов и государственного призрения — князь Шаховской — заявили, что не согласны с политикой Керенского — Терещенко в украинском вопросе, и покинули правительство. Министр путей сообщения Некрасов сначала заявил о своей отставке, но позже раздумал и послал письмо в Центральный комитет кадетов о выходе из партии. Расчет буржуазии был построен на том, что эсеры и меньшевики, хорошо знающие тревожное настроение и осведомленные о военной катастрофе, побоятся взять власть в свои руки. Кадеты понимали, что принужденные угрозой их ухода из правительства соглашатели будут цепко держаться за буржуазных министров и пойдут на любые уступки. Кадетам выгодно было, вызвав кризис в правительстве, добиться от запуганных мелких буржуа всей полноты власти и начать решительную борьбу с большевизмом. Еще 3 июня на совещании членов Государственной думы Милюков под аплодисменты говорил:

«Русское общество должно сплотиться в борьбе с этой опасностью от большевизма... Если Временное правительство после долгой проволочки поймет, что в руках власти есть и другие средства кроме убеждения, — те самые средства, которые она уже начала применять, — если оно станет на эту дорогу,

Командующий войсками Петроградского военного округа генерал Половцов во главе усмирителей июльского выступления.

тогда завоевания русской революции будут укреплены. Вот на этот путь нам следует призывать и друг друга и Временное правительство»[1].

В дальнейшем все разыгралось бы по старым известным канонам: пролетариат был бы спровоцирован на преждевременное выступление и беспощадно раздавлен вооруженной силой. Кадетов поддержали все буржуазные и черносотенные партии. Пуришкевич подчеркнул на частном совещании членов Государственной думы 16 июня по поводу выборов в районные городские думы:

«Если вы вдумаетесь в таблицы, в результаты этих выборов, то вы поймете, что одержала блестящую победу благородная партия «народной свободы» (так называли себя кадеты. *Ред.*), ибо за эту партию, являющуюся крайней правой в России, подали голоса все, правее стоящие»[2].

Перед опасностью революции все буржуазные партии сплотились вокруг кадетов.

Кадеты, однако, просчитались. Их маневр создал кризис не только в правительстве, но и в стране.

Первые же сведения о маневре кадетов явились толчком, который вызвал взрыв рабочего возмущения. Утром 3 июля в 1-м пулеметном полку на совместном заседании ротных и полковых комитетов раздались голоса, требующие обсуждения вопроса о вооруженном выступлении. Предложение было подхвачено присутствующими, которые тут же открыли митинг.

Представители солдатской массы потребовали немедленного вооруженного выступления для свержения Временного правительства. Солдаты с негодованием рассказывали о попытке Керенского под крики о войне «до победы» разгромить революцию. Раздались призывы: «На улицу!» Наэлектризованные пулеметчики с криками «Долой войну!», «Вся власть советам!» повалили из барака, где происходило собрание.

Погрузив пулеметы на автомашины, расцветившись плакатами «Да погибнет буржуазия от наших пулеметов!», «Долой десять министров-капиталистов!», полк несмотря на призывы партии большевиков не выступать двинулся к Таврическому дворцу.

Пулеметчики избрали делегатов и срочно послали их в другие полки, на крупнейшие предприятия и в Кронштадт. Делегаты пулеметчиков всюду находили накаленную атмосферу и массу, готовую к бою.

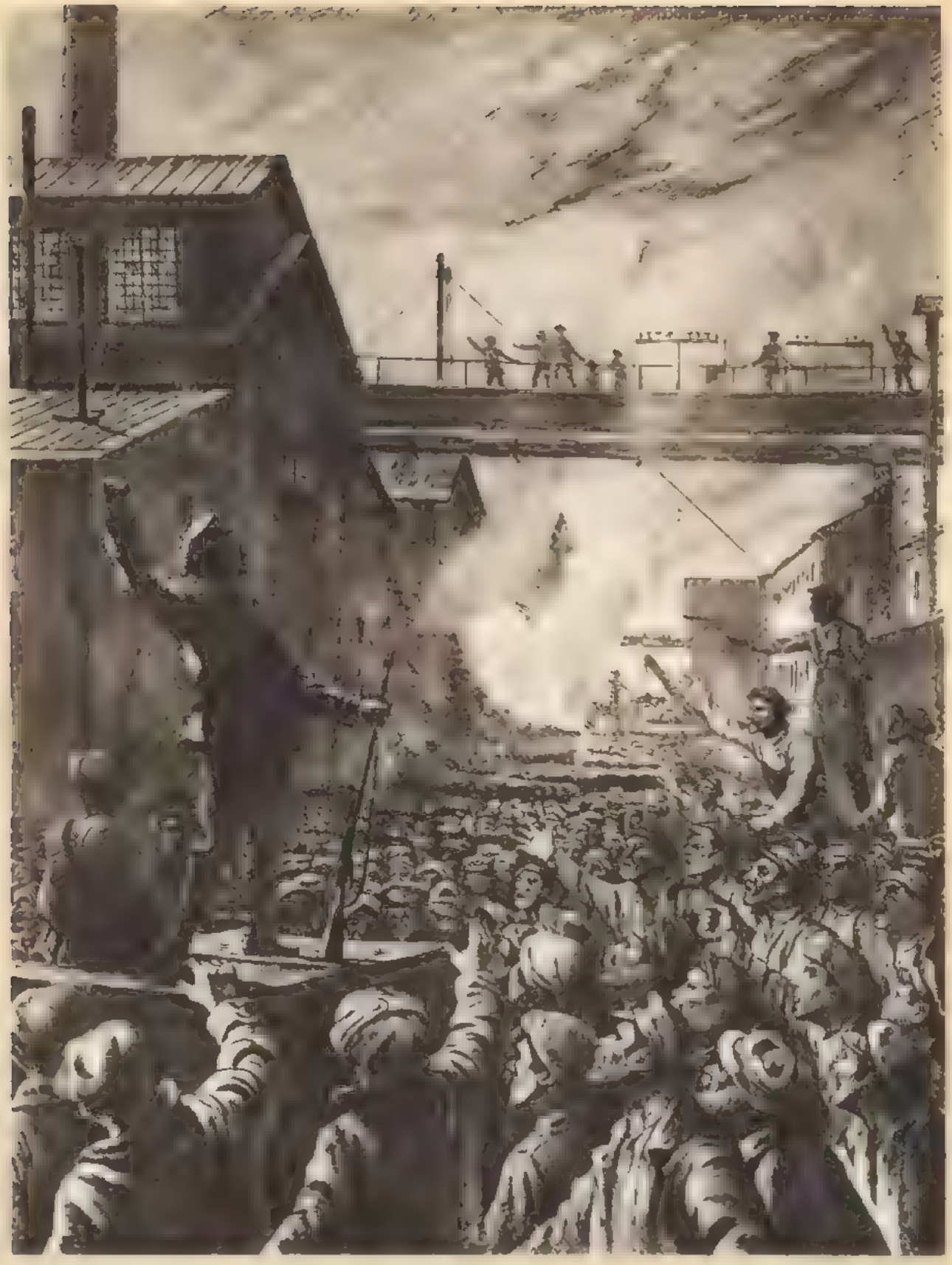
«Третьего июля, около 2 часов дня, — рассказывает рабочий завода «Новый Парвиайнен», — пришло несколько товарищей из 1-го пулеметного полка и обратилось с просьбой дать грузовик для пулеметов и поддержать их выступление против Временного правительства... Созвали общее собрание рабочих. Собрание было очень бурное. Горячо и убедительно доказывали товарищи пулеметчики своевременность и необходимость свержения Временного правительства и Керенского. Рабочие массы были настроены крайне революционно... Я уехал на квартиру за оружием. Когда приехал обратно, из ворот завода уже выезжали грузовики, на которых находились пулеметчики и часть наших рабочих»[3].

Подобное же настроение нашли делегаты и на других заводах. Примерно, к 2 часам дня пулеметчики прибыли на Путиловский завод с призывом выступить против правительства, угрожающего вывести революционный гарнизон на фронт. «Долой таких министров!» раздалось со всех сторон в многотысячной толпе. В ответ на просьбу поддержать выступление пулеметчиков рабочие закричали: «Двинем! Двинем!»[4] Поздней ночью около 30 тысяч путиловцев потянулось к дворцу с женами и детьми, увлекая по дороге другие заводы и полки.

В Кронштадте делегаты 1-го пулеметного полка созвали митинг на Якорной площади. Призыв их нашел горячий отклик: матросы решили поддержать выступление петроградского гарнизона и рабочих. Тов. Раскольников, заместитель председателя Кронштадтского совета, успел за это время связаться по прямому проводу с Центральным комитетом партии и информировать его о кронштадтских настроениях.

«Вопрос стоит не так, — говорил он, — выступать или не выступать, а в другой плоскости: будет ли проведено выступление под нашим руководством, или оно разыграется без участия нашей партии — стихийно и неорганизованно? Так или иначе выступление совершенно неизбежно и отвратить его нельзя»[5].

Кронштадтский исполнительный комитет совета постановил примкнуть к выступлению петроградского гарнизона, назначив на 6 часов утра 4 июля сбор вооруженных частей для отправки в Петроград.



ИЮЛЬСКИЕ ДНИ В ПЕТРОГРАДЕ. ПУЛЕМЕТЧИКИ ПРИЗЫВАЮТ РАБОЧИХ ПУТИЛОВСКОГО ЗАВОДА ПОДДЕРЖАТЬ ВЫСТУПЛЕНИЕ ПРОТИВ ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

С оборота П. ШИЛЛИНГОВСКОГО

2.

ИЮЛЬСКАЯ ДЕМОНСТРАЦИЯ В СТОЛИЦЕ.

Партия большевиков хорошо знала настроение в военных частях и на заводах. Она знала, сколько революционной энергии накопилось в низах. Но партия не считала обстановку созревшей для вооруженной борьбы, и не по инициативе большевиков массы вышли в июльские дни на улицу. Партия была против немедленного выступления. Еще 22 июня состоялось совместное совещание членов Центрального комитета, Петербургского комитета и военной организации большевиков, где было подчеркнуто, что сейчас невыгодно принимать бой.

Большевики внимательно следили за маневрами кадетов. Ленин предупреждал партию, что буржуазии выгодно вызвать революционные массы Петрограда на улицу до того, как революционное брожение охватит всю страну.

Но движение в столице бурно шло вверх. С каждым днем все яснее становился массам контрреволюционный характер правительства. Каждый час разоблачал соглашательскую политику эсеро-меньшевиков. В момент нарастания движения, обещавшего еще более бурный рост в дальнейшем, невыгодно было рисковать.

«Пусть грядущие Каверьяки начинают первыми»[1], писал Ленин.

Были и другие причины, объяснявшие тактику большевистской партии. Как ни велико было значение Петрограда в революции, но он один не решал ее исхода. Без пролетариев Урала, без шахтеров Донбасса, без миллионов солдат было бы безумием выступать. Армия явно ускользала из рук правительства, армия *уже* не доверяла Временному правительству, но она *еще* находилась под влиянием своих комитетов, где сидели эсеры и меньшевики.

Выполняя директиву партии, большевики, в частности представители военной организации партии, 3 июля высказывались против вооруженного выступления. Однако возбуждение солдат и рабочих в столице уже достигло предела.

Июльская демонстрация в Петрограде.

Казаки, вызванные с фронта на подавление июльской демонстрации в Петрограде.

Как раз в эти дни — 1—3 июля — заседала вторая общегородская конференция большевиков Петрограда. Представители пулеметчиков явились на заседание и заявили о выступлении полка. Сталин, выступая на конференции, так охарактеризовал этот случай:

«Вы помните, как вы заявили делегатам, что члены партии не могут итти против постановления своей партии, и как рассердились представители полка и заявили, что они лучше выйдут из партии, но не пойдут против постановления полка» [1].

Около 5 часов вечера 3 июля Сталин от имени Центрального комитета большевиков и конференции, имевших совместное совещание в 4 часа, официально заявил на заседании Центрального исполнительного комитета, что партия решила не выступать. Сейчас же было написано воззвание и послано в «Правду», с тем чтобы опубликовать его утром 4 июля. Члены совещания и конференции бросились в районы с целью удержать массы от выступления. Но остановить движение оказалось уже невозможным. Большевиков нетерпеливо выслушивали, а затем устремлялись на улицу. Двум большевикам, которые напрасно старались удержать солдат Московского полка и рабочих ближайших заводов, демонстранты ответили:

«Если бы не знали их лично, то выгнали бы их, как меньшевиков» [2].

Надо было принимать новое решение. Рядовые члены большевистской партии часто на свой страх и риск принимали это новое решение — так вырос политический уровень партии. Они прекрасно понимали, что предоставленная сама себе демонстрация будет разгромлена контрреволюцией. Потеряв надежду задержать лавину, большевики становились во главе демонстрации: они брали в свои руки руководство движением, окружали демонстрацию вооруженной Красной гвардией на случай контрреволюционных провокаций.

ДЕСАНТ МОРЯКОВ, ПРИБЫВШИХ В ПЕТРОГРАД ИЗ КРОНШТАДТА В ИЮЛЬСКИЕ ДНИ 1917 ГОДА.

Картина И. Г. Дрозлова

«Выступление разыгралось, — говорил Сталин позже в своей речи на конференции петроградской организации. — Имела ли партия право умыть руки в выступлении пролетариата и солдат и уйти в сторону? Мы учитывали возможность еще более серьезных результатов выступления, чем они есть налицо. Умыть руки мы не имели права; как партия пролетариата мы должны были вмешаться в его выступление и придать ему мирный и организованный характер, не задаваясь целью вооруженного захвата власти»[1].

Около 10 часов вечера 3 июля во дворце Кшесинской собрались делегаты общегородской конференции, члены Центрального комитета большевиков и представители воинских частей и заводов. Обсудив происходившие в Петрограде события, собрание приняло такое постановление:

«Создавшийся кризис власти не будет разрешен в интересах народа, если революционный пролетариат и гарнизон твердо и определенно немедленно не заявят о том, что они за переход власти к советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. С этой целью рекомендуется немедленное выступление рабочих и солдат на улицу для того, чтобы продемонстрировать выявление своей воли»[2].

Центральный комитет большевиков совместно с Петербургским комитетом и военной организацией постановил: отменить свое прежнее решение о запрещении выступления и возглавить стихийное движение, придав ему организованные формы. На 4 июля была назначена мирная демонстрация под лозунгом «Вся власть советам». Так как прежнее воззвание уже было отпечатано, то на следующий день «Правда» вышла с белой полосой. Новое воззвание выпустили особой листовкой с призывом к рабочим и солдатам Петрограда:

«После того как контрреволюционная буржуазия явно выступила против революции, пусть Всероссийский совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов возьмет всю власть в свои руки»[3].

На следующий день развернулась новая мощная демонстрация, на этот раз с партией большевиков во главе. Для руководства движением был создан специальный штаб и составлена инструкция. Броневые машины в разных местах города охраняли демонстрантов. В Петропавловскую крепость послана была рота пулеметного полка.

Броневики, вызванные с фронта на подавление июльской демонстрации в Петрограде.

Четвертого июля кроме прибывших кронштадтцев выступили также некоторые части из Петергофа, Ораниенбаума, Красного села и других мест. Кронштадтцы, появившись перед дворцом Кшесинской, настойчиво хотели слышать вождя партии — Ленина.

В своем кратком выступлении, единственном в июльские дни, Ленин передал привет революционным кронштадтцам от имени петроградских рабочих и выразил уверенность, что лозунг «Вся власть советам» должен победить и победит. Вместе с тем Ленин призывал к «выдержке, стойкости и бдительности»[1].

Демонстрации направлялись к дворцу Кшесинской, где помещались Центральный комитет и Петербургский комитет большевистской партии, а оттуда — к Таврическому дворцу, где заседал Всероссийский центральный исполнительный комитет советов. Там демонстранты избирали делегации, которые и передавали требования масс. 90 выборных представителей от 54 предприятий прошли перед членами Всероссийского центрального исполнительного комитета. Один за другим выступали делегаты, страстно призывая Всероссийский центральный исполнительный комитет взять власть в свои руки. Напуганные эсеро-меньшевики тревожно перешептывались друг с другом, слыша мерный топот демонстрантов, но не принимали решения. Нарастающий шум демонстрации, поднявшей около полумиллиона рабочих и солдат, пугал вождей «революционной демократии». Они всячески пытались уклониться от выполнения требований народных масс.

3.

РАЗГРОМ ИЮЛЬСКОЙ ДЕМОНСТРАЦИИ.

Пока демонстранты горячо взывали к власти советов, эсеро-меньшевики за спиной выступающих лихорадочно мобилизовывали силы против революции. К Таврическому дворцу вызывались воинские части, верные правительству. К 7 часам вечера на Дворцовую площадь прибыли Владимирское военное училище, 9-й кавалерийский полк и 1-й казачий полк.

Меньшевик Войтинский докладывал на объединенном заседании Всероссийского центрального исполнительного комитета и Всероссийского исполнительного комитета советов крестьянских депутатов 5 июля:

«Одно время у нас совершенно не было сил. У входных дверей Таврического дворца стояло только шесть человек, которые не в силах были сдерживать толпу. Первая часть, пришедшая нам на помощь, — это броневые машины... *У нас было твердое решение:* в случае насилия со стороны вооруженной банды *открыть огонь*»[2].

Приказ об отправке войск в Петроград был дан комитету 5-й армии. С фронта тотчас же выслали 14-ю кавалерийскую дивизию, 14-й Донской казачий полк, 117-й Изборский полк и другие части. Командиром сводного отряда был назначен член Всероссийского центрального исполнительного комитета поручик Мавуренко. Помощником морского министра Дударовым был передан в Гельсингфорс приказ подводным лодкам: не останавливаться перед потоплением революционных кораблей, если последние отправятся в Петроград. Эсеры и меньшевики меньше, чем бывший царь Николай в последние дни своего царствования, колебались, снимать ли войска с фронта для борьбы с революцией. Вабешенные мелкие буржуа явились реакционерами не меньшими, чем генералы царя.

В тесном союзе с вождями меньшевиков и эсеров главнокомандующий Петроградского военного округа генерал Половцев издал утром 4 июля приказ о немедленном восстановлении порядка.

В различных частях города — на углу Невского и Садовой, на Литейном проспекте, около Инженерного замка и других — демонстранты начали подвергаться обстрелу из винтовок со стороны провокаторов и контрреволюционеров. Были нападения на демонстрантов со стороны казаков и юнкеров. Контрреволюция тоже решила перейти в наступление. Всероссийский центральный исполнительный комитет советов выделил в помощь правительственной комиссии «по восстановлению и поддержке революционного порядка в Петрограде» двух эсеров — Авксентьева и Гоца. На утро 5 июля контрреволюционными частями были разгромлены редакция «Правда» и типография «Труд».

Считая демонстрацию законченной, большевики еще 4 июля призывали демонстрантов

В помощь генералу Половцеву для восстановления и поддержки революционного порядка в Петрограде «организаторы» выделили двух эсеров — Авксентьева и Гоца. *Карикатура Кукрыниксы*

мирно разойтись. Однако в связи с нападением юнкеров и казаков моряки остались в Петрограде; они заняли дворец Кшесинской и Петропавловскую крепость и совместно с пулеметчиками приготовились к самообороне.

Вечером 5 июля на помощь правительству с фронта прибыли новые подкрепления. По городу в это время шли повальные аресты, обыски, погромы. Петроград принял вид оккупированного города. Улицы наполнены патрулями юнкеров. Рабочие районы отрезаны от центра. В ночь на 6 июля объединенное заседание Всероссийского центрального исполнительного комитета советов и исполнительного комитета совета крестьянских депутатов приняло постановление, которым бевоговорочно пристегнуло себя к черному делу контрреволюции:

«Собрание признает, что меры, принятые в эти дни Временным правительством и Военной комиссией, выделенной бюро обоих исполнительных комитетов, соответствовали интересам революции.

Признавая необходимость дальнейших решительных мероприятий для восстановления и поддержания революционного порядка в Петрограде, собрание подтверждает полномочия, данные товарищам Авксентьеву и Гоцу бюро обоих комитетов»[1].

Собрание одобрило также телеграмму Дударова.

Представители контрреволюции заговорили языком ультиматумов. Делегации кронштадтских матросов, которая вела в это время переговоры с Военной комиссией Центрального исполнительного комитета, было предложено немедленно разоружиться. Положение 5 и 6 июля обрисовал Сталин в своем докладе на конференции петроградской организации:

«Пятого июля состоялись переговоры с Центральным исполнительным комитетом в лице Либера. Либер поставил условие: мы (т. е. большевики. *Ред.*) снимаем броневые автомобили от дворца Кшесинской, матросы уезжают в Кронштадт; мы согласились на том условии, что совет охраняет наши партийные организации от возможного разгрома. Либер от имени Центрального исполнительного комитета уверил, что наши условия будут Центральным исполнительным комитетом исполнены, что дворец Кшесинской будет в нашем распоряжении до тех пор, пока нам не будет предоставлено постоянное помещение. Мы выполнили свои обещания. Броневые автомобили были сняты, кронштадтцы согласились уехать обратно, но только с оружием в руках. Центральный же исполнительный комитет ни одного своего обязательства не выполнил. 6 июля Козьмин (помощник командующего округом. *Ред.*) по телефону передал требование, чтобы через 3—4 часа дворец Кшесинской и Петропавловская крепость были очищены, в противном случае Козьмин грозил двинуть вооруженные силы... Центральный комитет партии большевиков делегировал меня в Петропавловскую крепость, где удалось уговорить присутствующих матросов не принимать боя, так как положение повернулось таким образом, что мы стоим против контрреволюции, против правого крыла демократии. В качестве представителя Центрального исполнительного комитета советов я еду с Богдановым к Козьмину. У него все готово к бою: артиллерия, кавалерия, пехота. Мы уговариваем его не применять вооруженной силы. Козьмин недоволен, что штатские своим вмешательством всегда ему мешают, и неохотно соглашается подчиниться настоянию Центрального исполнительного комитета. Для меня очевидно, что правое крыло хотело крови, чтобы дать «урок» рабочим, солдатам и матросам. Мы помешали им выполнить свое желание... Центральный исполнительный комитет, напуганный большевиками и контрреволюцией, заключает постыдный союз с контрреволюцией, удовлетворяя ее требования: выдача большевиков, арест балтийской делегации, разоружение революционных солдат и рабочих»[2].

Еще 4 июля Временное правительство сделало распоряжение командующему войсками Петроградского военного округа генералу Половцеву «очистить Петроград от вооруженных людей».

«Вместе с тем, — говорилось в этом распоряжении, — поручается вам арестовать, как участников беспорядков, большевиков, занимающих дом Кшесинской, очистить его и занять войсками»[3].

Утром 6 июля Петропавловская крепость была занята самокатчиками, несколько позднее был занят войсками и дворец Кшесинской, в котором был учинен погром. В тот же день, 6 июля, Временное правительство издало указ об аресте Ленина и Зиновьева.

Против партии большевиков и ее руководителей была поднята дикая травля. Ленину было брошено клеветническое обвинение в германском шпионаже. Эта нелепица была сфабрикована на основе «показаний» провокатора, некоего прапорщика 16-го Сибирского полка Ермоленко, переброшенного будто бы германским командованием на фронт 6-й армии для агитации за заключение мира с Германией. Его «показания» Временное правительство имело в своих руках еще в апреле месяце, но приберегало их для более подходящего момента.

РАССТРЕЛ ИЮЛЬСКОЙ ДЕМОНСТРАЦИИ В ПЕТРОГРАДЕ В 1917 ГОДУ.

Картина А. М. Любимова.

5 июля эти клеветнические измышления были опубликованы в желтой газетке «Живое слово» бывшим социал-демократом и членом II Государственной думы Г. Алексинским и бывшим народовольцем В. Панкратовым. Временное правительство не решилось опубликовать эти «документы» от своего имени и передало их упомянутым лицам.

Меньшевистский лидер Дан, заявивший в своих показаниях следственной комиссии, что он не верит в причастность большевиков к германскому шпионажу, тем не менее счел возможным провокаторски упомянуть об участии будто бы германских агентов в демонстрации 3—5 июля.

«Будучи глубоко убежден, что агентура германского генерального штаба примазывается ко всем движениям такого характера, как движение 3—5 июля, я в то же время никого из большевиков, а тем более всю большевистскую партию никогда не обвинял в германском шпионаже»[1].

Контрреволюция потребовала суда над Лениным, который, не ожидая ареста, ушел в подполье. Некоторые из членов партии высказались за явку Ленина на суд (Рыков, Ногин, Каменев). Троцкий также требовал, чтобы Ленин предал себя властям. Но против этого резко возразил Сталин, заявивший: нет гарантии, что его не растерзают[2].

Насколько был прав Сталин в определении опасности, которая угрожала Ильичу, лучше всего свидетельствуют показания самого Половцева, одного из главных руководителей июльской бойни.

Половцев писал впоследствии в своих воспоминаниях «Дни затмения»:

«Офицер, отправляющийся в Териоки с надеждой поймать Ленина, меня спрашивает, желаю ли я получить этого господина в цельном виде или в разобранном... Отвечаю с улыбкой, что арестованные очень часто делают попытки к побегу»[3].

Сам Ленин так высказывался по поводу этого суда:

«Суд есть орган власти. Это забывают иногда либералы. Марксисту грех забывать это. А где власть?.. Правительства нет. Оно меняется ежедневно. Оно бездействует. Действует военная диктатура. О «суде» тут смешно и говорить. Дело не в «суде», а в *эпизоде гражданской войны*... «Я не сделал ничего противозаконного. Суд справедлив. Суд разберет. Суд будет гласный. Народ поймет. Я являюсь». Это рассуждение – наивное до ребячества. Не суд, а травля интернационалистов — вот что *нужно власти*. Засадить их и держать — вот что надо господам Керенскому и К°. Так было (в Англии и Франции), так будет (в России)»[4].

Разгром юнкерами редакции «Правды» в июльские дни.

Седьмого июля Временное правительство постановило расформировать все воинские части, принимавшие участие в демонстрации 3—5 июля. Этим решениям Временного правительства предшествовали такие же требования английского посла в Петрограде Бьюкенена, переданные еще 4 июля министру иностранных дел Терещенко. Бьюкенен считал необходимым:

«1) Восстановление смертной казни по всей России *для всех*, подведомственных военным и морским законам. 2) Потребовать от солдат, принимавших участие в незаконной демонстрации, выдачи агитаторов для наказания. 3) Разоружение всех рабочих в Петрограде. 4) Организацию военной цензуры с правом конфисковать газеты, возбуждающие войска или население к нарушению порядка или военной дисциплины. 5) Организацию в Петрограде и других больших городах «милиции» под командой раненых офицеров, из солдат, раненых на фронте, выбирая предпочтительно людей в возрасте 40 лет и больше. 6) Разоружение и превращение в рабочие

батальоны всех полков в Петрограде и уезде, если они не признают всех вышеуказанных условий»[1].

Восьмого июля был издан приказ о роспуске Центрального исполнительного комитета советов моряков Балтийского флота — Центробалта, как его звали сокращенно. Было отдано распоряжение арестовать и прислать в Петроград для следствия всех зачинщиков волнений среди гарнизона Кронштадта и команд линейных кораблей «Петропавловск», «Республика» и «Слава», имена которых по выражению лакеев буржуазии «запятнаны контрреволюционными действиями и резолюциями».

В тот же день Керенский разослал лживую радиотелеграмму «всем», в которой говорилось:

«С несомненностью выяснилось, что беспорядки в Петрограде были организованы при участии германских правительственных агентов... Руководители и лица, запятнавшие себя братской кровью, преступлением против родины и революции, — арестуются»[2].

Министры-«социалисты» — после ухода кадетов они составляли большинство в правительстве — понимали, что явно контрреволюционная деятельность правительства может вызвать волну противодействия со стороны масс. Соглашательские министры, не прекращая громить революцию, решают посулить народу несколько «революционных» мер. Предполагалось объявить Россию республикой, разогнать Государственный совет и Государственную думу, приступить к земельному законодательству. Днем 7 июля Керенский наложил эту программу на заседании Временного правительства. В ответ князь Львов подал в отставку и ушел с заседания.

В буржуазных кругах забили тревогу. Временный комитет Государственной думы заявил, что считает

«политически пагубным свое устранение от участия в образовании нового Временного правительства»[3].

Вечером князь Львов прислал в правительство письмо с протестом против намечаемой программы. По его словам все пункты программы носят

«характер выбрасывания массам, во имя демагогии и удовлетворения их требований мелкого самолюбия, государственных, моральных ценностей»[4].

Припуганные буржуазией министры-«социалисты» отказались от своих намерений. 8 июля Временное правительство утвердило Керенского министром-председателем, сохранив за ним посты военного и морского министров. Некрасов был введен в правительство в качестве заместителя министра-председателя. Министерство внутренних дел отдали Церетели. В тот же день правительство опубликовало программу, в которой не было ни одного из недавно намеченных мероприятий. Декларация правительства повторяла заявления первого коалиционного правительства от 6 мая, прямо и не раз ссылаясь на него. Временное правительство обещало напрячь все силы для борьбы с внешним врагом, а также собрать в срок Учредительное собрание и подготовить земельные законы. Вместе с тем сообщалось, что в области рабочей политики «разрабатываются законопроекты о восьмичасовом рабочем дне, о всесторонней охране труда»[5] и т. п. Для борьбы с хозяйственной разрухой будут учреждены при правительстве Экономический совет и Главный экономический комитет для выработки общего плана организации народного хозяйства и труда.

Как и в прежних заявлениях, в новых программах не было ничего конкретного. Бывший царь Николай записал в своем дневнике по поводу нового правительства и его декларации:

«Восьмого июля. Суббота. В составе правительства совершились перемены: князь Львов ушел, и председателем Совета министров будет Керенский, оставаясь вместе с тем военным и морским министром и взяв в управление еще Министерство торговли и промышленности. Этот человек положительно на своем месте в нынешнюю минуту: чем больше у него будет власти, тем будет лучше»[6].

Партии эсеров и меньшевиков полностью поддержали правительство. 9 июля объединенное заседание Всероссийского центрального исполнительного комитета советов и исполнительного комитета совета крестьянских депутатов объявило новый состав министров «правительством спасения революции»:

«За ним признаются неограниченные полномочия для восстановления организации и дисциплины в армии, решительной борьбы со всякими проявлениями контрреволюции и анархии»[7].

Наделив Временное правительство чрезвычайными полномочиями, меньшевики и эсеры указали, куда следует бить, чтобы вернее разгромить революцию. 13 июля на соединенном заседании обоих исполнительных комитетов Дан выступил со следующим заявлением.

«То, к чему призывал нас товарищ Керенский, — говорил он, — нами уже исполнено. Мы не только готовы поддержать Временное правительство, мы не только делегировали ему всю полноту власти, мы требуем, чтобы этой властью правительство пользовалось... Сегодня утром в заседании фракции социалистов-революционеров и меньшевиков... была принята резолюция, которую мы

Вооруженные солдаты 1-го пулеметного полка.

предлагаем собранию, и уверены, что оно ее примет...»[1]

Дальше была оглашена резолюция с требованием суда над большевиками, явки на суд Ленина и Зиновьева, отстранения всех подлежащих суду из состава советов и безусловного подчинения всех членов совета решению его большинства.

В этом акте выразилась вся глубина падения мелкобуржуазных партий. Но этот акт оказался не единичным. В реакционном органе буржуазии «Новое время» 8 июля появилась статья с требованием к меньшевикам и эсерам «решительными мерами отмежеваться от преступного большевизма и поставить себя выше подозрения в товарищеском покровительстве Ленину»[2].

А уже 11 июля под радостный вой буржуазии меньшевики опубликовали воззвание ко всем членам партии от имени Организационного комитета, игравшего роль Центрального комитета РСДРП меньшевиков:

«Преступная авантюра, затеянная ленинским штабом, могла приобрести такие размеры и стать опасной для дела революции только потому, что за этим штабом пошли значительные слои рабочих и что социал-демократия оказалась слишком слабой, чтобы парализовать демагогию своим организованным вмешательством... Пора уже сказать громко и ясно, что «большевизм», тот большевизм, выразителем и вождем которого является Ленин, настолько далеко ушел от социал-демократии, настолько пропитался анархо-синдикалистскими идеями, что только по недоразумению, по какой-то силе инерции прикрывается еще знаменем РСДРП»[3].

Меньшевики и эсеры закончили полный цикл своего развития, завершив период соглашения с буржуазией окончательным переходом в лагерь врагов революции.

Двенадцатого июля правительством была восстановлена смертная казнь на фронте и введены военные суды для расправы с революционными

Сторожка на заводе «Рено». После разгрома июльской демонстрации в ней происходило совещание Исполнительной комиссии Петербургского комитета большевиков с участием В. И. Ленина.
Гравюра Ф. Константинова

солдатами. Были изданы также постановления о предварительной военной цензуре, о закрытии большевистских газет («Правда», «Окопная правда» и др.), о разоружении рабочих и т. д. Программа английского посла Бьюкенена была полностью проведена в жизнь. Недаром Бьюкенен писал потом в своих воспоминаниях о деятельности Временного правительства:

«Однако как ни плохи были перспективы, тем не менее я был склонен смотреть на вещи более оптимистически. Правительство подавило большевистское восстание и, казалось, решилось, наконец, действовать с твердостью... Когда я вашел через несколько дней к Терещенко, то последний заверил меня, что правительство теперь является в полной мере господином положения» [1].

Ведя решительную контрреволюционную политику, Временное правительство отвлекало внимание масс подачками: в том же заседании, где утвердили смертную казнь, приняли законопроект, запрещающий куплю-продажу земли; разоружили петроградский гарнизон, а 13 июля сместили командующего округом Половцева, разгромившего июльское выступление.

Как только выяснился провал июльских выступлений, Временное правительство снова решило реорганизовать кабинет. 11 июля оно назначило министром юстиции И. Н. Ефремова, члена Государственной думы, землевладельца, по партийной принадлежности прогрессиста; управляющим Министерством государственного призрения — А. А. Барышникова, члена Государственной думы, прогрессиста; управляющим Министерством путей сообщения — Тахтамышева. Прогрессисты незадолго перед этим организовали новую партию — российско-радикально-демократическую, — чтобы расширить свою базу за счет новых мелкобуржуазных слоев. Новая партия высказалась за коалицию, за введение в правительство буржуазных представителей.

Как ни близки были прогрессисты к кадетам, — Ленин их называл «помесь октябристов с кадетами» [2], — но они не могли представлять буржуазию: политическими руководителями являлись кадеты. 13 июля Керенский обратился к Центральному комитету партии кадетов с предложением ввести своих кандидатов в правительство. Кадеты отказались. 15 июля три видных московских кадета — Н. И. Астров, позже член правительства у генерала Деникина, Н. М. Кишкин, в 1919 году пытавшийся организовать в Москве восстание в пользу Деникина, и В. Д. Набоков, управляющий делами первого Временного правительства, — прислали Керенскому письмо, указав, на каких условиях кадеты согласны войти в правительство. Кадеты требовали: члены правительства должны быть независимы в своей деятельности от всяких организаций и партий, правительство не должно предпринимать ни одной крупной реформы до Учредительного собрания, необходимо восстановить дисциплину в армии и устранить вмешательство войсковых комитетов в вопросы военной тактики, ликвидировать многовластие. Кадетам уже мало было того, что мелкобуржуазные лидеры советов наделили правительство полнотой власти. Нужно было, чтобы правительство пользовалось всей властью уже независимо от совета. 18 июля на очередном «частном совещании членов Государственной думы» руководители буржуазии рассказали, чего они добиваются. Пуришкевич истерично кричал:

«Нужно, чтобы власть была властью, нужно поставить на свое место и распустить советы рабочих и крестьянских депутатов» [3].

А. М. Масленников, домовладелец, адвокат, член партии прогрессистов, вторил мракобесу:

«Пора сказать, почему мы дошли до этого позора и унижения... В этом виноваты фантазеры, сумасшедшие люди, которые воображают себя творцами политики мира; в этом виноваты мелкие карьеристы, желающие в революции разъезжать в автомобилях и жить во дворцах, продавшие Россию немцам .. К революции примазалась кучка сумасшедших фанатиков, кучка проходимцев, кучка предателей, и эта кучка назвала себя «Исполнительный комитет совета рабочих и солдатских депутатов» [4].

Ф. И. Родичев, один из основателей кадетской партии, в качестве министра Временного правительства по делам Финляндии проводивший великодержавную политику, требуя

принятия требований Кишкина, Астрова, Набокова, угрожал:

«Мы опасаемся, что тот большевизм, который в городах, быть может, уже показал свое лицо, еще покажет свое лицо в деревнях, но мы должны бороться с этим, и мы должны звать правительство на борьбу с этим, а не на попустительство, на организацию администрации, на организацию власти в стране» [1].

Когда атмосфера была уже достаточно подогрета, выступил Милюков с подробным анализом требований кадетов. Лидер буржуазии спрашивал у взвинченной аудитории:

«Считаете ли правильным, чтобы партия «народной свободы»... осудила своих членов на роль ширм, которую мы не хотели играть до сих пор, чтобы партия «народной свободы» все-таки вступила в правительство? Мы полагаем, что нет... И мы считали, что мы просто обманули бы страну... если бы мы приняли предложение, нам адресованное, на всяких условиях, а не на тех условиях, которые мы ставим и — я рад заявить это — ставит вместе с нами Временный комитет Государственной думы» [2].

Милюков настолько разоткровенничался, что потребовал новой отсрочки Учредительного собрания, — правительство обещало собрать его 17 сентября.

Объединенные торгово-промышленные организации особой декларацией поддержали требования Милюкова. Помещики и буржуазия сплотились вокруг условий кадетской партии.

Керенский 20 июля послал новое предложение Кишкину и Астрову вступить в правительство.

«Временное правительство облечено всей полнотой власти и не отвечает ни перед какими общественными организациями или партиями» [3],

убеждал он кадетов, надеясь на полную поддержку совета. Но боевая позиция буржуазии пугала руководителей совета, они колебались принять все условия кадетов. Керенский решил произвести давление на колеблющихся соглашателей. 21 июля он подал заявление об отставке. Керенский оправдывал свой поступок тем, что он, видимо, не обладает достаточным авторитетом для создания правительства, а с другой стороны, находит, что Россией может править только правительство, объединяющее все общественные организации. Буржуазные министры Терещенко, Годнев, Ефремов, Львов и Некрасов поддержали Керенского и отказались от своих постов. Временное правительство постановило: отставки Керенского и других министров не принимать, всему составу правительства остаться, пока тем или иным способом не будет организовано новое правительство.

Было решено созвать вечером центральные комитеты народно-социалистической партии, кадетов, меньшевиков, эсеров, радикально-демократической (бывших прогрессистов); также — председателя Государственной думы, председателей Всероссийского центрального исполнительного комитета и исполнительного комитета крестьянских депутатов. В 9 часов вечера состоялось предварительное заседание обоих исполнительных комитетов, на котором Церетели доложил о ходе кризиса. Дан предложил прервать заседание, всем оставаться в Таврическом дворце, а приглашенным отправиться в Зимний дворец на заседание правительства.

В 23 часа 30 минут открылось совместное совещание правительства с центральными комитетами соглашательских и других буржуазных партий. Прения продолжались до утра. Буржуазия отстаивала условия кадетов. Соглашатели требовали признания декларации от 8 июля. Дан от имени меньшевиков говорил, что «в свое время» они не побоятся взять власть [4], но для этого надо исчерпать все пути создания коалиционного правительства. Чхеидзе с пристрастием допрашивал Милюкова, как он относится к вопросам мира и земли. Милюков отослал его к письму московских кадетов и добавил:

«Сначала надо создать мощную Россию, а затем уже говорить об осуществлении национальных задач и об исполнении наших обязанностей перед союзниками» [5].

Учтя настроение, Милюков быстро переменил тактику. Играя на популярности Керенского, Милюков предложил поручить составление

Сарай около станции Разлив, в котором скрывался В. И. Ленин после июльских дней.
Гравюра Ф. Константинова

Коалиционное Временное правительство второго состава. Сидят (слева направо): И. П. Ефремов, А. В. Пешехонов, В. М. Чернов, Н. В. Некрасов, А. Ф. Керенский, Н. Д. Авксентьев, А. М. Никитин, С. Ф. Ольденбург; стоят: А. С. Зарудный, М. И. Скобелев, С. Н. Прокопович, Б. В. Савинков, А. В. Карташев.

правительства лично Керенскому из тех лиц, которых он сочтет нужным пригласить. Буржуазию это предложение устраивало, так как в этом случае кабинет министров был бы независим от организаций. Но и соглашателям предложение Милюкова давало возможность спасти свое лицо перед массами: во главе правительства оставался «социалист» Керенский. Меньшевики и эсеры в своих резолюциях заявили, что они

> «вполне доверяют тов. Керенскому при составлении кабинета с привлечением представителей всех партий, готовых работать на почве программы, возвещенной правительством тов. Керенского 8 июля» [1].

Двадцать второго июля объединенное заседание Всероссийского центрального исполнительного комитета и исполнительного комитета крестьянских депутатов доверило Керенскому составление кабинета. Декларация от 8 июля приведена была явно для отвода глаз. В тот же день Временный комитет Государственной думы также «доверил» Керенскому составление правительства, но совершенно не упомянул декларации от 8 июля. 24 июля Центральный комитет партии кадетов согласился послать своих представителей в правительство, особо подчеркнув сохранение старых условий:

> «Принимая во внимание заявление министра-председателя о его намерении положить в основу создания сильной власти суровую необходимость вести войну, поддерживать боеспособность армии и восстановить хозяйственную мощь государства, Центральный комитет партии «народной свободы» предоставляет своим товарищам по личному выбору Керенского войти в состав правительства и занять предложенные им посты» [2].

В тот же день был объявлен новый состав правительства: министр-председатель и военно-морской министр — А. Ф. Керенский (эсер), заместитель председателя и министр финансов — Н. В. Некрасов (левый кадет), внутренних дел — Н. Д. Авксентьев (эсер), иностранных дел — М. И. Терещенко, юстиции — А. С. Зарудный (народный социалист), просвещения — С. Ф. Ольденбург (кадет), торговли и промышленности — С. Н. Прокопович (беспартийный, близкий к кадетам), земледелия — В. М. Чернов (эсер), почт и телеграфов — А. М. Никитин (меньшевик), труда — М. И. Скобелев (меньшевик), продовольствия — А. В. Пешехонов (народный социалист), государственного призрения — И. Н. Ефремов (радикально-демократическая партия), путей сообщения — П. Н. Юренев (кадет), обер-прокурор —

А. В. Карташев (кадет), государственный контролер — Ф. Ф. Кокошкин (кадет). Правительство оказалось твердо в руках у кадетов. Терещенко и Прокопович в партии не состояли, но разделяли политику кадетов; что касается «народных социалистов», то Пешехонов уже достаточно проявил себя, а Зарудный продолжал дело прежнего министра юстиции, преследуя Ленина и арестовывая большевистских руководителей. Милюков так и писал по поводу нового состава:

«При небольшом номинальном перевесе социалистов *действительный перевес в кабинете безусловно принадлежал убежденным сторонникам буржуазной демократии*»[1].

Июльские события нашли свое отражение и в провинции. В Москве по получении первых известий из Петрограда эсеро-меньшевистский президиум исполнительного комитета советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов вынес 4 июля решение:

«Впредь до особого постановления запретить в городе Москве всякого рода выступления как в виде манифестаций, так и в виде уличных митингов»[2].

Однако невзирая на это запрещение в тот же день с окраин города потянулись громадные демонстрации рабочих, на знаменах и плакатах которых пестрели лозунги о передаче всей власти в руки советов. Совместно с рабочими вышли также отдельные части московского гарнизона.

На Скобелевской площади был организован митинг, на котором выступали ораторы-большевики.

В Иваново-Вознесенске господствовали явно большевистские настроения. 5 июля советом рабочих и солдатских депутатов было вынесено постановление, в котором требовалось передать власть советам. 6 июля в Иваново-Вознесенске состоялась громадная демонстрация рабочих и солдат местного гарнизона.

Демонстрации, а в некоторых случаях и восстания солдат имели место в Ярославле, Ростове, Костроме, Шуе, Коврове, Нижнем Новгороде, Киеве, Риге и в целом ряде других мест. В Нижний Новгород был послан из Москвы под командой полковника Верховского отряд для разоружения местного гарнизона.

4.

ПРОЛЕТАРИАТ ИЗЖИВАЕТ СОГЛАШАТЕЛЬСКИЕ ИЛЛЮЗИИ.

Таким образом, демонстрация 3—5 июля была разгромлена, а партия большевиков загнана в подполье.

Казалось, движение кончилось *поражением*. Однако по существу оно было своего рода победой, одержанной революцией на пути перерастания ее из буржуазной в социалистическую. Буржуазия несколько переоценила свой успех: за внешними, легко наблюдаемыми передвижками она не заметила глубокого внутреннего процесса в расстановке классовых сил. Самодержавие в январские дни 1905 года, разгромив мирную демонстрацию, покончило не с рабочим движением, а с верой рабочих в царя. Так и буржуазия, подавив июльское выступление, разбила не рабочую революцию, а доверие, даже не к себе,— оно давно было утеряно,— а к мелкобуржуазным лидерам.

Среди сотен тысяч демонстрантов было немало рядовых эсеров и меньшевиков. Вместе с многими тысячами беспартийных, доверявших мелкобуржуазному блоку, они ясно увидели всю мерзость его предательства. Июльские дни вбили клин между верхами и низами соглашательских партий: в то время как верхи скатились в лагерь буржуазии, низы круто повернули в сторону пролетариата.

Большевистские ряды начали быстро пополняться. За три недели число членов партии в Петрограде увеличилось на 2 500 человек. Рост партии и ее влияние среди рабочих видны и по выборам в различные среди рабочих видны и по выборам в различные организации на фабриках и заводах. Выборы уполномоченных в больничную кассу заводов «Новый Лесснер» и «Старый Лесснер» дали такие результаты: из 100 избранных оказалось 15 эсеров, 5 меньшевиков и 80 большевиков. До этого большевиков среди уполномоченных было меньше половины. На заводе «Эриксон» из 60 уполномоченных избрано было 7 меньшевиков, 14 эсеров и 39 большевиков. На заводе «Треугольник» из 100 уполномоченных избрано 65—70 большевиков, в то время как раньше большинство имели эсеры.

Те же результаты дали и перевыборы в советы. На Франко-русском заводе избрали трех депутатов-большевиков вместо прежних эсеров и меньшевиков. На заводе «Лангензипен» вместо соглашателя был избран большевик и т. д.

Рабочие порывали с обанкротившимися партиями и уходили к большевикам. Если они еще и не вступали в партию — часто по причине жестоких преследований, — они внутренно освобождались от влияния мелкобуржуазных лидеров.

Результат всюду был один: рабочая масса после первых дней разгула репрессий как бы уходила в себя, а затем, поразмыслив, мало-помалу переходила в лагерь большевизма.

«Сделали доклад о питерских событиях, — рассказывал депутат из Грозного на VI съезде партии большевиков, — и что же? Со стороны эсеров и меньшевиков... ни одного звука: они были побиты. После этого травля прекратилась, и, больше того, эсеры стали записываться в нашу организацию» [1].

«Эсеры имеют большое значение, — докладывал представитель Донбасса, — но после событий 3—5 июля замечается отлив рабочих и из эсеровских организаций к нам... Видные эсеры перешли в нашу организацию и говорили, что правящие классы предали интересы рабочих» [2].

Свидетельством разложения мелкобуржуазных партий является и рост в них оппозиции: у меньшевиков усиливается левое крыло, лидер которого Мартов даже выступал в июльские дни с предложением передать власть советам; правое крыло меньшевиков фактически обособилось и перешло в газету «День», которую редактировал известный ликвидатор Потресов. Среди эсеров усилились левые течения. Эсеровская партия затрещала по всем швам: правые ругали руководство, а «левые» обвиняли правых в предательстве.

Июльское движение вызвало то, что потом часто повторялось в истории партии: пролетариат, почуяв грозящую его партии опасность, еще теснее сплотился вокруг большевиков. За июлем последовала первая «партийная неделя», когда рабочие массами вливались в партийные ряды.

Июльская демонстрация еще в одном отношении сыграла огромную роль. Она ответила рабочим и крестьянам на коренной вопрос революции — в чьих руках власть. Власть перешла в руки буржуазии — это явственно поняли и ощутили на себе широкие массы трудящихся.

«Движение 3 и 4 июля, — так оценил июльские дни Ленин, — было последней попыткой путем манифестации побудить советы взять власть. С этого момента советы, т. е. господствующие в них эсеры и меньшевики, фактически передают власть контрреволюции, представляемой кадетами и поддерживаемой эсерами и меньшевиками. Теперь мирное развитие революции в России уже невозможно, и вопрос историей поставлен так: либо полная победа контрреволюции, либо новая революция» [3].

Выработкой новой тактики для нового этапа революции занялся VI съезд большевистской партии.

И. Сталин

Автолитография В. И. ШУХАЕВА

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

ШЕСТОЙ СЪЕЗД БОЛЬШЕВИСТСКОЙ ПАРТИИ.

1.

Исторический VI съезд большевистской партии состоялся 26 июля — 3 августа 1917 года в Петрограде.

В отчете VI съезду Яков Свердлов сообщал, что со времени Апрельской конференции количество организаций возросло с 78 до 162. Количество членов партии за три месяца увеличилось втрое — с 80 тысяч до 240 тысяч человек. Петроград насчитывал 41 тысячу, Московский район — 50 тысяч, Урал — 25 тысяч, Донецкий бассейн — 16 тысяч, Киевский район — 10 тысяч, Кавказ — 9 тысяч, Финляндия — 12 тысяч, Прибалтийский край — 14 тысяч, Поволжье — 13 тысяч, Одесский район — 7 тысяч, Сибирь — 10 тысяч, Минский район — 4 тысячи, Северный район — 1,5 тысячи и, наконец, военные организации — 26 тысяч [1].

Значительно выросла за этот же период и большевистская печать. Партия имела 41 газету с ежедневным тиражом в 320 тысяч экземпляров. 27 газет выходили на русском языке, остальные — на грузинском, армянском, латышском, татарском, польском и других языках.

После июльских дней было закрыто восемь газет, в том числе и центральный партийный орган «Правда». Однако к началу съезда пять из закрытых газет уже стали выходить снова под другими названиями.

В огромной степени выросло влияние большевистской партии среди масс. Об этом ярко

говорили факты, сообщенные делегатами съезда в докладах с мест. В. Н. Подбельский, делегат от Москвы, говорил:

«Громадное влияние нашей организации, товарищи, сказалось в том, что все массовые выступления проходили под нашими лозунгами... Демонстрация 18 июня, организованная официально советом, прошла под нашими лозунгами. В пунктах сбора, указанных советом, были жалкие кучки в 20—30 человек, за нашими знаменами шли массы. Там, где мы устраивали митинги, собирались целые толпы, в других пунктах пустовало, и оживление наступало только тогда, когда подходили с нашими знаменами, выступали наши ораторы» [1].

Опираясь на резолюции Апрельской конференции большевистской партии, московская организация сумела сплотить вокруг себя широкие массы рабочих и трудящихся. Московские большевики завоевали ряд профессиональных союзов, откуда рабочие изгнали меньшевиков и эсеров. В Московском совете все еще преобладали соглашатели, но влияние большевиков в массах так выросло, что меньшевики и эсеры нередко вынуждены были поднимать руки за большевистские резолюции. На соединенном заседании советов рабочих и солдатских депутатов Москвы 25 июля меньшевики и эсеры не осмелились уклониться от поддержки большевистского протеста против введения смертной казни. На Московской конференции фабрично-заводских комитетов, которая заседала с 23 по 28 июля, часть меньшевиков под давлением масс голосовала за большевистское предложение о введении рабочего контроля над производством. Террор правительства после июльских событий не задержал роста влияния московских большевиков. Усилилась травля партии, стало труднее собирать митинги, устраивать собрания, но убыли в организации не наблюдалось. Московские большевики стойко и уверенно продолжали вести работу в массах на основе директив Ленина и Центрального комитета большевистской партии. Делегат от Москвы на съезде большевиков особо подчеркнул:

«Считаю в заключение чрезвычайно важным отметить полное единодушие в идейной работе между Москвой и Питером, что выразилось и во время кризиса 20—21 апреля и по вопросу о выступлении в июльские дни.

Это единство, которое достигалось и без предварительного соглашения, убеждает нас, товарищи, в жизненности нашей позиции и придает еще больше уверенности и энтузиазма нашей работе» [2].

Представитель Донбасса говорил на съезде о быстром росте большевистской организации. Большевистские резолюции проходили на всех рабочих собраниях. Влияние большевиков преобладало среди рабочих. На многих заводах эсеры и меньшевики переходили в большевистские ячейки.

В Поволжье усилилось влияние партии большевиков. В Царицыне на выборах в городскую думу большевики завоевали 39 мест из 102. В Саратове большевистская партия на выборах заняла третье место. В Поволжье большевики вели успешную работу среди трудящихся угнетенных наций. В Казани перевели на татарский язык и издали программу большевистской партии.

В Грозном накануне Апрельской конференции в большевистской партии было 800 членов, а к VI съезду большевиков стало около 2 тысяч. Работа большевиков протекала в исключительно трудных условиях. В городе образовалось «Общество борьбы с большевиками». Большевиков звали немецкими шпионами, провоцировали на выступление, а потом избивали. Большевиков обвиняли в том, что они натравили чеченцев на русских. В казачьей станице под Грозным постановили 9 июля выселить в три дня всех большевиков. Одну учительницу выгнали из станицы только потому, что она была женой большевика.

Но рабочие поддержали большевистскую организацию. Их не испугали и репрессии после июльских событий.

«Июльские события, — говорил делегат от Грозного, — как бы откристаллизовали нашу партию: записываться шли убежденные рабочие, которые от партии не откажутся» [3].

В тяжелых условиях работали большевики Закавказья. Им удалось повести за собой солдат — в одном Тифлисе было 80 тысяч штыков. Но краевой исполнительный комитет советов, где засели меньшевики и эсеры, стал выводить большевистские части из города. Взаман прислали другие полки. Предварительно новые части долго держали в деревнях, клеветали среди солдат на большевиков. Когда и новые полки становились большевистскими, их снова выводили из городов. Большевистские газеты конфисковывались. Был случай, когда Тифлисский исполнительный комитет совета задержал 40 тысяч номеров «Правды». Большевистскую газету «Кавказский рабочий» на каждом заседании совета грозили закрыть.

«Наша работа там, — говорил делегат от Закавказья, — работа мучеников. Но и после этого мы продолжали нашу работу. Наша газета стала солдатской: мы целыми пудами получали с фронта письма, тысячи сочувственных телеграмм» [4].

За время с Апрельской конференции по VI съезд большевистская партия накопила огромный опыт массовой работы. Быстро ме-

ДОКЛАД И. В. СТАЛИНА НА VI СЪЕЗДЕ РСДРП (большевиков).

Акварель В. Г. Сварога.

няющаяся политическая обстановка, напряженная кипучая практика выдвинули ряд новых форм массовой работы. В полках и на заводах были организованы землячества — объединения солдат или рабочих из одного района, иногда из одного села. В землячествах велись политические беседы, уезжавших в отпуск снабжали литературой. В Кронштадте большевистская организация из землячеств посылала целые группы агитаторов по деревням и губерниям.

Кроме землячеств работа шла в клубах. Один из таких клубов был создан в Петрограде военной организацией Центрального комитета большевиков. Это был солдатский клуб «Правды». Тут читались лекции, объяснялась программа партии большевиков.

Глубоко продвинулась работа среди солдат всех гарнизонов и на фронте. В Москве военная организация насчитывала более 2 тысяч большевиков. Москвичи посылали на фронт литературу и агитаторов. Тов. Ярославский от московской военной организации докладывал VI съезду, что за один только месяц более 170 делегатов приезжало с фронта за литературой. И это — несмотря на преследования за чтение большевистских газет.

На фронте, особенно ближе к Петрограду, например, в 12-й армии, партийные организации быстро оправились после разгрома июльской демонстрации. Как только генералы закрыли «Окопную правду», на второй же день вышел «Окопный набат». Уже 20 июля большевикам удалось созвать совещание делегатов 23 полков — русских, сибирских, латышских. Совещание послало в Петроград протест против репрессий Временного правительства и потребовало освободить всех арестованных большевиков.

В латышских полках было более 2 тысяч большевиков, но за латышскими большевиками фактически шли все 48 тысяч солдат. Делегат от латышей говорил на съезде:

«Теперь штаб сожалеет, что он допустил формирование национальных полков, но расформировать восемь латышских полков уже нельзя. Латышские стрелки заявили, что они этого не допустят. Сибирские полки заявили, что если будут расформировывать латышские полки, придется считаться и с ними. И наоборот. Единение между латышскими и сибирскими полками полное, и если штабу не удастся спровоцировать нас на выступление, то я надеюсь, что мы сумеем сделать 12-ю армию «Красной армией» [1].

С особой настойчивостью и напряжением партия вела работу в советах — в этих массовых политических организациях, — уверенно вскрывая предательскую политику эсеро-меньшевиков. Большевистская волна заливала нижние этажи советов, угрожая захватить и верхние. Часто верхушки советов уже не отражали настроения своих избирателей. Против напора снизу руководители мелкобуржуазного блока прибегали к одному и тому же испытанному средству: всячески оттягивали или задерживали перевыборы. Но партия умело обходила и этот маневр, создавая себе опорные пункты в районных советах. Так в Москве к VI съезду партии из 10 районов 6 находились под безраздельным руководством большевиков. Выпираемые массовой волной из советов, эсеро-меньшевики перекочевывали в городские и земские самоуправления, пытаясь оттуда бороться с большевистским влиянием.

В муниципалитетах — городских думах, в которых окапывались меньшевики и эсеры для борьбы с советами, — ленинцы также завоевывали почетное место.

С тем же упорством боролась партия за руководство и другими организациями. Большевизировались профессиональные союзы. Фабрично-заводские комитеты в промышленных центрах полностью шли за большевиками.

Большую работу провела партия среди молодежи. Союз молодежи в Петрограде, насчитывавший к VI съезду партии около 50 тысяч членов, активно боролся под лозунгами большевиков. Столь же велико было влияние партии на молодежь и в других крупных промышленных центрах.

Доклады с мест, заслушанные съездом партии, показали, что если партия не завоевала еще подавляющего большинства в массовых организациях пролетариата и крестьянства всей страны, то на решающих позициях она уже имела крепкие опорные пункты. К VI съезду партия подошла с утроенным числом своих рядов, с огромным опытом революционной борьбы, с возросшим влиянием на широкие массы.

Работать съезду пришлось полулегально. Шпионы правительства, наемные и добровольные, рыскали по районам, вынюхивая, где собрались делегаты. 29 июля Временное правительство опубликовало постановление, в котором военному министру и министру внутренних дел предоставлялось право запрещать всякие собрания и съезды. Это постановление явно было направлено против большевиков.

Съезд, на котором присутствовали 157 делегатов с решающим голосом и 112 с совещательным, открылся на Выборгской стороне, а затем в целях конспирации перешел к Нарвским воротам.

«Заседания происходили настолько нелегально, — рассказывает один из его участников, — что многие товарищи назывались нелегальными именами, так как мы каждый

день ждали еще большего разгрома и арестов»[1].

Угроза ареста была так реальна, что съезду пришлось даже прервать свои работы задолго до окончания, чтобы спешно произвести выборы членов Центрального комитета.

При такой обстановке приходилось спешить. Заняться можно было только наиболее острыми вопросами. Так съезд не признал возможным подойти вплотную к пересмотру партийной программы. Выработку новой программы поручили вновь избранному Центральному комитету.

Съезд утвердил следующий порядок дня:

1. Доклад Организационного бюро (по созыву съезда. *Ред.*).
2. Доклад ЦК.
3. Отчеты с мест.
4. Текущий момент:
   а) война и международное положение;
   б) политическое и экономическое положение.
5. Пересмотр программы.
6. Организационный вопрос.
7. Выборы в Учредительное собрание.
8. Интернационал.
9. Объединение партии.
10. Профессиональное движение.
11. Выборы.
12. Разное.

Одним из первых обсуждался на съезде вопрос о явке Ленина на суд. Доклад делал Серго Орджоникидзе. Он категорически высказался против явки Ленина на суд.

«Им важно, — говорил Орджоникидзе, — выхватить как можно больше вождей из рядов революционной партии. Мы ни в коем случае не должны выдавать товарища Ленина»[2].

Тов. Дзержинский поддержал докладчика:

«Мы должны ясно и определенно сказать, что хорошо сделали те товарищи, которые посоветовали товарищам Ленину и Зиновьеву не арестовываться. Мы должны ясно ответить на травлю буржуазной прессы, которая хочет расстроить ряды рабочих»[3].

За явку Ленина на суд высказалось немного членов съезда. Володарский, Лашевич говорили, что суд над Лениным можно превратить в суд над правительством, что партия может на этом деле выиграть.

Съезд большевистской партии высказался против явки Ленина на суд, подтвердив тем самым позицию Сталина, занятую им сразу после разгрома июльской демонстрации.

Основными вопросами съезда были два доклада Сталина: политический отчет Центрального комитета и доклад о политическом положении. Уже в первом докладе, дав глубокий ленинский анализ июльских событий и тактики партии в эти дни, Сталин поставил вопросы, решение которых определяло ход и исход пролетарской революции в нашей стране.

«Прежде чем перейти к докладу о политической деятельности Центрального комитета за последние два с половиной месяца, — говорил Сталин, — я считаю нужным отметить основной факт, определивший деятельность Центрального комитета. Я имею в виду факт развития нашей революции, ставящей вопрос о вмешательстве в область экономических отношений в форме контроля над производством, о передаче земли в руки крестьянства, о передаче власти из рук буржуазии в руки советов рабочих и солдатских депутатов. Все это определяет глубокий характер нашей революции. Она стала принимать характер социалистической рабочей революции»[4].

Политическая линия Центрального комитета не вызывала больших возражений. Отдельные замечания указывали главным образом на недостаточно крепкую связь Центрального комитета с провинцией. Но именно на этих замечаниях Преображенский пытался доказать, что изоляция петроградского пролетариата от провинции была причиной июльского поражения.

Всеми голосами при пяти воздержавшихся съезд одобрил деятельность Центрального комитета и утвердил его отчет.

Второй доклад Сталина был посвящен тактике партии на новом этапе.

Политическое положение в стране после июльских дней резко изменилось. Власть из положения неустойчивого равновесия, в котором она находилась с Февральской революции, резко повернулась вправо: *двоевластие Временного правительства и советов сменилось единовластием буржуазии*. Недавние свободы уступили место «исключительным законам» против большевиков. Правительство всячески стремилось обезоружить революцию. Оно расформировало революционные полки, загнало Красную гвардию в подполье.

Все возможности мирного развития революции исчезли. Вести революцию вперед можно было, только вырвав власть из рук буржуазии.

Но взять власть силой мог лишь один класс — пролетариат вместе с деревенской беднотой. Советы, все еще руководимые эсерами и меньшевиками, скатились в лагерь буржуазии и на этой стадии революции могли выступить только в роли пособников контрреволюции. Апрельский лозунг «Вся власть советам» после всего происшедшего в связи с июльскими событиями не мог быть уже оправдан. Однако снятие этого лозунга отнюдь не означало отказа от борьбы за власть советов. Ленин всячески под-

Делегат VI съезда—В. М. Молотов.

черкивал, что речь идет не о советах вообще как органах революционной борьбы, а лишь о *данных*, соглапательских советах на *данном* этапе развития революции.

И именно эту ленинскую точку зрения развивал и защищал на съезде Сталин в своем исключительно ярком и четком докладе о политическом положении. Характеризуя ход революции, Сталин говорил:

«Между тем война продолжается, экономическая разруха растет, революция продолжается, получая все более социалистический характер. Революция врывается в сферу производства — ставится вопрос о контроле. Революция врывается в сельскохозяйственную сферу — ставится вопрос не только о конфискации земли, но и о конфискации инвентаря живого и мертвого...

Некоторые товарищи говорили, что так как у нас капитализм слабо развит, то утопично ставить вопрос о социалистической революции. Они были бы правы, если бы не было войны, если бы не было разрухи, не были расшатаны основы народного хозяйства. Но эти вопросы о вмешательстве в хозяйственную сферу ставятся во всех государствах как необходимые вопросы. В Германии этот вопрос поставлен и обошелся без прямого

Делегат VI съезда — К. Е. Ворошилов.

Делегат VI съезда — С. Орджоникидзе.

и активного участия масс. Другое дело — у нас в России. У нас разруха приняла более грозные размеры. С другой стороны, такой свободы, как у нас, нигде не бывало в условиях войны. Затем громадная организованность рабочих: у нас, например, в Питере 66 процентов организованных металлистов. Наконец нигде у пролетариата не было таких широких организаций, как советы рабочих и солдатских депутатов. Все это исключало возможность невмешательства рабочих масс в хозяйственную жизнь. В этом реальная основа постановки вопроса о социалистической революции у нас в России» [1].

Свой доклад Сталин закончил так:

«До 3 июля была возможна мирная победа, мирный переход власти к советам. Если бы съезд советов решил взять власть в свои руки, кадеты, я полагаю, не осмелились бы выступить открыто против советов, ибо такое выступление было бы обречено заранее на гибель. Но теперь, после того как контрреволюция организовалась и укрепилась, говорить, что советы могут мирным путем взять власть в свои руки, значит говорить впустую. Мирный период революции кончился, наступил период немирный, период схваток и взрывов» [2].

Доклад Сталина и предложенная им резолюция вызвали большие прения. Они показали, что разногласия, существовавшие в партии в период Апрельской конференции по вопросу о характере русской революции, еще не вполне изжиты. Часть делегатов высказывалась за сохранение старого лозунга «Вся власть советам», выступая при этом против основных ленинских установок о характере русской революции как революции социалистической.

Тов. Ногин, возражая Сталину, говорил:

«В чем разница между революцией товарища Сталина и резолюциями Апрельской конференции? Тогда мы находили, что еще стоим перед переходом к социалистической революции. Неужели, товарищи, наша страна за два месяца сделала такой прыжок, что она уже подготовлена к социализму?» [3]

Делегат от Москвы Н. С. Ангарский говорил на съезде:

«Но я не согласен с товарищем Сталиным, что мы должны перешагнуть через буржуазную к социалистической революции. Сталин говорит: у нас счастливые условия — в России до 70 процентов организованных рабочих и т. д. Но этого слишком недостаточно для социалистической революции. У нас нет резервов. Резерв — это революционное в настоящий момент крестьянство, которое останется таковым до тех лишь пор, пока получит землю. Перескок, предлагаемый товарищем Сталиным,—не тактика марксизма, а тактика

Делегат VI съезда — С. В. Косиор.

Делегат VI съезда — М. С. Ольминский.

отчаяния, которая пока ничем не вызывается» [1].

Доводы Ногина поддержали товарищи Юренев и Володарский.

«Если наша партия примет резолюцию Сталина, — говорил тов. Юренев, — мы пойдем быстро по пути изоляции пролетариата от крестьянства и широких масс населения. Здесь по существу проводится диктатура пролетариата» [2].

С подобной же критикой выступал и Залежский, считая неверным утверждение Сталина, что 5 июля власть перешла в руки контрреволюции. Между тем сам Залежский в силу конспирации и опасений ареста выступал на съезде под кличкой «Владимир».

События нарастающей революции ничему не научили выступавших против ленинской линии.

«Разрыв между буржуазией и крестьянством неизбежен, и он поставит ребром вопрос, в чьих руках будет власть» [3],

повторял тов. Ногин свою старую мысль о незаконченности буржуазной революции, упорно не замечая, что крестьянство уже раскололось, что верхушка его ушла уже в буржуазный лагерь.

На Апрельской конференции тов. Ногин не понимал, что разруха в условиях продолжавшейся войны резко поставила вопрос о необходимости перехода к социализму и что этот переход может сделать только пролетариат вместе с крестьянской беднотой. На VI съезде тов. Ногин попрежнему не понимал, что дело не в «прыжке», не в созревании производительных сил за какие-нибудь два месяца, а в новой расстановке классовых сил, поставившей перед революцией вопрос о захвате власти наиболее революционным классом.

О возражениях по поводу разногласий с резолюциями Апрельской конференции большевистской партии Сталин говорил на съезде:

«Теперь несколько слов товарищам Ангарскому и Ногину по поводу социализма. Еще на Апрельской конференции мы говорили, что настал момент, чтобы начать делать шаги в сторону социализма» [4].

Дальше Сталин прочитал следующие строки из резолюции Апрельской конференции о текущем моменте:

«Пролетариат России, действующий в одной из самых отсталых стран в Европе, среди массы мелкокрестьянского населения, не может задаваться целью немедленного осуществления социалистических преобразований.

Но было бы величайшей ошибкой, а на практике даже полным переходом на сторону буржуазии выводить отсюда необходимость поддержки буржуазии со стороны рабочего класса, или необходимость ограничивать свою деятельность рамками приемлемого для

Делегат VI съезда — Ем. Ярославский.

Делегат VI съезда — О. А. Пятницкий.

мелкой буржуазии, или отказ от руководящей роли пролетариата в деле разъяснения народу неотложности ряда практически назревших шагов к социализму» [1].

Показав, что резолюция VI съезда партии продолжает линию, намеченную еще Апрельской конференцией большевиков, Сталин продолжал:

«Товарищи отстали на три месяца. Что же совершилось за эти три месяца? Мелкая буржуазия расслоилась, низы уходят от верхов, пролетариат организуется, разруха растет, ставя еще настоятельнее на очередь вопрос об осуществлении рабочего контроля (например, в Питере, Донецкой области и т. п.). Все идет на пользу положений, принятых еще в апреле. А товарищи тянут назад» [2].

Резкий отпор не согласным с резолюцией Сталина дал на съезде В. М. Молотов. Он говорил:

«Несомненно, что восторжествовала контрреволюционная буржуазия, отменяющая всякие свободы, а потому после кризиса 3—5 июля нет возможности мирной передачи власти в руки советов. В этом нет разногласий между товарищами.

В изменении мирного характера революции и есть переломный момент.

Власть можно получить только силой...

Только пролетариат и беднейшее крестьянство хотят взять власть в свои руки, смогут это сделать и сделают в интересах большинства, представителями которого они являются» [3].

С критикой доклада Сталина выступил и тов. Бухарин. Представляя себе дальнейшее развитие революции в виде двух сменяющихся этапов, он говорил:

«Первый фазис — с участием крестьянства, стремящегося получить землю, второй фазис — после отпадения насыщенного крестьянства, фазис пролетарской революции, когда российский пролетариат поддержат только пролетарские элементы и пролетариат Западной Европы» [4].

Как видим, тов. Бухарин высказал взгляд, очень близкий к тому, что защищал на Апрельской конференции Каменев: либо мы идем с крестьянством — тогда это не социалистическая революция, либо пролетариат выступает один — только тогда это будет социалистическая революция.

В ответах на вопросы, в заключительном слове, а также в возражениях по поводу поправок к резолюции Сталин снова развернул глубокий анализ данного этапа революции.

«Теперь мы выдвигаем лозунг передачи власти в руки пролетариата и беднейшего крестьянства, — говорил Сталин. — Следовательно, вопрос не в форме, а в том, какому

Делегат VI съезда—П. Ф. Кодацкий.

Делегат VI съезда—В. В. Осинский.

классу передается власть, вопрос о составе советов... Надо ясно дать себе отчет, что не вопрос о форме явится решающим. Действительно решающим является вопрос, созрел ли рабочий класс для диктатуры, а все остальное приложится, создастся творчеством революции» [1].

Дальше Сталин указал, что из снятия лозунга «Вся власть советам» отнюдь не следует лозунг «Долой советы». Большевики не выходят даже из Центрального исполнительного комитета советов несмотря на всю его жалкую роль.

Оставаясь в советах, большевики будут продолжать разоблачение тактики социалистов-революционеров и меньшевиков.

«Главная задача, — подчеркивал Сталин в заключительном слове, — пропаганда идеи необходимости *свержения* существующей власти. Мы еще недостаточно подготовлены к этой мысли. Но надо подготовиться.

Надо, чтобы рабочие, крестьяне и солдаты поняли, что без свержения нынешней власти им не получить ни воли, ни земли!

Итак, вопрос стоит не об организации власти, а об ее свержении, а когда мы получим власть в свои руки, сорганизовать ее мы сумеем» [2].

Сталин подверг резкой критике взгляды Бухарина.

«В чем перспектива тов. Бухарина?—спрашивал он.— Его анализ неверен в самой основе. По его мнению в первом этапе мы идем к крестьянской революции. Но ведь она не может не встретиться, не совпасть с рабочей революцией. Не может быть, чтобы рабочий класс, составляющий авангард революции, не боролся вместе с тем за свои собственные требования. Поэтому я считаю схему тов. Бухарина непродуманной. Второй этап по тов. Бухарину — революция пролетарская при поддержке Западной Европы, без крестьян, которые получили землю и удовлетворились. Но против кого направлена эта революция? Тов. Бухарин в своей игрушечной схеме не дает на это ответа» [3].

Бухарин стриг все крестьянство под одну гребенку, забывая, что буржуа-империалисты заключили блок, по выражению Сталина, только с крепким мужиком. Беднейшие слои крестьянства шли с пролетариатом, под его руководством.

Такой же резкий отпор получил и Преображенский с его троцкистской точкой зрения о невозможности победы социализма в одной стране. В резолюции о политическом положении, предложенной Сталиным, говорилось:

«Задачей этих революционных классов (т. е. пролетариата и беднейшего крестьянства. *Ред.*) явится тогда напряжение всех сил для

Делегат VI съезда—В. Володарский.

Делегат VI съезда—Н. А. Джапаридзе.

взятии государственной власти в свои руки и для направления ее в союзе с революционным пролетариатом передовых стран к миру и к социалистическому переустройству общества» [1].

Против этой формулировки Сталина выступил Преображенский, предложив следующее добавление:

«Предлагаю иную редакцию конца резолюции: «Для направления ее к миру и при наличии пролетарской революции на Западе — к социализму...»[2]

Критикуя точку зрения Преображенского, защищавшего теорию Троцкого о невозможности победы социализма в отдельно взятой стране, Сталин говорил:

«Я против такого окончания резолюции. Не исключена возможность, что именно Россия явится страной, пролагающей путь к социализму. До сих пор ни одна страна не пользовалась такой свободой, какая была в России, не пробовала осуществлять контроль рабочих над производством. Кроме того база нашей революции шире, чем в Западной Европе, где пролетариат стоит лицом к лицу с буржуазией в полном одиночестве. У нас рабочих поддерживают беднейшие слои крестьянства... Надо откинуть отжившее представление о том, что только Европа может указать нам путь. Существует марксизм догматический и марксизм творческий. Я стою на почве последнего» [3].

В резолюции по докладу Сталина были подведены итоги пройденному этапу и намечены пути дальнейшего подъема революции на высшую ступень. В принятой резолюции говорилось:

«1. Развитие классовой борьбы и взаимоотношение партий в обстановке империалистской войны в связи с кризисом на фронте и усиливающейся зависимостью России от союзного капитала привели к диктатуре контрреволюционной империалистской буржуазии, опирающейся на военную клику из командных верхов и прикрываемой революционной ширмой вождями мелкобуржуазного социализма...

4. При господстве этих партий советы неизбежно спускались все ниже и ниже, переставали быть органами восстания, как и органами государственной власти, а решения их неизбежно превращались в бессильные резолюции и невинные пожелания. А буржуазия в это время, играя «социалистическими» министрами, оттягивала выборы в Учредительное собрание, тормозила переход земли к крестьянам, саботировала всякую борьбу с разрухой, подготовляла — с одобрения большинства советов — наступление на фронте, т. е. возобновление империалистской войны, организуя всем этим силы контрреволюции...

Делегат VI съезда—С. М. Шахмесов.

Делегат VI съезда—В. Слуцкий.

6. В силу такого хода событий в настоящее время государственная власть оказалась фактически в руках контрреволюционной буржуазии, поддержанной военной кликой. Именно эта империалистская диктатура провела и проводит все перечисленные выше меры разрушения политической свободы, насилия над массами и беспощадного преследования интернационалистского пролетариата при полнейшем бессилии и бездействии центрального учреждения советов — Центрального исполнительного комитета.

Советы переживают мучительную агонию, разлагаясь вследствие того, что не взяли во-время всей государственной власти в свои руки.

7. Лозунг передачи власти советам, выдвинутым первым подъемом революции, который пропагандировала наша партия, был лозунгом мирного развития революции, безболезненного перехода власти от буржуазии к рабочим и крестьянам, постепенного изживания мелкой буржуазией ее иллюзий. В настоящее время мирное развитие и безболезненный переход власти к советам стали невозможны, ибо власть уже перешла на деле в руки контрреволюционной буржуазии. Правильным лозунгом в настоящее время может быть лишь полная ликвидация диктатуры контрреволюционной буржуазии. Лишь революционный пролетариат при условии поддержки его беднейшим крестьянством в силах выполнить эту задачу, являющуюся задачей нового подъема»[1].

Новый лозунг вовсе не звал к немедленному выступлению против правительства. Напротив, вся резолюция предупреждала, что пролетариат не должен поддаваться на провокацию контрреволюционной буржуазии. Резолюция выдвигала на первый план необходимость организации и подготовки всех революционных сил к тому моменту, когда общенациональный кризис создаст благоприятные условия для восстания и переворота.

Резолюция была принята всеми голосами при четырех воздержавшихся.

Вопрос о политическом положении был центральным в работах съезда. Другие вопросы, стоявшие в порядке дня, были разрешены в соответствии с установкой съезда о пролетарской революции.

Резолюция о войне говорила, что империалистская бойня продолжает расширяться. Новый гигант империализма — Америка — вступил в войну. Америка и союзники заставили Китай принять участие в империалистской войне. Борьба империалистских держав ведется фактически во всем мире. Война затягивается еще и потому, что режим военной диктатуры и раздробление сил международного

пролетариата облегчают мировой буржуазии борьбу с нарастающей революцией.

Русская революция является наиболее опасной для империалистов всех стран. Революционные массы России все более резко выступают против грабительской войны и грозят втянуть в эту борьбу пролетариев всех стран. Вот почему мировой империализм открыл поход против русской революции, опираясь при этом на помощь соглашателей всех стран. Эсеры и меньшевики в России, поддержав наступление русских войск на фронте, тем самым перешли на сторону империалистов. Кампания за мир, которую пытался вести Петроградский совет путем «давления» на империалистские правительства и соглашения с иностранными оборонцами, явно провалилась. Этот провал подтвердил точку зрения большевиков, что только революционная борьба масс против империализма во всех странах, только международная пролетарская революция сможет дать измученным народам демократический мир.

Резолюция VI съезда большевиков о войне в заключительной своей части говорила:

«9. Ликвидация империалистского господства ставит перед рабочим классом той страны, которая первая осуществит диктатуру пролетариев и полупролетариев, задачу всяческой (вплоть до вооруженной) поддержки борющегося пролетариата других стран. В частности такая задача станет на очереди перед Россией, если, что очень вероятно, новый неизбежный подъем русской революции поставит у власти рабочих и беднейших крестьян раньше переворота в капиталистических странах Запада.

10. Единственным способом действительно демократической ликвидации войны для международного пролетариата является поэтому завоевание им власти, а в России — завоевание ее рабочими и беднейшим крестьянством. Только эти классы будут в состоянии порвать с капиталистами всех стран и способствовать на деле росту международной пролетарской революции, которая должна ликвидировать не только войну, но и капиталистическое рабство»[1].

Наметив курс на ликвидацию диктатуры контрреволюционной буржуазии, VI съезд большевиков разработал и подробную экономическую платформу для выхода из кризиса — восстановления и организации хозяйства в интересах рабочих и беднейших крестьян. В резолюции об экономическом положении VI съезд говорил, что страна благодаря своекорыстному хозяйничанью капиталистов и помещиков, прикрываемых оборонцами,—накануне экономического распада и гибели. Съезд детально указал все необходимые меры для спасения страны и в области промышленного производства и в области сельского хозяйства, финансов, городского хозяйства и т. п. Рабочий контроль над производством, конфискация помещичьей земли и национализация всей земли, национализация банков и крупной промышленности — все эти конкретные, простые требования большевиков понятны были широким массам. Но все эти меры нельзя было провести в жизнь, не порывая с войной, не превращая войны захватнической, войны грабительской в войну справедливую, в войну гражданскую. Резолюция VI съезда говорила:

«Единственным выходом из критического положения являются ликвидация войны и организация производства не для войны, а для восстановления всего разрушенного ею, не в интересах кучки финансовых олигархов, а в интересах рабочих и беднейших крестьян.

Такое урегулирование производства в России может быть проведено лишь организацией, находящейся в руках пролетариев и полупролетариев, что предполагает переход в их руки и государственной власти»[2].

Эсеры и меньшевики, постоянно ссылаясь на пример французской буржуазной революции 1879 года, говорили, что французские трудящиеся проявили исключительный героизм и чудеса храбрости в борьбе со своим дворянством и его английскими, прусскими и русскими союзниками. Почему же трудящиеся России не могут вести войну с таким же порывом, энтузиазмом и страстностью, защищая революцию?

Эсеро-меньшевики скрывали при этом те условия, которые сделали возможным такие чудеса во Франции. Французский народ разгромил свой царизм. Трудящиеся Франции под руководством своих революционеров — партии якобинцев — камня на камне не оставили от здания феодализма. Французские крестьяне отобрали земли у помещиков. Французские революционеры расправились с отжившим строем и решительно повели народ против его врагов. Все это сделало войну для французов войной справедливой, войной оборонительной. Решительно проведенная революция создала материальные условия для героической, самозабвенной и полной энтузиазма войны угнетенных классов Франции против реакционной Европы.

Превращение грабительской войны в войну гражданскую и проведение всех мероприятий экономической платформы большевиков резко повышало боевую мощь страны. Только расправившись беспощадно со всем старым, обновив страну, переродив ее на основе большевистской платформы, можно было создать материальные условия для несравненно больших чудес, чем чудеса французской революции. Только народ, освобожденный от рабства капитализма, мог под руководством партии боль-

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ, ИЗБРАННЫЙ НА VI СЪЕЗДЕ РСДРП (большевиков):
Первый ряд сверху: В. И. Ленин, И. В. Сталин, Я. М. Свердлов. Второй ряд: А. С. Бубнов, Ф. Э. Дзержинский, С. Г. Шаумян, М. С. Урицкий. Третий ряд: М. К. Муранов, И. Н. Крестинский, В. П. Милютин, А. М. Коллонтай. Четвертый ряд: Артем (Ф. А. Сергеев), Г. Я. Сокольников, Н. И. Бухарин, А. И. Рыков, В. П. Ногин. Пятый ряд: Я. А. Берзин, Л. Б. Каменев, Г. Е. Зиновьев, Л. Д. Троцкий, И. Т. Смилга.

шевиков развернуть действительно революционную инициативу.

Съезд уделил большое внимание работе большевиков в профессиональных союзах. Съезд подчеркнул, что революционная практика полностью опрокинула теории оппортунистов о «нейтральности» профсоюзов. Фактически нейтральность союзов оказалась невозможной. Война разделила все рабочее движение, в том числе и профессиональное, на два лагеря. Те профсоюзы, которые поддержали войну и выступили за защиту буржуазного отечества в грабительской войне, фактически перешли на сторону своих империалистов. Только те союзы, которые вели четкую классовую линию против буржуазии, сумели выполнить свои задачи по защите интересов рабочих. Съезд призвал всех членов большевистской партии вступить в профсоюзы и там деятельно бороться за превращение профсоюзов в боевые классовые организации, в тесном контакте с политической партией пролетариата организующие экономический и политический отпор контрреволюции.

Резолюция съезда говорила:

«Для борьбы с экономическим разложением страны, обостряемым растущей контрреволюцией, и в целях доведения революции до победного конца профессиональные союзы должны добиваться государственного вмешательства в организацию производства и распределения продуктов, памятуя при этом, что только при подъеме новой революционной волны и диктатуре пролетариата, опирающегося на беднейшие слои крестьянства, эти мероприятия могут быть проведены в интересах широких народных масс.

Ввиду всего этого съезд признает: все эти ответственные задачи могут быть осуществлены профессиональными союзами России лишь в том случае, если они будут оставаться *боевыми классовыми организациями* и вести свою борьбу в тесном органическом сотрудничестве с политической классовой партией пролетариата; если во время выборов в Учредительное собрание они будут энергично бороться за победу социалистической партии, которая неуклонно отстаивает классовые интересы пролетариата и выступает за скорейшую ликвидацию войны путем массовой революционной борьбы против правящих классов всех стран; если они в целях скорейшего окончания войны и создания Интернационала вступят в немедленные сношения со всеми профессиональными союзами, которые ведут в различных странах войну против войны, и вместе с ними выработают общий план их борьбы против международной бойни и за социализм; если они будут ставить свою повседневную борьбу за улучшение экономического положения в связь с переживаемой нами эпохой гигантских социальных битв и если, наконец, они во всех своих выступлениях будут подчеркивать, что разрешение поставленных историей перед русским пролетариатом задач возможно только в международном масштабе.

Международный революционный социализм — против международного империализма!»[1]

Съезд остановился и на вопросе о молодых резервах большевистской партии.

«В настоящее время, — гласит резолюция о союзе молодежи, — когда борьба рабочего класса переходит в фазу непосредственной борьбы за социализм, съезд считает содействие классовых социалистических организаций рабочей молодежи одной из неотложных задач момента и вменяет партийным организациям в обязанность уделить работе этой возможный максимум внимания»[2].

Съезд еще раз подчеркнул, что на выборах в городские думы, в кооперативы, в советы допустимы совместные выступления только с теми, кто полностью порвал с оборонцами, кто борется за власть советов.

Съезд принял в партию группу «межрайонцев» во главе с Троцким. Эта группа состояла из меньшевиков и части бывших большевиков, отколовшихся от партии и создавших в 1913 году особую организацию в Петербурге. Межрайонцы во время войны были против раскола с оборонцами, боролись против большевистских лозунгов о превращении империалистской войны в войну гражданскую, не признавали политики, рассчитанной на поражение царского правительства в империалистской войне, не признавали возможности победы социализма в России. В 1917 году в межрайонную организацию входили Л. Д. Троцкий, А. В. Луначарский, К. К. Юренев, А. А. Иоффе, М. С. Урицкий, В. Володарский и др. Под давлением развития революции межрайонцы признали правоту большевиков, порвали с оборонцами и заявили на VI съезде большевистской партии, что принимают программу большевиков. Среди других межрайонцев в партию был принят и Троцкий.

Необходимо отметить, что на VI съезде межрайонцы выступали с требованием явки Ленина на суд контрреволюционного правительства. На съезде межрайонцы в своих выступлениях поддерживали оппортунистическую линию и выступали против резолюции Сталина.

Съезд избрал Центральный комитет в составе 21 члена и 10 к ним кандидатов.

В состав ЦК вошли:

Артем (Сергеев), Берзин Я., Бухарин, Бубнов, Дзержинский, Зиновьев, Каменев, Коллонтай, Крестинский, Ленин, Милютин, Муранов,

Ногин, Рыков, Свердлов, Смилга, Сокольников, Сталин, Троцкий, Урицкий, Шаумян.

VI съезд партии показал, какой силой стала большевистская партия. Ни клевета всеро-меньшевиков, ни террор правительства не приостановили роста членов и влияния партии. Загнанные фактически в подполье, большевики проявили поразительное уменье сочетать нелегальные и легальные формы борьбы, уменье, выработанное за долгие годы борьбы с царизмом и буржуазией. Партия показала блестящий образец отвоевания масс из-под влияния соглашателей. Большевики шли в полки, работали на фабриках и заводах, в кооперативах, в профсоюзах, всюду мобилизуя массы вокруг лозунгов Ленина.

VI съезд имеет исключительное значение в истории партии. Он заседал перед новым подъемом революции. Апрельская конференция большевиков нацелила партию на перерастание буржуазной революции в социалистическую. VI съезд нацелил партию на вооруженное восстание. Все резолюции и постановления съезда подчинены одной цели — обеспечить победу революции на новом этапе.

Ленина на съезде не было. Преследуемый Временным правительством, он вынужден был скрываться в подполье. Но Ленин был связан с руководителями съезда и давал им необходимые советы. Духом Ленина, его идеями, его твердым руководством и его прямыми, конкретными указаниями наполнены работа съезда, речи и выступления Сталина. Осуществляя дело Ленина, Сталин сплотил партию вокруг боевого и решающего вопроса — свержения буржуазного правительства и захвата власти пролетариатом и беднейшим крестьянством.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

КОРНИЛОВЩИНА.

1.

ПОДГОТОВКА ВОЕННОЙ ДИКТАТУРЫ.

Анализ хода революции, данный Сталиным на VI большевистском съезде, скоро получил свое подтверждение в бурно развернувшихся событиях.

Предательская тактика соглашателей в июльские дни развязала силы контрреволюции. Стремясь нагнать потерянное время, буржуазия перешла в открытое наступление. Закрыли ряд большевистских газет. Вывели на фронт революционные части петроградского и других гарнизонов.

Спешили сломить сопротивление пролетариата, пока он не оправился. Лозунгом контрреволюции стало: вернуть все назад к «доброму старому времени».

Сторонники контрреволюции, спасенные соглашателями после июльских дней, энергично принялись не только за большевиков, но и за мелкобуржуазных лидеров. Как и предсказывал Ленин, усилилась травля не только большевистской партии, но и всех демократических завоеваний, в том числе и советов.

Буржуазия открыто заговорила о необходимости вернуться назад — на путь, пройденный историей страны.

Двадцатого августа на «частном совещании членов Государственной думы» — этом легальном центре контрреволюции — Пуришкевич говорил:

«До тех пор, пока Россия не получит диктатора, облеченного широкой властью, до

тех пор, пока Верховный совет не будет состоять из лучших русских генералов, которые выгнаны с фронта, которые жизнь свою полагали за родину, — до тех пор порядка в России не будет»[1].

Слуга монархии в запальчивости часто выбалтывал лишнее. И в данном случае Пуришкевич выдал тайну буржуазии. Председатель совещания Родзянко поспешил исправить ошибку излишне откровенного реакционера:

«Я решительно не согласен и считаю, что в Государственной думе, даже в частном совещании, менее всего возможно становиться на точку зрения призвания к какому-то государственному перевороту, призвания к какой-то диктатуре, которая никогда не происходит, как вам известно, по призыву, а возникает самочинно тогда, когда назреет в ней необходимость»[2].

Успокаивая не в меру болтливого и торопящегося контрреволюционера, Родзянко разъяснил ему, что о диктатуре не декларировать нужно, а тщательно готовить ее.

«Страна искала имя»[3] — так выразил генерал Деникин общее настроение контрреволюции. Таким «именем» одно время могло стать имя Керенского. Он очень решительно расправлялся с большевиками, разоружил революционные полки, ввел смертную казнь на фронте. От него можно было ожидать и в дальнейшем выполнения планов буржуазии, он казался приемлемым и для союзных империалистов. Подавляя большевистское движение и прибирая к рукам армию, Керенский меньше запрашивал от «союзников», чем более правые кандидаты.

Бьюкенен прямо писал о Керенском:

«Защищая продолжение войны до конца, он отвергал всякую мысль о завоеваниях, и, тогда как Милюков говорил о приобретении Константинополя как об одной из целей России в войне, он (Керенский. *Ред.*) энергично отрекался от солидарности с ним»[4].

С помощью Керенского Англия могла добиться продолжения войны и не отдавая Константинополя, который был в свое время обещан царю «союзниками». Но против Керенского были генералы и руководители буржуазных партий. Они боялись близости Керенского к советам и не доверяли его личным качествам. Родзянко и его друзья считали за лучшее опереться на человека сабли, чем на политика. Говорили о генерале Алексееве, останавливались на адмирале Колчаке, но когда Корнилова назначили главкомом, поиски прекратились. «Имя» было найдено.

«Корнилов гораздо более сильный человек, чем Керенский; если бы он смог укрепить свое влияние в армии и если бы последняя стала крепкой боевой силой, то он стал бы господином положения»[5], писал Бьюкенен.

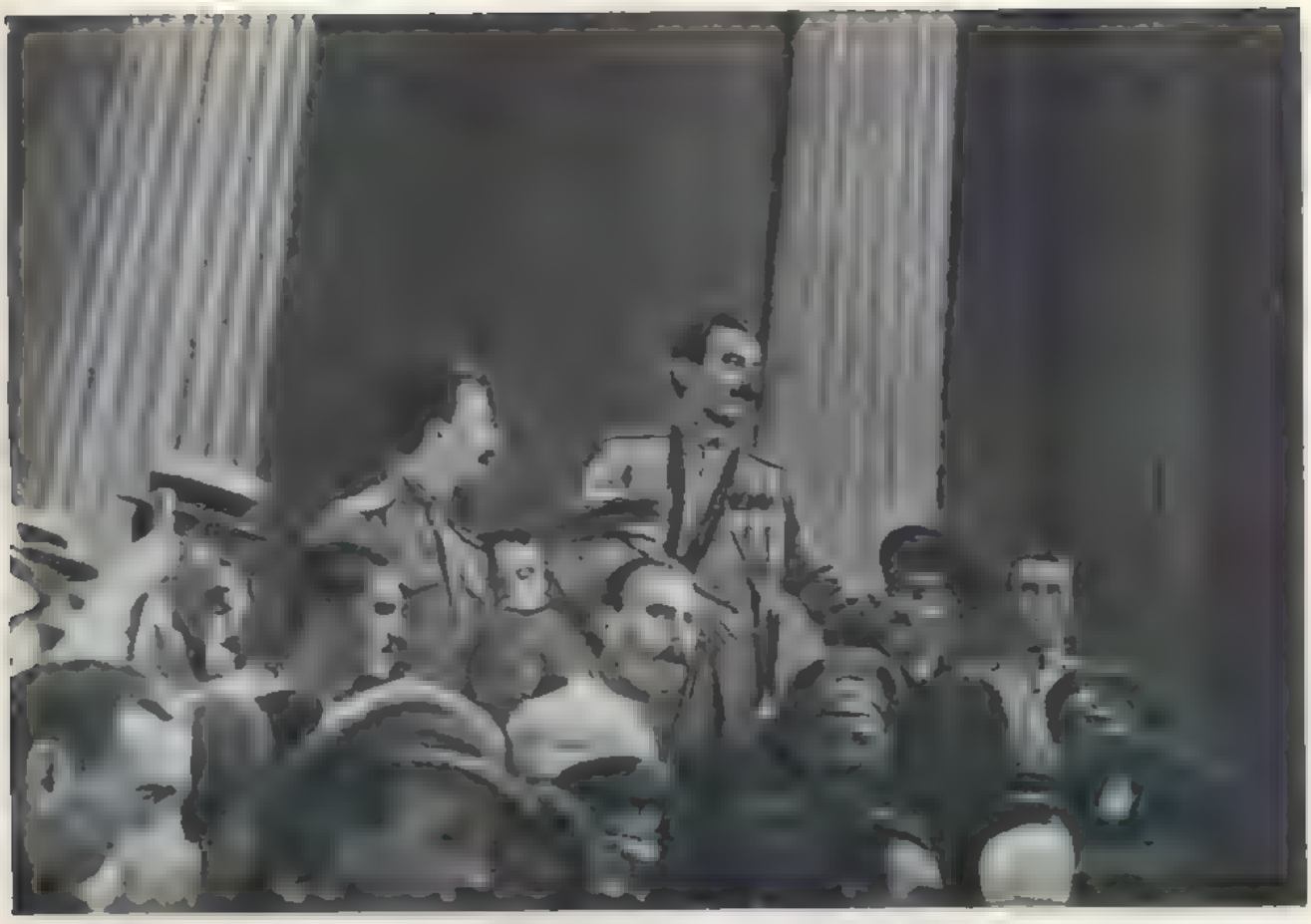
Контрреволюция усиленно выдвигала этого генерала.

Корнилов — сын царского чиновника, а вовсе не казак-крестьянин, как он выдавал себя в своих воззваниях к народу и армии. Окончив Академию Генерального штаба, служил в войсках Дальнего Востока и Средней Азии. В 1914 году командовал 48-й дивизией на австрийском фронте. В августовских боях под Львовом он потерял 22 орудия и много пленными. Генерал Брусилов, командовавший тогда 8-й армией, хотел даже сместить Корнилова за поражение, но, приняв во внимание его личную храбрость, оставил в дивизии. В апреле 1915 года, когда австро-венгерская армия гнала русских из Галиции, Корнилов не сумел организовать отступление своих полков. Австрийцы окружили большую часть дивизии и предложили сдать оружие. Корнилов отказался, но и не попытался пробиваться через неприятеля. Вместе со штабом он покинул дивизию, им самим заведенную в ловушку, и бежал в лес. Через четыре дня генерал сдался австрийцам. Бригадный командир 48-й дивизии генерал Попович-Липовац, раненный в тех же боях, в апреле 1915 года сообщил правду о позорном поведении Корнилова. Но Поповичу приказали молчать, а главнокомандующий армией Юго-западного фронта генерал Иванов даже возбудил ходатайство о награждении Корнилова. Было составлено «победное донесение», и великий князь Николай Николаевич доложил царю о «подвиге» Корнилова. Позднее, осенью 1916 года, все материалы о сдаче дивизии были разысканы и направлены Корнилову с требованием представить объяснения, но генерал промолчал и только спустя десять месяцев, назначенный уже главковерхом, прислал отчет, составленный начальником штаба 48-й дивизии. Но теперь о старых ошибках главковерха никто уже не осмеливался говорить.

Из плена Корнилов бежал, подкупив фельдшера лазарета. Генерал сильно преувеличил трудности побега, рассказывая о нем 3 сентября 1916 года сотруднику «Нового времени»:

«Я видел, как изба, в которую вошел мой товарищ, была окружена австрийскими жандармами, через несколько минут я услыхал выстрелы — это мой товарищ отстреливался от врагов, но силы были неравные, и он погиб»[6].

На самом деле фельдшер-чех Франц Мрняк не погиб и даже не отстреливался. Он случайно напоролся на жандарма, был арестован и на суде рассказал о подробностях бегства и обещании Корнилова уплатить за помощь 20 тысяч крон золотом в России.



Корниловцы. Председатель Союза георгиевских кавалеров агитирует за войну до победного конца».

Рассказы Корнилова сыграли свою роль. Имея слишком мало реальных доказательств мужества своих генералов, царские сановники «идеализировали» побег Корнилова и, создав легенду, тем создали ему «имя». Корнилову дали XXV корпус на Западном фронте, где он пробыл до Февральской революции. В Петрограде Корнилов, командуя округом, проявил большую распорядительность во время апрельской демонстрации: по его приказу против рабочих собирались пустить в ход артиллерию. Буржуазия сразу отметила «способности» ретивого генерала. Может быть, он им казался неплохим кандидатом в Наполеоны. Бьюкенен, хорошо знавший, что делается в правительственных кругах, рассказывал со слов Терещенко:

«Правительство приняло меры противодействия этому притязанию (совета. *Ред.*) путем усиления власти генерала Корнилова, командующего петроградским гарнизоном»[1].

Гучков, когда он был военным министром, выдвигал Корнилова в главнокомандующие Северного фронта. Корнилову в начале мая дали 8-ю армию на Юго-западном фронте. Не лишенный известной храбрости, Корнилов мог увлечь в бой небольшую часть личным примером. Генерал Брусилов, наблюдавший боевую деятельность Корнилова во время войны, так аттестовал его:

«Это начальник лихого партизанского отряда — и больше ничего»[2].

Командовать большими войсковыми соединениями он не умел. Это и сказалось в 8-й армии в период июньского наступления. Корнилов во-время не закрепил первоначального успеха, не успел выполнить распоряжения фронта, и 8-я армия бежала в такой же панике, как и другие. Всю вину за неудачу Корнилов свалил на революцию. Его поддержали комиссар армии морской инженер штабс-капитан Филоненко и особенно комиссар фронта Б. В. Савинков — правый эсер.

На Савинкове с особой яркостью можно проследить всю историю партии эсеров. Савинков —

Савинков: «Морали нет, есть только красота».
Карикатура И. Радлова.

террорист, член боевой организации, участник ряда покушений на царских сановников. После революции 1905 года Савинков ушел от политической работы и занялся литературой. Его перу принадлежит роман «Конь бледный», в котором бывший бомбист оплевывает революцию, как и многие интеллигенты, испугавшиеся после 1905 года трудностей борьбы. Лучше всего авантюрист этот характеризуется его собственным лозунгом: «Морали нет, есть только красота». Во время войны Савинков поддерживал империалистский лозунг: «Война до победного конца». После Февральской революции Савинков занял крайне правую позицию среди эсеров, требуя «твердой власти». Бьюкенен писал о нем:

«Савинков представляет собой пылкого поборника решительных мер как для восстановления дисциплины, так и для подавления анархии, и о нем говорят, что он просил у Керенского разрешения отправиться с парой полков в Таврический дворец и арестовать совет»[1].

Савинков одобрил попытку Корнилова обвинить большевиков в неудаче наступления. Поддержал генерала и Филоненко.

Что представлял собой Филоненко, можно судить по следующей революции солдат:

«Общее собрание солдат и офицеров 9-го броневого автомобильного дивизиона, обсудив вопрос о поручике М. М. Филоненко, состоящем ныне комиссаром Временного правительства при Ставке, постановило:

«Довести до сведения военного министра *Керенского*, совета рабочих и солдатских депутатов и исполнительного комитета съезда советов, что вся предыдущая деятельность *Филоненко*, в бытность его офицером в дивизионе, выражалась в систематическом издевательстве над солдатами, для которых у него не было иного названия, как «болван», «дурак» и т. п., в сечении розгами, например, ефрейтора Раанна, причем, будучи адъютантом, применял порку без разрешения командира дивизиона, исключительно опираясь на свое положение, что ему никто не смел перечить в мордобитии, которым он всегда грозил и цинично проповедывал, в самом невозможном оскорбительном отношении к солдатам, на которых он смотрел как на низшие существа, а потому, принимая во внимание эту деятельность, считаем, что Филоненко не может занимать пост комиссара революционного правительства»[2].

Савинков и Филоненко решили, что генерал, не сумевший справиться с внешним врагом, проявит больше способностей в борьбе с внутренним. Оба комиссара добились назначения Корнилова главнокомандующим фронтом. Савинков писал по этому поводу:

«С назначением генерала Корнилова главнокомандующим войсками Юго-западного фронта стала возможна планомерная борьба с «большевиками»[3].

Корнилов оправдал доверие контрреволюции.

Ободренный открытым сочувствием буржуазных элементов, генерал принялся восстанавливать в армии прежнюю палочную дисциплину. Он ультимативно потребовал введения смертной казни на фронте. Керенский сразу пошел на уступки и 12 июля по телеграфу ввел на фронте смертную казнь.

Корнилов разослал телеграммы министру-председателю Львову, Керенскому и Родзянко, ультимативно требуя исключительных мер. 9 июля Корнилов приказал всем войсковым начальникам расстреливать из пулеметов и орудий те части, которые самовольно отойдут с позиций. Эсеро-меньшевистский исполнительный комитет Юго-западного фронта поддержал Корнилова и телеграфировал Керенскому:

«Сегодня главнокомандующим Юго-западным фронтом и командующим 11-й армией с *согласия комиссаров и комитетов* отданы приказы о стрельбе по бегущим»[4].

Телеграммы и приказы Корнилова услужливо перепечатывались всеми буржуазными газетами. О Корнилове заговорили в печати как о человеке, способном остановить революцию. Правительство и само не прочь было пти дальше в разгроме революции, но опасалось поднять против себя массы. Тем охотнее пошло оно навстречу кандидату в диктаторы.

«Когда генерал Корнилов был назначен верховным главнокомандующим, — писал в своих воспоминаниях генерал Деникин, — все искания прекратились. Страна — одни с надеждой, другие с враждебной подозрительностью — назвала имя диктатора»[1].

Найдя «имя», реакция приступила к подготовке общественного мнения. В огромном количестве была издана специальная брошюра под таким заглавием: «Первый народный главнокомандующий генерал-лейтенант Лавр Георгиевич Корнилов». В брошюре сообщалось, что генерал Корнилов вышел из народа и теперь народ избрал его своим главнокомандующим. О боевых подвигах генерала автор распространялся без стеснения. Так по поводу сдачи 48-й дивизии составитель брошюры писал, что австрийцам досталась

«крохотная кучка людей, похожих на тени, — семь человек. Среди них были тяжело раненый Корнилов и раненый санитар»[2].

На деле, как установлено документами, в плен попало более 6 тысяч человек, а сам Корнилов, покинув на произвол судьбы свою дивизию, сдался через четыре дня, причем рана его оказалась пустяковой. Автором хвалебного сочинения оказался В. С. Завойко, ближайший друг и соратник Корнилова.

Сам генерал в политике не разбирался, и всю политическую работу при нем и за него вел Завойко, сын адмирала, награжденного имением в Подольской губернии. Завойко был предводителем дворянства в Гайсинском уезде. Там он скупал у поляков имения, подлежавшие обязательной продаже, рубил лес и продавал землю крестьянам. На этой земельной спекуляции Завойко нажил огромное состояние. Во время революции 1905 года изворотливый спекулянт, боясь разгрома своего имения, заставил крестьян местечка Дунаевцы зачислить его с сыновьями в крестьяне. Местные власти не утвердили этого хитрого маневра, да и нужда в нем отпала, поскольку крестьянское движение было раздавлено. Завойко спекулировал нефтью — был представителем фирмы «Нобель», директором-распорядителем общества «Эмба и Каспий». Он занимался и банковыми операциями, принимал участие в издании совместно с Протопоповым черносотенной газеты «Русская воля». В мае 1917 года после назначения Корнилова командующим 8-й армией Завойко поступил добровольцем в один из полков «дикой дивизии», но остался при штабе армии ординарцем у Корнилова. Ловкий спекулянт, со связями в газетных и промышленных кругах, Завойко развернул широкую рекламу. Он печатал телеграммы к Корнилову, публиковал сомнительные документы, фабриковал биографии и писал большинство приказов и воззваний главнокомандующего. Сам Корнилов позже рассказывал о Завойко:

«Он отлично владеет пером, поэтому я поручал ему составление тех приказов и тех бумаг, где требовался особенно сильный, художественный стиль»[3].

«Художества» Завойко не ограничивались стилем. Милюков, соучастник корниловской авантюры, тем не менее прямо писал:

«Корнилов недоговаривает только, что влияние Завойко распространялось не на один стиль, но и на самое содержание политических документов, выпускавшихся Корниловым»[4].

Кроме рекламы Корнилову его политические сподвижники занялись и более глубокой подготовкой переворота. В крупных городах они уже давно готовили свои организации. Всюду создавались тайные общества, куда вовлекались в первую очередь офицерство и юнкерские кадры военных училищ. Столица кишела тайными союзами, готовыми поддержать контрреволюцию изнутри, как только к городу подойдет вооруженная сила.

В конце июля организовался в Петрограде так называемый «Республиканский центр», поставивший своей целью объединение деятельности всех петроградских военных организаций. Состав организации был неопределенный — офицеры, чиновники. Председателем общества был некий инженер Николаевский, за спиной которого стояли крупные банкиры и промышленники. В общество они боялись входить, но снабжали его деньгами усиленно. Наличие денег позволяло «Республиканскому центру» привлечь сторонников. Деникин в своих воспоминаниях рассказывает, что «Республиканский центр» объединил при своей военной секции много мелких военных организаций. В самой Ставке под непосредственным покровительством верховного главнокомандующего образовался Главный комитет офицерского союза. По словам Деникина этот комитет,

«не задаваясь никакими политическими программами, поставил себе целью подготовить в армии почву и силу для введения диктатуры — единственного средства, которое по мнению офицерства могло еще спасти страну»[5].

В начале августа член комитета офицерского союза полковник Сидорин был командирован

в «Республиканский центр» для объединения сил обеих организаций.

Большое участие во всей подготовительной деятельности приняла офицерская военная лига, та самая, которая приветствовала Алексинского за гнусное обвинение Ленина в шпионаже. Члены лиги поднесли адрес адмиралу Колчаку, когда матросы выгнали его из Севастополя.

Все это были зародыши будущих белогвардейских организаций. Шла подготовка кадров для армии контрреволюции.

Но эту лихорадочную подготовку военной диктатуры нужно было закрепить политически. Необходим был какой-то сильный общероссийский центр, который возглавил бы движение и оправдал его в глазах более широких кругов. Временное правительство решает собрать подальше от революционного Петрограда, в Москве, Государственное совещание. Под прикрытием эсеро-меньшевиков совещание в Москве должно было утвердить контрреволюционную программу правительства и одобрить его поход против рабочих и крестьян.

Совещание было созвано в Москве 12 августа. Старая столица казалась буржуазии более спокойной по сравнению с кипевшим Петроградом.

Накануне Государственного совещания, названного Лениным «контрреволюционным империалистским совещанием», в Москве происходил 3 августа II Всероссийский торгово-промышленный съезд. Собрался весь «цвет» контрреволюционной буржуазии. Уже здесь открыто говорилось о необходимости решительных мер для обуздания рабочих, крестьян и солдат. Подогревая настроение, крупнейший капиталист Рябушинский вопил на съезде:

«Когда же восстанет не вчерашний раб, а свободный русский гражданин? Пусть он спешит скорее – ждет его Россия... Пусть развернется во всю ширь стойкая натура купеческая. Люди торговые! Надо спасать землю русскую»[1].

На съезде выступал с приветствием министр торговли и промышленности Прокопович. Купцы и фабриканты встретили левокадетского министра ироническими восклицаниями и смехом.

Контрреволюция воспользовалась торгово-промышленным съездом для создания так называемого «совещания общественных деятелей» — фактически это был штаб контрреволюции. В него входили крупнейшие лидеры кадетов, октябристов и явных монархистов: Родзянко, генералы Алексеев, Брусилов, Каледин, Юденич и другие, Милюков, Маклаков, Кишкин — всего около 300 человек. Заседания были закрытыми. Представители печати не допускались. 9 августа «совещанием» за подписью Родзянко была послана телеграмма Корнилову:

«В грозный час тяжких испытаний вся мыслящая Россия смотрит на вас с надеждой и верою. Да поможет вам бог в вашем великом подвиге воссоздания могучей армии на спасение России»[2].

«Совещание» заслушало доклады о политическом, финансовом, экономическом и военном положении. По политическому вопросу собрание приняло резолюцию, в которой требовало:

«Пусть центральная власть, единая и сильная, покончит с системой безответственного хозяйничанья коллегиальных учреждений в государственном управлении; пусть требования отдельных народностей будут введены в законные и справедливые пределы»[3].

К резолюции было добавлено, что Учредительное собрание должно собраться в Москве. По военному вопросу была принята программа Корнилова. В заключение «совещание» избрало постоянное бюро по организации в дальнейшем всех общественных сил. В состав бюро вошли: Родзянко, Рябушинский, Струве, Милюков, Маклаков, Шингарев, Шидловский, Шульгин, Кишкин, Кутлер, от офицерского союза — Новосильцев. Словом, под маской «совещания общественных деятелей» объединились все буржуазные и помещичьи партии. Именно из этого «совещания» вышли будущие крупные контрреволюционные организации — «правый» и «национальный» центры, сыгравшие большую роль в колчаковщине и деникинщине.

Самый состав Государственного совещания определял его контрреволюционную сущность. От Государственной думы всех четырех созывов там было 488 человек, от советов и общественных организаций — 129. Городские думы получили 129 мест, земства — 118, торгово-промышленные круги и банки — 150, научные организации — 99, армия и флот — 177, духовенство — 24, национальные организации — 58, крестьяне — 100, кооперация — 313, профсоюзы — 176 и т. д. Собрались старые генералы и верхи командного состава, кадетские профессора, архиереи, чиновники, кооператоры. Прибыли и представители буржуазии с Рябушинским во главе, с тем самым Рябушинским, который угрожал народным массам голодом и нищетой, если они не откажутся от своих требований.

Большевики, делегированные на съезд советами, решили выступить с разоблачительной декларацией и затем покинуть «совещание». Однако эсеро-меньшевистское руководство Центрального исполнительного комитета советов исключило большевиков из состава делегации, боясь испортить демонстрацию «единения всех живых сил страны».

В целях разоблачения и борьбы с контрреволюционным «Государственным совещанием»

Буржуазия приветствует своего кумира генерала Корнилова, прибывшего в Москву на Государственное совещание.

большевистская партия решила организовать в Москве всеобщую однодневную стачку. В создавшихся условиях это было наилучшей формой борьбы. В своем воззвании Центральный комитет большевистской партии предлагал рабочим не делать никаких уличных выступлений и не поддаваться на провокацию, так как буржуазия могла использовать подобные выступления для вооруженной расправы с рабочим классом. Московские пролетарии горячо откликнулись на призыв партии. Несмотря на сопротивление эсеро-меньшевистского большинства Московского совета, запретившего стачку, в день открытия Государственного совещания — 12 августа — в Москве бастовало свыше 400 тысяч человек. Буржуазия воочию убедилась, за кем в действительности шел рабочий класс. Боевая готовность московских пролетариев умерила пыл представителей буржуазии. Они бежали от революционных бурь Петрограда в «спокойную» Москву, но на улицах «мирной Москвы» их настигла та же революционная буря.

Переворот в пользу военной диктатуры готовился к моменту созыва Государственного совещания. Пресса превозносила Корнилова, курила ему фимиам. Юнкерам, охранявшим Большой театр, где происходило «совещание», были выданы боевые патроны. В Москву вызвали с фронта казаков.

Выступления на Государственном совещании раскрыли истинные устремления буржуазии. Здесь уже не Керенский был властителем дум. Когда он, намекая на июльские события, грозил посягателям на власть, видя их «и слева и справа», то те, кто собирался выступить против революции, только двусмысленно улыбались. Истерические угрозы Керенского буржуазию не пугали. В ее руках были достаточно убедительные доказательства соучастия «социалиста» Керенского в подготовляемом ударе по революции.

Подлинным вождем всех реакционных сил этого сборища был Корнилов. В Москву он приехал на второй день после открытия совещания. На Александровском вокзале генералу устроили исключительно торжественную встречу. Корнилова вынесли на руках.

«На вере в вас мы сходимся все, вся Москва» [1], приветствовал его кадет Родичев.

Миллионерша Морозова упала на колени перед Корниловым.

Открыто угрожал в своей речи падением Риги, намекая, что откроет немцам дорогу на Петроград, Корнилов требовал восстановить дисциплину в армии, предоставить начальникам власть и поднять престиж офицеров. Кандидат в диктаторы предлагал ввести смертную казнь не только на фронте, но и в тылу, военизировать железные дороги, фабрики и заводы, работавшие на оборону.

Программа диктатуры не являлась творчеством одного Корнилова. Она была подготовлена при помощи Савинкова и Филоненко в Ставке еще в конце июля. Первый раз Корнилов вручил программу Керенскому 3 августа, второй раз в дополненном и исправленном виде — 10 августа. Но Керенский медлил с ответом.

«Там был наложен целый ряд мер, объяснял свое колебание Керенский, — в огромном большинстве вполне приемлемых, но в такой редакции и с такой аргументацией, что оглашение ее привело бы к обратным результатам» [2].

Накануне Государственного совещания кадеты произвели давление на Керенского. Утром 11 августа Ф. Кокошкин заявил ему, что партия «народной свободы» выйдет из состава правительства, если программа Корнилова не будет принята. Новый кризис был предотвращен тем, что Временное правительство в тот же день приняло в основном требования Корнилова от 3 августа. Чего стоили после этого все угрозы Керенского против «посягателей» на власть. Вождь «революционной демократии»,

На Государственном совещании... Капиталист Бубликов и «социалист» Церетели. *Карикатура Кукрыниксы.*

как писали о нем соглашатели, заранее принимал участие в подготовке контрреволюции.

Наиболее полно на Государственном совещании развернул программу контрреволюции генерал Каледин. Атаман казачьего войска нагло потребовал:

«1. Армия должна быть вне политики, полное запрещение митингов, собраний с их партийной борьбой и распрями.

2. Все советы и комитеты должны быть упразднены как в армии, так и в тылу.

3. Декларация прав солдата должна быть пересмотрена и дополнена декларацией его обязанностей.

4. Дисциплина в армии должна быть поднята и укреплена самыми решительными мерами.

5. Тыл и фронт — единое целое, обеспечивающее боеспособность армии, и все меры, необходимые для укрепления дисциплины на фронте, должны быть применены и в тылу.

6. Дисциплинарные права начальствующих лиц должны быть восстановлены, вождям армии должна быть предоставлена полная мощь»[1].

Между прочим в своей речи Каледин подчеркнул, что казачество — то самое казачество, которое так часто обвиняют в контрреволюции, — спасло правительство 3—5 июля. Каледин с солдатской откровенностью выболтал на Московском совещании, что именно министры-«социалисты» призвали казаков 3 июля на помощь. И никто не посмел опровергнуть Каледина, никто не выступил с протестом, когда он издевался над меньшевиками и эсерами.

Разоблаченные казачьим атаманом соглашатели пугливо жались, но молчали.

«Им плюнул казачий генерал в физиономию, а они утерлись и сказали: «божья роса»[2], писал Ленин об этом выступлении Каледина.

На совещании выступали Чхеидзе, Церетели, Плеханов, преподнося старые соглашательские рецепты. Корнилов, Каледин, Родзянко готовились потопить революцию в крови пролетариата, а соглашатели попрежнему звали к коалиции с могильщиками революции. Церетели на трибуне пожимал руку капиталисту Бубликову. Генералы и купцы злорадно аплодировали падению «социалиста», приветствуя союз меньшевиков с корниловцами.

И накануне и во время Московского совещания буржуазия вела закулисные переговоры с Корниловым, готовя ликвидацию Временного правительства и захват власти в свои руки. Но стачка московских рабочих показала реакции, что немедленное выступление против революции было бы несколько преждевременным. Милюков явился к Корнилову 13 августа с предложением повременить. То же самое он повторил Каледину. Оба генерала согласились.

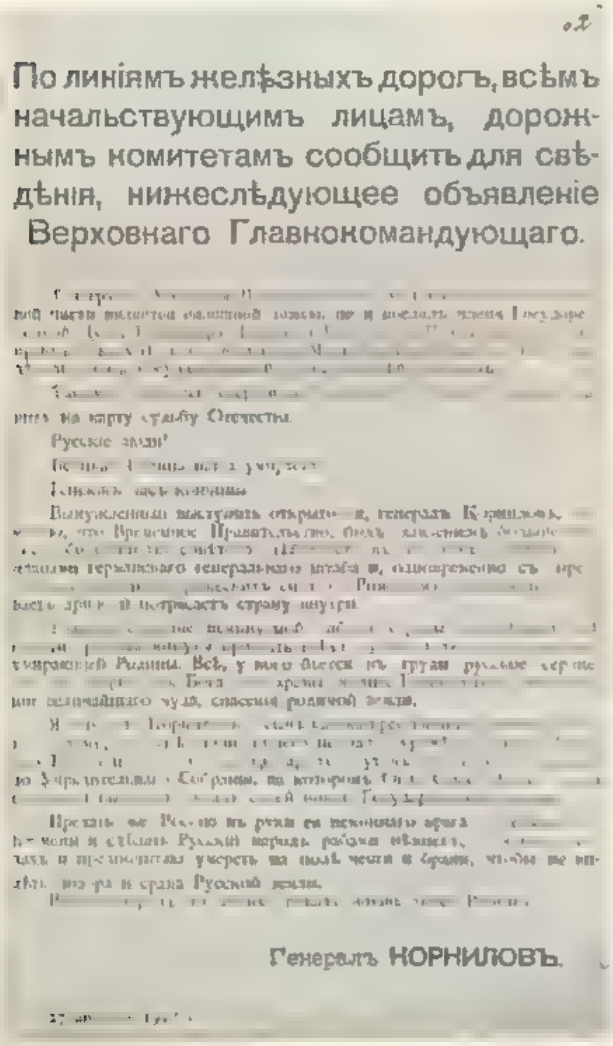
Государственное совещание не оправдало надежд его устроителей. Затея переворота сорвалась. Народные массы оказались настороже. Реакция решила всесторонне и лучше подготовить свои силы.

2.

БУРЖУАЗИЯ НАЧИНАЕТ ГРАЖДАНСКУЮ ВОЙНУ.

Корнилов уехал в Ставку, которая с этого времени превратилась в центр всяких контрреволюционных замыслов и планов. Туда стекались со всех сторон представители старого режима, обещая генералам деньги и поддержку. К Корнилову потянулись антантовские представители, которые уже убедились, что своим участием в февральском дворцовом заговоре они не спасли русской армии. Теперь они надеялись участием в заговоре Корнилова сохранить русскую армию на фронте для продолжения войны.

Телеграмма генерала Корнилова.



«Х»

По линіямъ желѣзныхъ дорогъ, всѣмъ начальствующимъ лицамъ, дорожнымъ комитетамъ сообщить для свѣдѣнія, нижеслѣдующее объявленіе Верховнаго Главнокомандующаго.

Генералъ КОРНИЛОВЪ.

Заговор Корнилова зрел и подготовлялся открыто. Чтобы отвлечь от него внимание, пустили слух о готовящемся восстании большевиков. Буржуазные и мелкобуржуазные газеты были полны намеков и «сведений» о большевистском заговоре. Кадетская «Речь» прямо называла день выступления — 27 августа — полугодовщину революции. Временное правительство во главе с Керенским, потворствуя корниловщине, всю тяжесть своих ударов направило на большевиков. Был разработан план провокации. Предполагалось, что в день полугодовщины революции произойдут демонстрации. Если их не будет, то атаман Дутов со своими казаками «продемонстрирует» восстание большевиков. Правительство прикажет ликвидировать это «большевистское» восстание. В Петроград войдут заранее подготовленные Корниловым войска, разгромят в первую голову партию большевиков, попутно — советы и все вообще революционно-демократические организации.

Корнилов имел наготове состав своего правительства.

Вот что рассказывал он впоследствии на допросе об окончательном составе предполагаемого правительства:

«26 августа по окончании съезда комиссаров фронта у меня в кабинете собрались Филоненко, В. С. Завойко и А. Ф. Аладьин... Был набросан проект «совета народной обороны» с участием верховного главнокомандующего в качестве председателя, А. Ф. Керенского — министра-заместителя, Б. Савинкова, генерала Алексеева, адмирала Колчака и М. Филоненко. *Этот совет обороны должен был осуществить коллективную диктатуру*, так как установление единоличной диктатуры было признано нежелательным. На посты других министров намечались: С. Г. Тахтамышев, Третьяков, Покровский, граф Игнатьев, Аладьин, Плеханов, Г. Е. Львов и Завойко»[1].

Чтобы усыпить внимание рабочих и крестьян, заговорщики разработали два демагогических приказа. Один — о повышении заработной платы железнодорожникам и почтовикам, чтобы хотя временно добиться их нейтралитета, другой — о земле: землю обещали нарезать активным участникам войны с Германией.

Готовясь к решительному шагу, корниловцы делали все, чтобы насытить Петроград своими людьми, главным образом, офицерством. Было решено послать на Петроград специальный

Под теплым крылышком «социалиста»—Керенского. *Карикатура Кукрыниксы.*

отряд войск для занятия его в нужный момент. Еще 13 августа в Могилев прибыл командир III конного корпуса генерал Крымов, тот самый, который принимал участие в «дворцовом заговоре» накануне Февральской революции. Корнилов поручил Крымову руководство экспедицией против революционной столицы. Крымову предлагалось по получении первых сведений о выступлении «большевиков» немедленно занять Петроград, ввести осадное положение, разоружить части гарнизона, разогнать советы, арестовать их членов, разоружить Кронштадт и т. д.

Девятнадцатого августа угроза, о которой говорил Корнилов на Государственном совещании, была осуществлена. Рига была сдана немцам, и подступы к Петрограду были открыты. Корниловская Ставка винила, конечно, во всем солдат. Но город сдали генералы. Это неоспоримо подтверждается телеграммой румынского посла Диаманди главе своего правительства Братиану

Сообщая о разговоре с Корниловым, посол телеграфировал:

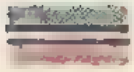
«Генерал прибавил, что войска оставили Ригу по его приказанию и отступили потому, что он предпочитал потерю территории потере армии. *Генерал Корнилов рассчитывает также на впечатление, которое взятие Риги произведет в общественном мнении в целях немедленного восстановления дисциплины в русской армии*»[1].

И, действительно, падение Риги дало Корнилову возможность снова решительно поставить перед Временным правительством вопрос о выполнении давно намеченной программы. В частности, генерал потребовал подчинить ему в оперативном отношении Петроградский округ. Временное правительство пошло навстречу этим требованиям с тем лишь ограничением, что Петроград и его окрестности будут выделены из ведения Ставки и подчинены непосредственно военному министру, — на этом особенно настаивал Керенский. 24 августа в Ставку приехал Савинков и сообщил Корнилову, что Временное правительство приняло «записку» генерала. Савинков подтвердил необходимость переброски III конного корпуса к Петрограду в связи с

КОРНИЛОВЩИНА

Всероссийское бюро военных организаций большевиков

Наиболее важные пункты военных организаций большевиков



Линия фронта в середине августа 1917 года — ко времени наступления германцев на Ригу

Удар германцев на Ригу 18—23 августа 1917 года

Линия отхода 12-й русской армии к 25 августа 1917 года после сдачи Риги германцам

Узловые пункты (штабы) контрреволюции на которые опирался Корнилов

Сбор Корниловым в Петрограде контрреволюционного офицерства под видом сбора гренадерских

Схема связи Корнилова с узловыми пунктами контрреволюции

Эшелоны Крымова (Краснова), двинутые Корниловым на Петроград и не пропущенные в пути

Революционные части петроградского гарнизона, задержавшие передовой эшелон Корнилова у Вырицы

Временное правительство

Штабы фронтов, оставшиеся на стороне Временного правительства

Разграничительные линии между фронтами

Нумерация армий

Штаб главного командования германского восточного фронта

Мобилизация сил рабочими организациями для отпора корниловщине

Русский флот

Германский флот

ПЕТРОЗАВОДСК
ВОЛОГДА
КОСТРОМА
МОСКВА
ЧЕРНИГОВ
ПОЛТАВА
ЕКАТЕРИНОСЛАВ
КАЛЕДИН
Волга
Кама
АСТРАХАНЬ
ЕКАТЕРИНОДАР
СТАВРОПОЛЬ
НОВОРОССИЙСК
ВЛАДИКАВКАЗ
ТИФЛИС
БУХАРЕСТ
СОФИЯ
АДРИАНОПОЛЬ
КОНСТАНТИНОПОЛЬ
АНГОРА
ЧЕРНОЕ МОРЕ

«возможными» осложнениями. III конный корпус, куда входила и «дикая дивизия», двинулся к столице.

События надвигались, принимая грозный для революции характер.

25 августа из Ставки была дана телеграмма в Новочеркасск атаману Каледину о переброске через Москву в Финляндию конной казачьей дивизии, а I Кавказскому конному корпусу, находившемуся в Финляндии, было приказано двигаться на Петроград.

С фронта спешно вызвали в Ставку около трех тысяч офицеров под предлогом ознакомления с новыми образцами минометов и бомбометов. Просили прислать надежных, по возможности кадровых офицеров. Прибывшим объявили, что дело не в обучении — в Петрограде ожидается выступление большевиков, Корнилов с согласия Керенского направил в столицу казачьи части и, возможно, Корнилову придется временно провозгласить себя диктатором. Всем офицерам пообещали прикомандировать к ним по 5—10 юнкеров, выдали суточные деньги и отправили в Петроград «для водворения порядка». 27 августа частям III корпуса генерала Крымова было отдано распоряжение в случае порчи железнодорожных путей двигаться на Петроград походным порядком.

Революционная столица была зажата в кольцо. Все, казалось, было предусмотрено. В Ставке надеялись на быстрый успех. Полагали, что никто не выступит на защиту Временного правительства.

«Никто Керенского защищать не будет. Это только прогулка, все подготовлено»[1], писал впоследствии генерал Краснов о настроениях Ставки в дни корниловщины.

Временное правительство было в курсе всех приготовлений верховного главнокомандующего. Керенский быстро удовлетворял все требования Корнилова, облегчая ему подготовку. Свидетель событий генерал Алексеев подтверждал это обстоятельство в письме к Милюкову:

«Выступление Корнилова не было тайной от членов правительства. Вопрос этот обсуждался Савинковым, Филоненко и через них — с Керенским»[2].

Но размах движения испугал корниловского соучастника. Керенский понял, что выступление Корнилова взорвет массы, что армия и крестьянство поднимутся против контрреволюции. Керенский и эсеро-меньшевики почувствовали, что революционная волна смоет заодно с Корниловым и всех соглашателей. Вот почему, получив известие о выступлении Корнилова, Керенский круто изменил фронт и решил принять меры против «мятежника». Политический расчет предателей эсеро-меньшевиков был ясен: показать, что Корнилов идет на Петроград против их воли, уверить рабочих, что меньшевики и эсеры «защищают» революцию, выдать себя за революционеров и тем поправить свою репутацию.

Были у Керенского и чисто личные мотивы. Он знал, что «страна ищет имя», и считал свое собственное «имя» вполне подходящим. Он давно уже с подозрением смотрел на выдвижение Корнилова, пытался даже сместить его, но буржуазные организации воспротивились этому. Английский посол хорошо изобразил соперничество обоих кандидатов в диктаторы, записав 21 августа в своем дневнике:

«Керенский же, у которого за последнее время несколько вскружилась голова и которого в насмешку прозвали «маленьким Наполеоном», старался изо всех сил усвоить себе свою новую роль, принимая некоторые позы, излюбленные Наполеоном, заставив стоять возле себя в течение всего совещания двух своих адъютантов. Керенский и Корнилов, мне кажется, не очень любят друг друга, но наша главная гарантия заключается в том, что ни один из них по крайней мере в настоящее время не может обойтись без другого. Керенский не может рассчитывать на восстановление военной мощи без Корнилова, который представляет собой единственного человека, способного взять в свои руки армию. В то же время Корнилов не может обойтись без Керенского, который несмотря на свою убывающую популярность представляет собой человека, который с наилучшим успехом может говорить с массами и заставить их согласиться с энергичными мерами, которые должны быть проведены в тылу, если армии придется проделать четвертую зимнюю кампанию»[3].

Сам Корнилов был того же мнения, что на время придется считаться с Керенским. Недаром генерал включил Керенского в состав нового правительства. Политические советники Корнилова — Завойко, Савинков, Филоненко — уверяли Корнилова в возможности совместного выступления с Керенским.

Керенский слышал о подготовке заговора в Ставке, но деталей знать не мог. 22 августа к нему явился бывший член правительства В. Н. Львов и рассказал, что «некоторые общественные группы» рекомендуют реорганизовать кабинет министров. На вопрос Керенского, кого Львов имеет в виду, тот намекнул на Ставку.

Керенский понял, что с помощью Львова он сумеет узнать подробности заговора, и решил воспользоваться этим посредничеством. 24 августа Львов явился к Корнилову, дал ему понять, что он прибыл по предложению министра-председателя и что Керенский желает знать мнение генерала о положении страны. Корнилов

Мобилизация петроградских рабочих на борьбу с Корниловым.

просил найти посредника 25 августа. Утром следующего дня главнокомандующий передал Львову следующие требования:

1) объявление на военном положении Петрограда;

2) отставка всех министров, не исключая и министра-председателя, и передача временного управления министерствами товарищам министров впредь до образования кабинета верховным главнокомандующим.

В 7 часов вечера 26 августа Львов был принят в Зимнем дворце Керенским. Тот не поверил рассказу Львова и заставил его изложить требования Корнилова письменно. Затем Керенский вызвал к прямому проводу в 8 часов 30 минут вечера Корнилова, пригласив и Львова присутствовать при разговоре. Львов опоздал, и Керенский решил говорить с Корниловым не только за себя, но и за отсутствующего Львова.

Керенский. Здравствуйте, генерал. У аппарата Владимир Николаевич Львов и Керенский. Просим подтвердить, что Керенский может действовать согласно сведениям, переданным Владимиром Николаевичем.

Корнилов. Здравствуйте, Александр Федорович. Здравствуйте, Владимир Николаевич. Вновь подтверждая тот очерк положения, в котором мне представляется страна и армия, очерк, сделанный мною Владимиру Николаевичу, вновь заявляю, что события последних дней и вновь намечающиеся повелительно требуют вполне определенного решения в самый короткий срок.

Керенский (за Львова). Я, Владимир Николаевич, вас спрашиваю: то определенное решение нужно исполнить, о котором вы просили меня известить Александра Федоровича только совершенно лично; без этого подтверждения лично от вас Александр Федорович колеблется вполне доверить.

Корнилов. Да, подтверждаю, что я просил вас передать Александру Федоровичу мою настоятельную просьбу приехать в Могилев.

Керенский. Я, Александр Федорович, понимаю ваш ответ как подтверждение слов, переданных мне Владимиром Николаевичем. Сегодня это сделать и выехать нельзя, надеюсь выехать завтра. Нужен ли Савинков?

Корнилов. Настоятельно прошу, чтобы Борис Викторович приехал вместе с вами. Сказанное мною Владимиру Николаевичу в одинаковой степени относится и к Борису Викторовичу. Очень прошу не откладывать вашего выезда позже завтрашнего дня. Прошу верить, что только сознание ответственности момента заставляет меня так настойчиво просить вас.

Керенский. Приезжать ли только в случае выступлений, о которых идут слухи, или во всяком случае?

Корнилов. Во всяком случае.

Керенский. До свидания, скоро увидимся.

Корнилов. До свидания» [1].

По окончании переговоров Керенский встретил на лестнице Львова и пригласил его к себе. В соседнем кабинете был спрятан помощник главного начальника милиции Балавинский. Керенский заставил Львова повторить свой доклад в присутствии невидимого свидетеля. Получив таким провокационным способом подтверждение предложений Корнилова, Керенский неожиданно объявил Львова арестованным, а сам побежал на заседание Временного правительства. Министр-председатель сообщил о поведении Львова, показал все ленты переговоров и потребовал для себя чрезвычайных полномочий в борьбе с корниловским мятежом. Выступление Керенского для министров-кадетов оказалось громом с ясного неба. Все знали о заговоре. Все ждали и готовили выступление, и вдруг глава правительства выходит из игры. Кадеты бросились улаживать конфликт «без огласки и соблазна». Милюков доказывал Керенскому, что реальная сила на стороне Корнилова, который действует патриотично и должен быть поддержан всеми «живыми силами страны». Милюков и генерал Алексеев в беседах с министром-председателем прилагали все усилия, чтобы устранить «недоразумения» и добиться соглашения между Керенским и Корниловым. Министры-кадеты Кокошкин, Юренев, Ольденбург и Карташев снова подали в отставку, облегчая тем самым Корнилову выполнение его плана.

В передовице от 29 августа кадетская «Речь», пытаясь объяснить все простым недоразумением, явно становилась на сторону Корнилова. 30 августа «Речь» вышла с белой полосой. Заготовленную передовицу, в которой кадеты откровенно солидаризировались с Корниловым,

Сторожевая застава революционных войск под Петроградом в корниловские дни.

пришлось в последнюю минуту, когда выяснилась безнадежность корниловского выступления, выкинуть. Однако текст передовицы сохранился в архиве. Кадеты в этой статье спрашивали:

«Что ответить на обвинение, квалифицирующее происходящие события как заговор против революции, цель которого — избавление от засилия демократии? Генерал Корнилов — не реакционер, его цели не имеют ничего общего с целями контрреволюции, это явствует из его определенного заявления, простотой своей как нельзя лучше характеризующего бесхитростный ум и сердце солдата. Генерал Корнилов ищет путей довести Россию до победы над врагом и к выражению народной воли в будущем устройстве Учредительного собрания. Нам тем легче присоединиться к этой формулировке национальных целей, что мы говорили в тех же самых выражениях задолго до генерала Корнилова... Мы не боимся сказать, что генерал Корнилов преследовал те же цели, какие мы считаем необходимыми для спасения родины»[1].

Передовая «Речи» полностью оправдывает характеристику кадетов, данную им Лениным: «корниловцы».

Помирить обоих кандидатов в диктаторы пытались также и союзные дипломаты: английский посол Бьюкенен был в курсе заговора и поддерживал Корнилова. С ведома Бьюкенена английские броневики шли на Петроград вместе с III корпусом.

«Все мои симпатии были на стороне Корнилова»[2], признавался англичанин в своих мемуарах. Английская пресса тщательно старалась скрыть участие в корниловщине отечественных броневиков. Официальная газета «Таймс» 3 октября 1917 года возмущенно писала, что история с броневиками — выдумки и злонамеренная клевета. По настоянию английского посла Временное правительство даже привлекло к судебной ответственности «за клевету» редактора московской большевистской газеты «Социал-демократ». Сейчас в наших руках имеется документ, полностью подтверждающий связь англичан и корниловцев. Это срочная телеграмма виднейшего корниловца генерала Романовского от 28 августа:

«Генерал-квартирмейстеру 7. Прикажите немедленно командиру броневого дивизиона британского отправить все боевые машины, включая фиаты, со всеми офицерами и экипажем *в Бровары коммейту Соамсу*. Туда же направьте машины, находящиеся *фольварке Дубровка*. 6429»[3].

Впоследствии империалисты вынуждены были открыто признать свое участие в корниловщине. Американские офицеры в спорах с англичанами выболтали то, что последние хотели всячески скрыть. Недаром говорят, что когда два вора дерутся, истина выплывает наружу. Американский полковник Робинс опубликовал свой разговор с английским генералом Ноксом. Этот разговор состоялся в Петрограде вскоре после провала корниловского выступления. Робинс сообщает:

«Он (генерал Нокс. *Ред.*) продолжал: «Вам бы следовало быть с Корниловым» — и покраснел, вспомнив, что мне известно, что английские офицеры, одетые в русскую военную форму, в английских танках следовали за наступавшим Корниловым и едва не открыли огонь по корниловским частям, когда те отказались наступать дальше Пскова»[4].

В дни корниловского выступления генерал Нокс как представитель английского штаба при Временном правительстве делал все, что мог, для успеха военного переворота. И если корниловщина потерпела крушение, то в этом меньше всего виноват английский генерал.

Керенский, поддержанный Всероссийским центральным исполнительным комитетом советов, пытался организовать оборону Петрограда. Однако единственные люди, которые могли дать настоящий отпор выступлению Корнилова, — это были большевики.

3.

РАЗГРОМ ГЕНЕРАЛЬСКОЙ АВАНТЮРЫ.

Партия большевиков уже давно следила за всеми приготовлениями корниловщины. Загнанная в подполье правительством кадетов, меньшевиков и эсеров, она тем не менее предупреждала рабочий класс о подготовляемом выступлении и при первых же о нем известиях ударила в набат. Зная, что правительство замешано в реакционном заговоре, партия обра-

тилась к массам, призвав их выступить не за Керенского, а на защиту революции, против Корнилова и его отрядов.

Партия большевиков мобилизовала против корниловцев все силы.

На экстренном заседании Петербургского комитета большевистской партии 27 августа было решено установить дежурство в Петербургском комитете, а также порайонные дежурства членов райкомов, представителей заводских коллективов. Во всех районах были собраны агитаторы. Партия призвала рабочих к отпору.

На зов партии откликнулся весь рабочий класс Петрограда, убедившийся в предательской роли меньшевиков и эсеров. Если до сих пор организация и подготовка отрядов Красной гвардии шли нелегально, то теперь это делали открыто.

Большевики вошли в созданный при Всероссийском центральном исполнительном комитете советов Комитет народной борьбы с контрреволюцией, но при условии вооружения рабочих и освобождения арестованных за участие в июльской демонстрации. Условия эти были немедленно удовлетворены.

Та же картина наблюдалась в Москве и в провинции, откликнувшейся на призыв бороться с генеральской контрреволюцией. Повсюду началась организация рабочих дружин. В ряде мест были образованы революционные комитеты. Рабочие требовали освобождения арестованных большевистских вождей и передачи всей власти в руки советов.

Против корниловцев были брошены отряды большевистской Красной гвардии, под Петроградом рылись окопы и строились заграждения. Спешно добывалось оружие, формировались отряды, печатались миллионы листовок.

Большевики призвали к отпору также петроградский гарнизон, на что полки гарнизона ответили тем, что изгнали эсеро-меньшевистских комиссаров из своей среды и выдвинули на их место большевиков. К ужасу эсеро-меньшевиков оказалось, что не только петроградский гарнизон, но и большинство матросов Балтфлота стоит за большевиков. Чуя опасность, Керенский патетически заявил, что он отдает себя под защиту большевиков, на что большевики ответили, что у них имеется более серьезная задача.

Задержка отхода генерала Крымова под Петроградом. *Рис. Н. Владимирова.*

Братание частей «дикой дивизии» с революционными солдатами.

Среди корниловских войск началась агитация. Железнодорожники разбирали пути и всячески задерживали продвижение корниловских эшелонов на Петроград.

Под Лугой, откуда корниловцы предполагали итти на Петроград пешим порядком, произошла задержка. Лужский совет, отвергнув ультиматум генерала Крымова, потребовал, чтобы его казаки, двигаясь на Петроград, миновали Лугу.

Решительный отпор корниловщине со стороны трудящихся внес разложение в войска заговорщиков. 30 августа казаки Донской дивизии явились в Лужский совет с предложением арестовать генерала Крымова и подчиниться распоряжениям Временного правительства. Командира корпуса спас от ареста только приезд представителя Керенского, с которым Крымов немедленно и отправился в Петроград. Убедившись в полном отказе солдат действовать против революционных отрядов, Крымов в отчаянии застрелился.

Наступление «дикой дивизии» кончилось тем же, чем и наступление казачьих полков. Навстречу дивизии была послана мусульманская делегация.

Инициатива посылки мусульманской делегации принадлежала С. М. Кирову. Он работал в 1917 году во Владикавказе. В августе 1917 года Киров выезжал в Петроград по поручению большевистской организации и совета рабочих и солдатских депутатов Владикавказа. Корниловские события застали его в Москве. Узнав об участии в корниловской авантюре «дикой дивизии», в составе которой были и горские части, Киров предложил Московскому совету добиться посылки делегации к «дикой дивизии» от Центрального комитета горских народов, находившегося во Владикавказе. Московский совет телеграфно связался с Владикавказом.

Приехавшая делегация разъяснила солдатам истинные намерения начальников. Этого было достаточно, чтобы сделать «дикую дивизию» совершенно безвредной для революции.

Неудача постигла корниловцев и в Петрограде. Заблаговременно посланные туда офи-

С. М. Киров.

церы кутили по ресторанам, присваивая деньги, полученные для организации наступления. Деникин в своих воспоминаниях пишет:

«Главного руководителя петроградской военной организации полковника С. разыскивали долго и безуспешно. Он, как оказалось, из опасения преследования скрылся в Финляндию, захватив с собой последние остатки денег организации, что-то около полутораста тысяч рублей»[1].

То же самое рассказывает и другой корниловец — кадет Милюков.

Полное разложение началось и в самой Ставке. Она была поколирована и доживала в тревоге свои последние дни. Даже георгиевский батальон — и тот отказался поддерживать Корнилова. На фронте и в Ставке по распоряжению армейских комитетов были арестованы генералы Деникин, Марков, Лукомский, Романовский и другие, выступившие с открытой поддержкой Корнилова.

Ликвидация корниловщины близилась к концу. 30 августа указом Временного правительства Корнилов был отчислен от должности верховного главнокомандующего и предан суду за мятеж. Пост верховного главнокомандующего принял на себя Керенский, а начальником штаба был назначен генерал Алексеев, бывший начальником штаба при царе, тот самый, который во время Государственного совещания договаривался с Корниловым, кому быть диктатором.

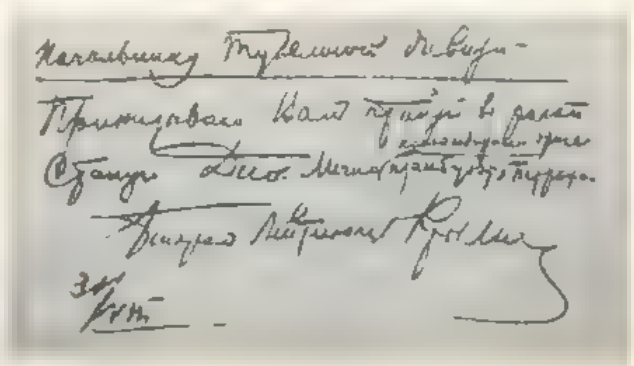
Корниловщина провалилась. Помещикам и буржуазии не удалось разгромить революцию. Но гражданская война, начатая генералами, резко изменила соотношение сил.

Подводя итоги корниловскому восстанию, Ленин писал:

«Историческое значение восстания Корнилова состоит именно в том, что оно с чрезвычайной силой открыло массам народа глаза на ту истину, которая была прикрыта и прикрывается до сих пор соглашательской фразой эсеров и меньшевиков, именно: помещики и буржуазия с партией кадетов во главе и стоящие на их стороне генералы и офицеры сорганизовались, они готовы совершить и совершают самые неслыханные преступления — отдать Ригу (а затем и Петроград) немцам, открыть им фронт, отдать под расстрел большевистские полки, начать мятеж, повести на столицу войска с «дикой дивизией» во главе и т. д. — все это ради того, чтобы захватить всю власть в руки буржуазии, чтобы укрепить власть помещиков в деревне, чтобы залить страну кровью рабочих и крестьян»[2].

Массовый подъем захватил собой и низы эсеро-меньшевиков. Мелкобуржуазные лидеры, стараясь скрыть свои связи с корниловщиной, засуетились. Показывая свою активность, они пытались уверить народные массы, что и партия соглашателей участвует в борьбе с контрреволюцией. Эсеро-меньшевики вошли в состав комитетов, готовивших отпор Корнилову,

Предсмертная записка генерала Крымова.



выносили трескучие резолюции, клялись в верности революции.

Но борьба шла помимо и через голову соглашателей. Опять, как в февральские дни, советы стали боевыми, массовыми организациями рабочих и крестьян. Советы ожили и стали разворачиваться. Сила снова оказалась на стороне советов, рабочие снова получили в руки оружие. Вновь создалась обстановка, когда оказалось возможным применить в известном смысле старую допюльскую тактику. Ленин выступил в печати с предложением эсеро-меньшевикам взять власть в руки советов при условии полной свободы агитации для большевиков и свободы перевыборов в советах.

Однако возвратиться к старой тактике — мирно передать власть в руки советов — можно было только на очень короткий срок. Революционный угар у эсеро-меньшевиков быстро прошел. Они накрепко связались с буржуазным правительством и после поражения Корнилова опять полезли в буржуазный хлев.

Руководство государством временно возложили на директорию в составе Керенского, М. И. Терещенко, недавно назначенного военным министром А. И. Верховского, морского министра Д. Н. Вердеревского и министра почт и телеграфов А. М. Никитина.

Последняя попытка большевиков добиться мирного перехода власти в руки советов кончилась ничем. Но эта попытка лишний раз показала, что власть можно взять *только в восстании* против буржуазного правительства и против мелкобуржуазного блока. Лозунг «Вся власть советам» вновь стал в порядок дня. Но теперь он звучал иначе, ибо сами советы стали другими.

«Лозунг «Вся власть советам» вновь стал на очереди, — писал Сталин. — Но теперь этот лозунг означал уже не то, что на первой стадии. Его содержание изменилось коренным образом. Теперь этот лозунг означал полный разрыв с империализмом и переход власти к большевикам, ибо советы в своем большинстве были уже большевистскими. Теперь этот лозунг означал прямой подход революции к диктатуре пролетариата путем восстания. Более того, теперь этот лозунг означал организацию и государственное оформление диктатуры пролетариата»[1]. В порядке дня стало вооруженное восстание.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

РАЗВАЛ ХОЗЯЙСТВА СТРАНЫ.

1.

САБОТАЖ КАПИТАЛИСТОВ.

Заговор Корнилова провалился. Но власть благодаря эсерам и меньшевикам осталась в руках буржуазии. Не смея сразу выступить открыто, капиталисты повели наступление на рабочий класс по рецепту Рябушинского: они занялись организацией голода.

На страну надвигалась катастрофа. Железнодорожный транспорт разваливался. Добыча топлива сокращалась. Подвоз хлеба падал. Война усиливала общее расстройство. Грозил неминуемый крах. А правительство не только не приняло исключительных мер по борьбе с голодом, но и организовало явную экономическую корниловщину. Члены правительства много говорили о контроле и регулировании промышленности. На деле же сами срывали свои «мероприятия», оттягивали решения, создавали громоздкие бюрократические учреждения, отдавая их целиком под опеку капиталистов.

Открывая 21 июля заседание только что созданного Экономического совета, Керенский многообещающе определил, что задачей нового учреждения является

> «выработка плана и постепенное регулирование всей хозяйственно-финансовой жизни страны, исходящее из принципа подчинения всех интересов интересам государства»[1].

Рядом был создан Главный экономический комитет — исполнительный орган Экономического совета, но по инструкции комитет превратился в самостоятельную организацию.

Отменять его решения могло только Временное правительство. Заместитель председателя комитета, известный представитель промышленных кругов Н. Н. Савин, 9 августа на заседании Экономического совета признался, что он не знает, «что Экономическому комитету придется делать»[1]. 12 сентября участники Главного экономического комитета, в свою очередь, отмечали, что Экономический совет только тормозит деятельность комитета, а представитель Министерства земледелия Н. И. Ракитников прямо называл совет и совещание, созданное при комитете, неделовыми органами.

Неразбериха усиливалась сохранением «особых совещаний», созданных еще при царе. Особое совещание по обороне, наделенное исключительными правами, выносило свои решения по важнейшим вопросам экономической жизни страны. Во главе его стоял П. И. Пальчинский — инженер, в прошлом работавший и в золотой промышленности и в области строительства железнодорожного транспорта. Пальчинский состоял одновременно товарищем министра торговли и промышленности, председателем Особого совещания по обороне и главным уполномоченным по снабжению металлом и топливом. Во всех этих трех организациях он одинаково резко выступал против революции. Ленин писал о нем:

«Пальчинский приобрел себе этой борьбой самую печальную и самую широкую, всероссийскую известность. Он действовал за спиной правительства, не выступая открыто перед народом (совершенно так же, как предпочитали действовать кадеты вообще, охотно выдвигавшие «для народа» Церетели, а сами обделывавшие втихомолку все важные дела). Пальчинский тормозил и срывал всякие серьезные меры самочинных демократических организаций, ибо ни одна серьезная мера не могла состояться без «ущерба» безмерных прибылей и самодурства Кит Китычей»[2].

Временное правительство не посмело разрушить старое царское бюрократическое совещание по обороне, но зато усиленно выступало против демократических организаций — всякого рода комитетов снабжения, продовольственных комиссий при советах, которые снизу повели борьбу с голодом. Пальчинский тем и прославился, что прямо отменял распоряжения демократических организаций. Иначе говоря, сами ничего не делали и трудящимся мешали бороться с угровой катастрофы.

«Республиканское» правительство в свои регулирующие органы допускало рабочих в ничтожном количестве. В Экономическом совете на 10 представителей Временного правительства, 12 представителей буржуазных организаций (Союз городов, Союз съездов представителей торговли и промышленности и т. п.) и 6 профессоров приходилось только 9 представителей от советов и профсоюзов. Экономический комитет как деловой орган составлялся из назначенных правительством представителей министерств под председательством министра-председателя. Возможность введения в комитет представителей трудящихся была совершенно исключена. Их допустили только в состав совещания, созданного при Главном комитете. Но и тут на 10 представителей от Экономического совета, 6 — от буржуазных организаций, 14 — от правительственных учреждений, 13 — уполномоченных по заготовкам и ряд отдельных лиц, назначенных комитетом, пришлось всего 3 представителя от советов и профсоюзов. Эти трое рабочих должны были сгладить полное отсутствие в Главном комитете представителей демократии. Стадо зубров из старой бюрократической пущи против трех представителей трудящихся — таково соотношение сил в органах, созданных Временным правительством. При обсуждении положения о районных экономических советах Главный комитет обратил особое внимание на их состав, потратив на это десяток своих заседаний. Председатель комитета докладывал, что представители демократии требуют себе половину мест, но это невозможно, ибо промышленники станут бойкотировать такие советы. Он подчеркнул, что самым верным будет принцип распределения мест, принятый для Главного экономического совета, т. е. представители демократии получают четвертую часть мест. Опасаясь саботажа со стороны капиталистов, комитет принял предложение своего председателя.

В лице Экономического совета, Главного комитета, районных экономических советов правительство оформляло штабы корниловщины в экономической области.

Пока «регулирующие» органы обсуждали состав своих комитетов и комиссий и обманывали народ обещаниями контроля и учета, буржуазия безудержно спекулировала. С рынка исчезли товары. Рабочие и трудящиеся простаивали часы в ожидании голодного пайка, а «из-под полы» можно было достать любой товар и в любом количестве. Капиталисты спекулировали и наживались на промышленных акциях предприятий, существовавших (главным образом) только в биржевой, но не в реальной действительности. За девять месяцев 1916 года организовалось 150 акционерных обществ с капиталом в 209,53 миллиона рублей, за март — июнь 1917 года — 52 общества с капиталом в 138,65 миллиона рублей, а за один август 1917 года возникло 62 общества с капиталом в 205,35 миллиона рублей. В сентябре

Бегство с фронта.

рост достиг небывалых размеров: организовалось 303 компании с капиталом в 800 миллионов рублей. Наплыв частных предложений был чудовищным. За девять месяцев 1917 года было разрешено учредить новых компаний с выпуском акций на 1,9 миллиарда рублей — в шесть с половиной раз больше, чем в 1913 году. Старым компаниям разрешили выпустить акций на 1,5 миллиарда рублей — в шесть раз больше, чем в 1913 году. По сумме выпуска акций Россия опередила даже Англию. Главная масса этих разрешений приходилась на июль — сентябрь. Если принять во внимание, что основной капитал образованных в 1917 году акционерных обществ составлял 469,51 миллиона рублей, а акций они хотели выпустить почти на 2 миллиарда рублей, то станет ясным, на какие грандиозные спекуляции рассчитывали капиталисты.

Вот что писала явно поддерживавшая буржуазию газета «День» 6 августа:

«В то время как вся промышленность накануне краха, заводы закрываются или управление их переходит в руки правительства под влиянием непосильных расходов... на бирже акции тех же или таких же заводов без основания, без смысла взвинчиваются на десятки и сотни рублей, а миллионные разницы попадают ежедневно в карманы банкиров, темных дельцов кулисы (бывших биржевых зайцев) и спекулирующей публики»[1].

Спекуляция тянула разрушающееся хозяйство на дно.

Со спекуляцией боролись советы, фабрично-заводские комитеты, продовольственные комитеты, а правительство делало вид, что оно ничего не знает. На заседании Экономического совета 24 июля Министерству торговли и промышленности был задан вопрос:

«Имеется ли наблюдение... над развитием спекулятивной торговли и к каким результатам это наблюдение привело?»[2]

Представитель министерства В. Е. Варзар, крупный деятель общества «Сименс-Шуккерт», в то же время заведующий одним из отделов Министерства торговли и промышленности, не смущаясь, дал такой ответ:

«Должен сказать, что наблюдение во всех *мелочах жизни* мы считаем недостижимым»[1].

Голод народа — мелочь для правительства капиталистов. Никаких мер против спекуляции не принимали, хотя этого требовала даже мелкобуржуазная печать. В судебных законах кроме 29-й статьи, дававшей возможность судьям налагать штрафы и то в редких случаях явного нарушения закона, — ничего не было о борьбе со спекуляцией. Судьи если и ловили, то мелких базарных щук, а биржевых акул, конечно, не трогали. Когда же рабочие организации проявляли инициативу, пытаясь установить свой контроль над деятельностью капиталистов, правительство поднимало крик, обвиняя рабочий класс в «анархии».

Спекуляция вскоре приняла такие грандиозные размеры, что даже Коновалов испугался.

Будучи министром торговли и промышленности в последнем правительстве, он 3 октября обратился к Н. Н. Савину с письмом по поводу скрытия нефтяными фирмами своих запасов. Фирма «Нобель» заявила к вывозу 82 миллиона пудов, имела возможность вывезти 150, а вывезла 65 миллионов пудов. «Мазут» заявил к вывозу 47 миллионов пудов, имел — 54, а вывез — 37. Топлива не было, останавливались предприятия, а нефтяные спекулянты скрыли около половины своих запасов несмотря на введение нефтяной монополии. Коновалов, вместо того чтобы обрушиться на саботажников, создающих топливный голод в стране, скромно просил Савина

«принять меры к усилению нефтяными фирмами вывоза нефти из Астрахани хотя бы в Нижний Новгород»[2].

«Нобель» же, издеваясь над правительством с его монополиями, прямо заявил Москвотопу, что он

«лишен возможности отпускать нефть для Московского района даже для предприятий первой категории»[3].

Капиталисты подобным же образом саботировали и угольную монополию, введенную правительством с 1 августа.

На Государственном совещании 12 августа министр торговли и промышленности Прокопович признал, что

«монополия функционирует еще недостаточно правильно», но, как уверенно заявил он, «со средины августа нам все-таки угольную монополию наладить удастся»[4].

Министра проводили аплодисментами, но капиталисты продолжали гнуть свою линию. Прокопович надеялся и ждал, а спекулянты прятали уголь. Газета «Известия юга» сообщала 20 октября:

«Пред нами таблица об имеющихся запасах угля на рудниках одного только Ровенецкого района, где занято рабочих не более 5 тысяч на 13 рудниках, а находится угля до 10 миллионов пудов... И это не вывозится только потому, что промышленники не хотят вывозить»[5].

К этому надо добавить, что в Донецком бассейне не один десяток таких рудников, накапливающих запасы «про черный день», и, следовательно, не один десяток миллионов пудов лежал без движения в целях спекулятивного повышения цен.

Не понижение производительности труда, как жаловались капиталисты, срывало снабжение промышленности и населения топливом. *Основной причиной срыва был саботаж капиталистов.*

Правительство шло навстречу угольным спекулянтам. В виде премии за саботаж оно непрерывно повышало цены на уголь: в июле прибавили 7 копеек на пуд, в сентябре — 14 копеек. За два месяца надбавка к довоенной цене составила 100 с лишним процентов. Финансы страны трещали по всем швам, а правительство щедро награждало предпринимателей. Одной рукой писали резолюции о монополиях, голосовали за твердые цены, а другой — подписывали повышение цен, защищая интересы капиталистов.

Не довольствуясь спекуляцией и взвинчиванием цен, предприниматели повели наступление на рабочий класс локаутами — закрытием своих предприятий. По предварительным и сильно преуменьшенным данным журнала «Промышленность и торговля» в августе и сентябре были закрыты 231 предприятие и выброшены на улицу 61 тысяча человек. Эти меры предприниматели выдвигали как протест против регулирующих мероприятий правительства. Но чаще всего капиталисты оправдывали локаут чрезмерными требованиями рабочих. Так в одном из заявлений Временному правительству совет съездов представителей торговли и промышленности открыто заявил:

«Закрытие фабрик и заводов явится актом естественной смерти от чрезмерной потери крови»[6].

Характерно в этом отношении было поведение хозяев Невского стеаринового завода в Петрограде. Завод с каждым днем сокращал производство. Рабочие потребовали объяснения у заводоуправления.

«Сырья мало... ждут налета на Петроград цеппелинов, поэтому не может быть и речи о привозе сырья»[7],

ответили в дирекции. На деле саботажники

отправляли стеарин — основное сырье для завода — в Москву и в Финляндию.

Особенно распоясались капиталисты юга России. На своей конференции в сентябре 1917 года они обратились с грозным ультиматумом к Временному правительству:

«Представители каменноугольной, антрацитовой, железорудной, металлургической и фабрично-заводской промышленности юга России считают нужным еще раз категорически заявить Временному правительству, что если местная власть не может или не хочет оградить безопасность и личную неприкосновенность членов заводской администрации, то промышленные предприятия в этой атмосфере работать не могут и должны быть закрыты»[1].

И тут правительство пошло навстречу капиталистам. 22 сентября на заседании Главного экономического комитета по предложению председателя комитета Пальчинского было принято решение, которое должно было явиться программой деятельности правительства. Главный пункт решения гласил:

«В случае нарушения соглашения со стороны рабочих могут быть закрываемы полностью или частью предприятия и распускаем весь или часть рабочего персонала»[2].

Правительство, таким образом, намеревалось сделать локаут основой своей рабочей политики.

Разрушенная и покинутая шахта. *Рис. Н. Дормидонтова.*

Срочно было поручено разработать в этом духе специальный законопроект.

Другой видный представитель промышленности Варзар на заседании Особого совещания по обороне 23 сентября обосновал полную законность и необходимость локаутов, выдвинув следующий тезис:

«Никакой власти на заводах не существует, и поэтому единственным оружием борьбы с рабочим у заводчиков является закрытие предприятий»[1].

Варзар возражал даже против пункта проекта о закрытии предприятий промышленниками только с согласия правительства, ибо это ограничение по его мнению помешало бы хозяевам бороться против чрезмерных требований рабочих.

Горнопромышленники грозили локаутом во вседонбассовском масштабе. В Петрограде к октябрю были закрыты 40 предприятий. В октябре московские фабриканты хотели объявить локаут 300 тысячам рабочих. На Урале было закрыто 50 процентов предприятий. Накануне Октябрьской революции в Екатеринославе были выброшены на улицу 50 тысяч рабочих. Локаут разрастался до всероссийских масштабов.

Меньшевистские министры поддержали явных корниловцев. П. Н. Колокольников, товарищ министра труда и товарищ по партии социал-демократа Гвоздева, еще 26 июля на заседании Экономического совета прямо заявил, что Министерство труда признает за предпринимателями право на применение локаутов.

Ускоренными темпами шло наступление на социальные завоевания рабочего класса в революции. В начале сентября Главный комитет объединенной промышленности — один из важнейших организационных и экономических буржуазных центров — решил не оплачивать время заседаний членам совета, фабрично-заводских комитетов и членам совета старост. Этот удар по организациям рабочего класса явился завершением ряда решительных мер, предпринятых социал-демократом Скобелевым. Незадолго перед этим, при вступлении в министерство, он демагогически грозил отнять у буржуазии 100 процентов ее прибылей. На деле Скобелев попытался отнять у рабочих 100 процентов их завоеваний. 28 и 29 августа министр труда запретил заседания фабрично-заводских комитетов в рабочее время и вмешательство их в вопросы найма и увольнения, т. е. по существу ликвидировал фабрично-заводские комитеты. Так «социалистический» министр, замахивавшийся кулаком в сторону буржуазии, опустил этот кулак на голову рабочего класса.

Саботаж капиталистов быстро сказался в сильном сжатии производства. В металлургической промышленности во второй четверти года работали 42 домны, в третьей — 41, к концу же октября работали только 33 домны. Особенно резко сокращалось производство за период июль — октябрь. Добыча угля также падала катастрофически: в июле было добыто 119 миллионов пудов угля, в августе — 115, а в сентябре — 110.

На производительности труда сказались прежде всего военные мобилизации. Как раз в тех районах, где падение производительности было особенно сильным (Донбасс и Урал), среди рабочих чрезвычайно увеличилось количество женщин, подростков и военнопленных. По признанию самих капиталистов производительность труда военнопленных была вдвое ниже обычной, а на Урале и в Донбассе военнопленные составляли больше трети всех рабочих. Перебои с топливом и сырьем, ухудшение их качества, изношенность оборудования, отсутствие нужного ремонта, понижение квалификации рабочих — все это било по производительности труда. Закрытие предприятий только завершало срыв нормального хода производства. Характерно, что на предприятиях, где еще до Октябрьской революции управление перешло к рабочим, например, на Московском металлургическом заводе Гужона, производительность труда неуклонно поднималась.

Но особое влияние на производительность труда оказало ухудшение питания рабочих. Рабочие Москвы и Петрограда в сентябре и октябре получали менее полуфунта хлеба в день, а в ряде районов они просто голодали. По данным Министерства труда заработная плата за период войны по Москве увеличилась на 515 процентов, а цены на основные предметы питания выросли за это время в Москве на 836 процентов, на предметы широкого потребления — даже на 1 109 процентов. В Петрограде средний почасовой заработок металлиста с марта по май увеличился на 57,8 копейки, а с мая по август — только на 8,2 копейки. Темпы прироста заработной платы после июльских событий замедлились и в результате наступления буржуазии на рабочий класс почти сошли до нуля. Темпы же роста цен за период май — август были необычайны. Товарный индекс (стоимость набора товаров широкого потребления) по России увеличился с 4,20 до 7,25, т. е. цены почти удвоились, а это означало падение почти в два раза реальной заработной платы. В среднем в 1917 году она составляла 57,4 процента заработной платы 1913 года. Таким образом, за год войны и особенно за восемь месяцев буржуазного режима произошло полное обнищание рабочего класса. Рабочий стал

хуже питаться, одеваться. Полуголодное же или голодное существование рабочего не просто било по производительности труда, а убивало ее.

Ленин подвел такой итог деятельности промышленников:

«Капиталисты умышленно и неуклонно саботируют (портят, останавливают, подрывают, тормозят) производство, надеясь, что неслыханная катастрофа будет крахом республики и демократизма, советов и вообще пролетарских и крестьянских союзов, облегчая возврат к монархии и восстановление всевластия буржуазии и помещиков»[1].

Корниловщина в промышленности росла и углублялась, захватывая и другие области хозяйственной деятельности.

2.

ФИНАНСОВЫЙ КРАХ.

Проблема финансов грозно вырастала перед правительством. В июле-августе война пожирала ежедневно огромную сумму в 66,6 миллиона рублей. В начале июля по подсчетам капиталиста Бубликова 12—14 миллиардов предстоящих расходов не имели «определенного покрытия»[2]. Курс рубля быстро падал. За период хозяйничанья Керенского падение рубля происходило удвоенными темпами по сравнению с 1916 годом. За пять месяцев рубль потерял 25 процентов своей стоимости. Сократился на сумму около одного миллиарда приток вкладов на текущие счета в кредитных учреждениях. С апреля рост вкладов почти прекратился. Вклады, составлявшие на 1 марта 3,05 миллиарда рублей, к 1 октября уменьшились до 1,63 миллиарда. В 1916 году было выпущено на 1,5 миллиарда бумажных денег, а за пять месяцев революции — на 4,5 миллиарда. Лавина денежных знаков — «керенок», как их называли, — затопила страну. Финансовое хозяйство трещало и расползалось по всем скрепам, как затертый льдами корабль. Финансовая политика правительства, искавшего выхода из положения путем печатания бумажных денег, вызвала возмущение даже у Рябушинского. Он усмотрел в этом — и совершенно верно — продолжение политики старой власти и заявил, что это уже никого «не прельщает».

Падающий рубль толкал промышленность и все народное хозяйство в бездну нового кризиса. Правительство искало средств исцеления страны от финансового краха, но ничего не могло придумать кроме ускорения деятельности печатного станка. В отчаянии профессор Туган-Барановский выдвинул проект принудительного займа у капиталистов. Профессор Гензель подсчитал, что заем может дать 10 миллиардов дохода. Но против отчаявшихся смельчаков веско выступила буржуазная печать и заставила их смолкнуть. Созванное в Министерстве финансов совещание высказалось против такого займа, ссылаясь на существующее «и без того высокое прямое обложение». Провалив косвенное обложение буржуазии в виде займа, та же буржуазная печать высказалась за усиленное косвенное обложение трудового населения. «Торгово-промышленная газета» — орган фабрикантов и заводчиков — 3 августа подчеркивала, что главное на новом этапе — не прямые, а косвенные налоги.

«Начинается второй этап податной реформы, нужно энергично приняться за акцизы и монополии. Можно быть принципиальным противником косвенных налогов, и все-таки приходится признать неизбежность их повышения»[3].

Указывая на хвосты у магазинов, автор статьи заверял, что население готово платить, «так как свободных денег у него много»[4]. На самом деле у населения, конечно, не было лишних денег, попросту — нехватало продуктов, товаров, и, испытывая голод, трудящиеся распродавали все, лишь бы спастись от неизбежной смерти.

«Торгово-промышленная газета» прямо заявляла 3 августа, что «ставки косвенных налогов повышены далеко не в соответствии с повышенной номинальной платежеспособностью населения, и особенно рабочего класса»[5]. Газета потребовала от правительства:

«Внимание Министерства финансов должно быть обращено на повышение акцизов и введение новых фискальных монополий»[6].

Правительство немедленно откликнулось на это требование буржуазии. В «Речи» была помещена 6 августа беседа с министром финансов Н. В. Некрасовым, в которой он заявил:

«При грандиозных расходах окажется необходимым усилить *косвенное* обложение.

«Керенки»... не имели ни подписи, ни даты, ни номера».

Кроме того неизбежно установление новых государственных монополий: сахарной, спичечной и чайной»[1].

В докладе на Государственном совещании Некрасов широко развернул свои предложения. По поводу прямых налогов он сказал, что «они должны оставить целым хозяйственный аппарат промышленности»[2], т. е. речь может итти только об их снижении, а по поводу косвенных — министр говорил совсем другое:

«Без повышения косвенного обложения, *повышения серьезного и значительного*, мы в настоящее время не можем выйти»[3].

При этом по поводу монополий сахарной и других министр специально разъяснил буржуазии:

«Мы считаем эти мероприятия определенно фискальными, считаем необходимым провести их для более полного и лучшего извлечения доходов и отнюдь не видим в них планомерного стремления сузить частную хозяйственную инициативу»[4].

Некрасов нарочно подчеркивал, что монополии на предметы широкого потребления ставят задачей регулировать доходы трудящихся, а не капиталистов. Это была целая программа корниловщины в области финансовой политики. Представители «революционной демократии» на Государственном совещании в лице «социалиста» Чхеидзе подтвердили правильность рассуждений министра по поводу косвенных налогов.

Воззвание советов рабочих и солдатских депутатов тоже говорило о привлечении всего населения к серьезным жертвам, чтобы предотвратить финансовую катастрофу.

Все обещания министра финансов правительство осуществило в точности. В сентябре министерство представило правительству проект перенесения единовременного налога на 1918 год и уменьшения подоходного налога. Правительство целиком одобрило эти мероприятия. Дополнительно к этому Особое совещание по обороне вынесло постановление о выдаче авансов капиталистам в счет будущего повышения цен. В сентябре ввели сахарную монополию и в несколько раз повысили железнодорожный тариф. 25 сентября в правительственной декларации были подчеркнуты решающая роль косвенных налогов и необходимость их увеличения. В середине октября Министерство финансов разработало проекты еще ряда новых монополий: спичечной, махорочной, кофейной и чайной. Оно выбирало массовые предметы потребления. Оно хотело крупно нажиться на ограблении трудящихся при помощи этих монополий. Раньше чайная монополия приносила 150—160 миллионов рублей прибыли, а сейчас правительство хотело получить от нее 740 миллионов рублей. На одних спичках правительство рассчитывало выжать из трудящихся 207 миллионов рублей чистой прибыли.

Повышение цен по требованию капиталистов имело и другую сторону — бесконечное увеличение выпуска бумажных денег. В апреле их было выпущено на 476 миллионов рублей, а в сентябре — на 1 954,4 миллиона, т. е. в четыре с лишним раза больше. Октябрь дал новых бумажных знаков на 1 933,5 миллиона. Деньги, выпущенные Временным правительством, известные под названием «керенок», лучше всего говорят о характере финансовой политики буржуазии. Небольшие клочки бумаги с надписью «20» и «40» рублей не имели ни подписи, ни даты, ни номера. В результате лихорадочной работы печатного станка за август — октябрь рубль потерял 37 процентов стоимости, т. е. в полтора раза больше, чем за первые пять месяцев революции. Рабочий

получал заработную плату «падающими рублями» — деньгами, горевшими в руках. К октябрю рубль потерял по сравнению с долларом 53 процента своего курса. Обесценение валюты перешло «в штопор», увлекая рубль вниз с невиданной до того быстротой. Покупательная сила рубля едва достигала 10 довоенных копеек. Беспрерывный выпуск бумажных денег поощрял спекуляцию, позволяя капиталистам наживать миллионы. Бумажный поток с каждым месяцем снижал реальную заработную плату рабочих, рост косвенных налогов добивал ее. Налоговый пресс Временного правительства, оставив в покое буржуазию, выдавливал из масс последние силы. Правительство пыталось локализовать финансовый кризис потоком бумажных денег. Но как нельзя заливать горящий дом керосином, так и невозможно было спастись от финансового краха печатным станком. Финансовый кризис ускорял темпы развала хозяйства. Правительство вело страну к катастрофе.

3.

РАССТРОЙСТВО ТРАНСПОРТА.

На транспорте, как и в промышленности, усиливающейся разрухе противостояла только революционная инициатива самих масс.

После июльских дней, особенно в августе, правительство пошло по пути открытого наступления на железнодорожный пролетариат. Новый курс заключался в ликвидации «некрасовской весны» — так называли период, когда министр транспорта «левый» кадет Некрасов еще вынужден был считаться с массами, — и в осуществлении корниловщины на транспорте. После июльских дней партия кадетов выступила с резким протестом против известного циркуляра Некрасова № 6321. Изданный еще 27 мая циркуляр этот признавал профсоюзы и железнодорожные комитеты на транспорте. Им было предоставлено даже право контроля за работой дорог. Этот период на транспорте и был назван «некрасовской весной». Кадеты заявили, что опыт, проделанный над русским железнодорожным делом, был неудачен. Особое совещание по перевозкам высказалось за ликвидацию циркуляра № 6321, за повышение ответственности должностных лиц, за отмену всяких контрольных функций рабочих и служащих, за право издавать обязательные постановления, на основе которых дисциплинарные суды могли бы подвергать виновных аресту и притом в самом срочном порядке.

На заседании Русско-американского комитета в присутствии «высшего авторитета» «знатного иностранца» Стивенса — председателя американской железнодорожной комиссии в России — указывалось:

«В железнодорожном деле должна быть твердая власть. Участие служащих в управлении дорогами недопустимо»[1].

Совет частных железных дорог открыто выступил за полное и безусловное восстановление на транспорте дореволюционных условий труда. На московском «совещании общественных деятелей» 8 августа был поставлен вопрос о милитаризации железных дорог. Председатель совета частных железных дорог Н. Д. Байдак в беседе с журналистами заявил, что «железные дороги должны быть немедленно объявлены на особом положении»[2].

Милитаризация железных дорог была тем «новым словом», которое сказал в своей программе сам Корнилов. Перед своим выступлением генерал требовал: «Железные дороги должны быть объявлены на военном положении»[3].

Но для осуществления корниловского похода на рабочий класс Некрасов казался буржуазии слишком мягким. Нужен был человек твердой руки. Он необязательно должен был быть кадетом или еще правее. Напротив, лучше было иметь «социалиста», который бы умел выполнять волю буржуазии так же честно, как меньшевики Скобелев и Никитин или эсеры С. Маслов и Чернов. Такой Корнилов на транспорте нашелся. Начальники дорог выдвинули кандидатуру эсера С. Г. Тахтамышева, того самого, который намечался Корниловым в состав диктаторского правительства. С первых же шагов новый министр вполне оправдал доверие буржуазии. Выступив 16 июля на I железнодорожном съезде с целью позолотить горькую пилюлю корниловского лекарства для излечения тяжело больного транспорта, он начал свое выступление с характеристики счастливой жизни рабочей аристократии в Англии:

«Какое счастье должен испытывать английский рабочий. Я заглядывал в рабочие

Разруха на транспорте.

квартиры: у рабочих три комнаты, кухня, рояль... Не за горами то время, когда русский рабочий подобно рабочему Англии, придя домой в светлую культурную квартиру из трех-четырех комнат, услышит прекрасный домашний концерт: дочь играет на пианино, сын — на скрипке»[1].

Затем, перейдя от изображения райского будущего к настоящему, он сообщил съезду, что «административно-распорядительная власть на дорогах принадлежит органам правительственной власти. Никакие вмешательства в распоряжения этих органов недопустимы»[2].

Рабочие Казанки прозвали после этого Тахтамышева «скрипкой», а членов Временного правительства — «скрипачами». Выступление Тахтамышева вызвало широкий поход администрации на комитеты: их лишали помещений, членов их выгоняли со службы и предавали суду.

После ретивого эсера министром стал кадет П. Н. Юренев. Он заявил о полной солидарности с деятельностью Тахтамышева. Юренев дополнил программу действий Тахтамышева в своем выступлении на Всероссийском железнодорожном съезде 1 августа:

«Я считаю, что вмешательство в распорядительную деятельность администрации частных лиц и организаций, правительством на то не уполномоченных, вмешательство, вносящее разруху в движение, сопровождаемое самочинным удалением тех или иных ответственных лиц и в результате создающее для технической части железнодорожного хозяйства невозможное положение в момент, который мы переживаем сейчас на фронте, в момент военных неудач и крайней опасности для государства, — я считаю такое вмешательство государственным преступлением! И правительство обязано со всей полнотой власти реагировать на подобные попытки как на явления явно антигосударственные»[3].

Юренев решительно выступил против рабо-

чих требований о повышении заработной платы. На требование рабочих московских железнодорожных мастерских он отрезал: «Денег нет». И такой стандартный ответ он давал всем.

Соглашатели целиком поддерживали корниловщину на железных дорогах. На Государственном совещании от имени железнодорожников выступил правый эсер Орехов, председатель учредительного съезда железнодорожников (июль-август) и первый председатель Викжеля — так назывался Всероссийский исполнительный комитет железнодорожных рабочих и служащих. Этот «социалист» заявил на совещании:

«Порядок, жертвы и оборона — вот к чему призывало правительство нас на этих днях. Порядок, жертвы и оборона — вот что стоит на знамени Всероссийского железнодорожного союза»[1].

Транспорт был одним из многих «заколдованных мест», где у Временного правительства, выражаясь языком Гоголя, «не вытанцовывалось». Менялись министры, а транспорт по-старому расползался. Юренева сменил Ливеровский. Он подобно Юреневу солидаризировался с политикой своего предшественника. Репрессии, отказ от повышения заработной платы продолжались. На отдельных дорогах администрация занялась подрывом продовольственного снабжения рабочих и служащих. Начальник Казанской железной дороги фон Мекк — в будущем, уже при советской власти, организатор вредительства на дорогах — задерживал срочные кредиты на закупку товаров, стараясь тем самым подорвать продовольственное дело. Подобные действия правительства и его агентов на местах неизбежно вели транспорт к развалу. Этому содействовали и такие новые явления, как массовое дезертирство с фронта, рост мешочничества на почве голода и спекуляции. В июле недогруз составил 200 тысяч вагонов, в августе — 248 тысяч. За девять месяцев средняя суточная погрузка равнялась 19 500 вагонов — на 22 процента меньше, чем в 1916 году. В октябре грузили в среднем ежедневно 16 627 вагонов, т. е. на 34 процента меньше, чем в 1916 году. Дело близилось к полному параличу железных дорог, а следовательно, и всей хозяйственной жизни страны. Этого не скрывала и сама буржуазия. Видный инженер Ландсберг заявил на заседании совещания по перевозкам: «В ближайшие зимние месяцы должен неминуемо наступить полный крах»[2].

4.

ОБОСТРЕНИЕ АГРАРНОГО ДВИЖЕНИЯ.

Характер экономической политики Временного правительства с особой силой сказался в аграрном вопросе. Тут политика была уже прямо связана с именем генерала Корнилова.

Еще в начале июля председатель союза земельных собственников Н. Н. Львов призывал помещиков «оставить пассивность, нужно итти вперед, в наступление»[3]. Призыв был услышан прежде всего генералом Корниловым. Задолго до своего вступления в «большую политику» генерал попробовал силы на земельном фронте. 8 июля 1917 года Корнилов издал обязательное постановление «О порядке сбора урожая». Он писал:

«Весь урожай... должен быть собран полностью и в короткий срок. Поэтому воспрещается... насильственно захватывать посевы или собранный хлеб... мешать теми или иными способами сбору хлебов...»[4]

Крестьян, не подчиняющихся этому постановлению, Корнилов обещал отдать в «исправительные арестантские отделения до трех лет»[5]. Постановление немедленно начало осуществляться. За нарушение корниловского приказа был отдан под суд Полтавский земельный комитет. Предвиделось большое скопление дел в судах. Военные власти отдали распоряжение рассматривать эти дела вне очереди. В случае надобности, когда судебное разбирательство крестьян не успокаивало, рекомендовалось применять военную силу.

Корниловское обязательное постановление относилось только к району Юго-западного фронта. Министры-«социалисты» — Чернов, Церетели, Пешехонов — постарались распространить генеральский «закон» на всю страну. 16 июля министр земледелия разослал на места инструкцию земельным комитетам. В инструкции Чернов советовал крестьянам вносить землевладельцам арендную плату в размере, определенном в примирительных камерах. Чернов признавал даже возможным переход необработанных земель в руки земельных комитетов, но... с согласия продовольственных

Арест земельного комитета. *Рис. П. Васильева*

Комитетов. Эта путаная и «благодушная», как ее называли сами эсеры, инструкция занимала определенное место в общем плане корниловского наступления на деревню. Она должна была служить либеральной подкладкой к корниловским действиям двух других министров-«социалистов»: Церетели и Пешехонова.

Министр внутренних дел Церетели вслед за черновской инструкцией 18 июля выпустил свой циркуляр.

«Населением допускаются захваты, — писал министр, — запашки и засевы чужих полей, снятие рабочих и предъявление непосильных для сельских хозяйств экономических требований» [1].

Указав на то, что призывы к земельным захватам должны преследоваться со всей строгостью законов, министр предлагал губернским комиссарам

«принятие скорых и решительных мер к прекращению всех самоуправных действий в области земельных отношений» [2].

Церетели оказался впереди Корнилова: у министра-«социалиста» даже «призыв к захвату» считался недопустимым. Аналогичный циркуляр издал министр продовольствия Пешехонов.

Подробно перечислив все «преступные» действия крестьян, он предложил:

«Немедленно положить конец подобного рода явлениям... О виновных в таких действиях лицах надлежит немедленно представлять судебной власти о возбуждении против них уголовного преследования» [3].

Корниловские циркуляры министров-«социалистов» завершились приказом самого генерала Корнилова, который к этому времени стал верховным главнокомандующим. В новом приказе Корнилов распространил свое обязательное постановление «на весь район театра военных действий» [4].

Государственный аппарат, направляемый корниловцами, принял все эти инструкции, циркуляры и приказы к исполнению. В деревне развернулось преследование «захватчиков». Ак-

тивно взялись за дело губернские всероссийские комиссары.

В Тульской губернии за июль и половину августа было около 60 арестов членов земельных комитетов, советов крестьянских депутатов и «простых крестьян», как заявил представитель губернии на третьей сессии Главного земельного комитета в августе. В Смоленской губернии в одном только Ельнинском уезде были арестованы представители 14 волостных комитетов.

Всероссийский крестьянский совет, руководимый эсерами, мог только отмечать, что «аресты и репрессии формально основываются на некоторых статьях уложения о наказаниях»[1], которые были включены в закон столыпинского правительства после 1905 года для подавления аграрного движения.

Вслед за корниловско-церетелевскими циркулярами в деревню направлялись наиболее верные правительству части. В июле-августе по 11 губерниям — очагам наиболее сильного аграрного движения (Центрально-черноземная область и Средняя Волга) — насчитывалось 22 случая подавления крестьянских выступлений вооруженной рукой. Но это было каплей по сравнению с бушующим морем крестьянских волнений. В одном только июле было 1 122 случая «земельных правонарушений»[2]. Помещики видели, что опасность грозит в любой час, и вовсе не думали сидеть сложа руки в ожидании Учредительного собрания.

Помещики попытались в новых условиях проводить старую столыпинскую политику. Столыпинщиной были примирительные камеры, где каждые 300 крестьян должны были подчиняться одному помещику. Столыпинщиной была и попытка перераспределения арендного фонда между крепкими мужичками за счет беднейшего крестьянства. Такой же характер носила политика насаждения кулацких хозяйств. На Всероссийском съезде землевладельцев в начале июля была принята резолюция о необходимости наделения малоземельных крестьян за счет казенных, удельных и частновладельческих земель. Наделение — говорилось дальше в резолюции — должно производиться на правах частной собственности. Землевладельцы готовы были ценой небольших уступок сохранить свою землю.

«Я — помещик, — писал М. Боборыкин из Петроградской губернии бывшему председателю Думы Родзянко.— В моей голове как-то не укладывается, чтобы я мог лишиться моей земли да еще для самой невероятной цели: для опыта социалистических учений. Если бы где-нибудь на земном шаре или хотя бы на Марсе существовал тот идеальный строй, во имя которого мне предлагают (чтобы не сказать просто — грабят) отказаться безвозмездно от всего достояния, — извольте, я готов и рубашку свою последнюю сниму и отдам... Оставляя высокие лозунги для будущего... я как человек, выросший в деревне и знающий действительную русскую деревенскую жизнь земледельцев и землевладельцев, скажу: деревне нужна власть, власть крепкая, сильная, опирающаяся на массы и закон. Наш мужик невежественен груб, и в этом именно преступление бывшего правящего дворянского класса. Мужик во многих местах уже захватил помещичью землю, кустарный раздел, так сказать, почти закончен, и теперь лишь дело за опытной, умелой рукой социал-революционера»[3].

Дальше помещик Боборыкин изложил свой план земельной реформы. Он предлагал Временному правительству пойти навстречу

«стихийным стремлениям крестьян и до *Учредительного собрания* распределить часть помещичьей земли среди «трудящегося народа»[4], конечно, не безвозмездно, а за выкуп.

Помещики пытались создать «массовую опору» в деревне, привлекая на свою сторону кулачество. По инициативе союзов земельных собственников начали создаваться «союзы крестьян-собственников». В большинстве своем они открыто присоединились к кадетской программе. В программе одного из союзов южной Украины так и было сказано:

«Союз принимает широкое участие в политической жизни государства, стремясь к осуществлению демократического, республиканского строя на началах, провозглашенных партией «народной свободы»[5].

Дальше программа решительно осуждала «всякие захваты и земельные беспорядки» и предлагала «на основе принципа частной собственности» провести отчуждение частновладельческих земель «по справедливой оценке».

Столыпинская ставка на «сильных хозяев» дополнялась сознательной политикой разрушения сельского хозяйства, уже и без того подорванного войной. Деревенские Рябушинские вслед за городскими пытались задушить революцию костлявой рукой голода. Помещики не засевали полей, травили посевы, уничтожали хлеб, вырезывали скот. «Известия Всероссийского совета крестьянских депутатов» в середине июля сообщали, что помещик Эсмон в Старобыховском уезде травит принадлежащую ему рожь. На предложение милиционера прекратить потраву помещик заявил: «До Учредительного собрания своей земли я хозяин и потому, что хочу, то и буду делать». На вопрос, как он решил убирать рожь, помещик ответил: «Рожь останется в поле неубранной... До этого нет никому дела, так как рожь — мое достояние»[6].

Делегат Могилевской губернии на второй сессии Главного земельного комитета заявил, что помещик Сипайло

«систематически уничтожает свое хозяйство. Весь племенной скот он продает втихомолку, тайком, по 12—14 коров еженощно, сельскохозяйственные орудия продает кому попало, свои хлеба и луга травит»[1].

Земельная управа сообщала из Балашовского уезда в конце июля, что

«помещики не убирают сена и хлеба, иногда сжигают их или вытравливают скотом»[2].

Вредительская политика землевладельцев вызывала соответствующий отпор в крестьянстве и толкала его на усиление борьбы с помещиками. Комитет земельных собственников юга России телеграфировал Керенскому:

«Законы, изданные Временным правительством в целях прекращения анархии, и приказ верховного главнокомандующего от 31 июля сего года *в полном небрежении*, а деревня живет и действует по постановлению местных, самочинных организаций... Подобное положение приведет к полному крушению сельского хозяйства со всеми гибельными последствиями. Главный комитет союза земельных собственников просит Временное правительство в интересах государственных безотлагательно принять меры к прекращению катастрофически вредной деятельности земельных комитетов... и ограждению личности и имущества землевладельцев»[3].

Эта характеристика положения в деревне была дана за три дня до выступления Корнилова. Речь шла уже не только о земле. Надо было защищать жизнь помещика и все его имущество. С этой задачей могла справиться только корниловская политика, начатая правительством в июле.

Восьмого сентября правительство постановило подчинить земельные и продовольственные комитеты судам по административным делам. Крестьянские организации вновь оказались под сапогом помещика, сидевшего в административном аппарате. В тот же день, 8 сентября, «победивший» Корнилова председатель директории и верховный главнокомандующий Керенский поспешил доказать свою верность побежденному генералу. Керенский издал приказ № 911 в дополнение и подтверждение приказа Корнилова от 31 июля. Без всякой претензии на оригинальность новый верховный главнокомандующий буквально повторил приказ Корнилова.

«Безусловно воспрещаю, — писал Керенский, — насильственно захватывать посевы или собранный хлеб... отбирать насильственным, неканонным путем живой и мертвый инвентарь...»[4]

Вместе с тем правительство продолжало свою старую политику обмана крестьянства. «Мужицкого министра» Чернова сменил эсер Семен Маслов. Однофамилец последнего Петр Маслов, меньшевистский теоретик по аграрному вопросу, поспешил подвести итоги черновской деятельности.

«Мужицкая политика... — писал он в газете «День», — является вредной в конце концов для тех же крестьян... Временное правительство, повидимому, несколько сглаживало и нейтрализовало партийный характер мероприятий Министерства земледелия. Благодаря этому сглаживанию при разумной гибкости Чернова деятельность Министерства земледелия не имела дурных последствий...»[5]

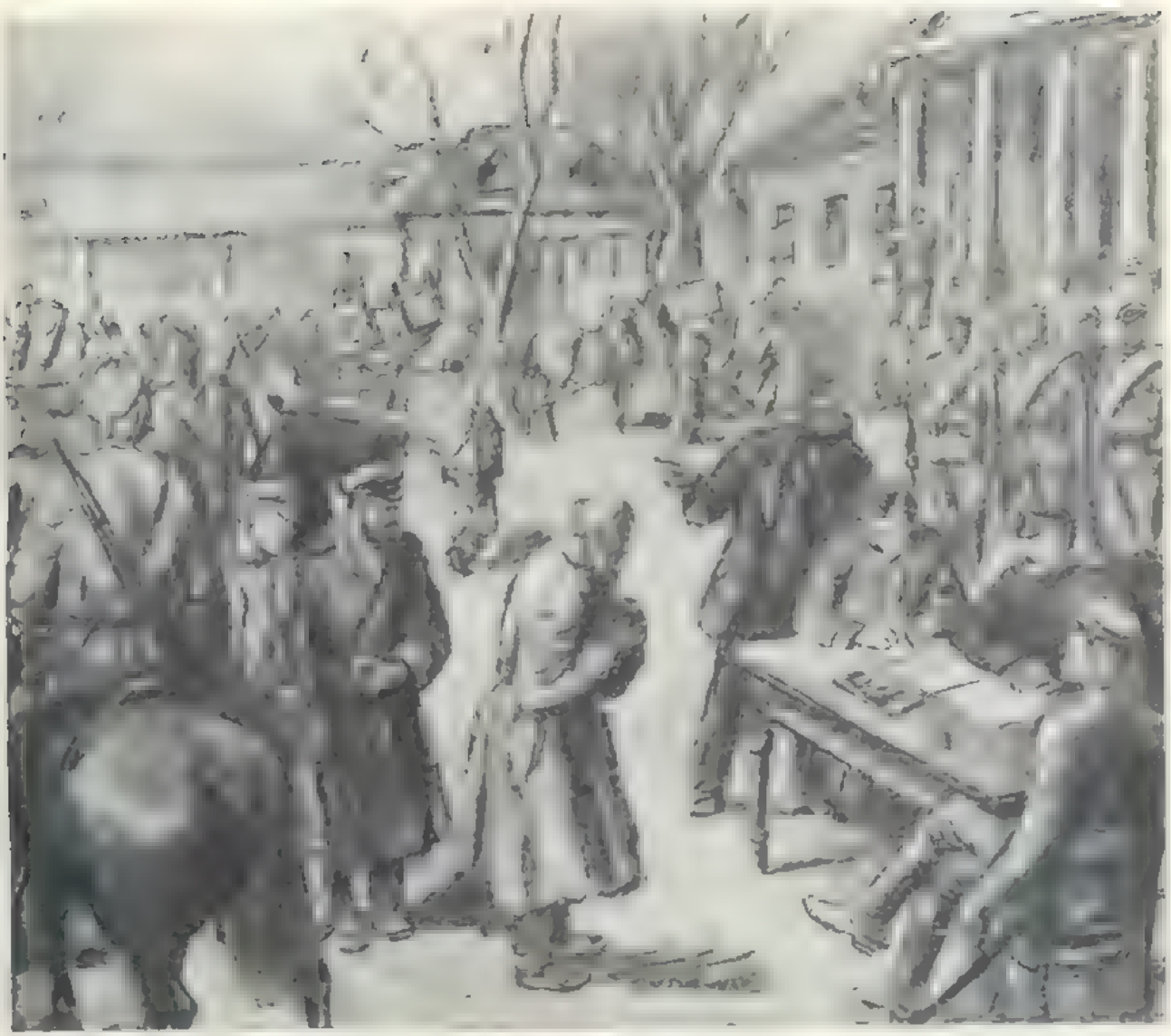
В этой оценке заключалась вся программа эсеро-меньшевистского блока. И если вплоть до Октябрьской революции помещики не ощущали еще настоящих «дурных последствий» крестьянского движения, они целиком были обязаны этим «разумной гибкости» эсеров и меньшевиков.

Продолжая политику обмана крестьянства, правительство в своей декларации 27 сентября заявило, что

«непосредственное упорядочение поземельных отношений должно быть возложено на земельные комитеты, в ведение которых в порядке, имеющем быть установленным особым законом, но без нарушения существующих форм землевладения, могут быть передаваемы земли сельскохозяйственного назначения... для спасения народного хозяйства от окончательной разрухи»[6].

Эта декларация была подготовкой к ловкому маневру Керенского. Маневр заключался в том, что в условиях растущего крестьянского восстания спасти «народное», т. е. помещичье хозяйство «без нарушения существующих форм землевладения» можно было, только передав помещичьи гнезда в ведение губернских комитетов. Губернские комитеты возглавлялись и руководились помещиками. Земля попала бы в случае успеха такого маневра в верные руки. Но помещики и в губернских комитетах держались не очень твердо. Прежде чем решиться на этот опасный шаг, Временное правительство взялось за укрепление «власти на местах». В заседании от 29 сентября правительство признало

«необходимым в губерниях, в коих имеют место аграрные беспорядки, образовать особые комитеты, на обязанности коих было бы возложено принятие неотложных мероприятий по ликвидации возникающих на местах недоразумений и ограждению порядка и законности в сфере земельных отношений»[7].



Расправа Временного правительства с крестьянами, пытавшимися захватить помещичьи земли.
Рис. Д. Шмаринова.

Второй пункт решения определял состав этих «особых комитетов». В эти полевые земельные суды входили представители центральной власти на местах и

«представители местных общественных самоуправлений... которые имеют непосредственную связь с вопросами, касающимися земельных отношений»[1].

«Непосредственную связь» с землей имели, конечно, только помещики. В их руки отдавались «особые комитеты» как средство для расправы с крестьянством. Губернским комиссарам и военным властям было дано указание действовать в согласии с особыми комитетами и не останавливаться для подавления беспорядков перед применением вооруженной силы.

Машина заработала. Вооруженная расправа Временного правительства с крестьянским движением в сентябре-октябре стала применяться все чаще. В марте — июне было 17 случаев вооруженного подавления восстаний, в июле-августе — 39, в сентябре-октябре — 105. У некоторой части помещиков начали даже появляться иллюзии, что Керенский, пожалуй, крепнет. «Знать, он силен», коль вооруженной рукой подавляет мужиков. В наиболее неспокойных районах вводили военное положение. В Тамбовскую губернию был послан отряд под командованием капитана Мироновича. При

отряде находился приехавший из Москвы прокурор судебной палаты А. Ф. Стааль, член Главного комитета Крестьянского союза. Как трудно было этим господам «успокоить» крестьян — говорят средства, которые они применяли. В деревню посылались кавалерия, казаки и... броневики. Под прикрытием броневиков, привезенных членом Главного комитета Крестьянского союза, помещики подняли голову. Тамбовское чрезвычайное губернское дворянское собрание потребовало возвращения захваченной земли, повышения арендной платы и, главное, решительных действий.

В Казанскую губернию в сентябре было направлено до 2 775 человек. Однако с места сообщали:

«Некоторые команды совершенно не пригодны: так в Козьмодемьянском уезде при выступлении женщин солдаты разбежались»[1].

Даже наиболее верная буржуазии сила, перешедшая от старого порядка к Керенскому, отказывалась служить.

«В Гресской волости,—сообщают в октябре из Минской губернии, — командированные для водворения порядка казаки бежали вследствие угрозы крестьян побить их камнями»[2].

Там же, где удавалось навести внешний порядок ценой расстрелов, положение оставалось очень напряженным.

«Пока дело касается вопросов общего характера,—отмечали «Русские ведомости», характеризуя положение в деревне,—крестьяне сдержанны, спокойны, внимательно слушают, но как только оратор коснется вопроса местного, спокойствие и выдержка моментально исчезают»[3].

Иллюзии помещиков быстро рассеялись. Не сумев подавить крестьянское движение в июле-августе, правительство оказалось бессильным перед крестьянским восстанием в сентябре-октябре. В этих условиях помещики вынуждены были решиться на опасный маневр — попробовать создать видимость передачи своей земли крестьянам. Надо было попытаться передать землю полупомещичьим (эсеровским) комитетам и, таким образом, сохранив основу своей силы, разгромить крестьянское восстание.

Председатель съезда волостных, уездных и губернского земств Саратовской губернии телеграфировал 5 октября в Министерство внутренних дел:

«Единственной мерой, способной остановить развитие беспорядков, является немедленная передача всех владельческих земель в распоряжение земельных комитетов»[4].

Тринадцатого октября нижегородский губернский комиссар Временного правительства вместе с губернским земельным комитетом и комитетом партии эсеров телеграфно настаивал на передаче всех земель комитетам «ради спасения культурных хозяйств и успокоения населения»[5]. Подобно тому как на предыдущем этапе крестьян обманывали обещаниями эсеров, речами Чернова, так и сейчас эта почетная задача была возложена на нового министра земледелия правого эсера С. Маслова. Еще в июле Маслов обнаружил незаурядные министерские способности. В своем выступлении на второй сессии Главного земельного комитета он ухитрился, защищая интересы помещиков, стать «над» стремлениями различных классов.

«Это требует того, — говорил будущий министр, — чтобы над всеми земельными отношениями на местах стал какой-то высший орган, какое-то высшее право, высшая норма, которая бы, с одной стороны, наложила руку на помещиков, с другой — на крестьян и урегулировала бы их взаимные отношения»[6].

Такой министр был просто находкой для помещиков. Сменив Чернова, С. Маслов поспешил заявить, что он продолжит линию своего предшественника. В первой половине октября плодовитый и энергичный министр внес в правительство ряд проектов: об урегулировании земельных отношений, об арендном фонде, о спорах по арендным договорам и пр. Законы были внесены в правительство «своевременно».

Главный совет союза земельных собственников в своем заседании от 1 октября с участием 25 представителей губернских организаций дал яркую характеристику положения на местах:

«Аграрные беспорядки охватывают все большую часть страны, принимают все более дикий разрушительный характер, все чаще сопровождаются насилием и убийствами, жертвами беспорядков становится наряду с землевладельцами вся наиболее важиточная часть крестьянства. Сельская Русь гибнет материально, гибнет нравственно и духовно...»[7]

В этой накаленной атмосфере к проектам Маслова отнеслись более внимательно, чем к черновским. Последний министр земледелия проявил еще большую гибкость, чем «гибкий» Чернов. 16 октября Маслов на закрытом заседании Главного земельного комитета доложил свой проект закона о передаче земли земельным комитетам до Учредительного собрания. По проекту при земельных комитетах создавался особый арендный фонд, куда передавались государственные и монастырские земли. Из помещичьих передавались лишь земли, сдававшиеся прежде владельцами в аренду, причем последние получали арендную плату. Правда, помещикам еще рекомендовалось добровольно передавать земли в арендный фонд.

Ленин так разоблачал этот закон:

«Это не конфискация помещичьего землевладения, а *укрепление* его... Кадеты делают

вид, что проект эсеров необычайно «революционный», и во всех буржуазных газетах поднят шум *против* проекта... Все это — комедия, игра, запрос торгующегося купца, который видит бесхарактерность эсеров и надеется еще больше оторговать. На самом же деле проект С. Л. Маслова есть «*помещичий*» проект, писанный *для* соглашения с помещиками, *для* спасения их» [1].

Семнадцатого октября правительство признало необходимым дополнительно разработать проект и направило его в особую комиссию. Комиссия еще больше обкорнала проект. Он снова обсуждался на заседании Временного правительства 24 октября.

Спасти помещиков и буржуазию уже не могли ни Керенский, ни Маслов несмотря на все хитроумные попытки кадетов. Аграрный вопрос остался неразрешенным, подобно тому как остались неразрешенными вопросы регулирования промышленности и улучшения работы транспорта.

5.

ГОЛОД НАДВИГАЕТСЯ.

Снабжение городов продовольствием с каждым днем ухудшалось. За четыре месяца деятельности Пешехонова погрузка на железных дорогах продуктов вообще сократилась в три раза, а погрузка продовольствия — в два с половиной раза. Министерство продовольствия почти бездействовало.

«Борьбу с катастрофой, — писал Ленин, — повели самочинные демократические организации, всякого рода комитеты снабжения, продовольственные комитеты...» [2]

Помещики и кулаки со всех сторон наступали на хлебную монополию. Общественные организации и прежде всего столичные советы рабочих и солдатских депутатов требовали от правительства резкого отпора хлебным спекулянтам. Но «народный социалист» Пешехонов ничего не предпринимал. На заседании Общегосударственного продовольственного комитета 24 августа был заслушан доклад по вопросу «об установлении временной надбавки к цене продуктов, заготовляемых за счет кредитов, открываемых Министерству продовольствия по постановлению Временного правительства от 19 мая 1917 года» [3]. Продовольственный комитет единогласно решил установить временную надбавку в 7 процентов к цене всех продуктов. Конечно, 7 процентов были значительно меньше 100 процентов надбавки, сделанной правительством. Но и 7 процентов пробивали брешь в твердых ценах, которую можно было расширить до желаемых размеров. Голосуя за 7 процентов, представители демократии своими руками помогли правительству сломать твердые цены.

Однако, когда правительство отменило твердые цены, Пешехонов подал в отставку. Он сослался на то, что эта мера увеличит расходы государства на два миллиарда. Его заменили бывшим министром торговли и промышленности Прокоповичем, как более стойким в борьбе с рабочими. Представитель буржуазии Рохович, сравнивая Прокоповича с Пешехоновым, дал такую ему характеристику:

«И можно себе представить положение министра торговли и промышленности, который призван содействовать развитию торговли в стране, когда рядом с ним другой член правительства (речь идет о Пешехонове. *Ред.*) борется и принимает меры к полному уничтожению торговли» [4].

Прокопович стоял за свободу торговли и был приемлемым кандидатом для ликвидации хлебной монополии.

Эсеры и меньшевики, как и ставленник их Пешехонов, боролись с наступлением правительства на рабочий класс и трудящихся только на словах. Вместо того чтобы обратиться к массам с требованием предать Керенского суду, они ограничились бесплодной болтовней. Ленин охарактеризовал их позицию так:

«Правительство нарушает закон, принимая в угоду богачам, помещикам и капиталистам такую меру, которая *губит* все дело контроля — продовольствия и оздоровления расшатанных донельзя финансов, — а эсеры и меньшевики продолжают говорить о соглашении с торгово-промышленными кругами, продолжают ходить на совещания с Терещенко, щадить Керенского и ограничиваются бумажной резолюцией протеста, которую правительство преспокойно кладет под сукно!..» [5]

Удвоение хлебных цен являлось гигантским налогом на трудящихся. Росчерком пера правительство за счет рабочих и крестьянской бедноты подарило помещикам и кулакам два миллиарда рублей. Удвоение хлебных цен подорвало заготовки, развязало руки спекулянтам, расстроило еще больше финансы, усилило голод и разруху. В сентябре печать отмечала:

«В настоящее время благодаря несоответствию цен на продукты сельского хозяйства и фабричного производства идет в провинции усиленная спекуляция. Крестьяне, вместо того чтобы везти хлеб на рынок и продавать его по установленным твердым ценам, нагружают им мешки и всеми правдами и неправдами под видом багажа везут хлеб в более крупные города и сбывают его по более высокой цене. В поездах и на станциях железных дорог вы видите перегруженных мешками спекулянтов, с помощью солдат или просто посторонней публики вваливающих в вагоны или теплушки набитые хлебом мешки для продажи в крупных городах» [1].

Самогоноварение распространилось по всем губерниям, истребляя хлеб по признанию Министерства продовольствия в «ужасающих количествах». Спекуляция расширила свой фронт. Буржуазный деятель Кондратьев писал:

«Твердые цены были удвоены... Но тем не менее ввиду быстрого возрастания вольных цен новые твердые цены и таксы далеко отстают от них» [2].

Удвоение цен усилило не только хлебную спекуляцию, но и содействовало росту цен вообще. «Повышение хлебных цен на 100 процентов произвело ошеломляющее действие: цены на некоторые продукты питания увеличились в два раза» [3], сообщали из Таврической губернии.

«Замечается повышательная тенденция на продукты, имеющие чрезвычайно отдаленное отношение к хлебу» [4], информировали из Херсона. Из Харькова сообщали: «Экономически сильное крестьянство надеется на новое повышение цен, вера в твердую продовольственную политику правительства нарушена» [5]. После того как правительство раз повысило цены, владельцы хлеба были уверены, что оно повысит их еще. Хлеб — «валюту всех валют» — стали придерживать. Саботаж заготовок хлеба находил все новые формы: зерно утаивали, портили, вредительски обрабатывались поля под будущий урожай. Эмиссар правительства, работавший в Орловской губернии, сообщал о посеве на засоренных полях, небрежной вспашке, о невывозе навоза. Из Могилевской губернии писали в Министерство продовольствия о явно ложных цифрах хлебных запасов, показанных помещиками, один из которых был уличен в укрывательстве 10 тысяч пудов хлеба. Хлеб прятали, чтобы спекулировать, уничтожали, чтобы не давать трудящимся города.

Надвигалась голодная зима. Нормы выдачи повсеместно были уменьшены. Продовольственные беспорядки распространились от Днепра до Амура.

На заседании Совета республики 16 октября министр продовольствия Прокопович, подводя итоги своей полуторамесячной деятельности, хвастался, что удвоение цен привело к улучшению заготовок. На деле этого не было. «Удвоение твердых цен не усилило подвоза» [6], сообщали из Астрахани. «Подвоз продуктов потребления сократился до двух третей» [7], информировал Курск. «С удвоением твердых цен погрузка хлеба сократилась» [8], телеграфировала Тула. Так выглядели на деле «достижения» Прокоповича. Общие сводки заготовок подтверждали эти сообщения и опровергали лживые выводы Прокоповича. Сентябрьский план хлебозаготовок провалился, ибо он был выполнен только на 31,3 процента, хотя и было заготовлено 46,73 миллиона пудов вместо 19,76 миллиона в августе. Но это было обычное сезонное повышение заготовок. К тому же помещики, опасаясь разгрома имений, спешили сбыть хлеб. В октябре план выполнен был лишь на 19 процентов: заготовили всего 27,38 миллиона пудов хлеба вместо 48,95 миллиона в октябре 1916 года. Цифры явно опровергали Прокоповича.

Трудности заготовок росли. Даже Министерство продовольствия вынуждено было сделать вывод:

«Система принудительного отчуждения хлеба... продолжает быть самым действительным способом осуществления хлебной монополии» [9].

Посылки воинских команд для заготовки хлеба все учащались. Ухудшение на продовольственном фронте было настолько очевидно, что даже нереволюционные организации на местах потребовали возврата к старому положению. Общественные организации Енисейской губернии ходатайствовали об отмене распоряжения, удвоившего цены, ввиду отсутствия в нем необходимости в данной губернии. Из Омска сообщали: «Продовольственная управа протестует против неожиданного, нецелесообразного повышения твердых цен» [10]. Херсонский губпродком указывал, что это — «мера безумная, не находящая себе никакого оправдания» [11].

Были организации, не только протестовавшие, но и саботировавшие решение правительства. Астраханский «Комитет спасения революции» постановил: «Продавать хлеб по старым ценам» [12]. Общественные организации 13 губерний из 25 были в той или иной форме против повышения цен.

Стоящих у власти охватила тревога. 10 октября на закрытом заседании комиссии по обороне при Временном правительстве в связи с обострением голода в армии сам генерал Духонин поставил вопрос «о необходимости сократить численный состав армии»[1]. Правительство хваталось за мероприятия, ускорявшие наступление краха. В конце сентября министр продовольствия разослал циркуляр о реквизиции хлеба. Он грозил прибегнуть к воинской силе против срывающих продовольственную политику правительства. Но эти угрозы направлялись только по адресу трудового крестьянства. По отношению к помещикам и кулакам, прятавшим и истреблявшим хлеб, спекулировавшим им, никакие меры воздействия кроме уговоров не применялись. Помещиков убеждали, а крестьян заставляли сдавать хлеб.

Организации, которые могли бы помочь правительству в борьбе с голодом, совершенно отстранялись от участия в продовольственной работе. Прокопович еще в начале сентября объявил закрытой сессию Общегосударственного продовольственного комитета, совершенно не считаясь с желанием его членов, и заявил, что заседание откроется только после его личной поездки по России. В «Новой жизни» 5 октября было опубликовано интересное письмо делегации Центрального исполнительного комитета совета рабочих и солдатских депутатов, которая заявляла:

«Делегация усматривает в политике Министерства продовольствия помимо прямых нарушений закона систематическое устранение Общегосударственного продовольственного комитета, являющегося выразителем мнений революционной демократии и общественных групп, от влияния на положение продовольственного дела. В этой политике делегация Центрального исполнительного комитета усматривает возврат к худшим временам старого режима с его пренебрежением к общественным силам и общественной самодеятельности»[2].

Даже меньшевики и эсеры «взбунтовались». Правительство решило ликвидировать всякие комитеты общественных организаций и вместо них насадить бюрократических уполномоченных. Это было последнее средство Прокоповича в борьбе с голодом. Оно иллюстрировало поход правительства на рабочий класс накануне Октябрьской революции. Правительство хотело заготовлять хлеб руками реакционеров.

На заседании Совета республики 16 октября Прокопович заявил:

«Мы должны перестать быть уговаривающими, мы должны перестать быть главноуговаривающими. Нам нужно создание органов власти на местах»[3].

Голод надвигается. Рис. И. Владимирова.

Для создания этой сильной местной власти министерство возродило старую систему уполномоченных и особоуполномоченных. Ими заменили все демократические организации. Уполномоченных назначали из лиц, имеющих власть. Например, особоуполномоченным по Оренбургскому району был приглашен атаман оренбургского казачьего войска — известный контрреволюционер Дутов, председатель Совета союза казачьих войск и активный участник корниловского заговора. Система особоуполномоченных вроде атамана Дутова была неплохой подготовкой сил контрреволюции на местах, которая брала в свои руки одно из важнейших орудий борьбы с революцией — продовольствие. К продовольственной работе был привлечен почти исключительно частный торговый аппарат как достойный соратник новых уполномоченных. Уполномоченные блестяще справились с поставленными перед ними задачами. На II съезде эмиссаров по продовольствию Оренбургской губернии и Тургайской области была дана подробная характеристика

одного из самых выдающихся среди них — Дутова.

«В частности, — сообщал в своем отчете о съезде главный эмиссар, — по отношению к назначению главноуполномоченным по Оренбургской губернии и Тургайской области войскового атамана Дутова как лица, по своим политическим выступлениям не пользующегося популярностью среди всего трудового населения края, а также абсолютно не знакомого с делом продовольствия и не разделяющего принципов хлебной монополии, кроме того, принимая во внимание целый ряд его распоряжений по продовольствию как особоуполномоченного, которые внесли дезорганизацию (расстройство) в постепенно налаживающийся аппарат (разрастание вольных закупок, введение цен франко-амбар, полное игнорирование общепризнанных местных продовольственных органов, проведение специфической казачьей политики и т. д.), съезд особенно подчеркивает, что вся политика его проводится специально приглашенными лицами из бывших уполномоченных, хлеботорговцев и всевозможных губернских правителей, которых революция смела в первые же дни, и что такая политика совершенно дискредитирует всю организацию продовольственного дела в губерниях. Съезд находит деятельность его безусловно вредной для дела продовольствия»[1].

Эмиссар ошибался только в одном: Дутов прекрасно разбирался в том, как нужно было на новом этапе работать в области продовольствия, чтобы служить интересам буржуазии. Восстановление дореволюционного продовольственного аппарата, разрешение вольных закупок, т. е. срыв всякой монополии, полное игнорирование общественных продорганов — все это и было самым правильным выполнением последних распоряжений правительства. Не эмиссарам было учить искусству контрреволюции атамана Дутова. Дутов оказался «образцовым» уполномоченным, ибо его работа давала образцы борьбы на продовольственном фронте с наступающей революцией. По нему равнялись и остальные уполномоченные. Так правительство «боролось» с голодом. Эта борьба была на деле активным содействием скорейшему развитию голода для облегчения собирания контрреволюционных сил, для большего успеха в деле борьбы с пролетарской революцией, которая уже стояла у порога.

Страна неудержимо шла к катастрофе. Буржуазия во всем обвиняла революцию. Ленин писал:

«Кадеты злорадствуют: революция-де потерпела крах, революция *не* справилась ни с войной, ни с разрухой. Неправда. Крах потерпели *кадеты* и *эсеры с меньшевиками*, ибо этот блок (союз) полгода правил Россией, за полгода усилил разруху, запутал и затруднил военное положение. Чем полнее крах *союза* буржуазии с *эсерами* и *меньшевиками*, тем быстрее *научится* народ. Тем легче он найдет *верный* выход: союз беднейшего крестьянства, т. е. большинства крестьян, с пролетариатом»[2].

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПЛАТФОРМА БОЛЬШЕВИСТСКОЙ ПАРТИИ НАКАНУНЕ ПРОЛЕТАРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

1.

ЛОЗУНГИ БОЛЬШЕВИКОВ.

Экономическая платформа большевистской партии резко противостояла программам всех других партий. Те — отстаивали существование капитализма. Большевистская партия разоблачала основную установку каждой из них: сохранить эксплоатацию трудящихся.

Программы буржуазных партий помогали капиталистам выбраться из кризиса, сделав уступки в частях, но отстоять целое — капитализм. Большевистская платформа добивалась выхода из тупика рядом серьезных мер, ведущих к подрыву, а потом и к ликвидации всей системы капитализма.

Кадеты, меньшевики и эсеры не в состоянии были найти выход из создавшегося положения. Напротив, их политика расширяла и углубляла хозяйственный хаос в стране. Ленин подчеркивал тогда, что оставить власть в руках представителей буржуазии —

> «это значит открыть настежь двери, с одной стороны, голоду и неминуемой хозяйственной катастрофе, которую капиталисты умышленно ускоряют и обостряют, а с другой стороны, военной катастрофе...»[1]

Единственным средством борьбы с надвигающимся крахом была пролетарская революция.

Экономическая платформа большевиков выражала интересы и стремления рабочего класса и трудящихся масс крестьянства. Большевики призывали пролетариев и трудящихся крестьян к немедленному захвату земель

помещиков, к национализации всей земли, национализации трестированной промышленности и банков, установлению рабочего контроля над производством, распределением и т. п.

Каждый пункт большевистской экономической платформы, будь это национализация земли, рабочий контроль или национализация банков и синдикатов, был *боевым* лозунгом, вокруг которого большевики сплачивали массы и создавали ту политическую армию, без которой невозможно было завоевание власти рабочим классом и крестьянской беднотой. Каждое требование большевистской платформы затрагивало злободневные вопросы, любой параграф был понятен, всякий лозунг доходил до самых глубоких слоев рабочих и трудящихся крестьян. Четкие, конкретные лозунги и самоотверженная борьба партии показывали, что пролетарская власть не будет раболепствовать перед капиталом, не остановится ни перед какими мерами по отношению к буржуазии, сломает всякое сопротивление капиталистов и помещиков и поможет уже сейчас улучшить жизнь трудовых масс.

Но каждый лозунг, любое практическое предложение являлись только частью общей платформы, цельной и стройной схемы, вся основа, вся суть которой сводилась к установлению *диктатуры пролетариата*.

Осуществление программных требований партии могло произойти только на основе диктатуры пролетариата, на основе уничтожения власти капиталистов и помещиков, на основе установления советской власти.

А когда каждый рабочий, безработный, каждая кухарка и бедняк-крестьянин собственными глазами увидят пролетарскую власть в борьбе с капиталистами, увидят, что земля переходит в руки трудящихся, а фабрики и заводы — под контроль рабочих,

«тогда, — говорил Ленин, — никакие силы капиталистов, никакие силы ворочающего сотнями миллиардов всемирного финансового капитала не победят народной революции, а, напротив, *она* победит весь мир, ибо во всех странах зреет социалистический переворот»[1].

Исходным пунктом экономической платформы нашей партии накануне Октябрьской революции являлся основной тезис Ленина о возможности победы социализма в одной отдельно взятой стране. Экономическое развитие России до 1917 года создало все возможности для движения вперед к социализму. Политические завоевания рабочего класса в период между Февральской и Октябрьской революциями создавали необходимые условия для превращения этих возможностей в действительность. Ленин в своей исторической статье «Грозящая катастрофа и как с ней бороться» говорил:

«Итти вперед, в России XX века, завоевавшей республику и демократизм революционным путем, *нельзя*, не *идя* к социализму, не делая *шагов* к нему...»[2]

Именно это положение легло в основу экономической платформы, разработанной VI партийным съездом.

В своих постановлениях VI съезд большевиков ясно указал, что только в результате революционного переворота, ликвидации диктатуры буржуазии и перехода власти в руки пролетариата, в руки большевистских советов может начаться улучшение экономического положения.

Каковы же эти революционные мероприятия, применение которых в условиях диктатуры пролетариата вывело бы страну из катастрофы?

Съезд указал, что прежде всего

«необходимо вмешательство в область производства в целях планомерного урегулирования производства и распределения, а также необходимы национализация и централизация банкового дела, национализация ряда синдицированных предприятий (например, нефтяных, каменноугольных, сахарных, металлургических, а также транспорта)»[3].

Национализация крупнейших предприятий и национализация земли создавали основу, на которой органы диктатуры пролетариата могли начать плановое хозяйство. Этим же самым вырывалась почва из-под ног капиталистов и помещиков.

Затем съезд указал, что необходима

«организация правильного обмена между городом и деревней, опирающаяся на кооперативы и продовольственные комитеты, в целях снабжения города необходимыми продуктами сельского хозяйства, а деревни — необходимыми фабрикатами, сельскохозяйственными орудиями и машинами и т. п.»[4]

Особое внимание VI съезд партии уделил вопросу рабочего контроля, установив как формы его организации, так и пути его проведения.

Затем в резолюции были намечены меры борьбы с финансовым крахом, меры по правильному распределению рабочей силы (перевод рабочих из отраслей и предприятий, работающих на войну, в отрасли и предприятия, работающие на нужды страны).

2.

НАЦИОНАЛИЗАЦИЯ ЗЕМЛИ.

Крестьянство старой России билось в тисках эксплоатации помещиков и капиталистов. Оно платило огромные налоги, гибло от систематических голодовок. Власть помещиков крепко держала крестьянство в темноте и невежестве. Около полумиллиона крестьянских семейств ежегодно переселялось из одних мест России в другие, главным образом в Сибирь, из-за отсутствия у них земли. По официальной статистике процент не имеющих рабочего скота равнялся 30—35. Около 4 процентов крестьян совершенно не имело земли для посевов. У одного помещика в среднем было столько земли, сколько у 300 крестьянских дворов. Крестьянство стремилось к земле, но на пути стояли помещики, капиталисты и кулаки. Крестьяне вынуждены были арендовать землю на кабальных условиях. После Февральской революции меньшевики, эсеры и Временное правительство обманывали крестьян посулами, что землю даст Учредительное собрание. Всякие попытки крестьянства взять землю решительно подавлялись Временным правительством. И только партия большевиков выдвинула лозунг немедленного перехода земли к крестьянам без всякого выкупа.

«Как известно, — говорил в своем докладе на Апрельской конференции Ленин, — мелкобуржуазные оборонческие партии стоят за то, чтобы с земельным вопросом обождать до Учредительного собрания. Мы высказываемся за немедленный переход земли к крестьянам с максимальной организованностью. Мы абсолютно против анархических захватов. Вы предлагаете крестьянам соглашаться с помещиками. Мы говорим, что землю сейчас же надо брать и засевать ее для борьбы с бесхлебием, чтобы избавить страну от того краха, который надвигается на нее с колоссальной быстротой»[1].

Конфискация помещичьей земли и национализация всей земли означали удар по частной собственности на землю как основе власти помещиков. Национализация земли означала не только доведение буржуазной революции до конца, на что русская буржуазия была не способна, как была не в силах продолжать войну, не в силах кончить ее. Она означала — на основе диктатуры пролетариата — уже и конкретный и серьезный шаг к социализму. Национализация земли была направлена своим острием не только против помещиков-дворян, но и против «чумазых», столыпинских помещиков-кулаков. Будучи ударом по одной из главных форм частной собственности, национализация земли была мощным ударом по частной собственности вообще.

Вполне естественно, что лозунг национализации земли вызвал бешеную ненависть со стороны Временного правительства, со стороны меньшевистской и кулацкой эсеровской партии. Но именно этот лозунг отвечал самым насущным потребностям и самым горячим желаниям крестьян.

По всей стране уже кипело крестьянское восстание под лозунгом ликвидации помещичьего землевладения. Помещики, не забывшие еще кровавого зарева горящих усадеб, с ужасом припоминали старый клич крестьян: «Прирежьте нам земли, иначе мы вас прирежем».

Вот несколько сухих официальных сводок о крестьянском аграрном движении накануне Октябрьской революции:

«Тамбов, 14 сентября. Прибыл отправленный из Москвы для подавления волнений экспедиционный отряд вместе с представителями Московского совета рабочих и солдатских депутатов. По сообщению последних получены известия о вспыхнувших беспорядках в новом пункте, в 40 верстах от Ковлова, куда немедленно послана часть экспедиционного отряда. Горит село Ярославка»[2].

«Саратов, 25 сентября. Ввиду аграрных беспорядков в Сердобском уезде двинуты войска. Губернский комиссар в воззвании взывает к чувствам гражданственности, указывая, что неизбежно применение воинской силы»[3].

«Житомир, 29 сентября. Губернским комиссаром получен ряд сообщений о начавшихся в губернии беспорядках. Уничтожаются леса и посевы. Для успокоения посланы войска»[4].

«Саратов, 29 сентября. В Сердобском уезде громят и жгут отрубщиков; разгромлены крупные поместья Деконской, Сабурова, Ширинкиной, Ненарокомова и Павловский поселок»[5].

«Воронеж, 7 октября. В Задонском уезде, в районе села Животинного, крестьянами частично разгромлены имения Черткова и других помещиков. Сожжено более 60 тысяч пудов пшеницы и других хлебов»[6].

«Пенза, 13 октября. В Наровчатском уезде разгромлено 8 имений. Для ликвидации беспорядков послана кавалерия. В Краснослободском уезде ограблено имение Лебедевой и в Инсарском уезде — имение Андронова»[7].

«Нижний Новгород, 13 октября. Из Лукояновского, Ардатовского и Сергачского уездов сообщают о начавшихся массовых порубках леса, поджогах хуторов, сопровождающихся в некоторых местах насилиями над владельцами. Особенно серьезно движение в Лукояновском уезде, где сожжено 4 хутора... На место командирован отряд»[1].

Горящие усадьбы помещиков и кулаков-отрубщиков были не только яркой иллюстрацией приведенного в действие большевистского лозунга: они освещали пролетарию путь к победе в союзе с полупролетариями деревни. Именно лозунг конфискации помещичьей и национализации всей земли поднял крестьянство на бой против помещика и кулака в различных концах нашей страны. Этот лозунг дал большевикам по вопросу о земле большинство в советах уже в сентябре 1917 года.

Крестьянские массы разрушали основу помещичьего строя, а Временное правительство в декларации от 25 сентября 1917 года заклинало их упорядочить поземельные отношения «без нарушения существующих форм землевладения»[2]. Национализация земли ликвидировала основу помещичьего строя, а блок кадетов и эсеров с меньшевиками старался удержать падающие устои этого строя.

Конфискация и на основе ее дальнейшая национализация земли полностью кончали с земельным голодом, гнавшим крестьянина под ярмо к помещику, кончали с крестьянским малоземельем, при котором по словам Толстого «курепка выгнать некуда». Уже одно это имело громадное революционное значение.

Но большевистская партия брала прицел гораздо дальше. Последовательно проводимая национализация земли должна была в условиях диктатуры пролетариата создать полную основу для реконструкции сельского хозяйства на новых, социалистических началах. Ликвидируя частную собственность на землю, национализация разрушала и вековые собственнические предрассудки, со страшной силой приковывающие крестьян к земле. Расчищалась дорога для новых форм хозяйства вместо старых, дедовских, крепостнических, державших мелкого крестьянина в вечной кабале на нищенском клочке земли. Сталин в своем выступлении на конференции аграрников-марксистов в 1929 году следующим образом подвел итоги национализации земли, осуществленной советской властью:

«... Именно потому, что у нас нет частной собственности на землю, у нас нет и той рабской приверженности крестьянина к земле, которая имеется на Западе. А это обстоятельство не может не облегчать перехода мелкокрестьянского хозяйства на рельсы колхозов.

Вот где одна из причин того, что *крупным* хозяйствам в деревне, колхозам в деревне, удается так легко демонстрировать у нас, в условиях национализации земли, свое *превосходство* перед *мелким* крестьянским хозяйством.

Вот где великое революционное значение советских аграрных законов, уничтоживших абсолютную ренту, отменивших частную собственность на землю и установивших национализацию земли»[3].

3.

РАБОЧИЙ КОНТРОЛЬ НАД ПРОИЗВОДСТВОМ.

Рабочий контроль — это важнейшее программное требование большевистской партии накануне Октябрьской революции — имел особое значение в условиях полного банкротства капиталистического хозяйства, когда предприниматели вели политику саботажа, локаутов и срыва производства. Так же, как и другие лозунги экономической платформы, «рабочий контроль» был лозунгом борьбы за власть. Большевики никак не мыслили его вне основного: диктатуры пролетариата.

Ленин в своем историческом произведении «Удержат ли большевики государственную власть» подчеркивал, что, когда мы говорим о рабочем контроле, мы ставим «этот лозунг всегда *рядом* с диктатурой пролетариата, всегда *вслед* за ней»[4].

Меньшевики и эсеры яростно восставали против рабочего контроля. В своих газетах они указывали, что рабочий контроль приведет лишь к анархии, что рабочий не справится с задачами контроля хозяйственной жизни. Они повсюду твердили, что если уж речь зашла о контроле, то надо говорить о государственном контроле, а так как государственная власть до Октябрьской революции находилась в руках

буржуазии, то по существу это означало передачу контроля в ее руки. И в этом вопросе меньшевики и эсеры выступали против рабочего класса — в защиту капиталистов.

В начале июля в Москве состоялась конференция предпринимателей. На ней было вынесено решение: принять все меры для предотвращения социалистических мероприятий и особенно бороться с вмешательством рабочих в дело управления производством.

Вторая конференция предпринимателей подтвердила эти решения. Временное правительство и его органы, а также предпринимательские организации и капиталисты на местах решительно боролись против рабочего контроля. Но и этот лозунг большевиков также встретил горячую поддержку со стороны рабочих масс. Рабочий контроль должны были осуществлять сами рабочие и служащие предприятий через своих представителей, выбранных на общих собраниях. Без разрешения рабочего контроля воспрещалась остановка предприятий или сокращение производства. Рабочий контроль проводил обследование всех документов и книг предприятия и раскрывал спекулятивные махинации хозяев, контролировал запасы сырья, продуктов и других материалов. Он создавал вооруженные дружины для охраны предприятий от вредительских действий капиталистов: уничтожить свое добро, лишь бы не отдать его новому хозяину — рабочему классу.

«Рабочий контроль, — говорилось в резолюции VI съезда большевистской партии,— должен быть развит путем постепенно осуществляемых мер в полное регулирование производства.

Для проведения контроля необходимо провести в качестве предварительных мер: отмену коммерческой тайны, книги торговцев, промышленников, банков должны быть открыты для контроля. Сокрытие документов должно быть объявлено уголовно-наказуемым. Периодически должен производиться учет запасов и публикация во всеобщее сведение об имеющихся запасах с указанием предприятий, имеющих их»[1].

Рабочим контролем наносился удар по капиталистическим способам хозяйничанья. Для коммерческих тайн, под прикрытием которых

Так старалась буржуазия представить рабочий контроль. Карикатура на рабочий контроль из журнала «Вич» 1917 год.

совершались грабительские дела, больше не оставалось места.

«В целях борьбы с тайными и явными локаутами — издание закона о запрещении закрытия фабрик или сокращения производства без разрешения совета рабочих депутатов, профессиональных союзов и центральных фабрично-заводских комитетов»[2], указывал съезд в своей резолюции.

Органы рабочего контроля после победы пролетариата могли быть развернуты в органы управления предприятиями. Широко поставленный рабочий контроль *подготовлял* рабочих к управлению хозяйством, выдвигал из глубины рабочих масс тысячи прекрасных организаторов и руководителей.

4.

НАЦИОНАЛИЗАЦИЯ БАНКОВ И ТРЕСТИРОВАННОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ.

Шестой съезд большевистской партии указал, что в целях планомерного регулирования производства и распределения необходимо национализировать и централизовать банковское дело и ряд синдицированных предприятий. Промышленники были не только против национализации промышленности, но даже против принудительного синдицирования ее, т. е. принудительного объединения в крупные организации. Временное правительство вникнулось было о таком синдицировании, но не посмело настаивать на нем и быстро сняло свои предложения под напором фабрикантов и заводчиков.

Национализацию могло провести только государство пролетарской диктатуры. Национализацией банков и предприятий подрывались основы господства капитала. Вместе с тем с переходом в руки диктатуры пролетариата банковских, крупнейших промышленных и транспортных предприятий создавалась та база, на основе которой был возможен переход к плановому социалистическому хозяйству.

Ленин придавал особое значение делу национализации банков. Последние являлись центрами капиталистической хозяйственной жизни. Удар по банкам наносил смертельную рану всей системе капитализма. В статье «Грозящая катастрофа и как с ней бороться» Ленин подробно разъясняет трудящимся всю выгодность осуществления этого пункта большевистской программы:

«Выгоды для всего народа и особенно *не* для рабочих (ибо рабочим с банками мало приходится иметь дело), а для массы крестьян и мелких промышленников были бы от национализации банков огромные. Сбережение труда получилось бы гигантское, и если предположить, что государство сохранило бы прежнее число банковских служащих, то это означало бы в высшей степени большой шаг вперед в направлении к универсализации (всеобщности) пользования банками, к увеличению числа их отделений, доступности их операций и пр. и пр. Доступность и легкость кредита именно для *мелких* хозяйчиков, для крестьянства, возросла бы чрезвычайно. Государство же впервые получило бы возможность сначала *обозревать* все главные денежные операции, без утайки их, затем *контролировать* их, далее *регулировать* хозяйственную жизнь, наконец, *получать* миллионы и миллиарды на крупные государственные операции, не платя «за услугу» бешеных «комиссионных» господам капиталистам»[1].

Национализация банков облегчала и национализацию страхового дела. Централизация страхового дела принесла бы новые огромнейшие результаты в смысле улучшения положения трудящихся. Это понизило бы страховую премию, дало бы массу удобств и облегчений всем страхующимся.

Эсеры и меньшевики по поводу национализации банков и других предприятий также выставили кучу возражений, считая, что пролетариат не справится с управлением хозяйственной жизнью страны. Но национализация банков и крупнейших предприятий явилась вполне назревшим шагом к социализму и была осуществлена диктатурой пролетариата вскоре после Октябрьской революции.

Глубоко жизненные, затрагивающие все повседневные материальные интересы каждого рабочего, каждого трудящегося города и бедняка деревни, простые и ясные большевистские лозунги легко доходили до самых широких масс. В борьбе за осуществление этих лозунгов можно было окончательно разоблачить краснобаев из лагеря меньшевиков и эсеров, не ударивших палец о палец для облегчения положения масс.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ.

НАРАСТАНИЕ РЕВОЛЮЦИОННОГО КРИЗИСА.

1.

НОВАЯ ВОЛНА ЭКОНОМИЧЕСКИХ И РЕВОЛЮЦИОННЫХ СТАЧЕК.

Революционный подъем, предсказанный Сталиным на VI съезде большевистской партии и подготовленный решительной, настойчивой работой большевиков, стал фактом после ликвидации корниловского заговора. На примере корниловщины широкие народные массы, так сказать, «наглаз и наощупь» убедились, что буржуазия и помещики пойдут на все преступления, только бы восстановить и сохранить полностью в своих руках власть над трудовым народом, а эсеры и меньшевики пойдут на любую форму предательства, лишь бы сохранить коалицию, сотрудничество с буржуазией.

Гражданская война, начатая капиталистами в дни корниловского мятежа, вызвала резкий отклик в среде широких народных масс. В движение пришел прежде всего рабочий класс.

В ответ на выступление буржуазии поднялась мощная волна стачек, нарастая со дня на день, втягивая все новые массы трудящихся и докатываясь в самые глухие места, куда не достигал даже самый высокий вал забастовочной волны революции 1905 года.

Впереди всех шли металлисты. Их героическая борьба показала, какую энергию способен развить пролетариат, если во главе его стоит идеологически крепкая большевистская партия, партия ленинского революционного марксизма. До 23 июля петроградские металлисты еще воздерживались от отдельных стачек. После июля они решили начать общую борьбу за пересмотр

тарифных договоров. Металлистам противостоял сплоченный фронт предпринимателей, организованных и руководимых «главным комитетом объединенной промышленности».

Фабрикантов поддерживало Временное правительство, вмешиваясь в конфликт всякий раз, когда он принимал острые формы. Но дружный организованный натиск металлистов прорвал объединенный фронт промышленников, заставив их уже в августе подписать новый тарифный договор.

Пример петроградских и выступавших почти одновременно с ними московских металлистов вызвал отклики по всей стране. На Урале, на Украине, в Донбассе и Сибири организовались армии металлистов. На собственном опыте они увидели, что избавление от кризиса и организуемого буржуазией голода — только в революционной борьбе.

За металлистами шли текстильщики. На Гаврило-ямской мануфактуре льняных изделий А. А. Локалова в Ярославской губернии более трех тысяч ткачей потребовало повышения заработной платы и продажи товаров на фабричного лабаза по твердым ценам. В конфликт вмешался министр труда меньшевик Козьма Гвоздев. Этот защитник буржуазии предложил передать решение вопроса третейскому суду в составе 3 представителей от профсоюза, 3 — от администрации фабрики и 1 — по назначению Министерства труда. Заседания суда начались 27 сентября. Судьи долго тянули и только к середине октября вынесли, наконец, решение в пользу рабочих. Но и после того фабриканты не пошли на уступки.

Четыре тысячи рабочих местечка Ликино Орехово-зуевского района, доведенные до голодовки, два месяца дружно боролись против саботажа фабриканта, закрывшего предприятие в августе под предлогом отсутствия топлива. 2 сентября администрация предложила рабочим брать расчет. Рабочие отказались. Послали делегатов к Гвоздеву. Побывали у московского комиссара труда. Всюду получили один ответ: везде голодают, ничем помочь нельзя. И тут рабочим пришлось иметь дело уже не с отдельным фабрикантом. Владелец фабрики Смирнов одновременно состоял председателем Московского военно-промышленного комитета и крупным чиновником Временного правительства. Смирнов не уступил рабочим несмотря на вмешательство в конфликт Московского совета. Министерство торговли и промышленности, не желая обострить борьбы, предложило Смирнову уступить, но фабрикант упорно продолжал саботаж.

Вместе с ликинцами бастовали и пролетарии многих фабрик Орехово-Зуева. Отдельные выступления и конфликты текстилей закончились мощной стачкой всего Иваново-кинешемского района, где до 40 тысяч ткачей по призыву Центрального стачечного комитета забастовало 20 октября.

Два с половиной месяца начиная с 16 августа упорно бастовали московские кожевники. Они прорвали единый фронт предпринимателей и заставили их пойти на сепаратные переговоры.

Широкий размах приняло движение среди печатников. Петроградские печатники добились успеха к 15 сентября, а московские — накануне Октябрьской революции. За столицами шли печатники Екатеринбурга, Екатеринослава, Минска, Баку, Астрахани, Вологды.

Исключительно бурно развивалась борьба горняков в Донбассе. Перекатываясь с шахты на шахту, нарастая с каждым днем, забастовочное движение горняков охватило весь пролетариат Донбасса.

Стачечное движение захватило и железнодорожников, которых эсеро-меньшевистский Викжель всячески удерживал от выступления. Вождями Викжеля являлись по преимуществу служащие, и этим объяснялась буржуазность позиции викжелевцев. Вожди Викжеля обещали «исхлопотать прибавку» у буржуазного правительства без всякой борьбы. Корниловское выступление убедило железнодорожников, что выжидание только уменьшает надежды на лучшую долю, только помогает буржуазии укрепить свои силы. Разбуженное корниловщиной движение среди железнодорожников пошло таким темпом, словно рабочие спешили наверстать потерянное.

Перепуганные викжелевцы на Сызрано-вяземской дороге жаловались:

«Удерживать железнодорожников от выступления чрезвычайно трудно и местами невозможно. Частичные выступления возникают стихийно»[1].

Можно представить, насколько силен был напор широких железнодорожных масс, если Викжель, чье имя стало равнозначащим лакейской преданности капиталистам, согласился объявить забастовку по всем дорогам на 23 сентября. Правда, «революционеры на час и по нужде», т. е. по принуждению масс, а не по внутреннему классовому убеждению, через два дня ухитрились задушить забастовку, но перевести движение на соглашательские рельсы им уже не удалось. Организации, особенно низовые, протестовали против предательского руководства и продолжали бастовать. И в предоктябрьские дни началось единодушное выступление рабочих-железнодорожников, которое в октябре сломило саботаж Викжеля, пытавшегося спасти Временное правительство.

Словом, по всей стране развернулось широкое забастовочное движение. На борьбу с буржуа-

ней поднялись миллионные армии пролетариата.

Что показала эта исключительная по своему размаху стачечная борьба?

Прежде всего то, что отдельные отряды пролетариата вовлекались в борьбу неравномерно. Впереди шли металлисты — основной железный «костяк» рабочего класса. У них борьбу начинали заводы-«большевики», крупнейшие предприятия столиц, где находились руководящие кадры партии. Пролетарский авангард в столицах увлекал за собой основные пласты рабочих, раскачивал провинцию и подтягивал отстающих.

Во-вторых, движение пролетариата после корниловщины отличалось несравненно большей организованностью. За период передышки и накопления сил рабочий класс успел создать огромную сеть профсоюзов.

К июлю в России было 976 союзов с полутора миллионами членов[1]:

Металлистов свыше	400 000
Текстильщиков	178 560
Печатников	55 291
Работников иглы	51 545
Деревообделочников	28 601
Торгово-промышленных служащих	45 981

А к октябрю профсоюзы охватывали более двух миллионов рабочих, из коих миллион приходился на Петроград и Москву. К этому надо прибавить фабрично-заводские комитеты, организованные непосредственно на предприятиях.

Пикет стачечников. *Рис. Ф. Малява.*

В профсоюзах и завкомах партия большевиков имела разветвленный аппарат, связывавший ее с широкой массой рабочих, а в «рабочем контроле» — яркий и сжатый лозунг, который указывал пролетариату ближайшую цель борьбы.

Организованность рабочих шла в ногу с высокой сознательностью и глубокой классовой солидарностью. Когда голодающие ликинские рабочие 19 сентября пришли демонстрацией в Орехово-Зуево, фабрики прекратили работу, и рабочие на митинге постановили: каждый должен накормить одного из ликинцев у себя на дому. Очевидец этого проявления классовой солидарности пишет:

«Пришедшие ликинцы были разобраны в несколько минут. Долго еще многие разыскивали ликинцев, но они уже все разошлись по рабочим квартирам и казармам»[1].

В этот же день на митинге рабочие постановили отдать голодающим товарищам свой однодневный заработок и организовать сбор денег по подписным листам.

Печатники Екатеринбурга после трехмесячной забастовки обратились к московским товарищам:

«Забастовка окончена победой рабочих... Еще раз высказываем вам, товарищи москвичи, благодарность за поддержку, которая помогла нам выйти победителями»[2].

Печатники Харькова выражали благодарность тем же москвичам за денежную помощь:

«Приветствуя вас, товарищи москвичи, стачечный комитет выражает уверенность в том, что при объединении пролетариата мы победим капитал»[3].

И всюду в провинции рабочее движение этого периода показало с поразительной яркостью умение большевистской партии сочетать частичные требования с общими целями движения.

Верная положению Ленина — всегда с массами, во главе масс, не забегая вперед, но и не отставая,—партия большевиков защищала требования рабочих, касавшиеся их повседневной жизни: тарифы, улучшение условий труда и снабжения продовольствием, контроль за приемом и увольнением рабочих, охрану женского труда. Большевики смело и решительно выступали не только как организаторы политических кампаний, но и как руководители отдельных конфликтов и стачек рабочих: шли в самую толщу рабочих, ко всем прослойкам, принимали участие во всех формах борьбы, связывая их с общими задачами движения. Частичные требования являлись для партии теми ступенями, по которым она поднимала отдельные группы рабочих от мелких, местных вопросов к общим вопросам революционной политики.

Большинство стачек начиналось под экономическими лозунгами: повышение заработной платы, пересмотр тарифных договоров и т. п. Но очень скоро рабочие убедились, что добиться успеха можно, только перейдя от экономических требований к политическим. Борьба рабочих после попытки Корнилова — Керенского раздавить пролетариат еще раз подтвердила закон, установленный Лениным на изучении стачки 1905 года: без тесной связи между экономическими и политическими стачками не может быть широкого массового движения.

«В начале движения, — писал Ленин, — и при втягивании новых слоев в движение чисто экономическая стачка играет преобладающую роль, а с другой стороны, политическая стачка будит и шевелит отсталых, обобщает и расширяет движение, поднимает его на высшую ступень»[4].

Основное, однако, что отличает предоктябрьское рабочее движение, — это изменение *форм* борьбы.

При выборе этих форм Ленин требовал не выдумывать, не изобретать, а уметь пользоваться теми, которые выдвигаются в самом ходе событий. Ленин учил подходить к тому или иному виду борьбы исторически: в каждый данный момент избирать тот метод, который соответствует задачам партии. Гибкость партии большевиков всегда была и остается как единый из признаков ее силы. Демонстрации, стачки — экономические и политические — были основной формой борьбы пролетариата и до корниловщины, но сейчас в движении появились новые элементы. В октябре по Донбассу широкой волной разлилось забастовочное движение. Правительство выслало казаков, появление которых усилило революционное возмущение: горняки потребовали убрать карательные отряды, угрожая 10 октября начать всеобщую стачку. Через три дня атаман Каледин телеграфировал военному министру:

«На рудниках всю власть захватили различные самочинные организации, не признающие никакой другой власти кроме своей»[5].

На шахтах рабочие устраняли администрацию, арестовывали неподчинявшихся и брали в свои руки управление производством.

Аресты и отстранение администрации начинают все чаще и чаще применяться рабочими в борьбе с предпринимателями. Металлисты города Харькова 18 сентября арестовали и содержали под охраной Красной гвардии директоров Всеобщей компании электричества. Промышленники юга России, собравшиеся на конференцию в Харькове, обратились с жалобой к министру труда:

«Ввиду полной безнаказанности преступных элементов поведение рабочих завода Всеобщей

Делегаты съезда советов средней Сибири, состоявшегося в г. Красноярске 5—7 сентября 1917 года. Съезд прошел под большевистскими лозунгами.

электрической компании нашло себе подражание и на заводе «Герлах и Пульст», где администрация также была подвергнута аресту в течение 20 часов. Сегодня, 20 сентября, в этом же порядке арестована дирекция Харьковского паровозостроительного завода» [1].

Дело, конечно, не в подражании, а в том, что старая форма борьбы исчерпала себя, она оказалась уже неспособной вместить новое содержание: *движение вплотную упиралось в проблему власти в стране и управления предприятиями.*

Ту же новую форму борьбы рабочих можно найти и в борьбе московских кожевников. Стачка кожевников тянулась более двух месяцев. Промышленники не сдавались. Рабочие стали требовать более решительных мер. На делегатском собрании кожевники предложили устранить администрацию и немедленно захватить те фабрики, владельцы которых увиливали от удовлетворения требований рабочих. Делегатское собрание приняло решение о передаче всей власти в руки советов и потребовало немедленного отобрания предприятий, где не состоялось соглашения рабочих с предпринимателями.

Подчеркивая, что это решение — не пустая угроза, собрание существенно дополнило революцию:

«После 18-го заводские комитеты немедленно приступают к практическим мерам для подготовки секвестра, как-то: опись товаров, машин и т. п.» [2]

В целом ряде предприятий рабочие стали на путь декретирования рабочего контроля через фабричные комитеты или советы. Так, например, был введен рабочий контроль в Москве на Прохоровке.

Там, где капиталисты закрывали свои предприятия, рабочие, не подчиняясь распоряжению хозяев, продолжали работать. Заводский комитет рабочих и служащих завода «Гельферих-Саде» в Харькове в ответ на распоряжение дирекции о закрытии завода призвал рабочих с 7 сентября явочным порядком продолжать производство, возложив управление заводом на специальную комиссию. Так было и на многих других предприятиях по всей стране.

Рабочее движение явно принимало характер и форму открытой революционной борьбы.

Наиболее очевидным признаком нового революционного кризиса явился быстрый процесс большевизации советов, фабрично-заводских комитетов и других организаций. Рабочие отдавали руководство тем, кто на деле в повседневной и упорной борьбе доказал свою способность вести вперед революцию. Руководство в Петроградском совете перешло к большевикам

31 августа, Московский совет впервые принял большевистскую революцию 5 сентября. В Петроградском и Московском советах рабочих депутатов большевики оказались в большинстве.

Каждый час приносил все новые победы большевистской партии. За один только день 1 сентября Всероссийский центральный исполнительный комитет советов получил от 126 провинциальных советов требование взять власть в свои руки.

Третьего сентября состоялось в Москве делегатское собрание союза текстильщиков, где присутствовали 300 делегатов от 175 тысяч рабочих. Собрание приняло большевистскую резолюцию с требованием передать власть советам.

Пятого сентября в Красноярске открылся съезд советов средней Сибири, на котором были приняты большевистские резолюции от имени 110 тысяч рабочих и 90 тысяч крестьян.

Десятого сентября открылся III областной съезд советов Финляндии, целиком прошедший под большевистским руководством.

Тридцатого сентября обновленный совет в Саратове дал большевикам преобладание: на 300 большевиков — 90 эсеров, 53 меньшевика.

Со всех концов страны — с крайнего севера, из далекой Сибири, с берегов Черного моря и с Украины, из Средней Азии и из Закавказья — шли требования о передаче власти советам. Газеты того периода буквально пестрят сообщениями, сводками, резолюциями, говорящими об усиленном росте большевистского руководства массами.

Приведем, например, резолюцию четырех тысяч рабочих вагонных и паровозных мастерских Александровского завода в Петрограде, очень ярко передающую общее настроение:

«1. Стоящее у власти правительство не только ничего не делает для удовлетворения насущных нужд рабочего класса и крестьянства, не только не принимает необходимых мер для окончания войны, для облегчения продовольственной нужды, но, наоборот, заботится лишь о защите интересов капиталистов и помещиков, решение вопроса о войне и мире отдает в руки империалистов-захватчиков, с продовольственной нуждой «борется» повышением хлебных цен.

2. Такое правительство может с нашей стороны рассчитывать лишь на одно: на самую решительную борьбу с ним. Неотложной задачей мы считаем немедленное устранение правительства, губящего дело революции и идущего под знаменем контрреволюции.

3. Революция погибнет, если власть не возьмут рабочие, солдаты и крестьяне в лице советов. Поэтому от предстоящего съезда советов мы требуем провозглашения власти советов.

4. В сознании того, что революция переживает страшные дни, мы заявляем: в борьбе за власть, в борьбе за победу революции советы могут рассчитывать на нашу безусловную и решительную поддержку» [1].

Низовые организации под давлением рабочих самораспускались, а перевыборы давали перевес большевикам. Фабричный комитет Трехгорной мануфактуры в Москве постановил сдать свои полномочия, а новый президиум фабричного комитета немедленно заявил, что он

«считает необходимой борьбу стачкой за власть советов» [2].

Широкие массы пролетариата на собственном суровом опыте убедились в том, чему учила их партия большевиков: спасти революцию может только решительная и самоотверженная борьба за свержение правительства фабрикантов и помещиков, возглавляемого Керенским.

2.

КРЕСТЬЯНСКИЕ ВОССТАНИЯ В РОССИИ И РОСТ НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ НА ОКРАИНАХ.

Корниловщина открыла глаза и широким слоям крестьянства. Для крестьян выступление Корнилова явно означало возврат помещиков в старые «дворянские гнезда», означало полную гибель надежд на получение земли из рук Временного правительства. О земле и без того было слышно мало утешительного, а тут — снова старый классовый враг, от которого крестьянству — по крылатому выражению того времени — «корнилится и керится» уже с полгода. В ответ на попытку помещиков покрепче прибрать к своим рукам землю крестьянство поднялось во всех районах.

В архивах милиции Керенского сохранились подробные сводки о бурном росте крестьянского движения. В сводки попадали главным образом

выдающиеся факты и притом зарегистрированные в районах, ближе расположенных к центру. Но и эти факты дают яркое представление о характере движения [1]:

	Май	*Июнь*	*Июль*	*Авг.*	*Сент.*
Число крестьянских выступлений (порубки, потравы, покосы, захват имений и т. п.)	259	577	1 122	691	629

На первый взгляд может показаться, что крестьянское движение после июльских дней пошло на убыль. Именно такой вывод и делали из этих цифр бухгалтеры от соглашательства — эсеро-меньшевистские лидеры. Они старались доказать, что крестьянство успокаивается и согласно отложить «разговор о земле» до «приезда барина», т. е. до созыва Учредительного собрания.

Не говоря уже о том, что милиция Керенского недобросовестно подбирала цифры, она явно жульнически подавала их в своих сводках. Наиболее решительную форму борьбы — разгромы и поджоги экономий, захват земли и инвентаря — буржуазные статистики выделили из группы земельных нарушений и перенесли в группу «погромно-захватные правонарушения», где свалили в одну кучу захват имений и убийства с грабежами. Но и этот жульнический прием не может скрыть истинную суть крестьянского движения. Если общая цифра крестьянских выступлений падает, то неуклонно и быстро растут разгром и захват помещичьих имений [2]:

	Май	*Июнь*	*Июль*	*Авг.*	*Сент.*
Погромно-захватные правонарушения	152	112	387	440	958

Коренным образом изменилась форма крестьянской борьбы. Вместо потрав, покосов, экономических конфликтов на первый план выдвигается «выкуривание» помещика из насиженных гнезд: начинаются разгромы и поджоги имений, захват земли и раздел экономий. На заседаниях Временного правительства то-и-дело докладывают о новых мятежах в деревне. 27 сентября заместитель министра-председателя Коновалов сообщает о сильном погромном движении против помещиков в Саратовской губернии; 3 октября докладывается о разгроме имений в Волынской губернии; 4 октября получено сообщение о захвате и разделе имений в Курской, Пензенской и Рязанской губерниях; 6 октября — о растущем движении во Владикавказе, Минской, Харьковской и Волынской губерниях. Крестьянское движение распространялось, как огонь по бурелому, перебрасываясь из края в край и все ближе приближаясь к фронту, где миллионы солдат жадно ловили слухи о захвате помещичьих земель.

Приближение волны крестьянских восстаний к накаленному и без того фронту заставило Временное правительство решиться на новый контрреволюционный план.

Пятнадцатого октября Министерство внутренних дел под благовидным предлогом — улучшения продовольствия армии — предложило перебросить кавалерию с фронта вглубь России. Кавалерию предполагали расположить таким образом, чтобы охватить как можно больше районов, притом почти исключительно те, где пылали крестьянские восстания: Рязанский, Тамбовский, Пензенский, Саратовский, Курский, Орловский, Киевский, Харьковский, Екатеринославский, Новгородский, Пермский и др. Что дело шло именно о грандиозной карательной экспедиции, где в роли карателей должна была выступать вся кавалерия, а в роли караемых — большая часть крестьянства, можно судить по обмену телеграммами между министром внутренних дел Никитиным (член партии меньшевиков) и генералом Духониным. Требуя высылки кавалерии, Никитин указывал, что

> «в целях продовольствия кавалерийские части с пользой для установления порядка могут быть расквартированы срочно» [3].

А дальше идет перечень районов, где бушевали восстания, — около 20 губерний, больше трети Европейской России!

Меньшевистский министр хотел засечь добрую треть крестьян руками их же сынов-солдат.

Ретивому защитнику помещиков Духонин отвечал:

> «Ни боевые условия, ни участившиеся в последнее время в ближайшем тылу грабежи и разбои не позволяют теперь снять с фронтов кавалерию и отправить ее далеко в тыл... Поддержание внутреннего порядка в стране следует базировать на правильно организованной милиции, составленной из отборных надежных людей ныне увольняемых сроков службы» [4].

Генерал Духонин с солдатской простотой выболтал суть плана: кавалерия передвигалась не на фуражировку, а исключительно для разгрома крестьянского движения. План выполнить не удалось: нехватило надежных кавалерийских частей, ибо те полки, которые посылались, сами стали рассадником революционных идей. По самое наличие плана говорило о том, что правительство помещиков и буржуазии готово было залить страну потоками крови, только бы сломить сопротивление крестьян.

Карательные экспедиции в деревне сыграли роль масла, подлитого в огонь: последние надежды рассеялись, как дым, и крестьянское восстание запылало по всей стране, окружая огненными кольцами губернские центры.

«В России, — писал об этом периоде Ленин, — переломный момент революции несомненен. В крестьянской стране, при революционном, республиканском правительстве, которое пользуется поддержкой партий эсеров и меньшевиков, имевших вчера еще господство среди мелкобуржуазной демократии, растет *крестьянское восстание*.

Это невероятно, но это факт»[1].

Резкий сдвиг начался и среди угнетенных национальностей.

Буржуазные национальные организации увидели в Корнилове с его великодержавной шовинистической политикой реальную угрозу своему существованию и поспешили осудить выступление контрреволюции.

«Тяжелое несчастье случилось бы, — писала в своем воззвании Украинская центральная рада, — если бы генералу Корнилову удалось обратить народ и армию против правительства... Крестьяне и рабочие были бы окончательно разорены и ввергнуты в прежнюю страшную барскую и царскую неволю... Украинская центральная рада призывает все население земли украинской не повиноваться приказам Корнилова и других врагов революции. Украинская центральная рада оповещает всех граждан сел и городов Украины, что законное правительство в России — только Временное российское правительство, а на Украине — Украинская центральная рада и ее генеральный секретариат»[2].

Даже Всероссийский съезд мулл в Казани, объединившись с общим мусульманским съездом, призвал многомиллионное мусульманство

«связать свою судьбу с той властью и теми органами демократии, которые с самого начала революции явились оплотом завоеванных свобод»[3].

Матросы и солдаты во главе крестьянских выступлений. *Рис. П. Васильева.*

В Закавказье местная буржуазия и мелкобуржуазные партии звали к борьбе против Корнилова. В Бурятии, в Туркестане национальная буржуазия принимала резолюции против корниловского восстания.

По размах массового движения испугал национальную буржуазию и ее эсеро-меньшевистских лакеев.

Продолжение империалистской войны, нарастающий голод и по существу прямой отказ разрешить национальный вопрос убеждали широкие массы угнетенных национальностей, что не только великодержавная буржуазия, но и своя национальная не способна возглавить борьбу за освобождение.

В Финляндии после роспуска сейма Временным правительством руководители сейма решили открыть его явочным порядком. Но генерал-губернатор Финляндии кадет Некрасов 15 сентября повесил печать на дверях помещения, где собирались депутаты. На поддержку сейма выступил совет рабочих и солдатских депутатов, руководимый большевиками. «Сейм будет заседать под охраной наших штыков», заявили представители совета генерал-губернатору. Временное правительство отдало распоряжение вывести революционные войска из Финляндии, чтобы сломить сопротивление трудящихся. Пролетариат и широкие народные массы Финляндии наглядно убедились, что только власть советов может дать им свободу.

В Крыму трудящиеся татары заставили съезд крымских мусульман, собравшийся 8 октября в Симферополе, требовать открытия Крымского мусульманского сейма до созыва Учредительного собрания. Народные массы угнетенного Крыма не верили обещаниям Временного правительства и явочным порядком пытались взять решение национального вопроса в свои руки.

Во всех национальных областях участились конфликты и столкновения между правительственными комиссарами и местными организациями. Всякая попытка национального самоопределения, малейшее стремление к государственной самостоятельности встречали резкий отпор Временного правительства России. С другой стороны, рабочие и крестьяне угнетенных наций требовали от национальных организаций, ставших в первый период революции во главе буржуазно-освободительного движения, решительной политики: прекращения войны, конфискации помещичьей земли, ликвидации национального неравенства.

По мере углубления революции положение все обострялось: снизу напирали рабочие и крестьяне, сверху давил угнетательский пресс Временного правительства. В народных массах росла уверенность, что освобождения можно добиться только в борьбе и против империализма и одновременно против своей национальной буржуазии, в борьбе за власть советов.

Сталин писал о национальной борьбе этого периода:

«Поскольку «общенациональные» институты на окраинах проявляли тенденцию к государственной самостоятельности, они встречали непреодолимое противодействие со стороны империалистского правительства России. Поскольку же они, утверждая власть национальной буржуазии, оставались глухи к коренным интересам «своих» рабочих и крестьян, они вызывали среди последних ропот и недовольство...

Становилось очевидным, что освобождение трудовых масс угнетенных национальностей и уничтожение национального гнета немыслимы без разрыва с империализмом, ниспровержения «своей» национальной буржуазии и взятия власти самими трудовыми массами»[1].

Процесс социального расслоения внутри единого национального движения происходил во всех национальностях с большей или меньшей силой в зависимости от организованности и сознательности пролетариата. Как проходил этот процесс — показывает борьба узбекской бедноты за городскую думу в Самарканде в конце августа 1917 года. На выборах в думу национальная буржуазия выставила единый мусульманский список, сплошь из баев, мулл и купцов. Когда рабочие и самаркандская беднота потребовали включить в этот список десять своих представителей, им в этом отказали, предложив ограничиться двумя. Самаркандская беднота, организованная в «союз трудящихся мусульман», от такого представительства отказалась.

«Союз» обратился к трудящимся со следующей листовкой:

«Правильно ли, чтобы из общего числа членов городской думы в 75 человек от баев, мулл и интеллигенции, не составляющих и одной десятой части населения города, прошло 73 представителя, а от нас, бедняков и рабочих, составляющих большинство населения, лишь два представителя? Поэтому мы отвергли условие Шуры» (национальная буржуазная организация. *Ред.*).

«Но вот эта самая Шура,—говорится дальше в листовке,—которая не согласилась принять от нас десять человек,—знаете, что она сделала? Она объединилась с русским союзом, называемым обществом домовладельцев, и вписала в свой список 25 русских. Услыхав об этом, мы сказали: «Не беда», и, уповая на бога, сами составили собственный список, введя туда по одному от каждой группы рабочих нашего города. Некоторые люди очень

встревожены нашим действием, так как они очень боятся, что если мы введем своих бедняков в городскую думу, то для них не останется места... Рабочие, не будьте беспечными, не дайте себя обмануть!»[1]

В этом документе с замечательной яркостью проявилось то новое в национальном движении, что неизбежно нарождалось по мере перехода революции от буржуазно-демократического этапа к социалистическому. Даже наиболее отсталые национальные отряды пролетариата на собственном опыте убеждались в классовом единстве «своих» и русских эксплоататоров. Национальная буржуазия не без оснований пугалась, что ей «не останется места».

Буржуазия угнетенных национальностей пыталась задержать этот процесс размежевания в национальном движении. Это можно было сделать, лишь отгородившись от всей России, из которой неудержимо распространялась революционная зараза большевизма.

«Россия находится в настоящее время в состоянии разложения и распадения и корчится в непрерывных конвульсиях революции, — писала финская буржуазная газета «Хувудстатсбладет». — Русский народ одержим анархической разнузданностью и самоуничтожением, и не должны ли мы при таких условиях стремиться к тому, чтобы по возможности отделиться от этого хаоса, дабы не быть самим вовлеченными в гибель?»[2]

Финская буржуазия выразила наиболее откровенно тайные желания буржуазных слоев всех угнетаемых национальностей. Но эти тайные стремления все более и более делались явными. Именно после разгрома корниловщины растет стремление буржуазии отгородиться от революционных центров. Эти стремления вызываются не только империалистской политикой Временного правительства, но и страхом перед активностью «собственных» рабочих и крестьян.

В ряде национальных областей классовые конфликты стали перерастать в вооруженную борьбу. Размах крестьянского движения оказался намного сильней в национальных краях: во Владимирской губернии центральной России в сентябре было только 13 выступлений, а в Казанской — 51, в Минской — 57, на Киевщине — 39. Борьба крестьянства угнетенных наций местами уже начала сливаться с рабочими стачками, создавая исключительно напряженное положение в национальных областях. 4 октября на заседании Временного правительства министр внутренних дел меньшевик Никитин доложил о вооруженной борьбе крестьян в округах Терской области — Грозненском, Веденском и Хасав-Юртском. Больше всего опасений вызвал у министра тот факт, что в этот же период в районе города Грозного началась забастовка рабочих нефтяных промыслов. Насколько правительство боялось объединения революционно-национального движения с рабочей революцией, можно судить по тому, что в указанных районах оно поторопилось телеграммой ввести «военное положение».

К рабочей революции и крестьянскому восстанию присоединялась национально-освободительная война.

«Национальный и аграрный вопросы, — писал Ленин, — это коренные вопросы для мелкобуржуазных масс населения России в настоящее время. Это неоспоримо. И по обоим вопросам пролетариат *«не»* изолирован» на редкость. Он имеет за собой большинство народа. Он *один* способен вести такую решительную, действительно «революционно-демократическую» политику по обоим вопросам, которая сразу обеспечила бы пролетарской государственной власти не только поддержку большинства населения, но и настоящий взрыв революционного энтузиазма в массах»[3].

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

АРМИЯ И ФЛОТ НАКАНУНЕ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

1.

ФРОНТ ПЕРЕД ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИЕЙ.

Корниловский мятеж обострил противоречия и усилил борьбу между офицерством и солдатами. Последние остатки доверия широких масс к командному составу были подорваны прямым участием последнего в контрреволюционном заговоре или открытым сочувствием ему. Связь между командованием и подчиненными ему воинскими частями распадалась все больше и больше. Классовая борьба в армии вступала в новую фазу.

Эсеро-меньшевистский комитет 12-й армии телеграфировал Чхеидзе:

«Корниловский заговор оставил глубокий след, масса перестает верить кому бы то ни было, недоверие к командному составу, явившееся следствием отступления, усугубляется корниловской историей»[1].

Сводка армейских настроений по Западному фронту давала такую оценку создавшегося положения:

«Выступление генерала Корнилова почти повсюду вновь разрушило налаживавшиеся добрые отношения между командным составом и солдатской массой, причем агитация против офицерства усилилась, в особенности там, где у солдат имелись сведения о принадлежности некоторых офицеров к офицерскому союзу»[2].

Во многих частях настаивали на роспуске офицерского союза. Солдаты открыто возмущались привилегированными условиями, в которых

М. В. Фрунзе — руководитель большевистских военных организаций на Западном фронте (Минск).

содержались в заключении Корнилов и его пособники. Требовали скорейшего суда над ними.

«Вы вот пишете, дорогие товарищи, в газетах про Сухомлинова и про Корнилова, — писали в середине сентября солдаты из действующей армии, обращаясь к эсеро-меньшевистским вождям, — что какие-то там свидетели их оправдывают, как вы, дорогие товарищи, долго их судите. Сухомлинова уже, кажись, шесть месяцев судите, также и Корнилова, и видать, что они виноваты, и дальше их некуда винить: они нас предавали, кровь нашу проливали. Вы им делайте такой суд: в 24 часа — как они нам делали при старом режиме. А вы, дорогие товарищи, их еще допускаете судиться. Им суд: отрубил голову — и нехай их черви едят, хватит такой сволочи. А вы с ними путляетесь! Не путляйтесь, дорогие товарищи» [1].

Солдатская масса начинала понимать предательскую роль меньшевиков и эсеров, тянувших на сторону буржуазии. Сами солдаты боролись с корниловщиной по-своему. Из полков стали выгонять офицеров, как только узнавали об их связи с Корниловым. От командиров требовали доказательств, что они не поддерживали мятежа. У командного состава отбирали оружие. В некоторых местах — в Гельсингфорсе на линейном корабле «Петропавловск» и в Выборге — матросы и солдаты прибегли к самосуду над явно контрреволюционными элементами из комсостава. В Выборге были убиты 11 офицеров.

Вместе с тем все больше и больше углублялся развал фронта, который тянулся почти непрерывной полосой окопов от Балтийского моря до Черного и дальше — от Черного моря до персидской границы. Пятнадцать армий, расположенных на пространстве между Балтийским и Черным морями, в зависимости от главных операционных направлений были сведены в группы по три и по четыре армии, объединенные особым командованием, которые и составляли отдельные фронты. Наиболее важное значение в военном отношении, особенно после падения Риги, приобрел Северный фронт, занимавший подступы к Петрограду. Западный и Юго-западный к этому времени играли второстепенную роль, так как о наступлении, для которого они служили плацдармом, уже не могло быть и речи. Но левофланговый, самый южный участок, так называемый Румынский фронт, тоже имел чрезвычайно важное значение, прикрывая собой Одессу и другие порты Черноморского побережья.

Накануне Октябрьской революции на всех фронтах находилось в общей сложности не более двух миллионов бойцов — эту цифру можно считать лишь приблизительной. Стихийная демобилизация, охватившая к этому времени даже наиболее крепкие части, ежедневно уводила с фронта тысячи солдат. Установить действительное количество бойцов, находившихся в это время на фронте, невозможно. Ушедший в отставку за несколько дней до Октябрьской революции военный министр кабинета Керенского Верховский так характеризует численный состав фронта к началу октября:

«Только ко времени совещания в Ставке мне впервые удалось добиться точных цифр о составе армии. В разное время цифры, которые мне давали, колебались от 7 до 12 миллионов. Теперь, наконец, цифры более или менее точны. Численность штыков во всей армии при ее фронте в 1 800 верст — 1 500 тысяч пехоты и 500 тысяч бойцов в артиллерии и в других специальных частях боевого назначения, как-то: в инженерных, авиационных и пр.; 3 500 тысяч считается в тыловых учреждениях армий: парки, обозы, хлебопекарни и т. п. Во всевозможных организациях, как-то: Красный крест, Земгор, Земсоюз, на постройке дорог, позиций и пр. — 2 900 тысяч человек и в тыловых округах — 1 500 тысяч человек, из которых только около 400 тысяч человек, зачисленных в маршевые роты, т. е. годных к отправке на фронт. Итого под ружьем почти 10 миллионов человек, из которых только 2 миллиона

несут службу на фронте, а все остальные так или иначе обслуживают их. Словом, на каждого бойца приходится почти 4 человека в тылу, обслуживающих его»[1].

Но и эти два миллиона, растянутые тонкой цепочкой по огромному фронту, были совершенно небоеспособны. Общее утомление войной и нежелание продолжать ее, недоверие к командному составу, дезертирство выросли до крайних пределов. Армия, переживавшая к тому же жестокие продовольственные затруднения, приближалась к состоянию полного развала и превращалась в «больной организм», как впоследствии охарактеризовал ее Владимир Ильич. Ответственность за все это старались взвалить на большевиков.

«Вот они, главные виновники наших поражений», кричала вся буржуазная пресса. От буржуазных газет не отставала и меньшевистско-эсеровская печать, начавшая невероятную травлю большевиков. Этот лозунг являлся главным мотивом и в донесениях военных комиссаров Временного правительства. Помощник комиссара 5-й армии Северного фронта поручик Долгополов в своем донесении политическому управлению военного министра от 19 октября указывал:

«Настроение в армии все ухудшается благодаря усиленной агитации большевизма, и нужны героические меры, чтобы восстановить боеспособность армии. Нужна борьба — и беспощадная — с безответственными демагогами»[2].

В заключение своего донесения он вновь повторял:

«Безответственная демагогия пагубно отзывается на состоянии армии, и нужна беспощадная борьба с такими выступлениями, нужна решительная борьба»[3].

Председатель комитета 126-й дивизии Особой армии Юго-западного фронта Ритченко в донесении от 17 октября сообщал:

«Причина неисполнения боевого приказа — разложение в армии как следствие брошенных в массы неосуществимых лозунгов»[4].

Комиссар 7-й армии того же Юго-западного фронта Сургучев в донесении от 15 октября подчеркивал:

«Положение армии в настоящий момент чрезвычайно серьезное... Немалую роль в этом играет большевистская агитация, борьба с которой все более и более затрудняется»[5].

Даже с таких фронтов, где деятельность большевиков была развита довольно слабо — Румынский, — и оттуда неслись вопли о большевистских кознях. Комиссар Румынского фронта Тизенгаузен в своей секретной сводке от 29 октября, характеризуя состояние фронта перед Октябрьской революцией, писал:

«Все разраставшаяся, неудержимая, расширявшаяся волна жажды мира во что бы то ни стало захлестывала фронт все более и более, внося нервность и неуравновешенность в жизнь войск. Этому во многом способствовала деятельность сторонников циммервальд-кинтальской идеи, людей, знающих слабые струны толпы и беззастенчиво игравших на этих струнах, муссируя толки о мире»[6].

Все эти заявления — а их можно было привести бесчисленное множество — свидетельствовали только о полной растерянности тех, кто считал себя руководителями армии, и их нежелании видеть действительную причину развала. Армия переживала такую же разруху, как и все отрасли народного хозяйства. Эта

И. М. Катанович — руководитель саратовской военной организации большевиков. На Всероссийской конференции военных организаций большевиков был избран членом Всероссийского бюро военных организаций при Центральном комитете большевистской партии.

На фронт. Отправка маршевых рот.

разруха в конечном счете с необыкновенной яркостью свидетельствовала о полном крушении всего буржуазно-помещичьего строя в стране, и обвинять в ней большевиков значило принимать следствие за причину. Ленин неоднократно подчеркивал это.

«Все те клеветы, — говорил он, — которые бросали на нас буржуазная печать и партии, им помогавшие или враждебные советской власти, будто бы большевики разлагали войска, — являются вздором»[1].

Вздором являлось также и то утверждение, что большевистские части — вернее, части, где большевистские организации вели за собой всю остальную солдатскую массу, — представляли наиболее яркую картину развала. Дело обстояло как раз наоборот. В боях под Ригой, особенно ярко обнаруживших полную неспособность командования и соглашательских комитетов руководить солдатской массой, наибольшее упорство проявили латышские полки, почти сплошь большевистские.

Во время операций на островах Эзель и Даго особенной стойкостью отличались большевики-матросы. В то время как все остальные в паническом страхе бежали, в том числе и артиллерия, т. е. части, которые считались наиболее сохранившимися от «большевистской заразы», они оставались на своих местах. То же самое происходило и на многих других участках фронта.

«Большевистская зараза» во всех случаях являлась силой созидающей и организующей. В отдельных случаях это вынуждены были признавать даже противники большевиков. Помощник комиссара Северного фронта Савицкий в своем отчете военному министру указывал:

«В 1-й латышской бригаде работают удовлетворительно, но были заявления о плохой обуви и одежде и о недостаточности пита-

ния. Авангарды вели успешные бои с продвижением вперед, взято за неделю свыше 150 пленных, 10 пулеметов; корниловский заговор отравился на доверии солдат к офицерам. В 1-й латышской бригаде недоверие распространяется на Временное правительство и на министра-председателя, которого обвиняют в стремлении к захвату власти. Заметно влияние газеты «Латышский стрелок»[1].

Другой свидетель из того же лагеря — верховный комиссар Временного правительства Станкевич — в своих воспоминаниях прямо говорит:

«Нельзя не отметить, что лучшая, наиболее подтянутая армия не только на Северном фронте, но, быть может, на всем русском фронте — 5-я — первая дала большевистский армейский комитет»[2].

Все это, взятое вместе, отнюдь не говорит о том, что большевики являлись дезорганизаторами, какими их старались выставить буржуазия и ее преданные друзья — соглашательские партии. И если фронт все же разваливался, то были другие причины, порождавшие этот развал. Главная из них — предательская внешняя и внутренняя политика Временного правительства в отношении интересов широких трудовых масс. Фронт изнемогал под тяжестью изнурительной борьбы, а тыл в лице буржуазных классов вел ликующую жизнь, полную азарта спекуляции, погони за наживой.

«В тылу не чувствуется всенародной заботы, чтобы армия свободного народа была лучше снабжена и обслужена, чем это бывало в прежние годы, — подчеркивал Станкевич в своей телеграмме от 20 октября. — И это происходит не только потому, что сам тыл обнищал — ведь улицы городов полны праздной толпой, театры и кинематографы ломятся от массы зрителей»[3].

Спекулянты и торговцы, фабриканты и заводчики, загребая на оборонных делах бешеные барыши, требовали «войны до победного конца». Повсеместно шло бесшабашное прожигание так легко добываемых миллионов. А на фронте в это же время босые, голодные солдаты гнили в сырых окопах, разводили вшей и с огромным напряжением прислушивались к тому, что творилось в тылу. Они копили лютую ненависть к тем, кто заставлял их продолжать войну. По существу положение оставалось

С фронта. Эшелоны искалеченных в боях.

таким, каким оно было до Февральской революции, с той лишь разницей, что теперь фронт больше голодал, был больше изнурен, чем прежде, вследствие истощения запасов и с каждым днем усиливавшейся разрухи в тылу. И немудрено, что при таком положении фронт разваливался все больше и больше. Классовая сущность войны, эгоизм господствующих классов, приверженность к ним командного состава все яснее обнажались перед солдатскими массами.

Непрерывно ухудшавшееся продовольственное и вещевое снабжение армий в конце концов начало принимать характер катастрофы. Перед Октябрьской революцией некоторые части переживали состояние настоящего голода, не получая ни хлеба, ни мяса, ни крупы.

Донесения комиссаров и командного состава со всех фронтов кричали о надвигающейся катастрофе.

Комиссар 4-й армии Алексеевский в донесении от 5 октября заявлял:

«В связи с вопросами продовольствия и обмундирования настроение ухудшается, местами принимает тревожный характер» [1].

Комиссар 3-й армии Посников в сводке от 7 октября указывал:

«Недостаток не только в теплой одежде, но и в обыкновенных покровах. Чечевица, сельди, неполная дача хлеба. Необходимы героические меры по улучшению продовольствия и снабжению одеждой и обувью» [2].

Помощник комиссара 9-й армии Печкуров в сводке с 7 по 11 октября сообщал:

«Главная причина недовольства — острая нужда обмундирования. Солдаты одеты в летнюю форму, время наступило дождливое, температура в ночное время доходит до нуля... В 166-й дивизии требуют обмундирования, так как не только нет рубах, шаровар и шинелей (теплых), но даже и летнее нельзя починить, целые взводы не выходят на занятия благодаря ветхости обмундирования» [3].

Шестнадцатого октября комиссар 9-й армии вновь сообщал:

«Недостаток продовольствия, обуви, белья и обмундирования; в 37-й и 43-й пехотных дивизиях наблюдается большой процент босых и в некоторых частях 37-й дивизии совершенно не имеющих нательного белья» [4].

23 октября комиссар 12-й армии Накориков телеграфировал в адрес верховного комиссара:

«Положение быстро ухудшается, особенно с хлебом. Если засчитать возимый запас сухарей, то армия обеспечена на три-четыре дня. Подвоза муки из тыла нет. На этой почве возможны небывалые эксцессы» [5].

Положение обострялось все больше и больше. С фронта все чаще и чаще стали поступать сведения об отказе отдельных полков и дивизий исполнять боевые приказы и другие распоряжения командного состава. Сводка военно-политического отдела штаба верховного главнокомандующего об эксцессах в армии с 1 по 30 октября дает такую картину. В течение этого времени имели место 53 случая братания, 9 попыток насильственного прекращения боевых действий против неприятеля и братающихся, 7 случаев самовольного оставления позиций, 104 случая неисполнения боевых приказов, 24 требования об увольнении лиц командного состава, 67 случаев оскорбления лиц командного состава, в отдельных случаях сопровождавшиеся насилиями и убийствами, свыше 100 случаев отказа от занятий и работ, 22 требования о немедленном заключении мира, 8 случаев оскорбления комиссаров Временного правительства и членов войсковых комитетов с насилиями над ними и т. д.

Неподчиняющиеся полки и дивизии расформировывали, что, впрочем, не всегда и не везде удавалось. Отдельных «зачинщиков» предавали военному суду, однако положение фронта от этого не улучшалось.

Двенадцатого октября помощник комиссара Северного фронта Соболев доносил военному министру:

«Как я уже сообщал, в назначенный мною ультимативный срок три полка сдали оружие, после чего я потребовал выдачи зачинщиков и подстрекателей, ныне они преданы военно-революционному суду. Ввиду смягчающих вину обстоятельств 4-й полк пока не расформирован, но зачинщики его также преданы суду, меры для охраны суда и спокойствия приняты, дело 116-й дивизии можно считать вполне ликвидированным» [6].

Но вслед за этим он вынужден был добавить:

«Я нравственно обязан сказать — и не сказать не могу — приближается грозная развязка, и то, что принесет она стране и революции, должно быть ясно всякому, кто не боится правде взглянуть в глаза. Сегодня у нас почти нет армии, завтра ее совсем не будет» [7].

Восемнадцатого октября комиссар 2-й армии Гродский доносил:

«Настроение чрезвычайно нервное, нарастает с каждым часом и близится к грозному отказу от выполнения приказаний... В массах говорят, что если мир не будет заключен в ближайшие дни, то мы уйдем с фронта. Об уходе циркулируют самые упорные слухи» [8].

Комиссар 11-й армии Юго-западного фронта Чекотило сообщал:

«Идет массовая продажа сапог, шинелей, белья, причем в основе лежит соображение,

Братание на фронте.

что без обмундирования воевать нельзя, и этим путем солдаты ускорят мир» [1].

И, наконец, 22 октября комиссар Западного фронта Жданов подвел следующие итоги в своей недельной сводке:

«Нервное настроение в армии нарастает с каждым днем; нарушения дисциплины захватывают новые части. Пропаганда большевиков преобладает и пользуется успехом... Доверие к комитетам падает, их отказываются слушать, прогоняют и избивают. Запуганные комитеты слагают полномочия, не дожидаясь перевыборов. Ненависть к офицерам растет в связи с распространением убеждения, что офицеры затягивают войну. Настроение войск фронта ухудшается. Настроение комитетов, офицеров и командного состава, подавленных стихийным количеством нарушений дисциплины, паническое. Руки опустились. Развал достигает своего предела» [2].

Развал фронта в конечном счете знаменовал собой крушение всего помещичье-капиталистического уклада в стране, отражением которого была старая армия. Созданная для захватнических целей господствовавших классов и охраны их привилегий, она рушилась вместе с их крушением.

2.

ПРЕДОКТЯБРЬСКИЕ ДНИ ВО ФЛОТЕ.

Корниловские события не прошли бесследно и во флоте. Они обострили политические страсти моряков и увеличили их недоверие к командному составу. В Гельсингфорсе команды судов потребовали от офицеров письменных подтверждений об их отношении к Корнилову. Кое-где возмущенные матросы прибегли к самосуду. По постановлению объединенного заседания Гельсингфорсского совета и Центробалта создался революционный комитет, назначавший комиссаров на суда, на телеграф, на телефонную станцию, на почту и в другие учреждения.

На заседаниях Гельсингфорсского совета, в особенности на совещаниях матросской секции, все чаще раздавались голоса, требовавшие свержения Временного правительства и установления советской власти. В сентябре девятнадцать кораблей Балтфлота приняли боевую резолюцию против декрета Временного правительства, объявлявшего Россию «республикой» без приставки «демократическая». Моряки все чаще и чаще начинали поговаривать о вооруженном восстании.

Первого октября в телеграмме на имя командующего Северным фронтом Керенский указывал на «опасные» настроения кронштадтских моряков.

«Кронштадтцы уже добились того, что в критический момент не все средства обороны на месте...»[1]

Под влиянием непрерывного роста революционных настроений во флотских низах Центробалт начал быстро освобождаться от оборонческих иллюзий, которые частично еще проявлялись у него в августе. В конце сентября моряки Балтийского флота уже рапортовали пролетарской революции о своей полной готовности к выступлению за власть советов. Эту готовность они доказали на II съезде Центробалта, открывшемся в Гельсингфорсе 25 сентября.

Третьего октября II съезд Центробалта обратился к матросам и солдатам с призывом готовиться к борьбе за революцию. В ответ на этот призыв со всех концов страны Центробалт начал получать уверения в готовности поддержать пролетарскую революцию. Моряки Черноморского флота заявили:

«Мы присоединяем свой голос к вашему горячему призыву, мы идем вместе с вами на баррикады последнего боя!»[2]

С Румынского фронта солдаты предлагали свою поддержку революционным морякам:

«Товарищи, от вас многое теперь зависит, не останавливайтесь ни перед чем. Мы всегда готовы встать вместе с вами»[3].

Все постановления съезда принимались под непосредственным руководством большевиков. В ответ на злостную клевету печати, обвинявшей моряков в бегстве с фронта, съезд Центробалта вынес резкий протест:

«Тебе же, предавшему революцию, Бонапарту-Керенскому, шлем проклятия в тот момент, когда наши товарищи гибнут под пулями и снарядами и тонут в волнах морских, призывая защищать революцию. И когда мы все, как один, за свободу, землю и волю сложим свои головы, мы погибнем в честном бою в борьбе с внешним врагом и на баррикадах с внутренним, посылая тебе, Керенский, и твоей компании проклятие за ваши призывы, которыми вы старались разъединить силы флота в грозный час для страны и революции»[4].

В этой резолюции полностью сказалась готовность моряков Балтийского флота к непримиримой революционной борьбе за власть советов. Только к моменту уже назревшего восстания возможно появление подобных резолюций. Заявление о готовности сложить головы на баррикадах не было пустым звуком для балтийских моряков. Они это доказали на деле в великих октябрьских боях.

Балтийский флот находился под сильнейшим влиянием партии большевиков и ее вождя Ленина. Балтийцы одними из первых выступили с четкой программой подготовки к захвату власти. Сложнее проходила большевизация Черноморского флота, где сильно было влияние меньшевиков и эсеров. В отличие от Балтийского флота, укомплектованного почти полностью фабрично-заводскими рабочими, личный состав Черноморского в значительной доле пополнялся более или менее зажиточными слоями украинского крестьянства. Это обстоятельство наряду с большой оторванностью его от центров революции обусловило в нем на некоторое время засилье эсеров.

Одно время Черноморский флот сделался центром притяжения контрреволюционных сил. Враги революции спешили использовать его для своих целей. Командующий флотом адмирал Колчак, будущий вождь сибирской контрреволюции, сформировал подставную делегацию во главе с фиктивным моряком Баткиным. От имени черноморских моряков делегация разъезжала по всей России, агитируя и в Петрограде, и в провинции, и на позициях за наступление на фронте. Поддержанный соглашателями самозванный матрос пытался проникнуть и к балтийцам, но, встретив здесь

должный отпор, был разоблачен. После скандального провала в Гельсингфорсе адмиральский посол уже не рискнул явиться в Кронштадт. Вскоре под нажимом моряков Севастопольский совет лишил мандатов всю делегацию.

Центральный комитет партии большевиков уделял особое внимание работе в Черноморском флоте. Местным большевистским организациям предложено было посылать туда опытных пропагандистов. В то же время работники командировались и из Петрограда, в числе которых были матросы Балтийского флота, в частности В. М. Зайцев и др.

Большевики причерноморских городов развернули широкую работу на военных кораблях, закладывая партийные ячейки. Матросская масса все решительнее и тверже начинала итти за ними. Исполняющий обязанности генерального комиссара Черноморского флота Борисов 24 августа телеграфировал в Морской генеральный штаб:

«За короткое время моего отсутствия Севастополь стал городом большевиков. Большое возбуждение, беспрерывные митинги, на которых дают говорить только большевикам, возбужденные кучки по всем углам. В организациях настроение тоже сильно повысилось. Фантастические слухи о контрреволюционных заговорах, о прибытии казаков волнуют массу. В некоторых частях уже взяли на руки оружие. У большевиков появились хорошие агитаторы. В довершение всего вчера приехала делегация из Балтийского флота агитировать за присоединение к ультиматуму Балтфлота об увеличении содержания. Четырех из них по моему приказанию не пропустили в Севастополь, два, имевшие мандаты от Центрофлота, были пропущены, но после разговора с исполнительным комитетом были в тот же день отправлены назад. Решительных мер против агитации большевиков и против митингов принять было нельзя, так как не на кого положиться. Черноморскую делегацию и слушать не хотят. Престиж ее совершенно упал»[1].

В августе Севастополь еще нельзя было назвать «городом большевиков». Эсеровская организация насчитывала здесь до 20 тысяч членов, тогда как большевики объединяли в своих рядах только 250 человек. Все руководящие выборные организации находились еще в руках эсеро-меньшевиков. Но Борисов в своей панической телеграмме правильно отразил ход событий. Из-под ног соглашателей все больше ускользала почва, с каждым днем усиливались позиции большевиков.

Из 145 депутатов Севастопольского совета в июле месяце во фракцию большевиков входили только 12 человек, а в октябре она уже насчитывала до 50 депутатов. Большевизация Севастопольского совета происходила главным образом за счет революционизирования черноморских моряков под руководством большевистской партии.

Наряду с Севастопольским советом был создан Черноморский центрофлот, который в своем подавляющем большинстве состоял из беспартийных и соглашателей. Однако по ряду вопросов он занял позицию даже более левую, чем Севастопольский совет. В зависимости от этой левизны увеличивались его авторитет и влияние.

Седьмого сентября на собрании представителей от 20 судовых и береговых частей, состоявшемся на линейном корабле «Ростислав», было принято решение требовать передачи власти в руки социалистов; 9 сентября на том же «Ростиславе» на собрании представителей уже от 40 судовых и береговых частей вынесен был резкий протест против приказа, которым устанавливались гарантии для контрреволюционного комсостава и воспрещалась политическая борьба в армии и флоте. В этом справедливо усматривалось покушение на элементарные права военнослужащих.

Пятнадцатого сентября Центрофлот согласно решению делегатского собрания постановил временно поднять на всех судах Черноморского флота красные флаги и сигналы: «Да здравствует Российская демократическая республика!» По окончании этой демонстрации большинство команд категорически отказалось спустить временно поднятые красные флаги. Под давлением матросских масс Центрофлот принял решение: оставить вопрос о флагах открытым до Учредительного собрания.

Украинская буржуазия, используя неспособность правительства Керенского разрешить национальный вопрос, пыталась насадить в Черноморском флоте буржуазный национализм и провести украинизацию флота. Однако ей удалось достигнуть немногого — лишь один крейсер «Память Меркурия» заменил красный флаг украинским.

Для усиления партийной работы Центральный комитет партии в середине октября командировал в Севастополь тов. Гавена и кронштадтского матроса Пожарова. Тов. Гавен так рассказывает о директивах, полученных им перед отъездом от Я. М. Свердлова:

«Вопрос о взятии власти пролетариатом — вопрос нескольких дней. Во всех крупных центрах пролетарские силы уже достаточно созрели. На юге же, особенно в Крыму, дела обстоят плохо. Там наблюдается полное засилье социал-соглашателей. А это особенно печально, если принять во внимание значение Севастополя как военного порта. Ваша

задача, — заявил Яков Михайлович, — превратить Севастополь в революционный базис Черноморского побережья. Севастополь должен стать Кронштадтом юга» [1].

К моменту приближения Октябрьской революции соглашательское руководство засевшего в Адмиралтействе Центрофлота утратило последние остатки своего влияния в матросской среде. Даже после решения Временного правительства разогнать Центрофлот засевшие в нем меньшевики и эсеры продолжали лакейски поддерживать Временное правительство. Перед лицом большевизации флота и петроградского гарнизона Временное правительство накануне Октябрьской революции пыталось разоружить Кронштадт и Петроград, снять с некоторых фортов артиллерию под предлогом отправки ее на фронт. Однако революционные матросы вместе с рабочими и солдатами не допустили разоружения.

3.

БОЛЬШЕВИЗАЦИЯ АРМИИ.

Партия большевиков работала в армии в исключительно трудных условиях. Ложь и клевета буржуазной и мелкобуржуазной печати затрудняли агитацию и пропаганду. Гонения на большевистские газеты, недопущение их на фронт ставили огромные препятствия работе большевиков.

«Мы имеем в своем распоряжении *только слово*, — писал Ленин. — И этого слова нас хотят лишить... «Правду» на фронт не пускают. Киевские «агенты» постановили «Правду» не распространять. «Земский союз» «Правды» в своих киосках не продает. И, наконец, нам обещают вести «систематическую борьбу с проповедью ленинизма»... («Известия совета рабочих и солдатских депутатов».) Но зато всякий такой стихийный протест, всякий эксцесс, где бы он ни был, *нам ставят в строку*» [2].

И все же несмотря ни на какие рогатки большевистские газеты проникали и в казармы, и в окопы, и на суда. Они находили у солдат сочувственный отклик, зажигали их бодрым революционным настроением.

«Сегодня один сознательный труженик-газетчик принес ту газету, которую необходимо читать, и справедливую газету «Солдат», — писали своим сельчанам из Петроградского резервного полка, — сегодня в руках наших солдат завидлелись пролетарские газеты: «Солдат» и «Рабочий путь». А то приходится видеть печальное явление: у всех товарищей солдат газеты буржуазные, которые всецело обвиняют справедливых вождей и нагло врут и тем приводят в заблуждение» [3].

Если в петроградские казармы с трудом проникали большевистские газеты, то еще труднее им было попасть на фронт, в действующую армию. Но и там большевистская мысль будила солдат, проясняла их классовое самосознание, указывала методы революционной борьбы. Огромная работа большевистской печати встречала восторженные отзывы солдат.

«Товарищ редактор! — писал рядовой Ковлов из действующей армии в редакцию газеты «Солдат». — Я и многие товарищи страшно интересуемся вашей газетой, которая дает хорошие наставления. Эта газета нам попалась случайно; из нее видно, как должны мы требовать и настаивать, чтобы не дать власть капиталистам, которые, как вы пишете, стараются внести рознь между солдатами и рабочими по нашей темноте. Но мы желаем следовать вашему примеру и всегда будем поддерживать вас и добиваться будем прав согласно вашей программе» [4].

Сильное впечатление производили на солдат яркие, всем понятные статьи и речи Ленина.

«В особенности благодарю за речь тов. Ленина, о которой я так жаждал и страдал, — писал солдат с фронта. — Теперь же я, в свою очередь, с этой речью тов. Ленина знакомлю товарищей солдат, особенно которые подрывали по своей глупости доверие, а в настоящий момент сожалеют, за что тов. Ленин подвергался злым нападкам и клевете» [5].

Рост классового самосознания солдатских масс и переход их на сторону большевиков нуждались в организационном закреплении. Десятки тысяч передовых, политически грамотных рабочих, мобилизованных в армию, быстро восстановили тесную связь с центрами политической жизни и заложили на фронте крепкие

МАТРОСЫ-БОЛЬШЕВИКИ БАЛТИЙСКОГО ФЛОТА НА МИТИНГЕ В СЕВАСТОПОЛЕ ПРИЗЫВАЮТ МОРЯКОВ ЧЕРНОМОРСКОГО ФЛОТА И СОЛДАТ СЕВАСТОПОЛЬСКОГО ГАРНИЗОНА К БОРЬБЕ ЗА ВЛАСТЬ СОВЕТОВ.

ячейки большевистских организаций. Огромную роль сыграли расформированные после июльских событий полки петроградского гарнизона. Отправка на фронт тысяч солдат, прошедших революционную школу столицы, означала присылку многих большевистских работников. В солдатских письмах, перехваченных цензурой после июля, чувствуется прилив организационных сил. В них уже начинает звучать недоверие к соглашательским советам.

«Я не был и раньше уверен в их искреннем желании итти навстречу порабощенной и угнетенной массе, — писал один солдат по адресу эсеро-меньшевиков, — а теперь я больше и больше убеждаюсь в том, что все, кто говорит красно и дипломатично, мыслят черно и капиталистично»[1].

Другой солдат замечает по их же адресу:

«Вы уже не считайте, что у вас есть упор на армию»[2].

Освобождаясь от опеки командных верхов, армия в то же время освобождалась от влияния мелкобуржуазных партий и доверия к ним. Солдатскими думами полностью начинали овладевать большевики.

В армии крепла широко разветвленная сеть большевистских организаций, подчиняя своему руководству массовые солдатские организации. У партии большевиков не было на фронте готовой политической армии. Лишь постепенно, путем неустанной и напряженной работы, партия укрепляла свое влияние в массах. На опыте, на практике, на живом деле она показывала преимущества своей программы и тактики, рассеивая контрреволюционные иллюзии меньшевиков и эсеров. Перед Октябрьской революцией военная организация при Центральном комитете партии стала подлинным боевым штабом. Под руководством Центрального комитета большевиков она объединяла, организовывала и готовила к борьбе за власть широкие солдатские массы.

Основное внимание большевиков в это время было обращено на завоевание низовых солдатских организаций. Полковые, ротные и другие комитеты, непосредственно отражавшие настроение масс, постепенно оказывались на их стороне. Комитеты шаг за шагом очищались от мелкобуржуазной накипи и переходили под партийное знамя большевиков. Следующий пример дает наглядное представление о том, как протекал этот процесс на фронте.

В 12-м Туркестанском стрелковом полку III Сибирского корпуса 2-й армии существовала небольшая объединенная социал-демократическая организация, в которую входили и меньшевики, и интернационалисты, и большевики. Последних возглавлял командир 2-го батальона молодой подполковник Каменщиков, впоследствии первый выборный главнокомандующий Западного фронта.

В начале августа тов. Каменщиков поставил вопрос о выходе большевиков из объединенной организации и создании самостоятельной большевистской ячейки. Стремясь привлечь возможно большее количество сторонников, большевики поставили этот вопрос на открытом собрании членов всей организации. Докладчиком выступил тов. Каменщиков. Его доклад вызвал горячие прения. Особенно настойчиво отстаивали сохранение «единой» организации интернационалисты — врач Бегун и один унтер-офицер. Впрочем, последний на том же заседании, когда раскол уже был решен, присоединился к большевикам. Председателем нового комитета был избран тов. Каменщиков, секретарем — старший унтер-офицер Королев.

Большевиков не пугало, что в новой организации сначала оказалось не больше 18—20 членов. Вскоре комитету удалось подыскать для себя «халупку», которая быстро привлекла солдат своей библиотечкой, газетами, а главным образом живыми беседами. Затем работа настолько расширилась, что комитет был реорганизован в районный, объединивший партийную работу в 12-м, 24-м и 25-м туркестанских стрелковых полках той же дивизии, а также в дивизионной артиллерии, в штурмовом батальоне и в других частях. Был даже выделен особый коллектив для ведения партийной работы среди крестьян близлежащего местечка Рубяжевичи.

К октябрю перевыборы войсковых комитетов сделались массовым явлением на фронте.

«Продолжать нашу деятельность, — говорил председатель комитета 107-го полка, — становится невозможным ввиду враждебного отношения полка, который настойчиво требует переизбрания комитета. Среди солдат нарастает раздражение на деятельность комитета... Я нахожу необходимым предложить сложить полномочия всему комитету»[3].

Секретная сводка комиссара Западного фронта за неделю, с 14 по 21 октября, отмечала:

«Характерным явлением стало самовольное переизбрание комитетов, в которые после выборов проникают одни только большевики. Самовольное переизбрание имело место во 2-м, 3-м и 6-м гренадерских полках»[4].

Как происходили эти «самовольные переизбрания», можно судить по перевыборам в одном из упомянутых полков — 6-м гренадерском.

Большевистская организация в этом полку возникла в августе. Позднее удалось организовать большевистские ячейки почти во всех ротах и командах. В начале октября состоялись два общих полковых собрания, на которых предложения большевиков проходили с громадным успехом. Из офицеров осмелились

К. Е. Ворошилов среди членов полкового комитета Измайловского полка.

выступить только два прапорщика да на всеров один доброволец — старик Рогинский.

При таком настроении полка существование старого, соглашательского, общесолдатского полкового комитета представлялось явной нелепостью, и большевики повели решительную кампанию за перевыборы. Кандидаты были намечены, и успех большевиков не подлежал сомнению.

Однако закончить подготовительную работу по перевыборам в планомерном порядке полностью не удалось. 12 октября в полк поступило предписание от армейского комитета 2-й армии о присылке делегата на армейское совещание, назначенное на 16 октября. Полковой комитет, зная, что дни его сочтены, тем не менее поспешил избрать своим представителем всера Рогинского.

Узнав об этом, большевики решили немедленно провести перевыборы — нельзя было допустить, чтобы от большевистского полка поехал на совещание эсер. По ротам немедленно же рассыпались агитаторы, весь полк моментально был поднят на ноги. Дежурный по полку офицер сделал было слабую попытку «не допустить» собрания, но на это никто не обратил внимания.

Победа была полная. Утром уже заседал новый полковой комитет из одних большевиков, и первое же его решение выразилось в том, что эсер Рогинский был лишен мандата на армейское совещание. Вместо него был выбран большевик.

Массовые перевыборы полковых комитетов приводили в отчаяние и растерянность мелкобуржуазных соглашателей и прочих сторонников Временного правительства. И, действительно, трудно было не растеряться от таких требований, как, например, постановление съезда XXXV армейского корпуса 3-й армии Западного фронта, состоявшегося 11 октября.

«Мы, члены корпусного съезда XXXV армейского корпуса, — говорилось в постановлении, — требуем от Всероссийского съезда советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, назначенного на 20 октября, — взять власть в свои руки и опубликовать

тайные договоры, заключенные союзными правительствами, немедленно объявить демократические условия мира и немедленно заключить перемирие на всех фронтах»[1].

Верхушечные армейские организации — фронтовые, армейские, корпусные и частью дивизионные комитеты, — находясь еще во власти меньшевиков и эсеров, отражали уже вчерашний день революции. Не имея опоры в массах, они теряли практическое руководство.

Крупную роль в большевизации армии сыграли губернские и уездные комитеты партии, близкие к фронтовым и тыловым частям. Значительную долю своей активности они уделяли работе в армии. Через партийные организации рабочие оказывали влияние на формирование и рост классового самосознания солдат. Например, в Петрограде в военном гарнизоне руководящую роль играли фабрично-заводские пролетарии. То же самое было и в Кронштадте. Местные большевистские комитеты имели огромное революционизирующее влияние на гарнизонные части.

Между рабочими и солдатами устанавливалась настолько тесная связь, что, например, солдаты, уходя из Петрограда, давали обещания драться за революционные лозунги петроградских рабочих. Так одна из рот 2-го пулеметного полка, отправляясь на фронт, заявила:

«Мы, собравшиеся 2 октября сего года, пулеметчики пулеметного полка 5-й роты, для решения вопроса о знамени перед отправлением на фронт постановили обратиться за помощью к товарищам с «Треугольника», так как своих средств у нас недоставало. Товарищи с «Треугольника» решили выдать нам из комитета 200 рублей, за что мы, пулеметчики 5-й роты, едущие на позиции в 527-й Белебеевский полк... приносим им большую благодарность за поддержку и извещаем их, что мы будем стоять: 1) за немедленное оглашение тайных договоров, 2) за немедленные переговоры о мире, 3) за немедленную передачу всех земель крестьянским комитетам, 4) за контроль над всеми производствами, 5) за немедленный созыв

Большевики — члены полкового комитета 1-го Сибирского полка. Второй слева в первом ряду — И. И. Белов (в настоящее время командующий войсками Московского военного округа).

советов. Мы, пулеметчики 5-й роты, хотя и не принадлежим к партии (большевиков), но за все требования и лозунги будем умирать вместе с ними. Команда идет в количестве 107 человек, пока — стоит в Стрельне. Вышеуказанное принято единогласно командой» [1].

Рабочие и солдаты обменивались постоянными представителями. Между заводами и полками устанавливались такие взаимодействия и поддержка, которые позже, в октябрьские дни, предрешили победу восстания. Вот письмо, которое прислали путиловцы измайловцам, благодарящим рабочих за помощь в период корниловской авантюры:

«Ссылаясь на письмо полкового комитета от 13 сентября за № 634, в котором выражена заводскому комитету благодарность за предоставленные полку кухни в дни корниловского мятежа, сообщаем, что Путиловский заводский комитет и впредь всегда будет рад поделиться с дорогими товарищами измайловцами как кухнями, так и более серьезными военными предметами в случае выступления одного из многих расплодившихся авантюристов-контрреволюционеров среди генералов, мечтающих о самодержавии и народном рабстве. Заводский комитет жмет вашу товарищескую руку и надеется, что сердца измайловцев горят тем же святым революционным огнем, каким горят сердца путиловцев, и что эти сердца в момент опасности для революционного народа составят единое могучее пламенное сердце» [2].

Какое исключительное значение имело влияние рабочих промышленных центров на солдат, можно судить по докладу командующего Черноморским флотом верховному главнокомандующему от 26 сентября.

«Расположенный в городе Николаеве 45-й пехотный запасный полк, — жалуется командующий флотом, — в настоящее время представляет из себя часть, совершенно недисциплинированную, не могущую быть использованной в целях охраны порта и заводов... Масса солдат принимает живое участие в

Рабочие завода «Респиратор», достоявшие на фронт 15-му Сибирскому стрелковому полку знамя с надписью «Борцы тыла — борцам фронта» и нелегальную большевистскую литературу.

Рабочие завода «Респиратор» среди ротных представителей сибирских и латышских стрелковых полков на фронте.

жизни граждан города Николаева, устраивает постоянные многолюдные собрания на улицах города»[1].

Так было в большинстве промышленных центров.

Центральный комитет большевистской партии, подготовляя пролетарскую революцию, уделял исключительное внимание партийной работе в военных частях. На заседаниях Центрального комитета постоянно обсуждались вопросы о работе среди солдат, изучались солдатские настроения, подсчитывались силы революции и контрреволюции. Военная организация большевиков закрепляла тесные связи с солдатской массой. Она объединяла руководство партийной работой на фронте и в тылу. Она снабжала части литературой, посылала инструкторов и агитаторов, созывала конференции.

Первого-третьего сентября в Минске состоялось совещание большевиков области и фронта. На нем были представлены 3651 член партии из армии и 2410 из области. Совещание не сочло возможным объявить себя конференцией из-за недостаточного представительства низовых организаций.

Через две недели после названного совещания, 15—18 сентября, в Минске состоялась I Северо-западная областная конференция большевиков. На конференции присутствовали 88 делегатов, из них 61 — от армии и 27 — от области. Армейские делегаты представляли уже 4111 членов партии и 1564 человека сочувствующих. Половина армейских делегатов принадлежала ко 2-й армии, наиболее революционной из всех армий Западного фронта.

Еще через 10 дней после этой конференции, 27—29 сентября, в городе Несвиже состоялась I конференция большевиков 2-й армии. На ней присутствовали 137 делегатов, представлявших 5124 организованных члена партии и около 12 тысяч сочувствующих.

Наконец за 20 дней до Октябрьской революции, 5 октября, в Минске имела место II областная конференция большевиков, на которой присутствовали уже 353 делегата,

представлявших теперь 28 501 члена партии и 27 855 сочувствующих.

Так же развертывалась большевистская работа и на других участках фронта.

По мере большевизации армия все требовательнее и настойчивее ставила политические вопросы. На объединенном собрании комитетов 712-го пехотного Салтыково-невского полка в сентябре принята была следующая резолюция, очень характерная для солдатских настроений того времени:

«Шестимесячное сотрудничество демократии с буржуазией в правительстве привело только к затягиванию войны, к отдалению от закрепления завоеванных свобод и отсрочке Учредительного собрания и беспощадной борьбе с революционной демократией, как с отдельными лицами, так и с печатью, ко всем проявлениям контрреволюционного характера, кульминационным пунктом которого является «корниловщина», а потому собрание находит, что дальнейшее сотрудничество демократии с буржуазией в правительстве в интересах завоеваний революции и борьбы за Интернационал недопустимо» [1].

В других резолюциях большевистский характер требований звучал еще яснее. Резолюция общего собрания команды воздушной станции «Бригитовка» в окрестностях Ревеля настаивала на немедленном переходе всей власти в руки советов, заключении мира, передаче земли крестьянству, организации контроля над производством и вооружении рабочих.

В течение октября лозунг передачи власти в руки советов делается все более и более популярным в армии. Пехотные, кавалерийские полки, артиллерийские дивизионы, саперные части, санитарные отряды все чаще и чаще выносят недоверие правительству Керенского и с единодушной настойчивостью требуют передачи всей полноты власти в руки пролетарских и крестьянских советов.

Особенно характерным признаком нарастания революции в армии явилась новая форма борьбы против комсостава. Солдаты отказывались подчиняться офицерам, изолировали их, наиболее реакционных уничтожали. Все это было и раньше. Однако новое состояло в том, что офицеров устраняли от командования и избирали командиров из своей среды. Армия делала большой шаг вперед в развитии революции, становясь на путь выборности командного состава. *Этой формой борьбы солдатские массы решали проблему власти в армии.* Генеральская сводка с большой тревогой отмечала:

«В 4-м самокатном батальоне (Особой армии) были отстранены командир 3-й роты и заведующий хозяйственной частью и на их место избраны солдаты; в 648-й дружине командиром избран комиссар; комитет летучего пункта 3-й гвардейской дивизии отстранил начальника и завладел всем имуществом; комитет санитарного поезда сместил старшего врача, заведующего хозяйством и сестер милосердия и избрал новых лиц (11-я армия); в 5-й Кавказской дивизии был смещен делопроизводитель хозяйственной части за отказ выдать несколько перьев, в чем было усмотрено желание со стороны делопроизводителей помешать выборам в Учредительное собрание (12-я армия); в 74-й дивизии XLI корпуса было вынесено постановление об упразднении должностей дивизионного интенданта и начальника хозчасти с передачей их функций особым комиссиям (7-я армия); в 53-м Сибирском стрелковом полку отказались принять прибывшего после эвакуации командира; комитет частей штаба 11-й армии постановил реквизировать собственных офицерских лошадей, обыскивать уезжающих офицеров и отбирать у них оружие, перевести офицеров на общежитие» [2].

Революция в армии сливалась с крестьянским движением в прифронтовой полосе. Начальник Вольмарской уездной милиции Шуман, лично обследовавший юго-западную часть своего уезда, 10 октября сообщал, что в Позендорфской волости «забран около большой дороги у усадьбовладельцев и помещиков скошенный овес, хлеб, клевер и сено» [3]. В Катверской волости «пострадали во время отступления почти все усадьбы и имения около больших дорог» [4].

Разгром помещичьих имений солдатами и местными крестьянами происходил по всей прифронтовой полосе — от Северного до Румынского фронта. Солдаты выступали в роли вооруженных носителей крестьянских настроений, отражая в своих действиях стихийную ненависть деревни против помещиков и кулаков.

Участвуя в борьбе против помещиков в прифронтовой полосе, солдаты своими письмами в деревню способствовали развертыванию аграрной революции во всей стране. Вот одно из многих писем фронтовика своей деревенской родне:

«Прошу, скотину — без всяких пущайте по помещиковой земле и пашите землю, не спрашивайте их, собак толстопузых, довольно им теперь пить нашу кровь. Смотрите, берите в руки сейчас, и мы здесь не бросим оружия, пока все не установим и домой придем с винтовками» [5].

Эти солдатские письма воспринимались в деревне как директивы и оказывали огромное влияние на ход революции.

Армия не на словах, а на деле переходила к решительной революционной борьбе с эксплоататорами. Партия большевиков достигла

огромных успехов. Это ярко выразил в немногих словах начальник 18-й Сибирской стрелковой дивизии.

«Командир 70-го стрелкового полка, — сообщал он в своей сводке, — донес мне о полном развале в полку. Все большевистские идеи — закон» [1].

Действительно, к моменту решающих боев за пролетарскую революцию большевистские идеи стали законом для многомиллионной вооруженной массы.

Позднее Ленин, анализируя результаты выборов в Учредительное собрание, писал:

«В армии большевики... имели уже к ноябрю 1917 года *политический «ударный кулак»*, который обеспечивал им подавляющий перевес сил в решающем пункте, в решающий момент. Ни о каком сопротивлении со стороны армии против Октябрьской революции пролетариата, против завоевания политической власти пролетариатом не могло быть и речи, когда на Северном и Западном фронтах у большевиков был гигантский перевес, а на остальных фронтах, удаленных от центра, большевики имели время и возможность *отвоевать крестьян у эсеровской партии*» [2].

Революционное нетерпение солдатских масс, осознавших свои интересы, побуждало их торопиться с установлением советской власти.

«Товарищи, не смотрите на Керенского, — писали солдаты 3-й армии в совет солдатских депутатов. — Он доведет нас до такой пропасти, что мы все разом погибнем.

Письмо в деревню. *Рис. Ф. Малаева.*

Товарищи солдаты, старайтесь скорейшему времени миру. Мы не в силах держать фронт. Товарищи солдаты, вы подумайте сами, что у нас дома семьи умирают с голоду, у нас дома родители, жены и дети — не щенята. Нам нечего слушать буржуазию, а долой войну, да здравствует Учредительное собрание и да здравствуют товарищи большевики!»[1]

Возглас «Да здравствуют товарищи большевики» все чаще раздавался в армии. Он в той или иной форме встречался во всех солдатских письмах.

«Просим господ большевиков обратить внимание на господина Керенского — вместе с Корниловым на один крючок,—писала группа раненых солдат. — Просим немедленно передать управление в руки народа — совета крестьянских и солдатских депутатов. Долой Временное правительство, да здравствует народное управление! Товарищи рабочие и солдаты, оружие берегите, пойдемте на Петроград буржуев, коалиционное управление колоть, бить и вешать. Из терпения вышла окопная мука солдата»[2].

Вот именно, из терпения вышла окопная мука солдата! Фронт был готов принять участие в свержении ненавистного ему правительства Керенского.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

МАНЕВРЫ СОГЛАШАТЕЛЕЙ И ПЛАНЫ БУРЖУАЗИИ В СВЯЗИ С НАРАСТАНИЕМ РЕВОЛЮЦИИ.

1.

ЭСЕРО-МЕНЬШЕВИКИ — ПОСЛЕДНЯЯ ОПОРА БУРЖУАЗИИ.

Бурное революционирование пролетарских и трудящихся масс крестьянства раздробило, разрушило социальную основу мелкобуржуазных партий.

Подталкиваемые общим революционным подъемом, эсеро-меньшевистские лидеры после разгрома Корнилова явились в Зимний дворец и потребовали от имени своих партий вывода кадетов из правительства. Но массовое движение уже вышло из границ, приемлемых для мелкобуржуазных партий: выключением кадетов из числа членов правительства невозможно было остановить растущую революцию под лозунгом «Вся власть советам». Организующая сила этого лозунга все крепче соединяла массы. Эсеро-меньшевики решили спешно строить другую плотину, которая сдержала бы революционное движение и затем отвела его в другое, менее опасное русло.

Первого сентября состоялось объединенное заседание Всероссийского центрального исполнительного комитета советов и исполнительного комитета советов крестьянских депутатов. Напуганные революцией лидеры мелкобуржуазных партий противопоставили лозунгу «Вся власть советам» созыв общедемократического съезда.

«Брать всю власть в свои руки — преступление перед революцией»[1],

заявил на объединенном заседании лидер меньшевиков Скобелев, а Церетели, только два часа

Хозяин и его недручимые. *Карикатура В. Дени.*

тому назад требовавший от Керенского устранения кадетов из правительства, снова выступил с защитой коалиции с буржуазией.

Спеша отгородиться от революции, Авксентьев, лидер эсеров, обрушился на комиссию Всероссийского центрального исполнительного комитета советов, вызвавшую войска из Финляндии для борьбы с Корниловым, и резко выступил против вооружения рабочих. В припадке паники Авксентьев выболтал, что меньшевики и эсеры плелись в хвосте революции и приняли участие в борьбе с Корниловым только потому, что боялись отстать от ушедших вперед масс.

Заседание приняло резолюцию о созыве съезда «всей организованной демократии и демократических органов местного самоуправления, который должен решить вопрос об организации власти, способной довести страну до Учредительного собрания»[1].

Демократический съезд — вот та плотина, которая должна была приостановить революционный подъем или отвлечь его в сторону.

Съезд, или, как его называли, Демократическое совещание, собрался 14 сентября. Меньшевики и эсеры постарались всячески ослабить представительство рабочих и крестьянских масс, расширив число делегатов разных мелкобуржуазных и буржуазных организаций. Советы рабочих и солдатских депутатов послали 230 человек, и почти столько же мест (200) получили недемократические земства. Профсоюзы получили 100 мест, а кооперация, целиком находившаяся в руках эсеро-меньшевиков, послала 120 человек. Всем армейским организациям многомиллионного фронта дали 83 голоса, а реакционному казачеству предоставили 36 голосов. На съезд пригласили представителей офицеров, духовенства, «междупартийного союза», скрывавшего уже под одним своим названием определенно реакционные группы. Словом, постарались всячески подтасовать состав Демократического совещания, лишь бы оставить в меньшинстве революционные элементы.

Как ни усердно хлопотали «герои подлога» — так заклеймил Ленин эсеров и меньшевиков, подтасовавших съезд, — плотина оказалась недостаточно прочной: на съезде за коалицию с буржуазными партиями высказались 766 делегатов, против — 688, воздержались — 38.

Мало того, в президиум поступили для голосования две поправки специально по вопросу о коалиции:

1) «За пределами коалиции остаются те элементы как кадетской, так и других партий, которые причастны к корниловскому заговору».

2) «За пределами остается партия «народной свободы»[2].

Принятие первой поправки исключало полностью возможность коалиции с буржуазией, ибо нельзя было найти ни одной буржуазной партии, не связанной так или иначе с заговором Корнилова. Меньшевики и эсеры в поисках лазейки для всяких маневров решили голосовать за вторую поправку. Но уловка не удалась: за первую голосовало подавляющее большинство в 798 голосов, против — 139 при 196 воздержавшихся.

Съезд явно колебался влево. При голосовании резолюции в целом только 183 делегата подняли руки «за», против высказались 813 и 80 воздержались.

Мелкая, крохоборческая возня оказалась напрасной: массы ушли так далеко влево, что даже подтасованный Демократический съезд провалил коалицию с кадетами.

Политиканы решили тогда взять «непокорный» съезд измором.

Делегатов обхаживали, уговаривали, обещали им и то и сё, авали на компромисс, лишь бы добиться какой-нибудь уступки. Наконец 20 сентября состоялось заседание президиума Демократического совещания, пополненного представителями партий и групп, на котором политические плясуны решили подвести итог своей карусели: снова против коалиции высказались 60, а за коалицию только 50 человек.

Обработку делегатов пришлось начинать сызнова. Мелкобуржуазные политики выкинули еще одно «коленце». Эсеро-меньшевики вре-

менно прекратили атаку по вопросу о коалиции, но предложили выделить из состава Демократического совещания постоянное представительное учреждение — Демократический совет, перед которым должно быть ответственно правительство. Собрание согласилось с этим. По предложению меньшевиков большинство президиума Демократического совещания постановило, что в новый орган включаются на пропорциональных началах представители от всех групп и партий. Тогда ловкие «либерданы» — так рабочие называли меньшевиков по имени двух лидеров — Либер и Дан — подсунули новую поправку: если во вновь формируемое Временное правительство будут введены буржуазные элементы, то и в представительный орган должны быть введены буржуазные партии. Эсеро-меньшевистский трюк удался: поправка была принята 56 делегатами против 48 при 10 воздержавшихся. В тот же вечер Церетели протащил эту же резолюцию и на съезде, «подсластив» для большей верности ее еще в одном месте: в третьем пункте обещалось, что в будущем органе должно быть сохранено преобладание демократических элементов.

Резолюция вышла общипанной, но лакеи выполнили волю буржуазии, протащив хотя и в замаскированной форме идею коалиции. Впрочем, хозяева не сомневались в преданности своих лакеев. Еще во время заседания Демократического совещания Керенский вел переговоры с крупнейшими представителями буржуазных партий — Кишкиным, Бурышкиным, Коноваловым и Третьяковым, приглашая их в правительство. Последние требовали создания «твердой власти».

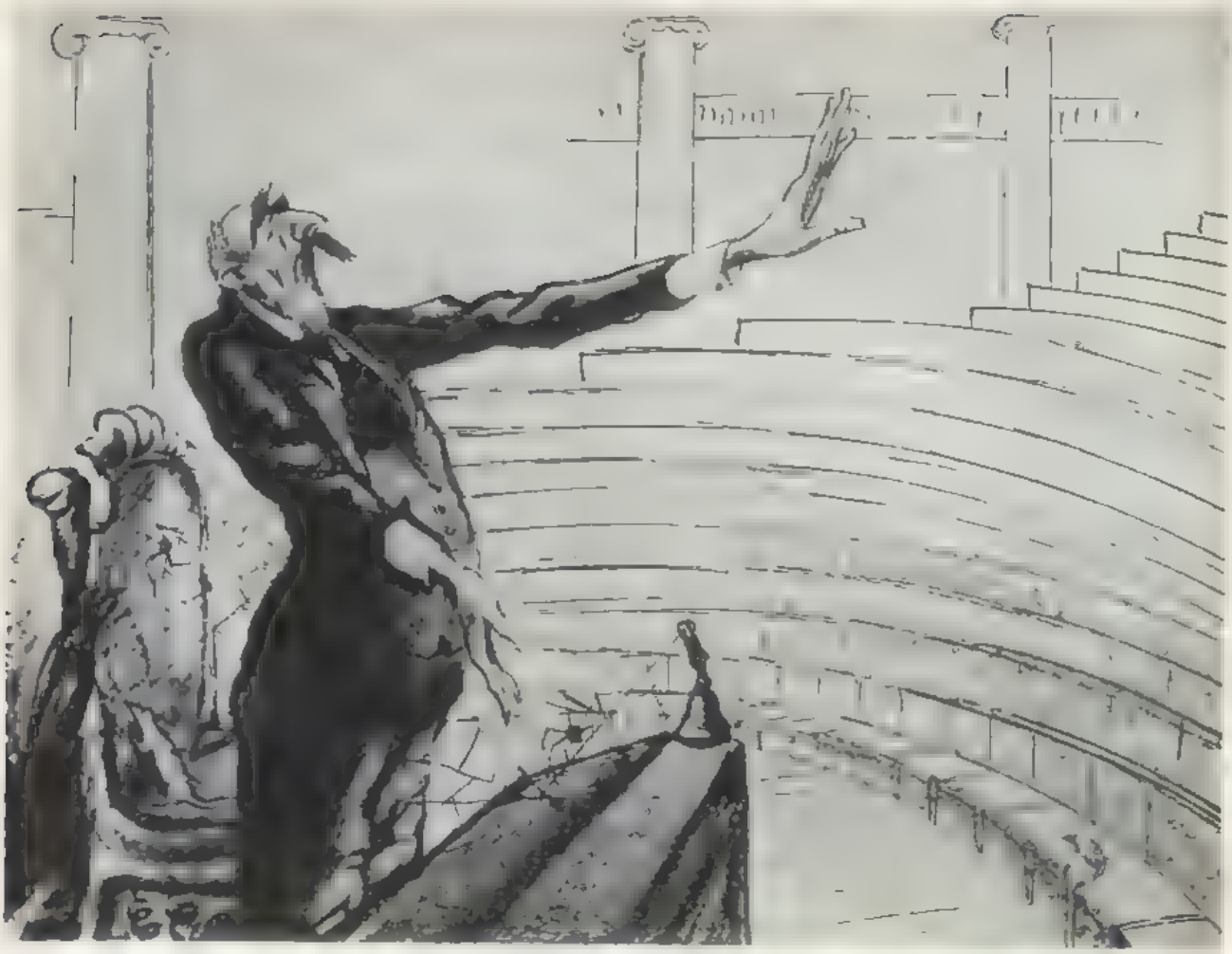
Центральный комитет кадетской партии, стоявший за спиной торгующихся, поручил Кишкину и Коновалову вступить в министерство при условии, что будущий представительный орган будет *назначен* правительством, а не избран советами и другими общественно-политическими организациями. Временное правительство, убедившись в полной лояльности Демократического совещания, не имея даже резолюции «либерданов» о коалиции, приняло условие кадетов. Как раз в это время эсеро-меньшевики обещали в резолюции прямо противоположное: правительство должно было отчитываться перед Временным советом Российской республики, или перед Предпарламентом, как назвали орган, выделенный Демократическим совещанием. Получив резолюцию о коалиции, которую «либерданы» после долгих хлопот состряпали на подтасованном съезде, Временное правительство использовало ее целиком для осуществления своих планов. Керенский договорился с кадетами и пополнил состав Временного правительства следующими лицами: А. Коновалов — министр торговли и промышленности и заместитель министра-председателя, К. Гвоздев (меньшевик) — министр труда, П. Малянтович (меньшевик) — министр юстиции, С. Прокопович — министр продовольствия, профессор М. Бернацкий — министр финансов, С. Салазкин — министр народного просвещения, Н. Кишкин (кадет) — призрения, С. Смирнов (кадет) — государственного контроля, А. Карташев (кадет) — министр исповеданий, А. Ливеровский — путей сообщения, С. Третьяков — председатель Экономического совета при Временном правительстве, С. Маслов (эсер) — министр земледелия.

Правительство подтвердило, что Предпарламент

> «образуется из 555 членов, приглашаемых в состав совета Временным правительством по представлениям общественных и политических организаций»[1].

Предпарламенту предоставлялось право обсуждать только те законы, «по коим Временное правительство признает необходимым иметь заключение»[2] Предпарламента.

Они пытались остановить революцию.
Карикатура В. Дени.



«Все в прошлом». Чхеидзе председательствует. *Карикатура Пукрынина.*

В итоге, как ни подтасовано было Демократическое совещание, сколько тонких подвохов ни применили эсеро-меньшевики, совещание все же показало наличие политической прострации в рядах соглашателей и полную потерю ими массовой поддержки: эсеро-меньшевики оказались изолированными от масс.

Но на этом не остановился процесс левения трудящихся. Отлив масс от мелкобуржуазных партий повлиял и на состав самих партий: у меньшевиков и эсеров начался раскол. Еще перед самым открытием Демократического совещания — 13 сентября — состоялось чрезвычайно бурное заседание фракции меньшевиков. Обанкротившиеся лидеры обвиняли друг друга в политических ошибках, бичевали себя за допущенные промахи, ссорились и спорили в поисках причин краха меньшевизма и быстрого успеха большевистских идей. На фракции меньшевиков была представлена не единая партия, а по крайней мере три группы, резко выступавших одна против другой. После двухдневных прений 75 членов фракции высказались против коалиции, а 65 — «за». Церетели, таким образом, явно нарушил директиву своей партии, когда официально выступил на съезде за коалицию.

Еще резче проявилось брожение у эсеров. На VII Петроградской губернской конференции, состоявшейся 10 сентября 1917 года, левое крыло эсеров подвергло критике работу Центрального комитета своей партии и при перевыборах губернского комитета получило большинство.

Партии меньшевиков и эсеров раскалывались на две части: низы отходили к революции, а верхи открыто выражали свою преданность буржуазии.

Из эсеровской партии начались массовые выходы рабочих и трудящихся. В партии резко пала дисциплина. Целые группы отказывались подчиняться партийным директивам. Центральный комитет эсеров потребовал, чтобы Савинков явился с ответом по поводу своих связей с Корниловым, но Савинков отказался, получив поддержку большой группы эсеров во главе с преслонутой «революционеркой» Брешко-Брешковской.

Среди эсеров все более крепло левое крыло. Уже на III съезде партии эсеров в мае 1917 года небольшая группа левых опубликовала свою декларацию с протестом против соглашательской политики большинства. Не порывая с партией, левое крыло с мая месяца фактически повело свою независимую от Центрального комитета политику. Во главе левых стало несколько ярких фигур — Спиридонова, Колегаев, Прошьян, Биценко, Натансон, Шрейдер, Камков.

Основные разногласия между левым крылом эсеров и правым шли по вопросу о Временном правительстве и земле. Левые были против коалиции с буржуазией, но и не выдвигали лозунга «Вся власть советам». На советы левые смотрели как на контролирующие органы, повторяя, таким образом, ошибки левых меньшевиков. В аграрном вопросе левые занимали более решительную позицию, выступая за немедленную ликвидацию помещичьего землевладения.

Полное свое разложение партия эсеров скрывала, отколовшихся всячески старались удержать. Когда в эсеровской фракции Предпарламента левое крыло назвало политику партии предательской и покинуло заседание, Центральный комитет эсеров заявил, что с выходом из фракции левые все же остаются членами партии. Но это не могло спасти эсеров, ибо уход рабочих и крестьян из-под влияния эсеров нарастал быстрым темпом. Процесс ухода масс от эсеров, как и от меньшевиков, ускорялся перевыборами советов. Перевыборы же обычно кончались изгнанием из советов соглашателей и переходом советов на сторону большевиков.

Маневры соглашателей оказались обреченными на явный провал.

2.

БУРЖУАЗИЯ В БОРЬБЕ С НАРАСТАЮЩЕЙ РЕВОЛЮЦИЕЙ.

Пока мелкобуржуазные лакеи старались не за страх, а за совесть одурачить массы, буржуазия и помещики лихорадочно собирали силы для нового удара по революции.

Ленин уже давно подчеркивал, что буржуазия пользуется в борьбе с трудящимися двумя методами.

«Буржуазия во всех странах, — писал он в 1910 году, — неизбежно вырабатывает две системы управления, два метода борьбы за свои интересы и отстаивание своего господства, причем эти два метода то сменяют друг друга, то переплетаются вместе в различных сочетаниях. Это, во-первых, метод насилия, метод отказа от всяких уступок рабочему движению, метод поддержки всех старых и отживших учреждений, метод непримиримого отрицания реформ... Второй метод — метод «либерализма», шагов в сторону развития политических прав, в сторону реформ, уступок и т. д.»[1]

Буржуазия действовала всегда «кнутом и пряником», как образно характеризуются эти два метода. Именно «кнут и пряник» с особой полнотой использовала русская буржуазия накануне Октябрьской революции.

Под непосредственным впечатлением разгрома Корнилова и стремительного роста революционных настроений буржуазия поспешила сделать массам ряд уступок. 1 сентября Временное правительство через шесть месяцев после свержения самодержавия, наконец, провозгласило Россию республикой. Как мало значения придавали этому провозглашению — можно судить по тому, что ни одному из иностранных правительств не было сообщено о новой форме правления: перемена вывески была сделана, так сказать, «для внутреннего употребления», все для той же цели — временного успокоения масс.

Уступив то, что рано или поздно и так было бы сметено революцией, буржуазия снова принялась за большевиков, шедших во главе революционных масс. Щедро посыпались гнусные обвинения в шпионаже, в предательстве. Со страниц буржуазных и мелкобуржуазных

Страшное видение. Родзянко: «После сдачи Риги там водворился такой порядок... зеркала городовых».
Карикатура Н. Радлова.

газет хлынула клевета против отдельных лидеров большевистской партии. На заводах и фабриках распространялись провокационные листовки, призывавшие пролетариат якобы от имени большевистской партии к немедленному свержению правительства. Ленин писал по поводу этой бешеной кампании:

«Царизм преследовал грубо, дико, зверски. Республиканская буржуазия преследует *грязно*, стараясь запачкать ненавистного ей пролетарского революционера и интернационалиста клеветой, ложью, инсинуациями, наветами, слухами и прочее и прочее»[1].

Под злобный лай продажной прессы и истерический визг эсеро-меньшевистских газет буржуазия сделала несколько шагов к переходу в наступление. Генерал Корнилов находился еще на свободе, а «республиканский» генерал-губернатор Пальчинский распорядился закрыть большевистскую газету «Рабочий», требовавшую доведения борьбы с корниловщиной до конца. Большевики, арестованные в дни июльского выступления, еще томились по тюрьмам, а сообщники Корнилова, сотрудники гнуснейшего царистского органа «Новое время», и виднейший вдохновитель контрреволюции Гучков были освобождены из-под ареста, куда их посадили солдаты и матросы.

Правительство смелело все больше. 4 сентября Керенский отдал приказ распустить все

комитеты, организовавшиеся для борьбы с Корниловым, и приступить к вооружению всех революционных отрядов. Керенский приказал направить специальную карательную экспедицию генерала Коровниченко в Ташкент, где совет стал фактической властью. Вслед генералу Коровниченко Керенский телеграфировал:

«Предлагаю выехать с возможной поспешностью. Ни в какие переговоры с мятежниками не вступать. Дальнейшие колебания недопустимы. Необходимы самые решительные меры» [1].

Ни «пряник», ни «кнут», однако, не дали результатов: революционный подъем грозным половодьем разливался по всей стране.

Временное правительство уже явно не справлялось с нарастающей революцией. Требуя от своего исполнительного органа решительной политики, всячески помогая своему правительству, буржуазия исподволь готовила другие меры на случай победы революции. Она объединяла свои силы, собирая их в ударный кулак, одновременно вооружая революционный Петроград.

Буржуазия решает прежде всего подготовить к борьбе казачество. Делегация Совета казачьих войск посетила 3 октября заместителя министра-председателя Коновалова, предлагая выделить казаков на выборах в Учредительное собрание в отдельную избирательную единицу. Временное правительство согласилось, хорошо понимая, что это мероприятие позволит верхам сохранить за собой руководство казацкой массой.

Но революционная обстановка Петрограда, бдительный контроль широких масс, следивших за каждым шагом контрреволюции, делали крайне затруднительной подготовительную работу. Буржуазия решила ускорить разворачивание своих сил в казацких районах.

Седьмого октября Кубанская войсковая рада постановила образовать Юго-восточный союз в составе казачьих войск — кубанского, терского, донского и астраханского, горцев Северного Кавказа и степных народов Донской области и Астраханской губернии. Рада довольно откровенно изложила причины и цель своего постановления. Оно должно было предохранить казацкие территории, «здоровые части государства», от общего развала, создать сильную национальную власть в России для борьбы как с внешним врагом, так и с «анархией внутри страны». Генерал Алексеев, один из вождей контрреволюции, прямо писал в одном из директивных писем из Ставки, что выбранное место —

«район относительного спокойствия и сравнительного государственного порядка и устойчивости... Отсюда... как от масляной капли, начнет распространяться пятно желаемого содержания и ценности» [2].

Выполняя план буржуазии, Временное правительство на закрытом заседании 4 октября решило бежать из революционного Петрограда в Москву, более близкую к казацким территориям. Боясь, однако, что пролетариат и революционный гарнизон могут помешать бегству, правительство постановило не сообщать о своем решении Предпарламенту, но подготовить общественное мнение путем предварительных переговоров. На заседании между прочим всплыл вопрос, переводить ли Всероссийский центральный исполнительный комитет советов в Москву. Правительство пришло к выводу, что Всероссийский центральный исполнительный комитет — частная организация, препятствовать переезду его никто не станет, но правительство ни в коем случае не берет на себя подыскание для него квартиры. Мелкобуржуазные лидеры советов отслужили свою службу, и хозяева отделывались от них, как от ненужной челяди, пинком ноги.

Опасения Временного правительства оправдались. Партия большевиков оказалась на страже. Она разъяснила массам маневр правительства, поставившего своей задачей сдать революционную столицу германским войскам, как недавно была сдана Рига, немецкими штыками раздавить революцию в Петрограде, а затем приняться за подавление революции во всей стране.

Именно этот план буржуазии и выболтал Родзянко. Выступая на съезде «общественных деятелей» в Москве с предложением сдать Петроград, Родзянко так объяснял необходимость этой меры:

«Опасаются, что в Петрограде погибнут центральные учреждения. На это я возражал, что очень рад, если все эти учреждения погибнут, потому что кроме зла России они ничего не принесли... После сдачи Риги там (т. е. в Риге. *Ред.*) водворился такой порядок, какого никогда не видали: расстреляли десять человек главарей, вернули городовых, город в полной безопасности, освещен» [3].

Революционные рабочие и солдаты столицы выступили с решительным протестом. Под давлением масс вновь заметались мелкобуржуазные посредники, уговаривая правительство отказаться от переезда в Москву.

Маневрируя, Временное правительство снова пустило в ход «пряник». 6 октября, в самый разгар протестов против эвакуации, правительство постановило распустить IV Государственную думу — влиятельный очаг контрреволюции. Разгона этого черносотенного гнезда рабочие требовали давно, с первых же дней революции. Возмущение действиями правительства было настолько велико, что Керенский вынужден был 12 октября явиться на заседание

Предпарламента, в комиссию по обороне, и заявить, что он не только не собирается уезжать из Петрограда, но даже созовет в нем и Учредительное собрание. Комиссия приняла успокоительную резолюцию, обещавшую от имени правительства защищать Петроград до последней возможности, и предложила Керенскому срочно обратиться с соответствующим воззванием к населению.

Пока в Предпарламенте Керенский бил себя в грудь, клянясь в верности революции, за кулисами продолжалась подготовка к бегству из столицы. Именно в этот день канцелярия Временного правительства разработала план эвакуации. Если даже канцелярия была готова к отъезду, можно себе представить, как далеко зашло выполнение плана.

На следующий день, 13 октября, Керенский уже на заседании самого Предпарламента, опровергая слухи о бегстве правительства из Петрограда, заявил, что печать извратила намерения правительства, которое будто бы никогда и не обсуждало «вопроса о возможности сдачи Петрограда врагу»[1].

Так на виду у всех лгали, изворачивались, клеветали, успокаивали, а втихомолку настойчиво готовили сдачу столицы.

Обнаглевшая контрреволюция открыто выступила со своей программой. 30 сентября в Москве состоялось заседание совета «совещания общественных деятелей», избранного еще до корниловской авантюры на I съезде «общественных деятелей», объединявшем все силы по борьбе с «анархией». На 12 октября был намечен новый съезд «общественных деятелей». М. Родзянко, один из активнейших руководителей «совещания», говорил о съезде:

«Я приписываю огромное значение предстоящему 12 октября съезду «общественных деятелей», который должен открыто, громко и мужественно сказать все, что происходит. Он должен сказать, что власти нельзя сидеть между двух стульев. Или большевики или министерство спасения!»[2]

Родзянко открыто признал, что главной задачей «совещания» является прежде всего ликвидация большевизма. Под этим лозунгом проходило все второе «совещание общественных деятелей». На «совещании» выступали генералы Брусилов и Рузский. Оба указывали на разруху в армии и требовали решительных мер борьбы.

Генерал Брусилов призывал к организации, к объединению всех, кто желает «порядка»:

«Когда вы будете организованы и сильны, вас будут уважать и бояться, и придет тот порядок, которого все мы так жаждем»[3].

Об организации своих сил говорил и первый докладчик на съезде А. С. Белоруссов. Обсуждавшиеся вопросы в сумме своей дали всю программу контрреволюции.

«Первая и основная задача, — говорил докладчик, — увеличить организованность тех элементов, которые объединяются в совещании, обратить тот зародыш, который существует теперь, в густую сеть, покрывающую всю страну и объединяющую всех государственно и национально мыслящих»[4].

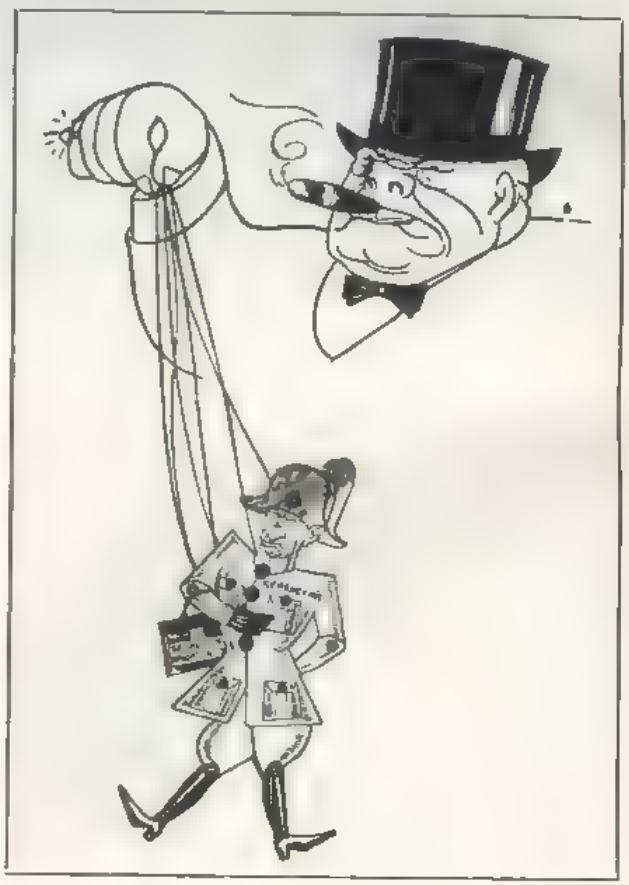
По земельному вопросу выступил представитель Всероссийского союза землевладельцев Димитренко, потребовавший от правительства решительной борьбы с крестьянским движением.

Контрреволюция отказалась не только от какого бы то ни было решения аграрного вопроса, но и настаивала на сохранении всех земель за помещиками. Союз землевладельцев требовал от Временного правительства:

1) чтобы оно в спешном порядке издало закон о вознаграждении помещиков за убытки от крестьянских погромов;

2) отказалось от института выборных комиссаров и назначало комиссаров на места из

«Незаменимый» премьер. *Карикатура В. Дени*



центра с ответственностью только перед центральной властью;

3) чтобы комиссарам была обеспечена возможность охранять личность и имущество граждан, для чего им должна быть предоставлена реальная сила.

По военному вопросу делегаты «совещания» выдвинули ту же программу, что и Корнилов: восстановление власти генералитета и ликвидация комиссаров и армейских комитетов. «Совещание» потребовало немедленно восстановить отдание воинской чести, восстановить дисциплинарную власть начальства всех степеней. Резолюция требовала очистить корпус офицеров от

«повторяющего его элемента, который в последнее время участвует во всех движениях солдатских масс»[1].

Делегаты «совещания» требовали признать за союзом офицеров армии и флота права государственного учреждения. Контрреволюционеры требовали от Временного правительства вернуть в армию генералов и офицеров, уволенных после Февральской революции.

Таким образом, по основным вопросам текущей политики «совещание общественных деятелей» приняло решения, полностью совпадающие с предложениями Корнилова.

Съезд не только восстановил программу Корнилова, но и наметил форму организации, могущей обеспечить выполнение намеченной программы.

«Выход один, — говорил на съезде докладчик по вопросу о местном самоуправлении, — приостановка конституционных гарантий и переход на время к тому, что именуется исключительным положением. Выход тяжкий, но в иные моменты — неизбежный. Но это военное положение не может, конечно, вводиться местными органами, хотя бы и именовались они советами рабочих депутатов или иными органами так называемой революционной демократии... Такое положение должно быть твердо нормировано законом и должно осуществляться одним лицом»[2].

Военная диктатура — вот что должно было спасти страну от революции.

Одновременно со съездом «общественных деятелей» заседали в Москве съезд кадетской партии, съезд городов и кооперации. Их делегаты принимали участие в съезде «общественных деятелей», программа которого стала программой всей контрреволюции. Достаточно привести содержание одной только кадетской платформы, разработанной Милюковым, чтобы получить ясную картину требований врагов народа:

1. Война до победного конца в согласии с союзниками. Отказ от каких бы то ни было антианнексионистских демократических заявлений, даже в духе всеро-меньшевистского наказа.

2. Восстановление боеспособности армии: путь к этому — сведение функций армейских комитетов к хозяйственным и культурно-просветительным, установление дисциплинарной власти начальников.

3. Единство власти и независимость ее от советов.

4. Сила и военный характер власти.

5. Восстановление власти в провинции.

6. Независимый суд.

Опубликовав свою программу, корниловцы приступили к выводу революционных войск из Петрограда на фронт. Штаб Петроградского военного округа разослал приказ о переформировании и отправке на фронт частей гарнизона Петрограда под предлогом неотложных военных нужд.

Не удалось бежать из революционной столицы — решили очистить ее от революционных войсковых частей и тем развязать себе руки. Что дело шло именно о развязывании рук, а не об обороне, это подтверждает переписка между военным министром и главнокомандующим Северного фронта.

«Инициатива присылки войск петроградского гарнизона, — отвечал в секретной телеграмме командующий Северным фронтом генерал Черемисов военному министру и начальнику штаба генералу Духонину, — *шла от вас, а не от меня.* На ваше предложение... я ответил согласием и просил прислать все боеспособные части. Когда выяснилось, что части петроградского гарнизона не желают итти на фронт, т. е. что они не боеспособны, то я в частном разговоре с вашим представителем — офицером — сказал, что ввиду обнаруженного этими частями нежелания итти на фронт они с оперативной точки зрения не явятся находкой для нас, так как, повидимому, с ними будет много хлопот... но ввиду выражаемого вами желания отправить их на фронт я не отказывался от них и не отказываюсь от них теперь, если вы попрежнему признаете вывод из Петрограда необходимым...»

Генерал, в распоряжение которого посылали войска, откровенно заявил, что эти части не представляют ценности для целей обороны, но он примет их только потому, что правительству нужно избавиться от них.

Новая мера правительства вызвала в народе еще более резкий отпор, чем попытка бежать из Петрограда. Полки отказались выполнить приказ штаба, а некоторые, например, Финляндский резервный полк гвардии, выразили недоверие Временному правительству и потребовали передачи власти советам.

В борьбе против провокационной политики Временного правительства еще раз сказался предательский характер соглашателей. Получив недавно пинок при подготовке бегства правительства, они, как побитые собаки, снова полезли лизать хозяйский сапог. 9 октября, в день опубликования приказа о выводе войск из Петрограда, собрался исполнительный комитет Петроградского совета, где эсеро-меньшевики (13 голосов против 12) протащили резолюцию, призывавшую гарнизон «энергично готовиться на случай необходимости вывода частей гарнизона из Петрограда для защиты подступов к нему»[1]. Для организации защиты столицы эсеро-меньшевики рекомендовали выбрать комитет революционной обороны.

Вслед за заседанием исполнительного комитета немедленно собрался Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов. Делегаты подавляющим большинством отвергли меньшевистскую резолюцию и приняли предложение большевиков:

«Правительство Керенского губит страну... Спасение Петрограда и страны — в переходе власти в руки советов...»[2]

Двенадцатого октября на закрытом заседании исполнительного комитета Петроградского совета всеми голосами против двух возражавших меньшевиков постановлено: войск не выводить из Петрограда и организовать Военно-революционный комитет советов. По положению, тут же утвержденному, в задачи Военно-революционного комитета входило: определение минимума сил, необходимых для обороны столицы и не подлежащих из нее выводу, учет и регистрация гарнизонов Петрограда и его окрестностей, охрана города от контрреволюционных погромов, поддержание в рабочих массах и солдатах революционной дисциплины, вооружение рабочих. В состав Военно-революционного комитета должны были войти президиумы Петроградского совета и солдатской секции, представители ряда военных, рабочих и партийных организаций. Решено было организовать при Военно-революционном комитете гарнизонное совещание для связи с частями. 13 октября солдатская секция совета большинством 283 при одном против и 23 воздержавшихся утвердила проект организации Военно-революционного комитета.

Обороняясь от провокационного нападения контрреволюции, революция вступила на путь наступления. Вооружение рабочих и создание Военно-революционного комитета означали подготовку атаки на буржуазное правительство.

Временное правительство так это и поняло. В ту же ночь 13 октября на заседании правительства было сообщено об образовании Военно-революционного комитета. Главнокомандующий Петроградского военного округа Полковников доложил, как прошел день в казармах и рабочих кварталах. Было постановлено: принять ряд мер к охране столицы, выступление большевиков подавить вооруженной силой, поездку Керенского на фронт отложить.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

РАССТАНОВКА БОЕВЫХ СИЛ КОНТРРЕВОЛЮЦИИ НАКАНУНЕ ВЕЛИКОЙ ПРОЛЕТАРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

1.

БУРЖУАЗНЫЕ УДАРНЫЕ ОТРЯДЫ.

Временное правительство копило боевые силы для разгрома революции. Как ни быстро генеральские верхи теряли руководство солдатами, буржуазия ни на минуту не оставляла попыток использовать армию в борьбе против революционных сил. Судьба революции решалась фронтом, где под ружьем стояло около 10 миллионов рабочих и крестьян. Это одинаково понимали и буржуазия и большевики. Вот почему контрреволюция вела такую упорную борьбу за армию вплоть до Октябрьской революции, а также и после нее.

Северный и Западный фронты контрреволюция признала распропагандированными, но, признав это, разумеется, не сложила рук. Генералитет все еще хватался за всякую возможность сохранить руководство частями. Но на Северном и Западном фронтах революция зашла так далеко, что правительство Керенского и военщина уже понимали: игра их здесь безнадежна.

Почти в такой же мере для контрреволюции был безнадежен и Юго-западный фронт.

Не то было на других фронтах, в особенности на Румынском. Кавказский фронт, как оторванный от страны, особого значения не имел.

Румынский фронт находился вдали от революционных и промышленных центров. Солдат Румынского фронта, окруженный населением, не понимающим русского языка, оставался

с глазу на глаз со своим реакционным офицерством. Большевистских газет на фронт не пропускали, преподнося солдатам буржуазное «чтиво». Солдат И. И. Васильев, участник одной армейской делегации, приехавший из Петрограда, так описывает картину, которую он застал на фронте:

«Приехав на Румынский фронт, мы увидали, что офицерство и соглашатели ведут там лихорадочную подготовку к наступлению, организуя ударные батальоны и батальоны смерти. В войсковых частях царил старый режим: ни одной большевистской газеты, и велась самая отчаянная травля большевиков. До того доходили в своей травле, что самое название «большевик» объясняли от слова «большак», т. е. кулак, говоря, что «большевики» хотят посадить на престол обратно Николая II» [1].

Изолированность армий Румынского фронта от революционной среды делала их удобными для целей контрреволюции.

Но основное все же заключалось не в этом. Рядом с русской армией, вернее, в ее тылу, были размещены румынские части. Мало затронутые революцией, они по распоряжению командующего фронтом генерала Щербачева образовали полицейский кордон, который не пропускал на фронт «подозрительных». Румыны вместе с казаками разоружали части, выступавшие против командиров. Под угрозой румынских пулеметов и пушек не раз приводились «в чувство», как цинично выразился генерал Щербачев, наиболее революционные полки. Реакционное командование мечтало об использовании армий Румынского фронта для борьбы с революцией. Сюда стекались офицеры, выгнанные с других фронтов. Под прикрытием румын генерал Щербачев формировал ударные офицерские отряды; некоторые из них впоследствии приняли участие в гражданской войне на стороне белогвардейцев.

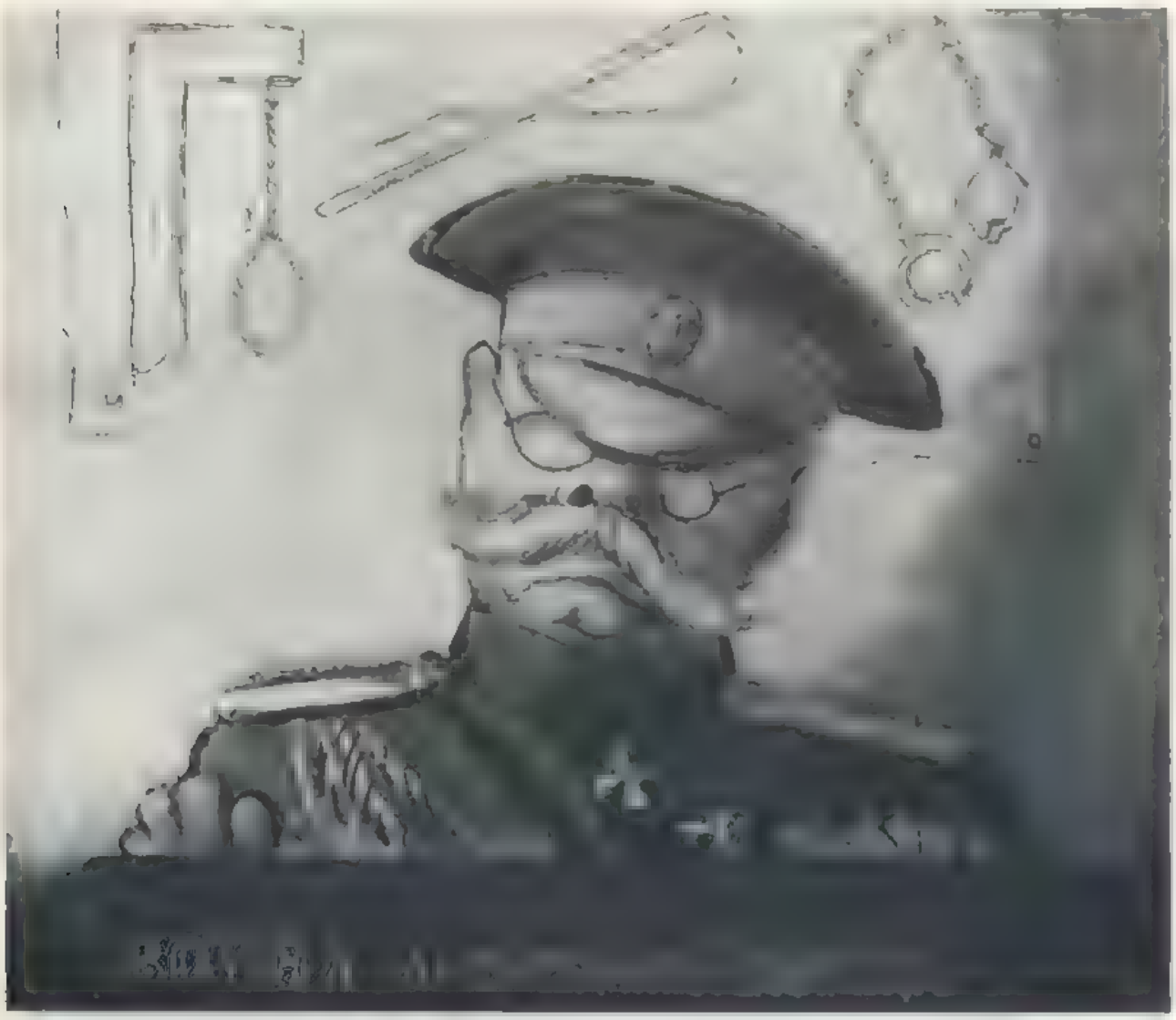
Тем не менее и здесь революционное движение пробилось на поверхность. Большевистские настроения были занесены эшелонами, присланными в августе из Сибири. Сыграла свою роль и авантюра Корнилова: одним ударом она вскрыла противоречие между офицерством и солдатской массой. К концу сентября сводки Румынского фронта отмечали то же, что давно уже было на других фронтах. Вот, например, донесение полковника Дроздовского, того самого, который позже командовал частями у Деникина, — донесение о положении в одной из наиболее «крепких» фронтовых частей:

«В полку началось проникновение большевистских лозунгов через газету «Прибой», орган Гельсингфорсского комитета РСДРП. Принять меры против попадания газеты в полк не могу, так как она проникает в полк тайным путем, по почте, в письмах... За последнюю неделю было несколько случаев единичного неповиновения и попытки к неповиновению массовому; были подстрекательства к неисполнению законных распоряжений. По этим случаям ведется дознание, виновные будут преданы суду, но обнаружение зачинщиков очень затруднится укрывательством и сочувствием им солдатской массы. Привлечение их к суду вызывает среди солдат глухое недовольство; всякое законное требование, стесняющее разнузданность, всякое требование порядка, законности они именуют «старым режимом»... Развращенные безнаказанностью, отменой обряда чинопочитания, солдаты позволяют себе в разговорах с офицерами наглые обвинения их в том, что они стоят за войну, так как получают большое жалование; в солдатской же среде главное настроение — нежелание воевать, непонимание, вернее, нежелание понимать необходимость продолжать войну» [2].

Когда читаешь этот документ, можно подумать, что речь идет не о конце сентября, а о первых месяцах революции. На Северном и Западном фронтах такие сводки составлялись еще до выступления Корнилова. В конце сентября там шла речь не о «единичных случаях» и даже не о «попытках массового неповиновения», а о полном выходе солдат из повиновения. Но затянуть процесс революционизирования масс не значило вовсе его ликвидировать. Румынский фронт несмотря на благоприятные для реакции условия вопреки всем ухищрениям генералитета и соглашателей шел по пути остальных фронтов.

Меры, которые применялись в армии эсерами и меньшевиками, явно не достигали цели: армия с нарастающей быстротой уходила из-под руководства генеральской верхушки. Нужны были иные средства, чтобы задержать этот процесс. Генералитет фронта, не отказываясь от услуг мелкобуржуазных соглашателей, решил испытать новую меру: сковать расползающуюся по швам армию с помощью ударных отрядов.

Еще в мае генерал Брусилов, командовавший Юго-западным фронтом, послал в Петроград полковника Яснопкова и «фиктивного моряка» Баткина ходатайствовать о создании добровольческих батальонов для пополнения фронта. Генералу пришли на помощь мелкобуржуазные лидеры: 16 мая съезд комитетов Юго-западного фронта принял резолюцию о необходимости пополнить армию добровольческими формированиями. Генерал Брусилов немедленно утвердил резолюцию и в тот же день послал вдогонку делегации сообщение, что идея поддерживается



Генерал Алексеев. *Карикатура Кукрыниксы.*

фронтом. Насколько спешила контрреволюция, можно судить по тому, что делегатам не успели даже выдать удостоверений.

Предложение Брусилова быстро было подхвачено другими командующими: уже 18 мая генерал Деникин телеграфно просил военного министра допустить делегацию черноморских моряков в запасные полки петроградского и московского гарнизонов, чтобы

«после горячего призыва вызвать желающих поступить в... батальоны...» «Желательно приступить к действию до возвращения военмина, ибо каждый день дорог» [1], — так торопил Деникин с формированием ударных частей.

Двадцатого мая, всего через четыре дня после проявления первой инициативы, генерал Брусилов доносил военному министру и верховному главнокомандующему, что

«мероприятия для создания ударных групп на фронте армий уже проводятся мной в широких размерах» [2].

Инициатива фронтовых генералов вызвала было некоторое сомнение у верховного главнокомандующего генерала Алексеева. Алексеев сомневался в пригодности вновь формируемых частей. Но сомнения главкома, видимо, скоро рассеялись, ибо сколачивание ударных батальонов быстро подвинулось вперед. В Петрограде был создан Всероссийский центральный

исполнительный комитет по организации добровольческой армии, который стал открывать свои отделения в крупных центрах.

Ударные части сразу были выделены из армейской массы: их лучше питали и снабжали. Добровольцы-ударники сохраняли свои прежние должности и содержание, а в случае смерти их семьям назначалась пенсия. В ударных батальонах действовал измененный устав и вовсе не применялся приказ № 1. Ударным частям было присвоено особое знамя — черно-красное, где красный цвет символизировал революцию, а черный — готовность умереть, но, разумеется, не за революцию, а за своего командира, ибо ударник присягал «исполнять безропотно и без протеста на службе и в бою все приказания поставленных над ним начальников».

Армейская масса быстро разгадала характер новых формирований, начатых и осуществляемых помимо советов. Ряд прифронтовых советов высказался против создания ударных батальонов. Причины отрицательного отношения к ним особенно ясно были изложены в резолюции Псковского исполнительного комитета рабочих и солдатских депутатов.

«Как самый способ вербовки добровольцев, — писали псковичи, — так и предусматриваемая для них уставом лучшая материальная обеспеченность сравнительно с другими их товарищами по армии ставят батальоны в особо привилегированное положение; устав имеет в виду внутреннюю организацию батальонов, расходящуюся с декларацией прав солдата-гражданина; политическим и стратегическим целям образования батальонов, неопределенно сформулированным в уставе, легко может быть придано истолкование, не соответствующее стремлениям революционной демократии; изолированность положения и особенности задач батальонов не исключают также опасности их действий, не совпадающих с господствующим в армии течением»[1].

Классовое чутье не обмануло солдатские массы: генералы скоро открыли тот секрет, с помощью которого были рассеяны сомнения генерала Алексеева. На второй день после ликвидации июльского выступления Брусилов, ставший к этому времени главкомом, послал Корнилову, Деникину, Щербачеву и другим сообщение о происходивших событиях. Брусилов заключал:

«События идут с молниеносной быстротой. Повидимому, гражданская война неизбежна и может возникнуть ежеминутно... Настало время действовать энергично... Полагаю, что действительным средством для этого явится формирование, или, вернее, *отбор испытанных и надежных в смысле дисциплины войск, которые могли бы явиться опорой для власти, принявали бы ее и сознательно или не по пути захвата личных прав, а действовали бы во имя* спасения родины от анархии и развала... »[2]

Ударные батальоны создавались не для борьбы с внешним врагом, а против «анархии и развала», как генералы называли революцию.

Новому начинанию обещали поддержку и мелкобуржуазные лидеры. Комиссар Северного фронта Станкевич к плану Брусилова добавил предложение организовать в тылу фронта корпус, если не целую армию, вполне надежную в смысле боеспособности.

Будущие вожди и герои контрреволюции быстро принялись выполнять директиву главкома. Генерал Щербачев требовал организации одного ударного батальона на каждый полк.

Назначенный верховным главнокомандующим генерал Корнилов целиком взял дело в свои руки и потребовал перевода в Ставку центра формирования ударников. К началу корниловской авантюры на фронтах уже было создано 33 ударных батальона и один дивизион: на Северном фронте было 7 батальонов; на Юго-западном — 14 и 1 полк (3 батальона); на Западном — 7 батальонов и 1 дивизион; на Румынском — 2 батальона.

Требуя разгона и разоружения Красной гвардии, контрреволюция готовила свою белую гвардию.

На фронте ударники терроризировали армейские части, разоружали полки и батальоны, отказывавшиеся наступать. В тылу они разгоняли демонстрации, громили рабочие организации. Классовые отряды контрреволюции нередко брали на себя и роль политической полиции. Волей генералов начиналась война внутри самой армии. 16 июля 1917 года один из ударных батальонов Юго-западного фронта расстрелял без суда и следствия двух рабочих в пятой инженерно-строительной дружине, принудительно заставив всю дружину присутствовать при расстреле. Белая гвардия показывала образцы дикого террора, бессудных расстрелов, неимоверной жестокости задолго до открытой гражданской войны.

Неудача корниловского наступления изменила форму и характер создания классовой военной опоры контрреволюции. Но провал корниловщины не прекратил и даже не задержал надолго лихорадочной деятельности по формированию ударников. Контрреволюция лишь временно сократила размах своей деятельности, стараясь прежде всего сохранить кадры белой гвардии. Ударные батальоны переводились в другие районы, вливались на время в чужие полки, придавались неударным частям либо меняли наименование. Новое «крещение» производилось

с благословения и при прямой поддержке Временного правительства — лишнее доказательство, что правительство Керенского с не меньшим правом, чем Центральный комитет партии кадетов или Ставка, являлось штабом контрреволюции. Буквально в самый день ликвидации корниловского выступления генерал Алексеев телеграфировал Керенскому:

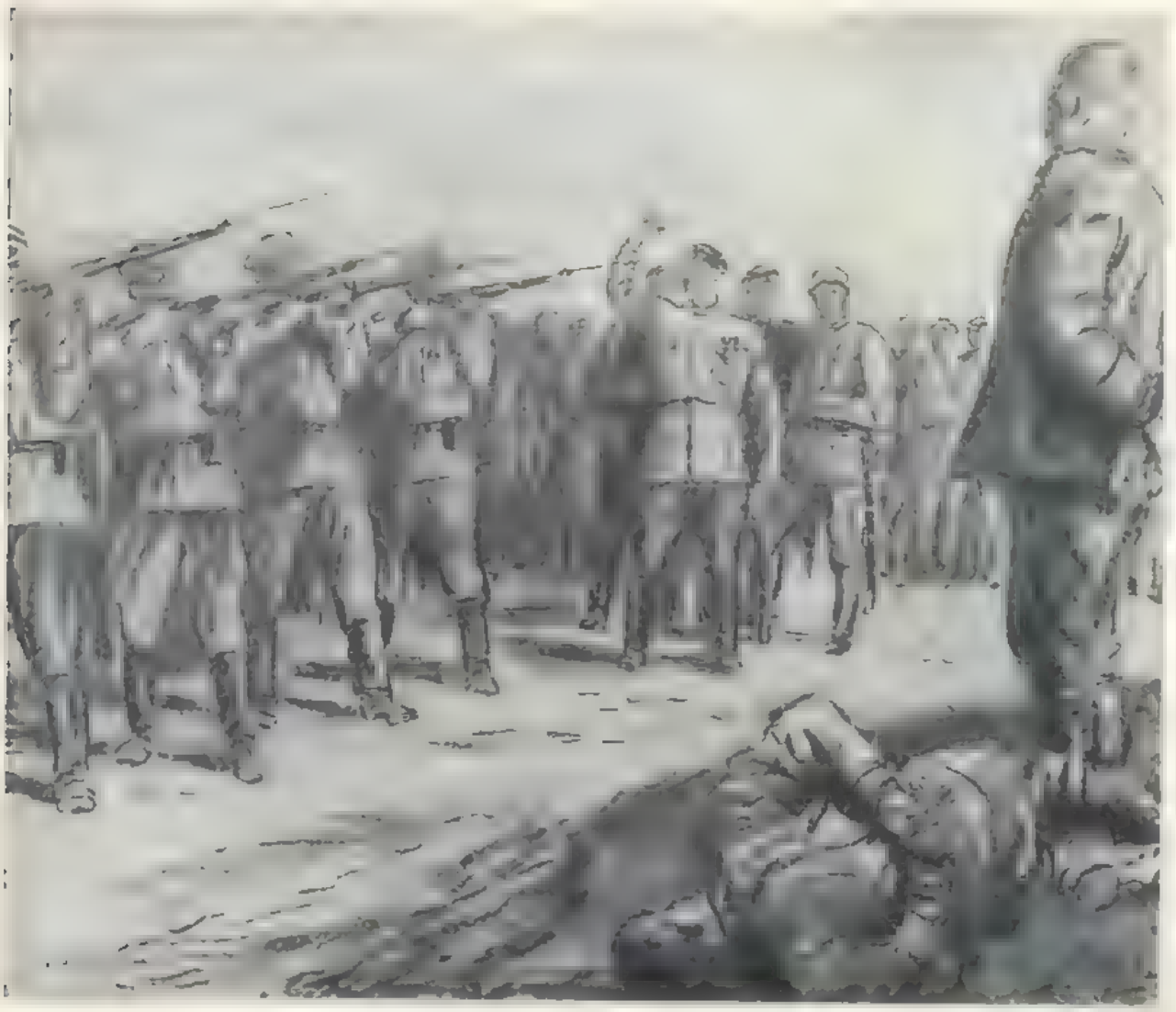
«В составе наших вооруженных сил имеется корниловский ударный полк трехбатальонного состава, успевший за короткое время своего существования заслужить себе почетное имя своей доблестью в боях. Присвоенное полку наименование, привлечение его в последние дни в Могилев (где находилась Ставка. *Ред.*) ставит полк в исключительно трудное положение среди других войсковых частей армии, которые, как нужно опасаться, отнесутся с незаслуженным недоверием и подозрительностью к этому полку... Полагал бы соответственным, не расформировывая этой прочной духом части, отправить ее или во Францию, или в Салоники, или в крайности на Кавказский фронт...»[1]

В ответ на просьбу генерала Алексеева Керенский телеграфировал в Ставку 6 сентября:

«Признаю необходимым теперь же *вывести* из Могилева корниловский батальон смерти. Прошу дать соответствующие распоряжения»[2].

Керенский даже не потребовал расформирования корниловской части, а только рекомендовал

Расстрел большевиков ударниками-корниловцами. *Рис. Д. Шмаринова*



вывести ее из Могилева. Опираясь на Керенского, Алексеев приказал переименовать корниловцев в 1-й Российский ударный полк и прикомандировать его к чехо-словацкой дивизии. Именно этот спасенный Керенским полк после Октябрьской революции пробился на Дон и стал основой лучшей части белой армии — корниловской дивизии.

Ликвидация корниловского выступления задержала подготовку белых кадров на очень короткое время. Под прикрытием Временного правительства контрреволюция скоро вновь развернула лихорадочную деятельность. Ставка не только сохранила ударные батальоны, но постаралась узаконить их, превратив Центральный исполнительный комитет по формированию ударных частей из номинально общественной организации в отдел штаба.

Контрреволюция под прикрытием эсеро-меньшевиков пыталась проникнуть для создания своих частей даже в рабочую среду. В конце сентября начальник штаба Петроградского округа генерал Багратуни сообщал штабу Северного фронта:

«В Петрограде сформирован отряд добровольцев Обуховского завода. Прекрасная, вполне сплоченная и организованная часть... Признавая крайне желательным сохранить названную вполне здоровую часть, ходатайствую о направлении ее в район фронта для окончательного доформирования... Отряд численностью около тысячи человек...»[1]

Рабочий отряд спешили вывести из революционной столицы, боясь, что большевики отвоюют его у реакции. Но на фронте несмотря на повторные уверения, что часть в «прекрасном, вполне здоровом состоянии», боялись, как бы «вполне здоровая часть» не принесла с собой накаленной атмосферы революционного центра. Северный фронт наотрез отказался принять рабочий батальон, настаивая на его расформировании. Идя на крайнюю уступку, начальник штаба Северного фронта предложил присоединить рабочий батальон ко второму отряду увечных воинов, считавшихся в числе преданных правительству частей. Пока, однако, шла переписка между штабами, революция отвоевала батальон у реакции. На предложение Ставки сформировать полк из обуховских рабочих, взяв за основу добровольческий батальон, последовал меланхолический ответ: «Надо полагать, что в настоящее время он вошел в состав Красной гвардии»[2]. Революционные события развивались темпами, которые опережали всякие мероприятия контрреволюции.

Провал попытки с помощью эсеро-меньшевиков увлечь обуховцев в ударные батальоны не обескуражил генералов. Продолжая лихорадочную деятельность по формированию ударных батальонов, контрреволюция создала отделения своих штабов по формированию в 85 крупнейших центрах страны, не считая прифронтовой полосы. К концу октября в распоряжении контрреволюции было 40 ударных батальонов и один дивизион — более 50 тысяч прекрасно вооруженных и снабженных бойцов.

Ударные батальоны легко могли быть брошены против любой части фронта, они быстро могли захватить узловые центры и помешать передвижению революционных частей.

На положении ударников находились и георгиевские батальоны из солдат, получивших за боевые заслуги так называемый георгиевский крест. Организация георгиевцев в батальоны началась, примерно, одновременно с созданием ударных частей. Отобранные по принципу безусловной поддержки Временного правительства, георгиевцы наряду с ударниками разоружали революционные полки, во время боев подгоняли с тыла части, конвоировали маршевые роты. Формированием георгиевских батальонов ведал Союз георгиевских кавалеров, работавший в полном контакте со Ставкой.

С приходом в Ставку Корнилова решено было формирование георгиевских батальонов поставить на широкую ногу. 12 августа Корнилов отдал приказ главкомам фронтов сформировать из георгиевских кавалеров при каждом фронте по одному пехотному запасному полку. Полки георгиевцев располагались в Пскове, Минске, Киеве и Одессе и сводились в одну бригаду, начальник которой подчинялся непосредственно генералу Корнилову, а самый штаб бригады помещался в Могилеве.

Георгиевские батальоны, как и ударные, создавались для борьбы с революцией: батальон, стоявший в Могилеве, принял участие в корниловской авантюре, ряд других батальонов был двинут против революции в решающие дни Октябрьской революции, а Киевский георгиевский батальон пробрался на Дон, где вместе с корниловским полком послужил основой для Добровольческой армии.

Буржуазия и социал-соглашатели, готовя кулак против революции, пытались создать ударные формирования даже из инвалидов и женщин. В июне месяце в Петрограде образовался «женский союз помощи родине», обратившийся с призывом к женщинам — создать «батальоны смерти» для борьбы на фронте. Буржуазная пресса подхватила призыв, развернув исключительную по размаху агитацию. В первый же месяц записалось в батальоны около 300 женщин. Жена Керенского заявила о своем уходе на фронт сестрой милосердия.

Шумиха вокруг «женских батальонов смерти», однако, скоро утихла, ибо непосредственное

боевое значение женских формирований было очень невелико. Не помогли ни буржуазная пресса, ни поддержка Ставки, ни участие в движении крупнейших представителей контрреволюции. Все женское движение свелось к сформированию одного батальона, и 17 октября главное управление Генерального штаба постановило прекратить вербовку женщин, а уже организовавшие батальоны расформировать.

Единственный сформированный батальон так и не выступил на фронт — там действовало, и то мало удачно, лишь несколько небольших отрядов. Но зато в дни Октябрьской революции батальон принял участие в защите Зимнего дворца.

Создание батальонов и полков из инвалидов, или увечных воинов, как они себя называли, шло с меньшей шумихой, но с теми же результатами.

Немногие отряды, которые удалось сформировать, приняли небольшое участие в борьбе на фронте, но были широко использованы контрреволюцией внутри страны.

2.

ОФИЦЕРСКИЙ КОРПУС.

В ударных отрядах контрреволюция видела силу, с помощью которой ей хотелось сдержать разлагающуюся армию, а в случае необходимости — использовать ее для борьбы с революцией в тылу. В самой армии реакция стремилась прежде всего сохранить за собой офицерство.

Под непосредственным впечатлением Февральской революции генералитет попробовал удержать за собой армейские массы, создав общие комитеты для офицеров и солдат.

Но из этого ничего не вышло. Приказ № 1 потребовал создания комитетов только из представителей нижних чинов и тем самым сразу подорвал значение офицерства в армии.

Контрреволюция нашла другой путь. При Ставке был образован Главный комитет союза офицеров армии и флота якобы с целью защиты профессиональных интересов офицерства. На деле союз стал одной из крупнейших политических организаций контрреволюции. Он вдохновлял офицеров, потерявшихся было в бурные дни революции, давал им политическую установку, помогал материально тем, кто был изгнан из полков. В уставе союза главной задачей его деятельности признавалась

«борьба со всякой пропагандой отдельных лиц и групп, имеющей целью расстроить основу армии и флота, а также противодействие выступлениям отдельных лиц и групп, имеющих целью расстроить основу армии и флота...»[1]

Борьба с большевиками стала в центре деятельности союза. Главный комитет союза офицеров рассылал тысячи воззваний и резолюций, призывающих к борьбе с «большевистской анархией». Офицеров, близких к партии большевиков, объявляли врагами народа, предателями, заносили на черную доску. По всем армиям Главный комитет рассылал телеграммы с требованием сообщить ему списки офицеров-большевиков.

Следует отметить, что союз, т. е. номинально общественная организация, обращался непосредственно к начальникам штабов, не скрывая при этом своих политических задач: Главный комитет был уверен, что лица, к которым он адресовался, уже по одному своему положению должны разделять взгляды союза. Когда же штаб 6-й армии, видимо, усомнился в этом, Главный комитет прочитал ему нотацию:

«Главкомитет союза офицеров может лишь удивляться отказу вашему сообщать ему сведения об офицерах, опозоривших себя большевистской деятельностью»[2].

При этом Главный комитет послал для сведения копию своей нотации в Ставку, чтобы обратить внимание верхов на строптивый штаб.

Вообще в Ставке союз пользовался исключительным влиянием. Ни один политический документ не выходил из Ставки без авторитетной консультации Главного комитета. Так комитет 12-й армии — далеко не большевистский — телеграфировал в Ставку:

«По имеющимся сведениям все мало-мальски демократические проекты, попадая в Ставку, выходят оттуда в искаженном виде при ближайшем участии союза офицеров»[3].

Главный комитет превратился в законодательный орган при Ставке. Недаром председателем союза состоял генерал Алексеев, бывший начальником штаба при Николае II.

Союз терроризировал офицеров, угрожая бойкотом тем, кто отказывался вступить в число его членов. Такими мерами союзу удалось охватить большую часть офицерства и выступить крупным органом контрреволюции. Не было ни одного реакционного начинания как в армии, так и в тылу, где бы союз офицеров не принял самого деятельного участия. Шла ли речь о восстановлении смертной казни — союз разражался целым дождем телеграмм, угроз, петиций, докладов, писем, настаивая на немедленном введении смертной казни. Нужно ли было создать авторитет генералу, которого выдвигали в диктаторы, — союз выступал в роли советника, рассылая биографию генерала, посылая ему приветственные телеграммы, обещая всемерную поддержку. И все это делалось от имени офицерства в целом, хотя известная его часть не поддерживала реакционной политики союза, а некоторые давно порвали даже с соглашателями.

Огромную кампанию развернул офицерский союз при подготовке выступления Корнилова, приняв в генеральском заговоре самое деятельное участие. Союз вел переговоры с казачьей верхушкой, посылал своих представителей в Союз георгиевских кавалеров, связывался с реакционными организациями буржуазии в Петрограде и Москве. Представление о его деятельности может дать резолюция, принятая на объединенном чрезвычайном собрании Главного комитета совместно с конференцией георгиевских кавалеров 10 августа 1917 года:

«В самом начале русской революции со стороны неведомых родине людей, руководимых «друзьями», прибывшими из Германии, было предложено протянуть «братскую» руку в стан наших смертельных врагов — австро-германцев. Враги наши ухватились своими окровавленными русской кровью руками за протянутую братоубийственную руку и, перейдя на землю отцов наших, затоптали могилы миллионов бойцов, честно павших за Россию. Пять месяцев страдала наша родина под братоубийственным пожаром и превратилась в посмешище всего мира...»[1] —

и так далее, все в том же погромно-патриотическом духе. Кончалась резолюция клятвой: союз офицеров обещал бороться до тех пор,

«пока огражденная нашим мощным союзом Россия не восстанет честная на позора, победная из поражений, нетленная в своем величии и свободе»[2].

Из Ставки эта резолюция рассылалась по всем армиям. Бездарные генералы, ведшие войска от поражения к поражению, клялись победить, лишь бы разрешили им восстановить в армии старый крепостнический строй и быт. Продажные интенданты, воры, обкрадывавшие солдат, клялись сделать армию честной, лишь бы их снова пустили к бесконтрольному распоряжению солдатским рационом.

Провал корниловской авантюры вскрыл контрреволюционную суть союза офицеров, обнажив генеральское лицо руководителей «демократической» организации. По армии, которая уже давно с тревогой смотрела на деятельность союза, прокатилась волна протеста. В многочисленных резолюциях требовали разогнать это генеральское гнездо и посадить руководителей на скамью подсудимых вместе с Корниловым.

Временное правительство, однако, не имело намерения распустить союз. Оно знало, что потоки революций армейских комитетов не причинят вреда организации и она устоит. Эсеро-меньшевики, мечущиеся между верхушкой армии и ее низами, больше трепещущие перед первой, чем перед вторыми, часто принимали резолюции исключительно под давлением масс. Бумажный дождь можно было переждать, отсидеться. Не то было со взрывом стихийной солдатской ненависти к офицерскому союзу. Протесты солдат кое-где вылились в беспощадные самосуды. Солдаты, особенно матросы, расстреляли десятки наиболее ненавистных офицеров.

Но тут на помощь Главному комитету союза офицеров пришло правительство. В архивах сохранилась чрезвычайно интересная запись разговора по прямому проводу начальника кабинета военного министра Барановского с генералом Лукомским, виднейшим руководителем контрреволюции. Барановский поучал генерала Лукомского:

«Считаю необходимым лично от себя добавить, что, зная работу союза офицеров, я уверен, что *Керенскому и комитету союза офицеров совершенно по дороге*, но методы прохождения пути глубоко различны, и в частности избранный комитетом путь прямо невозможен и недопустим, ибо только осложнит положение и создает затруднения деятельности Керенского, портит и самому себе, так как в Петрограде не только в демократических органах, но и во всех кругах создается впечатление, что комитет союза ведет странную игру и является гнездом реакции...»[3]

Оказалось, что вождю «революционной демократии» Керенскому и комитету союза офицеров «совершенно по дороге». Барановскому не нравилось лишь, что Главный комитет идет напролом в подготовке диктатуры и тем «создает затруднения деятельности Керенского».

Правительство не могло пойти на роспуск союза. Такой акт мог оттолкнуть весь генера-

литет армии, и без того настроенный недоверчиво к Керенскому. Союз офицеров уцелел. Главари его временно прекратили накопление новых кадров, надеясь скоро заняться широкой политической работой. Опекаемый правительством союз офицеров при Ставке превратился в своеобразный пересыльно-вербовочный пункт контрреволюционных сил. Руководитель союза генерал Алексеев развернул большую работу по собиранию и переброске белогвардейцев в районы Дона и Кубани, в распоряжение казачьего атамана генерала Каледина. Делегаты союза посещали отдельные армии, пользуясь официальными командировками.

По мере нарастания революции деятельность союза становилась активной и открытой. Оправившиеся от недавнего разгрома офицеры кое-где начали выступать с корниловскими требованиями. В ряде армий произошли офицерские съезды. Командиры требовали усиления борьбы с большевиками и прекращения травли офицеров. Насколько осмелели деятели союза, можно видеть по резолюции офицерского съезда 10-й армии:

«Так как главным основанием всеобщей разрухи в армии послужило посеянное среди солдат недоверие к офицерам, то Временное правительство должно ясно и определенно, особым актом еще раз заявить о своем доверии к офицерству, честно исполняющему свой долг перед родиной и революцией... Офицерство является не врагом солдата, а другом русской революции. *Политическая борьба не должна иметь места в рядах армии, но члены общества свободны в принадлежности к любой из политических партий*... Мы обращаемся к Временному правительству помочь нам проведением в жизнь намеченных выше мероприятий и *деятельной борьбой с большевизмом*, пользуясь для этого отдельными частями, не потерявшими боеспособности, иначе и этот новый подвиг офицерства не достигнет цели»[1].

В предчувствии решающей схватки офицеры заговорили языком своего недавнего вдохновителя генерала Корнилова.

Особо надо отметить работу союза офицеров в юнкерских училищах и школах прапорщиков. Всего в старой армии насчитывалось 26 юнкерских училищ. Большая часть их была расположена в крупных центрах: в Петрограде — 8, в Киеве — 4, в Москве и Одессе — по 2. Точное количество юнкеров установить трудно — состав их часто менялся. Но в общем один только выпуск старших классов училищ давал более трех тысяч офицеров.

Школ прапорщиков насчитывалось 38. Расположены они были в тех же городах, что и юнкерские училища, или около них. Общий выпуск всех школ давал без малого 19 тысяч прапорщиков.

Удаленные от революционного влияния солдатской массы, военные училища и школы прапорщиков представляли крайне благоприятную почву для деятельности союза офицеров.

Завербовав в первую очередь командный состав этих училищ и школ, реакция быстро овладела и юнкерской массой. Контрреволюционное настроение в школах было господствующим. Даже эсеро-меньшевики составляли меньшинство, не говоря уже о большевиках, — они были вкраплены единицами. Юнкера не нуждались в сокрытии своих взглядов под маской «социалистических партий». Юнкера выполняли роль лучших ударных отрядов контрреволюции и первыми выступили против диктатуры пролетариата с оружием в руках.

3.

БУРЖУАЗНЫЕ НАЦИОНАЛЬНЫЕ ФОРМИРОВАНИЯ.

Как ни лихорадочно шло формирование ударных батальонов, несколько десятков надежных отрядов не могло уже задержать стремительного хода революции. Тем более, что революция часто проникала и в отборные белые батальоны. В материалах Ставки сохранились списки частей, подлежавших исключению из состава батальонов смерти, как «опозоривших себя» отказом выступить на фронт или выполнить боевой приказ. Попадаются в списках и ударные части.

Для борьбы с революцией нужны были массовые боевые силы. Реакция пыталась их найти в буржуазных национальных формированиях. Однако великорусская реакция поддерживала далеко не все формирования бывших угнетенных

наций, а лишь те, которые непосредственно не угрожали целости колониальной империи. Польша, например, была занята германскими армиями. Формирование польских частей давало в руки российской буржуазии дополнительные средства для борьбы с Германией: эксплоатируя национальный подъем, поляков можно было направить против германских оккупантов. Отсюда — неодинаковое отношение к разным национальным формированиям: украинцам особенно вначале мешали; поляков всячески поддерживали и поощряли. Но в том и в другом случае тщательным подбором командных кадров старались сохранить национальные части в своих руках.

Из польских формирований уже к июлю месяцу на фронте существовали:

1. Польская стрелковая дивизия в составе четырех трехбатальонных полков.
2. Уланский полк из четырех эскадронов.
3. Польский запасный пехотный полк.
4. Инженерная рота.

Все части входили в состав 7-й армии за исключением запасного полка, расположенного в Белгороде Курской губернии. По плану военного министерства предполагалось доформировать польскую дивизию до нормального типа, создать такую же вторую польскую дивизию, придать обеим дивизиям артиллерию и свести их в Польский корпус. Формирование корпуса проходило со значительными трудностями. Польские пролетарии и крестьяне оказались захваченными революцией не в меньшей мере, чем русские. Против польской буржуазии, захватившей руководство формированием, выступали революционные элементы. Еще в апреле месяце, в момент, когда польская буржуазия выбросила лозунг «Отдельная польская армия в России», петроградская группа польских интернационалистов заявила, что «отдельная польская армия в России»[1] не может быть лозунгом польских рабочих и солдат.

Польские большевики возглавили борьбу против буржуазных партий, стремясь рассеять националистический угар и вскрыть классовую суть политики руководителей Польского корпуса. Дело дошло до волнений в польском запасном полку, где 27 июля революционная масса выгнала полковника Вишницкого, заменив его выборным командиром подпоручиком Яцкевичем. Корнилов приказал немедленно подавить движение, телеграфировав Керенскому:

«Относительно принятия мер прекращения беспорядков польском запасполку, расположенном Белгороде, признаю необходимым поручить это комкору польского генлейт Довбор-Мусницкому, дав его распоряжение военную силу»[2].

Командир корпуса принялся за решительную чистку полка. Более 400 солдат якобы за отказ от службы в Польском корпусе было отправлено на фронт. Большевистски настроенных солдат арестовывали и предавали суду «за нарушение боевых приказов».

Царские методы расправы вызвали возмущение даже в мелкобуржуазных кругах. Даже Савинков, бывший в то время управляющим военным министерством, запросил Корнилова, удобно ли оставлять Довбор-Мусницкого во главе корпуса. Но решительность Довбор-Мусницкого как раз и служила великолепным аттестатом политической его благонадежности. Корнилов ответил Савинкову:

«Польский корпус формируется из добровольцев, поэтому в него могут попасть лишь те офицеры и солдаты, которые согласятся выполнять требования, предъявляемые генералом Довбор-Мусницким. Этого генерала, как человека твердого и отличного боевого начальника, я ставлю высоко и считаю, что он является особенно желательным как командир добровольческого Польского корпуса»[3].

К октябрю месяцу в корпусе насчитывалось около 17 тысяч солдат, из них — 1 200 офицеров и чиновников. В это число не вошел запасный полк, где временами количество солдат доходило до 16 тысяч.

В расчетах контрреволюции Польский корпус занимал почетное место. «Поляки обещали прислать свой корпус. Наверное будет»[4], так по словам Краснова говорил Керенский, торопя контрреволюционные отряды выступать на охваченный восстанием революционный Петроград.

Из других национальных частей, которые контрреволюция числила в своем активе, следует назвать «дикую дивизию», переформированную в корпус в момент корниловского восстания. В дивизии, составленной из кавказских горских национальностей, было, примерно, полторы тысячи бойцов.

Революция почти не коснулась национальных частей, существовавших при царизме. В полках «дикой дивизии» комитетов или совсем не было, или они занимались проверкой каптенармусов. Власть командиров держалась на «родовом» праве. В полках царила свирепая дисциплина вплоть до ручной расправы. Группа солдат, бежавших из «дикой дивизии», была опрошена советом и нарисовала такую картину произвола и разноплеменной розни, какую знала только царская армия.

Неудача корниловского восстания открыла доступ революции в кавказские части. Реакция решила направить их в родные места, полагая, что национальная буржуазия сумеет приостановить в частях влияние революции.

Первые украинские — гайдамацкие — формирования начали стихийно образовываться еще в дни Февральской революции. В течение марта и апреля в тылу Юго-западного фронта, а также во всех сколько-нибудь значительных гарнизонах Петрограда, Москвы, Казани и других городов самочинно создавались специальные украинские воинские части с желто-голубыми знаменами и кокардами. В Киеве сформирован был особый украинский имени Богдана Хмельницкого полк, в ряды которого вошло значительное число солдат действующей армии.

Несмотря на то, что первый украинский полк — Богдановский — принял революцию доверия Временному правительству, последнее считало необходимым все же положить предел начавшемуся движению. Командующий Юго-западным фронтом генерал Брусилов телеграфно потребовал немедленно приостановить приток в Киев солдат-украинцев с фронта, в случае неповиновения «распустить полк» и прекратить начавшиеся «бесчинства» хотя бы силой оружия.

Однако рост революционного движения в мае-июне заставил Временное правительство сделать ряд уступок украинской буржуазии. Готовя армию к наступлению на Галицийском фронте, правительство Керенского проявило первую попытку использовать украинские формирования в борьбе с революционным движением и большевизмом.

Молебны, крестные ходы украинских воинов по Киеву, значительное влияние на них офицерства, сближение украинцев с донским казачеством и, главное, солидный процент кулаков в первых украинских формированиях — все это позволяло Временному правительству надеяться, что украинские полки окажутся хорошим орудием в руках буржуазии.

Десятого мая украинская делегация от Всероссийского войскового комитета в одном поезде с Керенским направилась на Юго-западный фронт к генералу Брусилову. Как военный министр, так и главнокомандующий Юго-западного фронта отнеслись к вопросу о создании украинских воинских частей вполне доброжелательно. Военный министр утвердил украинский войсковой комитет и разрешил формировать первый украинский казачий имени Богдана Хмельницкого полк. Генерал Брусилов, в свою очередь, пообещал выделить на фронте особых три корпуса для пополнения их исключительно украинцами.

Развернутое наступление русской буржуазии против завоеваний Февральской революции, усиление в центре и на местах великодержавных настроений, в корне враждебных даже самым умеренным национальным требованиям, заставили Временное правительство задержать темпы формирования украинских частей. В новом конфликте между Временным правительством и Центральной радой украинские части становились опасной силой. Поэтому в августе и сентябре 1917 года военное командование, не разрешив новых формирований, попыталось вывести уже созданные украинские части на фронт. Этой мерой правительство рассчитывало обезоружить Центральную раду и обессилить ее сторонников.

Вот почему ни Корнилов, ни Ставка в борьбе с революцией не пользовались украинизированными частями, опираясь всецело на казаков, отчасти на поляков и более всего на ударников и юнкеров.

Только накануне Октябрьской революции смертельная опасность заставила русскую буржуазию искать помощи, правда, без особого успеха у тех самых гайдамацких полков, созданию которых ее правительство только недавно всячески препятствовало.

Огромное значение реакция придавала чехословацким частям. Формировать их из австрийских военнопленных и перебежчиков начало еще царское правительство. Но до революции это дело шло довольно туго. Особое постановление так называемого международного Гаагского трибунала запрещало комплектовать части из военнопленных. Но тот же трибунал запрещал и применение газов, и никто не посчитался с этим постановлением. В данном случае самодержавие боялось, как бы Германия в ответ не создала особой армии из пленных поляков. С другой стороны, англо-французы косо смотрели на формирование чехо-словацких отрядов. «Союзники», пообещав установить независимую чехо-словацкую республику, спасались чрезмерного влияния самодержавия на дела нового государства.

После Февральской революции чехо-словацкие формирования пошли быстрей: антантовские генералы надеялись в чехо-словацких отрядах найти опору в борьбе против революции.

24 марта 1917 года военный совет утвердил положение о формировании чехо-словацких отрядов из австрийских военнопленных.

Быстрота организации чехо-словацких войск шла в прямой зависимости от разложения армии: в апреле создавали только отряды, а в августе уже начали комплектовать целый корпус. Председатель чехо-словацкого национального совета профессор Массарик обратился в Ставку с предложением ускорить формирование. Массарик просил учредить для этого постоянное представительство совета при Ставке и при высшем командовании чехо-словацкими формированиями. Национальный совет при активной поддержке соглашателей и при финансовой поддержке Антанты развил большую

кампанию по вербовке военнопленных. К 23 августа в корпусе, в первой и второй чехо-словацких дивизиях, насчитывалось 25 тысяч бойцов, не считая артиллерии.

В частях корпуса был введен французский военный устав, а командный состав был приравнен к офицерам русской армии.

После ликвидации корниловщины формирование корпуса значительно ускорилось. По плану генерала Корнилова на Петроград и Москву предполагалось двинуть чехо-словаков вместе с корниловцами. Чехов же предполагали использовать против большевиков и в дни Октябрьской революции. Из письма генерала Алексеева мы узнаем, что 8 ноября — через две недели после октябрьских событий — собирались передвинуть чехо-словацкие части ближе к Дону для совместного с казаками выступления против большевиков.

Какие надежды возлагала контрреволюция на чехо-словаков, можно судить по письму генерала Корнилова, приведенному генералом Деникиным в его мемуарах. Получив известие о революции в Петрограде, генерал Корнилов из быховской тюрьмы послал Духонину в Ставку следующий «приказ»:

«Предвидя дальнейший ход событий, — излагал Корнилов свой план, — я думаю, что вам необходимо безотлагательно принять такие меры, которые, прочно обеспечивая Ставку, дали бы благоприятную обстановку для организации дальнейшей борьбы с надвигающейся анархией.

Таковыми мерами я считаю:

1. Немедленный перевод в Могилев одного из чешских полков и польского уланского полка.

2. Занятие Орши, Смоленска, Жлобина и Гомеля частями Польского корпуса, усилив дивизии последнего артиллерией за счет казачьих батарей фронта.

3. Сосредоточение по линии Орша — Могилев — Жлобин всех частей чехо-словацкого корпуса, корниловского полка под предлогом перевозки их на Петроград и Москву и 1—2 казачьих дивизий из числа наиболее крепких.

4. Сосредоточение в том же районе всех английских и бельгийских броневых машин с заменой прислуги их исключительно офицерами.

5. Сосредоточение в Могилеве и в одном из ближайших к нему пунктов под надежной охраной запаса винтовок, патронов, пулеметов, автоматических ружей и ручных гранат для раздачи офицерам и волонтерам, которые обязательно будут собираться в указанном районе.

6. Установление прочной связи и точного соглашения с атаманами донского, терского и кубанского войск и с комитетами польским и чехо-словацким...

Вот те соображения, которые я считал необходимым высказать вам, добавляя, что нужно решиться, не теряя времени»[1].

Как видим, контрреволюция с первых же дней гражданской войны возлагала большие надежды на буржуазные национальные формирования: им поручалось нанесение первого удара.

Кстати, царские генералы в борьбе с революцией сразу же стали на путь иностранной интервенции, пытаясь опереться на иностранные войска — антантовские броневые машины, чехословацкий корпус. Это было еще в зародыше — гражданская война только начиналась. Позже иностранная интервенция сыграла исключительную роль в гражданской войне в России.

4.

КАЗАКИ.

Наиболее реальной опорой контрреволюция считала казачьи части, руководимые Советом союза казачьих войск.

Еще во время корниловского мятежа атаман оренбургского казачьего войска Дутов имел задание разыграть «восстание большевиков» в Петрограде и после этой провокации разгромить большевистскую партию. В то же время атаман донского казачьего войска должен был ударить через Донбасс на Москву.

После провала корниловской авантюры Временное правительство, заметая следы, постановило арестовать Каледина и предать суду за соучастие в корниловском заговоре.

Предварительное совещание Большого войскового круга, собравшееся 3 сентября в Ново-

черкасске, постановило не выдавать своего атамана. Керенский сразу сдал в тоне и согласился арест отменить, но потребовал явки Каледина в Ставку для дачи показаний следственной комиссии. Легкость, с которой Керенский сменил гнев на милость, лишь подчеркнула, что крепкие слова и «революционные» жесты Временное правительство пускало в ход только для отвода глаз. 5 сентября Большой войсковой круг устроил Каледину овацию и постановил заслушать его речь стоя. Войсковой круг назвал обвинение Каледина «плодом расстроенного воображения трусов»[1].

Каледина поддержали все организации контрреволюции. Особая делегация казаков посетила Керенского и министров, настаивая на полном оправдании Каледина. Делегация донских казаков и представители Совета союза казачьих войск посетили даже английского посла в России Бьюкенена. Посол заявил делегации, что Англия очень высоко ценит заслуги казаков.

В лице Каледина буржуазия готовила нового диктатора. «Каледин — вот человек момента», выразила общие надежды контрреволюции крупнейшая газета империалистов «Нью-Йорк Таймс».

Накануне Октябрьской революции правительственная комиссия по делу Корнилова объявила Каледина абсолютно непричастным к мятежу.

Кандидат в диктаторы получил полную возможность заняться организацией контрреволюционных сил. Под его руководством было создано новое государство, так называемый Юго-восточный союз казаков кубанского, терского, донского и астраханского войск, горцев Северного Кавказа и степных народов Донской области и Астраханской губернии.

Керенскому немедленно сообщили, что земельные комитеты для казачьих областей неприемлемы. Казачья верхушка потребовала приостановить их организацию и отозвать из Новочеркасска представителя Министерства земледелия в Петроград. Одновременно же неказачьему населению пообещали, что к участию в управлении будут привлечены и его представители.

Казачьи и горские национальные части под предлогом невозможности прокормить кавалерию в прифронтовой полосе перебрасывались на Дон и Кубань. Запасные пехотные полки, чье революционное настроение тормозило подготовку контрреволюции, наоборот, выводились из казачьих областей.

Готовя удар по революции, Ставка оголяла целые фронты.

Временное правительство охотно поддерживало всю подготовительную работу контрреволюции на Дону. По поводу запасных пехотных полков глава правительства телеграфировал Духонину:

«Прошу сделать распоряжение о выводе из казачьих областей запасных пехотных полков и уведомить об этом войсковое правительство и казачьи части, находящиеся на фронте, и *в особенности пластунов для спокойного несения* ими службы»[2].

Керенский, таким образом, прямо признал, что запасные полки выводились из казачьих областей для успокоения казаков.

Даже генерал Духонин, которого ни в каком либерализме не упрекнешь, постеснялся передать полностью телеграмму Керенского. Сообщая приказ главы правительства, Духонин писал:

«Ввиду предстоящего сокращения запасных частей главковерх ходатайствует о выводе теперь же из казачьих областей запасных пехотных полков»[3].

«Совестливый» генерал только чуть прикрыл болтливую откровенность ретивого защитника контрреволюции, выдвинув в качестве причины вывода сокращение запасных частей, но сам весьма энергично очищал казачьи территории и помогал концентрировать контрреволюционные силы на Дону. На Дон и Кубань стягивались казачьи части, сплавлялись офицеры, замешанные в корниловской авантюре, посылались десятки тысяч винтовок, целые транспорты артиллерии.

По мере того как промышленные районы центральной России все более становились базой революции, казачьи территории превращались в гнездо контрреволюции.

«Еще в начале октябрьского переворота,— говорит Сталин, — наметилось некоторое географическое размежевание между революцией и контрреволюцией. В ходе дальнейшего развития гражданской войны районы революции и контрреволюции определились окончательно. Внутренняя Россия с ее промышленными и культурно-политическими центрами (Москва и Петроград), с однородным в национальном отношении населением, по преимуществу русским, превратилась в базу революции. Окраины же России, главным образом южная и восточная окраины, без важных промышленных и культурно-политических центров, с населением, в высокой степени разнообразным в национальном отношении, состоящим из привилегированных казаков-колонизаторов, с одной стороны, и неполноправных татар, башкир, киргиз (на востоке), украинцев, чеченцев, ингушей и других мусульманских народов, с другой стороны, превратились в базу контрреволюции.

Нетрудно понять, что в таком географическом распределении борющихся сил

России нет ничего неестественного. В самом деле: кому же еще быть базой советского правительства, как не петроградско-московскому пролетариату? Кто же другой мог быть оплотом деникинско-колчаковской контрреволюции, как не исконное орудие русского империализма, пользующееся привилегиями и организованное в военное сословие казачество, издавна эксплоатирующее нерусские народы»[1].

5.

КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ НАТРАВЛИВАЕТ ФРОНТ НА ТЫЛ.

Если ход контрреволюционных формирований на фронте и в областях подавал генералам известные надежды на успех, то нарастание революции разносило по ветру эти надежды. Из тыла на фронт шел поток революционной литературы, прибывали пополнения, принося с собой накаленную атмосферу. Из промышленных центров приезжали рабочие делегации, привозя жгучие лозунги революции. Обеспечить свои временные успехи на фронте контрреволюция могла, только изолировав фронт от тыла.

Уже давно, с самого начала революции, пытались восстановить против рабочих армию. Буржуазная пресса вела бешеную кампанию против установления восьмичасового рабочего дня. Рабочих обвиняли в предательстве, ставили им в пример солдат на фронте, которые-де все отдают родине. Солдатам нашептывали, что рабочие загребают кучи денег, наживаются на нехватке рабочих рук. Разруху, продовольственный кризис, недостаток боеприпасов на фронте объясняли нежеланием пролетариев работать более восьми часов в день.

Кое-где удалось натравить солдат на рабочих. С фронта в Петроград потянулись солдатские делегации с резолюциями, требующими, чтобы рабочие отказались от «непомерных требований». Но когда солдатские делегации появлялись на заводах, когда солдаты сближались с пролетариями, они быстро убеждались в провокационной политике буржуазии. Делегации возвращались на фронт совсем с другим настроением. Стремясь рассеять клевету буржуазии, рабочие стали, в свою очередь, требовать присылки солдатских делегаций. Тысячи солдат петроградского гарнизона, перебывавших на фабриках, направлялись военной организацией большевиков на фронт и там вскрывали провокационный характер кампании.

Клеветнические выпады буржуазии дали противоположные результаты. Вместо противопоставления фронта тылу они сплотили солдат и рабочих в единой борьбе против контрреволюции.

«На ваши лицемерные клики: «Солдаты — в окопы, рабочие — к станкам!» — писали гвардейцы-гренадеры, — мы говорим: а вы, господа капиталисты, к сундукам! Открывайте их. Народ давал и дает кровь и пот, вы давайте деньги на ликвидацию затеянной вами ужасной мировой войны!..»[2]

Чем быстрее уходила почва из-под ног буржуазии, тем более рьяно буржуазия стремилась вырыть пропасть между фронтом и тылом. Захлебываясь от бешенства, кадетская пресса кричала, что источником всех злоключений является тыл. 150 буржуазных и эсеро-меньшевистских военных газет в один голос тянули эту же нудную и злую песню.

Штабные команды, где окопались буржуазные сынки, сотрудники бесчисленных околофронтовых организаций; госпитали и лазареты, учреждения, где отсиживались бывшие адвокаты, чиновники, земские работники; штабы, склады и снабженческие организации — все это разражалось резолюциями протеста, лживыми выступлениями против тыла. Из военных газет революции попадали в столичную буржуазную прессу и там печатались под заголовком: «Голос фронта».

Вот одна из таких «фронтовых» резолюций:

«Общее собрание комитета штаба N-й пехотной дивизии, комендантской роты и команд при штабе вынесло резолюцию, в коей указывается, что собрание считает всякое неподчинение воле революционного правительства, воле большинства демократии в лице ее центральных комитетов изменой делу революции, прямой угрозой отечеству. Отечество в опасности не только здесь, на фронте, но еще более в тылу. Только оттуда пришло разложение армии. Армию развратили предатели с тыла. Пусть тыл вместе с армией подчинится железной революционной дисци-

плине. Пусть изменники и предатели общего дела независимо от того, военный он или нет, в тылу судятся по тем же законам, как на фронте» [1].

Кампания все ширилась, оглушая криком, воем. Ее размах и высота взятой ноты свидетельствовали, что реакция прикрывает этим шумом подготовку к серьезнейшим действиям. Вскоре это стало ясно. На Государственном совещании в Москве генерал Алексеев выступил с речью против тыла:

«То, что находится в тылу, не привлечено к полезной работе. Все бездействует... Они совершенно не подготовлены к азбучному солдатскому делу. Еще так недавно они существовали, как прочное целое, спаянное одним цементом — любовью к родине... и сознанием необходимости довести войну до конца» [2].

Все беспорядки в полках генерал объяснял влиянием агитаторов тыла. Он рассказывал, что в один из полков вернулся солдат, посланный на тыловые курсы агитаторов, и организовал выступление против командного состава.

Маневр генерала Алексеева, одного из активнейших организаторов контрреволюции, был поддержан «бабушкой русской революции», как эсеры прозвали Брешко-Брешковскую, являвшейся на деле одной из самых активных пособниц контрреволюции.

«Беда нашей армии, — вторила она Алексееву, — не столько на фронте, сколько в тылу. Наш тыл три года почти стоит без дела. Он скучает, он разлагается. И вот эти люди, которые уже умудрены опытом, которые были уже там в Петрограде и Москве в разных советах и знают, что делается в армии, — половина из них, добрая половина должна итти немедленно в тыл и организовать его, иначе вы ничего не добьетесь» [3].

Старенькая эсерка выдала то, о чем умолчал более опытный генерал. Обуздать тыл должна армия, фронт должен дать людей для обуздания тыла. Противопоставление фронта тылу понадобилось, чтобы прикрыть и оправдать подготовку корниловщины.

Разгром корниловского выступления основательно ударил по провокационной кампании натравливания фронта на тыл. Продолжать кампанию в старой форме стало невозможно: революция разоблачила ее суть. Контрреволюция, однако, не отказалась от своих целей — противопоставления фронта тылу, — но попыталась добиться этого уже в несколько иной форме.

Одной из решающих сил, на которые опиралась революция, являлись гарнизоны запасных частей в городах. В этих частях насчитывалось около полутора миллионов солдат. Тыловые гарнизоны состояли либо из ратников второго разряда призыва 1896 года, либо из призывников 1894 года, наконец, из молодежи призыва последних годов. Часть гарнизонов составляли выздоравливающие раненые. Уже самый состав запасных частей облегчал революционную пропаганду в них. Только что мобилизованная молодежь и оторванные от работы отцы семейств 40 лет и старше представляли очень восприимчивую среду, ожидавшую от революции больших перемен в своей судьбе. Но дело, конечно, было не столько в составе частей, сколько в окружающей обстановке. Гарнизоны, особенно Петрограда, Москвы и других крупных городов, находились под постоянным влиянием большевистских газет и революционного пролетариата. Солдаты запаса вместе с рабочими принимали участие в митингах, демонстрациях, выступлениях против правительства. В запасных полках большевики вели напряженную работу.

Из запасных полков революционное влияние шло на фронт через маршевые роты и прочие виды направляемых в армию пополнений. Запасные части в городах составляли военную опору революции, ее агитационные силы. Из них рабочие получали военных инструкторов, а часто и оружие, в запасных полках партия вербовала своих членов и агитаторов для работы в фронтовых частях.

Завоевать гарнизоны городов значило для контрреволюции подорвать революцию в тылу и оградить от революционного воздействия фронт. Борьба за тыловые гарнизоны для буржуазии стала центральной частью борьбы за армию, борьбы против революции. План генералов состоял в том, чтобы вывести наиболее революционные части из крупнейших городов на фронт, заменить их «надежными» частями. В Ставку, как по приказу, отовсюду посылались требования на пополнения. Даже Кавказский фронт, где фактически прекратились боевые действия, слал телеграммы одну за другой:

«Кавфронт ходатайствует скорейшем наряде 100 тысяч укомплектований. В счет этой цифры благоволите скорейшем отправлении петроградского гарнизона 20 тысяч солдат третьей категории, кроме того необходимо выслать 30 тысяч из запасполков внутренних округов целыми запасполками или маршевыми ротами...» [4]

Тут уже прямо указано, откуда брать пополнения: из петроградского, наиболее революционного гарнизона 20 тысяч человек, а из других городов — полки целиком. Несмотря на провал июньского наступления на фронте и почти полное затишье в боевых действиях на фронт непрерывным потоком шли маршевые роты. Большая часть пополнений по дороге дезертировала, но задача, намеченная

контрреволюцией, выполнялась: тыловые гарнизоны таяли, а вместе с ними ослаблялась в известной мере и база революции.

Тыловые гарнизоны уменьшались не только за счет маршевых рот. Запасные полки выводились из городов под всяким предлогом. Так на жалобу командующего Черноморским флотом, что 45-й пехотный запасный полк в Николаеве совершенно разложился, последовало распоряжение генерала Духонина:

«45-й пехотный запасный полк желательно безотлагательно увести из Николаева...» [1]

Запасные части выводились в первую очередь оттуда, где особенно высоко поднималась революционная температура, или из тех мест, где солдаты своим революционным влиянием мешали концентрации реакционных частей, например, на Дону. Контрреволюционная деятельность генералитета получила скоро и правительственное утверждение: в военном министерстве разрабатывался приказ о планомерном сокращении запасных частей в тылу, а пока приказ проходил по всем инстанциям, запасные части подтягивались ближе к фронту под предлогом повышения их боеспособности.

Эсеро-меньшевистские комитеты в армии шли рука об руку с реакцией.

«Опыт показывает, — писал 20 августа 1917 года командир XVIII армейского корпуса командующему 9-й армией, — что запасные части, расположенные в больших центрах, перегруженные количеством солдат без надлежащего пропорционального числа офицеров, часто очень неопытных, — все это ведет к разрушению внутреннего порядка и дисциплины этих частей и недостаточности их учебной подготовки, что, в свою очередь, больно отзывается на полках, ими комплектуемых. Посему всецело присоединяюсь к утвержденному начальником дивизии постановлению дивизионного комитета 37-й пехотной дивизии (эсеро-меньшевистского состава. *Ред.*) и прошу о нижеследующем:

Так как практика показала, что привлечение тыловых частей ближе к фронту действующей армии, несомненно, способствует оздоровлению их, перевести комплектующий 37-ю пехотную дивизию 1-й запасный полк из Петрограда в какой-либо пункт тыла Румынского фронта» [2].

С другой стороны, в запасные части посылали с фронта особо надежные кадры: георгиевских кавалеров, ударников, реакционных офицеров, младший командный состав, проверенных, отборных солдат. Из Петроградского округа писали дежурному генералу в Ставку:

«Восстановить работу в запасных частях возможно только при помощи здоровых и крепких кадров, а без них армия рискует совершенно лишиться порядочных пополнений» [3].

Под прикрытием Временного правительства генералы контрреволюции развернули колоссальную работу. Из промышленных центров на фронт посылались тысячи солдат запасных частей. Из солдатских комитетов вне срока и очереди направлялись в отпуск наиболее активные члены. Офицеров, если они шли с массами, под всякими предлогами удаляли из частей и бросали на фронт. В гренадерском резервном полку офицеры постановили изъять подпоручика Никонова как «вредного» для солдат и офицеров, а из протеста солдат выяснилось, что Никонов провел огромную работу по борьбе с корниловщиной.

В прессе снова началась широкая кампания противопоставления фронта тылу. На сей раз ведущая роль принадлежала эсеро-меньшевикам.

«Где же воодушевление демократии? — спрашивали 3 октября с возмущением соглашательские «Известия». — Крестьяне закапывают хлеб в ямы и гноят его, но не посылают в армию, где часто не выдают полного пайка хлеба. Стоящие в тыловых гарнизонах солдаты одеты и обуты лучше и часто лучше питаются, чем солдаты, стоящие на позициях» [4].

«Не все благополучно сейчас в тылу, — писали 6 октября «Известия». — И это питает и обостряет вражду к тылу. И уничтожить эту вражду можно не одними опровержениями лжи, а действительным уничтожением того, что является в этих обвинениях правдой» [5].

Кадетская «Речь» ехидно подхватывала эсеро-меньшевистскую клевету и злорадно смаковала ее в своих обзорах.

«Люди реакции — не краснобаи», говорил еще Маркс по поводу контрреволюции в 1848 году. Кадеты хорошо знали, с какой лихорадочной настойчивостью шла в лагере контрреволюции борьба за тыловые части. Излишняя болтливость могла лишь повредить настойчивой и быстрой работе контрреволюции. Мелкобуржуазные соглашатели ретиво прикрывали и оправдывали подготовку наступления контрреволюции.

6.

НАСТУПЛЕНИЕ КОНТРРЕВОЛЮЦИИ.

Как уже говорилось, назревание революции обгоняло все мероприятия буржуазии и помещиков. Завоевывая массы, революция проникала во все части фронта, уходила вглубь страны, в отсталые районы, прокладывала себе пути в самое сердце контрреволюции — в казачьи области.

Части, которые вчера еще клялись в верности черно-красному знамени буржуазных ударников, сегодня отказывались выполнить приказы командиров.

Полковой комитет гвардейского Семеновского полка — того самого, что прославился в 1905 году кровавым разгромом московского рабочего восстания, — хвастливо обещал «всей частью стать во главе штурмующих войск» [1], а через несколько дней семеновцы отказались выступить на позиции.

Полки 2-го гвардейского корпуса, выразив желание считаться ударными частями, потом целыми полками отказывались выполнять боевые приказы.

По поводу польского уланского и чешского полков, которые Корнилов предполагал первыми двинуть против революции, Духонин на плане Корнилова уныло написал: «Ставка не считает их вполне надежными» [2].

Фронтовое казачество глухо волновалось, тяготясь полицейскими обязанностями. По сообщению атамана Богаевского казаки-фронтовики прислали протест против решения войскового круга о союзе с кадетами на выборах в Учредительное собрание. Представители фронтовиков резко выступили против постановления Кубанской войсковой казачьей рады о выделении Кубани в самостоятельную республику.

Обострение между верхушкой и широкими массами казачества иногда принимало напряженный характер. В Омске в ночь на 5 октября по постановлению Омского совета казачьих депутатов Большой и Малый войсковые круги сибирского казачьего войска были объявлены контрреволюционными, председатели их арестованы, а у помещения круга поставлен караул. «Казаки заняли непримиримую позицию — не воевать с большевиками» [3] — такой итог завоеваниям революции среди казачества подвел генерал Духонин.

Из рук контрреволюции могли уплыть последние боевые силы. Чувствуя приближение развязки, она спешила перейти в наступление. Об этом открыто заявил генерал Брусилов на совещании «общественных деятелей» в Москве:

«Все говорят о сильной власти. Но сильное правительство явится только тогда, когда большинство народа и войска почувствует всю глубину падения страны, когда скажут: довольно нам разрухи, хотим порядка, хотим пользоваться своей свободой, а не анархией. Когда это будет, явится и сильная власть» [4].

Призыв Брусилова выйти на улицу против революции поддержал делегат совещания Ильин. Подчеркнув, что налицо сейчас только две партии — партия развала во главе с большевиками и партия порядка во главе с Корниловым, — Ильин нагло заявил:

«Мы — партия порядка. Если революция в том, что всякий хватает, что можно, то мы контрреволюционеры» [5].

Корнилов снова становится идеалом контрреволюции.

«Имя Корнилова, — заявил матерый реакционер Струве на заседании Предпарламента, — мы считаем совершенно честным, и за его честное имя мы отдадим и жизнь» [6].

Заявление Струве было встречено бурными аплодисментами Предпарламента, того самого, который по замыслу эсеро-меньшевистских предателей должен был представлять волю страны до Учредительного собрания.

Продолжение войны связывало правительство в его борьбе с контрреволюцией по рукам и ногам. И Временное правительство пошло по стопам царских министров, пытавшихся перед Февральской революцией заключить сепаратный мир с немцами. 11 октября министр иностранных дел Терещенко на закрытом заседании правительства выдвинул новый лозунг: вместо «войны до победного конца» «война до боеспособности армии» [7]. Новый лозунг делал участие России в войне чисто условным: в любой момент можно было признать армию небоеспособной и выйти из войны.

Но на этой подготовке общественного мнения не остановились. 21 октября редактор бульварной газетки «Общее дело» Бурцев сообщил, что на заседании комиссии Предпарламента 20 октября обсуждался вопрос о заключении с немцами сепаратного мира. По распоряжению Керенского газета была немедленно закрыта, но не за клевету, а... за разглашение сведений о закрытом заседании комиссии.

Правительство спешило заключить мир и перейти в наступление против революции. Одновременно с этим 9 октября министр внутренних дел меньшевик Никитин разослал приказ о создании при губернских комиссарах Временного

Смотр «боевых сил» контрреволюции. *Карикатура Кукрыниксы.*

правительства особых комитетов из представителей местного самоуправления, судебной и военной власти. Задачей комитетов являлось сплочение местных сил, готовых поддержать Временное правительство. В руки комитетов передавалась вся полнота власти.

Одиннадцатого октября военный министр издал приказ о привлечении армии к «борьбе с анархией». Контрреволюционные комитеты получали в свое распоряжение боевую силу.

Меньшевики шли в ногу с буржуазией: 15 октября они внесли в Предпарламент проект «Временного положения о борьбе с погромным движением». Проект требовал создания на местах полновластных комитетов общественной безопасности из представителей различных организаций, военных и судебных властей. Предпарламент, куда поступили предложение меньшевиков и проект меньшевистского министра Никитина о создании комитетов при губернских комиссарах, утвердил проект в формулировке меньшевиков: под такой оболочкой контрреволюционная сущность комитетов выпирала не так явственно. Руками меньшевиков были созданы те самые «комитеты общественной безопасности», которые стали во главе контрреволюции на второй день после Октябрьской революции.

В тыл срочно перебрасывались с фронта кавалерийские части. По распоряжению военного министерства 4 октября в Донецкий бассейн с Румынского фронта была отправлена кавалерийская дивизия. Назначение этой дивизии со-

вершенно точно определил генерал Духонин в своей телеграмме от 12 октября генералу Щербачеву:

«Для поддержания порядка в Донецком районе отправьте срочно (слово «срочно» вписано Духониным при подписании телеграммы. *Ред.*) одну конную дивизию в распоряжение комвойск Одесского в пункт по его указанию» [1].

Дивизия была направлена несмотря на почти полное обнажение фронта, невзирая на возражения командующего Румынским фронтом генерала Щербачева.

Одновременно с переброской войск в такие тревожные пункты, как Донбасс, реакция усиливала надежными частями гарнизоны в крупнейших узловых пунктах. Так по приказанию главкома Юго-западного фронта в Киев срочно перебрасывалась донская казачья пешая бригада, и по просьбе местных властей отменялось распоряжение о выводе из города 17-го Донского казачьего полка.

Укрепляли позиции и в таких крупных узловых центрах, как Брянск, Смоленск. В Смоленск был спешно направлен 4-й Сибирский казачий полк.

Срочно усилен был гарнизон в Могилеве, где находилась Ставка. Последняя, настаивая на усилении гарнизона в Могилеве, требовала от главнокомандующего Юго-западного фронта:

«Отправьте к нам 1-й Оренбургский полк. *Его рекомендует Петроградский казачий съезд.* 19 октября» [2].

Вот кто определял политическую благонадежность частей!

Весь прифронтовой тыл, включая крупнейшие узловые пункты, был насыщен конницей, имевшей определенный план действия. Представление об этом плане дает следующий документ Юго-западного фронта:

«Для охраны тыла в распоряжение снабюз переданы: 6-я и 7-я (в тексте описка. Видимо, речь шла о 5-й. *Ред.*) донские казачьи дивизии и 1-й полк 1-й гвардейской кавалерийской дивизии. 6-я казачья дивизия вся расположена в районе к западу от Днепра, а из 5-й казачьей дивизии — $1^1/_2$ полка восточнее и $2^1/_2$ западнее Днепра, $1^1/_2$ в Киеве и 1 в Виннице; полк гвардейской кавалерийской дивизии расположен восточнее Днепра. Весь район тыла разделен на полковые участки охраны. Общими начальниками войск, назначенных для охраны района западнее Днепра, назначен начдив 6-й казачьей дивизии, а района Киева и восточнее Днепра — начдив 5-й казачьей дивизии. Начальники обеих дивизий подчинены снабюзу через командующего войсками Киевского военного округа. Кроме того в распоряжение начвосоюз назначены три полка 1-й гвардейской кавалерийской дивизии и 6 отдельных сотен для охраны железной дороги. № 265908/6793. Строго» [3].

Против внутреннего врага вооружались тщательнее, чем против внешнего. На фронте, часто не имея разработанного плана, гнали в бой наспех сколоченные части, не считаясь с боевым настроением. Здесь, в тылу, обдумывали каждый пункт плана. Разбили район на участки. Каждому командиру заранее дали точные инструкции. Войска тщательно проверяли, пропустив их через несколько фильтров.

Особое внимание реакция уделила Москве. Когда вновь началась подготовка наступления на революцию, Ставка решила направить в Москву кавалерийскую дивизию. 2 октября Духонин телеграфировал главкому Юго-западного фронта:

«Главковерх приказал срочно перевезти железной дорогой одну из регулярных кавалерийских дивизий в распоряжение командующего округом Московского района по его указанию. О том, какая именно кавалерийская дивизия будет назначена, благоволите телеграфировать» [4].

В связи с присылкой дивизии было приказано вывести из Москвы 7-й казачий полк, но в Москве рассчитали, что лучше иметь «синицу в руках, чем журавля в небе». Командующий войсками Московского военного округа полковник Рябцев срочно попросил оставить полк в Москве. Ставка согласилась. Более того, она приказала перебросить в Калугу, поближе к Москве, 4-й Сибирский казачий полк.

Но революционные события нарастали таким темпом, что и эти силы оказывались недостаточными. Москва изо дня в день запрашивала, когда же прибудет дивизия, а 20 октября в Ставку была отправлена следующая телеграмма:

«Принятие большевистским советом революции о немедленном захвате заводов и ожидаемому по этому поводу декрету ставит вопрос выступления большевиков и захват государственных и общественных учреждений Москве на реальную почву ближайшие дни, может быть, сегодня. Имеются сведения, что Москва явится центром выступления. Для сохранения порядка в Москве в моем распоряжении сил *достаточно*... для округа, где во многих местах намечаются такие же выступления, возможно, необходимо будет ваше содействие, главным образом, кавалерией и конной артиллерией, о чем поставил в известность военмина врид командвойск Московского полковник Кравчуко» [5].

Таким образом, московские контрреволюционеры, видимо, знали о письме Ленина, в котором он высказал предположение о возможности начать восстание в Москве. Реакция приняла

свои меры, не ожидая восстания. Все это проливает свет и на дальнейшие события в Москве, где восстание затянулось на несколько дней: контрреволюция в ней успела собрать значительные силы.

На телеграмме за подписью полковника Кравчука Духонин наложил резолюцию:

«Необходимо подготовить к отправлению если не дивизию, то бригаду с конной артиллерией. Духонин» [1].

В тот же день, 20 октября, Ставка сообщила в Москву:

«Приказано подготовить к отправке с Юзфронта бригаду конницы с батареей в ваше распоряжение по получении от вас уведомления о надобности» [2].

В свете этих фактов представляется совершенно беспочвенной и ребячески-наивной известная «теория» Троцкого о том, что отказом в выводе войск из Петрограда был уже будто бы предрешен исход октябрьского восстания.

«Исход восстания 25 октября, — писал Троцкий в своих «Уроках Октября», — был уже на три четверти, если не более, предопределен в тот момент, когда мы воспротивились выводу петроградского гарнизона, создали Военно-революционный комитет (16 октября), назначили во все воинские части и учреждения своих комиссаров и тем полностью изолировали не только штаб Петроградского военного округа, но и правительство. По существу дела мы здесь имели вооруженное восстание... Восстание 25 октября имело только дополнительный характер» [3].

В свете вышеприведенных документов выступает весь предательский характер этой легенды, а сама клеветническая легенда тает, как снег на солнце. Отказ вывести полки из Петрограда только бросил контрреволюции вызов со стороны революции. Именно после этого лихорадочно завозилась контрреволюция, спеша опередить нарастающее восстание. Если бы большевистская партия хоть на минуту поверила, что отказ вывести гарнизон и есть «по существу вооруженное восстание», победа которого уже обеспечена этим отказом, она попала бы в ловушку контрреволюции: «легальное», «мирное восстание» Троцкого повело бы к тому, что, подтянув все свои силы, контрреволюция раздавила бы «мирных» победителей.

Ход событий подтвердил это полностью.

Контрреволюция закончила свои приготовления: на местах были созданы штабы для руководства разгромом революции — пресловутые «комитеты общественной безопасности»; этим штабам была передана вся полнота власти; с фронта вызваны верные части; в тылу приведены в боевой порядок давно подготовленные отряды; в крупнейшие узловые пункты и промышленные центры присланы крупные пополнения, а в самом Петрограде приняты все меры для подавления вооруженного восстания.

Еще 14 октября, на второй день после того, как пленум Петроградского совета утвердил организацию Военно-революционного комитета и предложил ему немедленно приступить к работе, у Керенского состоялось совещание членов Временного правительства. Начальник штаба Петроградского военного округа генерал Багратуни сообщил совещанию о мерах борьбы с возможным выступлением. Временное правительство не сочло «мирным» назревающее восстание и утвердило все эти мероприятия, предложив возложить оборону города на военный комитет при Центральном исполнительном комитете советов. На следующий день командующий войсками округа Полковников запретил митинги, собрания и шествия, кем бы они ни устраивались. Приказ свой он закончил так:

«Предупреждаю, что для подавления всякого рода попыток к нарушению порядка в Петрограде мной будут приниматься самые крайние меры» [4].

Шестнадцатого октября на закрытом заседании Временного правительства Полковников снова сделал доклад о подготовке контрудара. Полковников сообщил, что юнкерские школы из окрестностей Петрограда вызваны в столицу, а часть броневого дивизиона размещена у Зимнего дворца. Утвердив намеченные меры, правительство признало необходимым изъять милицию из ведения районных городских дум и подчинить ее непосредственно центральной власти. Вооруженные силы столицы концентрировались в одних руках.

На следующий день вновь состоялось заседание Временного правительства. Выступали с сообщениями только что вернувшиеся с фронта Керенский, военный министр Верховский и министр внутренних дел Никитин. Все нужные меры уже приняты, заявил Керенский: усилена охрана Зимнего и Мариинского дворцов, где заседали правительство и Предпарламент; из Ораниенбаума под Петроградом вызваны две школы прапорщиков для охраны почты, телеграфа, телефона; с Румынского фронта вызваны бронированный поезд и ряд других воинских частей; усилена милиция. Словом, по уверениям Керенского налицо имелась вполне достаточная военная сила.

Как шла подготовка в самом Петрограде, можно судить по следующим фактам.

Третьего октября неблагонадежные роты 1-й гвардейской резервной бригады, входившие в состав гарнизона Петропавловской крепости, были сменены четырьмя ротами самокатного батальона. 10 октября прибыла в Петроград для охраны Зимнего дворца 1-я Ораниен-

баумская школа прапорщиков. 16 октября туда же прибыла 2-я Ораниенбаумская школа прапорщиков. 17 октября был отдан приказ о передаче в распоряжение командующего войсками Петроградского военного округа 16 броневиков «Фиат» и одного броневика «Гарфорд», предназначенных для охраны Зимнего дворца и правительственных учреждений.

Наступил решающий момент: революция и контрреволюция стали в боевые позиции, лицом к лицу.

Первый удар нанесла контрреволюция. Считая, что большевики поднимут восстание 20 октября, когда первоначально предполагалось открытие очередного — второго — съезда советов, Временное правительство накануне, т. е. 19 октября, вновь отдало приказ об аресте Ленина. Прокурор обратился ко всем властям с предложением найти, арестовать и доставить Ленина П. А. Александрову — судебному следователю по особо важным делам.

В тот же день в Калуге прибывший туда с казаками правительственный комиссар Галин ультимативно потребовал от Калужского совета роспуска солдатской секции и разоружения гарнизона. Карательный отряд окружил «Дворец свободы», где заседали все секции совета, обстрелял здание, разгромил помещение совета и арестовал большевистских депутатов. Казаки, громившие совет, говорили, что им дано задание разогнать еще двенадцать советов, стоящих на большевистской точке зрения, и в том числе Московский совет.

В Казани командующий войсками отдал приказ разоружить артиллерийский дивизион, находившийся под руководством большевиков.

В Ташкенте генерал Коровниченко оцепил казаками и юнкерами при поддержке двух бронемашин казармы, занятые революционно настроенными частями.

В Петрограде на улицы были выведены усиленные отряды юнкеров и казаков, по городу разбросаны скрытые резервы, готовые выступить в любой момент. Вся милиция была приведена в боевую готовность, половина ее наличного состава непрерывно дежурила в комиссариате. По городу разъезжали усиленные казачьи патрули.

Частям петроградского гарнизона был отдан секретный приказ:

«Ввиду того, что главнейшими объектами захвата являются Зимний дворец, Смольный институт, Мариинский дворец, Таврический дворец, штаб округа, государственный банк, экспедиция заготовления государственных бумаг, почта-телеграф и центральная телефонная станция, все усилия должны быть направлены на сохранение этих учреждений в наших руках. Для этого необходимо: заняв линию реки Невы с одной стороны и линию Обводного канала и Фонтанки — с другой, преградить мятежникам всякий доступ в центральную часть города...»[1]

Дальше давались подробные указания о том, как должны были действовать полки в случае вооруженного выступления рабочих.

Приказ этот был перехвачен комиссаром Финляндского резервного полка и доставлен в Военно-революционный комитет.

Двадцатого, как известно, восстания не произошло, да и самый съезд не собрался: лавировавшие эсеро-меньшевистские предатели в последний момент решили оттянуть съезд еще на пять дней, надеясь за это время увеличить на съезде количество своих сторонников. Немалую роль играло намерение в последний момент спутать большевикам карты. Мелкобуржуазные политиканы тоже считали, что восстание приурочено к съезду: отложив съезд, мечтали отложить и восстание.

Но контрреволюция, раз начав наступление, продолжала выполнять свой план.

Двадцатого октября была вызвана и прибыла для охраны Зимнего дворца 2-я Петергофская школа прапорщиков, сменив 1-ю Ораниенбаумскую школу. 21 октября прибыла в столицу и заняла Аничков дворец 1-я Петергофская школа прапорщиков.

23 октября было приказано штабу Петроградского военного округа перевести в город батальон ударников из Царского села, гвардейскую артиллерию из Павловска и ряд частей с Северного фронта. 24 октября явилась рота 1-го Петроградского женского батальона и вошла в состав гарнизона Зимнего дворца. 25 октября должны были прибыть в Петроград 3-я Петергофская школа прапорщиков и школа прапорщиков Северного фронта, имея по 100 патронов на человека.

Как видим, Временное правительство не доверяло армии: основное ядро перебрасываемых в столицу частей составляли военные школы — «буржуазная гвардия» по выражению Ленина. Классовое чутье не обмануло правительство: даже некоторые из числа отборных частей, как, например, пулеметный кольтовский батальон, самокатный батальон и другие, не только не оказали вооруженной поддержки Временному правительству, но присоединились к восставшим петроградским рабочим.

Наконец правительство вооружало те слои населения, на которые рассчитывало опереться.

Восемнадцатого октября начальник штаба Петроградского военного округа приказал выдать «командиру студенческого мотоциклетного отряда Дранкину 20 револьверов, 400 патронов»[2]. 20 октября приказано выдать комитету банковских служащих 100 револьверов и

Разгром казармы Калужского совета. *Рис. В. Щеглова.*

винтовок и 3 тысячи патронов. 24 октября отдаются распоряжения о выдаче оружия организованной В. Орловичем «команде бежавших из плена раненых и увечных солдат»[1]. 24 октября формируется и вооружается еще один подобный же отряд прапорщиком Фроловым. 24 октября выдан пулемет председателю Петроградского областного комитета по организации добровольческой армии — матросу Чайкину.

Главное внимание было обращено на охрану Зимнего дворца — местопребывания Временного правительства. В период с 10 по 23 октября происходил подбор частей для сводного отряда, составившего дворцовый гарнизон. Подбор про-

изводился с большой тщательностью. Основное ядро отряда составляли военные школы с отборным личным составом. В тех случаях, когда привлекались солдаты, это производилось всегда с оговоркой о присылке «надежных людей». Таково, например, приказание от 17 октября командиру пулеметного батальона о присылке «надежных» пулеметчиков для обслуживания установленных во дворце двух пулеметов Кольта и двух пулеметов Максима. Таковы и другие распоряжения.

Состав и вооружение отрядов, брошенных на охрану Зимнего дворца на 21 октября[1]:

Наименование частей	*Офицеров*	*Юнкеров*	*Солдат*	*Орудий*	*Бронемашин*	*Пулеметов*
2-я Петергофская школа прапорщиков	10	300	6	—	—	—
2-я Ораниенбаумская школа прапорщиков	22	330	—	—	—	9
Михайловское артиллерийское училище	2	66	—	6	—	—
Броневой автомобильный дивизион	2	—	15	—	5	10
4-я рота 1-го самокатного батальона	1	—	54	—	—	—
Всего	37	696	75	6	5	19

В последующие дни сводный отряд был усилен ударниками из Царского села, ротой 1-го Петроградского женского батальона, юнкерами школы прапорщиков Северного фронта, тремя сотнями казаков, юнкерами инженерной школы и некоторыми другими подразделениями и насчитывал до 1 600 человек.

С 16 по 24 октября юнкерские отряды постепенно занимали правительственные учреждения и наиболее важные в тактическом отношении пункты города.

Шестнадцатого октября «впредь до отмены» были выставлены самокатные наблюдательные посты на Миллионной улице, на Полицейском мосту и у Александровского сада против Гороховой улицы и Вознесенского проспекта.

Семнадцатого октября юнкерами усилили караулы в «Крестах», на 2-й городской станции и в других местах. В тот же день к зданиям экспедиции заготовления государственных бумаг, государственного банка, почтамта, центральной железнодорожной телеграфной станции и Николаевского вокзала направлены были бронемашины. Всем бронемашинам приказано было иметь по 12 снаряженных патронами пулеметных лент.

Двадцатого октября на Николаевский вокзал прибыла учебная команда Измайловского резервного полка. 24 октября юнкерские караулы заняли городскую станцию телеграфа, телефонную станцию, все вокзалы, главную железнодорожную станцию (Фонтанка, 117), правительственные учреждения. В тот же день юнкерские пикеты расположились на углах больших улиц города и начали задерживать и направлять к Зимнему дворцу автомобили, не имеющие установленных пропусков.

24 октября юнкерские отряды заняли мосты через Неву.

24-го же в Петрограде ждали прибытия войск с фронта.

«По моему приказу, — писал позже Керенский, — с фронта должны были в срочном порядке выслать в Петербург войска, и первые эшелоны с Северного фронта должны были появиться в столице 24 октября»[2].

В тот же день, 24 октября, т. е. *за день до открытия съезда советов*, было намечено нанести последний, решающий удар — *атаковать и занять Смольный*.

«Сейчас же после окончания заседания правительства, — рассказывает Керенский о заседании в Зимнем дворце в 23 часа 24 октября, — ко мне явился командующий войсками со своим начальником штаба. Они предложили мне организовать силами всех оставшихся верными Временному правительству войск, в том числе и казаков, экспедицию для захвата Смольного института — штаб-квартиры большевиков. Этот план получил сейчас же мое утверждение, и я настаивал на его немедленном осуществлении»[3].

УКАЗАТЕЛИ

К ПЕРВОМУ ТОМУ

ИСТОРИИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

В СССР.

К ПОЛЬЗОВАНИЮ УКАЗАТЕЛЯМИ

Цифры (полужирный шрифт), стоящие впереди текста в колонках библиографического указателя, означают страницы тома, к которым относятся данные библиографические источники. Цифры, стоящие над строкой (мелкий шрифт), означают порядковые сноски к соответствующим страницам.

Условные обозначения, допущенные в библиографическом указателе: ЦАОР — Центральный архив Октябрьской революции; ЦВИА — Центральный военно-исторический архив.

Цитаты из сочинений Ленина даны по 2-му и 3-му изданиям.

Города, улицы, заводы и пр. в тексте тома имеют наименования существовавшие до 1917 г.; переименованные к настоящему времени имеют в предметно-географическом указателе дополнительно новые названия, обозначенные курсивом.

Все даты как в тексте тома, так и в «датах важнейших событий» даны по старому стилю.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

КАНУН БУРЖУАЗНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

СТРАНИЦЫ

11 [1] *Лукирский С.* Авторитетные суждения в иностранной военной литературе о влиянии действий русской армии на ход событий в мировую войну 1914—1918 гг. В книге: Кто должники? Москва, Авиоиздательство, 1926 г., стр. 102.

12 [1] *Палеолог М.* Царская Россия во время мировой войны. Москва, Госиздат, 1923 г., стр. 99. (Paléologue Maurice. La Russie des Tzars pendant la grande guerre. 22 ed., Paris, Librairie Plon, s. a., v. I. page 77.)

12 [2] *Там же*, стр. 122.

12 [3] *Там же*, стр. 123.

13 [1] *Милюков П.* Мое отношение к последней войне. «Последние новости» № 1309, 1 августа 1924 г., Париж

13 [2] *Записка Дурново.* «Красная новь», 1922 г., № 6, стр. 196.

14 [1] *Ленин В. И.* Две тактики социал-демократии в демократической революции. Сочинения, том VIII, стр. 62.

14 [1] *Савицкий В.* Дарданеллы и их торговое значение. «Промышленность и торговля», 1912 г., № 24, стр. 531.

15 [1] *Ленин В. И.* О сепаратном мире. Сочинения, том XIX, стр. 281.

16 [1] *Государственная дума.* 4-й созыв. IV сессия. Стенографический отчет. Петроград, 1915 г., столбец 92.

16 [2] *Покровский Н.* Военные прибыли главнейших отраслей текстильной промышленности. «Вестник финансов, промышленности и торговли», 1917 г., № 21, стр. 292.

16 [3] *Архив революции и внешней политики.* Дело департамента полиции. Особая опись, № 243, том I, 1915 г., лист 235.

16 [4] *Резолюция* экстренного заседания Московской городской думы. «Утро России» № 228, 19 августа 1915 г.

17 [1] *Кабинет обороны.* «Утро России» № 222, 13 августа 1915 г.

17 [2] *Гоголь Н. В.* Мертвые души. Москва, Гихл, 1933 г., стр. 80.

СТРАНИЦЫ

18 [1] *Переписка* Николая и Александры Романовых. Том III, Москва, Госиздат, 1923 г., стр. 295.

18 [2] *Там же*, стр. 334.

18 [3] *Семенников В. П.* Монархия перед крушением. 1914—1917 гг. Бумаги Николая II и другие документы. Москва, Госиздат, 1927 г., стр. 95—96.

18 [4] *Ленин В. И.* Итоги выборов. Сочинения, том XVI, стр. 262.

18 [1] *Ленин В. И.* Победа кадетов и задача рабочей партии. Сочинения, том IX, стр. 93.

19 [2] *Конституционно-демократическая партия* (партия «народной свободы»). Постановления II съезда 5—11 января 1906 г. и программа. Петербург, 1906 г., стр. 7.

19 [3] *Хрущев А.* А. И. Шингарев. Его жизнь и деятельность. Москва, 1918 г., стр. 71.

20 [1] *Ленин В. И.* Опыт классификации русских политических партий. Сочинения, том X, стр. 93.

20 [2] *Брамсон Л. М.* К истории трудовой партии. Трудовая группа I Государственной думы. Петроград, «Единение», 1917 г., стр. 14.

22 [1] *Программа* партии социалистов-революционеров. Москва, 1917 г., стр. 11.

24 [1] *Падение царского режима.* Стенографический отчет допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. Том VI, Ленинград, Госиздат, 1926 г., стр. 286.

24 [2] *Ленин В. И.* Социализм и война. Сочинения, том XVIII, стр. 210.

24 [3] «*Социал-демократ*» № 34, 5 декабря 1914 г., Женева. (Хроника. С.-Петербург.)

25 [1] *Прогрессивный блок* в 1915—1917 гг. «Красный архив», 1932 г., том L—LI, стр. 133—134.

25 [2] *Переписка* Николая и Александры Романовых. Том III, Москва, Госиздат, 1923 г., стр. 276

25 [3] *Там же*, стр. 244.

25 [4] *Там же*, стр. 224.

25 [5] *Витте С. Ю.* Воспоминания. Том II, Москва Госиздат, 1923 г., стр. 33.

20 [1] *Переписка* Николая и Александры Романовых. Том III, Москва, Госиздат, 1923 г., стр. 103.

20 [2] *Там же*, стр. 255.

20 [3] *Там же*, стр. 355.

24 [4] *Государственная дума.* 4-й созыв. IV сессия. Стенографический отчет. Петроград, 1915 г., столбец 1207—1208.

27 [1] *Ленин В. И.* Падение Порт-Артура. Сочинения, том VII, стр. 48.

27 [2] *Маниковский А. А.* Боевое снабжение русской армии в мировую войну. Том II, Москва, Госиздат, 1930 г., стр. 9.

27 [3] *Заседание* в Зимнем дворце. Торжественное открытие особых совещаний по снабжению армии. «Русское слово» № 194, 23 августа 1915 г.

27 [4] *Поливанов А. А.* Из дневника и воспоминаний по должности военного министра и его помощника. Том I, Москва, 1924 г., стр. 154—155.

27 [5] *Там же*, стр. 155.

28 [1] *Маниковский А. А.* Боевое снабжение русской армии в мировую войну. Том II, издание 2, Москва, Госиздат, 1930 г., стр. 36.

28 [2] *Там же*, стр. 32.

28 [3] *Падение царского режима.* Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. Том I, Ленинград, Госиздат, 1924 г., стр. 241.

28 [4] *Труды совещания* по экономическим вопросам, связанным с дороговизной и снабжением армии. Москва, 1915 г., стр. 261.

29 [1] *Ленинградское отделение Центрархива.* II отделение экономической секции ВГАФ, лист 3.

29 [2] *Маниковский А. А.* Боевое снабжение русской армии в мировую войну. Том II, издание 2, Москва, Госиздат, 1930 г., стр. 343—344.

31 [1] *Очерки по истории Октябрьской революции.* Том I, Москва, Госиздат, 1927 г., стр. 61.

32 [1] *Родзянко М. В.* Крушение империи. «Архив русской революции», том XVII, Берлин, 1926 г., стр. 100.

35 [1] *Семенников В. П.* Монархия перед крушением. Бумаги Николая II и другие документы. Москва, Госиздат, 1927 г., стр. 282.

54 [1] *ЦВИА* Фонд — Штаб главнокомандующего армий Юго-западного фронта. Дело № 25—945, лист 107.

54 [2] *Там же*, лист 231.

54 [3] *Там же*, лист 245.

54 [4] *Там же*, лист 5.

54 [5] *Там же*, лист 27.

54 [6] *Войтоловский Л.* По следам войны. Походные записки 1914—1917 гг. Том I—II, Ленинград, Госиздат, 1925 г., стр. 251.

56 [1] *ЦВИА.* Фонд — Штаб главнокомандующего армий Юго-западного фронта. Дело № 25—945, лист 152.

57 [1] *Демонстрация солдат и рабочих.* «Социал-демократ» № 53, 13 апреля 1916 г., Женева.

58 [1] *Архив революции и внешней политики.* Дело департамента полиции. Особая опись А 5, 1915 г., лист 193.

58 [2] *Ленин В. И.* Война и российская социал-демократия. Сочинения, том XVIII, стр. 66.

59 [1] *Ленин В. И.* О поражении своего правительства в империалистской войне. Сочинения, том XVIII, стр. 170.

59 [2] *Там же*, стр. 172.

59 [3] *Плеханов Г. В.* Социалисты и голосование военных кредитов. «Призыв», Париж, 1916 г., № 17, стр. 8.

59 [4] *Бернская конференция 1915 г.* Приложение 2. Революция боевской группы. «Пролетарская революция», 1925 г., № 5(40), стр. 172.

60 [1] *Карнаухов П. А.* Воспоминания о военной службе в старой и Красной армии. Рукописный фонд ИГВ, № 452.

62 [1] *Свод законов*, циркуляров и справочных сведений по народному образованию в переходный период. Москва, 1908 г., стр. 155.

64 [1] *Диманштейн С.* Прошлое и настоящее. Жизнь народов СССР. «Московский рабочий», 1924 г., стр. 20—21.

66 [1] *Национальный союз.* «Новое время» № 11576, 5 июня 1908 г.

66 [2] *Чарнолусский В. И.* Российские партии, союзы и лиги. Сборник программ. Петербург, 1906 г., стр. 119.

66 [3] *Устав Всероссийского национального союза.* «Новое время» № 11577, 6 июня 1908 г.

66 [4] *Ленин В. И.* Кадеты и националисты. Сочинения, том XVI, стр. 176.

67 [1] *Сталин И. В.* Марксизм и национальный вопрос. В его книге: Марксизм и национально-колониальный вопрос. Сборник избранных статей и речей. Москва, Партиздат, 1934 г., стр. 25, 26.

67 [2] *Ленин В. И.* Революция летнего 1913 года совещания ЦК РСДРП с партийными работниками. Сочинения, том XVII, стр. 12.

68 [1] *Революция и национальный вопрос.* Документы и материалы по истории национального вопроса в России и СССР в XX веке. Т. III, 1917 г., Москва, издание Коммунистической академии, 1930 г., стр. 22.

18 [1] *Переписка* Николая и Александры Романовых. Том V, Москва, Госиздат, 1927 г., стр. 160.

19 [2] *Переписка* Николая и Александры Романовых. Том III, Москва, Госиздат, 1923 г., стр. 283.

20 [1] *Переписка* Николая и Александры Романовых. Том V, Москва, Госиздат, 1927 г., стр. 175.

51 [1] *Переписка* Николая и Александры Романовых. Том IV, Москва, Госиздат, 1926 г., стр. 29.

51 [2] *Падение царского режима.* Стенографический отчет допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. Том III, Ленинград, Госиздат, 1925 г., стр. 85.

51 [3] *Архив революции и внешней политики.* Дело департамента полиции. Особая опись № 167, часть 56, лист 80.

52 [1] *Архив революции и внешней политики.* Дело департамента полиции. Особая опись № 167, часть 46, лист 71.

52 [3] *Листовка* РСДРП. Петербургский комитет. К пролетариату Петербурга. 1916 г.

52 [4] *Архив революции и внешней политики.* Дело охранного отделения № 27, 1916 г., лист 73.

53 [1] *Государственная дума.* 4-й созыв. V сессия. Стенографический отчет. Петроград, 1916 г., столбец 68.

53 [2] *Там же*, столбец 134.

53 [3] *Там же*, столбец 38.

53 [4] *Там же*, столбец 38.

53 [5] *Там же*, столбец 12—13

53 [6] *Там же*, столбец 69.

53 [7] *Там же*, столбец 286.

53 [8] *Государственный совет.* Заседание 22 ноября. «Русское слово» № 270, 23 ноября, и № 274, 27 ноября 1916 г.

53 [9] *Съезд объединенного дворянства.* «Русское слово» № 275, 29 ноября 1916 г.

54 [1] *Семенников В. П.* Монархия перед крушением. Бумаги Николая II и другие документы. Москва, Госиздат, 1927 г., стр. 9.

54 [2] *Палеолог М.* Царская Россия накануне революции. Госиздат, Москва, 1923 г., стр. 121. (Paléologue Maurice. La Russie des Tzars pendant la grande guerre. 21 ed., Paris, Librairie Plon. s. a., v. II, page 264.)

54 [3] *Бьюкенен Дж.* Мемуары дипломата. Издание 2, Москва, Госиздат, 1925 г., стр. 165—166. (Buchanan Sir George. My Mission to Russia and other Diplomatic Memoirs. London, Cassel & C°, 1923, v. II, page 18—19.)

54 [4] *Палеолог М.* Царская Россия накануне революции. Москва, Госиздат, 1923 г., стр. 297. (Paléologue Maurice. La Russie des Tzars pendant la grande guerre. 20 ed., Paris, Librairie Plon. s. a., v. III, page 159.)

55 [1] *Государственная дума.* 4-й созыв. V сессия. Стенографический отчет. Петроград, 1916 г., столбец 258.

55 [2] *Переписка* Николая и Александры Романовых. Том V, Москва, Госиздат, 1927 г., стр. 192.

55 [3] *Переписка* Николая и Александры Романовых. Том III, Москва, Госиздат, 1923 г., стр. 174.

55 [4] *Падение царского режима.* Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. Т. VI, Ленинград, Госиздат, 1926 г., стр. 341—342.

55 [5] *Падение царского режима.* Стенографический отчет допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. Т. IV, Ленинград, Госиздат, 1925 г., стр. 61.

56 [1] *Семенников В. П.* Монархия перед крушением. 1914—1917 гг. Бумаги Николая II и другие документы. Москва, Госиздат, 1927 г., стр. 228.

56 [2] *Там же*, стр. 238.

56 [3] *Там же*, стр. 239.

56 [4] *Там же*, стр. 98

56 [5] *Чернин О.* В дни мировой войны. Мемуары. Москва, Госиздат, 1923 г., стр. 156—157. (Czernin O. Im Weltkriege. Berlin, Ullstein, 1919, s. 192.)

57 [1] *Ликвидация заговора.* М. И. Терещенко о генерале Крымове. «Русские ведомости» № 202, 3 сентября 1917 г.

57 [2] *Милюков П. Н.* История второй русской революции. Том I, выпуск 1, София, 1921 г., стр. 36.

57 [3] *Падение царского режима.* Стенографический отчет допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. Том VI, Ленинград, Госиздат, 1926 г., стр. 278.

57 [4] *Бьюкенен Дж.* Мемуары дипломата. Издание 2, Москва, Госиздат, 1925 г., стр. 180. (Buchanan Sir George. My Mission to Russia and other Diplomatic Memoirs. London, Cassel & C°, 1923, v. II, page 41.)

58 [1] *Там же*, стр. 187.

58 [2] *Архив революции и внешней политики.* Дело Петроградского охранного отделения № 525, 1917 г., лист 36.

58 [3] *Там же*, лист 28.

58 [4] *Архив революции и внешней политики.* Дело департамента полиции. Особая опись № 167, часть 13, лист 29.

58 [5] *Арест рабочей группы.* «Русские ведомости», экстренное приложение к № 24, 30 января 1917 г.

59 [1] *В общественных организациях.* «Утро России» № 28, 28 января 1917 г.

60 [1] *Центрархив.* Буржуазия накануне Февральской революции. Москва, Госиздат, 1927 г., стр. 183.

60 [2] *Речь А. Ф. Керенского.* «Речь» № 47, 19 февраля 1917 г.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

ФЕВРАЛЬСКАЯ БУРЖУАЗНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ.

62 [1] *Сухатов П. Д.* Октябрь в Петрограде. «История пролетариата СССР», 1932 г., № 11, стр. 110—111.

63 [1] *Падение царского режима.* Стенографический отчет допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. Том I, Ленинград, Госиздат, 1925 г., стр. 220.

63 [2] *Там же*, стр. 220.

63 [3] *Февральская революция 1917 г.* «Красный архив», 1927 г., № 2(21), стр. 10.

63 [6] *Февральская революция 1917 г.* «Красный архив», 1927 г., № 2 (21), стр. 5.

64 [1] *Пажетных К. И.* Волынцы в февральские дни. Воспоминания. Рукописный фонд ИГВ, № 488.

64 [2] *Блок А.* Последние дни императорской власти. По неизданным документам. Петроград, «Алконост», 1921 г., стр. 66—67.

64 [3] *Там же*, стр. 67.

65 [1] *Падение царского режима.* Стенографический отчет допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. Том II, Ленинград, Госиздат, 1925 г., стр. 265.

65 [2] *Родзянко М. В.* Государственная дума и Февральская 1917 г. революция. Ростов на Дону, 1919 г., стр. 42.

65 [3] *Блок А.* Последние дни императорской власти. По неизданным документам. Петроград, «Алконост», 1921 г., стр. 64.

66 [1] *Чумаков И. С.* Воспоминания. Рукописный фонд ИГВ, № 1284.

67 [1] *Пажетных К. И.* Волынцы в февральские дни. Воспоминания. Рукописный фонд ИГВ, № 488.

68 [1] *Листовка РСДРП.* Петербургский комитет. Ко всем рабочим, работницам Петрограда. 1916 г.

69 [2] *Февральская революция* в документах. «Пролетарская революция», 1923 г., № 1(13), стр. 285.

70 [1] *Родзянко М. В.* Государственная дума и Февральская 1917 г. революция. Ростов на Дону, 1919 г., стр. 41.

70 [2] *Там же*, стр. 42.

70 [3] *Шульгин В.* Дни. «Русская мысль», Прага, 1922 г., кн. VIII—XII, стр. 93.

72 [1] *Там же*, стр. 96

72 [2] *Переписка* Николая и Александры Романовых, 1916—1917 гг., том V. Москва, Госиздат, 1927 г., стр. 218.

72 [3] *Там же*, стр. 224—225.

72 [4] *Блок А.* Последние дни императорской власти. По неизданным документам. Петроград, «Алконост», 1921 г., стр. 77—78.

72 [5] *Там же*, стр. 78.

72 [6] *Переписка* Николая и Александры Романовых. 1916—1917 гг., том V, Москва, Госиздат, 1927 г., стр. 225.

72 [7] *Блок А.* Последние дни императорской власти. По неизданным документам. Петроград, «Алконост», 1921 г., стр. 78.

73 [1] *Февральская революция 1917 г.* «Красный архив», 1927 г., № 2(21), стр. 19.

73 [2] *Большевизация петроградского гарнизона.* Сборник материалов и документов. Ленинград Ленинградское областное издательство, 1932 г., стр. VI.

74 [1] *Ленин В. И.* Письма из далека. Сочинения, том XX, стр. 16—17.

76 [1] *Лукомский А.* Из воспоминаний. «Архив русской революции», том II, Берлин, 1921 г., стр. 20.

76 [2] *Шульгин В.* Дни. «Русская мысль», Прага, 1922 г., кн. VIII—XII, стр. 119—120.

77 [1] *Нокс-Кнох А.* With the Russian Army 1914—1917. London, Hutchinson, 1921, v. II, page 553—554.

77 [2] *Там же*, стр. 563.

77 [3] *Там же*, стр. 568.

77 [4] *Суханов Н.* Записки о революции. Кн. 1, Петроград, Гржебин, 1919 г., стр. 212.

78 [1] *К населению Петрограда и России* от совета рабочих депутатов. «Известия Петроградского совета рабочих депутатов» № 1, 28 февраля 1917 г.

79 [1] *Деникин А. И.* Очерки русской смуты. Том I, выпуск 1, Париж, 1921 г., стр. 66

79 [2] *Потресов А.* Роковые противоречия русской революции. «Дело», 1917 г., № 3—6, стр. 119.

80 [1] *Суханов Н.* Записки о революции. Кн. 1, Петроград, Гржебин, 1919 г., стр. 17.

80 [2] *Там же*, стр. 18.

80 [3] *Суханов Н.* Записки о революции. Кн. 1, Берлин, Гржебин, 1922 г., стр. 231.

81 [1] *Шульгин В.* Дни. «Русская мысль», Прага, 1922 г., кн. VI—VII, стр. 134.

82 [1] *Суханов Н.* Записки о революции. Кн. 1, Берлин, Гржебин, 1922 г., стр. 279.

82 [2] *Милюков П. Н.* История второй русской революции. Том 1, выпуск 1, София, 1921 г., стр. 28.

82 [3] *Там же*, стр. 28.

83 [1] *Ленин В. И.* О двоевластии. Сочинения, том XX, стр. 94.

83 [2] *Ленин В. И.* Уроки революции. Сочинения, том XXI, стр. 69.

84 [1] *В Екатерининском зале.* «Известия Петроградского совета рабочих депутатов» № 4, 3 марта 1917 г.

85 [1] *Там же.*

85 [2] *Лукомский А.* Из воспоминаний. «Архив русской революции», том II, Берлин, 1921 г., стр. 25.

85 [3] *Родзянко М. В.* Государственная дума и Февральская 1917 г. революция. Ростов на Дону, 1919 г., стр. 45—46.

85 [4] *Милюков П. Н.* История второй русской революции. Том 1, выпуск 1, София, 1921 г., стр. 33.

85 [5] *Родзянко М. В.* Государственная дума и Февральская 1917 г. революция. Ростов на Дону, 1919 г., стр. 48.

85 [6] *Отречение* великого князя Михаила Александровича. «Известия Петроградского совета» № 5, 4 марта 1917 г.

86 [1] *Шульгин В.* Дни. «Русская мысль», Прага, 1922 г., кн. VI—VII, стр. 117.

86 [2] *От Временного правительства.* «Вестник Временного правительства» № 2, 7 марта 1917 г.

87 [1] *Центрархив.* Крестьянское движение 1917 г. Москва, Госиздат, 1927 г., стр. 3.

87 [2] *Постановление Временного правительства.* «Вестник Временного правительства» № 14, 21 марта 1917 г.

87 [3] *Резолюция* Петроградской областной конференции социалистов-революционеров. «День» № 2, 7 марта 1917 г.

88 [1] *Центрархив.* Всероссийское совещание советов рабочих и солдатских депутатов. Стенографический отчет. Москва, Госиздат, 1927 г., стр. 312.

88 [2] *ЦАОР.* Фонд 406. Главное управление по делам милиции (главмилиция), отдел II, дело № 15а, часть 1, лист 219.

88 [3] *Ленин В. И.* Речь по аграрному вопросу 22 мая 1917 г. Сочинения, том XX, стр. 411.

88 [4] *Постановление Временного правительства.* «Вестник Временного правительства» № 31, 14 апреля 1917 г.

88 [5] *Ленин В. И.* «Добровольное соглашение» между помещиками и крестьянами. Сочинения, том XX, стр. 169.

88 [6] *Хрущев А.* А. И. Шингарев. Его жизнь и деятельность. Москва, 1918 г., стр. 98—99.

88 [7] *Главный земельный комитет.* «Дело народа» № 54, 20 мая 1917 г.

89 [1] *Ленин В. И.* Новый обман крестьян партией эсеров. Сочинения, том XXI, стр. 359.

89 [2] *В Главном земельном комитете.* «Речь» № 117, 20 мая 1917 г.

89 [3] *Совещание у министра торговли и промышленности.* «Торгово-промышленная газета» № 56, 17 марта 1917 г.

89 [4] *Родзянко* против хлебной монополии. «Новая жизнь» № 108, 23 августа 1917 г.

90 [1] *Съезд* партии «народной свободы». Шингарев о хлебной монополии. «Русские ведомости» № 70, 29 марта 1917 г.

90 [2] *Третий чрезвычайный всероссийский съезд* представителей биржевой торговли и сельского хозяйства. «Торгово-промышленная газета» № 86, 27 апреля 1917 г.

90 [3] *Шидловский С. И.* Воспоминания. Часть II, Берлин, 1923 г., стр. 115.

90 [4] *Заседание* Центрального военно-промышленного комитета. «Торгово-промышленная газета» № 49, 9 марта 1917 г.

91 [1] *Распоряжение генерала Алексеева.* «Известия Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов» № 9, 8 марта 1917 г.

91 [2] *От Временного правительства* в действующую армию. «Вестник Временного правительства» № 2, 7 марта 1917 г.

92 [1] *Деникин А. И.* Очерки русской смуты. Том I, выпуск 1, Париж, 1921 г., стр. 67.

92 [2] *Воззвание Временного правительства.* «Вестник Временного правительства» № 5, 10 марта 1917 г.

92 [3] *Об отношении совета* рабочих и солдатских депутатов к правительству. «Известия Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов» № 10, 9 марта 1917 г.

92 [4] *По Москве.* «Русские ведомости» № 58, 14 марта 1917 г.

92 [5] *К народам всего мира.* «Известия Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов» № 15, 15 марта 1917 г.

92 [6] *Там же.*

93 [1] *Беседа* с министром иностранных дел П. Н. Милюковым. «Русские ведомости» № 66, 23 марта 1917 г.

93 [2] *Набоков В. Д.* Временное правительство. Воспоминания. Москва, «Мир», 1924 г., стр. 102—103.

93 [3] *Там же*, стр. 103.

93 [4] *Обращение* Временного правительства к российским гражданам. «Вестник Временного правительства» № 16, 28 марта 1917 г.

93 [5] *Там же.*

93 [6] *Ленин В. И.* Задачи пролетариата в нашей революции. Сочинения, том XX, стр. 117.

94 [1] *Там же*, стр. 118.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

ПРИЕЗД ЛЕНИНА.

96 [1] *Ленин В. И.* Два письма А. М. Коллонтай. Сочинения, том XX, стр. 8.

96 [2] *Попов А. Л.* Дипломатия Временного правительства в борьбе с революцией. «Красный архив», 1927 г., том I (XX), стр. 4—5.

96 [3] *Там же*, стр. 5.

96 [4] *Крупская Н. К.* Из эмиграции в Питер. В книге: Платтен Ф. Ленин на эмиграции в Россию. Март 1917 г. «Московский рабочий», 1925 г., стр. 113—114.

96 [5] *Протокол о проезде через Германию.* Ленинский сборник II, издание 3, Москва, Госиздат, 1924 г., стр. 392—393.

96 [6] *Попов А. Л.* Дипломатия Временного правительства в борьбе с революцией. «Красный архив», 1927 г., том I (XX), стр. 11.

98 [1] *Там же*, стр. 12.

99 [1] *Приезд Ленина.* «Речь» № 78, 5 апреля 1917 г.

99 [2] *Чернов В.* Ленин. «Дело народа» № 26, 16 апреля 1917 г.

99 [3] *Третья рота* гвардейского Финляндского полка. «Рабочая газета» № 38, 28 апреля 1917 г.

100 [1] *Суханов Н.* Записки о революции. Кн. 3, Берлин, Гржебин, 1922 г., стр. 14—15.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

АПРЕЛЬСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ РСДРП (БОЛЬШЕВИКОВ).

102 [1] *Сталин И. В.* Об Октябрьской революции. Сборник статей и речей. Москва, Партиздат, 1932 г., стр. 58.

102 [2] *Сталин И. В.* На путях к Октябрю. Статьи и речи. Март—октябрь 1917 г. Издание 2, Москва. Госиздат, 1925 г., стр. 2.

103 [1] *Там же*, стр. VIII.

104 [1] *Ленин В. И.* Речь на совещании большевиков членов Всероссийской конференции советов рабочих и солдатских депутатов 4 апреля 1917 г. Сочинения, том XX, стр. 76—82.

105 [2] *Совещание представителей* социал-демократических партий по вопросу об объединении. «Единство» № 5, 5 апреля 1917 г.

105 [3] *Там же.*

106 [1] *Ленин В. И.* Всероссийская апрельская конференция РСДРП 24—29 апреля 1917 г. Речь при открытии конференции 24 апреля. Сочинения, том XX, стр. 239.

107 [1] *Седьмая («Апрельская»)* Всероссийская и Петроградская общегородская конференции РСДРП(б). Апрель 1917 г. Москва, Партиздат, 1934 г., стр. 144—145.

107 [2] *Там же*, стр. 119.

108 [1] *Там же*, стр. 129—130.

108 [2] *Ленин В. И.* Всероссийская апрельская конференция РСДРП 24—29 апреля 1917 г. Сочинения, том XX, стр. 239.

109 [1] *Ленин В. И.* Петроградская общегородская конференция РСДРП 14—22 апреля 1917 г. Сочинения, том XX, стр. 181.

109 [2] *Ленин В. И.* О задачах пролетариата в данной революции. Сочинения, том XX, стр. 88.

109 [3] *Ленин В. И.* Всероссийская апрельская конференция РСДРП 24—29 апреля 1917 г. Доклад о текущем моменте 24 апреля. Сочинения, том XX, стр. 245.

109 [4] *Там же*, стр. 245—246.

110 [1] *Там же*, стр. 250—251.

110 [2] *Сталин И. В.* Вопросы ленинизма. Издание 10, Москва. Партиздат, 1934 г., стр. 94.

111 [1] *Ленин В. И.* Всероссийская апрельская конференция РСДРП 24—29 апреля 1917 г. Доклад о текущем моменте 24 апреля. Сочинения, том XX, стр. 246.

111 [2] *Там же*, стр. 242.

111 [3] *Ленин В. И.* Петроградская общегородская конференция РСДРП 14—22 апреля 1917 г. Две реплики во время прений по революции об отношении к Временному правительству 15 апреля. Сочинения, том XX, стр. 185.

111 [4] *Седьмая («Апрельская»)* Всероссийская и Петроградская общегородская конференции РСДРП(б). Апрель 1917 г., Москва, Партиздат, 1934 г., стр. 93.

111 [5] *Ленин В. И.* Всероссийская апрельская конференция РСДРП 24—29 апреля 1917 г. Заключительное слово по докладу о текущем моменте 24 апреля. Сочинения, том XX, стр. 253.

112 [1] *Седьмая («Апрельская»)* Всероссийская и Петроградская общегородская конференции РСДРП(б). Апрель 1917 г. Москва. Партиздат, 1934 г., стр. 235—236.

112 [2] *Ленин В. И.* Всероссийская апрельская конференция РСДРП 24—29 апреля 1917 г. Речь в защиту резолюции о текущем моменте 29 апреля. Сочинения, том XX, стр. 282.

112 [3] *Седьмая («Апрельская»)* Всероссийская и Петроградская общегородская конференции РСДРП(б). Апрель 1917 г. Москва, Партиздат, 1934 г., стр. 221—222.

113 [1] *Там же*, стр. 227.

113 [2] *Там же*, стр. 228.

113 [3] *Там же*, стр. 194.

113 [4] *Там же*, стр. 195, 197.

113 [5] *Ленин В. И.* Всероссийская апрельская конференция РСДРП 24—29 апреля 1917 г. Речь по национальному вопросу 29 апреля. Сочинения, том XX, стр. 277.

114 [1] *Седьмая («Апрельская»)* Всероссийская и Петроградская общегородская конференции РСДРП(б). Апрель 1917 г. Москва, Партиздат, 1934 г., стр. 238.

114 [2] *Ленин В. И.* Всероссийская апрельская конференция РСДРП 24—29 апреля 1917 г. Заключительная речь при закрытии конференции 29 апреля. Сочинения, том XX, стр. 283

ГЛАВА ПЯТАЯ.

БОЛЬШЕВИСТСКАЯ ПАРТИЯ В БОРЬБЕ ЗА МАССЫ.

115 [1] *Нота* министра иностранных дел. «Русские ведомости» № 87, 20 апреля 1917 г.

116 [1] *О Временном правительстве.* Революция 180-го пехотного запасного и гвардейского Финляндского полков 20 апреля 1917 г. Газета «Солдатская правда» № 8, 10 мая 1917 г.

116 [2] *Ленин В. И.* Всероссийская апрельская конференция РСДРП 24—29 апреля 1917 г. Заключительное слово по докладу о текущем моменте 24 апреля. Сочинения, том XX, стр. 252.

116 [3] *Троцкий Л.* Уроки Октября. Сочинения, том III, часть 1. От Февраля до Октября. Москва. Госиздат, стр. 27—28.

117 [1] *Сталин И. В.* Вопросы ленинизма. Издание 10. Москва, Партиздат, 1934 г., стр. 90.

118 [1] *Вознесенский А. Н.* Москва в 1917 году. Москва, Госиздат, 1928 г., стр. 45—46.

118 [2] *Ленин В. И.* Революция Центрального комитета РСДРП, принятая утром 22 апреля 1917 г. Сочинения, том XX, стр. 224.

119 [1] *Буржуазия и помещики в 1917 г.* Частные совещания членов Государственной думы. Москва, Партиздат, 1932 г., стр. 13.

119 [2] *Всероссийская конференция* меньшевистских и объединенных организаций РСДРП. Москва, 1917 г., стр. 35.

120 [1] *В совете рабочих и солдатских депутатов.* «Известия Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов» № 60, 7 мая 1917 г.

120 [2] *Там же.*

120 [3] *Там же.*

120 [4] *Набоков В. Д.* Временное правительство. Воспоминания. Москва, «Мир», 1924 г., стр. 78.

121 [1] *Буржуазия и помещики в 1917 г.* Частные совещания членов Государственной думы. Москва, Партиздат, 1932 г., стр. 21.

121 [2] *Там же,* стр. IV.

122 [1] *Буржуазия и Временное правительство.* «Пролетарская революция», 1926 г., № 10(57), стр. 246—247.

123 [1] *Заявление В. М. Чернова* по поводу письма кн. Г. Е. Львова. «День» № 107, 12 июля 1917 г.

123 [1] *Ленин В. И.* Как и почему крестьян обманули? Сочинения, том XX, стр. 581.

123 [2] *Буржуазия и помещики в 1917 г.* Частные совещания членов Государственной думы. Москва, Партиздат, 1932 г., стр. 64.

126 [1] *Рейхардт В.* Русская буржуазия в борьбе за сохранение экономического господства (февраль — октябрь 1917). «Красная летопись», 1930 г., № 1 (34), стр. 18

126 [2] *Экономическое положение* России перед революцией. «Красный архив», 1925 г., № 3 (10), стр. 88—93.

126 [3] *Там же,* стр. 88—93

126 [4] *Там же,* стр. 87.

126 [5] *Ленин В. И.* Уроки революции. Сочинения, том XXI, стр. 73.

127 [1] *Действия правительства.* Постановление Временного правительства. «Вестник Временного правительства» № 15, 22 марта 1917 г.

127 [1] *Сталин И. В.* Октябрьский переворот и национальный вопрос. В его книге: Марксизм и национально-колониальный вопрос. Сборник избранных статей и речей. Москва, Партиздат, 1934 г., стр. 52.

127 [3] *Там же,* стр. 51.

128 [1] *Ленин В. И.* Украина. Сочинения, том XX, стр. 534

129 [2] «Речь» № 137, 14 июня 1917 г. (передовица).

129 [2] *Там же.*

129 [4] *Ленин В. И.* Украина и поражение правящих партий России. Сочинения, том XX, стр. 539—540.

129 [1] *Манифест* о роспуске сейма 18 июля 1917 г. и производстве новых выборов. «Вестник Временного правительства» № 110, 21 июля 1917 г.

129 [2] *Ленин В. И.* Финляндия и Россия. Сочинения, том XX, стр. 324.

130 [1] *Рыскулов Т.* Революция и коренное население Туркестана. Сборник главнейших статей, докладов, речей и тезисов. Ч. 1, 1917—1919 гг. Ташкент, Узбекское государственное издательство, 1925 г., стр. 4.

131 [1] *Ленин В. И.* Революция Центрального комитета РСДРП, принятая утром 22 апреля 1917 г. Сочинения, том XX, стр. 225.

132 [1] *Сталин И. В.* Вопросы ленинизма. Издание 10, Москва, Партиздат, 1934 г., стр. 95.

133 [1] *Центрархив.* Первый всероссийский съезд советов рабочих и солдатских депутатов. Том I, Москва, Госиздат, 1930 г., стр. 65.

133 [2] *Ленин В. И.* I Всероссийский съезд советов рабочих и солдатских депутатов 3 июня—23 июня 1917 г. Речь об отношении к Временному правительству 4 июня 1917 г. Сочинения, том XX, стр. 481—482.

133 [3] *Там же,* стр. 482.

133 [4] *Там же,* стр. 488.

134 [1] *Центрархив.* Первый всероссийский съезд советов рабочих и солдатских депутатов. Том I, Москва, Госиздат, 1930 г., стр. 287.

134 [2] *Там же,* стр. 140.

134 [3] *Ленин В. И.* I Всероссийский съезд советов рабочих и солдатских депутатов 3 июня—23 июня 1917 г. Речь о войне 9 июня 1917 г. Сочинения, том XX, стр. 490.

134 [4] *Там же,* стр. 495, 497.

135 [1] *Петроградский совет* рабочих и солдатских депутатов. Протоколы заседаний исполнительного комитета и бюро исполнительного комитета. Москва, Госиздат, 1925 г., стр. 198.

135 [2] *Историческое заседание.* «Правда» № 80, 13 июня 1917 г.

136 [1] *Ленин В. И.* Из какого классового источника приходит и «придут» Керенские? Сочинения, том XX, стр. 537—538.

137 [1] *Сталин И. В.* На демонстрации. В его книге: На путях к Октябрю. Издание 2, Москва, Госиздат, 1925 г., стр. 53—54.

138 [1] *Череванин Н.* Урок манифестации 18 июня. «Рабочая газета» № 85, 20 июня 1917 г.

138 [2] *По поводу воскресной манифестации.* «Новая жизнь» № 53, 20 июня 1917 г.

139 [1] *Hoke-Knox A.* With the russian army. 1914—1917 London, Hutchinson & C°, 1921, v. II, page 617.

139 [2] Les états-Unis auraient envoyé une note secrète à la Russie. «Information» № 136, 16 mai 1917.

140 [1] *Малаховский В. А.* Седьмая в борьбе за Октябрь. Рукописный фонд ИГВ, № 1587.

140 [2] *ЦВИА.* Фонд — Кабинет военного министра. Дело № 703, лист 504.

141 [1] *ЦВИА.* Фонд — Кабинет военного министра. Дело № 1494 с., лист 7.

141 [2] *ЦВИА.* Фонд — Кабинет военного министра. Дело № 1496 с., листы 204—207.

142 [1] *Станкевич В. В.* Общество, война и армия. В сборнике «Народ в армии». Выпуск 1, 1918 г., Петроград, стр. 69.

142 [2] *ЦВИА.* Фонд — Кабинет военного министра. Дело № 1494 с., лист 67.

142 [3] *Деникин А. И.* Очерки русской смуты. Том I, выпуск 2, Париж, стр. 50.

142 [4] *Там же*, стр. 52

142 [5] *Там же*, стр. 54—55.

144 [1] *Солдатские письма* 1917 года. Госиздат, 1927 г., стр. 18—19.

144 [2] *Там же*, стр. 29—30.

144 [3] *Там же*, стр. 34.

144 [4] *Там же*, стр. 40.

144 [5] *Там же*, стр. 43.

144 [6] *Там же*, стр. 48.

144 [7] *Ленин В. И.* Что делать? Сочинения, том IV, стр. 487.

145 [1] *Резолюции* Всероссийской конференции фронтовых и тыловых военных организаций РСДРП. Июнь 1917 года. В книге. Рабинович С. Е. Всероссийская военная конференция большевиков 1917 г. Москва, Государственное военное издательство, 1931 г., стр. 73.

146 [1] *Там же*, стр. 72.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

КРАСНАЯ ГВАРДИЯ.

148 [1] *Ленин В. И.* О пролетарской милиции Сочинения, том XX, стр. 203.

148 [2] *Ленин В. И.* Письма из далека. Сочинения, том XX, стр. 18.

148 [3] *Ленин В. И.* О пролетарской милиции. Сочинения, том XX, стр. 205.

148 [4] *Ленин В. И.* Письма из далека. Сочинения, том XX, стр. 39—40.

148 [5] *Ленин В. И.* О пролетарской милиции. Сочинения, том XX, стр. 205.

150 [1] *Петроков М. И.* Воспоминания. Рукописный фонд ИГВ, № 311.

150 [2] *Борьба* за советы на Екатеринославщине. Сборник воспоминаний и статей. Днепропетровск, 1927 г., стр. 176.

150 [3] *Решение* исполнительного комитета совета рабочих депутатов. «Известия Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов», прибавление к № 1, 28 февраля 1917 г.

150 [4] *Городская милиция.* «Известия Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов» № 10, 9 марта 1917 г.

152 [1] *Рабочая жизнь.* «Известия Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов» № 41, 15 апреля 1917 г.

154 [1] *Рабочая гвардия.* «Правда» № 44, 29 апреля 1917 г.

154 [2] *О Красной гвардии.* «Известия Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов» № 52, 28 апреля 1917 г.

154 [3] *Совещание о Красной гвардии.* «Новая жизнь» № 10, 29 апреля 1917 г.

154 [4] *Красная гвардия или милиция?* «Известия Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов» № 54, 30 апреля 1917 г.

155 [3] *Демократическая милиция* или бюрократическая полиция? «Правда» № 64, 24 мая 1917 г.

156 [1] *Гессен В. Ю.* Красная гвардия и петроградские промышленники в 1917 г. «Красная летопись», 1928 г., № 3(27), стр. 64.

156 [2] *ЦАОР.* Фонд 406. Главное управление по делам милиции (главмилиция). Отдел III, дело № 134, лист 43.

156 [3] *Резолюция о текущем моменте* и задачах пролетариата, принятая на Московской общегородской конференции РСДРП 3—4 апреля 1917 г. «Социал-демократ» № 25, 6 апреля 1917 г.

157 [1] *Архив Московского комитета ВКП(б).* Протокол заседания Московского комитета большевиков от 14 апреля 1917 г.

157 [2] *Октябрь в Москве.* Материалы и документы. Москва, Соцэкгиз, 1932 г., стр. 19.

157 [3] *Ленин В. И.* Позабыли главное. Сочинения, том XX, стр. 336.

157 [4] *Там же*, стр. 337.

158 [1] *Там же*, стр. 337.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

ИЮЛЬСКИЕ ДНИ.

159 [2] *Торгово - промышленный съезд.* «Русские ведомости» № 177, 4 августа 1917 г.

162 [1] *Совещание* членов Государственной думы. «Речь» № 129, 4 июня 1917 г.

163 [2] *Буржуазия и помещики в 1917 г.* Частные совещания членов Государственной думы. Москва, Партиздат, 1932 г., стр. 127.

163 [3] *Романов.* Завод «Парвиайнен». В книге: Ле-

ниградские рабочие в борьбе за власть советов. Ленинград, Госиздат, 1924 г., стр. 54.

162 [4] *Путиловский завод.* В книге: Ленинградские рабочие в борьбе за власть советов. Ленинград, Госиздат, 1924 г., стр. 47.

162 [5] *Раскольников Ф. Ф.* Кронштадт и Питер в 1917 году. Москва, Госиздат, 1925 г., стр. 116.

163 [1] *Ленин В. И.* На переломе. Сочинения, том XX, стр. 530.

163 [2] *Вторая и третья* петроградские общегородские конференции большевиков в июле и октябре 1917 г. Протоколы и материалы Москва, Госиздат, 1927 г., стр. 53—54.

164 [2] *Кокко Ю.* Завод «Айва» в июльские дни. В книге: Ленинградские рабочие в борьбе за власть советов. Ленинград, Госиздат, 1924 г., стр. 68.

165 [1] *Вторая и третья* петроградские общегородские конференции большевиков в июле и октябре 1917 г. Протоколы и материалы. Москва, Госиздат, 1927 г., стр. 53—54.

165 [3] *Октябрь в Петрограде.* Сборник статей. Ленинград, Ленпартиздат, 1933 г., стр. 81.

165 [5] *К событиям в Петрограде.* «Социал-демократ» № 104, 11 июля 1917 г.

166 [1] *Ленин В. И.* Ответ. Сочинения, том XXI, стр. 41.

166 [2] *ВЦИК* в июльские дни 1917 г. «Красный архив», 1926 г., № 5(18), стр. 215.

168 [1] *Соединенное заседание* центральных комитетов, Исполнительного комитета совета рабочих и солдатских депутатов и Всероссийского исполнительного комитета крестьянских депутатов. «Известия Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов» № 111, 7 июля 1917 г.

168 [2] *Вторая и третья* петроградские общегородские конференции большевиков в июле и октябре 1917 года. Протоколы и материалы. Москва, Госиздат, 1927 г., стр. 54—55.

168 [3] *ЦАОР.* Фонд 3. Канцелярии министра-председателя Временного правительства. Опись 1, дело № 42, лист 1.

169 [1] *Июльские дни в Петрограде.* «Красный архив», 1927 г., № 5(24), стр. 66—67.

169 [2] *Шестой съезд РСДРП(б).* Август 1917 г. Москва, Партиздат, 1934 г., стр. 28.

169 [3] *Половцев И. А.* Дни затмения. Париж, книгоиздательство «Возрождение», стр. 143.

169 [4] *Ленин В. И.* К вопросу об явке на суд большевистских лидеров. Сочинения, том XXI, стр. 24—25

170 [1] *Нокс-Нокс А.* With the Russian Army. 1914—1917. London, Hutchinson, 1921, v. II, page 662

170 [3] *Телеграмма морского министра.* «Известия Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов» № 112, 8 июля 1917 г.

170 [5] *Постановление* Временного комитета Государственной думы. «Речь» № 158, 8 июля 1917 г.

170 [6] *Заявление* князя Львова Временному правительству. «Известия Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов» № 113, 9 июля 1917 г.

170 [8] *От Временного правительства.* «Речь» № 159, 9 июля 1917 г.

170 [9] *Дневник* Николая Романова. «Красный архив», 1927 г., № 2(21), стр. 91.

170 [7] *Учреждение революционной диктатуры.* «Известия Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов» № 114, 11 июля 1917 г.

171 [1] *Соединенное заседание* Центрального исполнительного комитета совета рабочих и солдатских депутатов и исполнительного комитета совета крестьянских депутатов. «Новая жизнь» № 74, 14 июля 1917 г.

171 [2] *Гофштетер И.* Надо отмежеваться. «Новое время» № 14821, 8 июля 1917 г.

171 [3] *Ко всем членам партии.* «Рабочая газета» № 103, 11 июля 1917 г.

172 [1] *Бьюкенен Дж.* Мемуары дипломата. Издание 2, Госиздат, Москва, 1925 г., стр. 250—251. (Buchanan Sir George. My Mission to Russia and other Diplomatic Memoirs. London, Cassel & C°, 1923, v. II, page 156—158)

172 [2] *Ленин В. И.* Итоги выборов. Сочинения, том XVI, стр. 262.

172 [3] *Буржуазия и помещики в 1917 г.* Частные совещания членов Государственной думы. Москва, Партиздат, 1932 г., стр. 202.

172 [4] *Там же*, стр. 196.

173 [1] *Там же*, стр. 207.

173 [2] *Там же*, стр. 217.

173 [3] *Письмо* А. Ф. Керенского В. Д. Набокову, Н. М. Кишкину, Н. И. Астрову. «Известия Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов» № 123, 21 июля 1917 г.

173 [4] *Историческое заседание.* «День» № 117, 23 июля 1917 г.

173 [5] *Там же.*

174 [1] *Там же.*

174 [2] *Переговоры* об образовании нового кабинета. «День» № 118, 25 июля 1917 г.

175 [1] *Милюков П. Н.* История второй русской революции. Том I, выпуск 2, София, 1922 г., стр. 44—45.

175 [2] *Воззвание Московского совета.* «Известия Московского совета рабочих депутатов» № 103, 5 июля 1917 г.

176 [1] *Шестой съезд РСДРП(б).* Август 1917 г. Москва. Партиздат, 1934 г., стр. 91.

176 [2] *Там же*, стр. 51—52.

176 [3] *Ленин В. И.* Ответ. Сочинения, том XXI, стр. 45.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

ШЕСТОЙ СЪЕЗД БОЛЬШЕВИСТСКОЙ ПАРТИИ.

177 [1] *Шестой съезд РСДРП(б).* Август 1917 г. Москва, Партиздат, 1934 г., стр. 36—37.

178 [1] *Там же*, стр. 55.

178 [2] *Там же*, стр. 57.

178 [3] *Там же*, стр. 91.

178 [4] *Там же*, стр. 92.

179 [1] *Там же*, стр. 84—85.

180 [1] *Ярославский Е.* Накануне Октября. О VI съезде ВКП(б). Москва, «Старый большевик», 1932 г., стр. 36—37.

180 [2] *Шестой съезд РСДРП(б).* Август 1917 г. Москва, Партиздат, 1934 г., стр. 32.

180 [3] *Там же*, стр. 32.

180 [4] *Там же*, стр. 14—15.

182 [1] *Там же*, стр. 108.

182 [2] *Там же*, стр. 111.

182 [3] *Там же*, стр. 124.

183 [1] *Там же*, стр. 111—112.

183 [2] *Там же*, стр. 114.

183 [3] *Там же*, стр. 124.

183 [4] *Там же*, стр. 139.

184 [1] *Там же*, стр. 139.

184 [2] *Там же*, стр. 139—140.

184 [3] *Там же*, стр. 132—133.

184 [4] *Там же*, стр. 134.

185 [1] *Там же*, стр. 118.

185 [2] *Там же*, стр. 139.

185 [3] *Там же*, стр. 138—139.

186 [1] *Там же*, стр. 228.

186 [2] *Там же*, стр. 233.

186 [3] *Там же*, стр. 233—234.

187 [1] *Там же*, стр. 238—240.

188 [1] *Там же*, стр. 238.

188 [2] *Там же*, стр. 242.

189 [1] *Там же*, стр. 246—247.

189 [2] *Там же*, стр. 251.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

КОРНИЛОВЩИНА.

192 [1] *Буржуазия и помещики в 1917 г.* Частные совещания членов Государственной думы. Москва, Партиздат, 1932 г., стр. 280.

192 [2] *Там же*, стр. 282.

192 [3] *Деникин А. И.* Очерки русской смуты. Том II, Париж, 1922 г., стр. 29.

192 [4] *Вьюкенен Дж.* Мемуары дипломата. Издание 2, Москва, Госиздат, 1925 г., стр. 221. (Buchanan Sir George. My Mission to Russia and other Diplomatic Memoirs. London, Cassel & C°, 1923, v. II, page 109.)

192 [5] *Там же*, стр. 260.

192 [6] *Как бежал генерал Корнилов.* «Новое время» № 14546, 3 сентября 1916 г.

193 [1] *Вьюкенен Дж.* Мемуары дипломата. Издание 2, Москва, Госиздат, 1925 г., стр. 231. (Buchanan Sir George. My Mission to Russia and other Diplomatic Memoirs. London, Cassel & C°, 1923, v. II, page 125.)

193 [2] *Брусилов А. А.* Мои воспоминания. Москва, Госиздат, 1929 г., стр. 238.

194 [1] *Вьюкенен Дж.* Мемуары дипломата. Издание 2, Москва, Госиздат, 1925 г., стр. 255. (Buchanan Sir George. My mission to Russia and other Diplomatic Memoirs. London, Cassel & C°, 1923, v. II, page 164.)

194 [2] *ЦАОР.* Фонд 9. Чрезвычайная комиссия по расследованию дела о генерале Корнилове и его соучастниках. Опись 1, дело № 18, лист 125.

194 [3] *Савинков Б.* Генерал Корнилов. «Былое», 1926 г., № 3(31), стр. 188.

194 [4] *Милюков П. Н.* История второй русской революции. Том I, выпуск 2, София, 1922 г., стр. 54.

195 [1] *Деникин А. И.* Очерки русской смуты. Том II, Париж, 1922 г., стр. 29.

195 [2] *Первый* народный главнокомандующий генерал-лейтенант Лавр Георгиевич Корнилов. Издание «Новое время», Петроград, 1917 г., стр. 35.

195 [3] *Милюков П. Н.* История второй русской революции. Том I, выпуск 2, София, 1922 г., стр. 60.

195 [4] *Там же*, стр. 60.

195 [5] *Деникин А. И.* Очерки русской смуты. Том II, Париж, 1922 г., стр. 28.

196 [1] *Центрархив.* Государственное совещание. Москва, Госиздат, 1930 г., стр. XI.

196 [2] *Государственное* совещание в Москве. «Речь» № 186, 10 августа 1917 г.

196 [3] *Накануне* Государственного совещания. «Речь» № 188, 12 августа 1917 г.

197 [1] *Деникин А. И.* Очерки русской смуты. Том II, Париж, 1922 г., стр. 31.

197 [2] *Керенский А. Ф.* Kirnsky A. F. The Prelude to Bolshevism — the Kornilov Rebellion. London, Fisher, 1919, page 72.

198 [1] *Центрархив.* Государственное совещание. Москва, Госиздат, 1930 г., стр. 75.

198 [2] *Ленин В. И.* Из дневника публициста. Сочинения, том XXI, стр. 125.

199 [1] *Объяснительная записка* генерала Корнилова. «Общее дело» № 6, 2 октября 1917 г.

200 [1] *Признание Корнилова* в умышленной сдаче Риги. «Правда» № 203, 1 декабря 1917 г.

201 [1] *Красное.* На внутреннем фронте. «Архив русской революции». Том I, Париж, стр. 115.

201 [2] *К заговору* генерала Корнилова, Алексеева, Милюкова, Путилова и К°. Письмо генерала Алексеева и Милюкову. «Правда» № 212, 12 декабря 1917 г.

201 [3] *Бьюкенен Дж.* Мемуары дипломата. Издание 2, Москва, Госиздат, 1925 г., стр. 260. (Buchanan Sir George. My Mission to Russia and other Diplomatic Memoirs. London, Cassel & C°, 1923, v. II, page 172.)

203 [1] *Керенский А. Ф.* The Prelude to bolshevism — the Kornilov Rebellion. London, Fisher, 1919, page 169—170.

204 [1] *Всероссийское демократическое совещание.* «Рабочий путь» № 14, 2 октября 1917 г.

204 [2] *Бьюкенен Дж.* Мемуары дипломата. Издание 2, Москва, Госиздат, 1925 г., стр. 267. (Buchanan Sir George. My Mission to Russia and other Diplomatic Memoirs. London, Cassel & C°, 1923, v. II, page 185.)

204 [3] *ЦАОР.* Фонд 9. Чрезвычайная комиссия по расследованию дела о генерале Корнилове и его соучастниках. Том I, опись 2, дело № 6, лист 56.

204 [4] *Октябрьская* революция перед судом американских сенаторов. Официальный отчет «Оверменской комиссии» сената. Москва, Госиздат, 1927 г., стр. 143.

207 [1] *Деникин А. И.* Очерки русской смуты. Том II, Париж, 1922 г., стр. 65.

207 [2] *Ленин В. И.* Проект резолюции о современном политическом моменте. Сочинения, том XXI, стр. 138—139.

208 [1] *Сталин И. В.* Вопросы ленинизма. Издание 10, Москва, Партиздат, 1934 г., стр. 94.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

РАЗВАЛ ХОЗЯЙСТВА СТРАНЫ.

209 [1] *Стенографический отчет* заседаний Экономического совета при Временном правительстве 21, 22, 24, 26, 31 июля, 3, 9, 10 августа 1917 г. Петроград, 1917 г., стр. 1.

210 [1] *Там же*, стр. 26.

210 [2] *Ленин В. И.* Грозящая катастрофа и как с ней бороться. Сочинения, том XXI, стр. 180.

211 [1] *Биржевой ажиотаж.* «День» № 128, 6 августа 1917 г.

211 [2] *Стенографический отчет* заседаний Экономического совета при Временном правительстве 21, 22, 24, 26, 31 июля, 3, 9, 10 августа 1917 г. Петроград, 1917 г., стр. 27.

212 [1] *Там же*, стр. 27.

212 [2] *ЦАОР.* Фонд 3. Канцелярия министра-председателя Временного правительства. Дело № 66, лист 142.

212 [3] *Там же*, лист 142.

212 [4] *Центрархив.* Государственное совещание. Москва, Госиздат, 1930 г., стр. 31.

212 [5] *Кто виновен?* «Известия юга» № 186, 20 октября 1917 г., Харьков.

212 [6] *Архив народного хозяйства.* Фонд 151. Совет съездов представителей промышленности и торговли за 1905—1918 гг. Дело № 373, лист 5—6.

212 [7] *ЦАОР.* Фонд 472. Центральный совет фабрично-заводских комитетов. Дело № 32, лист 65.

213 [1] *ЦАОР.* Фонд 3. Канцелярия министра-председателя Временного правительства. Дело № 82, лист 189.

213 [2] *Там же*, лист 88.

214 [1] *ЦВИА.* Фонд — Особое совещание по обороне. Дело № 420—024, лист 123.

215 [1] *Ленин В. И.* Грозящая катастрофа и как с ней бороться. Сочинения, том XXI, стр. 159.

215 [2] *Буржуазия и помещики в 1917 г.* Частные совещания членов Государственной думы. Москва, Партиздат, 1932 г., стр. 138.

215 [3] *«Торгово-промышленная газета»* № 166, 3 августа 1917 г. (передовица).

215 [4] *Там же.*

215 [5] *Там же.*

215 [6] *Там же.*

216 [1] *Финансовый план.* «Речь» № 183, 6 августа 1917 г.

216 [2] *Центрархив.* Государственное совещание. Москва, Госиздат, 1930 г., стр. 40.

216 [3] *Там же*, стр. 40.

216 [4] *Там же*, стр. 41.

217 [1] *Наши железные дороги.* «Речь» № 181, 4 августа 1917 г.

217 [2] *Положение железных дорог.* «Торгово-промышленная газета» № 191, 3 сентября 1917 г.

217 [3] *ЦАОР.* Фонд 9. Чрезвычайная комиссия по расследованию дела о генерале Корнилове и его соучастниках. Опись 1, дело № 18, лист 89.

218 [1] *Таиров А.* Очерки движения железнодорожников в революции 1917 г. (февраль—октябрь). Москва, «Истпрофтран», 1925 г., стр. 85—86.

218 [2] *Всероссийский железнодорожный съезд.* «Голос железнодорожника» № 17, 21 июля 1917 г.

218 [3] *Министр путей сообщения* на железнодорожном съезде. «Вестник Екатерининской

железной дороги». Екатеринослав, 1917 г., № 31, стр. 12.

219 [1] *Центрархив.* Государственное совещание. Москва, Госиздат, 1930 г., стр. 168.

219 [2] *Крах железных дорог.* «Вестник Екатерининской железной дороги». Екатеринослав, 1917 г., № 31, стр. 11.

219 [3] *На съезде земельных собственников.* «Речь» № 158, 8 июля 1917 г.

219 [4] *Обязательное постановление.* «Киевская мысль» № 170, 13 июля 1917 г.

219 [5] *Там же.*

220 [1] *Центрархив.* Крестьянское движение в 1917 г. Москва, Госиздат, 1927 г., стр. 415.

220 [2] *Там же,* стр. 415.

220 [3] *Советы крестьянских депутатов и* другие крестьянские организации. Том I, часть 2, Москва, издательство Комакадемия, 1929 г., стр. 336—337.

220 [4] *Центрархив.* Крестьянское движение в 1917 г. Москва, Госиздат, 1927 г., стр. 416.

221 [1] *Временному правительству от* исполнительного комитета Всероссийского совета крестьянских депутатов. «Известия Всероссийского совета крестьянских депутатов» № 93, 25 августа 1917 г.

221 [2] *Центрархив.* Крестьянское движение в 1917 году. Москва, Госиздат, 1927 г. Приложение-ведомость о численности и роде правонарушений, поступивших в Главное управление по делам милиции за июль месяц 1917 г.

221 [3] *ЦАОР.* Фонд 4. Канцелярия председателя Государственной думы. Дело № 78, лист 9.

221 [4] *Там же,* лист 6.

221 [5] *Там же,* лист 6.

221 [6] *Бесчинства помещика.* «Известия Всероссийского совета крестьянских депутатов» № 54, 11 августа 1917 г.

222 [1] *Труды* II сессии Главного земельного комитета. Заседания 1—2 июля 1917 г. Петроград, 1917 г., стр. 47.

222 [2] *ЦАОР.* Фонд 3. Канцелярия министра-председателя Временного правительства. Дело № 586, лист 4.

222 [3] *ЦАОР.* Фонд 3. Канцелярия министра-председателя Временного правительства. Дело № 80, листы 11—14.

222 [4] *Центрархив.* Крестьянское движение в 1917 году. Москва, Госиздат, 1927 г., стр. 420.

222 [5] *Маслов П.* Мужицкий министр. «День» № 152, 1 сентября 1917 г.

222 [6] *От Временного правительства.* «Вестник Временного правительства». Прибавление к № 162, 27 сентября 1917 г.

222 [7] *ЦАОР.* Фонд 6. Канцелярия Временного правительства. Дело № 343, лист 2.

223 [1] *Там же,* лист 2.

224 [1] *Центрархив.* Крестьянское движение в 1917 году. Москва, Госиздат, 1927 г., стр. 278.

224 [2] *Там же,* стр. 351.

224 [3] *На путях* наглядного обучения. «Русские ведомости» № 102, 7 мая 1917 г.

224 [4] *Анархия.* «Воля народа» № 137, 6 октября 1917 г.

224 [5] *ЦАОР.* Фонд 406. Главное управление по делам милиции (главмилиция). Отдел II, дело № 17, часть 44, том II, лист 26.

224 [6] *Труды II сессии* Главного земельного комитета. Заседания 1—2 июля 1917 г. Петроград, 1917 г., стр. 142.

224 [7] *Буржуазия и Временное правительство.* «Пролетарская революция», 1926 г., № 10 (57), стр. 247.

226 [1] *Ленин В. И.* Новый обман крестьян партией эсеров. Сочинения, том XXI, стр. 360.

226 [2] *Ленин В. И.* Грозящая катастрофа и как с ней бороться. Сочинения, том XXI, стр. 180.

226 [3] *Регулирование цен* на сельскохозяйственные орудия. «Продовольственное дело», 1917 г., № 23—24, стр. 12—13.

225 [4] *Второй* всероссийский торгово-промышленный съезд. Стенографический отчет и резолюции съезда. Москва, 1917 г., стр. 19.

225 [5] *Ленин В. И.* Грозящая катастрофа и как с ней бороться. Сочинения, том XXI, стр. 182.

226 [1] *Продовольственная разруха.* «Известия Всероссийского совета крестьянских депутатов» № 102, 5 сентября 1917 г.

226 [2] *Кондратьев Н. Д.* Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. Москва, «Новая Москва», 1922 г., стр. 158.

226 [3] *ЦАОР.* Фонд 1944. Наркомпрод. Опись 24, дело № 101, 1917 г., лист 12.

226 [4] *Там же,* лист 14.

226 [5] *Там же,* лист 14.

226 [6] *Там же,* лист 1.

226 [7] *Там же,* лист 4.

226 [8] *Там же,* лист 11.

226 [9] *Там же,* лист 15.

226 [10] *Там же,* лист 8.

226 [11] *Там же,* лист 14.

226 [12] *Там же,* лист 1.

227 [1] *ЦАОР.* Фонд 1239. Временный совет республики (Предпарламент). Дело № 26, 1917 г., лист 3.

227 [2] *Делегация* Центрального исполнительного комитета о политике Прокоповича. «Новая жизнь» № 145, 5 октября 1917 г.

227 [3] *П-в Я.* Продовольственные реформы. «Торгово-промышленная газета» № 227, 18 октября 1917 г.

228 [1] *ЦАОР.* Фонд 2025. Всероссийский военно-продовольственный комитет («Всервоенпродком»). Опись 47, дело № 685, лист 13.

228 [2] *Ленин В. И.* Грозящая катастрофа и как с ней бороться. Сочинения, том XXI, стр. 192

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПЛАТФОРМА БОЛЬШЕВИСТСКОЙ ПАРТИИ НАКАНУНЕ ПРОЛЕТАРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

220 [1] *Ленин В. И.* Задачи революции. Сочинения, том XXI, стр. 222.

220 [2] *Ленин В. И.* Удержат ли большевики государственную власть? Сочинения, том XXI, стр. 277.

220 [3] *Ленин В. И.* Грозящая катастрофа и как с ней бороться. Сочинения, том XXI, стр. 187.

220 [3] *Шестой съезд РСДРП (б).* Август 1917 г. Москва, Партиздат, 1934 г., стр. 199.

220 [4] *Там же*, стр 199.

231 [1] *Ленин В. И.* Всероссийская апрельская конференция РСДРП 24—29 апреля 1917 г. Доклад по аграрному вопросу 28 апреля. Сочинения, том XX, стр. 270

231 [2] *Последние известия.* «Русские ведомости» № 211, 16 сентября 1917 г.

234 [3] *Внутренние известия.* Аграрные беспорядки «Русские ведомости» № 220, 27 сентября 1917 г.

234 [4] *Беспорядки и погромы.* «Торгово-промышленная газета» № 213, 1 октября 1917 г.

231 [5] *Анархия в стране.* «Русские ведомости» № 223, 30 сентября 1917 г.

231 [6] *Аграрные беспорядки.* «Торгово-промышленная газета» № 220, 10 октября 1917 г.

231 [7] *Беспорядки.* «Торгово-промышленная газета» № 225, 15 октября 1917 г.

232 [1] *Россия. Беспорядки.* «Торгово-промышленная газета» № 223, 13 октября 1917 г.

232 [2] *Декларация* Временного правительства. «День» № 174, 27 сентября 1917 г.

232 [3] *Сталин И. В.* К вопросам аграрной политики в СССР. В его книге: Вопросы ленинизма. Издание 10, Москва, Партиздат, 1934 г., стр. 305.

232 [4] *Ленин В. И.* Удержат ли большевики государственную власть? Сочинения, том XXI, стр. 259.

232 [5] *Шестой* съезд РСДРП(б). Август 1917. Москва, Партиздат, 1934 г., стр. 243.

233 [2] *Там же*, стр. 243.

234 [1] *Ленин В. И.* Грозящая катастрофа и как с ней бороться. Сочинения, том XXI, стр. 166.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ.

НАРАСТАНИЕ РЕВОЛЮЦИОННОГО КРИЗИСА.

236 [1] *ЦАОР.* Фонд 6. Канцелярия Временного правительства. Опись 1, дело № 281, лист 55—56.

237 [1] *Центрархив.* Рабочее движение в 1917 году. Москва, Госиздат, 1926 г., стр. 85.

238 [1] *Голодная демонстрация.* «Рабочий путь» № 25, 1 октября 1917 г.

238 [2] *Центрархив.* Рабочее движение в 1917 году. Москва, Госиздат, 1926 г., стр. 194.

238 [3] *Там же*, стр 194.

238 [4] *Ленин В. И.* О статистике стачек в России. Сочинения, том XV, стр. 44.

238 [5] *В Донецком бассейне.* Меры генерала Каледина. «Русское слово» № 235, 14 октября 1917 г.

239 [1] *Центрархив.* Рабочее движение в 1917 году. Москва, Госиздат, 1926 г., стр. 222.

239 [2] *К забастовке кожевников.* «Известия Московского совета рабочих депутатов» № 191, 19 октября 1917 г.

240 [1] *На Александровском заводе.* «Рабочий путь» № 43, 22 октября 1917 г.

240 [2] *Протоколы* фабрично-заводского комитета Прохоровской трехгорной мануфактуры. «История пролетариата СССР», 1932 г., № 9, стр. 160.

241 [1] *Центрархив.* Крестьянское движение в 1917 году. Москва, Госиздат, 1927 г. Приложение-ведомость о численности и роде правонарушений.

241 [2] *Там же.*

241 [3] *Центрархив.* Разложение армии в 1917 году. Москва, Госиздат, 1925 г., стр. 134.

241 [4] *Там же*, стр. 135.

242 [1] *Ленин В. И.* Кризис назрел. Сочинения, том XXI, стр. 236.

242 [2] *Воззвание Центральной рады.* «Киевская мысль» № 210, 29 августа 1917 г.

242 [3] *Воззвание к мусульманам.* «Известия Московского совета рабочих депутатов» № 151, 31 августа 1917 г.

243 [1] *Сталин И. В* Октябрьский переворот и национальный вопрос. В его книге: Марксизм и национально-колониальный вопрос. Сборник избранных статей и речей. Москва, Партиздат, 1934 г., стр. 52.

244 [1] *Всем трудящимся мусульманам* г. Самарканда. «Хуррият» № 33, 25 августа 1917 г. (на узб. яз.).

244 [2] *Финляндские дела.* «Речь» № 226, 26 сентября 1917 г.

244 [3] *Ленин В. И.* Удержат ли большевики государственную власть? Сочинения, том XXI, стр. 254.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

АРМИЯ И ФЛОТ НАКАНУНЕ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

[244] [1] *ЦВИА.* Фонд — Исполком 12-й армии. Дело № 412—708, лист 58.

[245] [1] *ЦВИА.* Фонд — Штаб верховного главнокомандующего. Управление дежурного генерала. Дело № 80—097, листы 365—370.

[246] [1] *Солдатские письма.* 1917 г. Москва, Госиздат, 1927 г., стр. 119.

[247] [1] *Верховский А. И.* Россия на Голгофе. Петроград, 1918 г., стр. 123.

[247] [2] *ЦВИА.* Фонд — Кабинет военного министра. Дело № 1932, листы 64—67.

[247] [3] *Там же*, листы 64—67.

[247] [4] *ЦВИА.* Фонд — Кабинет военного министра. Дело № 1876, лист 44.

[247] [5] *Там же*, лист 45.

[247] [6] *ЦВИА.* Фонд — Кабинет военного министра. Дело № 1957, лист 27.

[248] [1] *Ленин В. И.* Речь на заседании Всероссийского центрального исполнительного комитета 23 февраля 1918 г. Сочинения, том XXII, стр. 280.

[249] [1] *ЦВИА.* Фонд — Кабинет военного министра. Дело № 1932, лист 158.

[249] [2] *Станкевич В. Б.* Воспоминания 1914—1919 гг. Берлин, 1920, стр. 246.

[249] [3] *ЦВИА.* Фонд — Кабинет военного министра. Дело № 1745, лист 32.

[250] [1] *Там же*, лист 129.

[250] [2] *ЦВИА.* Фонд — Кабинет военного министра. Дело № 1820, листы 14, 18.

[250] [3] *ЦВИА.* Фонд — Кабинет военного министра. Дело № 1764, листы 45—46, 48.

[250] [4] *Там же*, лист 13.

[250] [5] *ЦВИА.* Фонд — Кабинет военного министра. Дело № 2211, лист 1.

[250] [6] *ЦАОР.* Фонд № 1235. Всероссийский центральный исполнительный комитет. Серия Д/4, № 179, 1917 г., листы 135—136.

[250] [7] *Там же*, листы 135—136.

[250] [8] *ЦВИА.* Фонд — Кабинет военного министра. Дело № 1876, лист 128.

[251] [1] *Там же*, лист 84.

[251] [2] *Аверкі С.* Кастрычнік на Беларусі, Зборнік артыкулаў і дакументаў. Выпуск 1, Менск, 1927 г., стр. 369.

[252] [1] *Колбин Н.* Балтфлот на путях к Октябрю. «Красный флот», 1927 г., № 20, стр. 24.

[252] [2] *Там же*, стр. 27.

[252] [3] *Там же*, стр. 27.

[252] [4] *Балтийский флот* — Керенскому. «Рабочий путь» № 34, 12 октября 1917 г.

[253] [1] *Черноморцы в Октябрьской революции.* Документы боевых дней. «Морской сборник», 1933 г., № 11, стр. 103.

[254] [1] *Гавен Ю.* Октябрь в Крыму. «Революция в Крыму», Симферополь, 1922 г., № 1, стр. 5.

[254] [2] *Ленин В. И.* Большевики и «разложение» армии. Сочинения, том XX, стр. 469.

[254] [3] *Отрадное явление.* «Солдат» № 26, 14 сентября 1917 г.

[254] [4] *Письмо из действующей армии.* «Солдат» № 35, 26 сентября 1917 г.

[254] [5] *Ромас Е.* Из настроений в армии. В книге: От Февраля к Октябрю. Сборник статей, воспоминаний и документов. Выпуск 1, Москва, «Новая Москва», 1923 г., стр. 82.

[255] [1] *Солдатские письма* 1917 г. Москва, Госиздат, 1927 г., стр. 80.

[255] [2] *Там же*, стр. 118.

[255] [3] *ЦВИА.* Фонд — Штаб главнокомандующего армий Западного фронта. Дело № 157—792, лист 246.

[255] [4] *Там же*, лист 126.

[257] [1] *Там же*, лист 247.

[258] [1] *Большевизация петроградского гарнизона.* Сборник материалов и документов. Ленинград, Ленинградское областное издательство, 1932 г., стр. 296.

[258] [2] *Там же*, стр. 264

[259] [1] *ЦВИА.* Фонд — Штаб верховного главнокомандующего. Управление дежурного генерала. Дело № 80—097, лист 191.

[260] [1] *712-й пехотный* Салтыково-невский полк. «Солдат» № 35, 26 сентября 1917 г.

[260] [2] *Центрархив.* Разложение армии в 1917 году. Москва, Госиздат, 1925 г., стр. 145.

[260] [3] *Там же*, стр. 124.

[260] [4] *Там же*, стр. 124.

[260] [5] *ЦВИА.* Фонд — Штаб главнокомандующего армий Северного фронта. Дело № 222—554, лист 288.

[261] [1] *ЦВИА.* Фонд — Исполком 12-й армии. Дело № 412—641, лист 50.

[261] [2] *Ленин В. И.* Выборы в Учредительное собрание. Сочинения, том XXIV, стр. 638.

[262] [1] *Солдатские письма 1917 г.* Москва, Госиздат, 1927 г., стр. 137.

[262] [2] *Там же*, стр. 141.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

МАНЕВРЫ СОГЛАШАТЕЛЕЙ И ПЛАНЫ БУРЖУАЗИИ В СВЯЗИ С НАРАСТАНИЕМ РЕВОЛЮЦИИ.

205 [1] *Пленарное заседание* Центрального исполнительного комитета советов рабочих и солдатских депутатов и исполнительного комитета крестьянских депутатов. Речь Скобелева. «Известия Центрального исполнительного комитета и Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов» № 160, 2 сентября 1917 г.

264 [1] *Пленарное заседание* Центрального исполнительного комитета советов рабочих и солдатских депутатов и исполнительного комитета крестьянских депутатов. Резолюция меньшевиков и социалистов-революционеров. «Известия Центрального исполнительного комитета и Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов» № 161, 3 сентября 1917 г.

214 [2] *Ход заседания.* «Известия Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов» № 176, 20 сентября 1917 г.

265 [1] *Постановления* Временного правительства. Положение о Временном совете Российской республики. «Вестник Временного правительства» № 167, 3 октября 1917 г.

265 [2] *Там же.*

267 [1] *Ленин В. И.* Разногласия в европейском рабочем движении. Сочинения, том XV, стр. 7.

268 [1] *Ленин В. И.* Политический шантаж. Сочинения, том XXI, стр. 93.

269 [1] *Приказ А. Ф. Керенского.* «Новая жизнь» № 132, 20 сентября 1917 г.

269 [1] *Письмо* генерала от инфантерии М. В. Алексеева и генерал-лейтенанту М. К. Дидерихсу. «Белое дело», том I, Берлин, 1926 г., стр. 77.

269 [2] *М. В. Родзянко.* О текущем моменте. «Утро России» № 242, 8 октября 1917 г.

270 [1] *Временный совет республики.* «Русские ведомости» № 235, 14 октября 1917 г.

270 [2] *В совещании общественных деятелей.* «Русские ведомости» № 230, 8 октября 1917 г.

270 [3] *Московское совещание.* «Новое время» № 14897, 14 октября 1917 г.

270 [4] *В совещании общественных деятелей.* «Русские ведомости» № 234, 13 октября 1917 г.

271 [1] *Московское совещание.* «Новое время» № 14898, 15 октября 1917 г.

271 [2] *Совещание общественных деятелей.* «Русские ведомости» № 236, 15 октября 1917 г.

272 [1] *Петроградский* исполнительный комитет об обороне Петрограда. «Известия Центрального исполнительного комитета советов рабочих и солдатских депутатов» № 193, 10 октября 1917 г.

272 [2] *Революции Петроградского совета.* «Рабочий путь» № 32, 23 октября 1917 г.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

РАССТАНОВКА БОЕВЫХ СИЛ КОНТРРЕВОЛЮЦИИ НАКАНУНЕ ВЕЛИКОЙ ПРОЛЕТАРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

274 [1] *Васильев И. И.* Как произошло июльское восстание в 1917 г. Рукописный фонд ИГВ, № 1389.

274 [2] *Ц В И А.* Фонд — Штаб главнокомандующего армий Кавказского фронта. Дело № 2075, листы 152—155.

275 [1] *Центрархив* Расположение армии в 1917 году. Москва, Госиздат, 1925 г., стр. 64.

275 [2] *Там же,* стр. 66.

276 [1] *Там же,* стр. 74.

276 [2] *Ц В И А.* Фонд — Штаб верховного главнокомандующего. Управление генерал-квартирмейстера.

277 [1] *Ц В И А.* Фонд — Штаб верховного главнокомандующего. Управление дежурного генерала. Дело № 76—086, лист 208.

277 [2] *Ц В И А.* Фонд — Штаб верховного главнокомандующего. Государственный переворот и состояние армии в связи с переворотом. Дело № 812, лист 73.

278 [1] *Ц В И А.* Фонд — Штаб главнокомандующего армий Северного фронта. Дело № 222—917, лист 196.

278 [2] *Ц В И А.* Фонд — Штаб главнокомандующего армий Северного фронта. Дело № 224—314, лист 268.

279 [1] *Ц В И А.* Фонд — Штаб главнокомандующего армий Юго-западного фронта. Дело № 142—220, лист 10.

279 [2] *Ц В И А.* Фонд — Штаб главнокомандующего армий Румынского фронта. Дело № 320—423, лист 119

279 [3] *Ц В И А.* Фонд — Исполнительный комитет Юго-западного фронта. Дело № 56—833, лист 269.

280 [1] *Ц В И А.* Фонд — Штаб 3-й армии. Дело № 311—314, лист 308.

280 [2] *Там же,* лист 308.

280 [3] *Ц В И А.* Фонд — Кабинет военного министра. Дело № 1588с., лист 30.

281 [1] *ЦВИА* Фонд - Штаб верховного главнокомандующего. Управление генерал-квартирмейстера. Дело № 2066, листы 2—3.

282 [1] *ЦАОР.* Фонд 1235. Всероссийский центральный исполнительный комитет, серия ДЛ. Дело № 76, лист 28.

283 [1] *ЦВИА* Фонд - Штаб верховного главнокомандующего. Управление дежурного генерала. Дело № 80—242, лист 74.

283 [2] *Там же*, лист 87.

283 [3] *Краснов П. Н.* На внутреннем фронте. «Архив русской революции», т. I, Берлин, стр. 170.

283 [4] *Телеграмма Брусилова.* «Киевская мысль» № 101, 21 апреля 1917 г., Киев.

284 [1] *Деникин А. И.* Очерки русской смуты. Том II, Париж, стр. 137—138.

285 [1] *Атаман Каледин.* Революция войскового круга. Вручение генералу Каледину атаманского первача. «Утро России» № 220, 12 сентября 1917 г.

285 [2] *ЦВИА.* Фонд — Штаб верховного главнокомандующего. Управление дежурного генерала. Дело № 80—097, лист 139.

285 [3] *Там же*, лист 140.

286 [1] *Сталин И. В.* К военному положению на юге России. «Правда» № 293, 28 декабря 1919 г.

286 [2] *Большевизация* петроградского гарнизона. Сборник материалов и документов. Ленинград, Ленинградское областное издательство, 1932 г., стр. 65.

287 [1] *Армия и флот.* «Речь» № 169, 21 июля 1917 г.

287 [2] *Государственное* совещание в Москве. «Речь» № 191, 16 августа 1917 г.

287 [3] *Там же.*

287 [4] *ЦВИА.* Фонд — Штаб верховного главнокомандующего. Управление дежурного генерала. Дело № 80—097, лист 42.

288 [1] *Там же*, лист 191.

288 [2] *Там же*, лист 26.

288 [3] *Там же*, лист 43.

288 [4] *Воюем мы или не воюем?* «Известия Центрального исполнительного комитета совета рабочих и солдатских депутатов» № 187, 3 октября 1917 г.

289 [1] *Фронт и тыл.* «Известия Центрального исполнительного комитета совета рабочих и солдатских депутатов» № 190, 6 октября 1917 г.

289 [1] *ЦВИА* Фонд - Штаб главнокомандующего армий Юго-западного фронта. Дело № 142—004, лист 414.

289 [2] *ЦВИА.* Фонд — Штаб верховного главнокомандующего. Управление дежурного генерала. Дело № 76—084, лист 366.

289 [3] *Деникин А. И.* Очерки русской смуты. Том II, Париж, 1922 г., стр. 138.

289 [4] *Совещание общественных деятелей.* «Русские ведомости» № 235, 14 октября 1917 г.

289 [5] *Второе Московское совещание.* «Известия Центрального исполнительного комитета совета рабочих и солдатских депутатов» № 197, 14 октября 1917 г.

289 [6] *Совет республики.* Речь П. Б. Струве. «Дело народа» № 186, 21 октября 1917 г.

289 [7] *Во Временном правительстве.* «Известия Центрального исполнительного комитета совета рабочих и солдатских депутатов» № 195, 12 октября 1917 г.

291 [1] *ЦВИА.* Фонд — Штаб верховного главнокомандующего. Управление генерал-квартирмейстера. Дело № 673, лист 142.

291 [2] *Там же*, лист 186.

291 [3] *Там же*, листы 156—157.

291 [4] *Там же*, лист 105.

291 [5] *Там же*, лист 198.

292 [1] *Там же*, лист 200.

292 [2] *Там же*, лист 200.

292 [3] *Троцкий Л.* Уроки Октября. Сочинения, том III, часть 1, Москва, Госиздат, стр. XLIX, L.

292 [4] *Объявление.* «Известия Центрального исполнительного комитета советов рабочих и солдатских депутатов» № 199, 17 октября 1917 г.

293 [1] *ЦВИА.* Фонд — Кабинет военного министра. Дело № 2003 с., лист 46.

293 [2] *Дрезен А.* Петроградский гарнизон в Октябре. «Красная летопись», 1927 г., № 2 (23), стр. 113.

294 [1] *Большевизация* петроградского гарнизона. Сборник материалов и документов. Ленинград, Ленинградское областное издательство, 1932 г., стр. 337.

295 [1] *Дрезен А.* Петроградский гарнизон в Октябре. «Красная летопись», 1927 г., № 2(23), стр. 115.

295 [2] *Керенский А. Ф.* Издалека. Сборник статей. (1920—1921). Париж, стр. 195.

295 [3] *Там же*, стр. 300.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ.

А.

АВКСЕНТЬЕВ Н. Д. (р. 1878) — один из организаторов партии эсеров, крайний социал-шовинист. Министр внутренних дел в июльском кабинете Керенского. После установления советской власти — активнейший участник контрреволюционных восстаний (член Уфимской директории). Белоэмигрант — 22, 24, 166, 168, 174, 264.

АЗЕФ Е. Ф. (1870—1918) — провокатор, член Центрального комитета партии эсеров, руководитель ее боевой организации. Разоблаченный в 1908 г., скрылся за границей — 22.

АЛАДЬИН А. Ф. (р. 1873) — член I Государственной думы, трудовик. После Февральской революции — ярый монархист, участник корниловского заговора. Во время гражданской войны — активный деятель в рядах белых армий. Позднее — белоэмигрант — 199.

АЛЕКСАНДР I (1777—1825) — российский император (1801—1825) — 40, 43, 128.

АЛЕКСАНДР II (1818—1881) — российский император (1855—1881) — 27, 40.

АЛЕКСАНДРОВ Н. А. — судебный следователь по делу большевиков в июльские дни 1917 г. — 293.

АЛЕКСЕЕВ М. В. (1857—1918) — генерал, в период империалистской войны — начальник штаба верховного главнокомандующего. После Февральской революции — верховный главнокомандующий; начальник штаба верховного главнокомандующего Керенского после корниловщины. Организатор и руководитель контрреволюционной Добровольческой армии — 29, 33, 57, 63, 72, 91, 192, 196, 199, 201, 203, 207, 269, 275, 276, 277, 278, 279, 281, 284, 287.

АЛЕКСЕЕВСКИЙ — комиссар Временного правительства в 4-й армии — 250.

АЛЕКСЕЙ (1904—1918) — сын Николая II, расстрелян в Екатеринбурге (ныне Свердловск) в 1918 г. — 49, 57, 84, 85.

АЛЕКСИНСКИЙ Г. А. (р. 1879) — член социал-демократической фракции II Государственной думы, в годы империалистской войны — социал-шовинист, сотрудник монархической газеты «Русская воля». В июльские дни 1917 г. опубликовал подложные, клеветнические «документы», приписывающие большевикам связь с германскими империалистами. После Октябрьской революции — белоэмигрант — 169, 196.

АНГАРСКИЙ Н. С. (р. 1873) — коммунист, в революционном движении с 900-х годов. Один из активных участников Октябрьской революции в Москве. С 1930 по 1935 г. — торгпред СССР сначала в Литве, затем в Греции. В настоящее время — председатель Объединения международной книги — 182, 183.

АНДРОНИКОВ М. М. (1875—1919) — один из членов дворцовой германофильской группы, личный друг Николая II и Распутина. В 1919 г. принимал участие в организации неудавшегося побега членов контрреволюционной организации «национальный центр». Расстрелян по постановлению ВЧК в сентябре 1919 г. — 49, 50.

АННА Леопольдовна (1718—1746) — правительница России при малолетнем царе Иоанне (1740—1741) — 54.

АРТЕМ (*Сергеев Ф. А.*) (1883—1921) — большевик, организатор революционного движения пролетариата в Донбассе. Видный партийный работник. Активный участник Октябрьской революции и гражданской войны. Погиб во время испытания аэровагона 24 июля 1921 г. — 189.

АСТРОВ Н. И. (1868—1934) — член Центрального комитета партии кадетов, бывший московский городской голова, позднее — член контрреволюционных организаций «национальный центр» и «союз возрождения России», член «особого совещания» при Деникине. Белоэмигрант — 172, 173.

Б.

БАГРАТУНИ Я. С. — генерал, начальник штаба Петроградского военного округа в 1917 г. — 278, 292.

БАДАЕВ А. Е. (р. 1883) — старый большевик, член партии с 1904 г., депутат IV Государственной думы. В 1914 г. по процессу большевистской фракции был сослан в Туруханский край. Член Центрального комитета ВКП(б) и ЦИК СССР. Заместитель народного комиссара пищевой промышленности — 20.

БАЗИЛЕВСКИЙ П. А. — московский губернский предводитель дворянства в 1917 г. — 57.

БАЙДАК Н. Д. (1850—1924) — инженер, до революции 1917 г. председатель правления Московско-виндаво-рыбинской ж. д. После Октябрьской революции работал в органах НКПС в Ленинграде — 217.

БАЛАВИНСКИЙ — помощник главного начальника петроградской милиции в 1917 г. — 203.

БАЛМАШЕВ С. В. (1882—1902) — эсер. 2 апреля 1902 г. убил министра внутренних дел Сипягина. Казнен в Шлиссельбургской крепости — 22.

БАРАНОВСКИЙ В. А. (1882—1931) — полковник царской армии, в 1917 г. начальник кабинета военного министра — 280

БАРК П. Л. (р. 1868) — товарищ министра торговли и промышленности в 1913 г., в 1914 г. — министр финансов. Белоэмигрант — 31.

БАРЫШНИКОВ А. А. (р. 1877) — член IV Государственной думы, прогрессист, при Временном правительстве — управляющий Министерством государственного призрения — 172.

БАТКИН Ф. — в 1917 г. под видом матроса Черноморского флота вел на фронте агитацию за продолжение войны до «победного конца» — 252, 274.

БАТЮШИН Н. С. (р. 1874) — генерал, во время войны состоял начальником разведывательного отделения Северного фронта, а также председателем комиссии по расследованию злоупотреблений тыла (деятельности банков) — 50.

БЕГУН — старший врач 12-го Туркестанского стрелкового полка, председатель полкового комитета, меньшевик — 255.

БЕЛЕЦКИЙ С. П. (1873—1918) — в 1912—1915 гг. директор департамента полиции, товарищ министра внутренних дел — 49.

БЕЛОРУССОВ А. С. (Белевский) (1859—1919)—правый народник, ярый оборонец, автор ряда клеветнических статей против большевиков. В 1918 г. в Сибири редактировал контрреволюционную газету «Отечественные ведомости» — 270.

БЕРЗИН Я. А. (р. 1881) — коммунист. В 1902 г. вступил в социал-демократическую партию Латвии. Участник Циммервальдской конференции. С 1918 по 1925 г. находился на дипломатической работе. В настоящее время — руководитель Центрального архивного управления СССР и РСФСР — 189

БЕРНАЦКИЙ М. В. (р. 1876) — профессор политической экономии, министр финансов в последнем кабинете Керенского. Этот пост занимал и в контрреволюционных правительствах Деникина и Врангеля. Белоэмигрант — 265.

БИЦЕНКО А. А. (р. 1875) — член партии эсеров с 1902 г., после Февральской революции примкнула к ее левому крылу. Во время мирных переговоров с Германией входила в состав советской делегации в Брест-Литовске. С 1918 г. находится в рядах ВКП(б) — 267.

БЛАН Луи (1811—1882) — французский социалист-утопист, отрицавший классовую борьбу и метод революционного насилия. В революцию 1848 г., будучи членом Временного правительства, проводил соглашательскую политику и тем самым способствовал подготовке победы контрреволюции во Франции в июньские дни 1848 г. В 1871 г., состоя членом Национального собрания, остался с версальцами, разгромившими Парижскую коммуну — 136.

БЛАНКИ Луи Огюст (1805—1881) — известный французский революционер. Видный участник революционного движения во Франции. Член Парижской коммуны, организатор ряда политических обществ. Отстаивал идею захвата власти путем заговора небольшой группы революционеров — 96.

БОБРИНСКИЙ А. А. (р. 1862) — граф, крупный помещик и сахароваводчик Киевской губ., крайний реакционер. В годы войны — товарищ министра внутренних дел, а затем министр земледелия. После Октябрьской революции входил в контрреволюционный «совет государственного объединения России», организовавшийся на Украине. Белоэмигрант — 52.

БОГАЕВСКИЙ М. П. (1881—1918) — представитель верхов контрреволюционного донского казачества. В 1917 г. — товарищ войскового атамана при генерале Каледине. После падения Каледина — председатель Верховного войскового круга — 289.

БОГДАНОВ Б. О. — меньшевик, один из лидеров «революционного оборончества», в 1917 г. вел активную борьбу с большевиками — 168.

БОГОЛЕПОВ Н. П. (1846—1901) — министр народного просвещения в 1898—1901 гг., крайний реакционер. При нем были изданы известные «временные правила» об отдаче студентов в солдаты за «беспорядки». 14 февраля 1901 г. был смертельно ранен студентом-эсером Карповичем — 22.

БОКИЙ Г. И. (р. 1879) — коммунист, в революционном движении с 900-х годов. В апреле 1917 г. — секретарь Петербургского комитета большевистской партии. В октябрьские дни 1917 г. — член Военно-революционного комитета. С 1921 г. — член коллегии ОГПУ, а затем НКВД. Член Верховного суда СССР — 107.

БОРГБЬЕРГ Фредерик (р. 1866) — лидер датской социал-демократической партии, реформист, боровшийся с революционно-марксистским течением. К Октябрьской революции отнесся враждебно, был тесно связан с датским капиталистом Генкелем, уличенным по окончании войны в мошенничестве — 112, 113.

БОРИСОВ — исполняющий обязанности генерального комиссара Черноморского флота в 1917 г. — 253.

БРАТИАНУ Ионель (1864—1927) — румынский министр-президент с 1909 по 1927 г. (с перерывами). Сторонник захватнической политики Румынии на Балканах. Был ярым противником соглашения с Советским союзом — 200

БРЕШКО-БРЕШКОВСКАЯ Е. К. (1844—1934) — одна из основателей партии эсеров, в 1917 г. возглавляла ее крайнее правое крыло. После Октябрьской революции эмигрировала за границу, где вела ожесточенную агитацию против большевиков и советской власти — 267, 287.

БРОЙДО М. И. (р. 1877) — меньшевик, оборонец, член меньшевистской фракции Петроградского совета. После Октябрьской революции — белоэмигрант — 58.

БРОНСКИЙ М. Г. (р. 1882) — большевик, с 1902 г. в рядах социал-демократической партии Польши и Литвы. В 1917 г. — агитатор и пропагандист при Петербургском комитете партии большевиков. После Октябрьской революции — на ответственной советской и хозяйственной работе — 96.

БРУСИЛОВ А. А. (1853—1926) — генерал, во время империалистской войны командовал 8-й армией, а затем был главнокомандующим Юго-западного фронта. С мая по июнь 1917 г. занимал должность верховного главнокомандующего. С 1919 по 1924 г. работал в Красной армии — 57, 91, 141, 142, 143, 192, 193, 196, 270, 274, 275, 276, 283, 289.

БРЮХАНОВ Н. И. (р. 1878) — коммунист, член партии с 1903 г. После Октябрьской революции — член коллегии Наркомпрода, а затем народный комиссар продовольствия. С 1926 по 1931 г. — народный комиссар финансов СССР. В настоящее время — заместитель председателя комиссии по определению урожайности при Совнаркоме СССР — 105.

БУБЛИКОВ А. А. (р. 1875) — член IV Государственной думы, прогрессист. После Октябрьской революции — белоэмигрант — 28, 198, 215.

БУБНОВ А. С. (р. 1883) — старый большевик, член партии с 1903 г., в 1917 году член боевой «пятерки» по организации вооруженного восстания. Один из активнейших участников гражданской войны. С сентября 1929 г. — нарком просвещения РСФСР — 103, 106, 189.

БУЙАКОВ (Фундаминский И. И.) (р. 1881) — правый эсер. В 1918 г. участвовал от «союза возрождения России» в так называемом «Лесном совещании» контрреволюционных организаций и союзных послов по вопросу об интервенции против Советского союза. Белоэмигрант — 24.

БУРЦЕВ В. Л. (р. 1862) — редактор исторического журнала «Былое», крайний шовинист в годы войны. В 1917 г. издавал газету «Общее дело», поддерживал авантюру генерала Корнилова, вел бешеную кампанию лжи против большевиков. После Октябрьской революции — белоэмигрант — 289

БУРЫШКИН А. В. (р. 1853) — московский фабрикант. В 1919 г. — министр колчаковского правительства — 265.

БУХАРИН Н. И. (р. 1888) — видный большевик, литератор, экономист, член партии с 1906 г. Неоднократно расходился с Лениным и вел борьбу против генеральной линии партии. В 1928—1929 гг. один из лидеров правого уклона. Позднее признал свои ошибки. После XVII съезда партии — кандидат в члены Центрального комитета ВКП(б). Член Академии наук СССР, редактор «Известий ЦИК и ВЦИК советов» — 39, 184, 185, 189.

БЬЮКЕНЕН Джордж (1854—1924) — посол Англии в России с 1910 по 1918 г. Имел большое влияние на царское и Временное правительства. В 1917 г. оказывал содействие генералу Корнилову в его стремлении установить военную диктатуру. После Октябрьской революции — один из главных вдохновителей интервенции против Советского союза — 54, 57, 58, 93, 169, 172, 192, 193, 194, 204, 285.

В.

ВАНДЕРВЕЛЬДЕ Эмиль (р. 1866) — вождь бельгийской социалистической партии и председатель исполнительного комитета II Интернационала, один из руководителей реформизма и оппортунизма. В годы империалистской войны вошел в состав буржуазного коалиционного министерства. В 1917 г. приезжал в Россию для агитации за продолжение войны. После Октябрьской революции занял враждебную позицию по отношению к Советскому союзу — 24.

ВАРБУРГ Фриц (р. 1867) — германский финансист. Во время войны был консультантом по продовольственным вопросам при германском посольстве в Стокгольме. В 1916 г. вел переговоры с Протопоповым о сепаратном мире Германии с Россией — 55.

ВАРЗАР В. Е. (Варвер) (р. 1851) — статистик и экономист. Автор популярной брошюры «Хитрая механика» — о сущности налоговой политики самодержавного государства, широко использованной в свое время для революционной пропаганды. После Октябрьской революции работал в ВСНХ и ЦСУ — 212, 214.

ВАСИЛЬЕВ И. И. — солдат, участник армейской делегации на Румынском фронте — 274.

ВАСИЛЬЧИКОВА М. А. (р. 1859) — фрейлина при дворе Николая II. В 1915 г. была посредницей в переговорах герцога Гессенского и Александры Федоровны о заключении сепаратного мира России с Германией — 55.

ВЕРДЕРЕВСКИЙ Д. Н. (р. 1873) — контр-адмирал царского флота. В августе 1917 г. был привлечен Керенским в состав директории в качестве военного министра. Белоэмигрант — 208.

ВЕРХОВСКИЙ А. И. (р. 1886) — полковник царской армии. В 1917 г. командовал войсками Московского военного округа, позднее — военный министр в последнем правительстве Керенского. После Октябрьской революции некоторое время находился в лагере ее врагов. Впоследствии отошел от антисоветской деятельности, работал в Красной армии — 175, 208, 246, 292.

ВИВИАНИ Рене (1863—1925) — один из руководителей французской объединенной социалистической партии, порвал с которой, входил в правительство Клемансо, Бриана и Думерга. В период империалистской войны — председатель Совета министров и министр иностранных дел Франции — 54.

ВИЛЬГЕЛЬМ II (р. 1859) — последний император Германии. В 1918 г., свергнутый германской революцией, бежал в Голландию — 12, 55, 74, 112.

ВИЛЬСОН Вудро (1856—1924) — в 1912—1920 гг. президент Соединенных штатов Америки, в 1918 г. выступил с «14-ю пунктами» программы мира. Инициатор «Лиги наций» — 48.

ВИННИЦКИЙ — полковник польского вапасного полка — 282.

ВИННИЧЕНКО В. К. (р. 1880) — украинский шовинист, писатель, один из руководителей украинских меньшевиков. Был премьер-министром Центральной рады. Один из вождей украинской националистической контрреволюции. После установления советской власти на Украине эмигрировал за границу — 127.

ВИТТЕ С. Ю. (1849—1915) — министр царской России, являлся проводником политики крупной финан-

совой буржуазии. В 1905—1906 гг. — председатель Совета министров — 25.

ВИХЛЯЕВ И. А. (1869—1928) — статистик, член партии эсеров, в 1917 г. товарищ министра земледелия в первом коалиционном Временном правительстве. После Октябрьской революции профессор Московского университета — 124.

ВОЙТИНСКИЙ В. С. (р. 1887) — меньшевик, в годы войны оборонец. После Февральской революции был комиссаром Северного фронта. Организовал вместе с Керенским поход на Гатчину для подавления октябрьского восстания. После свержения Временного правительства был представителем меньшевистской Грузии в Италии и Франции. Белоэмигрант — 166.

ВОЙТОЛОВСКИЙ Л. Н. (р. 1876) — литературный критик, публицист. После Октябрьской революции работал в Красной армии — 34.

ВОЛКОНСКИЙ В. М. (р. 1868) — князь, крупнейший помещик Тамбовской губ., член III и IV Государственной думы. В 1915 г. — товарищ министра внутренних дел. Белоэмигрант — 121, 122.

ВОЛОДАРСКИЙ В. (Гольштейн М. М.) (1890—1918) — коммунист, один из выдающихся агитаторов партии. В 1913 г. эмигрировал в Америку. В период империалистской войны — интернационалист. Вернулся в Россию в мае 1917 г., после кратковременного пребывания в петроградской организации межрайонцев вошел в большевистскую партию. В 1918 г. — комиссар печати, пропаганды и агитации. Убит 20 июня 1918 г. в Петрограде правым эсером Сергеевым — 180, 183, 186, 189.

ВОРОНЦОВ-ВЕЛЬЯМИНОВ — прапорщик лейб-гвардии Волынского полка — 67.

ВОРОШИЛОВ К. Е. (р. 1881) — один из видных руководителей большевистской партии, рабочий-металлист, член партии с 1903 г. Провел ряд лет в тюрьме и ссылке. Один из руководящих участников гражданской войны на Украине в 1918—1919 гг. Организатор и член Реввоенсовета 1-й конной армии. Член Центрального комитета ВКП(б) с X съезда партии. С 1921 по 1924 г. — на руководящей военной работе. С 1925 г. народный комиссар по военным делам и председатель Реввоенсовета СССР. Нарком обороны, член Политбюро Центрального комитета ВКП(б) — 102, 106, 182

ВЫРУБОВА А. А. (р. 1884) — фрейлина бывшей царицы Александры Федоровны, сторонница Распутина — 49, 50.

Г.

ГАВЕН Ю. П. (р. 1883) — участник революционного движения с 1902 г., в партии большевиков — с 1915 г. После Октябрьской революции — на партийной и хозяйственной работе — 253.

ГАЛИН — комиссар Временного правительства, руководитель разгрома Калужского совета в октябре 1917 г. — 293.

ГВОЗДЕВ К. А. (р. 1883) — крайний правый меньшевик, ликвидатор, в годы войны социал-шовинист Был председателем рабочей группы в Центральном военно-промышленном комитете (1915—1917), министром труда в третьем составе коалиционного Временного правительства — 24, 58, 91, 95, 214, 236, 265.

ГЕГЕЧКОРИ Е. П. (р. 1878) — меньшевик, адвокат по профессии. В 1918—1920 гг. в качестве члена меньшевистского правительства Грузии вел активную борьбу с большевиками. Ярый противник советской власти. Белоэмигрант — 129.

ГЕНДЕРСОН Артур (р. 1863—1935) — один из вождей английской рабочей партии. Во время мировой войны — социал-шовинист, член правительства Ллойд Джорджа. После Февральской революции приезжал в Россию для агитации за продолжение войны — 139.

ГЕНЗЕЛЬ П. П. (р. 1878) — буржуазный экономист-финансист. После гражданской войны эмигрировал за границу — 215.

ГОГОЛЬ Н. В. (1809—1852) — великий русский писатель. В своих произведениях («Ревизор», «Мертвые души» и др.) дал бичующую картину быта и нравов русского чиновничества николаевской эпохи — 17, 219.

ГОДНЕВ И. В. (р. 1856) — член III и IV Государственной думы, октябрист. С марта по июль 1917 г. — государственный контролер в составе Временного правительства — 82, 120, 173.

ГОЛИЦЫН Н. Д. (1850—1925) — князь, последний председатель Совета министров царского правительства, свергнутого Февральской революцией 1917 г. — 50, 65, 76.

ГОРЕМЫКИН И. Л. (1839—1917) — министр внутренних дел в 1895—1899 гг., председатель Совета министров в 1906 и в 1914—1916 гг. — 50.

ГОЦ А. Р. (р. 1882) — один из лидеров правых эсеров. В октябрьские дни 1917 г. — один из организаторов юнкерского восстания против советской власти. После Октября — организатор террористических выступлений против вождей Октябрьской революции. В 1922 г. по процессу правых эсеров был присужден к высшей мере наказания, заменённой 5 годами тюремного заключения. Освобожден по амнистии — 116, 120, 166, 168.

ГРОДСКИЙ — меньшевик, комиссар Временного правительства во 2-й армии — 250.

ГРУШЕВСКИЙ М. С. (1866—1934) — историк, идеолог буржуазного национального движения на Украине. После Февральской революции примыкал к украинским эсерам, был председателем Центральной украинской рады — 127.

ГУЧКОВ А. И. (1862—1935) — крупный московский промышленник, основатель «союза 17 октября», председатель III Государственной думы. В период империалистской войны — председатель Центрального военно-промышленного комитета. В 1917 г. — военный и морской министр в первом составе Временного правительства. Активный участник борьбы против советской власти в 1917—1921 гг. Белоэмигрант — 17, 18, 24, 25, 33, 57, 59, 74, 82, 84, 85, 90, 91, 92, 107, 111, 118, 129, 149, 193, 268.

Д.

ДАН Ф. И. (р. 1871) — один из вождей меньшевизма. В период реакции — ликвидатор; после Февральской революции — оборонец и соглашатель; с 1922 г. — белоэмигрант. Ярый враг Октябрьской революции и Советского союза — 24, 133, 134, 135, 169, 170, 173, 265.

ДЕМЬЯНОВ А. А. (1866—1920) — член II Государственной думы, народный социалист. Товарищ министра юстиции Временного правительства. Белоэмигрант — 124.

ДЕНИКИН А. И. (р. 1872) — генерал, ярый монархист, активный участник корниловского мятежа в 1917 г. В 1918—1920 гг. — руководитель белогвардейских армий на юге. Белоэмигрант — 91, 172, 192, 195, 207, 274, 275, 276, 284.

ДЖАПАРИДЗЕ П. А. (1878—1918) — коммунист, один из крупнейших организаторов бакинского пролетариата. В 1917—1918 гг. — народный комиссар по внутренним делам и продовольствия бакинской коммуны. 20 сентября 1918 г. расстрелян в числе 26 бакинских комиссаров по приказу меньшевистско-эсеровских закаспийских властей («Центроспасия»), опиравшихся на английские оккупационные войска — 186.

ДЗЕРЖИНСКИЙ Ф. Э. (1877—1926) — коммунист, видный деятель польской социал-демократии. Активный участник Октябрьской революции, входил в состав практического центра по подготовке и проведению октябрьского восстания. После Октябрьской революции — бессменный руководитель Всероссийской чрезвычайной комиссии, организованной для борьбы с контрреволюцией и саботажем. Председатель ОГПУ, позднее одновременно был наркомом путей сообщения, затем председатель ВСНХ. С 1917 г. — член Центрального комитета ВКП(б) — 104, 106, 180, 189

ДЗЮБИНСКИЙ В. И. (1860—1927) — член III и IV Государственной думы, «трудовик». После Октябрьской революции работал в советских органах в Киеве и в Москве — 70.

ДИАМАНДИ К. (р. 1868) — румынский посланник в Петрограде с 1913 по 1917 г. — 200.

ДМИТРИЙ Павлович (р. 1891) — великий князь, принимал участие в убийстве Распутина. Белоэмигрант — 57.

ДМИТРЮКОВ И. И. (р. 1872) — юрист, член III и IV Государственной думы, октябрист — 70.

ДОВВОР-МУСНИЦКИЙ И. Р. (р. 1867) — генерал, ярый монархист, командир Польского корпуса. При Временном правительстве сформировал корпус польских легионеров для борьбы с революционным движением в Белоруссии — 282.

ДОЛГОПОЛОВ — поручик, помощник комиссара Временного правительства в 5-й армии — 247.

ДРАГОМИРОВ А. М. (р. 1870) — генерал, в 1917 г. — главнокомандующий Северного фронта, во время гражданской войны — председатель «особого совещания» при Деникине. Белоэмигрант — 143.

ДРАНКИН — командир студенческого мотоциклетного отряда — 293.

ДРОЗДОВСКИЙ М. Г. (1881—1919) — белогвардейский генерал, во время гражданской войны отличался исключительной жестокостью по отношению к пленным красноармейцам — 274.

ДУДАРОВ Б. П. (р. 1882) — капитан царского флота, при Временном правительстве помощник морского министра — 166, 168.

ДУКЧИ Ишан — религиозный вождь узбеков Ферганской области — 45

ДУРНОВО И. Н. (1844—1915) — министр внутренних дел в кабинете Витте. Приобрел известность жестоким усмирением революционных восстаний в 1905—1906 гг. После отставки (1906) возглавлял группу крайних правых в Государственном совете — 13, 135.

ДУТОВ А. И. (1864—1921) — атаман оренбургского казачьего войска, возглавлял контрреволюционное восстание казачьих войск на Урале в 1917—1918 гг. Был одним из сподвижников Колчака. После разгрома Колчака бежал в Китай — 150, 199, 227, 228, 284.

ДУХОНИН Н. Н. (1876—1917) — генерал, начальник штаба верховного главнокомандующего при Керенском. После бегства Керенского — верховный главнокомандующий русских армий. За отказ выполнить приказ Совета народных комиссаров о вступлении в переговоры с немцами о перемирии был смещен и арестован в Ставке 20 ноября 1917 г. Убит солдатами — 227, 241, 271, 284, 285, 288, 289, 291, 292.

Е.

ЕКАТЕРИНА II (1729—1796) — российская императрица (1762—1796) — 40, 42.

ЕЛИЗАВЕТА Петровна (1709—1761) — российская императрица (1746—1761) — 54.

ЕРМОЛЕНКО Д. — военный шпион, во время империалистской войны вел полицейскую слежку в концентрационных лагерях за украинцами — 168.

ЕФРЕМОВ И. Н. (р. 1866) — крупный помещик, член I, III и IV Государственной думы, лидер прогрессистов. После Февральской революции — министр юстиции, министр государственного призрения в составе Временного правительства. В сентябре 1917 г. — посол Временного правительства в Швейцарии — 17, 172, 173, 174.

ЕФРОН — представитель Общества петроградских заводчиков и фабрикантов — 89.

Ж.

ЖДАНОВ — комиссар Временного правительства на Западном фронте — 251.

ЖИЛИНСКИЙ Я. Г. (р. 1853) — генерал, в 1914 г. главнокомандующий Северо-западного фронта, позднее представитель русского верховного командования в Союзном совете в Париже — 12.

З.

ЗАВОЙКО В. С. — ординарец генерала Корнилова, авантюрист и крупный финансовый делец — 195, 199, 201.

ЗАЙЦЕВ В. М. — матрос Балтийского флота — 253.

ЗАЛЕЖСКИЙ В. Н. (р. 1880) — большевик, в 1917 г. вел работу в Гельсингфорсском комитете партии. После Октябрьской революции — на советской и педагогической работе — 183.

ЗАЛИЗНЯК — эсер, участник апрельского учредительного съезда украинской партии эсеров. Белоэмигрант — 127.

ЗАРУДНЫЙ А. С. (1864—1934) — трудовик, в 1917 г. — министр юстиции второго коалиционного правительства Керенского — 174, 175.

ЗАСУЛИЧ В. И. (1851—1919) — член группы «освобождение труда», член редакции «Искры». После раскола партии примкнула к меньшевикам. В годы войны заняла оборонческую позицию. Была противницей Октябрьской революции — 55.

ЗЕМЛЯЧКА (*Самойлова Р. С.*) (р. 1876) — видный член большевистской партии, в революционном движении с 1893 г. В период Февральской революции — секретарь Московского комитета большевистской партии. В 1918—1921 гг. — начальник 8-й, 13-й и 6-й армий на Северном и Южном фронтах. В настоящее время — член Комиссии советского контроля — 106, 107.

ЗИНОВЬЕВ Г. Е. (р. 1883) — бывший член ВКП(б), исключенный из партии за измену партии и рабочему классу. В октябре 1917 г. — противник вооруженного восстания, в октябрьские дни — сторонник создания правительства с участием меньшевиков и эсеров. В 1925 г. — лидер «новой оппозиции», в 1926 г. был одним из организаторов антипартийного оппозиционного блока, возглавлявшегося Троцким. За антипартийную деятельность дважды исключался из партии. В 1935 г. осужден советским судом на 10 лет тюремного заключения как главный организатор подпольной контрреволюционной группы «московский центр», руководившей контрреволюционной ленинградской группой, организовавшей убийство С. М. Кирова — 168, 171, 180, 189.

И.

ИВАН Грозный (1530—1584) — русский царь (1547—1584) — 32.

ИВАНОВ Н. И. (1851—1919) — генерал, с начала мировой войны до 1916 г. — главнокомандующий Юго-западного фронта. В 1918 г. был назначен Красновым командующим белогвардейской «Южной армией» на Дону — 72, 192.

ИГНАТЬЕВ П. Н. (1870—1926) — граф, крупный землевладелец. В 1915—1916 гг. — министр народного просвещения — 17, 199.

ИЛЬИН И. А. — член совещания «общественных деятелей» — 289.

ИОФФЕ А. А. (В. Крымский) (1883—1927) — в РСДРП с 1903 г., в 1917 г. вместе с «межрайонцами» вошел в большевистскую партию. Член советской мирной делегации в Брест-Литовске. По вопросу о Брестском мире был сторонником позиции Троцкого («ни мир, ни война»). Позднее занимал дипломатические посты в советских представительствах за границей. В 1925—1927 гг. — активный член троцкистской оппозиции — 189.

К.

КАВЕНЬЯК Луи Эжен (1802—1857) — французский генерал, в июньские дни 1848 г. разгромил восстание парижских рабочих — 135, 136, 163.

КАГАНОВИЧ Л. М. (р. 1893) — один из видных руководителей большевистской партии, рабочий-кожевник, член партии с 1911 г. В 1917 г. — член бюро Всероссийской военной организации большевиков. В октябре 1917 г. — председатель Полесского областного комитета партии и руководитель Октябрьской революции в Полесье. После Октябрьской революции — член Всероссийской коллегии по организации Красной армии. Член Центрального комитета ВКП(б) с 1924 г. Ныне — член Политбюро Центрального комитета ВКП(б), секретарь Центрального комитета ВКП(б) и народный комиссар путей сообщения СССР — 247.

КАЛЕДИН А. М. (1861—1918) — генерал, с августа 1917 г. атаман войска донского. После Октябрьской революции начал гражданскую войну против советской России, но был разбит. Покончил самоубийством — 196, 198, 201, 238, 281, 284, 285.

КАЛЯЕВ И. П. (1877—1905) — эсер, 4 февраля 1905 г. убил московского генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича. Казнен в Шлиссельбургской крепости — 22.

КАМЕНЕВ Л. Б. (р. 1883) — бывший член ВКП(б), исключенный из партии за измену партии и рабочему классу. За антипартийную троцкистскую деятельность раньше дважды исключался из партии. В январе 1935 г. военной коллегией Верховного суда присужден к тюремному заключению на пять лет как один из руководителей подпольной контрреволюционной группы «московский центр», руководившей контрреволюционной ленинградской группой, организовавшей убийство С. М. Кирова — 39, 111, 113, 169, 184, 189.

КАМЕНЩИКОВ В. В. (р. 1879) — большевик, участник большевистской революционной работы на фронте в 1917 г. После Октябрьской революции — главнокомандующий Западного фронта — 255.

КАМКОВ Б. Д. (р. 1885) — один из вождей партии левых эсеров — 267.

КАРНАУХОВ П. А. — солдат царской армии — 39.

КАРПОВИЧ П. В. (1874—1917) — эсер, в 1901 г. убил министра народного просвещения Боголепова, был приговорен к 20 годам каторги, откуда бежал за границу — 22.

КАРТАШЕВ А. В. (р. 1875) — кадет, профессор по истории церкви, в 1917 г. — обер-прокурор синода, министр исповеданий. Позднее был членом белогвардейского правительства Юденича — 175, 203, 265.

КЕРЕНСКИЙ А. Ф. (р. 1881) — эсер, адвокат. После Февральской революции возглавлял ряд составов буржуазного Временного правительства. Свергнутый Октябрьской революцией вместе с Временным правительством, бежал за границу, откуда продолжал бороться с советской властью — 20, 21, 22, 24, 60, 65, 70, 79, 82, 85, 86, 89, 95, 118, 120, 128, 133, 135, 141, 142, 143, 159, 161, 162, 169, 170, 172, 173, 174, 192, 194, 197, 199, 200, 201, 202, 203, 204, 205, 206, 207, 208, 209, 215, 222, 223, 224, 225, 238, 240, 241, 246, 252, 253, 261, 262, 264, 265, 268, 269, 270, 272, 273, 277, 278, 280, 281, 282, 283, 285, 289, 292, 295.

КИРОВ С. М. (1888—1934) — один из видных руководителей большевистской партии, член партии с 1904 г. В 1917 г. — руководитель большевистской организации во Владикавказе. В годы гражданской войны — крупный военный работник. С 1922 г. член Центрального комитета ВКП(б). С 1923 г. — секретарь Центрального комитета большевистской партии Азербайджана. С 1926 г. — секретарь Ленинградского обкома. С 1930 г. — член Политбюро Центрального комитета ВКП(б). 1 декабря 1934 г. злодейски убит белогвардейскими подонками троцкистско-зиновьевской оппозиции — 206, 207.

КИРПИЧНИКОВ — унтер-офицер лейб-гвардии Волынского полка, руководивший восстанием волынцев в февральские дни 1917 г. — 66, 67.

КИШКИН Н. М. (р. 1864) — один из руководителей кадетской партии, накануне Октябрьской революции был назначен «диктатором» Петрограда с исключитель-

ными полномочиями «по водворению порядка». В 1919 г. — один из активных участников белогвардейской деникинской организации в Москве («тактического центра») — 52, 172, 173, 196, 265.

КЛЕМАНСО Жорж (1841—1929) — лидер французской реакционной буржуазии, один из организаторов империалистической войны. Премьер и военный министр Франции в годы войны, активный вдохновитель интервенции против Советского союза — 48.

КОВАЛЕВ Л. — украинский эсер. В 1917 г. — член Центральной рады — 127.

КОВАЛЕВСКИЙ М. М. (1851—1916) — профессор государственного права Московского университета. Автор ряда эклектических работ по социологии и истории. Идеолог либеральной буржуазии — 96.

КОДАЦКИЙ И. Ф. (р. 1893) — член большевистской партии с 1914 г., рабочий-токарь. В настоящее время — председатель Ленинградского совета — 185.

КОЗЬМИН А. И. — эсер, в 1917 г. помощник командующего войсками Петроградского военного округа. После Октябрьской революции бежал на Дальний Восток на территорию белых — 168.

КОКОШКИН Ф. Ф. (1871—1918) — один из основателей кадетской партии. В 1917 г. — член Временного правительства (государственный контролер) — 175, 197, 203.

КОЛЕГАЕВ А. Л. (р. 1888) — один из организаторов и вождей партии левых эсеров. После восстания левых эсеров в Москве порвал с партией и в ноябре 1918 г. вступил в РКП(б) — 267.

КОЛЛОНТАЙ А. М. (р. 1872) — первоначально примыкала к меньшевикам, с 1915 г. — в рядах большевиков. После Октябрьской революции — нарком социального обеспечения. Во время дискуссии о профсоюзах в 1921 г. входила в группу «рабочей оппозиции». В настоящее время — полпред в Швеции — 189.

КОЛОКОЛОВ — прапорщик лейб-гвардии Волынского полка — 66, 67.

КОЛОКОЛЬНИКОВ П. Н. — меньшевик, статистик, при Временном правительстве — товарищ министра труда — 214.

КОЛЧАК А. В. (1873—1920) — адмирал, командовал Черноморским флотом. В 1918—1919 гг. возглавлял сибирскую контрреволюцию. 7 февраля 1920 г. расстрелян в Иркутске — 192, 196, 199, 252.

КОНДРАТЬЕВ Н. Д. (р. 1892) — экономист, позднее — при советской власти — профессор Тимирязевской сельскохозяйственной академии. В 1930 г. осужден за участие в контрреволюционной кредительской организации в сельском хозяйстве — 226.

КОНОВАЛОВ А. И. (р. 1875) — крупнейший текстильный фабрикант. Один из основателей партии прогрессистов. В 1917 г. — министр торговли и промышленности Временного правительства первого состава и заместитель Керенского в последнем составе Временного правительства. Белоэмигрант — 17, 57, 59, 70, 82, 89, 90, 120, 125, 126, 212, 241, 265, 269.

КОРНИЛОВ Л. Г. (1870—1918) — генерал, в августе 1917 г. возглавлял поход на Петроград с целью установления военной диктатуры и восстановления монархии. Позднее бежал на Дон, где стал во главе контрреволюционной Добровольческой армии; был убит Красной гвардией и в начале 1918 г. убит во время боя под Екатеринодаром — 56, 85, 116, 151, 192, 193, 194, 195, 196, 197, 198, 199, 200, 201, 202, 203, 204, 205, 207, 209, 217, 219, 220, 222, 238, 240, 242, 243, 245, 246, 252, 262, 263, 264, 267, 268, 269, 271, 274, 276, 278, 280, 281, 282, 283, 284, 285, 289.

КОРОВНИЧЕНКО П. А. — в сентябре 1917 г. возглавлял карательную экспедицию, посланную Временным правительством в Ташкент. Расстрелян революционными рабочими и солдатами в октябре 1917 г. — 269.

КОРОЛЕВ — секретарь большевистского полкового комитета 12-го Туркестанского стрелкового полка — 255.

КОССИОР С. В. (р. 1889) — один из видных деятелей большевистской партии, рабочий-токарь, член партии с 1907 г. После Февральской революции — член Петербургского комитета большевистской партии. В годы гражданской войны руководил подпольной работой на Украине. На XIII съезде избран членом Центрального комитета ВКП(б). С 1925 по 1928 г. — секретарь Центрального комитета ВКП(б). С 1928 г. — генеральный секретарь Центрального комитета КП(б)У. Член Политбюро Центрального комитета ВКП(б) — 103, 105, 183.

КРАВЧУК Г. Г. (р. 1881) — полковник царской армии — 291, 292.

КРАСНОВ П. Н. (р. 1869) — генерал, в октябре 1917 г. командовал казачьим отрядом, двинутым Керенским на Петроград. Бежал на Дон, где создал при поддержке немцев белую Добровольческую армию, разбитую красными войсками в 1918 г. Белоэмигрант — 201, 282.

КРЕСТИНСКИЙ Н. Н. (р. 1883) — коммунист, член партии с 1903 г. В 1917 г. — председатель Уральского областного комитета партии. В 1918—1921 гг. — народный комиссар финансов. В период Брестского мира, профсоюзной дискуссии и дискуссии 1923 г. примыкал к позиции Троцкого. С 1921 по 1930 г. — полпред СССР в Германии. В настоящее время — заместитель народного комиссара иностранных дел — 189.

КРИВОШЕИН А. В. (1858—1923) — в 1908—1915 гг. главноуправляющий Министерства земледелия и землеустройства. После Октябрьской революции — один из организаторов белогвардейского «правого центра» в Москве; глава монархического «совета государственного объединения» в Киеве. В 1920 г. возглавлял правительство Врангеля. Белоэмигрант — 17.

КРУПСКАЯ Н. К. (р. 1869) — один из старейших членов и основателей большевистской партии, член Центрального комитета ВКП(б) — 96, 105, 106.

КРЫЛОВ — полицейский пристав — 62.

КРЫМОВ А. И. (1871—1917) — генерал, сподвижник Корнилова, командир конного корпуса, двинутого Корниловым на Петроград. После провала корниловской авантюры застрелился — 56, 57, 200, 201, 206.

КУЗЬМИН-КАРАВАЕВ Д. Д. (р. 1856) — генерал, в 1905—1915 гг. — начальник Главного артиллерийского управления. В годы мировой войны был причастен

к делу о военном шпионаже военного министра Сухомлинова и Манусевича-Мануйлова — 27.

КУЙБЫШЕВ В. В. (1888—1935) — один из видных деятелей большевистской партии, член партии с 1905 г. После Октябрьской революции занимал ряд ответственных партийных и советских постов. В 1923—1927 гг. — председатель ЦКК ВКП(б) и нарком РКИ, позднее — председатель ВСНХ. С 1930 г. — заместитель председателя Совета народных комиссаров СССР и председатель Госплана СССР. Член Центрального комитета ВКП(б) и Политбюро Центрального комитета ВКП(б) — 104, 106.

КУТЕПОВ А. С. (р. 1881) — полковник царской армии, генерал белогвардейской Добровольческой армии. Приобрел «известность» жестокой расправой с мирным населением. После разгрома Врангеля бежал за границу — 69.

КУТЛЕР Н. Н. (1859—1924) — в 1904—1905 гг. товарищ министра внутренних дел и финансов, позднее — министр земледелия, кадет. После Октябрьской революции работал в Госбанке СССР в качестве специалиста-финансиста — 125, 126, 196.

Л.

ЛАНДСБЕРГ — инженер, специалист по эксплоатации железных дорог. После Октябрьской революции эмигрировал в Польшу — 219.

ЛАШЕВИЧ М. М. (1884—1928) — коммунист, начал партийную работу в 1901 г. В октябрьские дни 1917 г. командовал частями Кексгольмского полка и матросами, занявшими в ночь на 25 октября телеграф, государственный банк и почту. После Октябрьской революции работал в Красной армии. В 1925 г. примкнул к ленинградской оппозиции, был исключен из партии. После XV съезда партии признал свои ошибки и был восстановлен в партии — 180.

ЛАШКЕВИЧ — начальник учебной команды лейб-гвардии Волынского полка. Убит в февральские дни 1917 г. восставшими волынцами — 64, 66, 67.

ЛЕНИН В. И. (1870—1924) — 14, 15, 18, 19, 20, 24, 25, 27, 38, 39, 40, 46, 47, 60, 73, 82, 83, 88, 93, 94, 95, 96, 97, 98, 99, 100, 101, 102, 103, 105, 106, 107, 108, 109, 110, 111, 112, 113, 114, 116, 118, 124, 126, 128, 129, 131, 132, 133, 134, 135, 143, 144, 145, 147, 148, 149, 152, 157, 158, 163, 166, 168, 169, 171, 172, 175, 176, 178, 180, 189, 190, 191, 195, 196, 204, 207, 208, 210, 215, 224, 225, 228, 229, 230, 231, 232, 234, 238, 242, 244, 247, 248, 254, 261, 264, 267, 268, 291, 293.

ЛИБЕР М. И. (Гольдман) (р. 1880) — бундовец, в период войны социал-шовинист, в 1917 г. — сторонник коалиции с буржуазией, возглавлял соглашательскую политику меньшевистско-эсеровского блока. Ярый враг Октябрьской революции и советской власти — 168, 265.

ЛИБКНЕХТ Карл (1871—1919) — один из основателей германской коммунистической партии. Возглавлял восстание берлинских рабочих в январе 1919 г. Предательски убит 15 января 1919 г. по приказу социал-демократического правительства Эберта — Шейдемана — 100, 108.

ЛИВЕРОВСКИЙ А. В. — последний министр путей сообщения Временного правительства — 219, 265.

ЛИТВИНОВ-ФАЛИНСКИЙ В. П. (р. 1868) — инженер, с 1905 по 1915 г. управлял отделом промышленности в Министерстве торговли и промышленности — 32.

ЛОМОВ (Оппоков) Г. И. (р. 1888) — большевик с 1903 г. В 1917—1918 гг. — член Московского областного бюро большевиков. В период Брестского мира возглавлял группу московских «левых коммунистов». Позднее — на ответственной хозяйственной работе — 106

ЛУКА — епископ казанский — 42.

ЛУКОМСКИЙ А. С. (р. 1868) — генерал, в 1917 г. — начальник штаба верховного главнокомандующего. Участник корниловского заговора; один из организаторов контрреволюционной Добровольческой армии. В 1919 г. возглавлял правительство Деникина; был представителем Врангеля при союзном командовании интервенционистов в Константинополе в 1920 г. Белоэмигрант — 207, 280.

ЛУНАЧАРСКИЙ А. В. (1875—1933) — участник революционного движения с 90-х годов. После раскола РСДРП в 1903 г. примкнул к большевикам. В годы реакции вошел в группу «впередовцев», разойдясь с большевистской партией по ряду политических и философских вопросов. Во время войны — интернационалист. После Февральской революции вошел в организацию «межрайонцев» и вместе с ними на VI съезде вступил в большевистскую партию. С Октябрьской революции и до 1929 г. — народный комиссар просвещения РСФСР — 189.

ЛЬВОВ Г. Е. (1861—1925) — князь, крупный помещик, депутат I Государственной думы, кадет. Во время империалистской войны стоял во главе буржуазной общественной организации — Союза земств и городов (Земгор). В 1917 г. — председатель Временного правительства первого состава. После Октябрьской революции — белоэмигрант — 18, 57, 82, 84, 85, 87, 103, 119, 120, 170, 173, 199.

ЛЬВОВ В. Н. (р. 1872) — землевладелец, член III и IV Государственной думы (председатель фракции центра). В 1917 г. — обер-прокурор синода при Временном правительстве. Был причастен к корниловскому мятежу. После Октябрьской революции эмигрировал за границу, где в ноябре 1921 г. примкнул к «сменовеховцам» — 17, 20, 82, 87, 120, 194, 201, 292, 293.

ЛЬВОВ Н. Н. (р. 1867) — член кадетской партии, впоследствии лидер прогрессистов, член Государственной думы нескольких созывов. После Октябрьской революции вел бешеную травлю против Советского союза. Белоэмигрант — 219.

М.

МАЗЕПА И. В. — в 1918—1919 гг. член Центральной рады и Украинской директории — 127.

МАЗУРЕНКО Ю. П. — поручик, меньшевик, усмиритель солдатских «бунтов» на фронте — 166.

МАКЛАКОВ В. А. (р. 1870) — правый кадет, юрист, член Государственной думы нескольких созывов. В июле 1917 г. назначен послом в Париж. В годы гражданской войны — представитель правительств Деникина, Колчака и Юденича в Париже — 17, 20, 58, 195.

МАКЛАКОВ Н. А. (1871—1918 г.) — брат В. Маклакова, ярый черносотенец. В 1912—1915 гг. — министр внутренних дел и шеф жандармов — 18, 51, 56.

МАЛЯНТОВИЧ П. Н. — бывший меньшевик, присяжный поверенный, был известен в качестве защитника в политических процессах. Министр юстиции в последнем составе Временного правительства — 265.

МАНАСЕВИЧ-МАНУЙЛОВ И. Ф. (1869—1918) — аферист, секретный сотрудник департамента полиции. Посылался Министерством внутренних дел за границу для подкупа иностранной печати. В годы войны был близок к Распутину. В феврале 1917 г. осужден за мошенничество — 50.

МАНИКОВСКИЙ А. А. (1865—1920) — генерал, во время империалистической войны — начальник Главного артиллерийского управления. В 1917 г. — товарищ военного министра. После Октябрьской революции работал в Красной армии — 27, 28.

МАНУЙЛОВ А. А. (1861—1929) — кадет, профессор политической экономии. В 1905—1910 гг. — ректор Московского университета, уволен министром Кассо за либеральное отношение к студенческому движению. Министр народного просвещения в первом составе коалиционного Временного правительства. После Октябрьской революции работал в Госбанке СССР — 82, 120, 161.

МАРИЯ Павловна (1854—1923) — великая княгиня — 54.

МАРКОВ — унтер-офицер лейб-гвардии Волынского полка — 67.

МАРКОВ 2-й Н. Е. (р. 1876) — крупный помещик Курской губернии, член III и IV Государственной думы, руководитель черносотенного «союза русского народа». Белоэмигрант — 17, 56.

МАРКОВ С. Л. (1879—1918) — начальник штаба кавалерийской дивизии, в 1917 г. — генерал при Ставке, участник корниловского заговора. В 1918 г. командовал одной из дивизий деникинской белой армии — 207.

МАРКС Карл (1818—1883) — 288.

МАРТОВ Л. (Цедербаум Ю. О.) (1873—1923) — вождь и идеолог меньшевизма. В годы реакции — лидер ликвидаторов. В период войны — центрист. В 1917 г. стал во главе группы меньшевиков-интернационалистов. После Октябрьской революции — противник советской власти. В 1921 г. эмигрировал в Берлин, где вел активную борьбу против большевиков и Советского союза. Был редактором контрреволюционного меньшевистского органа «Социалистический вестник» — 24, 97, 176.

МАСЛЕННИКОВ А. М. (р. 1858) — член III и IV Государственной думы, прогрессист. В годы гражданской войны — деникинец, член киевского белогвардейского «совета государственного объединения России» — 172.

МАСЛОВ П. П. (р. 1867) — бывший меньшевик, экономист. Автор проекта «муниципализации земли», принятого меньшевистским большинством на IV съезде РСДРП. Автор ряда работ по аграрному вопросу. В годы реакции — ликвидатор. В период войны — сотрудник социал-патриотических изданий. Ведет научную работу в СССР. С 1929 г. — член Академии наук — 24, 222.

МАСЛОВ С. Л. (р. 1875) — бывший правый эсер, автор ряда работ по аграрному вопросу. В 1917 г. — министр земледелия Временного правительства. Работает в советских хозяйственных органах и научных учреждениях — 217, 222, 224, 225.

МАССАРИК Томас (р. 1850) — первый президент чехо-словацкой республики. Один из организаторов контрреволюционного мятежа военнопленных чехо-словаков против советской власти — 283.

МЕКК Н. К. фон (1863—1929) — бывший директор Московско-казанской железной дороги. В 1929 г. осужден по делу о вредительстве на железнодорожном транспорте — 219.

МИЛЮКОВ П. Н. (р. 1859) — организатор и лидер кадетской партии, вождь русской либеральной буржуазии. После Октябрьской революции активно участвовал во всех контрреволюционных выступлениях на юге России, опиравшихся на помощь иностранных государств. По окончании гражданской войны эмигрировал в Париж, где руководит белогвардейской газетой «Последние новости» — 13, 16, 17, 20, 24, 25, 52, 53, 55, 57, 58, 59, 60, 70, 74, 76, 80, 81, 82, 84, 85, 86, 87, 93 96, 97, 111, 115, 116, 117, 118, 119, 120, 129, 149, 161, 173, 174, 175, 192, 195, 196, 198, 201, 203, 207, 271.

МИЛЮТИН В. П. (р. 1884) — коммунист, член партии с 1910 г., экономист. После Октябрьской революции — народный комиссар земледелия. 4 ноября 1917 г. вместе с Рыковым, Ногиным и другими правыми большевиками вышел из Совета народных комиссаров. Позднее — на ответственной советской и хозяйственной работе. Заместитель председателя президиума Комакадемии. Член ЦИК СССР — 189.

МИРОНОВИЧ — капитан, в октябре 1917 г. был послан из Москвы с отрядом в Тамбовскую губернию для подавления вспыхнувших там крестьянских волнений — 223.

МИХАИЛ Александрович (1878—1918) — великий князь, брат Николая II — 57, 82, 84, 85.

МИХАЙЛОВСКИЙ В. Г. (ум. в 1926 г.) — известный московский статистик. После Октябрьской революции работал в статистическом отделе Московского совета, затем в Центральном статистическом управлении СССР. Автор ряда трудов по статистике — 28.

МОЛОТОВ (Скрябин) *В. М.* (р. 1890) — один из видных руководителей большевистской партии, член партии с 1906 г. Член Политбюро Центрального комитета ВКП(б), председатель Совета народных комиссаров СССР — 60, 102, 105, 181, 184.

МРНЯК Франц — фельдшер, чех — 192.

МУРАНОВ М. К. (р. 1873) — старый большевик, рабочий-слесарь, член партии с 1904 г., член большевистской фракции IV Государственной думы. В 1914 г. вместе со всей фракцией был сослан в Сибирь. После Октябрьской революции — на партийной и советской работе — 20, 189.

Н.

НАБОКОВ В. Д. (1869—1922) — член кадетской партии, член I Государственной думы, управляющий делами Временного правительства. В 1918—1919 гг. — активный участник борьбы с советской властью — 93, 120, 172, 173.

НАКОРЯКОВ Н. Н. (р. 1881) — до эпохи реакции — большевик, затем примыкал к ликвидаторам. В 1917 г.—

комиссар Временного правительства в 12-й армии. Позднее вернулся в ряды ВКП(б). В настоящее время — директор Гослитиздата — 250.

НАПОЛЕОН I (Бонапарт) (1769—1821) — французский император (1804—1814) — 40, 129, 193, 201.

НАТАНСОН М. А. (1850—1919) — народник, один из основателей партии «Земля и воля». Во время мировой войны — интернационалист, участник Циммервальдской и Кинтальской конференций. В 1918 г. после левоэсеровской авантюры вошел в группу «революционных коммунистов» — 267.

НАХИМСОН С. М. (1885—1918) — коммунист, в 1917 г. после установления советской власти был председателем армейского комитета 12-й армии. Убит при подавлении ярославского мятежа в 1918 г. — 187.

НЕКРАСОВ Н. В. (р. 1879) — кадет, профессор Томского технологического института, член III и IV Государственной думы. После Февральской революции — министр путей сообщения Временного правительства нескольких составов — 17, 70, 82, 85, 120, 161, 170, 173, 174, 215, 216, 217, 243.

НЕРАТОВ А. Л. (р. 1863) — в 1916—1917 гг. товарищ министра иностранных дел, ближайший помощник С. Д. Сазонова. В 1919 г. — «управляющий ведомством иностранных дел» деникинского правительства. После разгрома Деникина — белоэмигрант — 98.

НИКИТИН А. М. (р. 1867) — меньшевик, министр почт и телеграфов в последнем коалиционном министерстве Керенского — 174, 208, 217, 241, 244, 289, 290, 292.

НИКОЛАЕВСКИЙ — инженер, председатель контрреволюционной организации «республиканский центр» — 195.

НИКОЛАЙ I (1796—1855) — российский император (1825—1855) — 27, 40, 42, 46.

НИКОЛАЙ II (1868—1918) — последний русский царь (1894—1917). Расстрелян в Екатеринбурге 17 июля 1918 г. — 11, 12, 13, 17, 18, 25, 26, 27, 28, 40, 49, 50, 51, 54, 55, 56, 57, 63, 65, 67, 72, 73, 74, 75, 76, 82, 85, 87, 92, 108, 112, 113, 140, 166, 170, 274, 279.

НИКОЛАЙ Николаевич (1856—1929) — великий князь. В 1914—1915 гг. — главнокомандующий русской армии. После разгрома деникинщины эмигрировал за границу — 12, 25, 26, 112.

НИКОПОВ — подпоручик гренадерского полка — 288.

НОВОСИЛЬЦЕВ Л. Н. (р. 1872) — кадет, член I Государственной думы. В 1917 г. — председатель союза офицеров, активный участник корниловского мятежа — 196.

НОГИН В. П. (1878—1924) — один из старейших работников большевистской партии. В период Октябрьской революции занимал правооппортунистическую позицию. После Октябрьской революции — на руководящей хозяйственной работе — 106, 111, 169, 182, 183, 190.

НОКС Альфред (р. 1870) — английский генерал, консерватор. В 1911—1918 гг. — военный атташе английского посольства в Петрограде. В 1918—1920 гг. во время интервенции против Советского союза стоял во главе английских войск в Сибири — 77, 139, 204.

О.

ОЛЬДЕНБУРГ С. Ф. (1863—1934) — кадет, министр народного просвещения в составе Временного правительства — 174, 203.

ОЛЬМИНСКИЙ М. С. (1863—1933) — видный большевик, участник революционного движения с конца 80-х годов. Один из редакторов «Звезды» и «Правды» в 1911—1914 гг. Активный участник Октябрьской революции в Москве. В 1920—1924 гг. заведывал истпартотделами при Центральном комитете ВКП(б). С 1925 г. — председатель совета истпарта — 183.

ОРДЖОНИКИДЗЕ Г. К. (Серго) (р. 1886) — один из видных руководителей большевистской партии. Активный участник революционного движения в Закавказье. После Октябрьской революции — чрезвычайный комиссар Украины, юга России и Северного Кавказа. В период гражданской войны — член Реввоенсовета нескольких армий и Кавказского фронта. В 1920—1921 гг. — организатор советской власти в Закавказье. После X съезда партии — член Центрального комитета ВКП(б), председатель ЦКК, нарком РКИ СССР. С ноября 1930 г. — председатель ВСНХ, позднее — народный комиссар тяжелой промышленности. Член Центрального комитета ВКП(б) и Политбюро Центрального комитета ВКП(б), член Реввоенсовета СССР — 180, 182.

ОРЕХОВ М. Д. — эсер, первый председатель Всероссийского исполнительного комитета железнодорожных рабочих и служащих (Викжель). В конце 1917 г. вышел из состава Викжеля — 219.

ОРЛОВ — солдат, участник восстания лейб-гвардии Волынского полка — 67.

ОРЛОВИЧ В. — организатор команды бежавших из плена — 294.

ОСИНСКИЙ Н. (В. В. Оболенский) (р. 1885) — экономист, член большевистской партии с 1907 г. Первый председатель ВСНХ в 1917—1918 гг. В период Брестского мира — один из лидеров «левых коммунистов», позднее — лидер группы «демократического централизма». Кандидат в члены Центрального комитета ВКП(б). Член Академии наук СССР — 185.

П.

ПАВЕЛ I (1754—1801) — российский император (1796—1801) — 54.

ПАВЕЛ Александрович — великий князь, сын Александра II — 72.

ПАДЕРИН А. Н. (р. 1892) — большевик с 1912 г. После Февральской революции — член бюро фракции большевиков Петроградского совета. Участник гражданской войны на Кавказе и Украине, член Реввоенсовета 12-й армии, начальник политуправления Наркомвоенмора Украины. В настоящее время — на руководящей хозяйственной работе — 91.

ПАЛЕОЛОГ Морис (р. 1859) — в 1914—1917 гг. посол Франции в России. Ближайший сподвижник Пуанкаре в его империалистской политике. После Октябрьской революции — активный сторонник интервенции против Советского союза — 12, 54, 93.

ПАЛЬЧИНСКИЙ П. И. — инженер, был тесно связан с банковскими кругами. Товарищ министра торгов-

ли и промышленности в правительстве Керенского, вдохновитель саботажа промышленников. После Октябрьской революции как специалист работал в советских хозяйственных организациях. В 1930 г. присужден за вредительство к расстрелу — 209, 213, 268.

ПАНКРАТОВ В. С. (1864—1925) — народоволец. После Февральской революции был назначен комиссаром при арестованном Николае II. В июне 1917 г. совместно с Алексинским опубликовал сфабрикованные контрразведкой подложные документы о мнимом «подкупе» большевиков германскими империалистами — 169.

ПАРВУС (Гельфанд А. Л.) (1869—1924) — один из авторов «теории» «перманентной революции». В период империалистской войны — крайний социал-шовинист — 96.

ПЕРЕВЕРЗЕВ П. Н. — трудовик, министр юстиции в первом коалиционном кабинете Керенского. В июльские дни 1917 г. опубликовал сфабрикованные контрразведкой подложные документы о мнимой связи большевиков с германскими империалистами — 120, 124.

ПЕТЛЮРА С. В. (1877—1926) — один из вождей украинской контрреволюции. В начале 1918 г. с помощью немецких оккупантов восстановил разогнанную восставшими киевскими рабочими Центральную раду. В конце 1919 г. вступил в военный союз с Польшей, вместе с которой весной 1920 г. воевал против Советского союза, продолжая и после заключения польско-советского мира организацию бандитских выступлений на Украине. Убит в Париже в мае 1926 г. еврейским националистом Шварцбардом — 120.

ПЕТР I (1672—1725) — российский император (1682—1725) — 40, 42.

ПЕТРОВСКИЙ Г. И. (р. 1877) — видный большевик, рабочий-металлист, старый член партии, член большевистской фракции IV Государственной думы. По процессу думской фракции был сослан в 1914 г. в Сибирь. В ноябре 1917 г. был назначен комиссаром внутренних дел РСФСР. С 1919 г. — председатель Всеукраинского ЦИК и ЦИК СССР. Член Центрального комитета ВКП(б), член ЦК КП(б)У, кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП(б) — 20.

ПЕТРОКОВ М. П. (р. 1895) — коммунист, рабочий, член партии с 1912 г. После Февральской революции — один из организаторов боевой дружины в Орехово-Зуеве. После Октябрьской революции участвовал в борьбе с калединщиной на Дону — 149.

ПЕЧЕ Я. Я. (р. 1881) — коммунист, рабочий-токарь, член партии с 1904 г., активный участник Октябрьской революции в Москве. В годы гражданской войны работал в Красной армии. Руководитель красногвардейской комиссии при Московском облисполкоме — 156.

ПЛАТТЕН Фриц (р. 1883) — швейцарский коммунист, деятель международного рабочего движения. В 1912—1918 гг. — секретарь швейцарской социал-демократической партии. Был организатором переезда Ленина в Россию в 1917 г. С 1923 г. живет в СССР — 98.

ПЛЕВЕ В. К. (1846—1904) — министр внутренних дел и шеф жандармов в 1902—1904 гг. Вел беспощадную борьбу с революционным движением, свирепо подавлял крестьянские волнения, организовывал еврейские погромы. Убит эсером Сазоновым 15 июля 1904 г. — 17, 22.

ПЛЕХАНОВ Г. В. (1856—1918) — основатель группы «освобождение труда». Крупнейший представитель II Интернационала. После II съезда РСДРП примкнул к меньшевикам и в качестве одного из вождей меньшевизма вел борьбу с большевиками. В годы реакции выступал против ликвидаторов как меньшевик-партиец, в период войны — социал-шовинист. После Февральской революции был решительным сторонником поддержки буржуазного Временного правительства. К Октябрьской революции отнесся враждебно — 24, 39, 198, 199.

ПОДБЕЛЬСКИЙ В. Н. (1887—1920) — коммунист, член партии с 1906 г. В октябрьские дни 1917 г. входил в состав «партийной пятерки», руководившей московским восстанием. В 1918—1920 гг. — народный комиссар почт и телеграфов — 178.

ПОЖАРОВ И. А. — в декабре 1917 г. председатель первого большевистского Севастопольского совета рабочих, матросских и солдатских депутатов. В марте 1918 г. — член Таврического ЦИК. С 1923 г. был на партийной работе в Петрограде. Умер в 1928 г. — 253.

ПОКРОВСКИЙ Н. Н. (р. 1865) — член Государственного совета, последний министр иностранных дел при царском режиме — 199.

ПОЛИВАНОВ А. А. (1885—1920) — генерал, военный министр царского правительства в 1915—1916 гг. После Октябрьской революции работал в Красной армии — 17.

ПОЛКОВНИКОВ И. (1883—1918) — полковник. Накануне Октябрьской революции — командующий войсками Петроградского военного округа — 272—292.

ПОЛОВЦЕВ П. — генерал, летом 1917 г. — командующий войсками Петроградского военного округа. Руководил подавлением июльского выступления петроградских рабочих и разгромом «Правды». После Октябрьской революции — белоэмигрант — 166, 168, 169, 172.

ПОПОВИЧ-ЛИПОВЕЦ — бригадный командир 48-й дивизии — 192.

ПОСНИКОВ А. С. — председатель Главного земельного комитета — 89, 250.

ПОТРЕСОВ (Старовер) *А. Н.* (1869—1934) — социал-демократ, член редакции «Искры»; после II съезда РСДРП — один из вождей меньшевизма, литератор, социал-патриот. В 1917 г. руководил буржуазной газетой «День», вместе травившей большевиков. Злой враг советской власти — 24, 79, 176.

ПЕШЕХОНОВ А. В. (1867—1934) — один из организаторов народно-социалистической партии, публицист. В 1917 г. — министр продовольствия Временного правительства — 22, 109, 120, 126, 174, 175, 219, 220, 225.

ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ Е. А. (р. 1886) — литератор, экономист. По вопросу о Брестском мире примыкал к «левым коммунистам». В период профсоюзной дискуссии — сторонник Троцкого. В 1923—1927 гг. — один из лидеров троцкистской оппозиции. Дважды исключался из рядов ВКП(б). Позднее признал контрреволюционный характер своей борьбы против партии — 185, 186.

ПРОКОПОВИЧ С. Н. (р. 1871) — экономист, был некоторое время членом «союза русских социал-демократов», позднее отошел к либералам. В 1917 г. — министр продовольствия в правительстве Керенского. Белоэмигрант — 174, 175, 196, 212, 225, 226, 227, 265.

ПРОТОПОПОВ А. Д. (1866—1919) — член III и IV Государственной думы, октябрист. В 1916 г. как ставленник Распутина был назначен министром внутренних дел. Крайний реакционер. Расстрелян ВЧК — 26, 53, 55, 56, 57, 64, 195.

ПРОШЬЯН П. П. (1883—1918) — левый эсер, входил в Совет народных комиссаров в качестве комиссара почт и телеграфов. Участвовал в мятеже левых эсеров — 267.

ПУАНКАРЕ Раймонд (1860—1934) — в 1912—1913 гг. премьер-министр и министр иностранных дел Франции. Один из вдохновителей мировой войны, получивший кличку «Пуанкаре-Война». С 1913 по 1924 г. — почти бессменный президент французской республики. Непримиримый враг Советского союза — 54.

ПУРИШКЕВИЧ В. М. (1870—1920) — крупный помещик, монархист, черносотенец, основатель погромного «союза русского народа». После Октябрьской революции был во главе офицерского контрреволюционного заговора — 17, 53, 57, 162, 172, 191, 192.

ПЯТАКОВ Г. Л. (р. 1890) — большевик, член партии с 1910 г. После Октябрьской революции — один из первых руководителей Госбанка. В 1918 г. — председатель первого украинского советского правительства. С 1923 г. принадлежал к троцкистской оппозиции. На XV съезде ВКП(б) был исключен из партии. В сентябре 1928 г. признал свои ошибки и был восстановлен в рядах ВКП(б). С 1930 г — заместитель народного комиссара тяжелой промышленности. Член Центрального комитета ВКП(б) - 113.

ПЯТНИЦКИЙ О. А. (р. 1882) — старый большевик, член партии с 1898 г. Активный участник Октябрьской революции. Член Центрального комитета ВКП(б). В течение многих лет — секретарь Исполнительного комитета Коммунистического Интернационала — 106, 184.

Р.

РАКИТНИКОВ Н. И. (р. 1864) — член партии эсеров. В 1917 г. — товарищ министра земледелия Временного правительства. После Октябрьской революции участвовал в контрреволюционном комитете членов Учредительного собрания (Комуч) — 210.

РАСКОЛЬНИКОВ Ф. Ф. (р. 1892) — большевик, член партии с 1910 г. В период войны — офицер морского флота. После Февральской революции — заместитель председателя Кронштадтского совета, руководитель большевистской организации в Кронштадте. После Октябрьской революции — руководитель Каспийского флота, очистившего Каспийское море от белогвардейцев и англичан. В настоящее время — полпред СССР в Болгарии — 162.

РАСПУТИН-НОВЫХ Г. Е. (1872—1916) — крестьянин Тобольской губернии, в молодости конокрад. Пользовался неограниченным доверием всей царской семьи, оказывал влияние на решение важнейших государственных дел и подбор министров. Убит в декабре 1916 г. группой монархистов — 48, 49, 50, 55, 57, 80.

РЖЕВСКИЙ В. А. (р. 1866) — прогрессист, член IV Государственной думы, член Временного комитета Государственной думы — 70.

РИТТИХ А. А. (р. 1868) — последний министр земледелия царского правительства — 30, 89.

РИТЧЕНКО — председатель войскового комитета 126-й дивизии Особой армии — 247.

РОБИНС Раймонд (р. 1873) — полковник. В 1917 г. член американской миссии Красного креста в России — 204.

РОДЗЯНКО М. В. (1859—1924) — крупный помещик, председатель III и IV Государственной думы, октябрист. В дни Февральской революции — председатель Временного комитета Государственной думы. Один из активных участников контрреволюции. После гражданской войны — белоэмигрант. Активный враг советской власти — 17, 18, 26, 32, 53, 56, 57, 65, 70, 76, 77, 78, 81, 82, 85, 89, 121, 124, 192, 194, 196, 198, 221, 269, 270.

РОДИЧЕВ Ф. И. (р. 1856) — помещик, один из организаторов кадетской партии. После Февральской революции — комиссар по делам Финляндии — 20, 58, 65, 172, 197.

РОМАНОВСКИЙ И. П. — генерал, участник корниловского заговора, после Октябрьской революции бежал на Дон. В 1919 г. — начальник штаба Деникина и его ближайший соратник. Весной 1920 г. убит врангелевским офицером в Константинополе — 204, 207.

РУЗСКИЙ И. В. (1854—1918) — генерал, накануне Февральской революции — главнокомандующий Северного фронта — 57, 270.

РУХЛОВ С. В. (1853—1918) — член Государственного совета, министр путей сообщения в 1909—1915 гг.— 32.

РЯБУШИНСКИЙ П. П. (р. 1871) — крупнейший московский фабрикант, издатель буржуазной газеты «Утро России».

РЯБЦЕВ — эсер, полковник, командующий войсками Московского военного округа, организатор белой гвардии, оказавшей вооруженное сопротивление установлению советской власти в Москве в октябрьские дни 1917 г. — 291.

РЫКОВ А. И. (р. 1881) — один из крупных работников большевистской партии, в годы реакции был примиренцем. На Апрельской конференции 1917 г. выступал против тезисов Ленина. В дни Октябрьской революции — сторонник создания правительства с участием меньшевиков и эсеров. В 1924—1930 гг — председатель Совета народных комиссаров СССР. В 1928—1929 гг. — один из вождей правого уклона. После ноябрьского пленума Центрального комитета ВКП(б) в 1929 г. заявил о признании своих правооппортунистических ошибок. В настоящее время — нарком связи. Кандидат в члены Центрального комитета ВКП(б) — 106, 111, 169, 190.

С.

САВЕНКО А. И. (р. 1874) — крайний реакционер, депутат IV Государственной думы, сотрудник черносотенных газет «Киевлянин» и «Новое время». Во время гражданской войны — активный участник белогвардейского движения на Украине. Белоэмигрант — 19.

САВИН Н. Н. — заместитель председателя Главного экономического комитета — 210, 212.

САВИНКОВ Б. В. (1879—1925) — один из руководителей боевой организации эсеров; в период войны социал-патриот; летом 1917 г. — помощник военного министра (Керенского). После Октябрьской революции при поддержке иностранных представителей организовал ряд белогвардейских восстаний и заговоров — 193, 194, 197, 199, 200, 201, 202, 203, 267, 282.

САВИЦКИЙ — помощник комиссара Северного фронта при Временном правительстве — 248.

САВИЧ Н. В. (р. 1869) — член III и IV Государственной думы, октябрист. В период гражданской войны — член «особого совещания» при Деникине — 17, 121.

САЗОНОВ Е. С. (1879—1910) — эсер, за убийство министра внутренних дел Плеве в 1904 г. был приговорен к бессрочной каторге. Покончил самоубийством на каторге (в Горном Зерентуе) в знак протеста против применения телесного наказания к политическим заключенным — 22.

САЗОНОВ С. Д. (1861—1927) — в 1910—1916 гг. министр иностранных дел, вдохновитель империалистской политики правительства Николая II. В 1917 г. — посол в Лондоне. В период гражданской войны — представитель Министерства иностранных дел колчаковского и деникинского правительств в Париже — 12, 54.

САЛАЗКИН С. С. — представитель группы «вемцев». С 8 сентября 1917 г. — министр народного просвещения Временного правительства — 265.

САМАРИН А. Д. (р. 1869) — крупный помещик. С 1908 по 1915 г. — московский губернский предводитель дворянства, председатель съезда объединенного дворянства. В 1915 г. — обер-прокурор синода — 57.

САМОЙЛОВ Ф. Н. (р. 1882) — старый большевик, рабочий-текстильщик, член партии с 1903 г., член IV Государственной думы. В ноябре 1914 г. вместе с другими депутатами-большевиками был арестован и сослан в Сибирь. По возвращении из ссылки в 1917 г. — на партийной и административной работе — 20.

САМСОНОВ А. В. (1859—1914) — генерал, участник русско-японской войны. В 1914 г. командовал 2-й армией, разгромленной немцами — 12.

СВЕРДЛОВ Я. М. (1885—1919) — один из крупнейших деятелей большевистской партии. Много лет провел в тюрьмах и ссылке. Член Центрального комитета с 1913 г. Один из руководителей Октябрьской революции. После установления советской власти — председатель Всероссийского центрального исполнительного комитета советов, секретарь Центрального комитета партии — 60, 106, 177, 190, 253, 254.

СЕРГЕЙ Александрович (1857—1905) — великий князь, московский генерал-губернатор. Был одним из вдохновителей реакционной политики царизма, покровительствовал зубатовщине. Убит 4 февраля 1905 г. эсером И. П. Каляевым — 22.

СИДОРИН — генерал, с февраля 1919 г. командовал контрреволюционной донской армией. Белоэмигрант — 195.

СИПЯГИН Д. С. (1853—1902)—министр внутренних дел в 1891—1902 гг. Убит эсером С. В. Балмашевым 2 апреля 1902 г. — 22.

СКВОРЦОВ-СТЕПАНОВ И. И. (1870—1928) — видный большевик, литератор, историк и экономист, член партии с 1904 г. После Февральской революции — редактор «Известий Московского совета». С 1919 по 1925 г. — член правления Центросоюза, а затем ответственный редактор «Известий ЦИК СССР и ВЦИК». Был действительным членом Комакадемии и ее президиума. Директор института Ленина. Известен как переводчик и редактор русского издания «Капитала» и ряда исторических работ Маркса — 105, 106.

СКОБЕЛЕВ М. Д. (1843—1882) — генерал, получивший известность в русско-турецкую войну 1877—1878 гг. — 117.

СКОБЕЛЕВ М. И. (р. 1885) — член меньшевистской фракции IV Государственной думы. После Февральской революции — министр труда Временного правительства. С 1922 г. — член ВКП(б) — 24, 91, 92, 116, 120, 125, 126, 133, 174, 214, 217, 263.

СКУРАТОВ П. Д. — рабочий Путиловского завода, в октябре 1917 г. — красногвардеец 1-го сводного пулеметного отряда имени Петроградского совета — 62, 63.

СЛУЦКАЯ В. Б. (1874—1917) — коммунистка, член партии с 1902 г. После Февральской революции — член Петербургского комитета большевиков, организатор женщин. Убита под Красным селом в бою с бандами Керенского 29 октября 1917 г. — 187.

СМИДОВИЧ П. Г. (1874—1935) — старый большевик, участник московского вооруженного восстания в декабре 1905 г. После Февральской революции — член президиума Московского совета. После Октябрьской революции — член президиума ВСНХ, председатель Московского совета, член президиума ВЦИК. С 1924 г.— председатель комитета севера — 106.

СМИЛГА И. Т. (р. 1892) — в РСДРП с 1907 г. На XV съезде ВКП(б) был исключен из партии как ярый троцкист. В последнее время находился на хозяйственной работе в Средней Азии — 190.

СМИРНОВ С. А. — крупный фабрикант, председатель Московского военно-промышленного комитета. В 1917 г. — государственный контролер в составе Временного правительства — 236, 265.

СОБОЛЕВ — помощник комиссара Северного фронта при Временном правительстве — 250.

СОКОЛОВ Н. Д. (1870—1928) — социал-демократ, юрист, был известен в качестве защитника в политических процессах. В 1917 г. — член исполнительного комитета Петроградского совета, занимал соглашательскую позицию. После Октябрьской революции — юрисконсульт в советских учреждениях — 78, 79, 91.

СОКОЛЬНИКОВ Г. Я. (р. 1888) — коммунист, в годы гражданской войны — видный военный работник. В 1922—1926 гг. — народный комиссар финансов. На XIV съезде партии примкнул к «новой оппозиции», позднее — к объединенному оппозиционному блоку. В 1927 г. отошел от оппозиции. Был полпредом в Англии. В настоящее время — заместитель народного комиссара лесной промышленности — 106, 190.

СПИРИДОНОВА М. А. (р. 1889) — член партии эсеров, в 1906 г. убила тамбовского вице-губернатора Луженевского. В 1917 г. примкнула к левым эсерам. Руководила левоэсеровским мятежом в Москве в июле 1918 г. Активная противница советской власти — 267.

СТААЛЬ А. Ф. (р. 1873) — московский присяжный поверенный, в период Февральской революции — прокурор Московской судебной палаты. После Октябрьской революции — белоэмигрант — 224.

СТАЛИН И. В. (р. 1879) — 47, 60, 101, 102, 103, 105, 110, 113, 114, 116, 127, 129, 132, 137, 145, 146, 164, 165, 168, 169, 180, 181, 182, 183, 184, 185, 186, 189, 190, 191, 208, 232, 235, 243, 285.

СТАНКЕВИЧ В. Б. — офицер, народный социалист, комиссар Временного правительства при Ставке. В октябрьские дни 1917 г. вместе с Керенским пытался организовать вооруженную борьбу против Красной гвардии и революционных войск, стоявших на стороне советской власти. Белоэмигрант — 142, 249, 276.

СТАСОВА Е. Д. (р. 1873) — старый член большевистской партии, долгое время работала по организации подпольной техники. С 1917 по 1920 г. была секретарем Центрального комитета партии. С 1921 по 1926 г. работала по линии Коминтерна. В настоящее время — председатель Центрального комитета Мопра — 105, 106.

СТЕКЛОВ Ю. М. (р. 1873) — после Февральской революции один из представителей «революционного оборончества». Накануне Октябрьской революции вступил в партию большевиков. Был редактором «Известий ВЦИК» — 79, 91, 92, 104.

СТЕПАНОВ В. А. (р. 1872) — кадет, товарищ министра торговли и промышленности при Временном правительстве. В период гражданской войны — член белогвардейского «национального центра» и «особого совещания» при Деникине — 125, 126.

СТИВЕНС Джон (р. 1853) — американский инженер, руководил строительством Панамского канала. В мае 1917 г. — председатель американской железнодорожной комиссии в России. В период гражданской войны возглавлял созданный интервентами комитет по наблюдению за Сибирской железной дорогой — 217.

СТОГОВ — генерал, начальник штаба главнокомандующего Юго-западного фронта — 291.

СТОЛЫПИН П. А. (1862—1911) — председатель Совета министров в эпоху реакции. Жестоко подавляя революционное движение, насаждал кулацкие хозяйства в деревне как опору монархии. Убит в Киеве сотрудником охранки Д. Г. Богровым — 22, 51, 125.

СТРУВЕ П. Б. (р. 1870) — в 90-х годах виднейший представитель «легального марксизма»; в 1905 г. — один из вождей партии кадетов, после Октябрьской революции — участник и организатор белогвардейских выступлений. Белоэмигрант, махровый монархист — 196, 289.

СТРУКОВ А. П. (р. 1852) — член Государственного совета, председатель совета объединенного дворянства — 25.

СУВОРИН А. С. (1834—1912) — журналист, основатель и редактор черносотенной газеты «Новое время». Видный представитель реакционной публицистики, ярый антисемит — 46.

СУРГУЧЕВ И. Д. — эсер, комиссар Временного правительства в 7-й армии Юго-западного фронта — 247.

СУХАНОВ Н. Н. (р. 1882) — меньшевик, в 1917 г. член Петроградского совета. В 1931 г. осужден как один из руководителей контрреволюционной организации меньшевиков-интервенционистов — 77, 79, 80, 92, 100.

СУХОМЛИНОВ В. А. (1848—1926) — генерал, в 1909—1915 гг. — военный министр. В 1916 г. по обвинению во взяточничестве и германофильстве был заключен в Петропавловскую крепость, откуда был освобожден по настоянию Распутина. После Февральской революции снова арестован и приговорен к пожизненной каторге. Бежал за границу — 27, 32, 50, 240.

Т.

ТАХТАМЫШЕВ С. Г. — эсер, управляющий Министерством путей сообщения в составе Временного правительства — 172, 199, 217, 218.

ТЕРЕЩЕНКО М. И. (р. 1888) — крупнейший сахарозаводчик. В 1917 г. — министр финансов, а затем министр иностранных дел в составе Временного правительства — 57, 82, 90, 126, 128, 161, 169, 172, 173, 174, 175, 193, 208, 225, 289.

ТИЗЕНГАУЗЕН — комиссар Временного правительства на Румынском фронте — 247.

ТКАЧЕНКО М. С. — украинский социал-демократ, министр внутренних дел в правительстве Украинской центральной рады — 127.

ТОЛСТОЙ И. И. (р. 1858 г.) — вице-президент Академии художеств с 1893 по 1905 г. Министр народного просвещения в кабинете Витте. После Октябрьской революции — белоэмигрант — 42.

ТОЛСТОЙ Л. Н. (1828—1910) — один из величайших представителей русской и мировой литературы — 232.

ТОМА Альбер (1878—1932) — один из вождей французской социалистической партии, социал-шовинист, товарищ военного министра в министерстве Клемансо. В 1917 г. предпринял безуспешную поездку в Россию для поднятия «патриотического» духа русских солдат и рабочих — 54, 139.

ТОМАС Д. (р. 1873) — английский тред-юнионист. В 1920—1924 гг. — председатель Амстердамского желтого интернационала. В правительстве Макдональда (1924) был министром колоний — 139.

ТРЕПОВ А. Ф. (р. 1864) — член Государственного совета и председатель Совета министров в 1916 г. После Октябрьской революции — белоэмигрант — 28, 50, 54, 55, 80.

ТРЕТЬЯКОВ С. Н. (р. 1882) — председатель Экономического совета при последнем составе Временного правительства. Министр торговли у Колчака — 199, 262.

ТРОЦКИЙ Л. Д. (р. 1879) — меньшевик, с 1903 по 1917 г. вел ожесточенную борьбу с большевиками. В 1917 г. на VI съезде был принят в большевистскую партию. Находясь в рядах большевистской партии, продолжал вести против нее и Коминтерна фракционную борьбу. На XV съезде был исключен из рядов ВКП(б). За подпольную контрреволюционную работу выслан за пределы СССР. За границей группа троцкистов во главе с Троцким стала передовым отрядом контрреволюционной буржуазии — 24, 39, 100, 111, 116, 169, 189, 190, 292.

ТУГАН-БАРАНОВСКИЙ М. И. (1865—1919) — буржуазный экономист, один из представителей легального марксизма. Позднее примкнул к кадетам. В 1918 г. был членом правительства Украинской центральной рады — 215.

У.

УРИЦКИЙ М. С. (1873—1918) — участник революционного движения с 90-х годов. Вошел в партию большевиков летом 1917 г. В октябре 1917 г. — член практического центра по руководству восстанием. После Октябрьской революции — председатель Петроградской чрезвычайной комиссии. Убит эсером в августе 1918 г. — 189, 190

Ф.

ФЕДОРОВ Г. Ф. (р. 1891) — в РСДРП с 1907 г. На XV съезде ВКП(б) был исключен из партии как ярый троцкист. В 1928 г. признал свои ошибки и был восстановлен в партии. В 1935 г. осужден советским судом на 6 лет тюремного заключения за участие в контрреволюционной ленинградской группе, организовавшей убийство С. М. Кирова — 112—113 (вкладка).

ФИЛИППОВСКИЙ В. Н. — эсер, в 1917 г. — заместитель председателя ВЦИК первого созыва. Один из руководителей чехо-эсеровского восстания в 1918 г. Председатель контрреволюционного совета «управляющих ведомства и Министерства торговли и промышленности комитета Учредительного собрания (Комуч) — 79, 91, 92, 133.

ФИЛОНЕНКО М. М. — правый эсер, подпоручик, военный комиссар 8-й армии, участник корниловского мятежа. Был связан с контрразведкой союзников. В 1919 г. скрылся из Архангельска, захватив французские субсидии — 193, 194, 197, 199, 201.

ФРЕДЕРИКС В. Б. (р. 1838) — граф, генерал, министр двора Николая II — 65.

ФРУНЗЕ М. В. (1885—1925) — член большевистской партии с 1905 г. Крупнейший военный работник периода гражданской войны. Организатор и руководитель разгрома Врангеля. В 1924—1925 гг. — председатель Реввоенсовета и народный комиссар по военным и морским делам. С X съезда РКП(б) — член Центрального комитета партии большевиков — 245.

Х.

ХАБАЛОВ С. С. (1858—1924) — генерал, в 1917 г. (перед Февральской революцией) — командующий войсками Петроградского военного округа — 59, 62, 63, 67, 69, 72, 73, 85.

ХВОСТОВ А. И. (1872—1918) — крупный землевладелец, председатель бюро фракции правых в IV Государственной думе; в 1915—1916 г.— министр внутренних дел и начальник отдельного корпуса жандармов — 49, 56.

ХМЕЛЬНИЦКИЙ Богдан — (род. в конце XVI века, ум. в 1657 г.) — сотник реестрового украинского казачества, тесно связанный с шляхетской средой. В 1648—1654 гг. стоял во главе крестьянского движения на Украине, но предал его, заключив соглашение с крепостнической Москвой — 283.

ХРИСТЮК П. А. — украинский эсер, член Центральной рады — 127.

ХРУЩЕВ А. Г. — кадет, в октябре 1917 г. — представитель Министерства финансов в Главном экономическом комитете — 88

Ц.

ЦЕРЕТЕЛИ И. Г. (р. 1882) — видный меньшевик, член II Государственной думы. Был министром почт и телеграфов и министром внутренних дел в коалиционном правительстве Керенского. После Октябрьской революции один из вождей меньшевизма в Грузии. Белоэмигрант, ярый враг Советского союза — 24, 93, 104, 105, 120, 128, 133, 135, 136, 170, 173, 198, 210, 219, 220, 263, 265, 266.

Ч.

ЧЕКОТИЛО — комиссар Временного правительства в 11-й армии Юго-западного фронта — 250.

ЧЕЛНОКОВ М. В. (р. 1863) — кадет, депутат II, III и IV Государственной думы. В 1914—1917 гг. — главноуполномоченный Всероссийского союза городов. После Октябрьской революции — белоэмигрант — 57.

ЧЕРЕМИСОВ В. А. (р. 1871) — генерал, в 1917 г. командовал XII корпусом, участвовавшим 18 июня в наступлении на фронте. После корниловского мятежа — главнокомандующий армий Северного фронта. Белоэмигрант — 271.

ЧЕРНИН Оттокар (р. 1872) — в 1916—1918 гг. министр иностранных дел Австрии, ярый проводник империалистских интересов центральной коалиции. В 1918 г. подписал от имени Австро-Венгрии Брестский мир и сепаратное соглашение с Украиной — 56.

ЧЕРНОВ В. М. (р. 1876) — теоретик и вождь партии эсеров. После Февральской революции — министр земледелия в первом коалиционном составе Временного правительства. Председатель Учредительного собрания; деятельный участник чехо-эсеровского восстания на Волге в 1918 г. Белоэмигрант — 24, 120, 121, 122, 123, 124, 126, 133, 135, 136, 174, 217, 219, 222, 224.

ЧХЕИДЗЕ Н. С. (1864—1926) — председатель меньшевистской фракции IV Государственной думы. С февраля по август 1917 г. — председатель Петроградского совета, председатель ВЦИК первого созыва, сторонник коалиции с буржуазией. Председатель учредительного собрания в Грузии. После советизации Грузии эмигрировал в Париж, где покончил самоубийством — 24, 25, 60, 65, 70, 79, 80, 92, 95, 100, 104, 105, 119, 154, 173, 198, 216, 245

ЧХЕНКЕЛИ А. И. (р. 1874) — грузинский социал-демократ, меньшевик, член IV Государственной думы. В 1918—1921 гг. — министр иностранных дел грузинской «демократической» республики. Белоэмигрант — 24, 95.

Ш.

ШАГОВ В. Р. (1882—1918) — рабочий, большевик, член большевистской фракции IV Государственной думы. В 1914 г. вместе с большевистской фракцией был сослан в Сибирь — 20.

ШАЛФЕЕВ М. П. (1859—1917) — полковник. С 1906 г. — полицмейстер Петербурга. Убит 26 февраля 1917 г. революционными солдатами — 62.

ШАПТРЕЛЬ Пьер — французский политический деятель — 48.

ШАУМЯН С. Г. (1878—1918) — большевик, в партии с 1900 г. После Февральской революции председатель Бакинского совета, после октября 1917 г. — чрезвычайный комиссар Закавказья. С марта 1918 г. был

председателем Бакинского совнаркома. 20 сентября 1918 г. расстрелян в числе 26 бакинских комиссаров по приказу меньшевистско-эсеровских властей («Центрокаспия»), опиравшихся на английские оккупационные войска — 190

ШАХОВСКОЙ В. Н. (р. 1868) — князь, последний министр торговли и промышленности в царском правительстве — 28, 29, 32, 120, 161.

ШЕЙДЕМАН Филипп (р. 1863) — один из лидеров правого крыла германской социал-демократии. Во время империалистской войны — вождь социал-шовинистов, сторонник «гражданского мира». Был одним из организаторов кровавого подавления ноябрьской революции в Германии в 1918 г. — 112.

ШЕТАРДИ Жак (1705—1758) — французский посол в России в 1739—1744 гг. В июне 1744 г. выслан за границу за участие в дворцовой интриге — 54.

ШИДЛОВСКИЙ С. Н. (р. 1861) — октябрист, член III и IV Государственной думы. В дни Февральской революции — член Временного комитета Государственной думы. Впоследствии член контрреволюционной организации — «совет общественных деятелей». Белоэмигрант — 53, 70, 90, 196.

ШИНГАРЕВ А. И. (1869—1918) — член Государственной думы нескольких созывов, один из лидеров кадетской думской фракции; министр земледелия, затем финансов в первом коалиционном составе Временного правительства — 17, 19, 20, 82, 86, 87, 88, 89, 90, 120, 126, 161, 196.

ШТЮРМЕР Б. В. (1848—1917) — премьер-министр и министр внутренних дел в 1916 г. Крайний реакционер — 28, 50, 53, 54.

ШУЛЬГИН В. В. (р. 1878) — монархист, член Государственной думы нескольких созывов. Редактор черносотенной газеты «Киевлянин». После Октябрьской революции — активный деятель деникинского правительства. Белоэмигрант — 17, 53, 70, 76, 80, 83, 85, 86, 196.

ШУМАН — начальник вольмарской уездной милиции — 260.

Щ.

ЩЕПКИН Н. Н. (1854—1919) — кадет, член III и IV Государственной думы. В период гражданской войны — один из руководителей контрреволюционных организаций «национального центра», а затем так называемого «тактического центра» — 130.

ЩЕРБАЧЕВ Д. Г. (р. 1857) — генерал, во время империалистской войны — главнокомандующий армий Румынского фронта. Представитель деникинского правительства в Париже в период гражданской войны — 143, 274, 276, 291.

Ю.

ЮДЕНИЧ Н. Н. (р. 1872) — генерал. В 1919 г. стоял во главе белогвардейской армии «северо-западного» правительства; дважды пытался взять Петроград. Белоэмигрант — 196.

ЮРЕНЕВ К. К. (р. 1889) — один из руководителей межрайонной организации меньшевиков-интернационалистов, вместе с которыми вошел в большевистскую партию в 1917 г. После Октябрьской революции — на дипломатической работе — 183, 189.

ЮРЕНЕВ П. Н. (р. 1874) — кадет, член II Государственной думы. В июле 1917 г. — министр путей сообщения в составе Временного правительства — 174, 203, 218, 219.

ЮСУПОВ Ф. Ф. (р. 1887) — участник убийства Распутина. Эмигрировал за границу — 57.

Я.

ЯНУШКЕВИЧ Н. Н. (1868—1918) — генерал, в 1916 г. — начальник штаба верховного главнокомандующего. После Октябрьской революции был арестован и по дороге в Петроград убит конвоирами — 12.

ЯРОСЛАВСКИЙ Ем. (р. 1878) — член большевистской партии с 1898 г., один из руководителей большевистской военной организации в 1905—1907 гг. С 1907 по 1917 г. — на каторге и в ссылке. Активный участник Октябрьской революции. Крупный военный работник. С 1923 г. — секретарь ЦКК ВКП(б). На XVII съезде избран членом Комиссии партийного контроля — 170, 184.

ЯСНИКОВ — полковник, организатор добровольческих батальонов — 274.

ЯЦКЕВИЧ — подпоручик, в июле 1917 г. был избран командиром революционного польского запасного полка вместо полковника Винницкого. Убит в декабре 1917 г. в Белгороде при разоружении полка — 282.

ПРЕДМЕТНО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ.

ПЕТРОГРАД — *ЛЕНИНГРАД.* Стр.

Адмиралтейство 70, 72, 254
Александровский завод — *Пролетарский ремонтный завод Октябрьских железных дорог* . . . 240
Александровский сад — *сад Трудящихся* 295
Аничков дворец 62, 293
Арсенал — *Государственный машиностроительный завод № 7* 67
Балабинская гостиница 62
Богомоловская улица — *улица Возрождения* . . 62
Большой Сампсониевский проспект — *проспект Карла Маркса* 37, 52
Васильевский остров 62
Вознесенский проспект — *проспект Майорова* . . 295
2-я городская станция 295
Выборгская сторона 52, 62, 67, 179
Выборгский район 58, 60, 62, 66, 67, 135
Выборгское шоссе — *улица Энгельса* 37
Главное артиллерийское управление 27, 76
Горсховая улица — *улица Дзержинского* 295
Государственный банк 293
Дача Дурново 135
Дворец Кшесинской 165, 166, 168
Дворцовая площадь — *площадь Урицкого* . 116, 166
Зимний дворец — *Государственный музей Революции* 172, 202, 203, 279, 292, 293, 294, 295
Знаменская площадь — *площадь Восстания* 62, 64, 66
Инженерный замок — *Военно-инженерная школа и Военно-инженерный музей РККА* 166
Казанский собор — *Музей истории религии Академии наук* 62
Кожевенный завод т-ва И. В. Осипова — *кожевенный завод «Маркхист»* 155
Кожевенный завод А. Парамонова — *кожевенный завод «Коминтерн»* 156
«Кресты» 295
«Лангензипен», завод — *Ленинградский государственный завод «Знамя труда»* 175
Литовка, улица 62
Литейный мост 62, 67
Литейный проспект — *проспект Володарского* 60, 62, 166
Мариинский дворец — *Промышленная академия имени Сталина* 69, 116, 292, 293
Марсово поле — *площадь Жертв революции* . 137
Миллионная улица — *улица Халтурина* 295
Морской генеральный штаб 253
Нарвские ворота 62, 179
Нева, река 64, 67, 295
Невский проспект — *проспект 25 Октября* 62, 64, 116, 166
Невский стеариновый завод — *Государственный Невский мыловаренный завод* 212
Николаевский вокзал — *Московский вокзал* . 64, 295
«Новый Лесснер» — *Государственный краснознаменный машиностроительный завод имени К. Маркса* 175
«Новый Парвайнен» — *завод № 77* 162
Обводный канал 293
Обуховский завод — *Государственный союзный машиностроительный и сталелитейный завод «Большевик»* 278
Оверки 39
Петроградский военный округ . . 62, 79, 85, 272, 293
Петергофское шоссе — *улица Стачек* 62
Петропавловская крепость 165, 168, 292
Полицейский мост — *Народный мост* 295
Почта-телеграф 293
«Правда», редакция 166
Путиловский завод — *Ленинградский государственный машиностроительный и металлургический Кировский завод* 61, 62, 162, 258
«Рено», завод — *Ленинградский государственный завод «Красный Октябрь»* 52
Садовая улица — *улица 3 Июля* 62, 166
Сампсониевский мост — *мост Свободы* 62
«Сименс-Шуккерт», фабрика — *завод «Электроаппарат»* 156, 212
Смольный институт — *Ленинградский совет* . 293, 295
«Старый Лесснер», завод — *завод «Двигатель»* . . . 175
«Старый Парвайнен», завод — слился с заводом *«Красная заря»* 152, 160
Стебутовские женские курсы 108
Стрельна 258
Суворовский проспект — *Советский проспект* . . 62
Таврический дворец — *дворец Урицкого* 60, 70, 76, 82, 84, 85, 162, 166, 172, 293
«Треугольник» — *завод «Красный треугольник»* 175, 257
Троицкая площадь — *площадь Революции* 62
Трубецкой бастион Петропавловской крепости . 64
«Труд», типография 166
Ушаковская улица 62
Финляндский вокзал 99
Фонтанка, река 62, 293, 295
Франко-русский завод — *Государственный завод по обработке цветных металлов имени Ворошилова* 175
Химический завод 62
Центральная железнодорожная телеграфная станция 295
Центральная телефонная станция 293

Экспедиция заготовления государственных бумаг — *Ленинградская бумажная фабрика «Гознак»* . . . 293
«Эриксон», завод — *завод «Красная заря»* 175

МОСКВА:

Александровский вокзал — *Белорусский вокзал* . 197
Большой театр 197
Замоскворечье 118
Михельсона завод — *завод имени Владимира Ильича* 118, 156
«Мотор», завод 156
Охотный ряд 58
Памятник Скобелева 117
«Поставщик», завод — *кожевенный завод имени Кагановича* 156
«Проводник», завод — *Государственный завод № 4 Рединпрома «Проводник»* 156
«Прохоровка» — *Краснопресненская трехгорная мануфактура* 239, 240
Рязано-Уральский вокзал 156
Сибирский банк 156
Скобелевская площадь — *Советская площадь* . 175
Театральная площадь — *площадь Свердлова* 58
Тверской бульвар 58
Телефонный завод — *электромеханический завод имени Орджоникидзе* 156
Т-во Московского металлического завода («Гужон») — *завод «Серп и молот»* . . . 214

КРАЯ, ОБЛАСТИ И РАЙОНЫ:

Азербайджан 127
Армения 15, 20, 127
Башкирия 127
Белоруссия 40, 44, 127
Бессарабия 40, 127
Бурятия 243
Восточная Сибирь 25, 145
Грузия 40, 127, 129
Дальний Восток 40, 192
Донская область 184, 269, 285
Донецкий бассейн 29, 106, 128, 157, 159, 163, 176, 177, 178, 212, 214, 236, 238, 284, 290, 291
Закавказье 15, 46, 178, 240, 243
Кавказ . 40, 42, 102 106 127, 145, 157, 177, 269, 285
Казахстан 48, 130
Киргизстан 127
Крым 40, 42, 127, 243, 253
Кубань 281, 285, 289
Курляндия 40, 129
Латышский край 37
Литва 15, 40, 44, 127
Нижнее Поволжье 40
Поволжье 22, 40, 42, 106, 107, 177, 178
Приамурский край 40
Польша . . 15, 25, 40, 42, 43, 44, 98, 129, 130, 282
Прибалтийский край 42, 177
Сибирь 20, 40, 42, 60, 177, 231, 236, 240, 274
Среднее Поволжье 40, 127, 221
Средняя Азия 40, 42, 44, 45, 48, 50, 129, 130, 192, 240
Татария 42
Терская область 244
Туркестанская область 227, 228
Туркестан 40, 48 127, 129, 130, 243
Туруханский край 102
Украина 21, 40, 42, 44, 46, 107, 127, 128, 129, 145, 146, 157, 221, 236, 240, 242
Урал 106, 107, 150, 157, 160, 163, 214, 236
Уссурийский край 40
Ферганская область 44
Финляндия 40, 43, 98, 128, 129, 172, 177, 201, 207 213, 240, 243, 264
Центрально-черноземная область 224
Черноморское побережье 246
Эстский край 40, 127
Якутская область 102

ГУБЕРНИИ:

Астраханская 269, 285
Владимирская 37, 244
Волынская 17, 241
Екатеринославская 18
Епископская 226
Казанская 87, 224, 244
Киевская 244
Курская 17 87, 241, 282
Минская 224, 241, 244
Могилевская 87, 222, 226
Московская 87
Оренбургская 227 228
Орловская 226
Пензенская 241
Пермская 87
Подольская 195
Полтавская 55
Рязанская 87, 241
Саратовская 224, 241
Симбирская 55
Смоленская 221
Таврическая 226
Тамбовская 56, 121, 224
Тверская 24, 56
Тульская 221
Харьковская 241
Ярославская 236

УЕЗДЫ:

Ардатовский, Нижегородской губ. 231
Балашовский, Саратовской губ. 222
Гайсинский, Подольской губ 195
Ельнинский, Смоленской губ 225
Задонский, Воронежской губ. 231
Инсарский, Пензенской губ. 231
Ковылкинский, Казанской губ. 224
Краснослободский, Пензенской губ. 231
Лукояновский, Нижегородской губ. 232
Наровчатский, Пензенской губ 231
Сергачский, Нижегородской губ. 232
Сердобский, Саратовской губ. 231

ГОРОДА:

Андижан 44, 45
Архангельск 32, 102
Астрахань 212, 226, 236
Баку 13, 37, 58, 236
Батум 37
Белгород 282
Брянск 291
Варшава 15, 40
Великие Луки 91
Винница 291
Владивосток 31, 102
Владикавказ — *Орджоникидзе* 206, 241
Вологда 32, 56, 236
Воронеж 231
Выборг 106, 246
Гатчина — *Красновардейск* 85

Гельсингфорс 106, 166, 246, 252, 253
Гомель 284
Гровный 176, 178, 244
Екатеринбург — *Свердловск* 37, 236, 238
Екатеринослав — *Днепропетровск* 37, 106, 150, 214, 236
Житомир 231
Жлобин 284
Иваново-Вознесенск — *Иваново* 106, 175
Казань 42, 106, 178, 242, 283, 293
Калуга 291, 293
Катта-Курган 44
Киев 37, 51, 127, 128, 175, 278, 283, 291
Ковров 175
Козлов — *Мичуринск* 231
Кострома 37, 175
Красное село — *Красный город* 166
Красноярск 240
Кронштадт 106, 162, 168, 170, 179, 253, 254, 257
Курск 226
Кутаис 37
Либава 15
Луга 206
Луганск 106, 107
Минск 236, 259, 298
Могилев 200, 202, 274, 277, 278, 284, 291
Нарым 37, 102
Несвиж 259
Нижний Новгород — *Горький* 37, 56, 58, 79, 149, 150, 175, 212, 231
Николаев 258, 259, 288
Новгород 72
Новочеркасск 201, 284
Одесса 246, 278
Омск 226, 269
Ораниенбаум 166, 292
Орехово-Зуево 107, 149, 236, 238
Орша 284
Павловск — *Слуцк* 293
Павловский посад 231
Пенза 107, 231
Петергоф 160
Полоцк 91
Псков 75, 77, 84, 85, 92, 204, 276
Ревель — *Таллин* 260
Рига 15, 175, 197, 200, 207, 246, 248, 269
Ростов 175
Самара — *Куйбышев* 37, 79, 100
Самарканд 243
Саратов 37, 79, 106, 178, 231
Севастополь 27, 196, 253, 254
Симферополь 243
Смоленск 37, 284, 291
Сормово 79
Тамбов 231
Ташкент 269, 293
Тверь — *Калинин* 37, 79
Терийоки 169
Тифлис 37
Томск 37, 178
Троицк 150
Тула 37, 220
Туруханск 60, 102
Уфа 106
Харьков 37, 106, 225, 238
Харьковские заводы:
«Гердах и Пульст» 239
«Гельферих - Саде» — *механический завод «Серп и молот»* 239
Харьковский паровозостроительный завод — *Харьковский паровозостроительный завод имени Коминтерна* 239
Херсон 226
Царицын — *Сталинград* 37, 178
Царское село — *Детское село* 57, 75, 293, 295
Чернигов 51
Шуя 175
Эрзерум 15
Ярославль 175

МЕСТЕЧКИ, ВОЛОСТИ, ДЕРЕВНИ:

Александровка 87
Бритковка 260
Ведено 244
Греческая 224
Дубровка 204
Душеверы 195
Животинное 231
Здвижино 141
Ижорский завод 92
Катверская волость 260
Ликино 236
Позендорфская волость 260
Рубяжевичи 255
Тешелиха 141
Хасав-Юрт 244
Ярославка 231

ФРОНТЫ, АРМИИ И ВОЙСКОВЫЕ СОЕДИНЕНИЯ:

Ставка

Ставка 26, 57, 62, 63, 70, 72, 73, 75, 76, 92, 139, 140, 141, 194, 195, 197, 199, 200, 201, 207, 269, 277, 278, 279, 280, 281, 283, 284, 285, 287, 288, 289, 291, 292

Фронты:

Западный фронт . . 12, 63, 91, 245, 246, 251, 255, 256, 259, 261, 273, 274, 276
Кавказский фронт 273, 277, 287
Румынский фронт . . 143, 246, 247, 252, 260, 273, 274, 276, 288, 290, 291, 292
Северо-западный фронт 12, 28
Северный фронт 34, 58, 63, 75, 240, 247, 248, 249, 250, 252, 260, 261, 271, 273, 274, 276, 278, 293, 295
Юго-западный фронт 91, 142, 143, 192, 193, 194, 219, 246, 247, 250, 273, 274, 276, 288, 291, 292

Армии:

2-я армия 250, 255, 256, 259
3-я армия 250, 256, 261
4-я армия 250
5-я армия 166, 247, 249
6-я армия 168, 279
7-я армия 140, 142, 247, 260, 282
8-я армия 142, 192, 193, 195
9-я армия 250, 288
10-я армия 142, 281
11-я армия 120, 140, 142, 194, 250, 260
12-я армия 179, 245, 250, 260, 279
Особая армия 247, 260

Корпуса:

XIII корпус 12
XVI корпус 12
XVIII армейский корпус 288
XXV корпус 193
XXXV армейский корпус 256
XLI корпус 260
I Кавказский конный корпус 201
II Кавказский корпус 142
I Сибирский корпус 142
III Сибирский корпус 255

III конный корпус 200, 201, 205
II гвардейский корпус 289
Польский корпус 282, 284

Дивизии:

3-я гвардейская дивизия 266
1-я гвардейская кавалерийская дивизия 241
8-я пехотная дивизия 144
37-я пехотная дивизия 250, 288
43-я пехотная дивизия 250
48-я дивизия 192
74-я дивизия 260
116-я дивизия 250
126-я дивизия 247
166-я дивизия 250
5-я Кавказская дивизия 260
18-я Сибирская стрелковая дивизия 261
14-я кавалерийская дивизия 166
5-я Донская казачья дивизия 291
6-я Донская казачья дивизия 291
7-я Донская казачья дивизия 291
Донская казачья дивизия 206
«Дикая дивизия» — Особая туземная дивизия . . 201
Конная казачья дивизия 201
Польская стрелковая дивизия 282
Чехо-словацкая дивизия 278

Бригады:

1-я латышская бригада 248, 249
1-я гвардейская резервная бригада 292
1-я самокатная бригада 295

Полки:

Полки 1-й гвардейской дивизии:

Преображенский полк 67, 144
Семеновский полк 66, 289
Измайловский полк 72, 144, 295
Егерский полк 77

Полки 2-й гвардейской дивизии:

Московский полк 67, 164
Павловский полк 64, 144
Финляндский полк 99, 116, 144, 293

Полки 3-й гвардейской дивизии:

Литовский полк 67, 72
Кексгольмский полк 72
Волынский полк 64, 66, 77

Гренадерские полки:

2-й гренадерский полк 255
3-й гренадерский полк 255
6-й гренадерский полк 255

Стрелковые полки:

16-й Сибирский полк 168
70-й стрелковый полк (Сибирский) 261
6-й Финляндский полк 139, 140
12-й Туркестанский стрелковый полк 255
24-й Туркестанский стрелковый полк 255
25-й Туркестанский стрелковый полк 255
53-й Сибирский стрелковый полк 260

Пехотные полки:

31-й Алексеевский полк 144
107-й полк 255
117-й Выборгский полк 166
180-й полк 116
181-й полк 52
408-й пехотный Кузнецкий полк 84
527-й Белебеевский полк 257
712-й пехотный Салтыково-невский полк 260
Царевский полк 85

Запасные части:

Запасный батальон лейб-гвардии Павловского полка 64
45-й пехотный запасный полк 258, 288
55-й пехотный запасный полк 118
131-й пехотный запасный полк 156
Польский запасный пехотный полк 282

Кавалерийские полки:

9-й кавалерийский полк 166

Казачьи полки:

1-й Донской казачий полк 62
4-й Донской казачий полк 62
14-й Донской казачий полк 166
17-й Донской казачий полк 291
1-й Оренбургский казачий полк 227, 291
4-й Сибирский казачий полк 291
1-й казачий полк 166
7-й казачий полк 291

Прочие полки:

1-й пулеметный полк 165
2-й пулеметный полк 257
1-й Российский ударный полк 278
Особый украинский имени Богдана Хмельницкого полк 288
1-й железнодорожный полк 77

Батальоны:

4-й самокатный батальон 260
1-й Петроградский женский батальон 293, 295
Киевский георгиевский батальон 257, 277

Дивизионы:

Броневой автомобильный дивизион 292, 295
9-й броневой автомобильный дивизион 154

Дружины:

648-я дружина 260

Военные училища и школы прапорщиков:

Михайловское артиллерийское училище . . . 116, 295
Владимирское военное училище 166
1-я Ораниенбаумская школа прапорщиков 293
2-я Ораниенбаумская школа прапорщиков . . 293, 295
1-я Петергофская школа прапорщиков 293
2-я Петергофская школа прапорщиков . . 293, 295
3-я Петергофская школа прапорщиков 293

Германские корпуса и дивизии:

XI стрелковый корпус 12
Гвардейский резервный корпус 12
2-я кавалерийская дивизия 12

Балтийский флот 52, 170, 205, 252, 253
Черноморский флот 253, 258, 288

«Петропавловск», линейный корабль . . . 170, 246
«Республика», линейный корабль 170
«Ростислав», линейный корабль 253
«Слава», линейный корабль 170
«Память Меркурия», крейсер 233

ЖЕЛЕЗНЫЕ ДОРОГИ:

Московско-казанская ж. д. 218, 219
Мурманская ж. д. — *Кировская эк. д.* 31
Сызрано-вяземская ж. д. — *Западные эк. д.* . . 236
Дно — станция Октябрьской ж. д. 75

МОРЯ И РЕКИ:

Даго, остров 248
Эзель, остров. 248
Балтийское море 31, 40, 246
Каспийское море 40
Черное море 31, 40, 246
Амур, река 226
Волга, река 42
Днепр, река 226, 291
Дон, река 278, 281, 284, 285

ИНОСТРАННЫЕ ГОСУДАРСТВА И УПОМИНАЕМЫЕ В НИХ ПУНКТЫ:

Австрия 15, 30, 31, 55, 63, 97
Австро-Венгрия 30, 33
Америка, США — Соединенные штаты Америки 30, 31, 32, 48, 139, 187
Англия 14, 15, 30, 31, 32, 53, 54, 95, 99, 139, 169, 192, 211, 217, 218, 285
Берлин 48, 96
Восточная Пруссия 12, 15
Галиция 14, 15, 20, 40, 55, 192
Германия 11, 13, 14, 15, 24, 30, 31, 39, 48, 53, 54, 55, 56, 63, 96, 97, 98, 99, 100, 112, 113, 139, 143, 168, 181, 199, 280, 282, 283
Дания 112
Ирландия 48
Италия 30, 31, 53
Китай 40, 108, 187
Константинополь . . 14, 15, 40, 55, 74, 93, 127, 192
Корея 40
Крупп заводы 27
Латвия 40, 127
Лондон 54
Лиссе 15, 192
Манчжурия 40
Месопотамия 74
Норвегия 93, 98
Париж 11, 12, 22, 24, 90
Перемышль 15
Персия 108
Порт-Артур 27
Рим 46
Румыния 15, 31, 57
Салоники 277
Северная Персия 46
Сиам 54
Сирия 74
Стокгольм 55, 98
Турецкая Армения 46
Турция 15, 31, 93, 108
Франция 11, 12, 15, 30, 31, 32, 48, 53, 54, 95, 98, 107, 135, 139, 169, 188, 277
Швейцария. 60, 93, 95, 97, 98
Швеция 43, 93, 98
Япония 18, 27, 30

ДАТЫ ВАЖНЕЙШИХ СОБЫТИЙ.

1917 г.

5 января.
На Выборгской стороне в Петрограде многочисленные собрания рабочих, на которых большевики призывали к однодневной забастовке в день 9 января.

6 января.
Опубликование указа Николая II об отсрочке занятий Государственной думы и Государственного совета до 14 февраля.

7 января.
Обращение Петербургского и Московского комитетов большевиков с призывом к забастовке и антивоенным демонстрациям в день 9 января.

9 января.
Доклад Ленина на собрании молодежи в Цюрихе (Швейцария) о революции 1905 г.
Грандиозные демонстрации, митинги и забастовки под руководством большевиков в Петрограде, Москве, Нижнем Новгороде и других городах.

18 января.
Объявление Германией неограниченной подводной войны.
Политическая забастовка на нефтяных промыслах в Баку.

27 января.
Арест царским правительством 11 членов рабочей группы Центрального военно-промышленного комитета (меньшевиков Гвоздева, Бройдо и др.).

1 февраля.
Подписание секретного соглашения между Россией и Францией о целях войны.

6 февраля.
Приказ царского правительства о выделении Петроградского военного округа из Северного фронта в особую единицу с подчинением его генерал-лейтенанту Хабалову.
Призыв Центрального комитета большевиков к демонстрации 10 февраля — в годовщину суда над большевистской фракцией IV Государственной думы.

10 февраля.
Центральный комитет большевиков постановил провести 14 февраля — в день открытия Государственной думы — демонстрацию под большевистскими лозунгами.

14 февраля.
Открытие сессии Государственной думы. Политическая забастовка в Петрограде по призыву Центрального комитета большевиков, охватившая около 60 предприятий. Демонстрации по городу под большевистскими лозунгами: «Долой самодержавие», «Долой войну».

18 февраля.
Начало забастовки на Путиловском заводе в Петрограде.

22 февраля.
Дирекцией Путиловского завода объявлен локаут. Двадцатитысячная демонстрация путиловских рабочих.
Николай II выехал из Царского села в Ставку.

23 февраля.
Международный день работницы. По призыву Петербургского комитета большевиков бастовало около 90 тысяч рабочих. Грандиозные демонстрации рабочих. Столкновения с полицией. Вечером большевистский комитет Выборгского района постановил: забастовку продолжать и превратить ее во всеобщую.

24 февраля
В Петрограде бастует около 200 тысяч рабочих. Демонстрации под лозунгами «Хлеба», «Долой царя» разрастаются. Отдельные случаи неповиновения войск. Постановление бюро Центрального комитета партии большевиков о вовлечении солдат в активную борьбу.

25 февраля.
Всеобщая забастовка в Петрограде.
Арест пяти членов Петербургского комитета большевиков. Руководство борьбой перешло в руки Выборгского комитета.

26 февраля.
Указ царя о роспуске Государственной думы.
Манифест Петербургского комитета большевиков с призывом к созданию Временного революционного правительства.
Большевики на заводах и в районах призывают к созданию советов.

27 февраля
Свержение самодержавия. Массовый переход войск на сторону восставших. Образование Петроградского совета рабочих депутатов. Создание Временного исполнительного комитета Государственной думы.

ДАТЫ ВАЖНЕЙШИХ СОБЫТИЙ.

28 февраля.
Отъезд царя из Ставки в Царское село.
Арест царских министров.
В Москве всеобщая политическая забастовка.
Московское бюро Центрального комитета большевиков выпустило прокламацию с призывом поддержать революцию.
Образование Московского совета рабочих и солдатских депутатов.

1 марта.
Первое объединенное заседание Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов.
Издание Петроградским советом приказа № 1.
Переход гарнизона на сторону рабочих в Твери и Нижнем Новгороде.
Объединенное заседание Временного комитета Государственной думы с представителями Петроградского совета по вопросу об организации власти

2 марта
Образование Временного правительства под председательством князя Львова.
Посылка Временным правительством в Псков к царю А. И. Гучкова и В. В. Шульгина с целью добиться у Николая II отречения от престола в пользу его сына Алексея.
Назначение Николаем II великого князя Николая Николаевича верховным главнокомандующим.
Отречение Николая II от престола в пользу Михаила.

3 марта.
Отречение Михаила Романова.

4 марта
Ленин написал «Набросок тезисов» — оценка перспектив развития русской революции и задачи большевистской партии. Постановление Центрального комитета большевиков о возобновлении издания газеты «Правда».
Присоединение матросов Балтийского флота и солдат Кронштадта, Свеаборга и Гельсингфорса к революции. Убийство адмиралов Вирена и Непенина.

5 марта.
Вышел первый номер большевистской газеты «Правда».

7 марта.
Ленин написал первое «Письмо из далека».
Постановление Временного правительства об аресте Николая Романова.
В Москве вышел первый номер большевистской газеты «Социал-демократ».
I съезд белорусских националистических организаций.

8 марта.
Арест Николая II.

9 марта.
Признание Временного правительства Соединенными штатами Америки.
Опубликование постановления Временного правительства о привлечении к уголовной ответственности крестьян Казанской губернии за выступления против помещиков.

10 марта.
При Петербургском комитете большевиков образована комиссия по созданию большевистских военных организаций.

11 марта.
Признание Временного правительства Францией, Англией и Италией.

12 марта.
Возвращение Сталина из ссылки в Петроград.
Постановление Временного правительства об отмене смертной казни.

14 марта.
В «Правде» № 8 помещена статья Сталина «О советах рабочих и солдатских депутатов».
Ленин прочел в Цюрихе на собрании швейцарских рабочих доклад «О задачах РСДРП в русской революции».
Манифест Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов «К народам всего мира».

15 марта.
Опубликован протест Центрального комитета большевиков по поводу клеветнической кампании буржуазных газет против газеты «Правда».
В «Правде» № 9 опубликовано сообщение о вступлении в состав редакции «Правды» Сталина.
Забастовки в Москве с требованием 8-часового рабочего дня

16 марта.
В «Правде» № 10 помещена статья Сталина «О войне».
Телеграмма Милюкова русским дипломатическим представителям за границей о том, что русская революция ставит задачей довести войну до «победного конца».
Предложение большевистской фракции Московского совета о введении явочным порядком 8-часового рабочего дня
Образование в Финляндии коалиционного правительства из буржуазных партий и социалистов.

17 марта.
Опубликование декларации Временного правительства к крестьянам с призывом не чинить самочинных захватов помещичьей земли.

18 марта.
В газете «Правда» опубликована статья Сталина «Об условиях победы русской революции».

19 марта.
Возвращение из сибирской ссылки в Петроград большевиков — депутатов IV Государственной думы.
Открытие I Всероссийского торгово-промышленного съезда в Москве.

21 марта.
Поражение русских войск на Западном фронте у реки Стоход.
Московское губернское учредительное собрание крестьян высказалось за немедленную приостановку покупки и продажи земли.

23 марта
I Всероссийский съезд казачества в Петрограде.
Начало аграрных волнений в Симбирской, Бессарабской и других губерниях.

24 марта.
Объявление Соединенными штатами Америки войны Германии.

26 марта.
Опубликование резолюции бюро Центрального комитета партии большевиков о Временном правительстве, о войне и о мире.

27 марта.
Декларация Временного правительства о готовности совместно с союзниками вести войну до «победного конца».

29 марта.
Открытие Финляндского сейма в Гельсингфорсе.
Открытие Всероссийского совещания советов рабочих и солдатских депутатов в Петрограде.

31 марта
Приезд в Петроград французских социалистов Мутэ, Кашена, Лафона и членов английской рабочей партии О'Грэди и Торна.

2 апреля.
Назначение генерала Алексеева верховным главнокомандующим.

3 апреля.
Приезд Ленина в Петроград из-за границы. Первое выступление его в России на площади у Финляндского вокзала.
Начало наступления на Западном фронте французского генерала Нивелл в районе реки Эн, окончившегося поражением французской армии с огромным количеством жертв.
Закрытие Всероссийского совещания советов рабочих и солдатских депутатов.
Забастовка 300 тысяч берлинских и лейпцигских рабочих, работающих на оборону.

3—4 апреля.
I Московская общегородская конференция большевиков. Принятие резолюции об организации «вооруженной народной милиции».

4 апреля.
Доклад Ленина «О задачах пролетариата в данной революции» («апрельские тезисы») на собрании большевиков, членов Всероссийского совещания советов рабочих и солдатских депутатов.

5 апреля.
Забастовка рабочих металлообрабатывающей промышленности в Гельсингфорсе.

6 апреля.
Организация Центральной рады на Всеукраинском национальном конгрессе в Киеве.

7 апреля.
Опубликование в «Правде» «апрельских тезисов» Ленина.
Открытие фронтового съезда военных и рабочих депутатов армии и тыла Западного фронта.
Открытие I губернского съезда крестьянских депутатов в Минске под председательством М. В. Фрунзе.

8 апреля.
Приезд в Россию французского министра труда Альбера Тома.
Распоряжение министра-председателя Временного правительства князя Львова о подавлении крестьянских волнений военной силой.

10 апреля.
Выступление Ленина на солдатском митинге в Семеновском полку.

11 апреля.
Опубликование закона Временного правительства «Об охране посевов», гарантировавшего помещикам охрану их земли и хлеба.

14 апреля.
В «Правде» № 32 помещена статья Сталина «Землю крестьянам».
Петроградская общегородская конференция большевиков. Доклад Ленина о текущем моменте.
Собрание Петроградского районного комитета большевиков приняло решение о немедленной организации Красной гвардии.
На заседании Московского комитета большевиков принято решение организовать Красную гвардию.

15 апреля.
Выход первого номера газеты «Солдатская правда».
II общегородская Московская конференция большевиков.
На Петроградской конференции принята резолюция, предложенная Лениным, об отношении к Временному правительству.

16 апреля.
Демонстрация солдат и матросов в Петрограде против травли Ленина и большевиков.

17 апреля.
Открытие Финляндского областного съезда советов рабочих, солдатских и матросских депутатов в Выборге.
I Московская окружная конференция большевиков.

18 апреля.
Нота Милюкова союзникам о готовности Временного правительства вести войну до «победного конца».

19 апреля.
Открытие I Московской областной конференции большевиков Центрально-промышленного района.

20 апреля.
Митинги и демонстрации против ноты Милюкова с требованием отставки Милюкова.

21 апреля.
Опубликование Временным правительством положения о земельных комитетах.

22 апреля.
Первое «частное совещание» членов Государственной думы.

23 апреля.
Опубликование Временным правительством положения об учреждении в промышленных заведениях рабочих комитетов.
Предварительное совещание участников Всероссийской конференции большевиков.
Начало переговоров о созыве международной Стокгольмской социалистической конференции.

24 апреля.
Открытие Всероссийской апрельской конференции большевиков в Петрограде. Доклад Ленина по текущему моменту. В прениях выступает Сталин.

25 апреля.
На заседании Апрельской конференции по предложению Ленина принимается резолюция об отказе от участия в Стокгольмской конференции.

27 апреля.
Апрельская конференция. Доклад Ленина о войне. Принятие резолюций о войне и об отношении к Временному правительству.
III чрезвычайный съезд представителей совета съездов биржевой торговли и сельского хозяйства в Петрограде.

Письмо князя Львова к Чхеидзе о введении представителей совета рабочих и солдатских депутатов в правительство.

28 апреля.
Апрельская конференция. Доклад Ленина по аграрному вопросу.
Совещание делегатов от 82 петроградских заводов и 26 партийных большевистских организаций по вопросу о рабочих отрядах.
Постановление Выборгского совета рабочих и солдатских депутатов о преобразовании милиции в «рабочую гвардию».

29 апреля.
Апрельская конференция. Доклад Сталина по национальному вопросу. Заключительная речь Ленина при закрытии конференции.

В «Правде» опубликован «Проект устава рабочей гвардии».

30 апреля
Отставка военного министра Гучкова.

1 мая.
Исполнительный комитет Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов постановил делегировать в правительство четырех своих представителей.
Открытие I съезда советов Дальнего Востока.
Открытие в Москве Всероссийского съезда мусульман.

2 мая
Переговоры представителей соглашательских партий исполнительного комитета Петроградского совета с Временным правительством об образовании коалиционного министерства.

3 мая.
Отставка министра иностранных дел Милюкова.
Нота министра иностранных дел Терещенко союзникам о целях войны.
Открытие Всероссийского съезда крестьянских депутатов в Петрограде.

5 мая.
Образование коалиционного Временного правительства.
Декларация Временного правительства союзникам с извещением, что оно не будет заключать сепаратного мира.
Открытие I Украинского войскового съезда в Киеве.

7 мая.
Открытое письмо Ленина к делегатам Всероссийского съезда крестьянских депутатов.
Общероссийская конференция меньшевиков. Принята резолюция о полной и безусловной поддержке Временного правительства.
Общегородская конференция объединенных социал-демократов («межрайонцев»). Принята резолюция против коалиционного министерства.
Открытие Всероссийского офицерского съезда в Петрограде.

9 мая.
Открытие VIII съезда партии кадетов в Петрограде.

11 мая.
Ответ Англии на ноту Терещенко от 3 мая.

12 мая.
Ответ Соединенных штатов Америки на ноту Терещенко от 3 мая.

13 мая.
Ответ Франции на ноту Терещенко от 3 мая.

15 мая.
На Северном фронте вышел первый номер большевистской газеты «Окопная правда».

16 мая.
Постановление съезда комиссаров Юго-западного фронта о необходимости пополнить фронт добровольческими формированиями
Соединенные штаты Америки предоставили Временному правительству кредит в 100 миллионов долларов.

18 мая.
Предложение генерала Деникина о формировании ударных частей.

20 мая.
Учредительное собрание Всероссийского союза земельных собственников, состоявшееся в Москве.

21 мая.
Конференция в Лидсе английской рабочей партии и тред-юнионов приняла резолюции о созывании рабоче-крестьянских советов и о мире без аннексий и контрибуций.

22 мая.
Доклад Ленина по аграрному вопросу на I Всероссийском съезде крестьянских депутатов.
Назначение генерала Брусилова верховным главнокомандующим вместо Алексеева.

25 мая.
Открытие III Всероссийского съезда партии социалистов-революционеров, состоявшегося в Москве.

28 мая.
Открытие в Киеве Всеукраинского крестьянского съезда.

31 мая.
Центральный комитет большевиков принял резолюцию о лозунге «вся власть советам».
Петроградская конференция фабрично-заводских комитетов приняла резолюцию Ленина о мерах борьбы с хозяйственной разрухой.

3 июня.
Открытие I Всероссийского съезда советов рабочих и солдатских депутатов.

4 июня.
Выступление Ленина на Всероссийском съезде советов рабочих и солдатских депутатов по вопросу об отношении к Временному правительству.

6 июня.
Открытие II Всеукраинского войскового съезда в Киеве.
Делегатское собрание судовых команд Черноморского флота потребовало отставки командующего Черноморским флотом адмирала Колчака.

7 июня.
Открытие Всероссийского казачьего съезда в Петрограде.

9 июня.
Выступление Ленина на I Всероссийском съезде советов по вопросу о войне.
Запрещение I Всероссийским съездом советов назначенной большевиками на 10 июня мирной демонстрации.

13 июня.

В газете «Солдатская правда» опубликована статья Сталина «Кризис революции».

15 июня.

Отправка на Кавказ на фронт двух наиболее революционных полков.

Организация Генерального секретариата — исполнительного органа Центральной украинской рады.

16 июня.

Приказ Керенского по армии и флоту о наступлении.

Открытие Всероссийской конференции фронтовых и тыловых военных организаций большевиков, состоявшейся в Петрограде.

18 июня.

Начало наступления русской армии на фронте. Массовые демонстрации в Петрограде, Москве и других городах под большевистскими лозунгами: «Долой министров-капиталистов», «Вся власть советам».

19 июня.

Избрание Каледина атаманом войска донского.

Буржуазная демонстрация в Петрограде по поводу наступления русской армии.

21 июня.

Учреждение Экономического совета и Главного экономического комитета при Временном правительстве.

22 июня

Объединенное заседание Центрального комитета, Петербургского комитета и военной организации большевиков высказалось против немедленного вооруженного выступления.

26 июня.

Постановление Временного правительства о нормировании потребления хлебных продуктов.

Воззвание министра труда Скобелева к рабочим с призывом не чинить «самочинных действий».

1 июля.

Открытие II общегородской конференции большевиков в Петрограде.

Делегация Временного правительства в составе Керенского, Церетели и Терещенко подписала в Киеве соглашение с Центральной украинской радой.

2 июля.

Выход министров-кадетов из состава Временного правительства.

3 июля.

На совместном заседании ротных и полковых комитетов 1-го пулеметного полка поставлен на обсуждение вопрос о вооруженном восстании.

Выступление Сталина на заседании Центрального исполнительного комитета советов с заявлением от имени Центрального комитета большевиков и Петроградской конференции о том, что партия большевиков высказывается против немедленного вооруженного выступления.

Забастовки, грандиозные демонстрации рабочих и солдат под большевистскими лозунгами в Петрограде.

Около 10 часов вечера собрание делегатов общегородской конференции, членов Центрального комитета большевиков и представителей воинских частей и заводов приняло резолюцию об участии в мирной демонстрации 4 июля под лозунгом «Вся власть советам».

4 июля.

Мощные рабочие демонстрации в Петрограде под большевистскими лозунгами с участием воинских частей и матросов, прибывших из Кронштадта.

Английский посол в Петрограде Бьюкенен требует восстановления закона о смертной казни и расправы с участниками июльской демонстрации.

Демонстрация рабочих и отдельных частей гарнизона в Москве.

Расстрел демонстрации в Петрограде.

5 июля

Закрытие Временным правительством большевистских газет «Правда», «Окопная правда» и «Солдатская правда». Разгром юнкерами типографии и редакции «Правды»

Иваново-Вознесенский совет рабочих и солдатских депутатов вынес постановление с требованием передачи всей власти советам.

6 июля.

Приказ Временного правительства об аресте Ленина

Переход Владимира Ильича на нелегальное положение.

Выход «Листка правды».

В Иваново-Вознесенске грандиозная демонстрация рабочих и солдат местного гарнизона.

Забастовка металлистов в Москве.

Немецкое контрнаступление на русском фронте — прорыв русского фронта под Тарнополем.

7 июля.

Постановление Временного правительства о расформировании воинских частей, участвовавших в событиях 3—4 июля.

Приказ Временного правительства о роспуске Центрального исполнительного комитета моряков Балтийского флота.

Отставка министра-председателя князя Львова.

8 июля.

Утверждение Временным правительством Керенского министром-председателем.

9 июля

Открытие Московской окружной конференции большевиков.

11 июля.

В газете «Рабочий и солдат» опубликовано воззвание общегородской Петроградской конференции большевиков, написанное Сталиным: «Ко всем трудящимся, ко всем рабочим и солдатам Петрограда».

Занятие немцами Тарнополя.

12 июля.

Восстановление Временным правительством смертной казни на фронте.

Постановление Временного правительства об ограничении земельных сделок.

14 июля.

Открытие Всероссийского съезда земельных собственников.

15 июля.

Открытие I железнодорожного съезда, состоявшегося в Москве.

16 июля.

Экстренная общегородская конференция петроградской организации большевиков.

18 июля.
Финляндский сейм провозгласил себя носителем верховной власти. Постановление Временного правительства о роспуске сейма.
Назначение генерала Корнилова верховным главнокомандующим вместо Брусилова.

21 июля.
Открытие II Московской областной конференции большевиков.
Открытие совместного совещания Временного правительства с центральными комитетами буржуазных и мелкобуржуазных партий. Предоставление Керенскому права по своему усмотрению составить кабинет.

23 июля.
Выход первого номера большевистской газеты «Рабочий и солдат».
Открытие IX съезда кадетской партии.

24 июля.
Сформирование второго коалиционного Временного правительства под председательством Керенского.

26 июля.
Открытие VI съезда партии большевиков.
Заседание Экономического совета. Признание за предпринимателями права на применение локаутов.

27 июля.
VI съезд большевиков — политический отчет Центрального комитета — доклад Сталина.
Организация по приказу Корнилова добровольческого Польского корпуса под руководством генерала Довбор-Мусницкого.

28 июля.
Постановление Временного правительства, предоставившее военному министру и министру внутренних дел право запрещать собрания и съезды.

30 июля.
VI съезд большевиков — доклад Сталина о политическом положении.

31 июля.
VI съезд большевиков — заключительное слово Сталина по докладу о политическом положении.
Открытие в Москве Всероссийского съезда крестьянского союза.
Начало всеобщей забастовки в Испании.

1 августа.
Ссылка Николая Романова с семьей в Тобольск.
Всеобщая забастовка в Гельсингфорсе.

2 августа.
VI съезд большевиков — принятие устава партии.

3 августа.
Вручение Корниловым Керенскому своей программы.
Открытие II Всероссийского торгово-промышленного съезда, состоявшегося в Москве.

6 августа.
Первая сессия рады белорусских националистических организаций.
Постановление Центрального исполнительного комитета советов об отсрочке выборов в Учредительное собрание.

7 августа.
Всеобщая стачка рабочих резиновой промышленности в Москве.
Открытие II Петроградской конференции фабрично-заводских комитетов.

9 августа.
Постановление Московского окружного комитета большевиков об организации массовых протестов в день открытия Московского государственного совещания.

10 августа.
Закрытие большевистской газеты «Рабочий и солдат».

11 августа.
Массовый протест московских рабочих против созыва Государственного совещания.
Принятие Временным правительством программы Корнилова от 3 августа.

12 августа.
Открытие Государственного совещания в Москве.
Всеобщая забастовка в Москве в день открытия Государственного совещания.
Одновременные забастовки протеста против Московского государственного совещания в Киеве, Костроме и многих других городах.
Приказ Корнилова о сформировании на каждом фронте особых заградительных полков из георгиевских кавалеров.

13 августа.
Выход первого номера большевистской газеты «Пролетарий».
Опубликование манифеста VI съезда партии большевиков.
Приезд в Москву на Государственное совещание генерала Корнилова.

16 августа.
В газете «Пролетарий» № 3 опубликовано письмо Ленина с резкой критикой оппортунистического выступления Каменева во Всероссийском центральном исполнительном комитете советов 5 августа по поводу Стокгольмской конференции.

17 августа.
В газете «Пролетарий» № 4 напечатана статья Сталина «Итоги совещания».

18 августа.
В газете «Пролетарий» № 5 напечатаны статьи Сталина: «О причинах польского поражения на фронте» и «Правда о поражении на фронте».
Резолюция Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов против смертной казни.
Совещание в Ставке по вопросу о провозглашении военной диктатуры.

19 августа.
Прорыв немцами Рижского фронта.
Открытие в Петрограде объединенного съезда РСДРП (меньшевиков, объединенцев и «внефракционных»).

20 августа.
Приказ Ставки об оставлении Рижского района.

21 августа.
Сдача Корниловым Риги германским войскам.

23 августа.
Открытие III Циммервальдской конференции в Стокгольме.
Всеобщая забастовка в Италии под лозунгом «Хлеба и мира». Кровавые столкновения итальянских рабочих с войсками.

24 августа.
Переговоры Савинкова с Корниловым об отправке конного корпуса в Петроград.
Закрытие большевистской газеты «Пролетарий».

25 августа.
Выход первого номера большевистской газеты «Рабочий»
Начало движения корниловских войск на Петроград.

26 августа.
Призыв Центрального комитета большевиков к организации рабочих дружин в Петрограде, Москве и других городах.

28 августа.
Отставка министров-кадетов.

30 августа.
Письмо Ленина в Центральный комитет большевиков о тактике партии в связи с корниловским восстанием.
Арест генерала Крымова. Ликвидация корниловского выступления.
Отставка Савинкова.
Назначение Керенского верховным главнокомандующим.

31 августа.
Принятие большевистской резолюции Петроградским советом.
Минские профсоюзные организации постановили организовать Красную гвардию.
В Вятке, Луганске и других городах организованы «комитеты охраны революции».
Самоубийство генерала Крымова.

1 сентября.
Образование директории в составе: Керенского, Никитина, Терещенко, Верховского и Вердеревского.
Провозглашение Временным правительством России республикой.
Открытие в Минске совещания большевиков области и фронта.
Приказ Керенского по армии и флоту о прекращении «самовольных» формирований отрядов под предлогом борьбы с контрреволюционными выступлениями.
Организация кронштадтской Красной гвардии.

3 сентября.
Выход первого номера большевистской газеты «Рабочий путь». Статья Сталина «Кризис и директория».

4 сентября.
Команда миноносца «Гневный» в своей резолюции потребовала перехода всей власти в руки советов.
Приказ Керенского о роспуске комитетов и организаций, созданных для борьбы с Корниловым.

5 сентября
В Красноярске открылся съезд советов средней Сибири, проходивший под большевистскими лозунгами
Призыв Московского совета рабочих и солдатских депутатов к борьбе за завоевание власти революционным пролетариатом и крестьянством. Постановление об организации Красной гвардии.
Пальчинский опубликовал обязательное постановление о регистрации к 20 сентября всего огнестрельного оружия.

8 сентября.
Рабочая секция Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов избрала большевистский президиум

10 сентября.
Назначение генерала Духонина начальником штаба верховного главнокомандующего.
Открытие III областного съезда советов Финляндии, прошедшего под большевистским руководством.
III Петроградская конференция фабрично-заводских комитетов.

10—14 сентября.
Ленин пишет брошюру «Грозящая катастрофа и как с ней бороться».

12 сентября.
Начало революционного выступления Ташкентского совета против Временного правительства.

12—14 сентября.
Ленин написал письмо Центральному, Петербургскому и Московскому комитетам партии: «Большевики должны взять власть».

13 сентября.
Крестьянские выступления в Кишиневской губернии

13—14 сентября.
Ленин написал письмо Центральному комитету партии большевиков: «Марксизм и восстание».

14 сентября.
Крестьянские выступления в Тамбовской губернии. Из Москвы послан для усмирения экспедиционный отряд.
Во всех районах Петрограда закончено создание отдельных штабов Красной гвардии.
Открытие Демократического совещания в Петрограде.

15 сентября.
Волнения среди солдат орловского гарнизона.
Телеграмма Керенского в Ташкент с уведомлением о высылке карательной экспедиции.
Открытие в Минске I Северо-западной областной конференции большевиков.

17 сентября.
Ленин переехал из Гельсингфорса в Выборг для установления более тесной связи с Петроградом.
В газете «Рабочий путь» № 13 напечатана статья Сталина «Вся власть советам»

19 сентября.
Избрание большевистского исполнительного комитета Московским советом рабочих депутатов.
Аграрные волнения в Татарском округе.

21 сентября.
Постановление Демократического совещания об организации Предпарламента.
Петроградским советом рабочих и солдатских депутатов принята резолюция против Демократического совещания.
Постановление Одесского совета рабочих и солдатских депутатов об организации Красной гвардии.
Центральный комитет Всероссийского железнодорожного союза постановил объявить с 12 часов ночи 23 сентября всеобщую забастовку.

22 сентября.
Закрытие Демократического совещания.
Центральный стачечный комитет железнодорожников объявил всероссийскую железнодорожную забастовку.
Открытие конгресса французской социалистической партии в Бордо.

24 сентября.
Заседание Центрального комитета большевиков с участием большевистских делегатов на Демократическом совещании.

В газете «Рабочий путь» № 19 напечатана статья Ленина «О героях подлога», посвященная Демократическому совещанию.

Открытие III Московской окружной конференции большевиков.

25 сентября.
Промышленники Донбасса постановили объявить локаут на всех предприятиях в ответ на требования рабочих.

Образование третьего и последнего коалиционного правительства.

26 сентября.
Воззвание Центрального комитета большевиков по поводу железнодорожной забастовки: «На помощь железнодорожникам».

27 сентября
В Баку началась общая забастовка рабочих нефтяной промышленности.

1 октября.
Ленин написал брошюру «Удержат ли большевики государственную власть?»

3 октября.
II съезд Балтийского флота потребовал немедленного удаления Керенского из рядов Временного правительства.

В разных городах страны забастовки, вызванные столкновением рабочих с предпринимателями.

4 октября.
В Курской, Пензенской и Рязанской губерниях крестьянские восстания.

5 октября.
Съезд латышских стрелков 12-й армии в Вендене, поддержанный пятитысячным митингом солдат и рабочих, единогласно постановил решительно бороться с контрреволюционным Временным правительством под лозунгом «Вся власть советам».

6 октября.
Конференция советов рабочих и солдатских депутатов Петроградской губернии, состоявшаяся в Кронштадте, приняла резолюцию об отказе в поддержке Временному правительству и о борьбе за власть советов.

7 октября.
В газете «Рабочий путь» № 30 напечатана статья Ленина «Кризис назрел».

8 октября.
Ленин написал статью «Советы постороннего».

9 октября.
Многотысячный митинг рабочих Обуховского завода вынес требование о свержении буржуазного правительства и создании советской власти.

10 октября.
Заседание Центрального комитета РСДРП (большевиков) с участием Ленина. Большинством всех голосов против двух (Каменева и Зиновьева) принята резолюция Ленина о постановке вооруженного восстания в порядок дня.

Избрано Политбюро из семи человек.

11 октября.
Открытие в Петрограде съезда советов Северной области.

12 октября.
Исполнительный комитет Петроградского совета вынес постановление об организации Военно-революционного комитета.

В Москве под председательством Родзянко открылось второе совещание «общественных деятелей».

13 октября.
Объявление о создании отдела рабочей гвардии при Петроградском совете.

14 октября.
В Минске в президиум исполнительного комитета совета рабочих и солдатских депутатов избраны исключительно одни большевики.

Указом Временного правительства ряд уездов Подольской губернии, охваченных крестьянскими восстаниями, объявлен на военном положении.

15 октября.
Ряд съездов советов в разных городах высказался за немедленный переход власти в руки советов.

16 октября.
Центральный комитет РСДРП (большевиков) с представителями партийных организаций обсуждал вопрос о вооруженном восстании. Принята резолюция, предложенная Лениным, о подготовке вооруженного восстания. Каменев и Зиновьев голосовали против предложения Ленина.

Избран практический центр по организационному руководству восстанием: Сталин, Свердлов, Дзержинский, Бубнов и Урицкий.

16—17 октября.
Лениным написано «Письмо к товарищам», в котором подвергнуты уничтожающей критике колебания Зиновьева и Каменева против восстания.

18 октября.
Предательство Зиновьева и Каменева — опубликование Каменевым в газете «Новая жизнь» № 156 заявления от своего имени и от имени Зиновьева о том, что они «в данных обстоятельствах» высказываются «против всякой попытки брать на себя инициативу вооруженного восстания».

Предупрежденное предателями Зиновьевым и Каменевым Временное правительство постановило принять меры против ожидающегося выступления большевиков.

Ленин написал «Письмо к членам партии большевиков» с разоблачением предательства Зиновьева и Каменева.

19 октября.
Разгром Калужского совета войсками Временного правительства. Большевистски настроенный калужский гарнизон оказал вооруженное сопротивление.

Ленин написал «Письмо в Центральный комитет РСДРП (большевиков)» с требованием исключить из партии Зиновьева и Каменева.

20 октября.
Ленин написал статью «Новый обман крестьян партией эсеров».

21 октября.
В Петрограде состоялось закрытое собрание большевиков при участии Ленина, на котором обсуждался вопрос о вооруженном восстании.

22 октября.

В Петрограде в «День Петроградского совета» грандиозные митинги подготовки к восстанию.

Крейсер «Аврора» получил распоряжение совета остаться в Петрограде.

23 октября.

Военно-революционный комитет назначил своих комиссаров при воинских частях и в особо важных пунктах Петрограда и его окрестностей.

Временным правительством постановлено закрыть газеты «Рабочий путь» и «Солдат» и немедленно арестовать большевиков, участников событий 3—4 июля.

24 октября.

Все юнкерские училища приведены в боевую готовность.

Временное правительство отдало приказ о расследовании деятельности Военно-революционного комитета.

«Аврора» получила распоряжение уйти из Петрограда.

Штаб военного округа опубликовал приказ об отстранении и предании суду комиссаров Военно-революционного комитета, назначенных в воинские части. Важнейшие пункты города заняты юнкерами. Разведены мосты, выключены телефоны Петроградского совета.

Военно-революционный комитет восстановил выпуск запрещенных Временным правительством газет «Рабочий путь» и «Солдат».

По приказу Военно-революционного комитета все воинские части приведены в боевую готовность.

В течение всего дня идет выдача оружия воинским частям и Красной гвардии из арсенала Петропавловской крепости.

Крейсер «Аврора» получил приказ Военно-революционного комитета о наводке мостов через Неву.

Военно-революционный комитет перешел в наступление.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

КАНУН БУРЖУАЗНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ ..... 11—60

1. ВОЙНА 11
2. РАЗРУХА 27
3. РАЗЛОЖЕНИЕ АРМИИ 36
4. ЦАРСКАЯ РОССИЯ — ТЮРЬМА НАРОДОВ 40
5. ДВА ЗАГОВОРА 48

*

ГЛАВА ВТОРАЯ.

ФЕВРАЛЬСКАЯ БУРЖУАЗНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ ..... 61—94

1. ВОССТАНИЕ В СТОЛИЦЕ 61
2. ПОБЕДА ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 66
3. ДВОЕВЛАСТИЕ 76
4. ВРЕМЕННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО В БОРЬБЕ ЗА ЕДИНОВЛАСТИЕ БУРЖУАЗИИ 84

*

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

ПРИЕЗД ЛЕНИНА ..... 95—100

1. ПОИСКИ ПУТИ В РЕВОЛЮЦИОННУЮ РОССИЮ 95
2. ЛЕНИН В ПЕТРОГРАДЕ 98

*

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

АПРЕЛЬСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ РСДРП (БОЛЬШЕВИКОВ) ..... 101—114

*

ГЛАВА ПЯТАЯ.

БОЛЬШЕВИСТСКАЯ ПАРТИЯ В БОРЬБЕ ЗА МАССЫ. 115—146

1. АПРЕЛЬСКАЯ ДЕМОНСТРАЦИЯ 115
2. КОАЛИЦИОННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО ЗА РАБОТОЙ 121
3. НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА. 127
4. ПЕРВЫЙ ВСЕРОССИЙСКИЙ СЪЕЗД СОВЕТОВ 131
5. ИЮНЬСКАЯ ДЕМОНСТРАЦИЯ 135
6. НАСТУПЛЕНИЕ РУССКИХ ВОЙСК НА ФРОНТЕ 139
7. РОСТ РЕВОЛЮЦИИ В АРМИИ 143

*

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

КРАСНАЯ ГВАРДИЯ ..... 147—158

1. ПРОЛЕТАРСКАЯ МИЛИЦИЯ 147
2. КРАСНАЯ ГВАРДИЯ В СТОЛИЦЕ 150

*

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

ИЮЛЬСКИЕ ДНИ ..... 159—176

1. ВЫСТУПЛЕНИЕ РАБОЧИХ В СТОЛИЦЕ 159
2. ИЮЛЬСКАЯ ДЕМОНСТРАЦИЯ В СТОЛИЦЕ 163
3. РАЗГРОМ ИЮЛЬСКОЙ ДЕМОНСТРАЦИИ 166
4. ПРОЛЕТАРИАТ ИЗЖИВАЕТ СОГЛАШАТЕЛЬСКИЕ ИЛЛЮЗИИ . 175

*

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

ШЕСТОЙ СЪЕЗД БОЛЬШЕВИСТСКОЙ ПАРТИИ ... 177—190

*

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

КОРНИЛОВЩИНА ..... 191—208

1. ПОДГОТОВКА ВОЕННОЙ ДИКТАТУРЫ 191
2. БУРЖУАЗИЯ НАЧИНАЕТ ГРАЖДАНСКУЮ ВОЙНУ 199
3. РАЗГРОМ ГЕНЕРАЛЬСКОЙ АВАНТЮРЫ 204

*

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

РАЗВАЛ ХОЗЯЙСТВА СТРАНЫ ..... 209—228

1. САБОТАЖ КАПИТАЛИСТОВ 209
2. ФИНАНСОВЫЙ КРАХ 215
3. РАССТРОЙСТВО ТРАНСПОРТА 217
4. ОБОСТРЕНИЕ АГРАРНОГО ДВИЖЕНИЯ 219
5. ГОЛОД НАДВИГАЕТСЯ 225

*

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПЛАТФОРМА БОЛЬШЕВИСТСКОЙ ПАРТИИ НАКАНУНЕ ПРОЛЕТАРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ ..... 229—234

1. ЛОЗУНГИ БОЛЬШЕВИКОВ 229

2. НАЦИОНАЛИЗАЦИЯ ЗЕМЛИ 231
3. РАБОЧИЙ КОНТРОЛЬ НАД ПРОИЗВОДСТВОМ 232
4. НАЦИОНАЛИЗАЦИЯ БАНКОВ И ТРЕСТИРОВАННОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ 234

★

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ.

НАРАСТАНИЕ РЕВОЛЮЦИОННОГО КРИЗИСА ... 235—244
1. НОВАЯ ВОЛНА ЭКОНОМИЧЕСКИХ И РЕВОЛЮЦИОННЫХ СТАЧЕК 235
2. КРЕСТЬЯНСКИЕ ВОССТАНИЯ В РОССИИ И РОСТ НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ НА ОКРАИНАХ. 240

★

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

АРМИЯ И ФЛОТ НАКАНУНЕ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ ..... 245—262
1. ФРОНТ ПЕРЕД ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИЕЙ 245
2. ПРЕДОКТЯБРЬСКИЕ ДНИ ВО ФЛОТЕ 252
3. БОЛЬШЕВИЗАЦИЯ АРМИИ 254

★

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

МАНЕВРЫ СОГЛАШАТЕЛЕЙ И ПЛАНЫ БУРЖУАЗИИ В СВЯЗИ С НАРАСТАНИЕМ РЕВОЛЮЦИИ. 263—272
1. ЭСЕРО-МЕНЬШЕВИКИ — ПОСЛЕДНЯЯ ОПОРА БУРЖУАЗИИ .. 263
2. БУРЖУАЗИЯ В БОРЬБЕ С НАРАСТАЮЩЕЙ РЕВОЛЮЦИЕЙ .. 267

★

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

РАССТАНОВКА БОЕВЫХ СИЛ КОНТРРЕВОЛЮЦИИ НАКАНУНЕ ВЕЛИКОЙ ПРОЛЕТАРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ ..... 273—295
1. БУРЖУАЗНЫЕ УДАРНЫЕ ОТРЯДЫ 273
2. ОФИЦЕРСКИЙ КОРПУС 279
3. БУРЖУАЗНЫЕ НАЦИОНАЛЬНЫЕ ФОРМИРОВАНИЯ 281
4. КАЗАКИ 284
5. КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ НАТРАВЛИВАЕТ ФРОНТ НА ТЫЛ 286
6. НАСТУПЛЕНИЕ КОНТРРЕВОЛЮЦИИ 289

★

УКАЗАТЕЛИ

ПЕРВОГО ТОМА «ИСТОРИИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ 299
ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ 315
ПРЕДМЕТНО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ 331
ДАТЫ ВАЖНЕЙШИХ СОБЫТИЙ 336

★

Технические редакторы тома: А. С. БУБНОВ,
И. И. МИНЦ,
А. И. СТЕЦКИЙ.

★

Руководство оформлением и подбором
иллюстративно-художественного материала — Н. П. МЯМЛИН.

Руководство издательской частью —
организация производственной и материальной базы — В. М. СОКОЛОВ.

Художественное оформление и наблюдение
за технологическими процессами на предприятиях — художник Н. В. ИЛЬИН.

Заведующий производственной частью — И. И. ЕРМОЛАЕВ.

Полиграфическое оформление — Л. Н. ЮРКЕВИЧ.

Наблюдение за цветной печатью — художник А. Н. ЛЕО.

Корректура под руководством — Е. И. КАЛЕНОВОЙ.

Снабжение материалами и бумагой — А. ЧЕРНЫХ и И. ФРЕНКЕЛЬ.

★

Организация производства по выпуску тиража на ленинградских предприятиях —
К. Ф. МАКУШЕВИЧ.

Наблюдение за выпуском тиража — Ю. Ф. СЛЕПЯН.

★

Заставки к главам тома работы художников — В. В. ЩЕГЛОВА и А. М. ЕРМОЛАЕВА.

Портреты в тексте глав «Апрельская конференция РСДРП (большевиков)» и «Шестой съезд большевистской партии» — работы художников И. В. КОСЬМИНА, П. В. МАЛЬКОВА, А. М. СОЛОВЬЕВА и П. М. ШУХМИНА.

Портреты на вкладках: «Центральный комитет, избранный на Апрельской конференции РСДРП (большевиков)» — работы художника А. М. СОЛОВЬЕВА; «Центральный комитет, избранный на VI съезде РСДРП (большевиков)» — работы художника Ф. К. ЛЕХТ.

★

Книга набрана, отпечатана и переплетена в Ленинграде во 2-Й ТИПОГРАФИИ ТРЕСТА «ПОЛИГРАФКНИГА» — «ПЕЧАТНЫЙ ДВОР» под наблюдением: директора типографии И. М. ПАХНОВА, технического директора М. М. КИСИЛЕВСКОГО, помощника начальника технического отдела И. И. КОВРЮКОВА, художника-полиграфиста Д. Л. ДВОСКИНА.

Наборные работы — под руководством К. В. ГРОШЕВА, Г. Л. ПРЖИМАНОВСКОГО, П. ГАВРИЛОВА и Г. Л. ГОРОДКО — выполнены наборщиками: Н. А. МАШЕВСКОЙ, А. Р. ПЕТРОВОЙ, Л. Н. БЕЛЫХ, А. В. СМИРНОВЫМ и Н. В. ДОРОФЕЕВЫМ.

Верстка и правка — наборщики: А. И. КИСЕЛЕВ, Т. П. КУДРЯШЕВ, А. С. ВЕСЕЛОВ, П. М. АЛЕКСЕЕНКО, И. А. ГРИГОРЬЕВ, И. А. ФОМИН, В. К. КОНДРАТЬЕВ и А. К. ГЕНДРИКОВ.

Печать — под руководством И. П. СИВКОВА, П. Г. КОСАРЕВА, Ф. И. НИКАНДРОВА — выполнена печатными мастерами: И. С. НИКОНОВЫМ, Д. Л. АВИЖАНСКИМ, А. П. МИХАЙЛОВЫМ, В. Г. ЛЕВАЛЬД, А. К. ШТЕЙНБРЕХЕР, К. КЮН, Э. ШУЛЬЦ, К. ИОРГЕНС, В. МИРМЕЙСТЕР.

Типографская корректура под наблюдением — И. Ш. СЛАДКИНА.

Брошюровка и переплет под руководством — М. Г. ПУГАЧА, И. С. БУХАРИНА, М. Ф. СЕМЕНОВА.

★

Формат и карты изготовлены в ЛИТОГРАФИИ имени ТОМСКОГО под наблюдением: директора литографии П. Н. СИМОНОВА, технического директора И. А. ТИНОВИЦКОГО, заведующего производством В. Г. МИКОЛАЙТИСА.

Гравировка — под руководством В. М. РОГОВА и А. П. НАЗАРОВА — выполнена Г. И. ЕНУКОВЫМ, С. П. БЕЛОВЫМ, В. Э. МОЧАНОВЫМ, В. В. МИКОЛАЙТИС и Н. Н. ПАНФИЛОВОЙ.

Переводы и печать — под руководством А. Д. ЛЕБЕДЕВА и Я. В. НАЗАРОВА — выполнены И. П. МЕДВЕДЕВЫМ, В. И. ЛЬВОВЫМ, В. А. ИВАНОВЫМ, В. Г. ЗАВЬЯЛОВЫМ и В. А. ВОРОНИНЫМ.

★

Трехцветные автотипии отпечатаны в ТИПОГРАФИИ имени ИВАНА ФЕДОРОВА под наблюдением директора типографии И. И. РОЩИНА и технического директора М. Ф. ЛАВРОВА.

Клише под руководством Я. М. Мартынова и А. Е. ГОРДИЛЕЙ выполнены А. О. КОТЭКОМ, А. Н. БЛОХИНЫМ, Г. В. ВЛАДИМИРОВЫМ и М. И. РАЕВЫМ; клише цветных вклеек между стр. 16—17, 24—25, 96—97, 152—153, 168—169, 176—177 изготовлены в Москве Н. В. БАРАБАНОВЫМ.

Печать — под руководством И. И. ИЗОТОВА и А. ОПАНКИНА — выполнена К. МАКАРОВЫМ, Н. СЕМЕНОВЫМ, Н. АРХИПОВЫМ, А. АРХИПОВЫМ, М. МОЗАЛЕВСКИМ, В. ПЕТРОВЫМ, Н. РЫБИНЫМ, П. САВЕЛЬЕВЫМ, В. КОЛНЕТ, В. БАГРОВЫМ.

Портрет И. В. СТАЛИНА по литографии выполнен под наблюдением П. Т. АНТОНОВА переводчиком С. В. ИВАНОВЫМ. Ретушь Р. ОМАНА.

★

Мецо-тинто изготовлены в Москве в 1-Й ОБРАЗЦОВОЙ ТИПОГРАФИИ ТРЕСТА «ПОЛИГРАФКНИГА».

Бумага для текста и карт изготовлена КРАСНОГОРОДСКОЙ БУМАЖНОЙ ФАБРИКОЙ.

Бумага на формат и паспарту изготовлена бумажной фабрикой имени ВОЛОДАРСКОГО в Ленинграде.

Бумага для цветной печати изготовлена и окрашена фабрикой «ГОЗНАК» в Ленинграде.

Ледерин для переплетов изготовлен щелковской фабрикой «СОЮЗТЕХНОТКАНЬ».

Краски для печати изготовлены на 3-М КРАСОЧНОМ ЗАВОДЕ в Ленинграде.

★

★

Сдано в набор 2 сент. 1935 г. Подписано к печати 14 окт. 1935 г. Формат бумаги 62 × 94¹/₁₆. 44 печ. листа. 29 авт. листов. 22 бум. листа. 74 720 зн. на один бум. лист. Гизлит Б-13099. Зак. 2002. Тираж 300 000.

★